

**ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ**

А. П. ЧЕХОВ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

*В двенадцати
томах*

Под общей редакцией
*В. В. ЕРМИЛОВА, К. Д. МУРАТОВОЙ,
Э. С. ПАПЕРНОГО, А. И. РЕВЯКИНА*

Государственное издательство
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1963

А. П. ЧЕХОВ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

Том одиннадцатый

ПИСЬМА

1877—1892

Государственное издательство
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1963

Примечания
Н. И. Гитович

Оформление художника
Н. ШИШЛОВСКОГО

А. П. ЧЕХОВ

1890

1

М. М. ЧЕХОВУ

10 мая 1877, Таганрог

10-го V/77 года

Любезный Брат
Миша!

Не имея счастья тебя увидеть еще раз, я принимаюсь за чернила. Во-первых, позволь тебя братски поблагодарить за все, чем я пользовался от тебя во все пребывание мое в Москве; во-вторых, душевно радуюсь, что мы расстаемся задушевыми друзьями и братьями, а посему и осмеливаюсь надеяться и верю, что 1200 верст еще долго будут находиться между двумя переписующимися братьями, которые хорошо узнали друг друга, ничтожным расстоянием для поддержки на долгое время наших хороших отношений. Теперь следует моя просьба, которую ты, вероятно, исполнишь по ее незначительности: если я буду присылать письма моей мамаше чрез тебя, то, будь так добр, отдавай их мамаше не при всей компании, а тайно; бывают в жизни такие вещи, которые можно высказать только единому лицу, верному; вот это-то обстоятельство и заставляет меня писать мамаше тайно от других, которым тайны мои (а у меня особого рода и тайны есть, которые тебя интересуют или нет, я не знаю. Если хо-

чешь, то я тебе их выскажу) вовсе не интересны или, лучше сказать, не нужны. Вторая и последняя просьба будет поважнее. Будь так добр, продолжай утешать мою мать, которая разбита физически и нравственно. Она нашла в тебе не одного племянника, но и много другого, выше племянника. У моей матери характер такого сорта, что на нее сильно и благотворно действует всякая нравственная поддержка со стороны другого. Не правда ли, глупейшая просьба? Но ты поймешь ее, тем более что я сказал «нравственная», т. е. духовная, поддержка. Для нас дороже матери ничего не существует в сем разъехидственном мире, а посему премного обяжешь твоего покорного слугу, утешая его полуживую мать. Переписку мы будем вести, вероятно, как следует. А затем мимоходом замечу, что ты не будешь раскаиваться в том, что высказал мне многое; мне стоит только поблагодарить тебя за доверие ко мне. Знай, брат, что я им очень дорожу. Прощай, желаю тебе всего лучшего. Поклон Лизе и Грише и твоим товарищам,

Твой брат *А. Чехов.*

2

М. М. ЧЕХОВУ

29 июля 1877, Таганрог

29 июля 1877 года

Любезный Брат
Миша!

Во-первых, поздравляю тебя с благополучным приездом в Москву из Калуги, а во-вторых — с совершением свадьбы¹. Желаю моей и твоей сестре всякого благополучия, желаю ее мужу здоровья, денег и всевозможных земнородных благ. Дай бог, чтобы эта свадьба была не последней в твоём доме, не предпоследней и не третьей от конца, и чтобы все свадьбы проходили бы еще блистательней этой свадьбы, которая доставила много радости всему нашему мудрому Чоховскому поколению². Спасибо Екатерине Михай-

ловне, она положила начало... и вот не сегодня, так завтра, бог даст, я буду гулять на свадьбе и у Миши Чохова и т. д. Наши писали мне, что ты сыграл свадьбу на славу! Желая, очень желаю, чтобы побольше было таких братьев для сестер, как ты. Мы все для одной сестры не сделаем того, что ты делаешь для всех сестер (не исключая и двоюродных). Хвала тебе и честь! Одно только досадно: я не был на свадьбе и не пил с тобой, как пил в Москве. А я люблю всевозможные гульбища, русские гульбища, сопряженные с плясками, с танцами, с винопийством. Одним словом, наш брат Исакий не то, что Акакий. Сие письмо я пишу тебе, находясь в вожделенном здравии, и надеюсь, что оно застанет тебя тоже в добром здоровье и хорошем расположении духа. Я получил пригласительный билет 16-го сего июля и благодарю 1000 раз за внимание. Чего ты мне не пишешь? Пиши, братец! Я жду каждый день письмо, написанное твоею рукой. Напиши, как ты поживаешь, как поживает твоя семья, как поживает Елизавета Михайловна, с которой я не успел хорошо познакомиться. Грише нижайший поклон. Увидишь моего папашу, так скажи ему, что я получил его дорогое письмо и очень ему благодарен³. Отец и мать единственные для меня люди на всем земном шаре, для которых я ничего никогда не пожалею. Если я буду высоко стоять, то это дело их рук, славные они люди, и одно безграничное их детолюбие ставит их выше всяких похвал, закрывает собой все их недостатки, которые могут появиться от плохой жизни, готовит им мягкий и короткий путь, в который они веруют и надеются так, как немногие. Взгляни на твоих двоюродных братьев и на положение дяди и тетки, ты согласишься со мной. Скажешь матери, что я послал 2 денежных пакета⁴ и удивляюсь неполучению. Кланяйся нашему студенту⁵ и скажи ему, чтобы он меня извинил за то, что я ему не пишу. Я ему собираюсь писать о полигамии, которой защитником подпишусь я. Саша своего рода хороший человек; не знаю, за что он считает меня нигилистом. Скажи Коле, что у Гаврилова в магазине были две жидовки Роза Михайловна и Вера Михайловна Эпштейн и кланя-

лись ему. Выдумай какое-нибудь рандеву на каком-нибудь бульваре.

Пришли же карточки, которые ты обещал. Я, если снимусь, то тебе первому пришлю. Кланяйся своим товарищам по службе, а в особенности Аполлону Ивановичу, который со мной очень хорошо знаком и обещался даже вести переписку. А особенный же мой, самый низайший поклон передай Елизавете и Александре Михайловнам. Пиши мне, я дорожу и горжусь твоими письмами. Я послал в Калугу ответ на пригласительный билет. Кланяйся Петровым и пожелай всего лучшего желающему тебе всего и уважающему тебя брату А. Чехову.

Ну что, каков Ваня?

3

М. П. ЧЕХОВУ

Между 6 и 8 апреля 1879, Таганрог

Дорогой брат Миша!

Письмо твое я получил как раз в самый разгар ужаснейшей скуки, зевая у ворот, а потому ты можешь судить, как оно, огромное, пришлось весьма кстати. Почерк у тебя хорош, и во всем письме я не нашел у тебя ни единой грамматической ошибки. Не нравится мне одно: зачем ты величаешь особу свою «ничтожным и незаметным братишкой». Ничтожество свое сознаешь? Не всем, брат, Мишам надо быть одинаковыми. Ничтожество свое признавай, знаешь где? Перед богом, пожалуй, пред умом, красотой, природой, но не перед людьми. Среди людей нужно признавать свое достоинство. Ведь ты не мошенник, честный человек? Ну и уважай в себе честного малого и знай, что честный малый не ничтожность. Не смешивай «смиряться» с «сознавать свое ничтожество». Георгий вырос. Мальчик он добрый. Я с ним часто играю в бабки. Посылки твои он получил. Хорошо делаешь, если читаешь книги. Привыкай читать. Со временем ты эту привычку оценишь. Мадам Бичер-Стоу выжала из глаз твоих слезы? Я ее

когда-то читал, прочел и полгода тому назад с научной целью и почувствовал после чтения неприятное ощущение, которое чувствуют смертные, наевшись не в меру изюму или коринки¹. Дубанос, тебе обещанный, сбежал, и место его пребывания мне весьма мало известно. Умудрюсь привезти тебе что-нибудь другое. Прочти ты следующие книги: «Дон-Кихот» (полный, в 7 или 8 частей). Хорошая вещь. Сочинение Сервантеса, которого ставят чуть ли не на одну доску с Шекспиром. Советую братьям прочесть, если они еще не читали, «Дон-Кихот и Гамлет» Тургенева. Ты, брате, не поймешь. Если желаешь прочесть нескучное путешествие, прочти «Фрегат «Паллада» Гончарова и т. д. Маше через тебя посылаю особенный поклон. О том, что приеду поздно, не горюйте². Время бежит живо, как ни хвастай скукой. Я привезу с собой пансионера, который будет платить 20 руб. в месяц и находиться под нашим собственным ведением. Еду к его маменьке торговаться. Молитесь!! Впрочем, и 20 руб. мало, если принять в соображение московскую дороговизну и мамашин характер,— кормить жильца по-божески. Наши учителя берут по 350 р., а кормят бедных мальчишек, как собак, юшкой от жаркого.

А. Чехов.

4

Н. А. ЛЕЙБИНУ

12 января 1883, Москва

3 $\frac{12}{1}$

Милостивый государь
Николай Александрович!

В ответ на Ваши любезные письма посылаю Вам несколько вещей¹. Гонорар получил, журнал тоже получаю (по вторникам); приношу благодарность за то и другое. Благодарю также и за лестное приглашение продолжать сотрудничать². Сотрудничаю я в «Осколках» с особенной охотой. Направление Вашего жур-

нала, его внешность и уменье, с которым он ведется, привлекут к Вам, как уже и привлекли, не одного меня.

За мелкие вещицы стою горой и я, и если бы я издавал юмористический журнал, то херил бы все продолжительное. В московских редакциях я один только бунтую против длиннот (что, впрочем, не мешает мне наделять ими изредка кое-кого... Против рожна не пойдешь!), но в то же время, сознаюсь, рамки «от сих и до сих» приносят мне немало печалей. Мириться с этими ограничениями бывает иногда очень не легко. Например... Вы не признаете статей выше 100 строк, что имеет свой резон... У меня есть тема. Я сажусь писать. Мысль о «100» и «не больше» толкает меня под руку с первой же строки. Я сжимаю, елико возможно, процеживаю, херю — и иногда (как подсказывает мне авторское чутье) в ущерб и теме и (главное) форме. Сжав и процедив, я начинаю считать... Насчитав 100—120—140 строк (больше я не писал в «Осколки»), я пугаюсь и... не посылаю. Чуть только я начинаю переваливаться на 4-ю страницу почтового листа малого формата, меня начинают есть сомнения, и я... не посылаю. Чаще всего приходится наскоро пережевывать конец и посылать не то, что хотелось бы... Как образец моих печалей, посылаю Вам статью «Единственное средство». Я сжал ее и посылаю в самом сжатом виде, и все-таки мне кажется, что она чертовски длинна для Вас, а между тем, мне кажется, напиши я ее вдвое больше, в ней было бы вдвое больше соли и содержания. Есть вещи поменьше — и за них боюсь. Иной раз послал бы, и не решаешься...

Из сего проистекает просьба: расширьте мои права до 120 строк... Я уверен, что я редко буду пользоваться этим правом, но сознание, что у меня есть оно, избавит меня от толчков под руку³.

А засим примите уверение в уважении и преданности покорнейшего слуги.

Ант. Чехов.

P. S. К Новому году я приготовил Вам конверт весом в 3 лота. Явился редактор «Зрителя» и похитил его у меня. Отнять нельзя было: приятель⁴. Наши ре-

дакторы читают филиппики против москвичей, работающих и на Петербург. Но едва ли Петербург отнимает у них столько, сколько проглатывают гг. цензора. В несчастном «Будильнике» зачеркивается около 400—800 строк на каждый номер. Не знают, что и делать.

5

Ал. П. ЧЕХОВУ

20-е числа февраля 1883, Москва

Доброкачественный брат мой, Александр Павлович!

Первым делом поздравляю тебя и твою половину с благополучным разрешением и прибылью, а г. Таганрог со свеженькой гражданкой. Да живет (...крестись!) новорожденная многие годы, преизбыточествуя (крестись!) красотой физической и нравственною, златом, гласом, толкастикой, и да цапнет себе со временем мужа доблестна (крестись, дурак!), прельстив предварительно и повергнув в уныние всех таганрогских гимназистов!!

Принеся таковое поздравление, приступаю прямо к делу. Сейчас Николка сунул мне на прочтение твое письмо¹. Вопрос о праве «читать или не читать», за неимением времени, оставим в стороне. Относись письмо к одной только Николкиной персоне, я ограничился бы поздравлением, но письмо твое затрагивает сразу несколько вопросов, весьма интересных. О сих вопросах я и хочу потолковать. Мимоходом дам ответ и на все твои предшествовавшие скрижали. К сожалению, у меня нет времени написать много, как бы следовало. Благовидности и обстоятельности ради прибегну к рамкам, к системе: стану по ниточкам разбирать твое письмо, от «а» до «ижицы» включительно. Я критик, оно — произведение, имеющее беллетристический интерес. Право я имею, как прочитавший. Ты взглянешь на дело как автор — и все обойдется благополучно. Кстати же нам, пишущим, не мешает попробовать свои силишки на критиканстве. Предупреждение необходимо: суть в вышеписанных вопросах,

только; буду стараться, чтобы мое толкование было по возможности лишено личного характера.

1) Что Николка не прав — об этом и толковать не стоит. Он не отвечает не только на твои письма, но даже и на деловые письма; невежливее его в этом отношении я не знаю никого другого. Год собирается он написать Лентовскому, который ищет его; полгода на этажерке валяется письмо одного порядочного человека, валяется без ответа, а ради ответа только и было писано. Балалаечней нашего братца трудно найти кого другого. И что ужаснее всего — он неисправим... Ты разжалобил его своим письмом, но не думаю, чтобы он нашел время ответить тебе. Но дело не в этом. Начну с формы письма. Я помню, как ты смеялся над дядиными манифестами...² Ты над собой смеялся. Твои манифесты соперничают по сладости с дядиными. Все есть в них: «обнимите»... «язвы души»... Недостает только, чтобы ты прослезился... Если верить дядькиным письмам, то он, дядя, давно уже должен истечь слезой. (Провинция!) Ты слезоточишь от начала письма до конца... Во всех письмах, впрочем, и во всех своих произведениях... Можно подумать, что ты и дядя состоите из одних только слезных желез. Я не смеюсь, не упражняю своего остроумия... Я не тронул бы этой слезоточивости, этой одышки от радости и горя, душевных язв и проч., если бы они не были так несвоевременны и... пагубны. Николка (ты это отлично знаешь) шалаберничает; гибнет хороший, сильный, русский талант, гибнет ни за грош... Еще год-два, и песня нашего художника спета. Он сотрется в толпе портерных людей, подлых Яронов³ и другой гадости... Ты видишь его теперешние работы... Что он делает? Делает все то, что пошло, копеечно... а между тем в зале стоит начатой замечательная картина. Ему предложил «Русский театр» иллюстрировать Достоевского... Он дал слово и не сдержит своего слова, а эти иллюстрации дали бы ему имя, хлеб... Да что говорить? Полгода тому назад ты видел его и, надеюсь, не забыл... И вот, вместо того чтобы поддержать, подбодрить талантливую добряка хорошим, сильным словом, принести ему неоцененную пользу, ты пишешь жалкие,

тоскливые слова. Ты нагнал на него тоску на полчаса, расквасил его, раскислил, и больше ничего... Завтра же он забудет твое письмо. Ты прекрасный стилист, много читал, много писал, понимаешь вещи так же хорошо, как и другие их понимают,— и тебе ничего не стоит написать брату хорошее слово... Не нотацию, нет! Если бы вместо того, чтобы слезоточить, ты потолковал с ним о его живописи, то он, это верно, сейчас уселся бы за живопись и, наверное, ответил бы тебе. Ты знаешь, как можно влиять на него... «Забыл... пишу последнее письмо» — все это пустяки, суть не в этом... Не это нужно подчеркивать... Подчеркни ты, сильный, образованный, развитой, то, что жизненно, что вечно, что действует не на мелкое чувство, а на истинно человеческое чувство... Ты на это способен... Ведь ты остроумен, ты реален, ты художник. За твое письмо, в котором ты описываешь молебен на палях (с гаттерасовскими льдами)⁴, будь я богом, простил бы я тебе все твои согрешения вольные и невольные, яже делом, словом... (Кстати: Николке, прочитавшему это твое письмо, ужасно захотелось написать пали.) Ты и в произведениях подчеркиваешь мелюзгу... А между тем ты не рожден субъективным писакой... Это не врожденное, а благоприобретенное... Отречься от благоприобретенной субъективности легко, как пить дать... Стоит быть только почестней: выбрасывать себя за борт всюду, не совать себя в герои своего романа, отречься от себя хоть на 1/2 часа. Есть у тебя рассказ, где молодые супруги весь обед целуются, ноют, толкут воду... Ни одного дельного слова, а одно только *благодарушие!* А писал ты не для читателя... Писал, потому что тебе приятна эта болтовня. А опиши ты обед, как ели, что ели, какая кухарка, как пошел твой герой, довольный своим ленивым счастьем, как пошла твоя героиня, как она смешна в своей любви к этому подвязанному салфеткой, сытому, объевшемуся гусю... Всякому приятно видеть сытых, довольных людей — это верно, но чтобы описывать их, мало того, что они говорили и сколько раз поцеловались... Нужно кое-что и другое: отречься от того личного впечатления, которое производит на всякого неозлобленного медовое

счастье... Субъективность ужасная вещь. Она не хороша уже и тем, что выдает бедного автора с руками и ногами. Бьюсь об заклад, что в тебя влюблены все поповны и писарши, читавшие твои произведения, а будь ты немцем, ты пил бы даром пиво во всех биргалках, где торгуют немки. Не будь этой субъективности, этой чмыревщины, из тебя вышел бы художник полезнейший. Умеешь так хорошо смеяться, язвить, надсмехаться, имеешь такой кругленький слог, перенес много, видел чересчур много... Эх! Пропадает даром материал. Хоть бы в письма его совал, подкураживал Николкину фантазию... Из твоего материала можно ковать железные вещи, а не манифесты. Каким нужным человеком можешь ты стать! Попробуй, напиши ты Николке раз, другой раз, деловое слово, честное, хорошее — ведь ты в 100 раз умней его, — напиши ему, и увидишь, что выйдет... Он ответит тебе, как бы ни был ленив... А жалких, раскисляющих слов не пиши: он и так раскис...

«Не много надо чутья, — пишешь ты далее, — чтобы понять, что, уезжая, я отрезывал себя от семьи и обрекал себя забвению...» Выходит, что тебя забыли. Что ты и сам не веришь в то, что пишешь, и толковать не стоит. Лгать незачем, друг. Зная ноющий характер матери и Николая, который в пьяном виде вспоминает и лобызает весь свет, ты не мог этого написать; если бы не слезные железы, ты не написал бы этого.

«Я ожидал и, конечно, дождался...» Пронять хочешь... Нужно пронять, очень нужно, но проймешь не такими словами. Это цитаты из «Сестренки»⁵, а у тебя есть и подельней вещи, которые ты с успехом мог бы цитировать.

2) «Отец написал мне, что я не оправдал себя» и т. д. Пишешь ты это в 100-й раз. Не знаю, чего ты хочешь от отца? Враг он курения табаку и незаконного сожительства — ты хочешь сделать его другом? С матерью и теткой можно проделать эту штуку, а с отцом нет. Он такой же кремень, как раскольники, ничем не хуже, и не сдвинешь ты его с места. Это его, пожалуй, сила. Он, как бы сладко ты ни писал, вечно

будет вздыхать, писать тебе одно и то же и, что хуже всего страдать... И как будто бы ты этого не знаешь? Странно. Извини, братец, но мне кажется, что тут немаловажную роль играет другая струнка, и довольно-таки скверенькая. Ты не идешь против рожна, а как будто бы заискиваешь у этого рожна... Какое дело тебе до того, как глядит на твое сожительство тот или другой раскольник? Чего ты лезешь к нему, чего ищешь? Пусть себе смотрит, как хочет... Это его, раскольническое дело... Ты знаешь, что ты прав, ну и стой на своем, как бы ни писали, как бы ни страдали... В (незаискивающем) протесте-то и вся соль жизни, друг. Всякий имеет право жить с кем угодно и как угодно,— это право развитого человека, а ты, стало быть, не веришь в это право, коли находишь нужным подсылать адвокатов к Пименовнам и Стаматичам. Что такое твое сожительство с твоей точки зрения? Это твое гнездо, твоя теплынь, твое горе и радость, твоя поэзия, а ты носишься с этой поэзией, как с украденным арбузом, глядишь на всякого подозрительно (как, мол, он об этом думает), суешь ее всякому, ноешь, стонешь... Будь я твоей семьей, я бы по меньшей мере обиделся. Тебе интересно, как я думаю, как Николай, как отец?! Да какое тебе дело? Тебя не поймут, как ты не понимаешь «отца шестерых детей», как раньше не понимал отцовского чувства... Не поймут, как бы близко к тебе ни стояли, да и понимать незачем. Живи, да и шабаш. Сразу за всех чувствовать нельзя, а ты хочешь, чтобы мы и за тебя чувствовали. Как увидишь, что наши рожи равнодушны, то и ноешь. Чудны дела твои, господи! А я бы на твоём месте, будь я семейный, никому бы не позволил не только свое мнение, но даже и желание понять. Это мое «я», мой департамент, и никакие сестрицы не имеют права (прямо-таки в силу естественного порядка) совать свой, желающий понять и умилиться, нос! Я бы и писем о своей отцовской радости не писал... Не поймут, а над манифестом посмеются — и будут правы. Ты и Анну Ивановну настроил на свой лад. Еще в Москве она при встрече с нами заливалась горючими слезами и спрашивала: «Неужели в

30 лет... поздно?» Как будто бы мы ее спрашивали... Наше дело, что мы думали, и не ваше дело объяснять нам. Треснуть бы я себя скорей позволил, чем позволил бы своей жене кланяться братцам, как бы высоки эти братцы ни были! Так-то... Это хорошая тема для повести. Повесть писать некогда.

3) «От сестры я не имею права требовать... она не успела еще составить обо мне... непаскудного понятия. А заглядывать в душу она еще не умеет...» (Заглядывать в душу... Не напоминает ли это тебе урядницкое читанье в сердцах?) Ты прав... Сестра любит тебя, но понятий никаких о тебе не имеет... Декорации, о которых ты пишешь, сделали только то, что она *боится* о тебе думать. Очень естественно! Вспомни, поговорил ли ты с нею хоть раз по-человечески? Она уже большая девка, на курсах, засела за серьезную науку, стала серьезной, а сказал, написал ли ты ей хоть одно серьезное слово? Та же история, что и с Николаем. Ты молчишь, и не мудрено, что она с тобой незнакома. Для нее чужие больше сделали, чем ты, свой... Она многое могла бы почерпнуть от тебя, но ты скуп. (Любовью ее не удивишь, ибо любовь без добрых дел мертва есть.) Она переживает теперь борьбу, и какую отчаянную! Диву даешься! Все рухнуло, что грозило стать жизненной задачей... Она ничем не хуже теперь любой тургеневской героини... Я говорю без преувеличений. Почва самая благодотворная, знай только сей! А ты лирику ей строчишь и сердишься, что она тебе не пишет! Да о чем она тебе писать будет? Раз села писать, думала, думала и написала о Федотихе... Хотела бы еще кое-что написать, да не нашлось человека, который поручился бы ей, что на ее слово не взглянут оком Третьякова и К^о. Я, каюсь, слишком нервен с семьей. Я вообще нервен. Груб часто, несправедлив, но отчего сестра говорит мне о том, о чем не скажет ни одному из вас? А, вероятно, потому, что я в ней не видел только «горячо любимую сестру», как в Мишке не отрицал человека, с которым *следует* обязательно говорить. А ведь она человек и даже, ей-богу, человек. Ты шутишь с ней: дал ей вексель, купил в долг стол, в долг часы... Хо-

роша педагогия! За нее на том свете не родители отвечать будут. Не их это дело...

«Об Антоне я умолчу. Оставался ты один...»

Коли взглянуть на дело с джентльменской точки зрения, то и мне бы следовало бы умолчать и пройти мимо. Но в начале письма я сказал, что обойду личное... Обойду и здесь оное, а зацеплю только «вопрос». (Ужас сколько вопросов!) Есть на белом свете одна скверная болезнь, незнанием которой не может похвастаться пишущий человек, ни один!.. [Далее зачеркнуто: *Их много, а нас мало. Наш лагерь слишком немногочисленен. Болен лагерь этот. Люди одного лагеря не хотят понять друг друга.*] Записался! Зачеркивать приходится... И ты знаком с ней. Это кичеевщина — нежелание людей одного и того же лагеря понять друг друга. Подлая болезнь! Мы люди свои, дышим одним и тем же, думаем одинаково, родня по духу, а между тем... у нас хватает мелочности писать: «умолчу!» Широковещательно! *Нас* так мало, что мы должны держаться друг друга... ну, да vous comprenez! * Как бы мы ни были грешны по отношению друг к другу (а мы едва ли много грешны!), а мы не можем не уважать даже малейшее «похожее на соль мира». Мы, я, ты, Третьяковы, Мишка наш — выше тысячей, не ниже сотней... У нас задача общая и понятная: думать, иметь голову на плечах... Что не мы, то против нас. А мы отрицаемся друг от друга! Думемся, ноем, куксим, сплетничаем, плюем в морду! Скольких оплевали Третьяков и К°! Пили с «Васей» брудершафт, а остальное человечество записали в разряд ограниченных! Глуп я, сморкаться не умею, много не читал, но я молюсь вашему богу — этого достаточно, чтобы вы ценили меня на вес золота! Степанов дурак, но он университетский, в 1000 раз выше Семена Гавриловича и Васи, а его заставляли стучаться виском о край рояля после канкана! Безобразие! Хорошее понимание людей и хорошее пользование ими! Хорош бы я был, если бы надел на Зембулатова дурацкий колпак за то, что он незнаком с Дарвином! Он, воспитанный на

* вы понимаете! (франц.)

крепостном праве, враг крепостничества — за одно это я люблю его! А если бы я стал отречься от А, Б, В... Ж, от одного, другого, третьего, пришлось бы закончить одиночеством!

У нас, у газетчиков, есть болезнь — зависть. Вместо того чтобы радоваться твоему успеху, тебе завидуют и... перчику! перчику! А между тем одному богу молятся, все до единого одно дело делают... Мелочность! Невоспитанность какая-то... А как все это отравляет жизнь!

Дело нужно делать, а потому и останавливаюсь. После когда-нибудь допишу. Написал тебе по-дружески, честное слово; тебя никто не забывал, никто против тебя ничего особенного не имеет, и... нет основания не писать тебе по-дружески.

Кланяюсь Анне Ивановне и одной ма⁷.

Получаешь ли «Осколки»? Уведомь. Послал тебе подтверждение самого Лейкина.

А засим мое почитание.

А. Чехов.

Не хочешь ли темки?

Накатал я, однако! Рублей на 20! Более, впрочем...

6

Н. А. ЛЕЙКИНУ

Март, после 2-го, 1883, Москва

Многоуважаемый

Николай Александрович!

Получил и письмо и гонорар. Merci. Пророчество Ваше относительно моего писания, вероятно, сбудется: буду писать¹. Половина работы отложена на после лета: выигрываю в весне и проигрываю в лете.

С половины апреля начну строчить «дачные рассказы». В прошлом году они у меня удавались. Напишу кучу и пришлю Вам на выбор; остальное, после Вашего выбора, Москве-матушке. Посылаю Вам статью («Трубка») Агафопода Единицына, московского писаки. Просил переслать.

Еще об одном: пришлите мне для моей библиофики единую из Ваших книжек. Какую именно, не знаю. Жил во время оно в провинции и был одним из ревностнейших Ваших читателей.

Особенно врезался в мою память один рассказ, где купцы с пасхальной заутрени приходят. Я захлебывался, читая его. Мне так знакомы эти ребята, опаздывающие с куличом, и хозяйская дочка, и праздничный «сам», и сама заутреня...

Не помню только, в какой это книжке... В этой же книжке, кстати сказать, есть фраза, которая врезалась в мою память: «Тургеневы разные бывают», — фраза, сказанная продавцом фотографий. Вот Вам 2 признака желаемой книжки². Есть, впрочем, один и третий: она должна быть из первых. А засим примите уверение в глубоком уважении от

А. Чехова.

Р. S. У Вас в конторе нововведение: почтовые марки, прежде чем вложить в конверт, заворачивают в бумажку. Это рациональная реформа. В предшествующую получку я распечатал конверт в почтамтском дворе, и мои бедные марки были развеяны ветром.

7

А. Н. КАНАЕВУ

26 марта 1883, Москва

$3 \frac{26}{III}$

Многоуважаемый
Александр Николаевич!

Тысячу раз уж успел я мысленно поблагодарить за Ваше первое письмо, бывшее ответом на мою просьбу, а ныне присовокупляю другую тысячу ради Вашего нового письма. Генеральский адрес получил и оный вручил по принадлежности¹. О результатах ничего не знаю; на днях наведу справки. Над грязной землей светит такое хорошее солнце, в воздухе так пахнет весной, что лень и нет сил сидеть в комнате, а

у меня — увы мне! — работы по горло: экзамены, хлеб насущный... Люблю весну, а между тем менее всего пользуюсь ей. Поневоле поэтом не будешь: боги таланта не дали, а социальные условия весну отнимают. Летом по России ездить буду. Работаю литературно все больше на Питер. Ваши питерские денежки ем. Думаю и к Вам проехаться.

У Корша скандал большущий². Грязная муха может всю стену опачкать, а маленький грязненький поступочек может испортить все дело. Вышло все из-за пустяков: из-за денег. Я не следил за ходом скандала и всей сути не знаю. Напишу Вам то, что слышал.

От Корша отделились бесповоротно: Писарев, Глама и Бурлак, т. е. вся соль трупы. Газетчики утверждают (в частных беседах), что виноват во всем Писарев и К°. То же утверждают и все вертящиеся вокруг и около газетного дела... Враги вышеписанных трех лиц буквально торжествуют, а друзья рассказывают про них то, чего раньше не рассказывали. Не думаю, чтобы в данном случае газетчики плясали под чужую дудку и интриговали... Что-то неладное есть среди артистов... что-то такое-этакое... а что именно, формулировать не берусь пока. Писарев купно с Гламой и Бурлаком ходили к Малкиелю нанять у него его Пушкинский театр, но Малкиель отказал. Куда они направят теперь свои стопы, мудрено сказать. Кто остался у Корша? Не знаю. Судьба Свободина мне тоже неизвестна. Узнаю — напишу.

Вообще дело такое пакостное, в глазах публики запутанное, что необходимо выслушать обе стороны, чтобы сказать что-нибудь похожее на правду. Жаль русский театр, и очень жаль, что сбылось одно мое маленькое пророчество:

Раз на выставке, беседа с Вами (Вы, конечно, не помните, да и помнить тут особенно нечего), я бранился в то время, когда Вы хвалили. Похвалив, и Вы съехали на минорный тон. Мы пришли к соглашению, что у наших гг. актеров все есть, но не хватает одного только: воспитанности, интеллигентности, или, если позволите так выразиться, джентльменства в хорошем смысле этого слова. Минуя пьянство, юнкерство, бес-

шабашное пренебрежение делом, скверненькое заискивание популярности, мы остановились с Вами на этом отсутствии внутреннего джентльменства — те же сотрудники «Московского листка»! (исключения есть, но их так мало!) Народ порядочный, но невоспитанный, портерный... И, бранясь таким манером, я высказал Вам свою боязнь за будущность нового театра. Театр не портерная и не татарский ресторан, он... (следует определение театра)... а раз внесен в него портерный или кулачнический элемент, несдобровать ему, как несдобровать университету, от которого пахнет казармой...

Впрочем, все это длинно... Я слишком сердит за театр и готов два дня говорить на эту тему, но не писать. Жду к себе Кичеева. Потолкую с ним о занимаемом Вас вопросе. Совсеми потолкую и если услышу что-либо интересное, то сообщу по Вашему адресу. А пока кланяюсь двумя головами (своей и Николаевой) и прошу не забывать, что у Вас есть покорнейший слуга

А. Чехов.

Не съездить ли нам как-нибудь мимоездом в Воскресенск? Стоит...

В Питере, быть может, побываю летом.

Коли увидите А. Д. Бродского, то поклон ему. Он *очень* порядочный малый.

8

Н. А. ЛЕЙКИНУ

Апрель, после 17-го, 1883, Москва

Многоуважаемый

Николай Александрович!

Посылаю Вам несколько рассказов и ответ на Ваше письмо¹.

Вы à propos * замечаете, что мои «Верба» и «Вор»

* между прочим (*франц.*).

несколько серьезны для «Осколков». Пожалуй, но я не посылал бы Вам не смехотворных вещей, если бы не руководствовался при посылке кое-какими соображениями. Мне думается, что серьезная вещица, маленькая, строк примерно в 100, не будет сильно резать глаз, тем более что в заголовке «Осколков» нет слов «юмористический и сатирический», нет рамок в пользу безусловного юмора. Вещичка (не моя, а вообще) легонькая, в духе журнала, содержащая в себе фабулу и подобающий протест, насколько я успел подметить, читается охотно, сиречь не делает суши. Да у Вас же изредка, кстати сказать, между вещицами остроумнейшего И. Грэка попадаются вещицы, бьющие на серьез, но тоненькие, грациозные, такие, что хоть после обеда вместо десерта ешь. Они не делают контры, а напротив... Да и Лиодор Иванович не всегда острит, а между тем едва ли найдется такой читатель «Осколков», который пропускает его стихи не читая. Легкое и маленькое, как бы оно ни было серьезно (я не говорю про математику и кавказский транзит), не отрицает легкого чтения... Упаси боже от суши, а теплое слово, сказанное на пасху вору, который в то же время и ссыльный, не зарежет номера. (Да и, правду сказать, трудно за юмором угоняться! Иной раз погонишься за юмором да такую штуку сморозишь, что самому тошно станет. Поневоле в область серьеза лезешь.) К троице я пришлю Вам что-нибудь зеленое, à la «Верба». Буду серьезничать только по большим праздникам.

Агафоподу Единичину я написал. Это мой брат, ныне чиновник, работавший в последние годы в московских изданиях. Работал сильно и в свое время с успехом: жил письмом. Был малый юмористом, ударился в лиризм, в фантазмагорию и, кажется... погиб для авторства. Хочется удрать от лиризма, но поздно, увяз. Его письма полны юмора, ничего смехотворней выдумать нельзя, но как станет строчить для журнала — беда, ковылять начнет. Будь он помоложе, из него можно было бы сделать недюжинного работника. Юморист он не плохой. Это можно видеть из одного того, что в таганрогскую таможенную поступил, когда уж

оттуда всё повыкрали. Я написал ему, и он пришлет Вам, наверное, что-нибудь.

А засим остаюсь всегда готовым к услугам

А. Чехов.

На 1-й день пасхи я послал Вам рассказ: «Баня, мамаша, тетя и секретарь». Получили?²

9

А. П. ЧЕХОВУ

13 мая 1883, Москва

83¹³
V

Маленькая польза! пожелав тебе самой большой пользы, ответственую тебе на твое письмо. Прежде всего каюсь и извиняюсь: не писал долго по причинам, от редакции не зависящим. То некогда было, то лень... Не писал тебе и все время был мучим совестью. Ты просил у меня совета касательно муки Nestl'я и, вероятно, ожидаешь его с понятным нетерпением, а я молчу и молчу... Прошу еще раз прощения. Спрашивал я докторов, читал, думал и пришел к убеждению, что ничего положительного нельзя сказать об этой муке. Одни против нее, другие проходят молчанием. Могу посоветовать только одно: как только заметишь понос, брось. (Не свой понос, а дочкин.) Корми свой плод тогда чем-нибудь другим, примерно коровьим молоком разбавленным. Весьма возможно, что летом будет понос. Мать слаба, ты выпивоха, жарко, плохое питание и т. д. Но робеть не надо. Этот поносик излечивается любым лекаришкой. Decost Saler или Альтейный отвар, то и другое с каплями опия. На живот компресс. Кашек, хлеба, подсолнухов, чаю и горячих напитков не давай. Будет просить водки, не давай. Секи, а не давай. Коли поносы пойдут, недалеко до аглицкой... водки, думаешь?.. болезни. Но и последнюю остановишь не столь лекарствами, сколь заботами о питании. Еду на

днях в Воскресенск и оттуда пришлю тебе наставление, как кормить, поить, сечь, лечить, предупреждать, что важно, что не важно, когда от грудей отнимать, когда кашу есть можно, каких рецептов докторских пугаться надо и т. д. Все это важно и не берусь сочинять, тщательно не обдумав. Напишу по последним выводам наук, чем думаю избавить тебя от покушений покупать детские лечебники, воспитательники и т. п., на какую-нибудь покупку вы все так горазды, отцы детей. Пришлю непременно. Слово твердо. А за сие ты пришлешь мне 100 руб. и как можно больше почтовых марок.

Прочел твой ответ¹ на мое письмо. Частию удивлен. Ты, братец, местами недопонял, местами перепонял. Никто не просил тебя выбрасывать себя за борт парохода. Зная, как плохо ты плаваешь, мог ли я, не свихнувшись с разума, дать тебе этот пагубный совет? Говорено было о произведениях, о субъективности. На природу свою дядькинскую, братец, не напирай. Карамзин и Жуковский ноют на каждом слове, а между тем менее всего пишут о себе. (Кстати, поздравляю тебя с дядькой, у которого есть медаль². Ванька теперь подохнет от зависти.) Потом, неужели, чтобы знать Николкины работы, нужно получать «Свет и тени»?³ Ведь ты его видел не пять лет тому назад. Сколько картин у него было, когда ты уезжал? Потом-с, я писал о Марье, не разумея под ней ни филаретовки⁴, ни курсистки. Она есть то, чем была и при тебе. Никаких пропаганд не нужно (в кутузку еще чего доброго влезешь); я говорил об игнорировании личности, бывшем и сущем. О Мишке я молчал и думал, что сам ты его вспомнишь. Он и Марья терпели в одинаковой степени. Впрочем, далее... Говоря о завидующих газетчиках, я имел в виду газетчиков, а какой ты газетчик, скажи на милость? Я, брат, столько потерпел и столь возненавидел, что желал бы, чтобы ты отрекся имени, которое носят уткины и кичеевы⁵. Газетчик значит по меньшей мере жулик, в чем ты и сам не раз убеждался. Я в ихней компании, работаю с ними, рукопожимаю и, говорят, издали стал походить на жулика. Скорблю и надеюсь, что рано или

поздно изолирую себя, à la ты. Ты не газетчик, а вот тот газетчик, кто, улыбаясь тебе в глаза, продает душу твою за 30 фальшивых сребреников и за то, что ты лучше и больше его, ищет тайно погубить тебя чужими руками,— вот это газетчик, о котором я писал тебе. А ты, брат, недоумение, обоняние, газ... ничтожество... газетчикхен. Я газетчик, потому что много пишу, но это временно... Оным не умру. Коли буду писать, то непременно издадека, из щелочки... Не завидуй, братец, мне! Писанье, кроме дерганья, ничего не дает мне. 100 руб., которые я получаю в месяц, уходят в утробу, и нет сил переменить свой серенький неприличный сюртук на что-либо менее ветхое. Плачу во все концы, и мне остается nihil*. В семью ухлопывается больше 50. Не с чем в Воскресенск ехать. У Николки денег тоже чертма. Утешаюсь по крайней мере тем, что за спиной кредиторов нет. За апрель я получил от Лейкина 70 руб., и теперь только 13-е, а у меня и на извозца нет.

Живи я в отдельности, я жил бы богачом, ну, а теперь... на реках Вавилонских седоком и плакачом... Пастухов водил меня ужинать к Тестову⁶, пообещал 6 коп. за строчку. Я заработал бы у него не сто, а 200 в месяц. Но, сам видишь, лучше без штанов с голой [...] на визит пойти, чем у него работать. «Будильник» я не терплю, и если соглашусь строчить в нем, то не иначе, как с болью. Черт с ними! Если бы все журналы были так честны, как «Осколки», то я на лошадях бы ездил. Мои рассказы не подлы и, говорят, лучше других по форме и содержанию, а андюшки дмитриевы возводят меня в юмористы первой степени, в одного из лучших, даже самых лучших; на литературных вечерах рассказываются мои рассказы, но... лучше с триппером возиться, чем брать деньги за подлое, за глумление над пьяным купцом, когда и т. д. Черт с ними! Подождем и будем посмотреть, а пока походим в сереньком сюртуке. Погружусь в медицину, в ней спасение, хоть я и до сих пор не верю себе, что я медик, а сие значит, что... так говорят по крайней мере, а для

* ничего (лат.).

меня решительно все одно... что не на свой факультет я попал. Но далее... Ты пишешь, что я забросал грязью Третьякова, умирающего от чахотки. Чахотка тут ни при чем, умирание тоже. В начале же письма я сделал оговорку, что я шпижняю не Ивана, не Петра, до коих мне нет никакого дела, а систему... Я писал тебе как беллетрист и как к лучшему из приятелей... К чему же тут чахотка и грязь? Лично против Леонида Владимировича я ничего не имею, а, напротив, мне делается скучно, когда я вспоминаю его лицо; я имел в виду данный недостаток, присущий не одному только ему, потому что не он один только барин. Я думал и думаю, что поздравительные письма нам с тобой не под силу, что их с успехом можно заменить беседами о том о сем... Думал, что ты так или иначе отзовешься об упомянутом недостатке, умалишь его, оправдаешь, напишешь, насколько я прав, насколько не прав (тема ведь хорошая), а ты запустил чахоткой и грязью... Лучше бы ты уж написал: «Не осуждай!» — единственный грех моего письма, грех, как мне кажется, окупаемый литературной стрункой. Далее...

Твою «Пасхальную ночь» в архив спрятал и на будущий год за нее гонорар тебе вышлю. Кстати: «Глагол времен, металла звон» напечатаны, и деньги я получил. Только недавно узнал, что получил их вместе со своим гонораром. По 5 коп. за строчку. Отдам тому, кто к тебе поедет. «Зритель» погребен и отпет. Более не воскреснет. Лейкин пишет, что он 20 раз порывался напечатать твою «Трубку», но все не решался: он никак не понял конца. Просит тебя посылать ему. Пиши. Получишь кое-что назад, посетуешь, поскорбишь, а там приноровишься и будешь получать на муку Нестля. Деньги сгодятся, а в особенности в Таганроге, где лишняя четвертная более заметна, чем в Москве. Кстати, на будущий год наймешь мне в Карантине⁷ на целое лето дачу. Врачом приеду и проживу с вами целое лето. Деньги будут, и проживем. Насчет нашей поездки на юг положительного ничего нельзя сказать. К великому горю моему, половина экзаменов будет в конце каникул, что сильно испортило мне лето. На что тебе сдалась тетка?⁸ Хватил! Этакое оскудение та-

щить за 1200 верст, чтобы щупать кур! Да она тебя съест в тоске за Алексеем и тайком обкормит картошкой твой плод! Мать сильно просится к тебе. Возьми ее к себе, коли можешь. Мать еще бойка и не так тяжела, как тетка. Тетка молчаливей, но с ней трудней ужиться. Она злобствует втихомолку. Отец всем рассказывает, что у тебя замечательная должность. В пьяном виде он толкует про твой мундир, права и т. д. Опиши ему, пожалуйста, свой мундир и приплети хоть один табельный день, в который ты стоял в соборе среди великих мира сего.

«Ну, а Саша... как? — начинает он обыкновенно после третьей рюмки.— В Таганроге таможня перво-классная! Там, который служащий...» и т. д.

Далее... Как-то на праздниках в хмельном виде я написал тебе проект о половом авторитете...⁹ Дело можно сделать, но сначала нужно брошюрой пустить. Тема годится для магистерской диссертации по зоологии... Возьмись-ка! Пиши и присылай марок. Ну, что Гершка?¹⁰ [...] А тот гробик, что на Долгоруковской улице в окне стоял, уже большой вырос. Утони, Саша! Иногда люди умирают от долгого хождения по каменной лестнице. «Сомнамбулу»¹¹ ищу. У меня ее нет. Спрошу Турлыгина. У него должно быть. Буду писать из Воскресенска, а ты пиши в Москву. Мне переправят твоё письмо с оказией.

Наденьку Сокольникову, кажется, к вам сплавляют. А Гаврилка — жулик!

10

Н. А. ЛЕЙКИНУ

Начало июня 1883, Воскресенск

Уважаемый

Николай Александрович!

Посылаю Вам несколько рассказов¹. Прислал бы более и написал бы лучше, если бы не разленился. Летом же бываю страшным лентяем, хоть и мечтаю всю зиму о трудовом лете, Ничего с собой не поделаю.

О судьбе Ваших книг и письма не беспокойтесь. Письмо Ваше я получил с оказией, а книги, наверное, уже получила моя семья и читает. В Москве я живу обстоятельно, семейно. Можете писать туда и посылать, что угодно, и я все получу. Впрочем, если посылка ценная, то мне придется самому получить, что произойдет не позднее 10 июня. Если будете еще писать, то пишите на Москву. Рецензийку о Ваших книгах напишу и, если сам не сумею где-либо тиснуть, отдам Пальмину², дачного адреса которого, кстати сказать, я не знаю.

В «Стрекозу» я сунулся не впервые. Там я начал свое литературное поприще. Работал я в ней почти весь 1880 год, вместе с Вами и И. Грэком. В том же году я бросил работать по причинам, в Вашем письме изложенным³. Вы пишете: «каяться будете». Я уже 25 раз каялся, но... что же мне делать, скажите на милость? Если мне присылать в «Осколки» все то, что мне иногда приходится написать за один хороший зимний вечер, то моего материала хватит Вам на месяц. А я, случается, пишу не один вечер и пишу сываю целую кучу. Куда же мне посылать всю эту кучу? От Москвы я откrestился, работаю в ней возможно меньше, а в Питере я знаком только с двумя журналами. Volens-poleps* приходится писать и туда, куда не хотелось бы соваться. Положение хуже губернаторского. Вы сами работали много и понимаете это положение. Я еще помыслию на эту тему.

Как-то мне приходилось подписываться кое-где «Крапивою»⁴. Заявляю торжественно, что материя, печатающаяся с тем же псевдонимом в «Стрекозе», не есть дело рук моих.

Пишет ли Вам Агафопод Единицын? У меня почти готов для Вас один (относительно) большой рассказ «До 29-го июня»⁵ и скоро будет готов другой «29-е июня». Оба по охотничьей части. Кончу их и пришлю, а пока имею честь быть всегда готовым к услугам и уважающим

А. Чехов.

* Волей-неволей (лат.).

Кстати. Сделайте распоряжение о высылке в мой счет «Осколок» за сей год по следующему адресу:
«г. Воскресенск (Моск. губ.). Учителю приходского училища».

11

Н. А. ЛЕЙКИНУ

25 или 26 июня 1883, Москва

Уважаемый

Николай Александрович!

Посылаю Вам «Московские заметки»¹, а с ними и одно маленькое заявление: пишу я юмористический фельетон впервые. Неопытен и малосведущ. В актеры я не уйду, мельницей не займусь², но не могу ручаться, что не буду сух, бессодержателен и, главное, не юмористичен. Буду стараться. Если годится, берите и печатайте, а если не годится, то... фюйть! Буду высылать Вам куплетцы, Вы выбирайте и, ради бога, не церемоньтесь. Данною Вам от бога властью херьте все неудобное и подозреваемое в негодности. Я щепетилен, но не для «Осколок». Предложи мне эту работу другая редакция, я отказался бы или обошелся бы без этого заявления, но у Вас я слушаюсь и говорю правду. Если Вы даже вовсе похерите мои заметки и скажете мне «пас!», то и это я приму с легкою душою. Мне дороги не мои интересы, а интересы «Осколок». К «Стрекозам» и «Будильникам» я отношусь индифферентно, но печалюсь, если вижу в «Осколках» что-либо невытанцовавшееся, мое или чужое,— признак, что мне близко к сердцу Ваше дело, которое, как мне известно это по слухам и поступкам, Вы ведете с энергией и с верой.

Ранее «Московские заметки» велись неказисто. Они выделялись из общего тона своим чисто московским тоном: сухость, мелочность и небрежность. Если бы их не было, то читатель потерял бы весьма мало. По моему мнению, в Москве *некому* писать к Вам заметки. Пробую свои силишки, но... тоже не верю. Я ведь тоже с московским тоном. Не буду слишком мелочен, не

стану пробирать грязных салфеток и маленьких актеров, но в то же время я нищ наблюдательностью текущего и несколько общ, а последнее неудобно для заметок. Решайте... Скоро пришлю еще.

Книги получил, читаю и благодарю. Вы сдержали Ваше обещание, но это не послужило мне добрым примером: я не сдержал обещания и не выслал рассказов. На этот раз прошу простить.

Был расстроен, а вместе со мной расстроилась и моя шарманка. Теперь пришел в себя и сажусь за работу. «Петров день» (рассказ) вышел слишком длинен. Я его переписал начисто и запер до будущего года, а теперь никуда не пошлю³. Сейчас сажусь писать для Вас. Суббота у меня Ваш день. Завтра, вероятно, вышлю, но... не верьте, впрочем... Я мало-помалу становлюсь Подхалимовым⁴ и обманул Вас уже не раз...

А засим позвольте оставаться Вашим покорнейшим слугою

А. Чехов.

12

Н. А. ЛЕЙКИНУ

Между 21 и 24 августа 1883, Москва

Многоуважаемый

Николай Александрович!

Настоящий присыл принадлежит к неудачным. Заметки бледны, а рассказ не отшлифован и больно мелок¹. Есть тема получше и написал бы побольше и получил, но судьба на этот раз против меня. Пишу при самых гнусных условиях. Передо мной моя не литературная работа, хлопающая немилосердно по совести², в соседней комнате кричит детиньш приехавшего погостить родича³, в другой комнате отец читает матери вслух «Запечатленного ангела»...⁴ Кто-то завел шкапулку, и я слышу «Елену Прекрасную»... Хочется удрать на дачу, но уже час ночи. Для пишущего человека гнусней этой обстановки и придумать трудно что-

либо другое. Постель моя занята приехавшим сродственником, который то и дело подходит ко мне и заводит речь о медицине. «У дочки, должно быть, резь в животе — оттого и кричит...» Я имею несчастье быть медиком, и нет того индивидуя, который не считал бы нужным «потолковать» со мной о медицине. Кому надоело толковать про медицину, тот заводит речь про литературу.

Обстановка бесподобная. Браню себя, что не удрал на дачу, где, наверное, и выспался бы, и рассказ бы Вам написал, а главное — медицина и литература были бы оставлены в покое.

В сентябре удеру в Воскресенск, если погода не воспрепятствует. От Вашего последнего рассказа я в большом восторге⁵.

Ревет детиньш!! Даю себе честное слово не иметь никогда детей... Французы имеют мало детей, вероятно потому, что они кабинетные люди и в «Amusant» рассказы пишут. Их, слышно, хотят заставить иметь побольше детей — тема для «Amusant» и для «Осколков» в виде карикатуры: «Положение дел во Франции». Входит полицейский комиссар и требует иметь детей.

Прощайте. Думаю, как бы и где бы задать храповицкого.

С почтением, имею честь быть

А. Чехов.

13

Н. А. ЛЕЙБИНУ

19 сентября 1883, Москва

19 сентября

Многоуважаемый

Николай Александрович!

Зима вступает в свои права. Начинаю работать позимнему. Впрочем, боюсь, чтобы не сглазить...

Написал Вам пропасть, дал кое-что в «Будильник»¹

и в чемодан про запас спрятал штучки две-три... Посылаю Вам «В ландо», где дело идет о Тургеневе, «В Москве на Трубе»². Последний рассказ имеет чисто московский интерес. Написал его, потому что давным-давно не писал того, что называется легонькой сценкой. Посылаю и еще кое-что. Заметки опять не того... Отдано мною большое место «Училищу живописи» не без некоторого основания. Во-первых, все художественное подлежит нашей цензуре, потому что «Осколки» сами журнал художественный, а во-вторых, вокруг упомянутого училища вертится все московское великое и малое искусство. В-третьих, каждый ученик купит по номеру, что составит не малый дивиденд, а в-четвертых, мы заговорим об юбилее раньше других³. Я мало-помалу перестаю унывать за свои заметки. В Ваших питерских заметках тоже мало фактов. Все больше насчет общего, а не частного... (Прекрасно ведутся у Вас эти заметки... Остроумны и легки, хотя и ведет их, по-видимому, юрист.)⁴ Потом, я уже два раза съел за свои заметки «подлеца» от самых искренних моих, а Андрей Михайлович Дмитриев рассказывал мне, что он знает, кто этот Рувер. «Он в Петербурге живет... Ему отсюда посылается материал... Талантлив, бестия!»

Недавно я искусился. Получил я приглашение от Буквы написать что-нибудь в «Альманах Стрекозы»... Я искусился и написал огромный рассказ в печатный лист. Рассказ пойдет. Название его «Шведская спичка», а суть — пародия на уголовные рассказы. Вышел смешной рассказ. Мне нравятся премии «Стрекозы».

Вы пишете, что Пальмин дикий человек. Немножко есть, но не совсем... Раза два он давал мне материал для заметок, и из разговоров с ним видно, что он знает многое текущее. Проза его немножко попахивает чем-то небесно-чугунно-немецким, но, ей-богу, он хороший человек. Вчера у меня были большие гимназисты... Глядели Суворина на березе и не поняли⁵. Прощайте. С почтением имею честь быть

А. Чехов.

А. П. ЧЕХОВУ

Между 15 и 20 октября 1883, Москва

Брат наш мерзавец Александр Павлыч!

Первым делом не будь штанами и прости, что так долго не давал ответов на твои письма. Виновата в моем молчании не столько лень, сколько отсутствие досуга. Минуты нет свободной. Даже пасьянсов не раскладываю за неимением времен. У меня (вопреки, скотина, твоему желанию, чтобы я при переходе на V курс порезался) выпускные экзамены, выдержав кои, я получу звание Качиловского. Отзываются кошки мышкыны слезки; так отзывается и мне теперь мое нерадение прошлых лет. Увы мне! Почти все приходится учить с самого начала. Кроме экзаменов (кои, впрочем, еще предстоят только), к моим услугам работа на трупах, клинические занятия с неизбежными историями морби*, хождение в больницы... Работаю и чувствую свое бессилие. Память для зубрячки плоха стала, постарел, лень, литература... от нас водочкой пахнет и проч. Боюсь, что сорвусь на одном из экзаменов. Хочется отдохнуть, а... лето так еще далеко! Мысль, что впереди еще целая зима, заставляет мурашек бегать по моей спине. Впрочем, к делу.

А у нас новости. Начну со следующей страницы. 14 октября умер мой друг и приятель Федор Федосеевич Попудогло. Для меня это незаменимая потеря. Федосеевич был не талант, хоть в «Будильнике» и помещают его портрет¹. Он был старожил литературный и имел прекрасный литературный нюх, а такие люди дороги для нашего брата, начинающего. Как тать ночью, тайком, хаживал я к нему в Кудрино, и он изливал мне свою душу. Он симпатизировал мне. Я знал вся внутренняя его. Умер он от воспаления твердой оболочки мозга, хоть и лечился у такого важного врача, как я. Лечился он у 20 врачей, и из всех 20 я один

* историями болезней (от лат.— *historia morbi*).

только угадал при жизни настоящий недуг. Царство ему небесное, вечный покой! Умер он от алкоголя и добрых приятелей, *potina* коих *sunt odiosa* *. Неразумие, небрежность, халатное отношение к жизни своей и чужой — вот от чего он умер 37 лет от роду.

Вторая новость. Был у меня Н. А. Лейкин. Человечина он славный, хоть и скупой. Он жил в Москве пять дней и все эти дни умолял меня упросить тебя не петь лебединой песни, о которой ты писал ему. Он думает, что ты на него сердишься. Твои рассказы ему нравятся, и не печатаются они только по «недоумению» и незнанию твоему «Осколок». Вот слова Лейкина:

«И как бы ловко он сумел почесать таможду и как много у него материала, но нет! — Пишет про какую-то китайщину «там-од-зню», словно боится чего-то... Писал бы прямо «таможня», с русскими именами... Цензура не возбраняет». Где нет китайщины, там убийственная лирика. Пиши — набредешь на истинный путь. Лишний заработок окупит своею прелестью первые неудачи. А неудачи плевые: твои рассказы были печатаны в «Осколках».

С Лейкиным приезжал и мой любимый писака, известный Н. С. Лесков. Последний бывал у нас, ходил со мной в *Salon*, в Соболевские вертепы. Дал мне свои сочинения с факсимиле². Еду однажды с ним ночью. Обращается ко мне полупьяный и спрашивает: «Знаешь, кто я такой?» — «Знаю». — «Нет, не знаешь... Я мистик...» — «И это знаю...» Таращит на меня свои старческие глаза и пророчествует: «Ты умрешь раньше своего брата». — «Может быть». — «Помазую тебя елеем, как Самуил помазал Давида... Пиши». Этот человек похож на изящного француза и в то же время на попа-расстригу. Человечина, стоящий внимания. В Питере живучи, погошу у него. Разъехались приятелями.

Насчет рыбы и сантуринаского будешь иметь дело с фатером **, специалистом по части юридического.

* имена... ненавистны (лат.).

** отцом (от нем. — *Fater*).

У меня, признаться, денег нет, да и некогда их зарабатывать. Места тебе не ищут прямо из эгоистицизма: хочу лето с тобой провести на юге. Дачи не ищи, ибо можешь не угодить. Вместе поищем. Ты так смакуешь, описывая свои красненькие и синенькие, что трудно узнать в тебе лирика. Не ешь, брат, этой дряни! Ведь это нечисть, нечистоплотство. Синенькое тем только и хорошо, что на зубах хрустит, а от маринованной (наверное, ужасно) воняет сыростно-уксусной вонью. Ешь, брат, мясо! Похудеешь в этом подлом Таганроге, если будешь жрать базарную дрянь. Ты ведь не умеренно ешь, а в пьяном виде наешься и сырья. Хозяйка твоя смыслит в хозяйстве столько же, сколько я в добывании гагачьего пуха,— уж по одному этому будь осторожен в пище и ешь разборчиво. Мясо и хлеб. По крайней мере Мосевну не корми чем попало, когда вырастет. Пусть она не ведаёт теткиных коренчиков, отцовского соуса «катушками», твоего «покушать» и маменькиного лучшенького кусочка. Воспитавай в ней хоть желудочную эстетику. Кстати об эстетике. Извини, голубчик, но будь родителем не на словах только. Вразумляй примером. Чистое белье, перемешанное с грязным, органические остатки на столе, гнусные тряпки, супруга с буферами наружу и с грязной, как Конторская улица, тесемкой на шее — все это погубит девочку в первые же годы. На ребенка прежде всего действует внешность, а вами чертовски унижена бедная внешняя форма. Я, клянусь честью, не узнавал тебя, когда ты жил у нас 2 месяца тому назад. Неужели это ты, живший когда-то в чистенькой комнате? Дисциплинируй, брат, Катек! Кстати, о другого рода опрятности. Не бранись вслух. Ты и Катьку извратишь, и барабанную перепонку у Мосевны запачкаешь своими словесами. Будь я на месте Анны Ивановны, я тебя колотил бы ежеминутно. Кланяюсь Анне Ивановне и племяшке. Девочку у нас почитают. В «Будильнике» еще не печатают твоего. Когда начнут печатать, уведомлю.

Чехов.

10 декабря 1883, Москва

10/XII

Уважаемый

Николай Александрович!

Посылаю Вам заметки. На сей раз они вышли у меня, говоря искренно, жалки и нищенски тощи¹. Материал так скуден, что просто руки отваливаются, когда пишешь. Взял я воскресные фельетоны в «Новом времени» (субботний), в «Русских ведомостях», вообще во всех московских, перечитал их, но нашел в них столько же нового, сколько можно найти его на прошлогодней афише. Слухов и говорюв никаких. О ерунде же писать не хочется, да и не следует.

Вообще не клеится мой фельетон. Не похерить ли Вам Рувера? Руверство отнимает у меня много времени, больше чем осколочная беллетристика, а мало вижу я от него толку. Пригласите другого фельетониста. Ищите его и обрящете. Если же не обрящете, то соедините провинциальные заметки с московскими — не скверно выйдет. Искренно сожалею, что не сослужил своей службы, как надо быть и как бы Вам хотелось. Жалко и 15 целковых, которые давали мне каждый месяц мои заметки.

Я крайне утомлен, зол и болен. Утомили меня мои науки и насыщенный хлеб, который в последний месяц я должен был заработать в удвоенной против обыкновения порции, так как брат художник воротился из солдатчины только вчера. Приходилось работать черт знает где — причина, почему для прошлого номера не дал Вам рассказа. Так записался и утомился, что не дерзнул писать в «Осколки»: знал, что напишу чепуху. К утомлению прибавьте геморрой (черти его принесли). Три дня на прошлой неделе провалялся в лихорадке. Думал, что тифом от больных заразился, но, слава богу, миновала чаша.

Николай приехал, и станет легче.

Рассказ «Беда за бедой» не печатайте². Я нашел ему пристанище в первопрестольном граде. Назад тоже не присылайте. Я черновик отдал.

Не писать ли «Осколки московской жизни» компанией? Пусть Вам шлют, кто хочет, куплеты, а Вы стройте из них фельетоны. Я тоже буду присылать, ежели будет материал.

Отчего Вы в прошлых заметках про Желтова выкинули? Желтов известен в Москве и настолько, что стоит его продернуть. Его *все* знают. Да и вообще я писал о людях только известных (исключение: Белянкин) Москве.

И на сей раз не шлю Вам рассказа. 16-го декабря и 20-го у меня экзамены. Боюсь писать. Не сердитесь. Когда буду свободен, буду самым усерднейшим из Ваших сотрудников. И в голове у меня теперь как-то иначе: совсем нет юмористического лада!

Прошу извинения и кланяюсь.

Ваш покорный слуга

А. Чехов.

16

Н. А. ЛЕЙКИНУ

5 или 6 февраля 1884, Москва

Уважаемый

Николай Александрович!

Посылаю Вам рассказец¹. Больше прислать не могу, ибо беден досугом. К следующему номеру вышлю рассказ². Есть 2 темы наготове. Не сердитесь, ради бога, за то, что не работаю у Вас так, как сумел бы работать, если бы было у меня свободное время. Замучила меня медицина. Чувствую, что работаю как будто спустя рукава и сквозь пальцы, чувствую, ибо это на самом-таки деле и есть, но заслуживаю снисхождения.

Последний номер веселенький. «Дневник приключений», «У доктора» и Ваши письма читаются каждым проходящим ко мне (а приходит ко мне ежедневно человек 8—10) и возбуждают смех — именно то самое,

что нужно для юмористического журнала. Мой «Молодой человек» вызывает удивление своей нецензурностью...³ Удивляются наши цензурные москвичи! Да и трудно не удивляться: у нас вычеркивается «кокарда», «генерал от медицины»... Ваши письма в предпоследнем номере — очень хорошенькая вещь⁴. Вообще замечу, Вам чрезвычайно удаются рассказы, в которых Вы не пощупите на драматический элемент. Последний номер хорош и тем, что в нем нет рассуждений и мало фельетонов. Нет по крайней мере фельетона Черниговца.

Чего ради Вы выпустили из моего фельетона куплет о «велосипедистах»? Ведь у нас есть такое общество... Если Вы выпустили в видах экономии места, то втисните его в будущий фельетон, так как я ужасно беден фельетонным материалом⁵. Счастливчик И. Грэк! Ему можно пройтись насчет Островского и других «общих» явлений, а мне беда! — подавай непременно факты, и московские факты!

Если Вы оставили «Чад жизни» к следующему номеру, то бросьте его. Пародия не удалась, да и раздумал я. Б. Маркевич обыкновенно плачет, когда читает неприятные для своей особы вещи, плачет и жалуется... Придется поссориться с некоторыми его почитателями и друзьями, как ни скрывайся за псевдонимом. А стоит ли из-за такого пустяка заводить канитель. Вместо пародии я дам фельетонный куплетец — это короче⁶.

Пальмина давно не видел. Не слишком ли Вы жестоки к «Волне» и не слишком ли много говорите Вы об этом грошовом журнальчике?⁷ Лиодор Иванович забыл, вероятно, что Кланга ругали мы в «Осколках» во все корки. (Я два раза ругал, не щадя живота его.)⁸ Отчего бы не позволить ему хоть разик, хоть сдуру лягнуть «Осколки»? Лиодор Иванович поступил по-рыцарски, отказавшись работать в «Волне»; но не по-рыцарски поступил он, напечатав в «Московском листке» письмо, в котором отказывается от сотрудничества в «Волне», не объясняя мотивов⁹. Публика черт знает что может подумать.

А. Чехов,

И. А. ЛЕЙКИНУ

12 или 13 февраля 1884, Москва

Уважаемый

Николай Александрович!

Прилагая при сем фельетон, рассказ и мелочишку...¹ не знаю, что писать после деепричастия, не подберу никак главного предложения, хоть и литератор. Сейчас только что поужинал, сел писать, разогнался и — стоп машина! А начинать снова письмо не хочется.

Во-первых, посылаю Вам московскую литературу в лице сочинений Алексея Журавлева². Украл в типографии для Вас. Они напоминают те стихи, которые Вы читали мне и брату в Лоскутной гостинице, — маленькая, длинная в поперечнике книжка, сочиненная по поводу, кажется, коронации.

Потом, нельзя ли мой фельетон пускать без подписи? Теперь уже все знают, что я Рувер. Пушкирев совсем разобиделся, Мясницкий обидится... Все знакомы — хоть перо бросай! Пускайте без подписи, а я буду говорить, что я уже бросил фельетоны писать. Если же без подписи нельзя, то подпишите какую-нибудь букву (И. В., например). Если же перемена псевдонимов почему-либо отрицается Вами, то оставьте этот пункт без последствий³.

Про Мясницкого не вычеркивайте. Его пьеса в Москве составляет вопрос дня. Про любителей тоже — они составляют половину Москвы, и все прочтут⁴. Написал я рассказ... Написал уже давно, но послать Вам не решаюсь. Уж больно велик для «Осколков», 300—350 строк. Рассказ⁵ вышел удачный, юмористический и сатирический. Действующие лица: мировой съезд, врачи... Клубничен отчасти, но не резко. Не посылаю Вам, боясь огорчить Вас длиною. Так как он мне удался, то я его никому не отдам из московских... Спрячу в чемодан. Паче чаяния, ежели понадобится

Вам большой рассказ, если будет безматериальное или другая какая казнь египетская, то черкните строчку: я перепишу его начисто и пришлю.

«Кустодиевский» превосходен. Горбуновский рассказ, несмотря на незатейливую, давно уже заезженную тему, хорош — форма! Форма много значит...

«Путешествие в Китай» недостойно «Осколков»⁶, а рисунки Богданова совсем швах. Был у Пальмина. Читал он мне письмо, полученное им от книгопродавца Земского. Я взял слово с Л. И., что он пошлет Вам это письмо. Уж очень характерно! Оно оканчивается фразой: «Мерзко, братец!» Безграмотно и ругательно. А все за то, что Л. И. прозу пишет!

Ваш слуга А. Чехов.

P. S. В сказке⁷ я упоминаю про наш Воспитательный дом. В нем ревизия. Происходит нечто скандальное. Подчиненным тошно от начальства — суть в этом. Попросите И. Грэка в одной из его мелочишек коснуться слегка, упомянуть... Большая злоба дня!

18

Н. А. ЛЕЙКИНУ

25 июня 1884, Воскресенск

25/VI, 4, Воскресенск

Письмо № 1

Многоуважаемый
Николай Александрович!

Первый дачный блин вышел, кажется, комом. Во-первых, рассказ плохо удался. «Экзамен на чин» милая тема, как тема бытовая и для меня знакомая, но исполнение требует не часовой работы и не 70—80 строк, а побольше... Я писал и то и дело херил, боясь пространства. Вычеркнул вопросы экзаменаторов-уездников и ответы почтового приемщика — самую суть экзамена.

Во-вторых, рассказу этому пришлось пройти все тартары, начиная с моего стола и кончая карманом богомолки. Дело в том, что, принеся свой рассказ в здешний почтамт, я был огорошен известием, что почта не идет в воскресенье и что мое письмо может попасть в Питер только в среду. Это меня зарезало. Оставалось что-нибудь из двух: или почтить на лаврах, или же мчаться на железнодорожную станцию (21 верста) к почтовому поезду. Я не сделал ни того, ни другого, а решил поручить мою корреспонденцию кому-нибудь идущему на станцию. Ямщиков я не нашел. Пришлось поклониться толстой богомолке... Если богомолка поспеет на станцию к почтовому поезду и сумеет опустить письмо в надлежащее место, то я торжествую, если же бог не сподобит ее послужить литературе, то рассказ получите Вы с этим письмом¹. Теперь о темах для рисунков. Тут прежде всего мне нужно сознаться, что я очень туп для выдумывания острых подписей. Хоть зарежьте меня, а я Вам ничего умного не придумаю. Все те подписи, что я Вам раньше присылал, были достоинством не минуты, а всех прожитых мною веков. Отдал все, что было — хорошее и херовое — и больше ничего не осталось. Тема дается случаем, а у меня в жизни хоть и немало случаев, нет способности приспособлять случаи к делу. Но как бы там ни было, я придумал следующий план действий. Я буду присылать Вам все, чему только угодно будет залезть в мою голову. Сочинители подписей и мертвые не имеют сраму. Вы не будете конфузить меня, ежели пришлю несообразное...

Я умею сочинять подписи, но — как? В компании... Лежишь этак на диване в благородном подпитии, мелешь с приятелями чепуху, ан глядь! и взбредет что-нибудь в голову... Способен также развивать чужие темы, если таковые есть...

Живу теперь в Новом Иерусалиме... Живу с апломбом, так как ощущаю в своем кармане лекарский паспорт... Природа кругом великолепная. Простор и полное отсутствие дачников. Грибы, рыбная ловля и земская лечебница. Монастырь поэтичен. Стоя на всеношной в полумраке галерей и сводов, я придумываю темы

для «звуков сладких». Тем много, но писать решительно не в состоянии... Скажите на милость, где бы я мог печатать такие «большие» рассказы, какие Вы видели в «Сказках Мельпомены»? В «Мирском толке»? ² И к тому же лень... Простите, ради бога... Это письмо пишу я... лежа... Каков? Примостил себе на живот книжицу и пишу. Сидеть же лень... Каждое воскресенье в монастыре производится пасхальная служба со всеми ее шиками... Лесков, вероятно, знает об этой особенности нашего монастыря. Каждый вечер гуляю по окрестностям в компании, пестреющей мужской, женской и детской *modes et robes* *. Вечером же хожу на почту к Андрею Егорычу получать газеты и письма, причем копаюсь в корреспонденции и читаю адреса с усердием любопытного бездельника. Андрей Егорыч дал мне тему для рассказа «Экзамен на чин». Утром заходит за мной местный старожил, дед Прокудин, отчаянный рыболов. Я надеваю большие сапоги и иду куда-нибудь в Раменское или Рубцовское покушаться на жизнь окуней, голавлей и линей. Дед сидит по целым суткам, я же довольствуюсь 5—6 часами. Ем до отвала и умеренно пью листовку. Со мной семья, варящая, пекущая и жарящая на средства, даваемые мне рукописанием. Жить можно... Одно только скверно: ленив и зарабатываю мало. Если будете Вы в Москве, то почему бы Вам не завернуть в Новый Иерусалим? Это так близко... Со станции Крюково на двухрублевом ямщике 21 верста — 2 часа езды. Брат Николай будет Вашим проводником. И Пальмина захватить можно... Пасхальную службу послушаете... А? Если напишете, то и я мог бы за Вами в Москву приехать...

Трепещу. На этой неделе мне нужно стряпать фельетон для «Осколков», у меня же ни единого события. Высылать теперь буду с субботы... Вы будете получать в понедельник.

Бываю в камере мирового судьи Голохвастова — известного сотрудника «Руси». Видаю Маркевича, получающего от Каткова 5000 в год за свои переломы и бездны ³.

* здесь: модными туалетами (франц.).

Курс я кончил... Я, кажется, писал уж Вам об этом. А может быть, и не писал... Предлагали мне место земского врача в Звенигороде — отказался. (Можно будет Вам, если приедете, съездить к Савве Звенигородскому⁴ — это à rgoros *). Засим... кажется, уж больше не о чем писать. Кланяюсь и вручаю себя Вашим святым молитвам. Всегда готовый к услугам и уважающий
лекарь и уездный врач *А. Чехов.*

Ах да! Книжку я напечатал в кредит, с уплатою в продолжение 4-х месяцев со дня выхода. Что теперь творится в Москве с моей книжкой, не ведаю.

Хочу сейчас идти рыбу удить... Беда! Получил заказ из «Будильника» и, кажется, за неимением энергии не исполню...

См. следующее письмо. Это по не зависящим от редакции обстоятельствам застряло и залежалось.

19

Н. А. ЛЕЙКИНУ

27 июня 1884, Воскресенск

4, VI, 27

Письмо № 2

Вчера вечером, уважаемый Николай Александрович, получил Ваше письмо и прочел его с удовольствием. Письма на даче составляют удовольствие немалое. Вчера у Андрея Егорыча я получил их целых шесть штук купно с газетами и «Осколками» и до самой полуночи услаждал себя чтением. Прочел все, даже объявления в газетах и даже остроты новоиспеченного юмориста Е-ни... Вчера читал Ваше письмо, ныне же отвечаю... Сейчас я приехал с судебно-медицинского вскрытия, бывшего в 10 верстах от Воскресенска. Ездил на залихватской тройке купно с дряхлым, еле дышащим и за ветхостью никуда не годным судебным следователем, маленьким, седеньким и доб-

* кстати (франц.).

рейшим существом, мечтающим уже 25 лет о месте члена суда. Вскрывал я вместе с уездным врачом на поле, под зеленью молодого дуба, на проселочной дороге... Покойник «не тутошний», и мужики, на земле которых было найдено тело, Христом богом, со слезами молили нас, чтоб мы не вскрывали в их деревне... «Бабы и ребята спать от страху не будут...» Следовательно сначала ломался, боясь туч, потом же, сообразив, что протокол можно написать и начерно и карандашом, и видя, что мы согласны потрошить под небом, уступил просьбам мужиков. Встревоженная деревушка, понятия, десятский с бляшкой, баба-вдова, голосащая в 200 шагах от места вскрытия, и два мужика в роли кустодиев * около трупа... Около молчащих кустодиев тухнет маленький костер... Стеречь труп днем и ночью до прибытия начальства — мужицкая, никем не оплачиваемая повинность... Труп в красной рубахе, новых портах, прикрыт простыней... На простыне полотенце с образком. Требуем у десятского воды... Вода есть — пруд под боком, но никто не дает ведра: запоганим. Мужик пускается на хитрость: манехинские воруя ведро у трухинских... Чужого ведра не жалко... Когда они успевают украсть и как и где — непонятно... Ужасно довольны своим подвигом и посмеиваются... Вскрытие дает в результате перелом 20 ребер, отек легкого и спиртной запах желудка. Смерть насильственная, происшедшая от задушения. Пьяного давили в грудь чем-то тяжелым, вероятно хорошим мужицким коленом. На теле множество ссадин, происшедших от откачивания. Манехинские нашли тело и качали его 2 часа так усердно, что будущий защитник убийцы будет иметь право задать эксперту вопрос: поломка ребер не была ли следствием откачивания? Но думаю, что этот вопрос не задастся... Защитника не будет, не будет и обвиняемого... Следовательно до того дряхл, что не только убийца, но даже и большой клоп может укрыться от его меркнущего ока... Вам уже надоело читать, а я разохотился писать... Прибавлю еще одну характерную черточку и умолкну. Убитый — фабрич-

* сторожей (от лат. custodia — стража).

ный. Шел он из тухловского трактира с бочонком водки. Свидетель Поликарпов, первый увидевший у дороги труп, заявил, что он видел около тела бочонок. Проходя же через час мимо тела, этот Поликарпов уже не видел бочонка. Ergo: * тухловский трактирщик, не имеющий права продажи на вынос, дабы стушевать улики, украл у мертвеца бочонок. Но довольно о сем. Вы возмущаетесь осмотром кормилиц... А осмотр проституток? Медики (конечно, ученые), затрагивавшие вопрос «об оскорблении нравственного чувства» осматриваемых, судили-рядили и остановились на одном: «Их товар, наши деньги»... Если медицинской полиции можно, не оскорбляя личности торгующего, свидетельствовать яблоки и окороки, то почему же нельзя оглядеть и товар кормилиц или проституток? Кто боится оскорбить, тот пусть не покупает... Если Вы побоитесь оскорбить щупаньем кормилицу и возьмете ее не щупая, то она угостит Вас таким товарцем, который бледнеет перед гнилыми апельсинами, трихинными окороками и ядовитыми колбасами. У Вас 600 кустов георгин... На что Вам этот холодный, не вдохновляющий цветок? У этого цветка наружность аристократическая, баронская, но содержания никакого... Так и хочется сбить тростью его надменную, но скучную головку. Впрочем, *de gustibus non disputantur* ** Я не хотел поместить в «Осколках» объявление о моей книжке не потому, что считаю это бесполезным, как Вы на меня клеветеете, а просто потому, что боялся стеснить Вас: места у Вас мало, а брать с меня, как с других берете, Вы поделикатитесь... Поместите объявление, скажу спасибо ¹. Ежели возможно вставить фразу «иногородние получают через редакцию «Осколок», то скажу сугубое спасибо. Покупателей много не будет, и Вас эта фраза не стеснит. Ежели паче чаяния найдется желающий купить книжку через редакцию, то Вам придется только сообщить мне в ближайшем письме адрес счастливица и — больше, кажется, ничего... Впрочем, в издательском деле я решительно ничего не

* Следовательно (лат.).

** о вкусах не спорят (лат.).

понимаю... Действуйте, как лучше... За указания поклон и спасибо. Исполню все так, как Вы написали. Страсть, сколько я написал Вам! Через день хожу в земскую больницу, где принимаю больных. Надо бы каждый день ходить, да лень. С земским врачом мы давнишние приятели.

Votre * *А. Чехонте.*

20

Н. А. ЛЕЙКИНУ

4 ноября 1884, Москва

84, XI, 4

Уважаемый
Николай Александрович!

Пишу Вам, дабы предупредить Вас, что фельетон будет выслан мною не сегодня, в воскресенье, а завтра, в понедельник. Стало быть, Вы можете на этот счет быть покойны... Фельетон мой почти уже готов ¹, но мал очень, и хочется мне прибавить еще что-нибудь... Вместе с фельетоном пришлю две темы и, быть может, рассказ... ² Фельетон ужасен... Материала никакого, и поневоле приходится писать про Кузнецова и его салон—противно даже. Вчера и сегодня болен... Голова трещит, лихорадка... Работать не в состоянии... Был у меня Пальмин и передал мне, что Вы на меня сердитесь. За что? Вы пишете ему, что я не присылаю Вам рассказов... Беру богов в свидетели, что я не посылаю Вам рассказов только тогда, когда знаю, что у Вас есть уже в запасе мой рассказ... Это справедливо даже относительно того из последних номеров, в котором не было ничего моего. Вы можете только претендовать, что некоторые мои рассказы выходят плохи... На это могу возразить Вашей же фразой, сказанной в одном из Ваших писем относительно печи, не всегда одинаково пекущей.

Далее Вы громите меня за то, что я не даю тем. Если бы сочинять темы было так же легко, как заку*

* Ваш (франц.).

рить папиросу, то я прислал бы Вам их видимо-невидимо, но Вы сами знаете, что легче найти 10 тем для рассказов, чем одну порядочную подпись... И неужели Вы думаете, что я не прислал бы их Вам, если бы они у меня были? Точно я их продаю в другой журнал? Все темы, какие у меня накопились за все время моего литературничества, я вывалил Вам в прошлом году... И теперь выдумываю и изредка присылаю... Сделал даже по Москве клич, что плачу по полтиннику за каждую сносную тему... Вы в последнем нашем разговоре в Лоскутной, набавляя 5 р. к добавочным, мое упорство относительно недоставления подписей поставили в некоторую связь с добавочными... Если я получаю эти добавочные только за темы, то, конечно, я получаю их ни за что... Но ведь это легко поправить! Стоит только перестать высылать их — вот и все!

Далее Вы, как передает Лиодор Иванович, жалуетесь, что я не всегда отвечаю на Ваши письма. Это правда, винюсь. Дело в том, что посылку произведений своих я довожу до крайнего срока и не успеваю писать Вам, несмотря на искреннее желание. Я уже не раз извинялся в этом и не раз писал Вам громадные письма, чтобы хоть этим загладить свою вину. На письма, имеющие деловой характер, я всегда отвечал... Теперь, дав ответ на претензии, заявленные Пальминым, продолжаю о своем...

В эту неделю не посылаю Вам несколько рассказов, ибо был все время и болен и занят: пишу маленькую чепуху для сцены — вещь весьма неудачную...³ По утрам и вечером готовлюсь к докторскому экзамену⁴.

Во вторник буду у Пальмина и подумаю с ним о темах для передовиц. Николай ничего не делает, хотя, судя по его прелестному рисунку в последнем номере «Осколков», и следовало бы работать⁵. У Гиляровского родился младенец мужеска пола.

Да! 22-го разбирается дело Рыкова...⁶ Буду в окружном суде, ибо имею билет... Не нужно ли для «Петербургской газеты» фельетонов о Рыкове?⁷ Если нужно, то порекомендуйте. Возьму дешево: по 50 р. за фельетон... Дело будет тянуться 12 дней. Без эффектов не обойдется... О многом можно написать...

Письмо это коротко, но думаю, что я все сказал, что нужно для того, чтоб Вы перестали сердиться. Мечтаю в декабре быть у Вас.

Ваш А. Чехов.

Рекомендовал я Вам поэта Медведева. Махонький, плюгавенький... Жалко мне его, потому и рекомендовал. Кушать хочет, а денег нет... Будете объявления о журнале пускать? Если будете, то хорошо... Я на Вашем месте тысяч пять бы убухал на рекламу... Рекламу пустить с рисунками, рассказами, анекдотами... красками...

А о «Петербургской газете» — пожалуйста. Не дадите ли и Вы место в осколочных фельетонах скопинскому делу? ⁸ Если да, то предупредите... Дело большое, на всех хватит.

21

Н. А. ЛЕЙКИНУ

16 ноября 1884, Москва

84, XI, 16

Уважаемый

Николай Александрович!

Ах! Но одного «аха» не достаточно...

Изумляюсь, как это я не понял Вас относительно Худекова? Вы писали, что ему не нужно фельетонов, а нужны краткие сведения из суда строк в 100... ¹ Мне почему-то вообразилось, что под сведениями надлежит понимать рассказы... (Если эти сведения не фельетон — то что же?) Спасибо, что написали и наставили на путь истинный... Вы удивляетесь моей странной прыти: как это, мол, можно написать рассказ за день до суда? Рассказ — не пожарная команда: и за полчаса до пожара может быть состряпан. Но дело не в этом, а в том, что в первой моей посылке я хотел изобразить нововведения в окружном суде, состряпанные ради Рыкова и которые я еду осматривать в понедельник...

Они достойны описания, а не описывать же их в самый день суда, когда будет и так много материала!..

Второе «ах» по поводу «Речи и ремешка». Сей рассказ напечатан нигде не был. Суть его я припоминаю, исполнение забыто... Прочту с удовольствием, как нечто не мое...²

Я не думал, что мой рассказ, напечатанный в «Развлечении», достоин «Осколков». Я не послал его, ибо он длинен и плох — так по крайней мере мне казалось³. А Вы не сердитесь, когда видите меня дезертирующим из «Осколков»... Человек я семейный, неимущий... деньги надобны, а «Развлечение» платит мне 10 коп. со строки⁴. Мне нельзя зарабатывать менее 150—180 руб. в месяц, иначе я банкрот.

О Медведеве скорблю. Голоден и холоден. Студент...⁵

О Николае молчу. Нарисовал он Вам хороший рисунок... Если я спрошу его, послал ли он Вам его или нет, то наверное соврет... Если приедете в ноябре, то — пегсі. У нас зимой весело. В Стрельну можно будет съездить...

Был я недавно в одной ископаемой редакции («Россия») и подслушал весьма интересный разговор. Человек 10—15 сидели за чаем и толковали про «Осколки». Сравнивали с «Искрой», говорили, что они лучше «Искры», что в них есть направление, остроумие... что пресса подло делает, что обращает на них мало внимания и проч. ...Похвалили даже московский фельетон, спросив меня, кто это Улисс. Не первый уж раз слышу я такое мнение об «Осколках» и всякий раз «взыграся во чреве моем младенец»... Держитесь! Подтяните художественный отдел до высоты хотя бы стрекозиной и — благо будет...

Я понатужусь и дам мелочишек, а пока не забывайте, что у Вас есть всегда готовый к услугам

А. Чехонте.

Кстати. Рыковское дело будет, как говорят, тянуться 2—3 недели... Не пришлет ли мне г. Худеков на вся-

кий случай какого-либо вида от «Петербургской газеты», карточку, что ли... Мелочи вышлю завтра... Я несчастлив: каждый день гости...

22

Н. А. ЛЕЙКИНУ

26 ноября 1884, Москва

84, XI, 26

Уважаемый
Николай Александрович!

В письме своем Вы начинаете с Политковской. С нее начну и аз. Рассказов ее я не читал и послал их к Вам «девственными», мною не тронутыми. Читать их было некогда, ибо она стояла над душой и требовала послать сейчас... Прочти я их и найди скверными, мне все-таки пришлось бы их послать Вам... А как баба обрадовалась, прочитав Ваше письмо! ¹ Она прибежала ко мне и поклялась послать Вам еще очень много рассказов.

Николая видел и претензии Ваши ему заявлял. Пообещал поспешить высылкой. Не знаю, откуда он взял, что я обещал дать подпись к его рисунку? Может быть, и обещал, но... не помню... Подумаю, и если надумаю на днях, то на днях же и вышлю.

Теперь насчет бывшей у Вас Н. А. Гольден. Это мой хороший приятель... Бабенка умная, честная и во всех смыслах порядочная. Имеет честь быть свояченицей писателя-изобретателя Пушкиарева. Несколько дика, чем и объясняется, что она не сняла пальто. Пушкиарева при ней ругать можно.

Засим о «Петербургской газете». О Рыкове строчу туда ежедневно и, вероятно, на Худекова не потрафляю. Дело непривычное и, сверх ожидания, тяжелое. Сидишь целый день в суде, а потом как угорелый пишешь... Не привык я к такому оглашенному письму. Пишу скверно, а тут еще гг. корректоры стараются и починают мое писанье. Пишу, например: «Палата

идет!», как и подобает, а они, милые люди, исправляют: «Суд идет!» Уж ежели они мне не верят, так нечего им было со мною и связываться. Против сокращений я ничего не имею, ибо я новичок в деле судебной хроники, изменять же смысл не уполномочивал.

Я пишу: «Этот скопинский нищий подает вдруг в банк объявление о взносе им вкладов на 2 516 378 р. и через два-три дня получает эту сумму чистыми деньгами... (помню с этого места приблизительно), но ими не пользуется, ибо объявление делает по приказу Рыкова в силу его политики...» Последнее со слова «но» зачеркивается, и нищий выходит у меня богачом...?!?

Помаленьку привыкаю, и позднейшие корреспонденции выходят лучше и короче первых. Вы ничего не говорите Худекову. Жалуюсь только Вам... Да и не жалуюсь, а так только копеечную скорбь свою изливаю. В суде в общем весело. Протянется процесс еще 2—3 недели... Если Вам по нутру придутся картинки из Скопина, то не прислать ли новую серию? Злоба дня солидная... Дело я понимаю, и тем много. Если согласны, то отвечайте шнеллер*.

Мечтаю в декабре прибыть в Питер... хочу удрать от женщин, навязывающих мне участие в любительском спектакле. Мне! сотруднику «Осколков»! Ах!

Пишу конец письма дома, воротившись из суда.

Ваш А. Чехов.

23

Н. А. ЛЕЙБИНУ

22 марта 1885, Москва

85, III, 22

Уважаемый

Николай Александрович!

Поздравляю Вас с пасхой и желаю всех благ и успехов. Чтобы не вливать лишней горечи в Ваше праздничное настроение, шлю свой транспорт задолго до

* быстрее (от нем.— schneller).

срока. Фельетона пока нет, потому что материала буквально — *нуль*. Кроме самоубийств, плохих мостовых и манежных гуляний, Москва не дает ничего. Схожу сегодня к московскому оберзнайке Гиляровскому, сделавшемуся в последнее время царьком московских репортеров, и попрошу у него сырого материала. Если у него есть что-нибудь, то он даст, и я пришлю Вам обозрение, по обычаю, к вечеру вторника. Если же у него ничего нет и если чтение завтрашних газет пройдет так же бесплодно, как и чтение вчерашних, то придется на сей раз обойтись без обозрения. Я, пожалуй, могу написать про думу, мостовые, про трактир Егорова... Да что тут осколочного и интересного? Думаю, что сотрудники понаслали Вам к празднику много всякой святочной всячины и отсутствие обозрения не заставит Вас работать в праздник над лишним рассказом. Да и я шлю три штучки...¹ Из них только одна может оказаться негодной, две же другие, кажется, годны. Шлю при сем и подписи для рисунков. Рад служить во все лопатки, но ничего с своей толкастикой не поделаю, — начнешь выдумывать подпись, а выходит рассказ или ничего не выходит... Будь я жителем Петербурга и участвуй в Ваших с Билибиным измышлениях, я принес бы пользу, ибо сообща думается легче... Но увы! Питерцем быть мне не придется... Я так уж засел в московские болота, что меня не вытянете никакими пряниками... Семья и привычка... Не будь того и другого, я не дал бы Вам покоя и заел бы Вас своими просьбами о месте...

Тема «Аптекарская такса» модная...² Ею, думаю, можно воспользоваться... Предлагаю Вам воспользоваться также и вопиющими банкротствами нашего времени... В Москве лопаются фирмы одна за другой... Одна лопается, падает в яму и другую за собой тянет... В Питере тоже, в Харькове тоже... Для Кирилла и Мефодия годится параллель между IX и XIX веками... Нарисуйте чистенькую избушку с вывеской «школа»... Вокруг одетые и сытые мужики... Это IX век. Рядом с ним XIX век: та же избушка, но уже похилившаяся и поросшая крапивой...

В IX веке были школы, больницы. В XIX есть шко-

лы, кабаки... Вообще у меня что-то копошится в голове, но ориентироваться лень... Лень самая подлая — мозговая... Посылать незаконченный проект неделикатно, но уж Вы простите... Когда у меня в доме кончится приборка и сестрица не будет играть гамм, тогда, пожалуй, буду заканчивать, а теперь и бог простит... Пальмин перебрался... Совсем. Вечный Жид! Видимо, его натура не может удовлетворяться местами... Если натура тут ни при чем, то, конечно, виновата жена... Хорошенькое словцо: баба «дьяволит»!

Нужно бы Вам подтянуть художественный отдел. Все хорошо в «Осколках», но художественный отдел критикуется даже в мещанском училище. Рисунки почти лубочны. Например, что это за паровые машины, рисуемые Порфирьевым? Фантазии — ни-ни... изящества тоже... Поневоле «Стрекоза» будет идти и иметь успех... Самосекальная машина, например, тема не плохая, если изобразить ее как следует, в лубочном же виде она пустяковая, мелочная... Все рисунки дают впечатление такого рода, что будто бы их рисовали для того только, чтобы отделаться: наотмашь, спустя рукава... Нам, прозаикам, и бог простит наши грехи, но художникам следует по-божески работать... Роскошью рисунка искупается и подпись... по рисункам публика привыкла судить и о всем журнале, а бывают ли в «Осколках» рисунки? Есть краски и фигуры, но типов, движений и рисунка нет...

Вообще художественный отдел у Вас в каком-то загоне... Не помещаете портретов в карикатуре, как это делают другие, не даете карикатур... Номер «Пчелки», в котором был помещен Вальяно, разошелся на юге в тысячах экземпляров... «Стрекоза», наверное, тоже... Номер «Пчелки» с портретом Пастухова был в Москве продан нарасхват... Сам Пастухов купил 200 экземпляров.

Подтяните художников! К несчастью, их так мало и так они все избалованы, что с ними каши не сварить...

Прощайте. К юбилею Кирилла и Мефодия изображу что-нибудь³. Правда ли, что в Кронштадте был случай холеры? Рад, что Александр угодил Вам... Он

малый трудящий и с большим толком... Юмористика его порок врожденный... Если станет на настоящий путь и бросит лирику, то будет иметь большущий успех.

Ваш А. Чехов.

24

Н. А. ЛЕЙКИНУ

9 мая 1885, Воскресенск

85, V, 9. Воскресенск

Уважаемый

Николай Александрович!

Шлю Вам из дачи первый транспорт. Благоволите в рассказе «Павлин» в пробелах написать имена соответствующих петербургских увеселительных мест, которых я не знаю и назвал чрез N и Z¹. Шлю короткий фельетон и несколько мелочишек². В прошлую неделю не прислал ничего, ибо, перевозя семью, был завален хлопотами. Чуть не разревелся я, прочитав в Вашем письме о судьбе рассказа «Упразднили»³. Не жаль мне его достоинств, каковых в нем мало, но жаль денег, которые я мог бы за него получить. Нельзя ли сдать его в «Петербургскую газету»? Там, быть может, он сгодится. Ах да! «Петербургской газеты» я не получаю и нахожусь в полном неведении относительно посланных туда двух рассказов⁴. Великое одолжение сделаете мне, если прикажете высылать мне газету. Скажу большое спасибо и буду петь Вам, дондеже есмь. Больше, честное слово, не буду беспокоить Вас...

Алоэ стало выписываться и радовать мое братское сердце. Только напрасно он себе др[...]ный псевдоним избрал и об одной только таможене пишет... Не только света, что в таможене, есть и другие ямы... Вот Вам еще новое доказательство московской тлетворности: ушел человек из Москвы, попал в Питер, где иные порядки, и стал лучше...

Чувствую себя на эмпиреях и занимаюсь благоглупостями: ем, пью, сплю, ужу рыбу, был раз на охоте...

Сегодня утром на жерлицу поймал налима, а третьего дня мой соохотник убил зайчиху. Со мной живет художник Левитан (не тот, а другой — пейзажист)⁵, ярый стрелок. Он-то и убил зайца. С беднягой творится что-то недоброе. Психоз какой-то начинается. Хотел на святой с ним во Владимирскую губернию съездить, проветрить его (он же и подбил меня), а прихожу к нему в назначенный для отъезда день, мне говорят, что он на Кавказ уехал... В конце апреля вернулся откуда-то, но не из Кавказа... Хотел вешаться... Взял я его с собой на дачу и теперь прогуливаю... Словно бы легче стало...

Поставил я в реке и в пруде верши и то и дело вынимаю их из воды: терпенья не хватает... Природу не описываю. Если будете летом в Москве и приедете на богомолье в Новый Иерусалим, то я обещаю Вам нечто такое, чего Вы нигде и никогда не видели... Роскошь природа! Так бы взял и съел ее...

Гонорар получил, журнал получаю. Так нельзя ли «Упразднили» сдать в «Петербургскую газету»? Природа великолепна, дача роскошна, но денег так мало, что совестно на карманы глядеть. Жениться на богатой купчихе, что ли? Женюсь на толстой купчихе и буду издавать толстый журнал. Прощайте и не сердитесь на неисправнейшего

А. Чехова.

25

М. П. ЧЕХОВУ

10 мая 1885, Бабкино

85, V, 10

Миша-терентиша!

Наконец тяжелые боты сняты, руки не воняют рыбой, и я могу написать письмо. Сейчас 6 часов утра. Наши спят... Тишина необычайная... Попискивают только птицы да скребет что-то за обоями. Я пишу сии строки, сидя перед большим квадратным окном у себя в комнате. Пишу и то и дело поглядываю в окно. Перед моими глазами расстилается необыкновенно теплый,

55

ласкающий пейзаж: речка, вдали лес, Сафонтьево, кусочек киселевского дома... Пишу для удобства по пунктам:

а) Доехали мы по меньшей мере мерзко. На станции наняли двух каких-то клякс Андрея и Панохтея (?) по 3 целкача на рыло. (Почтовые брали по 6 р. за тройку.) Кляксы все время везли нас возмутительнейшим шагом. Пока доехали до бабулой церкви, так слюной истекли. В Еремееве кормили. От Еремеева до города ехали часа 4 — до того была мерзка дорога. Я больше половины пути протелепкался пешедралом. Через реку переправились под Никулиным, около Чикина. Я, поехавший вперед (дело было уже ночью), чуть не утонул и выкупался. Мать и Марью пришлось переправлять на лодке. Можешь же представить, сколько было визга, железнодорожного шипенья и других выражений бабьего ужаса! В киселевском лесу у ямщиков порвался какой-то тяж... Ожидание... И так далее, одним словом, когда мы доплелись до Бабкина, то было уже час ночи... Sic!! *

б) Двери дачи были не заперты... Не беспокоя хозяев, мы вошли, зажгли лампу и узрели нечто такое, что превышало всякие наши ожидания. Комнаты громадны, мебели больше, чем следует... Все крайне мило, комфортабельно и уютно. Спичечницы, пепельницы, ящики для папирос, два рукомойника и... черт знает чего только не наставили любезные хозяева. Такая дача под Москвой по крайней мере 500 стоит. Приедешь — увидишь. Водворившись, я убрал свои чемоданы и сел жевать. Выпил водочки, винца и... так, знаешь, весело было глядеть в окно на темневшие деревья, на реку... Слушал я, как поет соловей, и ушам не верил... Все еще думалось, что я в Москве... Уснул я великолепно... Под утро к окну подходил Бегичев и трубил в трубу, но я его не слышал и спал, как пьяный сапожник.

с) Утром ставлю вершу и слышу глас: «Крокодил!» Гляжу и вижу на том берегу Левитана... Перевезли его на лошади... После кофе отправился я с ним и с

* Так!! (лат.)

охотником (очень типичным) Иваном Гавриловым на охоту. Прошлялись часа 3½, верст 15, и укокошили зайца. Гончие плохие...

d) Теперь о рыбе. На удочку идет плохо. Ловятся ерши да пескари. Поймал, впрочем, одного голавля, но такого маленького, что в пору ему не на жаркое идти, а в гимназии учиться.

e) На жерлицы попадается. На Ванину жерлицу попался громадный налим. Сейчас жерлицы не стоят, ибо нет живцов. Вчера вечером был ветер и нельзя было ловить. Привези жерличных крючков средней величины. У меня не осталось ни одного.

f) О мои верши! Оказалось, что их очень удобно везти. В багаже не помяли, а к возам привязаны сзади были... Одна верша стоит в реке. Она поймала уже плотицу и громаднейшего окуня. Окунь так велик, что Киселев будет сегодня у нас обедать. Другая верша стояла сначала в пруде, но там ничего не поймала. Теперь стоит за прудом в завадине (иначе в плесе); вчера поймала она окуня, а сейчас утром я с Бабакиным вытащил из нее *двадцать девять карасей*. Каково? Сегодня у нас уха, рыбное жаркое и заливное... А посему привези 2—3 верши. Покупают их у Москворецкого моста в живорыбных лавках. Я дал по 30 коп., но ты дашь по 20—25. Привезешь их из лавок к себе, конечно, на извозчике.

g) Марья Владимировна здравствует. Подарила матери банку варенья и вообще любезна до чертиков. Поставляет мне из французских журналов (старых) анекдоты... Барыш пополам. Киселев по целым дням сидит у нас. Вчера на пироге выпил 3 громадных рюмки. Бегичев ел, но не пил... Довольствовался только тем, что глядел умоляющими глазами на графин с водкой.

h) Я не пью, но тем не менее вино уже выпито. Вино так хорошо, что Николай и Иван обязаны привезти по бутылки (в чемоданах, как я). Вино здесь находка. Что может быть приятнее, как выпить после ужина на террасе по стаканчику вина! Ты объясни им. Вино великолепное... Покупал я его на Мясницкой, по правую руку, если идти от почтамта к городу, в винной лавке грузин.

Гиляй знает эту лавку. Вино называется «Ахмет», или «Махмет», белое...

і) Левитан живет в Максимовке ¹. Он почти поправился. Величает всех рыб крокодилами и подружился с Бегичевым, который называет его Левиафаном. «Мне без Левиафана скучно!» — вздыхает Бегичев, когда нет крокодила.

к) Дорога теперь установилась и переезд через реку настолько хорош, что вчера даже Тышко приезжал. Скажи Лиле, чтобы приезжала на неделю. Места пропасть, провизия отменная. Пригласи ее и укажи ей путь, объяснив, сколько платить ямщикам и проч. Обрато можно задешево проехать. На неделю, не меньше...

л) Что же Николай?

м) Привезите Ольгин паспорт, вареной колбасы с чесноком для Киселева (колбасы 3—4), лаврового листа, перцу, почтовой бумаги большого формата.

н) Выпиши из энциклопедического словаря июнь, июль и август ². Это легче, чем везти их в Бабкино. Сегодня я встал в 3¹/₂ часа. Сейчас пью чай и ложусь спать. Сплю до кофе, а после кофе иду с Киселевым глядеть верши. Вчера написал очень много и сейчас посылаю. Работается.

Твой А. Чехов.

В воскресенье на охоту. На днях приедет Владиславлев и привезет невод. То-то ловля будет! Кланяюсь всем.

26

П. Г. РОЗАНОВУ

Июнь 1885, Бабкино

Г Звенигородскому Уездному Врачу.

Имею честь просить Ваше Высокоблагородие принять уверение в глубоком моем уважении, а также вменяю Вам в приятную (?) обязанность взять у врача Успенского оставленную мною у него красную рубаху и доставить оную при случае, как вещественное дока-

зательство моего пребывания в г. Звенигороде. Надеюсь получить ее от Вас в Бабкине. При сем провожаю госпожу Маркову для медицинского освидетельствования ее сосудистой системы, преимущественно сердца, в котором, как она мне заявила, запечатлелся Ваш образ. Сей образ прошу наспиртовать и прислать мне.

Хирург патологии: А. Чехов.

27

Н. А. ЛЕЙКИНУ

30 сентября 1885, Москва

85, IX, 30. Понед.

Уважаемый

Николай Александрович!

Получил Ваше письмо с корректурой моего злополучного рассказа...¹ Судьбы цензорские неисповедимы! Покорный Вашему совету, шлю изгнанника в «Петербургскую газету».

Посылаю Вам: а) «Осколки московской жизни»². Как бы ни было, хоть с грехом пополам, но писать их буду и, вероятно, чаще, чем раз в месяц. Дело в том, что они читаются и перепечатываются. Обыкновенно у меня воспевается то, что прозевывается или недоступно для «Будильника» и «Развлечения», и, таким образом, благодаря моему обозрению и тому, что половина осколочных столбов — кровные москвичи, «Осколки» идут за московский журнал. Будь в Москве художник-юморист, который рисовал бы для Вас московскую жизнь, тогда бы еще лучше было. Вы как-то говорили мне, что в Москве розничная продажа «Осколков» стоит на точке замерзания. Может быть, но зато «Осколков» в Москве выходит больше, чем «Будильника» и «Развлечения»! б) Рассказ³. в) Стихи Гиляровского. Та неприятная штука, о которой Вы писали, есть, конечно, недоразумение. Гиляровский человек порядочный, вышколенный «Русскими ведомостя-

ми», обеспеченный... Имея около 300 р. в месяц, едва ли он стал бы фальшивить из-за рубля! ⁴ Это верно... Я его знаю... Что он шлет Вам дребедень, это понятно: занят день и ночь, а работать в «Осколках» хочется. Вообще сотрудник он полезный, если не теперь, то в будущем. d) Есть в Москве юнец, некий Родион Менделевич, человек забитый, голодающий, представляющий собой нечто бесформенное и неопределенное: не то он аптекарь, не то портной... Прочитывая всю московскую чепуху, я насканивал на его стихи, которые сильно выделялись из пестрой братии: и свежи, и гладки, и коротки... Попадались такие, что хоть на музыку переключивай... Помня Вашу заповедь — вербовать сотрудников для «Осколков», я по приезде в Москву отыскал этого Родиона и предложил ему послать пробу пера к Вам... Он страшно обрадовался, обалдел и в один день накатал чуть ли не 10 штук и принес мне. Накатал он сплеча, а потому (насколько я смыслю) добрая половина их никуда не годится. Есть 2—3 стихика, которые, несомненно, годны. По первому присылу не судите о нем.

О Сентябре (я ранее писал уже Вам) напишу купно с Октябрем. Подписей — увы! — нет в моих мозгах! Политические темы только тогда не скучны и не сухи, когда в них затрагивается сама Русь, ее ошибки. Отчего Вы для передовицы не хотите воспользоваться процессом Мироновича? ⁵ Почему не посмеяться над следствием, над экспертами, фатящими, допрашивающими свидетелей, требующими эффекта ради вырытия покойницы, над защитой и ее претензиями (водолазы, например) и проч.? Если что надумаю, то не буду ждать понедельника, а пошлю среди недели. А пока будьте здоровы.

Ваш А. Чехов.

Сижу без денег. «Будильнику» должен, до осколочного гонорара еще далеко, а из «Петербургской газеты» ни слуху ни духу, хотя я послал ей самый подробный счет. У меня начало осени всегда кисло.

Буду жить, вероятно, на Якиманке, но переберусь туда не ранее 10-го октября. Полы красят.

Н. А. ЛЕЙКИНУ

12 октября 1885, Москва

Уважаемый

Николай Александрович!

Ваше письмо получено мною уже на новой квартире. Квартира моя за Москвой-рекой, а здесь настоящая провинция: чисто, тихо, дешево и... глуповато. Погром на «Осколки» подействовал на меня, как удар обухом...¹ С одной стороны, трудов своих жалко, с другой — как-то душно, жутко... Конечно, Вы правы: лучше сократиться и жевать мочалу, чем с риском для журнала хлестать плетью по обуху. Придется подождать, потерпеть... Но думаю, что придется сокращаться бесконечно. Что дозволено сегодня, из-за того придется съездить в комитет завтра, и близко время, когда даже чин «купец» станет недозволенным фруктом. Да, непрочный кусок хлеба дает литература, и умно Вы сделали, что родились раньше меня, когда легче и дышалось и писалось...

Посылать Вам что-нибудь в эту неделю я не был намерен. У Вас были 3 мои вещи, и отдохновение я считал законным, тем более что меня заездила перевозка. Ныне, получив Ваше письмо и узнав про судьбу моих 3-х вещей², я шлю Вам рассказ, который писал не для «Осколков», а для «вообще», куда сгодится. Рассказ немножко длинен, но он трактует об актерах, что ввиду открытия сезона весьма кстати, и, как мне кажется, юмористичен³. Завтра засяду и напишу «Сентябрь и Октябрь и Ноябрь»⁴, конечно, если не помешает что-нибудь вроде практики и проч.

Вы советуете мне съездить в Петербург, чтобы переговорить с Худековым, и говорите, что Петербург не Китай... Я и сам знаю, что он не Китай, и, как Вам известно, давно уже сознал потребность в этой поездке, но что мне делать? Благодаря тому что я живу большой семьей, у меня никогда не бывает на руках свободной десятирублевки, а на поездку, самую некомфортабельную и нищенскую, нужно минимум 50 руб.

Где же мне взять эти деньги? Выжимать из семьи я не умею, да и не нахожу это возможным... Если я 2 блюда сокращу на одно, то я стану чахнуть от угрызения совести. Раньше я надеялся, что можно будет урвать на поездку из гонорара «Петербургской газеты», теперь же оказывается, что, начав работать в «Петербургской газете», я зарабатываю нисколько не больше прежнего, ибо в оную газету я отдаю все то, что раньше отдавал в «Развлечение», «Будильник» и пр. Аллаху только известно, как трудно мне балансировать и как легко мне сорваться и потерять равновесие. Заработай я в будущем месяце 20—30-ю рублями меньше, и, мне кажется, баланс пойдет к черту, я запутаюсь... Денежно я ужасно напуган и, вероятно, в силу этой денежной, совсем не коммерческой, трусости я избегаю займов и авансов... На подъем я не тяжел. Будь у меня деньги, я летал бы по городам и весям без конца.

Гонорар из «Петербургской газеты» я получил недели через 2 после отсылки туда счета.

Если в октябре Вы будете в Москве, то я как-нибудь соберусь и поеду с Вами. На путь в Петербург найдутся деньги, на обратный возьму у Худекова (заработанные).

Писать больше того, что теперь я пишу, мне нельзя, ибо медицина не адвокатура: не будешь работать, застынешь. Стало быть, мой литературный заработок есть величина постоянная. Уменьшиться может, увеличиться — нет.

Во вторник жду «Осколки» по новому адресу. Давно уже я не получал их аккуратно.

Поздравляю с покупкой. Ужасно я люблю все то, что в России называется имением. Это слово еще не потеряло своего поэтического оттенка. Стало быть, летом Вы будете кейфовать...

У нас мороз, но снега нет.

Пальмин был у меня и будет еще во вторник. По вторникам у меня вечера с девицами, музыкой, пением и литературой. Хочу поэта вывозить в свет, а то прокис.

Ваш А. Чехов.

20 октября 1885, Москва

Уважаемый Николай Александрович!

Письмо Ваше получил и отвечаю:

1) Николаю рисунок заказан.

2) За обещание прислать книжку спасибо. Я заказал себе полки и учиняю библиотеку. Присылайте книгу¹, если можно, не посылкой, а бандеролью заказной. Так получить легче. Кстати, храни Вас царица небесная забыть, что за Вами еще обещанный экземпляр «Осколков» за 84 г. Если забудете, то я останусь без никому.

3) Из того, что я пишу мало, нельзя заключать, что я лентяй. Я занят целый день до того, что в театре еще ни разу не был за всю осень. Следить за наукой и работать — большая разница². Рукописей я не перебелию. Чаще всего я отсылаю черновики, перебелию же только для «Осколков» и то иногда, когда кажется мне, что начало рассказа длинно, когда во время письма вдруг явится желание изменить что-нибудь *in cogroge** и проч. Всегда перебелию московскую жизнь³, ибо пишу ее с потугами. Такие же вещи, как посылаемая⁴, я пишу обыкновенно наотмашь.

Если Вы отложили свой приезд до конца ноября, то, значит, приедете в декабре.

А не дурно бы, знаете, собраться перед подпиской всем сотрудникам «Осколков» и учинить *consilium***.

О многом следовало бы потолковать сообща.

Пальмина мы сглазили. Он во вторник у меня не был.

Ваш А. Чехов.

* в целом (лат.).

** совещание (лат.).

А. П. ЧЕХОВУ

4 января 1886, Москва

86, I, 4

Карантинно-таможенный Саша!

Поздравляю тебя и всю твою юдоль * с Новым годом, с новым счастьем, с новыми младенцами... Дай бог тебе всего самого лучшего! Ты, вероятно, сердисься, что я тебе не пишу... Я тоже сержусь и по тем же причинам... Скотина! Штаны! Детородный чиновник! Отчего не пишешь? Разве твои письма утеряти свою прежнюю прелесть и силу? Разве ты перестал считать меня своим братом? Разве ты после этого не свинья? Пиши, 1000 раз пиши! Хоть пиши, а пиши... У нас все обстоит благополучно, кроме разве того, что отец еще купил ламп. У него мания на лампы. Кстати, если найду в столе, то приложу здесь одну редкость, которую прошу по прочтении возвратить.

Был я в Питере и, живя у Лейкина, пережил все те муки, про которые в писании сказано: «До конца претерпех»... Кормил он меня великолепно, но, скотина, чуть не задавил меня своею ложью... Познакомился с редакцией «Петербургской газеты», где был принят, как шах персидский. Вероятно, ты будешь работать в этой газетине, но не раньше лета. На Лейкина не надейся. Он всячески подставляет мне ножку в «Петербургской газете». Подставит и тебе. В январе у меня будет Худеков, редактор «Петербургской газеты». Я с ним потолкую.

Но ради аллаха! Брось ты, сделай милость, своих угнетенных коллежских регистраторов! Неужели ты нюхом не чувствуешь, что эта тема уже отжила и нагоняет зевоту? И где ты там у себя в Азии находишь те муки, которые переживают в твоих рассказах чиновники? Истинно тебе говорю: даже читать жутко! Рассказ «С иголки» задуман великолепно, но... чиновники!

* Мишка, будучи поэтом, под юдолью разумел нечто... (Прим. А. П. Чехова.)

Вставь ты вместо чиновника благодушного обывателя, не напирая на его начальство и чиновничество, твое «С иголки» было бы теми вкусными раками, которые стрескал Еракита¹. Не позволяй также сокращать и переделывать своих рассказов... Ведь гнусно, если в каждой строке видна лейкинская длань... Не позволить трудно; легче употребить средство, имеющееся под рукой: самому сокращать до *pes plus ultra** и самому переделывать. Чем больше сокращаешь, тем чаще тебя печатают... Но самое главное: по возможности бди, блюди и пыхти, по пяти раз переписывая, сокращая и проч., памятуя, что весь Питер следит за работой братьев Чеховых. Я был поражен приемом, который оказали мне питерцы. Суворин, Григорович, Буренин... все это приглашало, воспевало... и мне жутко стало, что я писал небрежно, спустя рукава. Знай, мол, я, что меня так читают, я писал бы не так на заказ... Помни же: тебя читают. Далее: не употребляй в рассказах фамилий и имен своих знакомых. Это некрасиво: фамильярно, да и того... знакомые теряют уважение к печатному слову... Познакомился я с Билибиным. Это очень порядочный малый, которому, в случае надобности, можешь довериться *вполне*. Года через 2—3 он в питерской газетной сфере будет играть видную роль. Кончит редакторством каких-нибудь «Новостей» или «Нового времени». Стало быть, нужный человек...

Еще раз ради аллаха! Когда это ты успел напустить себе в [...] столько холоду? И кого ты хочешь удивить своим малодушием? Что для других опасно, то для университетского человека может быть только предметом смеха, снисходительного смеха, а ты сам всей душой лезешь в трусы! К чему этот страх перед конвертами с редакционными клеймами? И что могут сделать тебе, если узнают, что ты пишущий? Плевать ты на всех хотел, пусть узнают! Ведь не побьют, не повесят, не прогонят... Кстати: Лейкин, встретясь с директором вашего департамента в кредитном обществе, стал осыпать его упреками за гонения, которые ты терпишь за свое писательство... Тот сконфузился и

* предела (*лат.*).

стал божиться... Билибин пишет, а между тем преисправно служит в Департаменте почт и телеграфа. Левинский издает юмористический журнал и занимает 16 должностей. На что строго у офицерства, но и там не стесняются писать явно. Прятать нужно, но прятаться — ни-ни! Нет, Саша, с угнетенными чиновниками пора сдать в архив и гонимых корреспондентов... Реальнее теперь изображать коллежских регистраторов, не дающих жить их превосходительствам, и корреспондентов, отравляющих чужие существования... И так далее. Не сердись за мораль. Пишу тебе, ибо мне жалко, досадно... Писака ты хороший, можешь заработать вдвое, а ешь дикий мед и акриды... в силу каких-то недоразумений, сидящих у тебя в черепе...

Я еще не женился и детей не имею. Живется нелегко. Летом, вероятно, будут деньги. О, если бы!

Пиши, пиши! Я часто думаю о тебе и радуюсь, когда сознаю, что ты существуешь... Не будь же штанами и не забывай

твоего А. Чехова.

Николай канителит. Иван по-прежнему настоящий Иван. Сестра в угаре: поклонники, симфонические собрания, большая квартира...

31

В. В. БИЛИБИНУ

1 февраля 1886, Москва

Добрейший из юмористов и помощников присяжного поверенного, бескорыстнейший из секретарей* Виктор Викторович! Пять раз начинал писать Вам и пять раз отрывали меня от письма. Наконец пригвоздил себя к стулу и пишу [*В подлиннике зачеркнуто несколько слов*] разобидевший меня и Вас, с Вашего позволения объявляю законченным, хотя в Мо-

* Мысль: секретари консисторий, наверно, не завидуют секретарям редакций. (Прим. А. П. Чехова.)

скве он еще не начинался. Писал о сем Лейкину и получил разъяснение... Сейчас только что вернулся от известного поэта Пальмина. Когда я прочел ему из Ваших писем относящиеся к нему строки, он сказал;

— Я уважаю этого человека. Он очень талантлив ¹.

Засим Его Вдохновение подняли вверх самый длинный из своих пальцев и изволили прибавить (конечно, глубокомысленно):

— Но «Осколки» развратят его!! Не хотите ли настойки?

Говорили мы долго и о многом. Пальмин — это тип поэта, если Вы допускаете существование такого типа... Личность поэтическая, вечно восторженная, набитая по горло темами и идеями... Беседа с ним не утомляет. Правда, беседуя с ним, приходится пить много, но зато можете быть уверены, что за все 3—4 часа беседы вы не услышите ни одного слова лжи, ни одной пошлой фразы, а это стоит трезвости...

Между прочим, выдумывал я с ним название для моей книжки. Долго мы ломали мозги, но кроме «Кошки и караси» да «Цветы и собаки» ничего не придумали. Я хотел было остановиться на заглавии «Покупайте книгу, а то по морде!» или «Пожалуйста, что покупаете?», но поэт, подумав, нашел это избитым и шаблонным... Не придумаете ли Вы название? Что касается меня, то, по моему мнению, все эти названия, имеющие (грамматически) собирательный смысл, очень трактирны... Я бы предпочел то, что хочет и Лейкин, а именно: «А. Чехонте. Рассказы и очерки» — больше ничего... хотя такие заглавия клику только известностям, но не таким — ∞, как я... Годилось бы и «Пестрые рассказы»... Вот Вам два названия... Выберите из них одно и сообщите Лейкину ². Полагаюсь на Ваш вкус, хотя и знаю, что, затрудняя Ваш вкус, я затрудняю и Вас... Но Вы не сердитесь... Когда, бог даст, у Вас будет пожар, я пришлю Вам свою кишку ³.

За Ваши хлопоты по вырезке и высылке мне оригинала большое спасибо. Чтобы не быть у Вас в долгу (денежно), шлю Вам за пересылку марку 35-копеечного достоинства, которую Вы когда-то прислали мне

с гонораром и которую я никак не мог сбыть с рук. Мучайтесь теперь Вы с ней.

Теперь о невесте и Гименее...⁴ С Вашего позволения откладываю эти две штуки до последующего раза, когда буду свободен от вдохновения, сообщенного мне беседой с Пальминым. Боюсь сказать лишнее, т. е. чепуху. Когда я говорю о женщинах, которые мне нравятся, то обыкновенно затягиваю свою беседу до *plus ultra**, до геркулесовых столбов — черта, оставшаяся у меня еще со времен гимназии. Невесту Вашу поблагодарите за память и внимание и скажите ей, что женитьба моя, вероятно, — увы и ах! Цензура не пропускает... Моя *она* — еврейка. Хватит мужества у богатой жидовочки принять православие с его последствиями — ладно, не хватит — и не нужно... И к тому же мы уже поссорились... Завтра помирился, но через неделю опять поссоримся. С досады, что ей мешает религия, она ломает у меня на столе карандаши и фотографии — это характерно... Злючка страшная... Что я с ней разведусь через один-два года после свадьбы — это несомненно... Но... *finis***.

Ваше злорадство по поводу запрещенной цензурой «Атаки на мужей» делает Вам честь⁵. Жму Вам руку. Но тем не менее получить вместо 55 р. — 65 было бы гораздо приятнее. В отместку цензуре и всем злорадствующим моему горю я с приятелями придумал «Общество наставления рогов». Устав уже послан на утверждение. Председателем избран я большинством 14 против 3.

В 1 № «Колосьев» есть статья «Юмористические журналы». В чем дело?⁶ Кстати... Как-то беседуя с Вами и с Вашей невестой о молодых писателях, я назвал вам Короленко. Помните? Если хотите познакомиться с ним, то возьмите «Северный вестник» и прочтите в IV или V книге статью «Бродяги»⁷. Рекомендую.

Кланяйтесь Роману Романычу. На днях у него был мой посол, московская знаменитость, художник Шех-

* до бесконечности (*лат.*).

** конец (*лат.*).

тель, сказавший ему более, чем могло бы сказать самое длинное письмо.

Нужно писать, а тем нет и нет. О чем писать?

Однако пора спать. Кланяюсь и жму руку. Езжу каждый день за город на практику. Что за овраги, что за виды!

Ваш А. Чехов.

Что же Вы молчите насчет дачи? Жалуетесь на плохое здоровье, а о лете не думаете... Нет, надо быть очень сухим, жилистым и неподвижным крокодиллом, чтобы просидеть лето в городе! Из-за 2—3 хорошо, безмятежно проведенных месяцев, право, можно наплевать и на службу и на что хотите...

Пятьдесят пять рублей семьдесят две копейки получил сполна, что подписом и приложением печати удостоверяю.

Вольнопрактикующий врач А. Чехов.

32

В. В. БИЛИБИНУ

14 февраля 1886, Москва

Sire! * Умоляю Вас, реставрируйте Ваш ужаснейший почерк! Верьте, он даже хуже моего... Ваши к и з до того богопротивны, что их повесить мало. Удивляюсь правительству: как Вас с таким почерком терпят в департаменте!

Ваше последнее письмо так мило, что заслуживает быть написанным гораздо лучшим почерком¹.

Я жив и здоров, что Пальмин объясняет тем, что я себя не лечу. Работы очень много. Некогда даже обедать... Сейчас только что кончил сцену-монолог «О вреде табака», который предназначался в тайнике души моей для комика Градова-Соколова. Имея в своем распоряжении только 2¹/₂ часа, я испортил этот

* Сударь! (франц.)

монолог и... послал его не к черту, а в «Петербургскую газету». Намерения были благие, а исполнение вышло плохиссисимое...²

Не слыхали ли Вы чего-нибудь о моей книге?

Вы советовали нарести ее во святом крещении не псевдонимом, а фамилией... Зачем Вы уклонились от мотивировки Вашего совета?.. Вероятно, Вы правы, но я, подумав, предпочел псевдоним³ и не без основания... Фамилию и свой фамильный герб я отдал медицине, с которой не расстанусь до гробовой доски. С литературой же мне рано или поздно придется расстаться. Во-вторых, медицина, которая мнит себя быть серьезной, и игра в литературу должны иметь различные клички...

Впрочем, Суворин телеграммой просил позволения подписать под рассказом фамилию⁴. Я милостиво позволил, и, таким образом, мои рассуждения *de facto* * пошли к черту.

Не понимаю Вас: почему это для публики Ан. Чехов приятнее, чем А. Чехонте? Не все ли ей равно?

Публике, о которой Вы пишете, что она нетерпеливо ждет появления в «Новом времени» моих рассказов, скажите, что я уже послал туда один рассказ на тему «Старая дева»⁵.

Григоровичем польщен. Это единственный человек, который оценил меня!! Скажите всем знаменитым писателям, в том числе, конечно, и Лейкину, чтобы они брали с него пример⁶.

Пальмин записал Ваш адрес, чтобы выслать Вам свою карточку и медвежью шубу. Стихи на смерть Аксакова действительно хороши⁷, но жаль, что у нашего поэта тратится слишком много точек... Все его стихи состоят из каких-то обрывков, из незаконченных мелодий...

Впрочем, подальше критику...

Едете в Финляндию! Когда из Вашего медового месяца получится в Финляндии мороженое, то помните тогда мое приглашение и ругните себя за свое

* фактически (лат.).

малодушие.., Сколько Вам будет стоить поездка в эту дикую Финляндию? Рублей 100? А за эти деньги отлично можно съездить на юг или, по крайней мере, ко мне в Московию...

Надо мной сейчас играет свадебная музыка... Какие-то ослы женятся и стучат ногами, как лошади... Не дадут мне спать...⁸

О моей женитьбе пока еще ничего неизвестно...⁹

Получил от Голике письмо. Поклонитесь ему.

Кланяйтесь Вашей невесте. Пригласите меня в шафера.

Были ли Вы когда-нибудь шафером? Я был...

Под каким псевдонимом Вы пишете в «Новостях»? Скажите Альбову и Баранцевичу, что вдвоем они могли бы написать что-нибудь более лучшее и менее плохое...¹⁰

Давайте вместе напишем водевиль в 2-х действиях!.. Придумайте 1-е действие, а я 2-е... Гонорар пополам...¹¹

Пишите, заклинаю Вас прахом Цезаря...

*Ci devant * А. Чехов.*

33

Н. А. ЛЕЙКИНУ

16 февраля 1886, Москва

86, II, 18

Уважаемый

Николай Александрович!

Письмо, корректуру и лист моей книги получил и шлю спасибо за хлопоты. Помарки в «Анюте» действительно неважны¹. Благодарю, что выручили этот мой рассказ,— все-таки ведь движимое имущество!

* На днях я познакомился с очень эффективной француженкой, дочерью бедных, но благородных буржуа. Зовут ее не совсем прилично: M-Ne Sirout... (Прим. А. П. Чехова.) *Ci devant* — бывший (франц.).

Шрифт книги мне нравится. Размер тоже. Вероятно, последней корректуры еще не было, так как ошибок много... Между прочим, есть ошибка, которую едва ли корректорша исправит без моей помощи, ибо она не бросается в глаза. Шлю корректорше записочку, которую потрудитесь передать ей. Шехтель обещал быть сегодня у меня ради виньетки², но не был. Сам же я съездить к нему не могу, так как сижу босой: на подъеме правой ноги у меня нарыв, который пришлось вскрывать. Вонюча иодоформом на весь кабинет.

На заглавии книги мы, кажется, уже остановились с Вами. Я не думал, что это еще не решенное дело, а потому и не спешил писать Вам. Мы согласились с Вами назвать книгу так: «А. Чехонте. Пестрые рассказы». Песий бюст мною еще не получен. Я писал Гиляровскому, чтобы тот привез, но ответа не получил³. Съездить к нему не могу по вышеписанной причине... Хожу в башмаках, но не дальше ватерклозета. У меня уже есть на столе одна собака — сеттер... Случу ее с Апелем.

От Агафопода ни слуху ни духу... Я начинаю беспокоиться. Он не отвечает даже на нужные письма... Уж не заболел ли?

Письмо это пойдет завтра с почтовым. Рассказ же, который уже наполовину написан, пошлю с курьерским...⁴ Сейчас кончить не в состоянии, потому что ослабел и хочу лечь в постель... Да и к тому же 2-й час ночи... Мозг не хочет работать, а утром и вчера вечером мне мешали...

Прочтите в субботнем (15-го февраля) № «Русских ведомостей» сказку Щедрина. Прелестная штучка. Получите удовольствие и руками разведете от удивления: по смелости эта сказка совсем анахронизм!⁵

Если не найдете у себя этого №, то напишите, я вышлю... Был я 2 раза у Пальмина. Живет он в таком месте, где летом бывает невылазная, бердичевская грязь и растет на тротуаре трава... Не будь он поэтом, он был бы комиком.

Скажите Билибину, что я послал ему письмо... Ваш секретарь неиссякаем... Откуда у него берется

столько тем и игривости? Это единственный творец мелочей, который не исписывается. Все же остальные в сравнении с ним — кобчики...⁶ Из него выработался прекрасный фельетонист...

Весной или в начале лета мечтаю побывать в Петербурге. Погода у нас морозная, но великолепная. Днем солнце, ночью луна... Не рассказы бы писать, а в любви объясняться...

Кланяюсь Вашим... Ваш диван гораздо мягче моего матраца, да и не холодно у Вас так, как у меня... Бррр!..

Ваш А. Чехов.

Практика наклеывается помаленьку.

34

А. С. СУВОРИНУ

21 февраля 1886, Москва

86, II, 21

Милостивый государь
Алексей Сергеевич!

Письмо Ваше я получил. Благодарю Вас за лестный отзыв о моих работах и за скорое напечатание рассказа. Как освежающе и даже вдохновляюще подействовало на мое авторство любезное внимание такого опытного и талантливое человека, как Вы, можете судить сами...

Ваше мнение о выброшенном конце моего рассказа я разделяю и благодарю за полезное указание¹. Работаю я уже шесть лет, но Вы первый, который не затруднился указанием и мотивировкой.

Псевдоним А. Чехонте, вероятно, и странен и изыскан. Но придуман он еще на заре туманной юности², я привык к нему, а потому и не замечаю его странности...

Пишу я сравнительно немного: не более 2—3 мелких рассказов в неделю. Время для работы в «Новом

времени» найдется, но тем не менее я радуюсь, что условием моего сотрудничества Вы не поставили срочность работы. Где срочность, там спешка и ощущение тяжести на шее, а то и другое мешает работать... Лично для меня срочность неудобна уже и потому, что я врач и занимаюсь медициной... Не могу я ручаться за то, что завтра меня не оторвут на целый день от стола... Тут риск не написать к сроку и опоздать постоянный...

Назначенного Вами гонорара для меня пока вполне достаточно. Если еще сделаете распоряжение о высылке мне газеты, которую мне приходится редко видеть, то буду Вам очень благодарен.

На этот раз шлю рассказ³, который ровно вдвое больше предыдущего, и... боюсь, вдвое хуже...

С почтением имею честь быть

А. Чехов.

Якиманка, д. Клименкова.

35

Н. А. ЛЕЙКИНУ

4 марта 1886, Москва

86, III, 4

Уважаемый

Николай Александрович!

Написав и прочитав посланный Вам вчера рассказ¹, я почесал у себя за ухом, приподнял брови и крикнул — действия, которые проделывает всякий автор, написав что-нибудь длинное и скучное... Начал я рассказ утром; мысль была неплохая, да и начало вышло ничего себе, но горе в том, что пришлось писать с антрактами. После первой странички приехала жена А. М. Дмитриева просить медицинское свидетельство; после 2-й получил от Шехтеля телеграмму: болен! Нужно было ехать лечить... После 3-й страни-

цы — обед и т. д. А писанье с антрактами — то же самое, что пульс с перебойми.

Ездил к Давыдову в цинкографию справиться насчет виньетки. Виньетка уже готова. Не взял клише, потому что свободных денег со мной не было; получу гонорар из «Осколков» или из «Петербургской газеты», уплачу Давыдову 9 р. 84 к. и моментально вышлю клише. Стало быть, будьте на сей счет покойны и ждите...

Сейчас получил от Агафопода письмо. Оказывается, что мое письмо путешествовало к нему 16 дней. Я бы издох при такой почте... Где дело касается корреспонденции, там я нетерпелив чертовски, хоть и... ленив писать письма.

Вы просили, чтобы я высказался откровенно о Вашем рассказе («Переписка учителей») ². По моему мнению, тема очень хорошая и благодарная; для «Осколков» такие темы очень годятся. Исполнение мне тоже понравилось, хотя я и держусь мнения, что изложение в форме писем устаревшая вещь. Оно годится, если вся соль сидит в самих письмах (например, отношение станового, любовные письма), но как форма литературная оно не годится во многих отношениях: вставляет автора в рамки — это главное... Пиши Вы на ту тему рассказ, было бы лучше...

Ну, как Вам ужиналось у Суворина? Судя по телеграммам и описаниям, юбилей был шумный... ³ Когда «Осколки» будут справлять юбилей! Авось и мы с Билибиным золотых медальонов дождемся. Я Вам пришлю тогда телеграмму в 50 слов... Суворину послана мною телеграмма за час до получения Вашего письма ⁴.

Что у Вас, у петербуржцев, за манера фаршировать себя всякого рода белладоннами, кодеинами и бисмутами? Побойтесь бога, если не боитесь за свой желудок. Это Вас так петербургские доктора приучили... У нас в Москве Вы не разгулялись бы так по части аптеки...

Буйлов обещал высылать гонорар *каждое* 31-е чи-

сло. Чувствуется, что на сей раз обещание исполняется не в точности...

Я все-таки полагал, что книга будет быстрее печататься. В Москве печатают не медленнее. Впрочем, время и дело не к спеху.

Получил от Трефолева письмо с комплиментами и приглашениями. Знаете что? Мне кажется, что Трефолев очень хороший человек, но сборник его не стоит...⁵ Нельзя, живя в Ярославле, издавать в Москве; нельзя приглашать пишущих, не зная ни характера сборника, ни его внешности, ни величины... Ведь он и сам не имеет ясного представления о том, что хочет издать! А это не ладно... Я написал ему свои соображения... Написали бы и Вы ему что-нибудь вроде соображения или совета. Москва — не Париж... Наши литографии и цинкографии переделают автографы в такие кляксы, что не разберете буки и мыслете...

Кто-то дернул за звонок... Не ко мне!

Погода у нас совсем весенняя. Страсть как хочется за весенние темы приниматься.

Вашим всем кланяюсь, а Вам жму руку.

Ваш А. Чехов.

36

Д. В. ГРИГОРОВИЧУ

28 марта 1886, Москва

Ваше письмо, мой добрый, горячо любимый благовеститель, поразило меня, как молния. Я едва не заплакал, разволновался и теперь чувствую, что оно оставило глубокий след в моей душе. Как Вы приласкали мою молодость, так пусть бог успокоит Вашу старость, я же не найду ни слов, ни дел, чтобы благодарить Вас. Вы знаете, какими глазами обыкновенные люди глядят на таких избранных, как Вы; можете поэтому судить, что составляет для моего самолюбия Ваше письмо. Оно выше всякого диплома, а для начинающего писателя оно — гонорар за настоящее и будущее. Я как в чаду. Нет у меня сил судить, за-

служена мною эта высокая награда или нет. Повторяю только, что она меня поразила.

Если у меня есть дар, который следует уважать, то, каюсь перед чистотою Вашего сердца, я доселе не уважал его¹. Я чувствовал, что он у меня есть, но привык считать его ничтожным. Чтоб быть к себе несправедливым, крайне мнительным и подозрительным, для организма достаточно причин чисто внешнего свойства... А таких причин, как теперь припоминаю, у меня достаточно. Все мои близкие всегда относились снисходительно к моему авторству и не переставали дружески советовать мне не менять настоящее дело на бумагомаранье. У меня в Москве сотни знакомых, между ними десятка два пишущих, и я не могу припомнить ни одного, который читал бы меня или видел во мне художника. В Москве есть так называемый «литературный кружок»: таланты и посредственности всяких возрастов и мастей собираются раз в неделю в кабинете ресторана и прогуливают здесь свои языки. Если пойти мне туда и прочесть хотя кусочек из Вашего письма, то мне засмеются в лицо. За пять лет моего шатанья по газетам я успел проникнуться этим общим взглядом на свою литературную мелкость, скоро привык снисходительно смотреть на свои работы и — пошла писать! Это первая причина... Вторая — я врач и по уши втянулся в свою медицину, так что поговорка о двух зайцах никому другому не мешала так спать, как мне.

Пишу все это для того только, чтобы хотя немного оправдаться перед Вами в своем тяжком грехе. Доселе относился я к своей литературной работе крайне легкомысленно, небрежно, зря. Не помню я *ни одного* своего рассказа, над которым я работал бы более суток, а «Егеря», который Вам понравился, я писал в купальне! Как репортеры пишут свои заметки о пожарах, так я писал свои рассказы: машинально, полубессознательно, немало не заботясь ни о читателе, ни о себе самом... Писал я и всячески старался не потратить на рассказ образов и картин, которые мне дороги и которые я, бог знает почему, берег и тщательно прятал.

Первое, что толкнуло меня к самокритике, было очень любезное и, насколько я понимаю, искреннее письмо Суворина. Я начал собираться написать что-нибудь путевое, но все-таки веры в собственную литературную путевость у меня не было.

Но вот неожиданно-негаданно явилось ко мне Ваше письмо. Простите за сравнение, оно подействовало на меня, как губернаторский приказ «выехать из города в 24 часа!», т. е. я вдруг почувствовал обязательную потребность спешить, скорее выбраться оттуда, куда завяз...

Я с Вами во всем согласен. Циничности, на которые Вы мне указываете, я почувствовал сам, когда увидел «Ведьму» в печати. Напиши я этот рассказ не в сутки, а в 3—4 дня, у меня бы их не было...

От срочной работы избавлюсь, но не скоро... Выбиться из колеи, в которую я попал, нет возможности. Я не прочь голодать, как уж голодал, но не во мне дело... Письму я отдаю досуг, часа 2—3 в день и кусочек ночи, т. е. время, годное только для мелкой работы. Летом, когда у меня досуга больше и проживать приходится меньше, я возьмусь за серьезное дело.

Поставить на книжке мое настоящее имя нельзя², потому что уже поздно: виньетка готова и книга напечатана. Мне многие петербуржцы еще до Вас советовали не портить книги псевдонимом, но я не послушался, вероятно из самолюбия. Книжка моя мне очень не нравится. Это винегрет, беспорядочный сброд студенческих работишек, оципанных цензурой и редакторами юмористических изданий. Я верю, что, прочитав ее, многие разочаруются. Знай я, что меня читают и что за мной следите Вы, я не стал бы печатать этой книги.

Вся надежда на будущее. Мне еще только 26 лет. Может быть, успею что-нибудь сделать, хотя время бежит быстро.

Простите за длинное письмо и не вменяйте человеку в вину, что он первый раз в жизни дерзнул по-

баловать себя таким наслаждением, как письмо к Григоровичу.

Пришлите мне, если можно, Вашу карточку. Я так обласкан и взбудоражен Вами, что, кажется, не лист, а целую стопу написал бы Вам. Дай бог Вам счастья и здоровья, и верьте искренности глубоко уважающего Вас и благодарного

А, Чехова.

86, III, 28

37

Н. П. ЧЕХОВУ

Март 1886, Москва

Маленький Забелин!¹ Мне передавали, что ты оскорблен моими и шехтелевскими насмешками... Способность оскорбляться есть достояние только душ благородных, но тем не менее, если можно смеяться над Иваненко, надо мной, над Мишкой, над Неллей, то почему же нельзя смеяться над тобой? Это несправедливо... Впрочем, если ты не шутишь и в самом деле чувствуешь себя оскорбленным, то спешу извиниться.

Смеются только над тем, что смешно или чего не понимают... Выбери любое из двух.

Второе, конечно, более лестно, но — увы! — для меня лично ты не составляешь загадки. Нетрудно понять человека, с которым делил сладость татарских шапок, Вучины, латыни и, наконец, московского життя. И к тому же твоя жизнь есть нечто такое психологически несложное, что понятна даже не бывшим в семинарии. Буду из уважения к тебе откровенен. Ты сердисься, оскорблен... но дело не в насмешках и не в благодушно болтающем Долгове... Дело в том, что ты сам, как порядочный человек, чувствуешь себя на ложной почве; а кто мнит себя виноватым, тот всегда ищет себе оправдание извне: пьяница ссылается на горе, Путята на цензуру, убегающий с Якиманки ради блуда ссылается на холод в зале, на насмешки и проч...² Брось я сейчас семью на произвол судьбы, я старался бы найти себе извинение в характере

матери, в кровохарканье и проч. Это естественно и извинительно. Такова уже натура человеческая. А что ты чувствуешь себя на ложной почве, это тоже верно, иначе бы я не называл тебя порядочным человеком. Пропадет порядочность, ну тогда другое дело: помирись и перестанешь чувствовать ложь...

Что ты для меня не составляешь загадки, что бываешь иногда варварски смешон, тоже верно. Ведь ты простой смертный, а все мы, смертные, загадочны только тогда, когда глупы, и смешны в течение 48 недель в году... Не правда ли?

Ты часто жаловался мне, что тебя «не понимают!!». На это даже Гете и Ньютон не жаловались... Жаловался только Христос, но тот говорил не о своем «я», а о своем учении... Тебя отлично понимают... Если же ты сам себя не понимаешь, то это не вина других...

Уверяю тебя, что, как брат и близкий к тебе человек, я тебя понимаю и от всей души тебе сочувствую... Все твои хорошие качества я знаю как свои пять пальцев, ценю их и отношусь к ним с самым глубоким уважением. Я, если хочешь, в доказательство того, что понимаю тебя, могу даже перечислить эти качества. По-моему, ты добр до тряпичности, великодушен, не эгоист, делишься последней копеей, искренен; ты чужд зависти и ненависти, простодушен, жалеешь людей и животных, нежаден, незлопамятен, доверчив... Ты одарен свыше тем, чего нет у других: у тебя талант. Этот талант ставит тебя выше миллионов людей, ибо на земле один художник приходится только на 2 000 000... Талант ставит тебя в обособленное положение: будь ты жабой или тарантулом, то и тогда бы тебя уважали, ибо таланту все прощается.

Недостаток же у тебя только один. В нем и твоя ложная почва, и твое горе, и твой катар кишок. Это — твоя крайняя невоспитанность. Извини, пожалуйста, но *veritas magis amicitiae...* * Дело в том, что жизнь имеет свои условия... Чтобы чувствовать себя в своей тарелке в интеллигентной среде, чтобы не быть среди нее чужим и самому не тяготиться ею, нужно быть

* истина выше дружбы.. (лат.)

известным образом воспитанным... Талант занес тебя в эту среду, ты принадлежишь ей, но... тебя тянет от нее, и тебе приходится балансировать между культурной публикой и жильцами vis-à-vis *. Сказывается плоть мещанская, выросшая на розгах у рейнскогового погребца, на подачках. Победить ее трудно, ужасно трудно.

Воспитанные люди, по моему мнению, должны удовлетворять следующим условиям:

1) Они уважают человеческую личность, а потому всегда снисходительны, мягки, вежливы, уступчивы... Они не бунтуют из-за молотка или пропавшей резинки; живя с кем-нибудь, они не делают из этого одолжения, а уходя, не говорят: с вами жить нельзя! Они прощают и шум, и холод, и пережаренное мясо, и остроты, и присутствие в их жилье посторонних...

2) Они сострадательны не к одним только нищим и кошкам. Они болеют душой и от того, чего не увидишь простым глазом. Так, например, если Петр знает, что отец и мать седеют от тоски и ночей не спят благодаря тому, что они редко видят Петра (а если видят, то пьяным), то он поспешит к ним и наплюет на водку. Они ночей не спят, чтобы помогать Полевым, платить за братьев-студентов, одевать мать.

3) Они уважают чужую собственность, а потому и платят долги.

4) Они чистосердечны и боятся лжи как огня. Не лгут они даже в пустяках. Ложь оскорбительна для слушателя и опошляет в его глазах говорящего. Они не рисуются, держат себя на улице так же, как дома, не пускают пыли в глаза меньшей братии... Они не болтливы и не лезут с откровенностями, когда их не спрашивают... Из уважения к чужим ушам они чаще молчат.

5) Они не унижают себя с тою целью, чтобы вызвать в другом сочувствие. Они не играют на струнах чужих душ, чтоб в ответ им вздыхали и нянчились с ними. Они не говорят: «Меня не понимают!» или: «Я разменялся на мелкую монету! Я [...]!..», потому

* напротив (франц.).

что все это бьет на дешевый эффект, пошло, старо, фальшиво...

6) Они не суетны. Их не занимают такие фальшивые бриллианты, как знакомства с знаменитостями, рукопожатие пьяного Плевако, восторг встречного в Salon'e, известность по портерным... Они смеются над фразой: «Я представитель печати!!», которая к лицу только Родзевичам и Левенбергам. Делая на грош, они не носятся с своей папкой на сто рублей и не хвастают тем, что их пустили туда, куда других не пустили... Истинные таланты всегда сидят в потемках, в толпе, подальше от выставки... Даже Крылов сказал, что пустую бочку слышнее, чем полную...

7) Если они имеют в себе талант, то уважают его. Они жертвуют для него покоем, женщинами, вином, суетой... Они горды своим талантом. Так, они не пьянствуют с надзирателями мещанского училища и с гостями Скворцова, сознавая, что они призваны не жить с ними, а воспитывающе влиять на них. К тому же они брезгливы...

8) Они воспитывают в себе эстетику. Они не могут уснуть в одежде, видеть на стене щели с клопами, дышать дрянным воздухом, шагать по оплеванному полу, питаться из керосинки. Они стараются возможно укротить и облагородить половой инстинкт... [...] выносить ее логику, не отходить от нее ни на шаг — и все это из-за чего! Воспитанные же в этом отношении не так кухонны. Им нужны от женщины не постель, не лошадиный пот, [...] не ум, выражающийся в умении надуть фальшивой беременностью и лгать без устали... Им, особенно художникам, нужны свежесть, изящество, человечность, способность быть не [...], а матерью... Они не трескают походя водку, не нюхают шкафов, ибо они знают, что они не свиньи. Пьют они, только когда свободны, при случае... Ибо им нужна *mens sana in corpore sano* *.

И т. д. Таковы воспитанные... Чтобы воспитаться и не стоять ниже уровня среды, в которую попал, недостаточно прочесть только Пиквика³ и вызубрить

* здоровый дух в здоровом теле (лат.).

монолог из Фауста. Недостаточно сесть на извозчика и поехать на Якиманку, чтобы через неделю удрать оттуда...

Тут нужны непрерывный дневной и ночной труд, вечное чтение, штудировка, воля... Тут дорог каждый час...

Поездки на Якиманку и обратно не помогут. Надо смело плюнуть и резко рвануть... Иди к нам, разбей графин с водкой и ложись читать... хотя бы Тургенева, которого ты не читал...

[...] самолюбие надо бросить, ибо ты не маленький... 30 лет скоро! Пора!

Жду... Все мы ждем...

Твой А. Чехов.

38

Н. А. ЛЕЙКИНУ

6 апреля 1886, Москва

86, IV, 6

Добрейший

Николай Александрович!

Тороплюсь послать Вам оригиналы для книги¹. Выбрал кое-что и наклеил, приобщив ко всему монолог «О вреде табака», напечатанный в «Петербургской газете»².

«Сорвалось» и «Глупый француз» бросьте. «Анюту» — да*. «Кошмара» тоже не берите для книжки, ибо тон «Кошмара», его размер и проч. не годятся; ансамбль испортят. Из рассказов, помещенных в «Новом времени», нельзя поместить в книжку ни одного. Если материалу покажется мало, то поспешите уведомить: я еще пришлю... Во всяком случае, пришлю еще в письмах...

Теперь о виньетке... Неужели так плоха? Я думаю, что вставлять буквы не совсем ловко, да и художник

* Т. е. сажайте в книжку. (Прим. А. П. Чехова.)

обидится... Не лучше ли сделать так, чтобы и волки были сыты и овцы целы, т. е. 1000 экземпляров напечатать с виньеткой, а 1000 без виньетки? Все, что пойдет на вокзалы и пристани, будет без виньетки, а выписывающие будут получать с виньеткой... Можно напечатать с виньеткой не 1000, а только 500³. Буквы во всяком случае неудобны...

Я болен. Кровохарканье и слаб... Не пишу... Если завтра не сяду писать, то простите: не пришлю рассказа к пасхе... Надо бы на юг ехать, да денег нет.

Насчет поездки в Питер следовало бы подумать. Вероятно, приеду, если не задержит безденежье или болезнь...

Погода в Москве великолепная. Лучше и не надо. Николаю послал выписку из Вашего письма.

Ну-с, а теперь позвольте поблагодарить за карточку. Я ответил бы Вам тем же, но сейчас у меня карточки не имеется. Когда снимусь, пришлю непременно.

Боюсь подвергнуть себя зондировке коллег... Вдруг откроют что-нибудь вроде удлиненного выдыхания или притупления!.. Мне сдается, что у меня виноваты не так легкие, как горло... Лихорадки нет.

Скажите Билибину, что он трус. Бойся мышьяка! Он не боится лягушек?

Завтра еду лечить Гиляя. На пожаре человекина ожегся, кругом ранился и сломал ногу... Так по крайней мере пишет. Судя по тону письма, не врет. Нужно бы сегодня ехать, но не могу, пусть простит. Поклонитесь Прасковье Никифоровне и Феде. Приехал Худков?

Ваш А. Чехов.

О планах на лето, о даче и проч. буду писать особо. Получил от Агафопода письмо. Плохо живет.

Мечтал написать к 13-му апреля пасхальный рассказ в «Новое время». Тема стоящая, но едва ли напишу.

«Шведская спичка», которую посылаю, была напечатана в «Альманахе Стрекозы». Ее прикажите поместить в самом конце книги.

6 апреля 1886, Москва

86, IV, 6

Ну полно, таможенно-карантинный человек, к чему такие сильные выражения? Откуда могла взяться «тьнь бывшего человека» и чего ради ты не узнаешь себя в зеркале? ¹

1) Давыдов деньги вышлет, а если доселе не высылал, то потому, что сам без штанов ходит.

2) За «Сверчком» ты имеешь получить, за «Будильником» тоже. Завтра Мишка соберет все твои крохи и вышлет послезавтра. Вообще: по гонорарным делам обращайся к Мишке. Адвокат хороший. В «Сверчке» платят прекрасно и тебе дадут по 8 коп. за строчку.

3) Ты естественник, а между тем для тебя не понятна естественность твоего положения. Тебя, пишешь, «жгут, режут, топчут и пияют». Т. е. долги требуют? Милый мой, да ведь нужно же долги платить! *Нужно* во что бы то ни стало, хотя бы армяшкам, хотя ценою голодухи... Если университетские и пишущие люди видят в долгах страдания, то что же остается остальным? Я не знаю, но все дело в принципе... И к чему делать долги? Прости за этот сытый вопрос, но, ей-богу, он не нотация. Ведь без долгов легко обойтись. Я по себе сужу, а на моей шее семья, которая гораздо больше твоей, и провизия в Москве в 10 раз дороже, чем у вас. За квартиру ты платишь столько, сколько я за пианино, одеваюсь я не лучше тебя... Вся беда в покупках и расходах, которые ты не имел права делать и от которых давно уже должен был бы отказаться: мука Нестле (?!), лишняя прислуга и т. д. Когда у мужа и жены нет денег, они прислуги не держат — это обыденное правило...

4) Но долги сделаны, и толковать о происхождении их бесполезно... Остается говорить о их платеже... Для тебя должен быть страшен долг в 1000—2000 руб., но 300—500, которые, вероятно, ты должен, не стоят «нравственных страданий». Рано или поздно ты их вы-

платишь, тем более что существует благотворительная мера — вычет из жалованья. Пока сам соберешься, так казначейство избавит тебя от долга. Вычет из жалованья, конечно, влечет за собой неудобства, но что делать! Неудобства временные, в особенности для человека, имеющего, кроме жалованья, еще и другой источник дохода...

Мировой приговорил меня к уплате 105 р., которые ты и Николай задолжали лавочнику Семенову. Портному я должен за себя и за тех, за кого поручился, более ста... Но вопроса «Что дальше будет?» я не задаю... Верую, что все заплатится, перемелется и своевременно канет в Лету. На даче пожмусь как-нибудь, поживу с семьей на 50 р. в месяц, и долгов не будет...

5) Отчего ты мало пишешь? Что за безобразие? У «Сверчка» и «Будильника» сплошная вакансия, а ты сидишь, сложил ручки и нюнишь, как Гершка², когда его во сне кусают блохи. Почему ленишься работать в «Осколки»? Все те рассказы, которые ты прислал мне для передачи Лейкину, сильно пахнут ленью. Ты их в один день написал? Из всей массы я мог выбрать один отличный, талантливый рассказ, остальное же все достойно пера таганрогского Живчика³. Сюжеты невозможные... Ведь только лень может писать в цензурный журнал о попе, крестящем ребенка в купели!.. Лень не рассуждающая, работающая залпом, зря... Где это ты видел супругов, которые у тебя в рассказе обедают и говорят о рефератах... и где под луной есть такие рефераты? Уважай ты себя, ради Христа, не давай рукам воли, когда мозг ленив! Пиши не больше 2-х рассказов в неделю, сокращай их, обрабатывай, дабы труд был трудом. Не выдумывай страданий, которых не испытал, и не рисуй картин, которых не видел, — ибо ложь в рассказе гораздо скучнее, чем в разговоре...

Помни каждую минуту, что твое перо, твой талант понадобятся тебе в будущем больше, чем теперь, не профанируй же их... Пиши и бди на каждой строке, дабы не нафунить...

Писал ли ты хоть одну вещь долее одного вечера? Только «Сомнамбулу»... Писал ли, я тебя спрашиваю,

шут иваныч? Конечно, нет! Нет и нет! Литература для тебя труда не составляла, а ведь это труд! Будь ты порядочным человеком, посиди над рассказом (в 150—200 строк) дней 5—7, то что вышло бы! Ты себя не узнал бы в своих строках, как теперь не узнаешь себя в зеркале... Имей в виду, что срочной работой ты не завален и можешь поэтому над одной вещичкой возиться несколько вечеров... Выгодно ли это? Сочти... При максимальной кропотливости ты дашь 5—7 рассказов в месяц, что составит около ста, теперь же, пища много, ты и 50 не имеешь... Закрываю сию мораль выдержкой из письма, которое я на днях получил от Григоровича: «для этого нужно: уважение к таланту, который дается так редко... берегите Ваши впечатления для труда обдуманного, обделанного, писанного не в один присест... Вы сразу возьмете приз и станете на видную точку в глазах чутких людей и затем всей читающей публики...»

Другой великий авторитет, имя же ему Суворин, пишет мне: «Когда много пишешь, далеко не все выходит одинаково хорошо».

Третий великий человек, наш И. Грэк (Билибин)¹, в своих письмах матерно ругается, что я много пишу. Вот видишь, Саша!

Работаю я теперь в «Новом времени», где получаю по 12 коп. за строчку. Мне удастся перетащить в петербургскую прессу Гиляя, который неразвит, но талантлив. Нельзя ли и с тобой сделать то же самое, тем более что ты развит и талантлив в 1000 раз больше, чем те пробки, которые пишут в «Деле» и «Наблюдателе»? Работай, голубчик! Бди, копти и не траться на суету! Не делай из себя и из своей работы муку Нестле... Для начала хорошо бы тебе работать в «Петербургской газете», откуда ты не замедлишь перебраться в «Новое время». Для тебя обе газеты потемки. Что для них потребно, ты не знаешь... Не можешь ли ты у себя в Новороссийске поискать сих газет и познакомиться с ними? «Новое время», наверное, получается в Новороссийске. Зри субботние номера... Лейкин вышел из моды. Место его занял я. Теперь в Петербурге я в большой моде и хотел бы, чтобы ты не отставал...

Неужели ты уедешь из Новороссийска? Нельзя ли тебе не уезжать до осени? Если не уедешь, то даю *честное* слово побывать у тебя летом. [...] на долги. Мертвые и таланты сраму не имеют. Колька 3000 должен и — ничего! А хорошо бы мы с тобой пожили! Отъезд твой мне тем более не по нутру, что я уверен, что Питер тебе ничего не даст, кроме новых долгов... погоди до осени! Я буду в Питере, познакомлю Григоровича и прочих с твоей персоной, и — кто знает? — Григорович действительный статский советник и кавалер... Он скорей найдет для тебя, чем ты... Его все министры знают... Так помни же: копти над рассказами. Сужу по опыту. Пиши. Напиши матери. Сообщи мне маршрут, как к тебе ехать. Кланяюсь.

Твой А. Чехов.

40

М. Е. ЧЕХОВУ

11 апреля 1886, Москва

86, IV, 11

Пишу Вам, дорогой мой дядя, в страстную пятницу, под субботу, но так как это письмо будет получено Вами после 13-го, то я имею полное право заочно поцеловаться с Вами три раза, получить от Вас ответ «Воистину воскрес», а если позволите, то и гривенничек. Итак: Христос воскрес! Поделите этот привет с тетей, братьями и с сестрами, которых поздравляю и целую. Всем желаю счастья, покоя и мира. Вам же лично, дорогой мой, желаю того, что может пожелать человек глубоко уважающий и преданный.

Простите, что так долго не писал Вам. Вы сами много пишете, а потому поймете человека, который пишет от зари до зари: нет времени! Когда бывает свободная минутка, то постарайся отдать ее чтению или чему-нибудь другому. Да, откровенно говоря, не понимаю я того писания к дорогим и близким людям, которое пишется по обязанности, а не в минуты хоро-

шего настроения, когда не боишься ни за свою искренность, ни за размер письма.

Теперь давайте побеседуем. Начнем хоть с Вашего отъезда. После того как Вы, тетя, Саша и о. Ананий сели на извозчиков и скрылись, мы почувствовали в своих комнатах пустоту. Долго потом ходили и привыкали к этой пустоте. Для нас Вы слишком дорогой гость, и расставаться с Вами было нелегко. Помните, что Вы у нас *единственный* и другого такого близкого родственника у нас не было, да едва ли и будет. Дело не в том, что Вы родной дядя, а в том, что мы не помним того времени, когда бы Вы не были нашим другом... Вы всегда прощали нам наши слабости, всегда были искренни и сердечны, а это имеет громадное влияние на юность! Вы, сами того не подозревая, были нашим воспитателем, подавая нам пример постоянной душевной бодрости, снисходительности, сострадания и сердечной мягкости... Искренно жму Вам руку и благодарю. Когда, бог даст, лет через 10—15 я буду описывать для печати свою жизнь, то поблагодарю Вас перед всем читающим миром, а теперь жму только руку.

Сейчас зазвонили к утрени. Все спят. Мамаша так утомилась окороком и пасхами, что ее теперь никакими пушками не разбудишь.

Когда Вы уехали, уехала и Саша. До сих пор вспоминаем ее и не теряем надежды видеть ее у нас еще не один раз. Она всем очень понравилась, хоть я и уверен, что она неаккуратно лечится. Если она по-прежнему хворает, то пусть исполняет мои советы. Не мешало бы также Георгию или Володе сводить ее к доктору и показать. Около Каменной лестницы живет доктор Еремеев, зять Псалти. Если сведете к нему, то хорошо сделаете. На всякий случай прилагаю свою карточку, которая послужит для Саши паспортом. Еремееву сообщите средства, которые я рекомендовал.

После Вашего отъезда, перед рождеством, приехал в Москву один петербургский редактор¹ и повез меня в Петербург. Ехал я на курьерском в I классе, что обошлось редактору не дешево. В Питере меня так приняли, что потом месяца два кружилась голова от хвалебного чада. Квартира у меня была там велико-

лепная, пара лошадей, отменный стол, даровые билеты во все театры. Я в жизнь свою никогда не жил так сладко, как в Питере. Расхвалив меня, угостив, как только было возможно, мне дали еще денег рублей 300 и отправили обратно в I классе... Оказалось, что в Петербурге меня знают гораздо больше, чем в Москве.

Медицина моя подвигается помаленьку. Нашим раздолье: даже Федосья Яковлевна у меня лечится; недавно лечил Ивана. Иметь у себя в доме врача — большое удобство!

Писанье мое, это побочное занятие, подвигается своим порядком. Я уже работаю в самой большой петербургской газете — в «Новом времени», где мне платят по 12 коп. за строчку. Вчера я получил из этой газеты за 3 небольших рассказа, помещенных в трех номерах, 232 рубля. Чудеса! Я просто глазам своим не верю. А маленькая «Петербургская газета» дает мне 100 руб. в месяц за 4 рассказа.

Но это не так важно, как важно следующее. В России есть большой писатель Д. В. Григорович, портрет которого Вы найдете у себя в книге «Современные деятели». Не так давно неожиданно-негаданно, не будучи с ним знаком, я получил от него письмо в полтора листа. Личность Григоровича настолько почтенна и популярна, что Вы можете представить мое приятное изумление! Привожу Вам места из его письма:² «...у Вас *настоящий* талант, талант, выдвигающий Вас далеко из круга литераторов нового поколения... Мне минуло уже 65 лет; но я сохранил еще столько любви к литературе, с такою горячностью слежу за ее успехом, так радуюсь всегда, когда встречаю в ней что-нибудь живое, даровитое, что не мог, как видите, утерпеть и протягиваю Вам обе руки... Когда случится Вам быть в Петербурге, надеюсь увидеть Вас и обнять Вас, как обнимаю теперь заочно!!»

Письмо велико, и нет времени переписать его; при свидании прочту Вам его. Оно очень симпатично. Если музеи ценят письма таких людей, то как же мне не ценить их? Ответил я на это письмо так: «Как Вы, мой дорогой, горячо любимый благовеститель, обла-

скали мою молодость, так пусть бог успокоит Вашу старость!»

Ответ мой растрогал старика. Я получил от него другое, большее письмо и карточку. Второе письмо его великолепно.

На фоминой неделе я еду в Петербург, куда меня зовут. Там я теперь модный человек. В мае мы переедем к Киселевым на дачу, куда я Вас приглашаю, а позднее летом я приеду к Вам. *Вероятно*, летом увидимся и потолкуем досыта... Летом мне нужно быть на юге по делу.

У мамыши радость: Иван получил в Москве казенную школу, где он будет самостоятелен. Квартира у него в 5 комнат, казенная. Прислуга, дрова и освещение тоже казенные. У папаши тоже радость: тот же Иван купил себе фуражку с кокардой и заказал учительский фрак со светлыми пуговицами.

Николай сейчас работает сильно, но болен глазами.

Сегодня я накупил себе одежды и выглядываю совсем франтом.

Сегодня был у меня Шехтель, который у меня лечится и платит мне по 5 р. за совет. Он у нас будет разговляться. Жаль, что Вас с нами не будет на пасху! А разговеться есть чем. Мы бы и спели вместе, как будем петь, когда вернемся из заутрени.

Сейчас зазвонили в храме Христа Спасителя.

Буду ждать от Вас письма (Якиманка, д. Клименкова). Если в Питере найдется свободная минутка, то напишу Вам оттуда, а пока прощайте и не забывайте любящего и уважающего Вас

А. Чехова.

Так как наши письма, дорогой мой, дружеская, интимная беседа, то не показывайте их никому, кроме членов Вашей семьи.

Как здоровье Вашего уха?

Поклон Иринушке, если она меня еще не забыла.

У Миши дела с Ферапонтовым не склеились³.

Насчет статей в газетах о братстве Вы меня не совсем точно поняли. При свидании поговорим, а теперь скажу только, что печатать в газетах о братстве сле-

дует тотчас же вслед за годовщиной братства, в августе... А для того, чтобы газета напечатала, братству не мешает ввести у себя полезный обычай: посылать ежегодно в редакции годовые отчеты. Напишут с удовольствием, потому что никто не прочь похвалить хорошее дело. Я пришлю Вам адреса, по которым Вы пошлете отчеты.

41

А. П. ЧЕХОВУ

10 мая 1886, Москва

Маия 10-го 1886 г.

Милейший Александр Павлович г. Чехов!

Если ты еще не раздумал написать мне, то пиши теперь по адресу: «г. Воскресенск (Моск. губ.), г. доктору Ант. П.».

Я только что вернулся из Питера, где прожил 2 недели. Время провел я там великолепно. Как нельзя ближе сошелся с Сувориным и Григоровичем. Подробностей так много, что в письме их не передашь, а потому сообщу их при свидании. Читаешь ли «Новое время»?

«Город будущего» — тема великолепная как по своей новизне, так и по интересности¹. Думаю, что если не поленишься, напишешь недурно, но ведь ты, черт тебя знает, какой лентяй! «Город будущего» выйдет художественным произведением только при следующих условиях: 1) отсутствие продлинновенных словоизвержений политико-социально-экономического свойства; 2) объективность сплошная; 3) правдивость в описании действующих лиц и предметов; 4) сугубая краткость; 5) смелость и оригинальность; беги от шаблона; 6) сердечность.

По моему мнению, описания природы должны быть весьма кратки и иметь характер *à propos** Общие места вроде: «заходящее солнце, купаясь в волнах тем-

* между прочим, кстати (франц.).

невшего моря, заливало багровым золотом» и проч. «Ласточки, летая над поверхностью воды, весело чирикали»,— такие общие места надо бросить. В описаниях природы надо хвататься за мелкие частности, группируя их таким образом, чтобы по прочтении, когда закроешь глаза, давалась картина. Например, у тебя получится лунная ночь, если ты напишешь, что на мельничной плотине яркой звездочкой мелькало стеклышко от разбитой бутылки и покатила шаром черная тень собаки или волка и т. д. Природа является одушевленной, если ты не брезгуешь употреблять сравнения явлений ее с человеческими действиями и т. д.

В сфере психики тоже частности. Храни бог от общих мест. Лучше всего избегать описывать душевное состояние героев; нужно стараться, чтобы оно было понятно из действий героев... Не нужно гоняться за избытком действующих лиц. Центром тяжести должны быть двое: он и она...

Пишу это тебе как читатель, имеющий определенный вкус. Пишу потому также, чтобы ты, пища, не чувствовал себя одиноким. Одиночество в творчестве тяжелая штука. Лучше плохая критика, чем ничего... Не так ли?

Пришли мне начало своей повести... Я прочту в день получения и возвращу тебе со своим мнением на другой же день. Оканчивать не спеши, ибо раньше середины сентября ни один питерский человек не станет читать твоей рукописи,— овые за границей, овые на даче...

Я рад, что ты взялся за серьезную работу. Человеку в 30 лет нужно быть положительным и с характером. Я еще пижон, и мне простительно возиться в дребедени. Впрочем, пятью рассказами, помещенными в «Новом времени», я поднял в Питере переполох, от которого я угорел, как от чада².

Гонорар из «Сверчка» и «Будильника» тебе послан Мишкой в 2 приема.

Засим будь здоров и не забывай твоего

А. Чехова.

Погода плохая: ветер.

30 июля 1886, Бабкино

30 июль

Спасибо Вам за письмо, добрейший Николай Александрович! Спасибо за то, что оно не ругательное, как я ожидал...

Третьего дня, после трехнедельного антракта, я послал Вам рассказ ¹. Думаю, что антракт мой кончился, так как от бед, которые обрушились на мою голову, остались только одни следы. А беды мои суть следующие:

1) Страшно разболелись зубы... Болели три дня и три ночи... Кончилось тем, что в одну из ночей пришлось скакать в Москву, где я в один присест вырвал два зуба. От тяжелого, медленного зубодерганья, измучившего меня до чертиков, разболелась моя башка и болела два дня. 2) Возвратившись из Москвы, я к ужасу своему заметил, что не могу ни сидеть, ни ходить: у меня появился геморрой. [...] разгулялась на славу и гуляет до сегодня. Хотел писать лежа, но этот фокус мне не удался, тем более что рядом с шишками общее состояние было отвратительное. Пять дней тому назад ездил в Звенигород сменить ненадолго своего товарища, земского врача, где был занят по горло и болел. Вот и все... Теперь: отчего я не писал Вам, что не будет рассказов? А потому не писал, что с каждым часом не терял надежды сесть и написать рассказ... Телеграфа в Воскресенске нет...

Болен я и доселе. Настроение духа мерзкое, ибо и денег нет (в июле я нигде не работал), и домашние обстоятельства не радуют. Погода сволочная.

От Вас я получил только одно письмо, где Вы пишете о Тимофее и моей книге. Письмо, где Вы спрашиваете о маршруте в Бабкино, мною не получено, иначе бы Вы давно уже знали путь ко мне. На всякий случай

вот путь ко мне: Николаевская дорога, станция Крюково; отсюда на ямщике в Воскресенск (Новый Иерусалим) или же прямо ко мне в Бабкино. В Воскресенске мой адрес можно узнать в лавках, на почте, у попа, у станового, у мирового. Семья была бы очень рада видеть Вас, а я с удовольствием хотя немножко бы заплатил за Ваше гостеприимство.

Теперь о моей книге. Будучи в Москве, я не видал ее ни в одном книжном магазине. У Васильева нет («давно была, а теперь нет»), на Николаевском вокзале тоже была, а теперь нет, и т. д. Если, по-Вашему, книга пойдет осенью, то подожду печатать объявление в «Русских ведомостях».

Про мою книгу заговорили толстые журналы. «Новь» выругала и мои рассказы назвала бредом сумасшедшего², «Русская мысль» похвалила³, «Северный вестник» изобразил мою будущую плачевную судьбу на 2-х страницах, впрочем, похвалил...⁴

Вчера я получил приглашение от «Русской мысли»⁵. Осенью напишу туда что-нибудь. Напрасно Вы спрашиваете, когда я буду в Москве. Я и сам не знаю, когда я там буду. Пришлите доверенность по дачному адресу; если бы Вы прислали ее ранее, то Ваше поручение было бы давно уже исполнено.

В начале августа сестра едет в Москву искать квартиру. Переберусь в сентябре.

Погода отвратительна. Все лето порют дожди и будут пороть до бесконечности. Наша река выступила из берегов по-весеннему, à la половодье, так что мы сегодня ловили наметкой рыбу. Хлеб гниет, и урожай пропал. Пропало и лето.

Агафопод в Москве, Николай у меня.

Как здоровье Прасковьи Никифоровны и кончилась ли сенатская возня с Федей?⁶ Почтение им обоим купно, с пожеланием всяких благ...

Нет ли чего-нибудь новенького? Сейчас хочу завалиться спать. Прощайте и будьте здоровы.

Апель Апеличу⁷ наше нижайшее. [...]

Ваш А. Чехов.

21 сентября 1836, Москва

86, IX, 21

Чтобы иметь право сидеть у себя в комнате, а не с гостями, спешу усесться за писанье. На очереди — письмо к Вам, многоуважаемая и добрая Мария Владимировна. Представьте: Яшенька и Яденька пришли! Если найдете в этом письме каракули, то знайте, что Яшенька помешала, чтоб ей Мерлитон¹ приснился!

Прежде всего большое Вам спасибо за выписки из «Русской мысли»². Я читал и думал: «Благодарю тебя, боже, что на Руси еще не перевелись великие писатели!» Да, не оскудевает наша родина... Из письма Вашего к сестре я усматриваю, что и Вы начинаете конкурировать по части известности...³ (Я говорю про Питер и образцы рассказов по мифологии.) Что ж, помогай бог! Литература — не ерши, а потому я не завижую...

Впрочем, не велика сладость быть великим писателем. Во-первых, жизнь хмурая... Работы от утра до ночи, а толку мало... Денег — кот наплакал... Не знаю, как у Зола и Щедрина, но у меня угарно и холодно... Папиросы по-прежнему мне подают только в табельные дни. Папиросы невозможные! Нечто тугое, сырое, колбасообразное. Прежде чем закурить, я зажигаю лампу, сушу над ней папиросу и потом уж курю, причем лампа дымит и коптит, папироса трещит и темнеет, я обжигаю пальцы... просто хоть застрелиться в пору!

Денег, повторяю, меньше, чем стихотворного таланта. Получки начнутся только с 1-го октября, а пока хожу на паперть и прошу взаймы... Работаю, выражаясь языком Сергея, ужасно, тшшесное слово, много! Пишу пьесу для Корша⁴ (гм!), повесть для «Русской мысли»⁵, рассказы для «Нового времени», «Петербургской газеты», «Осколков», «Будильника» и прочих оргáнов. Пишу много и долго, но мечусь как

угорелый: начинаю одно, не кончив другое... Докторскую вывеску не велю вывешивать до сих пор⁶, а все-таки лечить приходится! Бррр...

Боюсь тифа!

Понемножку болею и мало-помалу обращаюсь в стрекозинные мощи. Если я умру раньше Вас, то шкаф благоволите выдать моим прямым наследникам⁷, которые на его полки положат свои зубы.

Хожу я именинником, но, судя по критическим взглядам, которые пускает на меня конторщица «Будильника», одет я не по последней моде и не с иголочки. Езжу не на извозчике, а на конке.

Впрочем, писательство имеет и свои хорошие стороны. Во-первых, по последним известиям, книга моя идет недурно; во-вторых, в октябре у меня будут деньги; в-третьих, я уже понемножку начинаю пожинать лавры: на меня в буфетах тычут пальцами, за мной чуточку ухаживают и угощают бутербродами. Корш поймал меня в своем театре и первым делом вручил мне сезонный билет... Портной Белоусов⁸ купил мою книгу, читает ее дома вслух и пророчит мне блестящую будущность. Коллеги доктора при встречах вздыхают, заводят речь о литературе и уверяют, что им опостылела медицина. И т. д.

На Ваш вопрос, заданный сестре: женился ли я? отвечаю: нет, чем и горжусь. Я выше женитьбы! Вдова Хлудова (плюющая на пальцы) приехала в Москву. Спасите меня, о неба серафимы!⁹

Теперь о наших общих знакомых... Мать и батька живы и здоровы. Александр живет в Москве. Кокоша там же, где был и до поездки в Бабкино. Иван благоденствует у себя в школе. Ма-Па выдается с длинноносой Эфрос, дает в молочной¹⁰ уроки по 7 коп. за урок и берет у Богемского¹¹ уроки по географии, которую дерзает преподавать. Боже, отчего я не преподаю китайского языка? Тетка сватает ее за какого-то Перешивкина, получающего 125 р. Дурочка, не соглашается... Богемский, он же финик, рисует виньетки по 3 руб. за штуку, ухаживает слегка за Яденькой, бывает у Людмилочки, надоедает всему миру философией и спешит съерундить другой рассказ в «Детский

отдых». А ргорос: * какое у Вас дурное общество! Политковская, Богемский... Я бы застрелился. Левитан закружился в вихре, Ольга жалеет, что не вышла за Матвея, и т. д. Нелли приехала и голодает. У баронессы родилось дитё. Я рад за отца... Про т-те Сахарову слышно, что она бесконечно счастлива... О, несчастная!

На днях в Эрмитаже, первый раз в жизни, ел устриц... Вкусного мало. Если исключить шабли и лимон, то совсем противно. Приближается конец письму. Прощайте и поклонитесь Алексею Сергеевичу, Василисе, Сергею и Елизавете Александровне. Еще 6—7 месяцев и — весна! Пора готовить крючки и верши. Прощайте и верьте лицемеру А. Чехову, когда он говорит, что всей душой предан всей Вашей семье.

Едва я кончил письмо, как звякнул звонок и... я увидел гениального Левитана. Жульническая шапочка, франтовской костюм, истощенный вид... Был он 2 раза на «Аиде», раз на «Русалке», заказал рамы, почти продал этюды... Говорит, что тоска, тоска и тоска...

— Бог знает что дал бы, только побывать бы денка два в Бабкине! — восклицает он, вероятно забыв, как он ныл в последние дни.

44

М. В. КИСЕЛЕВОЙ

29 сентября 1886, Москва

86, IX, 29

Вчера получил от Алексея Сергеевича Ваши «Калоши», уважаемая Мария Владимировна. Получил и тотчас же, злорадно ухмыляясь, подмигивая глазом и ехидно потирая руки, стал читать...

Ответ на «Калоши» получите в будущем. Скажу пока, что рассказ написан литературно, бойко, кратко, относительно и приблизительно. Думаю, что ответ будет благоприятный.

Псевдоним Рипсе-пез удачен.

* Кстати (франц.).

Конечно, нет надобности уверять Вас, что я очень рад быть Вашим литературно-гонорарным гоф-маклером и чичероне. Эта должность льстит моему тщеславию и исполнять ее так же нетрудно, как нести за Вами ведро, когда Вы возвращаетесь с рыбной ловли. Если Вам необходимо знать мои условия, то извольте:

1) Пишите как можно больше!! Пишите, пишите, пишите... пока пальцы не сломаются. (Главное в жизни — чистописание!) Пишите больше, имея в виду не столько умственное развитие массы, сколько то обстоятельство, что на первых порах добрая половина Ваших мелочей, в силу Вашей непривычки к «малой прессе», будет подлежать возврату. Насчет возвратов обманывать, лицемерить и вилить не буду — даю слово. А возвраты пусть не смущают Вас. Если даже будут возвращать половину, то и тогда работа будет выгоднее, чем в «Детско-Богемском отдыхе»¹. А самолюбие... Не знаю, как Вы, но я давно уже привык...

2) Пишите на разные темы, смешное и слезное, хорошее и плохое. Давайте рассказы, мелочи, анекдоты, остроты, каламбуры и проч. и проч.

3) Переделки с иностранного — вещь вполне легальная, но только в том случае, если грех против 8-й заповеди не режет глаз... (За «Калоши» быть Вам в аду после 22-го января!) Избегайте популярных сюжетов. Как ни тупоголовы наши гг. редакторы, но уличить их в незнании парижской литературы, а особенно мопассановщины, труд нелегкий.

4) Пишите в один присест, с полной верой в свое перо. Честно, не лицемерно говорю: восемь десятых писателей «малой прессы» в сравнении с Вами — сапожники и вики².

5) Краткость признается в малой прессе первую добродетелью. Самой лучшей меркой может служить почтовая бумага (эта самая, на которой я теперь пишу). Как только дойдете до 8—10 страницы, так и — стоп! И к тому же почтовую бумагу легче пересылать... Вот и все условия.

Выслушав наставления от такого умника и гения, как я, соблаговолите теперь принять от меня уверения в самой искренней преданности. Это же самое

уверение, буде пожелают, могут принять под расписку Алексей Сергеевич, Василиса и Сергей.

Со вдовой Хлудовой еще не видался³. Бываю в театре. Ни одной хорошенькой... Все рылиндроны, хари-тоны и мордемондии. Даже жутко делается...

Прощайте и поклонитесь всем.

Уважающий А. Чехов.

Сама жизнь обращается мало-помалу в сплошную мордемондию. Живется серо, людей счастливых не видно...

Николай у меня. Он серьезно болен (желудочное кровотечение, истощившее его до чертиков). Вчера он меня испугал не на шутку, сегодня ему легче настолько, что я уже позволяю ему принимать по ложке молока через каждые $\frac{1}{2}$ часа. Лежит трезвый, кроткий, бледный...

Всем скверно живется. Когда я бываю серьезен, то мне кажется, что люди, питающие отвращение к смерти, не логичны. Насколько я понимаю порядок вещей, жизнь состоит только из ужасов, дрязг и пошлостей, мешающихся и чередующихся... Впрочем, я ударился в новременскую беллетристику. Виноват.

Ма-Па здорова. Денег нет.

45

Н. А. ЛЕЙКИНУ

30 сентября 1886, Москва

IX, 30

Сейчас получил Ваше письмо, уважаемый Николай Александрович, и, не откладывая ответа в долгий ящик, сажусь писать.

Гонорара из «Петербургской газеты» еще не получил и отчаялся получить. Писать туда не буду, пока не получу. Быть может, даже сотрудничеству моему в «Петербургской газете» придется пропеть аминь: я послал Худекову прошение о прибавке... Замолвите словечко о прибавке, а то ведь, согласитесь, обидно на старости лет писать за 7 коп.! Не найдет ли Худе-

ков возможным давать добавочные по образцу «Осколков»? Впрочем, я на все согласен, даже на плохое единовременное, лишь бы не сидеть на семи копейках.

Живется серо. Сам я плох, да и кругом себя не вижу счастливых. Агафопод с семьей живет в Москве и еле сыт. Николай вчера и 3-го дня был серьезно и опасно болен. Появилась неожиданно обильная кровавая рвота, которую едва удалось остановить. Отощал он на манер тифозного... Ужас, сколько передряг я испытал в эти дни, а тут еще денег нет!

Кончится, должно быть, вся музыка тем, что я плюну, махну рукой и удеру в земство на службу.

Здоровье мое лучше. Нужно бы радикально изменить жизнь, что не легко. На моей совести 3 греха, которые не дают мне покоя: 1) курю, 2) иногда пью и 3) не знаю языков. Ввиду здоровья 1 и 2 пункты давно уже пора похерить.

Пальмин был у меня. Насчет богов и богинь Вы правы¹. Я поговорю с ним. Знаете, он и сам напоминает какого-то бога. Живет не по-людски, витает в эмпиреях и знать не хочет земли. Сюртук в пятнах, штаны вечно расстегнуты, галстук на затылке... Был у меня с двумя собаками, которые бегали по комнатам и жалобно выли. На днях буду у него. С ним приятно посидеть вечерок...

Сегодня был у меня Гиляй. Ждет человечина родов. «Опять, говорит, [...]! Ну, пусть себе плодятся!»

Здоров ли Билибин? От него ни слуху ни духу, точно умер или попал в крепость.

Относительно объявления в «Будильнике» и «Сверчке» постараюсь². В «Будильнике» уже печатались. В «Русских ведомостях» напечатаю, когда деньги будут. А «Листок»... черт с ним! Лучше напечатать объявления в «Одесском вестнике» и «Южном крае» (Харьков).

Послушайте, напишите-ка что-нибудь для сцены! Для Вас это выгодно, да и приятно в видах разнообразия.

Больше, кажется, не о чем писать. Погода снос-

ная. Бывают деньки, когда я жалею, что уехал с дачи. Поклон всем Вашим.

Чтобы заболеть коклюшем, нет надобности простужаться. Болезнь инфекционная или, как думают, нервного происхождения.

Ваш А. Чехов.

46

Н. А. ЛЕЙКИНУ

23 октября 1886, Москва

86, X, 23. Но увы! послано только 27-го!

Добрейший

Николай Александрович!

Первым делом про Пальмина. Я был у него и беседовал про богов, луну и про все то, что не под стать нашей хмурой эпохе¹. После долгой беседы, уснащаемой отрывками Фефелы² и потчеванием, я пришел к конечному и прочному заключению, что Лиодор Иванович поэт *sui generis**, что он может быть только Пальминым... Перекроить его, заставить писать на иные темы так же трудно, как заставить его потолстеть. Боги вошли ему в плоть и кровь, он сроднился с ними, любит их, все же остальное считает пошлостью, недостойною его пера. По-своему он прав и разубеждать его — напрасный труд.

Далее, по-моему, нет надобности из Пальмина делать другого человека. Поэт он оригинальный и, несмотря на однообразие, стоит гораздо выше и читается охотнее, чем десятки поэтиков, жующих злобу дня.

Судя по письму Билибина, мой гонорар повел к недоразумению (конторскому). Спешу сообщить, что я получил его.

От Худекова ни слуху ни духу. Очевидно, над моим сотрудничеством в «Петербургской газете» поставлен крест. Так тому и быть.

Получил приглашение от «Всемирной иллюстрации». Буду туда строчить. Ничего не знаете про сей журнал и его порядки? Предлагают по 10 коп.

* своеобразный (лат.).

Здоровье мое лучше, карман же по-прежнему в чухотке...

Когда прослышите, что Григорович вернулся из-за границы, будьте добры, уведомяте.

Получил от Федорова, издающего в Питере «Дешевую библиотеку», приглашение прислать что-нибудь. Кто сей Федоров? И что я могу послать ему? Вы опытнее меня, научите, как ответить...³

В конце октября ждем Вас. Пальмин почти сосед мой, так что Вам не придется делать длинных концов. От меня же всюду близко.

Я послал Вам рассказ «Бука»⁴, но, кажется, неудачный, по крайней мере гораздо худший Вашего «Праздничного»⁵, который Вам чертовски удался. Очень хороший рассказ. Одна есть в нем фраза, портящая общий тон, это — слова городского: «в соблазн вводишь казенного человека»; чувствуется натяжка и выдуманность. Мужичонка картинен, и я себе рисую его.

Кланяется Вам Агафопод. Николай здоров. Поклон всем Вашим.

Ваш А. Чехов.

Левинский негодует за то, что Вы напечатали стихотворение по адресу «Будильника»: ⁶

— Я с ним познакомился, толковал о вражде газет и журналов, он соглашался со мной, а сам...

47

А. С. СУВОРИНУ

21 декабря 1886, Москва

86, XII, 21

Уважаемый

Алексей Сергеевич!

Святочный рассказ я начал 2 недели тому назад и никак не кончу¹. Нечистая сила натолкнула меня на тему, с которой я никак не справлюсь. За 2 недели я успел привыкнуть и к теме и к рассказу и теперь не

понимаю, что в нем хорошо, что худо. Просто беда! Завтра, надеюсь, я кончу его и пошлю Вам. Вы получите его 24-го, в третьем часу дня.

Если взглянете на рассказ, то поймете потуги, с какими он писан, и извините за то, что я опоздал и не сдержал данного обещания.

Поздравляю Вас и Ваше семейство с наступающими праздниками и желаю всего хорошего.

Искренно преданный

А. Чехов.

Р. S. Мне Бежецкий положительно нравится. Ранее я имел о нем понятие только по «Перчатке» и дорожным фельетонам², но теперь, когда Вы подарили мне его книгу³ и я прочел «Военных», я решительно не понимаю, почему он непопулярен. Его «Расстрелянный» гораздо лучше тургеневского «Жида», а судя по остальным рассказам, он, если бы захотел, был бы тем, чего у нас на Руси недостает, т. е. военным писателем-художником. Кроме «Рай Магомета», все остальные не военные рассказы его слабы. Он интересен, завлекателен и, выражаясь по-женски, мил.

48

Н. А. ЛЕЙКИНУ

24 декабря 1886, Москва

24 декабря

Прежде всего, по христианскому обычаю, добрейший Николай Александрович, поздравляю Вас и Ваше семейство с праздником и с наступающим Новым годом. Совокупно с поздравлением шлю массу пожеланий. Желаю денег, жирных индюков, породистых щенят, маленького живота, остроумных прозаиков и грамотных поэтов.

За декабрь я послал Вам 3 рассказа¹ и 3 письма. Получили? Вообще петербуржцы в высшей степени неаккуратный народ: не отвечают на письма. Не мешало бы Вам брать пример с москвичей.

В настоящее время я изображаю из себя человека

обалделого и замученного. *Три* недели выжимал я из себя святочный рассказ для «Нового времени»², пять раз начинал, столько же раз зачеркивал, плевал, рвал, метал, бранился и кончил тем, что опоздал и послал Суворину плохую тянучку, которая, вероятно, полетит в трубу. Так мучился, что и тысячи целковых гонорара мало... Сегодня у меня мать именинница, я отдыхаю и не верю своим глазам, что я отдыхаю...

Читал рассказ нового сотрудника, Кулакова³. Мне кажется, он может писать и уже достаточно насобачился. Не понравилось мне, что он дебютировал с пьянства. Напишите ему, что описывать пьянство ради пьяных словечек — есть некоторого рода цинизм. Нет ничего легче, как выезжать на пьяных...

Видались с Агафоподом?

Отчего это Вы меня печатаете в нижнем этаже, в фельетоне? Мне это лестно, хотя, с другой стороны... в прежние годы такая честь мне всякий раз обходилась в 2—3 рубля, так как Виктор Викторович почему-то фельетонные рассказы рассчитывал по 7 коп.

Кстати: будьте благодетелем, распорядитесь, чтобы я получил свой гонорар *не позже* 31-го декабря. Честное слово, я нищ. Весь декабрь не работал у Суворина и теперь не знаю, где оскорбленному есть чувству уголок. Извините, что нарушаю законы Вашей бухгалтерии, но... что делать?

Получили от Николая рисунок?

Погода у нас безнравственная, бленорейная, 3 градуса тепла. Санный путь перестает быть санным.

Прощайте и будьте здоровы.

Ваш А. Чехов.

49

Н. А. ЛЕЙКИНУ

12 января 1887, Москва

12-го января. Татьянин день

Добрейший Николай Александрович!

Не велите казнить, но велите слово вымолвить. Три недели не писал Вам письма, мечтая написать

оное при транспорте, но увы! вижу, что приходится посылать письмо в одиночку, вдовым и сирым... Опять я не шлю рассказа... Что сей сон значит, я и сам не знаю... Моя голова совсем отбилась от рук и отказывается сочинительствовать... Все праздники я жилился, напрягал мозги, пыхтел, сопел, раз сто садился писать, но все время из-под моего «бойкого» пера выливались или длинноты, или кислоты, или тошноты, которые не годятся для «Осколков» и так плохи, что я не решался посылать их Вам, дабы не конфузить своей фамилии.

В «Новое время» я не посылал *ни одного* рассказа, в «Петербургскую газету» кое-как смерекал 2 рассказа¹, и на какие шиши я буду жить в феврале, бог весть... Вы вообще скептик и не верите в немощи человеческие, но уверяю Вас честнейшим словом, вчера от утра до ночи, весь день я промаялся над рассказом для «Осколков», потерял время и лег спать, не написав странички... О лениности или нежелании не может быть и речи... Если Вы будете негодовать и браниться, то будете не правы. Виновен, но заслуживает снисхождения!

С Новым годом я уже поздравлял Вас. Что у Вас нового? Как идет подписка?

Языческого бога² я не видел с самого декабря.

Почему Суворин не напечатал его стихов, я решительно не понимаю. Стихи я читал, и они мне очень понравились. Простите, сейчас сделал кляксу; в чернильнице завелись у меня коховские запяты, бациллы и микрококки, свившие там целое гнездо...

Праздники в Москве прошли шумно. По крайней мере я не имел ни одного покойного дня: гости, съезд врачей, длинные разговоры и проч... Все время мой кабинет брался приступом, чем я отчасти и объясняю свои неудачи на литературном поприще.

Между прочим, был у меня А. Грузинский. По видимому, это очень порядочный человек. Он молчалив, как Виктор Викторович, но и сквозь молчание иногда можно бывает разглядеть человека.

Если увидите Буйлова, то не забудьте сказать ему,

чтобы он выслал мне «Петербургскую газету» с первого №. Я не получаю.

Напрасно «Осколки» отвечали «Наблюдателю»³. Отвечать, пожалуй, можно только с рекламными целями, но заступаться и защищаться — это не совсем ловко.

Теперь о щекотливом. Счет дружбы не портит, а посему беру на себя смелость написать нижеследующее. Ввиду того что для «Осколков» я начинаю терять цену как постоянный, исправный и аккуратный сотрудник, ввиду того что даже в разгар литературной энергии мне приходится пропускать по 1—2 № почти в каждом месяце, было бы справедливым упразднить добавочные. Не правда ли? Согласитесь со мной и сделайте подобающее распоряжение. Я буду работать по-прежнему, стараясь не пропускать ни одной недели, но не могу ручаться, что случаи обалдения уже не будут повторяться. Будут и волки сыты и овцы целы, когда останется одна только построчная плата; я же не понесу убытка, если эта плата будет регулирована...

Ждем Вас и Прасковью Никифоровну к 17-му. Помните, что 17-го, в час дня, у меня пирог.

А засим будьте здоровы.

Жму руку.

Ваш А. Чехов.

P. S. В видах экономии в посылаемых мною телеграммах фразу «Рассказа не будет» я заменяю одним словом «нет». Посему, если получите телеграмму «Нет. Чехов», то это будет значить, что рассказ не написан. Пишите.

50

М. В. КИСЕЛЕВОЙ

14 января 1887, Москва

14-го янв.

Ваш «Ларька» очень мил, уважаемая Мария Владимировна; есть шероховатости, но краткость и мужская манера рассказа все окупает. Не желая высту-

пать единоличным судьей Вашего детища, я посылаю его для прочтения Суворину, человеку весьма понимающему. Мнение его сообщу Вам своевременно... Теперь же позвольте отгрызнуться на Вашу критику... Даже Ваша похвала «На пути» не смягчила моего авторского гнева, и я спешу отомстить за «Тину»¹. Берегитесь и, чтобы не упасть в обморок, возьмитесь покрепче за спинку стула. Ну, начинаю...

Каждую критическую статью, даже ругательно-несправедливую, обыкновенно встречают молчаливым поклоном — таков литературный этикет... Отвечать не принято, и всех отвечающих справедливо упрекают в чрезмерном самолюбии. Но так как Ваша критика носит характер «беседы вечером на крыльчке бабкинского флигеля или на террасе господского дома, в присутствии Ма-Па, Фальшивого монетчика² и Левитана» и так как она, минуя литературные стороны рассказа, переносит вопрос на общую почву, то я не согрешу против этикета, если позволю себе продолжить нашу беседу.

Прежде всего, я так же, как и Вы, не люблю литературы того направления, о котором у нас с Вами идет речь. Как читатель и обыватель я охотно сторонюсь от нее, но если Вы спросите моего честного и искреннего мнения о ней, то я скажу, что вопрос о ее праве на существование еще открыт и не решен никем, хотя Ольга Андреевна и думает, что решила его. У меня, и у Вас, и у критиков всего мира нет никаких прочных данных, чтобы иметь право отрицать эту литературу. Я не знаю, кто прав: Гомер, Шекспир, Лопе де Вега, вообще древние, не боявшиеся рыться в «навозной куче», но бывшие гораздо устойчивее нас в нравственном отношении, или же современные писатели, чопорные на бумаге, но холодно-циничные в душе и в жизни? Я не знаю, у кого плохой вкус: у греков ли, которые не стыдились воспевать любовь такую, какова она есть на самом деле в прекрасной природе, или же у читателей Габорио, Марлита, Пьера Бобо? Подобно вопросам о непротивлении злу, свободе воли и проч., этот вопрос может быть решен только в будущем. Мы же можем только упоминать

о нем, решать же его — значит выходить из пределов нашей компетенции. Ссылка на Тургенева и Толстого, избегавших «навозную кучу», не проясняет этого вопроса. Их брезгливость ничего не доказывает: ведь было же раньше них поколение писателей, считавшее грязью не только «негодяев с негодяйками», но даже и описание мужиков и чиновников ниже титулярного. Да и один период, как бы он ни был цветущ, не дает нам права делать вывод в пользу того или другого направления. Ссылка на развращающее влияние названного направления тоже не решает вопроса. Все на этом свете относительно и приблизительно. Есть люди, которых развратит даже детская литература, которые с особенным удовольствием прочитывают в псалтыри и в притчах Соломона пикантные местечки, есть же и такие, которые, чем больше знакомятся с житейскою грязью, тем становятся чище. Публицисты, юристы и врачи, посвященные во все тайны человеческого греха, неизвестны за безнравственных; писатели-реалисты чаще всего бывают нравственнее архимандритов. Да и в конце концов никакая литература не может своим цинизмом перещеголять действительную жизнь; одною рюмкою Вы не напоите пьяным того, кто уже выпил целую бочку.

2) Что мир «кишит негодьями и негодяйками», это правда. Человеческая природа несовершенна, а потому странно было бы видеть на земле одних только праведников. Думать же, что на обязанности литературы лежит выкапывать из кучи негодяев «зерно», значит отрицать самое литературу. Художественная литература потому и называется художественной, что рисует жизнь такую, какова она есть на самом деле. Ее назначение — правда безусловная и честная. Суживать ее функции такою специальностью, как добывание «зерен», также для нее смертельно, как если бы Вы заставили Левитана рисовать дерево, приказав ему не трогать грязной коры и пожелтевшей листвы. Я согласен, «зерно» — хорошая штука, но ведь литератор не кондитер, не косметик, не увеселитель; он человек обязанный, законтрактованный сознанием своего долга и совестью; взявшись за гуж,

он не должен говорить, что не дуж, и, как ему ни жутко, он обязан бороться свою брезгливость, марать свое воображение грязью жизни... Он то же, что и всякий простой корреспондент. Что бы Вы сказали, если бы корреспондент из чувства брезгливости или из желания доставить удовольствие читателям описывал бы одних только честных городских голов, возвышенных барынь и добродетельных железнодорожников?

Для химиков на земле нет ничего нечистого. Литератор должен быть так же объективен, как химик; он должен отрешиться от житейской субъективности и знать, что навозные кучи в пейзаже играют очень почтенную роль, а злые страсти так же присущи жизни, как и добрые.

3) Литераторы — сыны века своего, а потому, как и вся прочая публика, должны подчиняться внешним условиям общежития. Так, они должны быть безусловно приличны. Только это мы и имеем право требовать от реалистов. Впрочем, против исполнения и формы «Тины» Вы ничего не говорите... Стало быть, я был приличен.

4) Я, каюсь, редко беседую со своею совестью, когда пишу. Объясняется это привычкою и мелкостью работы. А посему, когда я излагаю то или другое мнение о литературе, себя в расчет я не беру.

5) Вы пишете: «Будь я редактором, я для Вашей же пользы вернула бы Вам этот фельетон». Отчего же не идти и далее? Отчего не взять на цугундер и самих редакторов, печатающих такие рассказы? Почему бы не объявить строгий выговор и Главному управлению по делам печати, не запрещающему безнравственных газет?

Плачевна была бы судьба литературы (большой и мелкой), если бы ее отдали на произвол личных взглядов. Это раз. Во-вторых, нет той полиции, которая считала бы себя компетентной в делах литературы. Я согласен, без обуздывания и палки нельзя, ибо и в литературу заползают шулера, но, как ни думайте, лучшей полиции не изобретете для литературы, как критика и собственная совесть авторов. Ведь с со-

творения мира изобретают, но лучшего ничего не изобрели...

Вы вот желали бы, чтобы я потерпел убытку на 115 рублей и чтобы редактор учинил мне конфуз. Другие, в том числе и Ваш отец, в восторге от рассказа. Четвертые шлют Суворину ругательные письма, понося всячески и газету, и меня, и т. д. Кто же прав? Кто истинный судья?

б) Далее Вы пишете: «Предоставьте писать подобное разным нищим духом и обездоленным судьбою писакам, как-то: Окрейц, Pince-nez, Aloe...» Да простит Вам аллах, если Вы искренно писали эти строки! Снисходительно-презрительный тон по отношению к маленьким людям за то только, что они маленькие, не делает чести человеческому сердцу. В литературе маленькие чины так же необходимы, как и в армии,— так говорит голова, а сердце должно говорить еще больше...

Уф! Утомил я Вас своей тянучкой... Если б знал, что критика выйдет такой длинной, не стал бы писать... Простите, пожалуйста!

Мы приедем. Хотели ехать 5-го, но... помешал съезд врачей; засим помешал Татьянин день, а 17-го у нас вечер: «он» именинник! Блистательный бал с жидовками, индейками и Яшеньками. После 17-го назначим день для поездки в Бабино.

Вы читали мое «На пути»... Ну как Вам нравится моя храбрость? Пишу об «умном» и не боюсь. В Питере произвел трескучий фурор. Несколько ранее трактовал о «непротивлении злу» и тоже удивил публику³. В новогодних номерах все газеты поднесли мне комплимент, а в декабрьской книге «Русского богатства», где печатается Лев Толстой, есть статья Оболенского (два печатных листа) под заглавием «Чехов и Короленко». Малый восторгается мной и доказывает, что я больше художник, чем Короленко... Вероятно, он врет, но все-таки я начинаю чувствовать за собой одну заслугу: я единственный, не печатавший в толстых журналах, писавший газетную дрянь, завоевал внимание вислоухих критиков — такого примера еще не было... «Наблюдатель» выругал

меня — и досталось же ему за это!⁴ В конце 86-го года я чувствовал себя костью, которую бросили собакам...

Пьеса Владимира Петровича печатается в «Театральной библиотеке»⁵, откуда будет разослана по всем большим городам.

Я написал пьесу на 4-х четвертушках⁶. Играть она будет 15—20 минут. Самая маленькая драма во всем мире. Играть в ней будет известный Давыдов, служащий теперь у Корша. Печатается она в «Сезоне», а посему всюду разойдется. Вообще маленькие вещи гораздо лучше писать, чем большие: претензий мало, а успех есть... что же еще нужно? Драму свою писал я 1 час и 5 минут. Начал другую, но не кончил, ибо некогда.

Алексею Сергеевичу напишу, когда он вернется из Волоколамска... Поклон всем нижайший. Вы, конечно, простите, что я пишу Вам такое длинное письмо. Рука разбежалась...

Поздравляю Сашу и Сергея с Новым годом.

Получает Сережа «Вокруг света»?

Преданный и уважающий

А. Чехов.

51

Ал. П. ЧЕХОВУ

17 января 1887, Москва

17 янв.

Ваше Целомудрие!

Чтобы благодарить за труды по переводу денег, надо обладать слогом дяди Митрофана Егоровича. Спасибо! Если бы не ты, то деньги пришли бы недель позже. Извиняю тебя за беспокойство и буду рад, если ты согласишься взять по $\frac{1}{100}\%$ за комиссию...

Племяша и его родителей поздравляю: первого с андилом, а вторых с именинником. Желая всего, всего!!!

С сокрушенным сердцем ожидаю Лейкина. Он опять утомит меня. С этим Квазимодо у меня разла-

дица. Я отказался от добавочных и аккуратного писания, а он шлет мне слезно-генеральские письма, обвиняя меня в плохой подписке, в измене, двуличии и проч. Брешет, что получает письма от подписчиков с вопросами: отчего Чехонте не пишет? На тебя он зол за то, что ты не работаешь... Буду требовать 12 коп. со строки.

Рад бы вовсе не работать в «Осколках», так как мне мелочь опротивела. Хочется работать покрупнее, или вовсе не работать. Татьянин день провели отчетливо. Вечером у меня вечер. Приходи.

Видаешь ли Суворина? Пишешь ли? Что пишешь? Не предлагал ли суворинцам утилизировать твое писанье? Вообще тебе надо выскакивать, не щадя живота. Голике прелестный немец. Никак не соберусь написать ему. Билибин тоже хорош, но на непривычного человека действует, как серый круг, который вертят: вял, бледен, скучен. Но если привыкнешь к нему, то не будешь каяться.

Три рубля теткою получены.

Так как в конце января я опять буду без денег, то, во избежание нытья домочадцев и займов, которые действуют на меня болезненно, я опять буду беспокоить тебя насчет перевода. Помогай, а за это я тебе рецепт пришлю.

Какое глупое положение! Получил я переводом 220 руб. да из «Будильника» в тот же день 20, а осталось теперь только 30 р., да и те к 22 января уйдут. Скажи, пожалуйста, душа моя, когда я буду жить по-человечески, т. е. работать и не нуждаться? Теперь я и работаю, и нуждаюсь, и порчу свою репутацию необходимостью работать херовое.

Видал Сувориху? На праздниках у меня был с визитом муж ее сестры¹. Поневоле пришлось отдать визит и познакомиться с ее сестрой и маменькой.

В чем заключается твоя работа в «Новом времени»? Носит ли она творческий характер?

Пиши мне обязательно. Ввиду твоего бедственного состояния и дабы не умножить пролетариата, не роди больше. Этого хотят Мальтус и Павел Чехов.

Будь здоров и поклонись всем. Кокоше и Тотоше мое благословение; пусть работают: папаше и мамаше кушать нада... Петербург деньги любить.

Испрашивая Вашего благословения, остаюсь любящие брат и сестра

Антоний и медицина Чеховы.

Кроме жены-медицины, у меня есть еще литература-любовница, но о ней не упоминаю, ибо незаконно живущие беззаконно и погибнут.

52

Н. А. ЛЕЙКИНУ

26 января 1887, Москва

26-го янв.

Добрейший

Николай Александрович!

Сегодня получил Ваше письмо и немедленно отвечаю. Прежде всего констатирую тот факт (как говорят ученые жида), что я нездоров, Вот уже целая неделя, как я чувствую во всем теле ломоту и слабость; сейчас ходил слушать лекцию Захарьина (о сифилисе сердца), простоял не более 1½ часов, а утомился, точно сходил пешком в Киев. Работать нужно, но не работается, и все, что я пишу, выходит плохо. Вот причина, почему я не послал Вам рассказа. В понедельник Билибин получил от меня письмо, в котором я, во избежание траты на телеграмму, просил его немедленно уведомить Вас, что рассказа не будет.

Насчет литературного фонда — с удовольствием¹. Если выбаллотировать, то уплатите им не из январского гонорара, а из будущего февральского, ибо сейчас не имею ни гроша. Буквально: ни-гро-ша! Братъ взаймы еще не научился — большое неудобство!

Относительно поездки в Питер на 2-й неделе поста не знаю, что сказать Вам. Я очень рад быть полезным², но, представьте, мои домашние уверяют меня, что читаю я отвратительно, да и сам я чувствую вся-

кий раз, что после 40—50 строк у меня начинают сипеть и сохнуть голосовые связки. Как бы мне не проехаться даром и не наехать на скандал! Подумайте...

Александр Павлович писал мне о том, что он уже не служит в «Судоходстве». Судя по его письмам, живет ему недурно и он доволен.

У нас погода тоже скверная. Вчера была оттепель, сегодня мороз, а завтра будет дождь. Очевидно, природа стала работать в мелкой прессе. Иначе было бы непонятно такое ее поведение.

Вы пишете, что у Виктора Викторовича своеобразные требования по отношению к рассказам и повестям. Мне всякая своеобразность нравится, а особенно такая, которая долго держится в человеке. Виктор Викторович по-своему прав.

Отчего петербургская литературная братия не служила панихиды по Надсоне? ³ Надсон — поэт гораздо больший, чем все современные поэты, взятые вместе и посыпанные богами Лиодора Иваныча. Из всей молодежи, начавшей писать на моих глазах, только и можно отметить трех: Гаршина, Короленко и Надсона. Засим поклон Вашим.

Ваш А. Чехов.

Насчет одиннадцати копеек — merci! ⁴

58

Н. А. ЛЕЙКИНУ

8 февраля 1887, Москва

8-го февраля

Ну, посылаю Вам, добрейший Николай Александрович, рассказ ¹. Целый день мне сегодня мешали писать его, но все-таки я написал. Вообще, чувствую, что начинаю входить в норму и работать регулярнее, чем в январе.

Письмо и расписка от фонда получены ², с комплектом же произошел маленький инцидент ³. Сегодня утром, когда я еще спал, посланный от Девяткина принес

мне комплект и потребовал полтинник за доставку; мои домочадцы полтинника не имели — и комплект был унесен назад. На днях пошлю за ним.

Да, Надсона, пожалуй, раздули, но так и следовало: во-первых, он, не в обиду будь сказано Лиодору Ивановичу, был лучшим современным поэтом, и, во-вторых, он был оклеветан⁴. Протестовать же клевете можно было только преувеличенными похвалами.

Насчет курсисток, которые ведут себя неприлично в церкви, совершенно согласен с Вами. На панихиде по Пушкине у нас в Москве присутствовали литераторши, которые тоже вели себя неприлично. Что делать, батенька! Образование не всегда в ладу с воспитанностью, а литературность тем паче... Кстати со-сплетничать: секретарь О-ва любителей словесности, изображавший собою на панихиде Общество, во все время панихиды вел оживленные разговоры и дебаты о чем-то; сама же панихида, с точки зрения «народа», ради которого она служилась, была неказистой: пели даровые певчие, служил один священник и не горели паникадила... Все это мелочи, но слишком заметные для тех, у кого внешность играет важную роль во всем, а таких людей у нас ведь большинство...

Пахнет весной. Вам скоро ехать на Тосну, а где я буду жить летом, мне неизвестно.

Иду спать. Кланяюсь Вашим и желаю всех благ. От толщины и большого живота у меня имеется прекрасное медицинское средство, преподанное мне Захарьиным.

Ваш А. Чехов.

54

Д. В. ГРИГОРОВИЧУ

12 февраля 1887, Москва

12-го февр.

Сейчас я прочитал «Сон Карелина»¹, и меня теперь сильно занимает вопрос: насколько изображенный Вами сон есть сон? И мне кажется, что мозговая работа и общее чувство спящего человека переданы

Вами замечательно художественно и физиологически верно. Конечно, сон — явление субъективное и внутреннюю сторону его можно наблюдать только на самом себе, но так как процесс сновидения у всех людей одинаков, то, мне кажется, каждый читатель может мерить Карелина на свой собственный аршин, и каждый критик поневоле должен быть субъективен. Я сужу на основании своих снов, которые часто вижу.

Прежде всего, чувство холода передано Вами замечательно тонко. Когда ночью спадает с меня одеяло, я начинаю видеть во сне громадные склизкие камни, холодную осеннюю воду, голые берега — все это неясно, в тумане, без клочка голубого неба; в унынии и в тоске, точно заблудившийся или покинутый, я гляжу на камни и чувствую почему-то неизбежность перехода через глубокую реку; вижу я в это время маленькие буксирные парходики, которые тащат громадные барки, плавающие бревна, плоты и проч. Все до бесконечности сурово, уныло и сыро. Когда же я бегу от реки, то встречаю на пути обвалившиеся ворота кладбища, похороны, своих гимназических учителей... И в это время весь я проникнут тем своеобразным кошмарным холодом, какой немыслим наяву и ощущается только спящими. Он очень рельефно припоминается, когда читаешь первые страницы Карелина, а в особенности верхнюю половину 5-й страницы, где говорится о холоде и одиночестве могилы...

Мне кажется, что, родись и живи я постоянно в Петербурге, мне снились бы непременно берега Невы, Сенатская площадь, массивные фундаменты...

Ощущая во сне холод, я всякий раз вижу людей. Случайно я читал критика «Петербургских ведомостей», который сетует на Вас за то, что Вы вывели «почти-министра» и тем нарушили общий величавый тон рассказа². Я с ним не согласен. Нарушают тон не лица, а их характеристики, прерывающие в нескольких местах картину сна... Лица сняты, и обязательно несимпатичные. Мне, например, всегда при ощущении холода снится один благообразный и ученый протоиерей, оскорбивший мою мать, когда я был мальчиком,

снятся злые, неумолимые, интригующие, злорадно улыбающиеся, пошлые, каких наяву и не увидишь. Смех в окнах вагона — характерный симптом карелинского кошмара. Когда во сне ощущаешь давление злой воли, неминуемую погибель от этой воли, то всегда приходится видеть что-нибудь вроде подобного смеха... Снятся и любимые люди, но они обыкновенно являются страдающими заодно со мною...

Когда же мое тело привыкает к холоду или же кто-нибудь из домашних укрывает меня, ощущение холода, одиночества и давящей злой воли постепенно исчезает. Вместе с теплом я начинаю уже чувствовать, что как будто хожу по мягким коврам или по зелени, вижу солнце, женщин, детей... Картины меняются постепенно, но резче, чем наяву, так что, проснувшись, трудно припомнить переходы от одной картины к другой... Эта резкость у Вас хорошо чувствуется и усиливает впечатление сна.

Сильно бросается в глаза также и одна подмеченная Вами естественность: видящие сон выражают свои душевные движения именно порывами, в резкой форме, по-детски. Это так верно! Сонные плачут и вскрикивают гораздо чаще, чем бодрствующие.

Простите, Дмитрий Васильевич, мне так понравился Ваш рассказ, что я готов исписать Вам дюжину листов, хотя отлично знаю, что не могу сказать Вам ничего нового, хорошего и дельного. Боясь надоесть и сказать несообразность, я обуздываю себя и умолкаю. Скажу только, что Ваш рассказ кажется мне великолепным. Публика находит его «туманным», но для пишущего, смакующего каждую строку, подобные туманы прозрачнее крещенской воды. При всем моем старании в рассказе я мог уловить только два неважных пятнышка, да и то с натяжкой: 1) характеристики лиц прерывают картину сна и дают впечатление объяснительных надписей, которые в садах прибываются к деревьям учеными садовниками и портят пейзажи, 2) в начале рассказа чувство холода несколько притупляется в читателе и входит в привычку от частого повторения слова «холод».

Больше я ничего не мог найти и сознаю, что в моем

литераторском существовании, когда чувствуется постоянная потребность в освежающих образчиках, «Сон Карелина» составляет явление блестящее. Потому-то вот я не воздержался и дерзнул передать Вам частицу моих впечатлений и мыслей.

Простите за длинноту письма и примите искренние пожелания всего хорошего от преданного

А. Чехова.

55

Ф. О. ШЕХТЕЛЮ

Между 11 и 14 марта 1887, Петербург

Петербург, 78 № гостиницы

Талантливейший из всех архитекторов мира!

Вам, конечно, уже известно, что обстоятельства самого поганого и ерундистого свойства нежданно-негаданно погнали меня на север¹. Вообще мне везет...

Сейчас я сижу в скучнейшем номере и собираюсь переписывать начисто конченный рассказ². Скучаю. Скука усугубляется сознанием безденежья и неизвестности. Когда выеду, не знаю... Нервы расстроены ужасно, так что пульс мой бьет с перебойями. Пишу сие жалобное послание отнюдь не для того, чтобы нагнать на вас сентиментальную мерлехлюндию и попросить у Вас взаймы, а для того, чтобы Вы не сердились на мою особу за неисправное посещение Дарьи Карловны.

Впрочем, есть и просьба: не забудьте похлопотать о бесплатном проезде в Таганрог и обратно. Сделайте так, чтобы на обратном билете число не выставлялось. Как бы там ни было, будь хоть землетрясение, а я уеду, ибо долее мои нервы не выдержат.

Я хочу уехать на юг не позже 31-го марта. Поеду с рублем, но все-таки поеду.

В Питере погода великолепная, но безденежье и отсутствие весеннего пальто, взятого у меня на бессрочный прокат одним нашим общим знакомым, портят всю иллюзию. [Далее вырезано около пяти строк.]

Всюду меня встречают с почетом, но никто не догадается дать рублей 1000—2000...

Академическая выставка плоха, но передвижная мне показалась прекрасной по богатству...

Если хотите, черкните мне 2—3 строчки. Адрес: редакция «Осколков».

Весь Ваш, с сапогами, с калошами, с зубами, с жилеткой и проч.

А. Чехов.

56

М. В. КИСЕЛЕВОЙ

17 марта 1887, Москва

Многоуважаемая Мария Владимировна!

Надеюсь, что теперь Вы поверите мне и не станете обвинять во лжи: не приехал я в Бабкино, ибо ездил в Питер, куда был вызван телеграммой брата. Подробности Вам известны от сестры. То же самое, но только в миниатюре, не пустило меня в Бабкино и на масляной: заболела мать семейства, которую я не решился оставить без доктора. Впрочем, все это суета сует.

Как ни тосклива была моя последняя поездка в Петербург, но и на ней оправдалась поговорка, что нет худа без добра. Во 1-х) я имел случай беседовать с управляющим «Петербургской мастерской учебных пособий» о Вашем издании; ему Вы пошлете на комиссию с моим письмом. Кстати: когда начнет печататься Ваша книга? Чем раньше, тем лучше. Книги вообще идут не сразу, а измором, через час по столовой ложке, а потому, чем раньше издадите, тем скорее продадите. Во 2-х) я ограбил Суворина, взяв у него большущий аванс; в 3-х) Суворин издает мои нововременские рассказы отдельной книжкой¹. Все мои Верочки, Ведьмы, Агафьи и проч. едут завтра в Питер, а дня через 2—3—4 будут уже в наборе. Издание на весьма выгодных условиях. Успех, конечно, несомненный, ибо в Питере признают теперь только одного писателя — меня! Видите, я даже перед собой лицемерю.

Петербург произвел на меня впечатление города смерти. Въехал я в него с напуганным воображением,

встретил на пути два гроба, а у братца застал тиф. От тифа поехал к Лейкину и узнал, что «только что» лейкинский швейцар на ходу умер от брюшного тифа. От Лейкина поехал к Голике: у этого старший сын болен крупом и дышит не горлом, а в трубочку; отец и мать плачут... Еду на выставку, так, как назло, попадаются все дамы в трауре *.

Но все это пустяки. Вы послушайте, что дальше. Приезжаю я к Григоровичу. Старичина поцеловал меня в лоб, обнял, заплакал от умиления, и... от волнения у него приключился жесточайший припадок грудной жабы. Он невыносимо страдал, метался, стонал, а я 2½ часа сидел возле него, браня во все лопатки свою бессильную медицину. К счастью, приехал Бертенсон, и я мог бежать. Старик серьезно болен и, вероятно, скоро умрет. Для меня это незаменимая потеря. С собой я привез его письмо, которое он начал писать ко мне: описывает подробно свою болезнь и проч.².

Каковы впечатления? Право, запить можно. Впрочем, говорят, для беллетристов все полезно.

Однако мое письмо отвратительно и скучно. Прекращаю бесчинство и остаюсь уважающим и искренно преданным

А. Чеховым.

Василиса и Сережа, мое Вам почтение-с!

57

А. С. СУВОРИНУ

18 марта 1887, Москва

18 марта

Уважаемый

Алексей Сергеевич!

Сегодня я выбрал и послал Вам для моей будущей книги 16 рассказов. Будьте добры сделать распоряжение, чтобы в типографии смеряли мой материал и, если не хватит его, уведомили бы меня (Кудринская-Садо-

* На 2-й день приезда лечил мать осколочной конторщицы, умирающую от чахотки. (Прим. А. П. Чехова.)

вая, д. Корнеева) или моего брата Александра, который не замедлит дать мне знать *.

Названия для книги я не мог придумать. «Мои рассказы», просто «Рассказы», — а остальное, что приходило мне в голову, или претенциозно, или старо, или неумно.

Книгу я думаю посвятить Д. В. Григоровичу ¹.

Перед отъездом я был у Дмитрия Васильевича и наблюдал его грудную жабу. Страдания его едва выносимы, продолжительны и усугубляются страхом смерти, которая, вероятно, близка. Сама по себе грудная жаба — болезнь не важная, но у Дмитрия Васильевича она является симптомом болезни, которая называется атероматозным процессом, перерождением артерии, — недуг старческий и неизлечимый. Об этой болезни Вы составите себе ясное представление, если вообразите обыкновенную каучуковую трубку, которая от долгого употребления потеряла свою эластичность, сократительность и крепость, стала более твердой и ломкой. Артерии становятся такими вследствие того, что их стенки делаются с течением времени жировыми или известковыми. Достаточно хорошего напряжения, чтобы такой сосуд лопнул. Так как сосуды составляют продолжение сердца, то обыкновенно и само сердце находят перерожденным. Питание при такой болезни плохо. Само сердце питается скудно, а потому и сидящие в нем нервные узлы, не получая питания, болят, — отсюда грудная жаба.

Как бы ни пугали доктора, но Дмитрий Васильевич может еще жить долго, хотя может умереть и завтра: трудно сказать, когда, в какой день и час лопнет натянутая струна или обвалится сгнившая крыша. Мой отец, ровесник Дмитрия Васильевича, живет с перерождением артерии уже 10 лет. Наш профессор минералогии ² с такими же артериями и с грудной жабой продолжает читать лекции. Все зависит от индивидуальности каждого отдельного случая.

31-го марта я еду ³. Чтобы не беспокоить Вас, о кни-

* Размер книги — «Необыкновенные рассказы» Э. Поэ. (Прим. А. П. Чехова.)

ге я буду писать брату (конечно, если понадобится что-нибудь).

Пасхальный рассказ постараюсь прислать.

Пожелав Вам и Вашей семье хорошего, не дождливого лета, здоровья и покоя, остаюсь искренно преданный

А. Чехов.

58

Н. А. ЛЕЙКИНУ

7 апреля 1887, Таганрог

7-го апреля, Таганрог

Христос воскрес, милейший Николай Александрович!

Письмо Ваше получил вчера. Принес его мне почтальон в рыжем пальто и с добродушной рожей; сдав письмо, он положил свою сумку около таза на скамейку и сел в кухне пить чай, нимало не беспокоясь об адресатах. Совсем Азия! Такая кругом Азия, что я просто глазам не верю. 60 000 жителей занимаются только тем, что едят, пьют, плодятся, а других интересов — никаких. Куда ни явишься, всюду куличи, яйца, сантуринское, грудные ребята, но нигде ни газет, ни книг... Местоположение города прекрасное во всех отношениях, климат великолепный, плодов земных тьма, но жители инертны до чертиков... Все музыкальны, одарены фантазией и остроумием, нервны, чувствительны, но все это пропадает даром... Нет ни патриотов, ни дельцов, ни поэтов, ни даже приличных булочников.

В субботу я еду в Новочеркасск, где шаферствую у одной богатой казачки¹. Опившись донского, я вернусь в Таганрог и 14 еду к Донцу. Вы все-таки продолжайте мне писать в Таганрог.

Маленькая просьба: возможно скорее справьтесь у Вашего чернобородого массажиста, какое *практическое* руководство по массажу считается лучшим? Ответ его благоволите написать на бланке открытого

письма и послать по адресу: г. Таганрог, доктору Ивану Васильевичу Еремееву. Этим Вы меня премного обяжете, ибо я и мой *collega* будем в мае массажировать одного толстяка. Пожалуйста, не забудьте.

Ах, какие здесь женщины!

Вчера ездил глядеть море. Хорошо! Одна только беда: желудочно-кишечный катар от перемены воды и пищи. То и дело бегаю. А ватерклозеты здесь на дворе, у чёрта на куличках... Пока добежишь, так успеешь подвергнуться многим неприятным случайностям.

Написал в «Петербургскую газету» рассказ² и сейчас повезу его на вокзал вместе с этим письмом.

Пишите же. Поклон Прасковье Никифоровне и Феде. Прощайте.

Ваш А. Чехов.

59

М. П. ЧЕХОВОЙ

7—19 апреля 1887, Таганрог

7-го апреля

Благосклонные читатели и благочестивые слушатели!

С трепетом продолжаю, соблюдая хронологический порядок.

2-е апреля. От Москвы до Серпухова ехать было скучно. Спутники попались положительные и с характером¹, все время толковавшие о ценах на муку. В Серпухов прибыл в 7 часов. Ока чиста и хороша. Пароходы ходят в Каширу и Калугу. Не мешает когда-нибудь съездить.

В Тулу, всем городам затулу, приехал в 11. Познакомился в вагоне с офицером Волжинским, давшим мне свою карточку и пригласившим к себе в Севастополь. Едет он из Москвы, где его брат, доктор, приехавший из уезда на съезд врачей, умер от сыпного тифа и оставил вдову. В Туле шнапс-тринкен, легкое опьянение и шляфен*. Спал, скрючившись в 3 погибели, à la Федор

* спать (от нем.— schlafen).

Тимофеич:² носки сапогов около носа. Проснулся в Орле, откуда послал в Москву открытое письмо. Погода хорошая. Снег попадает редко.

В 12 часов Курск. Час ожидания, рюмка водки, уборная с умыванием и щи. Пересадка. Вагон битком набит. Тотчас же после Курска знакомство: харьковский помещик, игривый, как Яша Корнеев, дама, которой в Петербурге делали операцию, тимский исправник, хохол-офицер и генерал в военно-судейской форме. Решаем социальные вопросы. Генерал рассуждает здраво, коротко и либерально; исправник — тип старого, испитого грешника-гусара, тоскующего по клубничке, — манерничает, как губернатор: прежде чем сказать слово, долго держит раскрытым рот, а сказав слово, долго рычит по-собачьи: э-э-э-э...; дама впрыскивает себе морфий и посылает мужчин на станцию за льдом...

В Белграде щи. В Харьков приезжаем в 9 часов. Умилительное прощание с исправником, генералом и прочими. Вагон почти пуст. Я и Волжинский берем по длинному дивану и засыпаем скоро без помощи маменькиной бутылки. В 3 часа ночи просыпаюсь: мой офицер собирает вещи, чтобы уходить. Лозовая. Прощаемся, пообещав бывать (?!) друг у друга. Засыпаю и еду дальше. Просыпаюсь в Славянске, откуда шлю открытое письмо. Тут новая компания: помещик вроде Иловайского и контролер железной дороги. Судим железные дороги. Контролер рассказывает, как Лозово-Севастопольская дорога украла у Азовской 300 вагонов и выкрасила их в свой цвет.

Харцызская, 12 часов дня. Погода чудная. Пахнет степью и слышно, как поют птицы. Вижу старых приятелей — коршунов, летающих над степью...

Курганчики, водокачки, стройки — все знакомо и памятно. В буфете порция необыкновенно вкусных и жирных зеленых щей. Потом прогулка по платформе. Барышни. В крайнем окне второго этажа станции сидит барышня (или дама, черт ее знает) в белой кофточке, томная и красивая. Я гляжу на нее, она на меня... Надеваю пенсне, она тоже... О, чудное видение! Получил катар сердца и поехал дальше. Погода чертовски,

возмутительно хороша. Хохлы, волы, коршуны, белые хаты, южные речки, ветви Донецкой дороги с одной телеграфной проволокой, дочки помещиков и арендаторов, рыжие собаки, зелень — все это мелькает как сон... Жарко. Контролер начинает надоедать. Котлеты и пирожки наполовину целы и начинают попахивать горечью... Сую их под чужой диван вместе с остатками водки.

5-й час. Видно море. Вот она, ростовская линия, красиво поворачивающая, вот острог, богадельня, дришпаки³, товарные вагоны... гостиница Белова, Михайловская церковь с топорной архитектурой... Я в Таганроге. Меня встричаить Егорушка, здоровнейший парень, одетый франтом: шляпа, перчатки в 1 р. 50 к., тросточка и проч. Я его не узнаю, но он меня узнает. Нанимает извозчика и едем. Впечатление Геркуланума и Помпеи: людей нет, а вместо мумий — сонные дришпаки и головы дынькой⁴. Все дома приплюснуты, давно не штукатурены, крыши не крашены, ставни затворены... С Полицейской улицы начинается засыхающая, а потому вязкая и бугристая, грязь, по которой можно ехать шагом, да и то с опаской. Подъезжаем...

— Ета, ета, ета... Антошичка...

— Ду-ушенька!

Возле дома — лавка, похожая на коробку из-под яичного мыла. Крыльцо переживает агонию, и парадного в нем осталось только одно — идеальная чистота. Дядя такой же, как и был, но заметно поседел. По-прежнему ласков, мягок и искренен. Людмила Павловна, «радая», забула засыпать дорогого чая и вообще находит нужным извиняться и отбрехиваться там, где не нужно. Смотрит подозрительно: не осужу ли? Но при всем том рада угостить и обласкать. Егорушка — малый добрый и для Таганрога приличный. Франтит и любит глядеться в зеркало. Купил себе за 25 р. женские золотые часы и гуляет с барышнями. Он знаком с Мамаки, с Горошкой, с Бакитькой и другими барышнями, созданными исключительно для того только, чтобы пополнять в будущем вакансии голов дыньками. Владимирчик, наружно напоминающий того то-

щего и сутуловатого Мищенко, который у нас был, кроток и молчалив; натура, по-видимому, хорошая. Готовится в светильники церкви. Поступает в духовное училище и мечтает о карьере митрополита. Стало быть, у дяди не только своя алва, но будет даже и свой митрополит. Саша такая же, как и была. А Леля мало отличается от Саши. Что сильно бросается в глаза, так это необыкновенная ласковость детей к родителям и в отношениях друг к другу. Ирина потолстела. В комнатах то же, что и было: портреты весьма плохие и Коатсы с Кларками⁵, распаханные всюду. Сильно бьет в нос претензия на роскошь и изысканность, а вкуса меньше, чем у болотного сапога женственности. Теснота, жара, недостаток столов и отсутствие всяких удобств. Ирина, Володя и Леля спят в одной комнате; дядя, Людмила Павловна и Саша — в другой, Егор в передней на сундуке; не ужинают они, вероятно, умышленно, иначе их дом давно бы взлетел на воздух. Жара идет и из кухни и из печей, которые все еще топят, несмотря на теплое время. Ватер у черта на куличках, под забором; в нем то и дело прячутся жулики, так что ночью испражняться гораздо опаснее для жизни, чем принимать яд. Столов нет, если не считать ломберных и круглых, поставленных только ради украшения комнат. Нет ни плевальниц, ни приличного рукомошника... салфетки серы, Иринушка обрюзгла и неизящна... то есть застрелиться можно, так плохо! Не люблю таганрогских вкусов, не выношу и, кажется, бежал бы от них за тридевять земель.

Дом Селиванова пуст и заброшен⁶. Глядеть на него скучно, а иметь его я не согласился бы ни за какие деньги. Дивлюсь: как это мы могли жить в нем?! Кстати: Селиванов живет в имении, а его Саша в изгнании...

Напиваюсь чаю и иду с Егором на Большую улицу. Вечереет. Улица прилична, мостовые лучше московских. Пахнет Европой. Налево гуляют аристократы, направо — демократы. Барышень чертова пропасть: белобрысые, черноморденькие, гречанки, русские, польки... Мода: платья оливкового цвета и кофточки. Не только аристократия (т. е. паршивые греки), но

даже вся Новостроенка носит этот оливковый цвет. Турнюры не велики. Только одни гречанки решаются носить большие турнюры, а у остальных не хватает на это смелости.

Вечером я дома. Дядя облачается в мундир церковного сторожа. Я помогаю ему надеть большую медаль, которую он раньше ни разу не надевал. Смех. Идем в Михайловскую церковь. Темно. Извозчиков нет. По улицам мелькают силуэты дришпаков и драгилей⁷, шатающихся по церквям. У многих фонарики. Митрофаньевская церковь освещена очень эффектно, снизу до верхушки креста. Дом Лободы резко выделяется в потемках своими освещенными окнами.

Приходим в церковь. Серо, мелко и скучно. На окнах торчат свечечки — это иллюминация; дядино лицо залито блаженнейшей улыбкой, — это заменяет электрическое солнце. Убранство церкви не ахтительное, напоминающее воскресенскую церковь. Продаем свечи. Егор, как франт и либерал, свечей не продает, а стоит в стороне и оглядывает всех равнодушным оком. Зато Владимирчик чувствует себя в своей тарелке...

Крестный ход. Два дурака идут впереди, машут бенгальскими огнями, дымят и осыпают публику искрами. Публика довольна. В притворе храма стоят создатели, благотворители и почитатели храма сего, с дядей во главе, и с иконами в руках ждут возвращения крестного хода... На шкафу сидит Владимирчик и сыплет в жаровню ладан. Дым такой, что вздохнуть нельзя. Но вот входят в притвор попы и хоругвеносцы. Наступает торжественная тишина. Взоры всех обращены на о. Василия...

— Папочка, еще подсыпать? — вдруг раздается с высоты шкафа голос Владимирчика.

Начинается утренняя. Я беру Егора и иду с ним в собор. Извозчиков нет, и поневоле приходится идти пешком. В соборе прилично, чинно и торжественно. Певческая великолепна. Голоса роскошны, но дисциплина никуда не годится. Покровский поседел; голос его стал уже глуше и слабее. Дьякон Виктор неузнаваем. Григоревич похож на мертвеца.

В соборе встречаю И. И. Лободу, которого узнаю издали по его красному мясистому затылку. Беседуем до конца службы.

Из собора пешком домой. Ноги болят и немеют. Дома разговенье в Иринушкиной комнате: прекрасные куличи, отвратительная колбаса, серые салфетки, духота и запах детских одеял. Дядя разговляется у о. Василия. Наевшись и выпив сантуринского, ложусь и засыпаю под звуки: «ета... ета... ета...»

Утром нашествие попов и певчих. Я иду к Агалиным. Полина Ивановна рада. Липочка не выходит ко мне, потому что не пускает ревнивый муж. Николай Агали, здоровый балбес, держащий везде выпускной экзамен, не выдерживающий и мечтающий о Цюрихском университете. Глуп. От Агали иду к т-те Савельевой, которая живет на Конторской улице в покрякивавшемся заржавленном флигеле. В двух крошечных комнатах стоят 2 девических ложа и колыбель. Из-под кровати наивно и уютно выглядывают Яковы Андричи. Евгения Иасоновна живет без мужа. Детей двое. Ужасно подурнела и пожухла. По всем видимостям, несчастна. Ее Митя служит где-то на Кавказе в станции и живет там на холостом положении. Вообще свинья.

Еду к Еремееву, не застаю и оставляю записку. Отсюда к т-те Зембулатовой. Пробираясь к ней через Новый базар, я мог убедиться, как грязен, пуст, ленив, безграмотен и скучен Таганрог. Нет ни одной грамотной вывески и есть даже «Трактир Расия»; улицы пустынные; рожи драгилей довольны; франты в длинных пальто и картузах, Новостроенка в оливковых платьях, кавалери, баришни, облупившаяся штукатурка, всеобщая лень, умение довольствоваться грошами и неопределенным будущим — все это тут воочию так противно, что мне Москва со своею грязью и сыпными тифами кажется симпатичной.

У Зембулатовой сантуринское и пустословие. От нее домой, к дяде. Обед: суп и жареные кури (в праздник нельзя без птицы, деточка! Отчего не позволить себе роскошь?). Во время обеда прискакал Камбуренок — субъект с черной бритой рожой, в белой жилетке

и достаточно уже насантуринившийся, шляясь по визитам. Служить он у банке, а его брат, [...] в Варшаве, тоже в банке.

— Ей-богу, приходи ко мне! — заговорил он. — Я всегда твои субботники читаю. Мой отец — тип! Приходи посмотреть. Ах, да ты забиваешь, что я женатый! У меня уж дочка есть, ей-богу... Да как ты переменялся! и т. д.

После обеда (суп с твердым рисом и кури) я поехал к Ходаковскому. Пан живет недурно, хотя и не с той роскошью, какую мы знали раньше. Его белобрывая Маня — жирный, польский, хорошо прожаренный кусок мяса, красивый в профиль, но неприятный еп фасе *. Мешочки под глазами и усиленная деятельность сальных железок. По-видимому, бедовая. Позднее я узнал, что в истекший сезон она едва не бежала с актером и продала даже свои кольца, серьги и проч. Это по секрету, конечно... Вообще в Таганроге мода бегать с актерами. Многие недосчитываются своих жен и дочерей.

От пана к Лободе. Все Лободины постарели страшно. Аноша плешив как луна, Дашенька потолстела, Варенька постарела, похудела и высохла; когда она смеется, то нос ее прижимается к лицу, а подбородок, морщась, лезет к носу. Марфа Ивановна тоже постарела. Седа. Она мне очень обрадовалась и согласилась ехать со мной в Москву.

У Лободы видел бессмертного Царенко, игривого, болтливое и либерального. Петр Захарыч жив; очень мне обрадовался, интересовался всеми нашими... Говорит осипшим, необыкновенно диким голосом, так что без смеха слушать его совсем невозможно; был женат, но развелся с женою. Идя от Лободы домой, я встретил т-те Савельеву с дочкой. Дочка вся в папеньку: много хохочет и уже прекрасно говорит. Когда я помог ей надеть упавшую с ноги калошу, она в знак благодарности томно взглянула на меня и сказала;

— Приходите к нам ночевать.

* спереди (франц.).

Дома я застал о. Иоанна Якимовского, жирного, откормленного попа, который милостиво поинтересовался моей медициной и, к великому удовольствию дяди, снисходительно выразился:

— Приятно за родителей, что у них такие хорошие дети.

Отец дьякон тоже поинтересовался мной и сказал, что их михайловский хор (сброд голодных шакалов, предводительствуемый пьющим регентом) считается первым в городе. Я согласился, хотя и знал, что о. Иоанн и о. дьякон ни бельмеса не смыслят в пении. Дьячок сидел в почтительном отдалении и с вожделением косился на варенье и вино, коими услаждали себя поп и дьякон.

В 8 часов вечера дядя, его домочадцы, Ирина, собаки, крысы, живущие в кладовой, кролики — все это спало и дрыхло. Волей-неволей пришлось самому ложиться спать. Сплю я в гостиной на диване. Диван еще не вырос, короток по-прежнему, а потому мне приходится, укладываясь в постель, неприлично задирать ноги вверх или же спускать их на пол. Вспоминаю Прокруста и его ложе. Укрываюсь розовым стеганым одеялом, жестким и душным, которое становится невыносимо противным к ночи, когда дают себя знать натопленные Ириною печки. Яков Андреич позволителен только в мечтаниях и грезах. Эту роскошь позволяют себе в Таганроге только 2 человека: гарда-начальник и Альфераки, остальные же должны или пудиться в постель, или же путешествовать к черту на кулички.

6 апрель. Просыпаюсь в 5 часов. Небо пасмурно. Дует холодный, неприятный ветер, напоминающий Москву. Скучно. Жду соборного звона и иду к поздней обедне. В соборе очень мило, прилично и не скучно. Певчие поют хорошо, не по-мещански, а публика всплошную состоит из баришень в оливковых платьях и шоколадных кофточках. Хорошеньких много, так много, что я жалею, что я не Мишка, которому так нужны хорошенькие... Большинство здешних девиц сложено хорошо, имеет прекрасные профили и не прочь поамурничать. Кавалеров здесь нет вовсе, если

не считать греков-маклеров и подмоченных камбурят⁸, а потому офицерам и пришельцам здесь раздолье.

Из собора — к Еремееву. Застаю дома его жену — очень милую барыньку. Устроился Еремеев очень недурно, по-московски, и я, глядя на его громадную квартиру, не верю Александру, который говорил, что в Таганроге нельзя устроиться. Визитеров тьма, и все местные аристократы — мелкие, грошовые людишки, из которых, впрочем, можно сделать сносный выбор. Познакомился с офицером Джепаридзе — местная знаменитость, дравшаяся на дуэли. Видел докторов: Фамильянта, Ромбро, Иорданова и проч. В 3 часа является домой Еремеев, пьяный как стелька. От моего приезда он в восторге и клянется мне в вечной дружбе; знаком я с ним был мало, но он клянется, что у него на этом свете только и есть 2 истинных друга: я и Коробов. Садимся обедать и трескаем сантуринское. Обед приличный: хороший суп без твердого риса и цыплята. Несмотря на холодный ветер, после обеда едем в Карантин. Тут, в Карантине, много дач, дешевых и удобных; нанять к будущему году можно, но меня смущает изобилие дач; где изобилие, там многолюдство и шум. Есть дачи во дворе Компанейской мельницы, но мне не нравится место. Многие советуют съездить за 7 верст от Таганрога к Миусу, где тоже есть дачи. Когда съезжу, напишу. На Миусе продаются дачи очень дешево. Можно купить сносную дачу с садиком и с берегом за 500—1000 руб. Дешевле грибов.

7, 8, 9 и 10 апрель. Скучнейшие дни. Холодно и пасмурно. Все дни меня «несет». Бегаю днем и ночью. Ночью чистое мучение: потемки, ветер, трудно отворяемые скрипучие двери, блуждание по темному двору, подозрительная тишина, отсутствие газетной бумаги... Купил гуниади, но здешний гуниади — бессовестная подделка, с полынною горечью. Каждую ночь приходилось жалеть и бранить себя за добровольное принятие мук, за выезд из Москвы в страну поддельного гуниади, потемок и подзаборных ватеров. Постоянное чувство неудобной лагерной жизни, а тут еще непрерывное «ета... ета... ета... да ты мало ел, да ты ба по-

кушал... да я забула засипать хорошего чаю»... Одно только утешение: Еремеев с женой и с своей удобной квартирой... Судьба щадит меня: я не вижу Анисима Васильича и еще ни разу не был вынуждаем говорить о политике. Если встречу с Анисимом Васильичем, то — пулю в лоб.

Меня «несет», а потому редко выхожу из дому. Выехать нельзя, ибо холодновато, да и хочется поглядеть на провода. 19-го и 20-го я гуляю и шаферствую в Новочеркасске на свадьбе, а раньше и позднее буду у Кравцова, где неудобства жизни в 1000 раз удобнее таганрогских удобств.

11-го апреля. Пьянство у Еремеева, потом поездка компанией на кладбище и в Карантин. Был в саду. Играла музыка. Сад великолепный. Пахнет дамами, а не самоварным дымом, как в Сокольниках. Круг битком набит.

Каждый день знакомлюсь с девицами, т. е. девицы ходят к Еремееву поглядеть, что за птица Чехов, который «пишит». Большинство из них не дурны и не глупы, но я равнодушен, ибо у меня катар кишок, заглущающий все чувства.

Теперь о текущих делах. Умерли: д-р Шремпп, Сила Маринченко, Марфа Петровна... Видел Марью Никифоровну, которая величала меня «братцем». Егорушка служит в Русском обществе пароходства. Уходит на службу в 5 часов утра, возвращается к обеду, в 5 вечера опять уходит и в 9 часов, утомленный, голодный, идет из агентства в сад гулять с барышнями. Малый рабочий и приличный. Курит тайно от отца; Людмила Павловна прячет этот сыновний грех и боится, чтобы Митрофаша не пронюхал ересь. Егорушка свободен и от лавки и от церкви, ибо некогда. Ходит на службу каждый день, не исключая больших праздников. Ему позволено возвращаться домой поздно ночью и говорить о женщинах; Владимирчик глядит на его жизнь и облизывается.

Каланча выкрашена в красный цвет. А. Ф. Дьяконов по-прежнему тонок, как гадючка, носит коленкоровые брючки и сковороду вместо картуза. Чакан жив, но я его еще не видел. Курдт и Фаист умирать не собираются.

Видел похороны. Неприятно видеть раскрытый гроб, в котором трясется мертвая голова. Кладбище красиво, но обокрадено. Памятник Катапули варварски оципан. О. Павел по-прежнему черен, фронт и не унывает: пишет на весь мир доносы и бранится. Идет он по рядам и видит Марфочку, сидящую около своей лавки.

— Какого чччерта вы тут сидите? — говорит он ей. — Ччерт знает как холодно, а вы не забираетесь! Чччерта вы уторгуете в такой холод!

Дядя ездит с ревизором. Ревизор — податной инспектор — играет тут такую роль, что Людмила Павловна дрожит, когда видит его, а Марфочка едва не выкрасила свои турнюры в желтый цвет от радости, когда он пригласил ее в кумы. Заметно, большой пройдоха и умеет пользоваться своим положением. Выдает себя за генерала, в какой чин веруют и дядя и Лободины.

Покровский — благочинный. В своем муравейнике он гроза и светило. Держит себя архиереем. Его матушка мошенничает в картах и не платит проигрыша.

14-го апреля. Увы! горькая чаша не миновала меня: вчера приходил живчик, полицейская барабошка Анисим Васильич. Он вошел и заговорил камбуриным голосом, но так громко и визгливо, как не в состоянии говорить сотня камбурят:

— Да я же ж, господи, говорил же Ёре, иде я живу, да отчего же ж ви не приходили? Мой Фирс плавает, а кончил Николай Павлыч «Мессалину»? Бувають ли его картины на выставке? А ви как?

Он рассказал, что полицеймейстер взял с него честное слово, что он не будет строчить в газетах, что глава полиции пообещал выслать его в 24 часа за Урал, если он осмелится написать хоть одну строчку⁹, и т. д. Далее он говорил о погоде, о социалистах, об Италии, о безнравственности, о сусликах, говорил непрерывно, с переливами, с междометиями и так громко, что мне едва не сделалось дурно, и я увел его на двор. Сидел он до вечера; чтобы отвязаться от него, я пошел в сад — он за мной; из сада я бежал к Еремееву — он за мной. Еремеева я не застал, пошел домой — полицейская стерва за мной — и т. д. Обещался сегодня зайти за мной и сопровождать меня на кладбище.

Сейчас получил от Ивана письмо. Я послал вам в два раза 16 страниц дневника и вдвляюсь, что они еще не получены вами.

Мой кишечный катар продолжает носить меня из комнаты в место злачное и обратно. Насморк прошел, а на смену ему явилась новая болезнь — воспаление вены на левой голени. 1½ вершка вены тверды, как грифель, и болит. Несть числа недугам моим! Исполняется на мне писание, что в болезнях люди родят чада свои... А чада мои не Егор, не Владимирчик, а рассказы и повести, о коих я теперь думать не могу... Писать противно.

В «Петербургской газете» имеются 2 моих рассказа, т. е. 65—70 руб. Пошлю в апреле еще один, и, таким образом, из «Петербургской газеты» вы получите за апрель 100 р. Про «Новое время» пока еще ничего не имею сказать.

О. Василий опасно болен.

Сейчас прислали мне сказать, что меня желает видеть Иродиада Егоровна, или Ираида. Она похоронила мать и мужа и теперь с горя выходит замуж во второй раз. Погода у нас хорошая, но ветер.

Посылаю образчик таганрогского остроумия. Прошу сохранить.

Торговля у Лободы скверная, а дядя торгует по пятаку в день, да и то с натугой. Почему-то певчие и рабочие, получающие у него жалованье, обязаны забирать товар в его лавке.

Во дворце службы нет. Часовня заперта и ржавеет.

Во вторник был на кладбищенских проводах. Эти проводы до того оригинальны, что заслуживают специального описания, а посему умолкаю и отлагаю описание до другого раза. В среду нужно было ехать дальше, но помешала вена на ноге. От среды до субботы шлялся в сад, в клуб, к баришням. Как ни скучна и ни томительна таганрогская жизнь, но она заметно вытягивает; привыкнуть к ней нетрудно. За все время пребывания в Таганроге я мог отдать справедливость только следующим предметам: замечательно вкусным базарным бубликам, сантуринскому, зерни-

стой икре, прекрасным извозчикам и неподдельному радушию дяди. Остальное все плохо и незавидно. Барышни здесь, правда, недурны, но к ним нужно привыкнуть. Они резки в движениях, легкомысленны в отношениях к мужчинам, бегают от родителей с актерами, громко хохочут, влюбчивы, собак зовут свистом, пьют вино и проч. Есть между ними даже циники, например, белобрысая Маня Ходаковская. Эта особа трогает не только живых, но и мертвых. Когда я гулял с нею по кладбищу, она все время смеялась над мертвецами и их эпитафиями, над попами, дьяконами и проч.

Что отвратительно в Таганроге, так это вечно запираемые ставни. Впрочем, утром, когда открывается ставня и в комнату врывается масса света, на душе делается празднично.

В субботу я поехал дальше. На Морской станции чудный воздух и зернистая икра 70 коп. за фунт. В Ростове ожидание 2 часа. В Новочеркасске ожидать 20 часов. Ночую у знакомого. Вообще нечистый знает, где только не приходится мне ночевать: на кроватях с клопами, на диванах, на диванчиках, на сундуках... В последнюю ночь ночевал в длинной и узкой зале, под зеркалом, на диване; Яков Андреич похож на супник и изукрашен нежными полутонами. Я в Новочеркасске. Сейчас завтракал: икра, масло, дивное димлянское и сочные котлеты с зеленым луком.

Барышня, у которой я буду шаферствовать, отложила свою свадьбу до пятницы. В четверг я опять должен быть в Новочеркасске, а сегодня в 4 часа еду дальше. В Звереве придется ждать 9 часов. Пока прощайтесь.

А. Чехов.

60

Н. А. ЛЕЙКИНУ

5 мая 1887, Рагозина Балка

5 май

Вчера, добрейший Николай Александрович, ездил я в почтовое отделение в Ивановку (23 версты) и получил там 2 Ваших письма: одно, адресованное Вами в

Крестную, другое, пересланное мне из Таганрога. Почта здесь почитается роскошью, а посему почтовых учреждений немного, да и те сидят без дела... Чтобы получить письмо или газету, надо ждать okazji, а нарочно за корреспонденцией тут никто не ездит. Если будете часто ездить зря, т. е. за газетами, то Вы рискуете прослыть бездельником, вольнодумцем и социалистом.

Вы напрасно сердитесь на мое молчание. Рад бы писать, да почты нет. И послал я Вам не одно письмо, как Вы пишете, а два: одно в Питер, а другое в село Ивановское.

Сейчас я еду в Славянск, а оттуда в Святые Горы, где пробуду 3—4 дня в посте и молитве. Из Святых Гор в Таганрог...

Ужасно: у меня 53 рубля — только. Приходится обрезать себе крылья и облизываться там, где следовало бы есть. Езжу теперь в III классе, и как только у меня останется в кармане 20 р., тотчас же попру обратно в Москву, чтобы не пойти по миру.

Ах, будь у меня лишних 200—300 руб., показал бы я кузькину мать! Я бы весь мир изъездил! Гонорар из «Петербургской газеты» идет в Москву, семье. Возлагаю большие надежды на осколочный гонорар, который просил Виктора Викторовича выслать мне в Таганрог.

Жил я последнее время в Донской Швейцарии, в центре так называемого Донецкого кряжа: горы, балки, лесочки, речушки и степь, степь, степь... Жил я у отставного хорунжего, обитающего на своем участке вдали от людей¹. Кормили меня супом из гуся, клали спать на деревянный диван, будили стрельбой из ружей (в кур и гусей, которых здесь не режут, а стреляют) и визгом наказуемых собак, но тем не менее жилось мне превосходно. Впечатлений тьма. Поживи Виктор Викторович со мной один день, он или удрал бы или же вообразил бы себя где-нибудь в Сингапуре или Бразилии. Вообще я доволен своей поездкой. Неприятно только безденежье. Невероятно, но верно: я выехал из Москвы с 150 рублями.

Прощайте. Подана лошадь. О геморрое потом. Сегодня я в дороге буду до ночи.
Почтение Вашим.

Ваш А. Чехов.

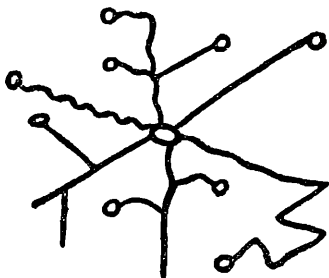
61

М. П. ЧЕХОВОЙ

11 мая 1887, Таганрог

11 май, Таганрог

С трепетом продолжаю. От Кравцова я поехал в Святые Горы. До Азовской дороги пришлось ехать по Донецкой от ст. Крестная до Краматоровки. Донецкая же дорога изображает из себя следующий соус:

Центральный шарик — это ст. Дебальцево. Остальные шарики — это всяческие Бахмуты, Изюмы, Лисичански, Лугански и прочие пакости. Все ветви похожи друг на друга, как камбурята, так что попасть в Дебальцево вместо своего поезда в чужой так же легко, как в потемках принять Весту за Фальшивого монетчика¹. Я оказался настолько находчивым и сообразительным, что поездов не смешал и благополучно доехал до Краматоровки в 7 часов вечера. Здесь духота, угольный запах, [...] и 1½ часа ожидания. Из Краматоровки по Азовской дороге еду в Славянск. Темный вечер. Извозчики отказываются везти ночью в Святые Горы и советуют переночевать в Славянске, что я и

делаю весьма охотно, ибо чувствую себя разбитым и хромаю от боли, как 40 000 Лейкиных. От вокзала до города 4 версты, за 30 коп. на линейке. Город — нечто вроде гоголевского Миргорода; есть парикмахерская и часовой мастер, стало быть можно рассчитывать, что лет через 1000 в Славянске будет и телефон. На стенах и заборах развешаны афиши зверинца, под заборами экскременты и репейник, на пыльных и зеленых улицах гуляют свинки, коровки и прочая домашняя тварь. Дома выглядывают приветливо и ласково, на манер благодусных бабушек; мостовые мягки, улицы широки, в воздухе пахнет сиренью и акацией; издали доносятся пение соловья, кваканье лягушек, лай, гармоника, визг какой-то бабы... Остановился я в гостинице Куликова, где взял № за 75 коп. После спанья на деревянных диванах и корытах сладостно было видеть кровать с матрасом, рукомойник и — о великодушные судьбы! — милейшего Якова Андреича. (Путешествуя по миру, я пришел к заключению, что Яков Андреич гораздо полезнее и приятнее Якова Алексеича, Якова Сергеевича Орловского и даже Яшеньки М.!), В открытое настежь окно прут зеленые ветки, веет зефир... Потягиваясь и жмурясь, как кот, я требую поесть, и мне за 30 коп. подают здоровеннейшую, больше, чем самый большой шиньон, порцию ростбифа, который с одинаковым правом может быть назван и ростбифом, и отбивной котлетой, и бефштексом, и мясной подушечкой, которую я непременно подложил бы себе под бок, если бы не был голоден, как собака и Левитан на охоте.

Утром чудный день. Благодаря табельному дню (6 мая) в местном соборе звон. Выпускают из обедни. Вижу, как выходят из церкви квартальные, мировые, воинские начальники и прочие чины ангельстии. Покупаю на 2 коп. семечек и нанимаю за 6 рублей рессорную коляску в Святые Горы и (через 2 дня) обратно. Еду из города переулочками, буквально тонущими в зелени вишен, жерделей и яблонь. Птицы поют неугомонно. Встречные хохлы, принимая меня, вероятно, за Тургенева, снимают шапки, мой возница, Григорий Поленичка, то и дело прыгает с козел, чтобы попра-

вить сбрую или стегнуть по мальчишкам, бегущим за коляской... По дороге тянутся богомольцы. Всюду горы и холмы белого цвета, горизонт синевато-бел, рожь высока, попадаются дубовые леса,—недостает только крокодилов и гремучих змей.

В Святые Горы приехал в 12 часов. Место необыкновенно красивое и оригинальное: монастырь на берегу реки Донца, у подножия громадной белой скалы, на которой, теснясь и нависая друг над другом, громоздятся садики, дубы и вековые сосны. Кажется, что деревьям тесно на скале и что какая-то сила выпирает их вверх и вверх... Сосны буквально висят в воздухе и того гляди свалятся. Кукушки и соловьи не умолкают ни днем ни ночью...

Монахи, весьма симпатичные люди, дали мне весьма несимпатичный № с блинообразным матрасиком. Ночевал я в монастыре 2 ночи и вынес тьму впечатлений. При мне, ввиду Николина дня, стеклось около 15 000 богомольцев, из коих $\frac{8}{9}$ старухи. До сих пор я не знал, что на свете так много старух, иначе я давно бы уже застрелился... О монахах, моем знакомстве с ними, о том, как я лечил монахов и старух, сообщу в «Новом времени»² и при свидании. Служба нескончаемая: в 12 часов ночи звонят к утрени, в 5 — к ранней обедне, в 9 — к поздней, в 3 — к акафисту, в 5 — к вечерне, в 6 — к правилам. Перед каждой службой в коридорах слышится плач колокольчика, и бегущий монах кричит голосом кредитора, умоляющего своего должника заплатить ему хотя бы по пятаку за рубль:

— Господи Иисусе Христе, помилуй нас! Пожалуйте к утрени!

Остаться в № неловко, а потому встаешь и идешь... Я облюбовал себе местечко на берегу Донца и просиживал там все службы.

Купил тетке Федосье Яковлевне икону.

Еда монастырская, даровая для всех 15 000: щи с сушеными пескарями и кулеш. То и другое, равно как и ржаной хлеб, вкусно.

Звон замечательный. Певчие плохи. Участвовал в крестном ходе на лодках.

Прекращаю описание Святых Гор, ибо всего не опишешь, а только скомкаешь.

На обратном пути пришлось на вокзале ждать 6 часов. Тоска. На одном из поездов видел Созю Ходаковскую: мажется, красится во все цвета радуги и сильно окошкодохлилась.

Всю ночь в III классе дохлого, гнусного, тянучего товаро-пассажирского поезда. Утомился, как сукин сын.

Теперь я в Таганроге. Опять «ета... ета... ета...», опять короткий диванчик, Коатс, вонючая вода в ручьейнике... Езжу в Дубки, в Карантин и гуляю в садах. Много оркестров и миллион девиц. Вчера сижу с одной девицей, местной аристократкой, в Алферакинском саду; она показывает мне на одну старуху и говорит:

— Это такая стерва! Поглядите: у нее даже походка стервачая.

Между девицами попадаются хорошенькие, но я решил не изменять Яшенькам.

Изучаю местную жизнь. Был на почте, в купальнях, на Касперовке... Открытие: в Таганроге есть Мясницкая улица.

На большой улице есть вывеска: «Продажа искусственных фрухтовых вод». Значит, слышал, стерва, слово «искусственный», но не расслышал как следует и написал «искусминный».

Если я пришлю к вам на дачу телеграмму такого рода: «Вторник дачным Алексея», то это значит, что приеду во вторник с дачным поездом и прошу выслать Алексея. Вторник, конечно, не обязателен, ибо я не знаю ни дня, ни часа, когда вернусь домой и сяду за работу.

Когда пишу, тошнит. Денег у меня нет, и если б не способность жить на чужой счет, то я не знал бы, что делать.

Пахнет акацией. Людмила Павловна растолстела и очень похожа на жидовку. Никакой ум не может постигнуть всей глубины ее ума. Я когда слушаю ее, то решительно теряюсь перед неисповедимыми судьбами, создающими иногда такие редкие перлы.

Непостижимое создание! Я еще не забыл анатомии, но, глядя на ее череп, начинаю не верить в существование вещества, именуемого мозгом.

Дядя прелестен и чуть ли не лучше всех в городе.
А. Чехов.

Получил от Марии Владимировны письмо.

62

А. П. ЧЕХОВУ

Между 2 и 5 августа 1887, Бабкино

Кто б мог предположить, что из нужника выйдет такой гений? Твой последний рассказ «На маяке» прекрасен и чуден¹. Вероятно, ты украл его у какого-нибудь великого писателя. Я сам прочел, потом велел Мишке читать его вслух, потом дал читать Марье, и во все разы убедился, что этим маяком ты превзошел самого себя. Ослепительная искра во мраке невежества! Умное слово за 30 глупых лет! Я в восторге, а посему и пишу тебе, иначе бы ты не скоро дождался моего письма... (лень!) Татарин великолепен, папенька хорош, почтмейстер виден из 3-х строк, тема слишком симпатична, форма не твоя, а чья-то новая и хорошая. Начало не было бы шаблонно, если бы было вставлено куда-нибудь в середину рассказа и раздроблено; Оля так же никуда не годится, как и все твои женщины. Ты положительно не знаешь женщин! Нельзя же, душа моя, вечно вертеться около одного женского типа! Где ты и когда (я не говорю про твое гимназичество) видел таких Оль? И не умнее ли, не талантливее поставить рядом с такими чудными рожами, как татарин и папенька, женщину симпатичную, живую (а не куклу), существующую? Твоя Оля — это оскорбление для такой гранд-картины, как маяк. Не говоря уж о том, что она кукла, она неясна, мутна и среди остальных персонажей производит такое же впечатление, как мокрые, мутные сапоги среди ярко вычищенных сапог. Побойся бога, ни в одном из твоих расска-

зов нет женщины-человека, а все какие-то прыгающие бланманже, говорящие языком избалованных водевильных инженю.

Я думаю, что маяк поднял тебя в глазах нововременцев на три сажня. Жалею, что тебе не посоветовали подписать под ним полное имя. Ради бога, продолжай в том же духе. Отделывай и не выпускай в печать («Новое время»), прежде чем не увидишь, что твои люди живые и что ты не лжешь против действительности. Врать можно в «копилках курьеза»², где у тебя старшина залезает в статистику (!), а писарь ведается с уголовщиной (!!), а в субботниках, которые дадут тебе деньги и имя, остерегись... Не опиши опять концертантов, которые судятся так, как отродясь еще никто не судился, да кстати уж не трогай и благотворительных братств — тема заезжена, и во всем рассказе было ново только одно: губернаторша в ситцевом платье.

«Маяк» спрячь. Если напишешь еще с десятков подобных рассказов, то можно будет издать сборник.

Сейчас получил письмо от Шехтеля, уведомляющего о болезни Николая. Кровохарканье. Вероятно, не серьезно, так как Николай, гостивший у меня на днях в Бабкине, был совершенно здоров.

Шлю тебе открытое письмо одного из ярых почитателей Суворина. Так как в этом письме выражены желания и мечты многих москвичей, то считаю себя не вправе не показать его Суворину, хотя и верю, что едва ли Суворин послушается этого письма. Через кого-нибудь (Маслов, Коломнин и проч.) ты сообщишь Суворину содержимое этого письма или пошлешь самое письмо, соблюдая должный такт. О результатах сообщишь мне. Адрес Суворина мне неизвестен.

Моя книга издохла?³

С нетерпением ожидаю гонорар. Счет тебе уже послан. Если счет затерялся, то получи без счета и скорее вышли: стражду!!

Всем твоим кланяюсь, а тебе нет. Ты не гений, и между нами нет ничего общего.

г. Чехов.

И. А. БЕЛОУСОВУ

3 августа 1887, Бабкино

VIII, 3

Приношу Вам, добрейший Иван Алексеевич, мою искреннейшую благодарность за присылку мне Вашей симпатичной книжки¹. Ваша любезность дала мне случай поближе познакомиться с Вашим талантом и возможность, избегнув обычные комплименты, засвидетельствовать с уверенностью Ваше право на титул поэта. Ваши стихи полны живого поэтического чувства; Вы теплы, знакомы с вдохновением, обладаете формой и, что несомненно, литературны. Самый выбор Шевченко свидетельствует о Вашей поэтичности, а перевод исполнен с должною добросовестностью. Скажу Вам откровенно, что Ваша книжка более, чем какой-либо из новейших стихотворных сборников, похожа на то, что у нас называется «трудом», хоть она и безбожно мала.

Бранить Вас, конечно, будут. Главный недостаток книжки — это ее небольшой объем. Поэт, если он талантлив, берет не только качеством, но и количеством, а из Вашего сборника трудно составить себе понятие ни о Вашей, ни о шевченковской физиономии. Ссылка же на то, что Вы еще молоды, или что Вы еще «начинающий», послужить Вам оправданием не может: раз решаетесь дать книгу, так давайте и физиономию автора.

В стихе есть шероховатости. Например:

Иль один от скуки ради... (стр. 27)

Два предлога: от и ради...

Или: Беседуют два часовых (стр. 32).

Толкуют двое часовых — было бы звучнее и литературнее. Или:

Течет речка край города (стр. 26) и слова «талан», «батяка» и проч.

Это уж не строгий перевод, и т. д.

Мне кажутся прекрасными стихи «Вдова», стр. 20, стр. 23, «Украинская ночь». Я плохой критик, а пото-

му, простите, не могу заплатить должную дань Вашей книжке. Как любитель и почитатель всего симпатичного, что изредка мелькает на нашем книжном рынке, я могу только от души пожелать Вам полного развития Вашего таланта, уверенности, силы и успехов; не спеша и работая помаленьку, Вы добьетесь своего,— в этом я уверен и заранее радуюсь. Пожав Вашу руку, пребываю должником

А. Чехов.

64

Н. А. ЛЕЙКИНУ

21 августа 1887, Бабкино

Ко мне приехал Грузинский, добрейший Николай Александрович, и я почел за благо прочесть ему две строчки из Вашего письма ко мне (но не все, что Вы писали о нем). Он удивился и сказал, что вовсе не думал писать Вам дерзости, ибо против Вас не имеет ничего такого, из-за чего бы стоило загораться сыр-бору, но подобно всем поэтам, работающим в «Осколках», сердит на Вашу манеру сокращать стихи вдвое (из 12 строк делать шесть), больше же он против редакции ничего не имеет. Относительно фразы, что якобы в «Осколках» он работает только для того, чтобы получать больше, чем в Москве, он сказал, что Вы фразы этой не поняли и что она имеет иной смысл.

Боже, что за рисунки в последнем № «Осколков»! Мазня Юргенсона (?) на самом видном месте, мазня кабацкая с кабацкими стихами! Этот № перещеголял даже Кланга и «Развлечение». Декольтированная баба в центре эрберовского рисунка до того неизящна и кухонно-гнусна, что редактора и художника стоило бы посадить на гауптвахту. Не говорю уж о рисунке Лебедева, где ловит рыбу девица в декольте, в перчатках и в туфельках,— это так же возможно, как ходить на охоту во фраке и с шапокляком¹.

Последние дни погода у нас стоит восхитительная. Грибов тьма. Ночи лунные.

Моя новая книга вышла, но до сих пор я не имею о ней никакого известия².

Я жду Вас каждый день, хотя в глубине мозгов и сознаю, что Вы поленитесь приехать. А погода, повторяю, хорошая, и время мы провели бы не совсем скучно, тем более что Вы, кажется, в одном из последних писем не отказываетесь от знакомства с *creatum simplex* *.

Ну-с, конец письма обременяю просьбами. Во-первых, будьте добры (если найдете возможным), поместите в «Осколках» объявление о моей книге:

В книжном магазине «Нового времени» продается новая книга Ан. П. Чехова

«В сумерках»

Рассказы и очерки.

Цена 1 р., с пересылкой 1 р. 20 к.

Во-вторых, выручайте Вашего сотрудника из беды. Погибаю и рискую утратить доброе имя. Дело в том, что не позже 1 сентября мне нужно уезжать на зиму в Москву, а расплатиться за дачу и за съестное нечем. Собираю из всех редакций по крохам, а Вас прошу выслать мне аванс в размере 60 рублей, треть коего я уже отработал. Что я не зажулю этих денег, в этом да поручится перед Вами небо!! Считаю нужным присовокупить, что оный аванс не будет иметь никакой цены, если придет в Воскресенск позже 1 сентября. Последняя денежная почта будет получена мною 28 августа в пятницу, к какому дню и приспособляйте.

Не высылаю Вам своей новой книги, ибо сам ее не имею. Не сочтите за невежество.

Я знаю, что Вы уже возмущены моим поведением: в заголовке сего письма я не выставил числа. Извольте — 21 августа.

Поклон Вашим и всей редакции. Будьте здоровы.

Ваш А. Чехов.

Вы отправьте аванс в почтамт в среду, тогда я получу его в пятницу.

* простыми смертными (лат.).

Н. А. ЛЕЙКИНУ

2 сентября 1887, Москва

2 сент.

Сегодня, добрейший Николай Александрович, я переехал в Москву. Адрес прошлогодний: Кудринская-Садовая, д. Корнеева.

Деньги получил как раз вовремя, за что посылаю Вам терсі.

Рисунок Лебедева я не понял, согласен, но насчет эрберовской кувалды позвольте не согласиться¹. Для такого журнала, как «Осколки», реализм должен исчерпываться в надписи, а рисунки должны быть возможно изящнее, да-с. Некрасивое, к тому же, нисколько не реальнее красивого; в-третьих, не то что в кафешантане, но даже в рублевом значном месте не все имеют такую кувалдистую корпуленцию, как в эрберовском рисунке; в-четвертых, если хотите, изящная проститутка скорее вызовет в читателе сочувствие и сострадание, чем грязная... Короче, я не знаю ни одного основания, в силу которого было бы полезно и уместно изображать действительность непременно в наихудшем ее виде: ведь «Осколки» — легкое чтение!

Дебют новых сил следует приветствовать, обставляя его всяческими поддержками и уступками — это мое давнишнее мнение, которое я и теперь подчеркиваю; но, согласитесь, дебют г. Юргенсона ничего бы не потерял, если бы его рисунок не был заглавным и крашенным; то же следует сказать и о рисунках Брунова². Во-вторых, редакция, по моему мнению, должна утилизировать молодые силы сначала на мелочах. Насколько помню, Эрбер начинал нормально, т. е. с маленького, а Чемоданов с ребусов...

Насчет обновления литературного состава, его оживления и проч. мы уже раньше говорили и переписывались. Вы пишете, что мы, старые сотрудники, жуем старье. Нет, мы остались такими же, какими и были, ибо изменить своих литературных физиономий

мы не можем,—потому и кажется, что мы жуем старье. Благодаря слишком частой работе мы надоели не публике, которая меняется, а самим себе; пройдет еще пять лет, и мы опротивеем, но только самим себе. Я думаю, что от наплыва новых сил публика выиграет мало, но мы выиграли бы много; мы приобрели бы право писать так, как нам хочется, что более походило бы на литературу, чем теперешняя поденщина, и мы более были бы довольны собою, чем теперь.

Я лично охотно писал бы в «Осколки» не более 1—2 раз в месяц и непременно юмористическое; так как, по-видимому, Грузинский и Ежов уже начинают понемногу заменять меня, то я так и буду поступать.

Необходимо старым сотрудникам зануздать себя и глядеть в оба также и для того, чтобы «не соблазнить и единого от малых сих». Поденная, сплеча срубленная работа старых сотрудников заметно развращает молодых и начинающих, которые, как Вам известно, слишком склонны к подражанию.

Впрочем, эта тема неисчерпаема и больше годится для разговора, чем для письма. Прощайте. Семья благодарит за поклон.

Ваш А. Чехов.

66

А. П. ЧЕХОВУ

7 или 8 сентября 1887, Москва

Мерси, Гусев, за письмо! За одно только боку́ не мерси: * с какой стати ты извиняешься передо мной и оправдываешься в том, что книга моя¹ вышла якобы поздно? Ты так пишешь, точно я тебя нанял за тысячу целковых и точно ты мне многим обязан... Нет, пьяница, что касается книги, то я должен извиняться, а не ты. Я так благодарен тебе за хлопоты и беготню, и даже за понос, претерпенный во время беготни, что

* Шуточное изменение французского выражения *merci beaucoup* — много благодарен.

решительно не берусь достойно благодарить твою особу. Если бы я был смел, то попробовал бы предложить тебе плату за труды, но смелости нет, и я решаюсь ждать времени: быть может, оно укажет мне способ благодарения...

Начинаю входить в норму². Денег пока нет. О поездке на житье в Питер нельзя думать... возможно только одно — жить в Питере месяцами, что и случится.

Жаль, что ты ушел от общения с нововременцами³. Это хоть и зулусы, но умные зулусы, и у них многому можно поучиться. Но, послушай, разве корректорство так обязательно? Разве только оно дает тебе право входа в храм славы? Извини, но, мне кажется, ты малодушничаете. Ты мнительный человек и из мухи делаешь протодиакона. Я корректурой не занимался, но думаю, что нашел бы себе в редакции и место и общество. Ведь ты строчишь субботники? Строчишь мелочь? Что же тебе еще нужно?

В последний свой приезд в Питер я имел случай наблюдать твои отношения к составу редакции и, наоборот, состава к тебе. Насколько я понял, Буренину и Эльпе ты симпатичен, Маслову и полковнику⁴ неведом, а Суворину совсем незнаком. Уж коли желаешь водить компанию с людьми, то не мешай им понять тебя. Потолкуй с Сувориным о театре и о литературе, с Масловым о трудностях военной службы — не велик труд, а они поймут, что ты не бирюк и не имеешь против них ничего. А коли будешь стараться держать себя на равной ноге и уважать себя в их обществе, то и еще того лучше...

Ты для «Нового времени» нужен. Будешь еще нужнее, если не будешь скрывать от Суворина, что тебе многое в его «Новом времени» не нравится. Нужна партия для противовеса, партия молодая, свежая и независимая, а Готберги и Прокофьевы, видящие в Суворине Гаврилова и благоговеющие ради мзды, не годятся и бесполезны. Я думаю, что, будь в редакции два-три свежих человечка, умеющих громко называть чепуху чепухой, г. Эльпе не дерзнул бы уничтожать Дарвина, а Буренин долбить Надсона. Я при всяком

свидании говорю с Сувориным откровенно и думаю, что эта откровенность не бесполезна. «Мне не нравится!» — этого уже достаточно, чтобы заявить о своей самостоятельности, а стало быть, и полезности. Сиди в редакции и напирай на то, чтобы нововременцы повежливее обходились с наукой, чтобы они не клепали понапрасну на культуру; нельзя ведь отрицать культуру только потому, что дамы носят турнюр и любят оперетку. Коли будешь ежедневно долбить, то твое долбление станет потребностью гг. суворинцев и войдет в колею; главное, чтобы не казаться безличным. Это главное. Впрочем, об этом поговорим⁵.

Ты о судьбе открытого письма о Суворине⁶ и «Московских ведомостях» не написал мне ни слова.

Ты не забудь сообщить, как, судя по слухам, идет моя книга? Послан ли экземпляр в «Новости»?

А Буренину напомни, что он обещал писать о моей книге.

Поклон всей твоей кутерьме с чадами, чадиками, цуцыками. А главное, не пей.

Прощай.

А. Чехов.

67

А. П. ЧЕХОВУ

Между 6 и 8 октября 1887, Москва

Милейший Гусев!

Письмо и деньги получены.

Буренину скажи, что я уполномочил тебя передать ему мою искреннюю благодарность за его рецензию¹, которую я сохраню для своего потомства. Передай ему, что рецензию читал я вместе с Короленко, который вполне согласен с ним. Рецензия превосходная, но г. Буренину не следовало бы в ложку меду лить бочку дегтю, т. е. хваля меня, смеяться над мертвым Надсоном.

Все наши здравствуют. Николай бывает налетом.

Попроси Федорова или Бежецкого поместить в гетральную хронику заметку: «А. П. Чеховым написана комедия «Иванов» в 4-х действиях. Читанная в одном

из московских литературных кружков (или что-нибудь вроде), она произвела сильнейшее впечатление. Сюжет нов, характеры рельефны и проч.»².

Это коммерческая заметка. Пьеса у меня вышла легкая, как перышко, без одной длинноты. Сюжет небывалый. Поставлю ее, вероятно, у Корша (если последний не будет скуп).

Вот и все. О заметке постарайся. Она набавит цену. В заметке хвалить не нужно, а ограничишься общими местами. Кланяйся своим и сообщи свой новый адрес.

Не простудись.

Тuus * А. Чехов.

Скажи Буренину и Суворину, что у меня был Короленко. Я проболтал с ним три часа и нахожу, что это талантливый и прекраснейший человек. Скажи, что, на мой взгляд, от него можно ожидать очень много.

68

Ал. П. ЧЕХОВУ

Между 10 и 12 октября 1887, Москва

Гусиных!

Твое письмо получено; чтобы не лежать в постели и не плевать в потолок, сажусь за стол и отвечаю.

Сестра здорова и невредима. Интересуется литературой и ходит к Эфрос. Недавно снималась. Если хочешь получить карточку, то напиши ей.

Мать согласна починить не только рубахи, но даже и твою печенку. Присылай. Денег на расходы не нужно, ибо у нас тряпья много. Сетует на тебя мать за то, что не пишешь ей.

Я болею и хандрю, как курицын сын. Перо из рук валится, и я вовсе не работаю. Жду в близком будущем банкротства. Если не спасет пьеса¹, то я погыб

* Твой (лат.).

во цвете лет. Пьеса может дать мне 600—1000 рублей, но не раньше середины ноября, а что будет до этой середины, не ведаю. Писать *не могу*, а все, что пишу, выходит дрянью. Энергия — фюйт! ² Вроде *alle Juden aus Paris füit!* * Темы есть, а остального прочего кот заплакал.

Царапаю субботник, но с грехом пополам и на тему, которая мне несимпатична. Выйдет плох, но я все-таки пошлю его ³.

В «Русских ведомостях» платят 15 коп. за строку. Из «Севера» меня приглашают и обещают: «получите, что хотите». Зовут в «Русскую мысль» и в «Северный вестник». Суворин сделал бы недурно, если бы прибавил гонорару. Коли Кочетов получает 300 в месяц, а Атава, кроме жалованья, 20 коп. за строку, — мне, пока я не выдохся, было бы не грешно получать по-людски, а не гроши. Я себя обкрадываю, работая в газетах. За «Беглеца» получил я 40 р., а в толстом журнале мне дали бы за 1/2 печатного листа... Впрочем, все это пустяки.

Пьесу я написал нечаянно, после одного разговора с Коршем. Лег спать, надумал тему и написал. Потрачено на нее 2 недели или, вернее, 10 дней, так как были в двух неделях дни, когда я не работал или писал другое. О достоинствах пьесы судить не могу. Вышла она подозрительно коротка. Всем нравится. Корш не нашел в ней ни одной ошибки и греха против сцены, — доказательство, как хороши и чутки мои судьи. Пьесу я писал впервые, ерго — ошибки обязательны. Сюжет сложен и не глуп. Каждое действие я оканчиваю, как рассказы: все действие веду мирно и тихо, а в конце даю зрителю по морде. Вся моя энергия ушла на немногие действительно сильные и яркие места, мостики же, соединяющие эти места, ничтожны, вялы и шаблонны. Но я все-таки рад; как ни плоха пьеса, но я создал тип, имеющий литературное значение, я дал роль, которую возьмется играть только такой талант, как Давыдов, роль, на которой актеру можно развернуться и показать талант... Жаль, что я не могу

* все евреи из Парижа фюйт! (нем.)

почитать тебе своей пьесы. Ты человек легкомысленный и мало видевший, но гораздо свежее и тоньше ухом, чем все мои московские хвалители и хулители. Твое отсутствие — для меня потеря немалая.

В пьесе 14 действующих лиц, из коих 5 — женщины. Чувствую, что мои дамы, кроме одной, разработаны недостаточно.

После 15 справься в конторе насчет продажи «Сумерек». Чем черт не шутит? Может быть, мне на мою долю перепадет грош...

Спроси Суворина или Буренина: возьмутся ли они напечатать вещь в 1500 строк? Если да, то я пришлю, хотя я сам лично против печатания в газетах длинных канителей с продолжением шлейфа в следующем №. У меня есть роман в 1500 строк, нескучный, но в толстый журнал не годится, ибо в нем фигурируют председатель и члены военно-окружного суда, т. е. люди не либеральные. Спроси и поскорей отвечай. После твоего ответа я быстро перепишу начисто и пошлю⁴.

Заньковецкая — страшная сила!⁵ Суворин прав. Только она не на своем месте. Если по милости твоей Буренин съел гриб, то это не беда: твоим языком двигала не инерция, а рука всевышнего... Правду не мешает говорить иногда. Кланяйся.

А. Чехов.

69

В. Г. БОРОЛЕНКО

17 октября 1887, Москва

17 окт.

Посылаю Вам большое спасибо, уважаемый Владимир Галактионович, за книгу¹, которую я получил и теперь вновь перечитываю. Так как мои книги у Вас уже есть, то мне поневоле приходится ограничиться посылкой одного только спасибо.

Кстати, чтобы письмо вышло не совсем коротко, скажу Вам, что я чрезвычайно рад, что познакомился с Вами. Говорю я это искренно и от чистого сердца.

Во-первых, я глубоко ценю и люблю Ваш талант; он дорог для меня по многим причинам. Во-вторых, мне кажется, что если я и Вы проживем на этом свете еще лет 10—20, то нам с Вами в будущем не обойтись без точек общего схода. Из всех ныне благополучно пишущих россиян я самый легкомысленный и несерьезный; я на замечании; выражаясь языком поэтов, свою чистую музу я любил, но не уважал, изменял ей и не раз водил ее туда, где ей не подобает быть. Вы же серьезны, крепки и верны. Разница между нами, как видите, большая, но тем не менее, читая Вас и теперь познакомившись с Вами, я думаю, что мы друг другу не чужды. Прав я или нет, я не знаю, но мне приятно так думать.

Кстати же посылаю Вам вырезку из «Нового времени»². Этого Торо, о котором Вы из нее узнаете, я буду вырезать и беречь для Вас. Первая глава многообещающая; есть мысли, есть свежесть и оригинальность, но читать трудно. Архитектура и конструкция невозможны. Красивые и некрасивые, легкие и тяжеловесные мысли нагромождены одна на другую, теснятся, выжимают друг из друга соки и того и гляди запищат от давки.

Когда приедете в Москву, я вручу Вам этого Торо, а пока прощайте и будьте здоровы.

Моя пьеса³, вероятно, будет поставлена у Корша. Если да, то о дне постановки сообщу. Быть может, этот день совпадет с днями Вашего приезда в Москву. Тогда милости просим.

Ваш А. Чехов.

70

А. П. ЧЕХОВУ

24 октября 1887, Москва

24 окт.

Разбойник пера и мошенник печати!

Твое гнусное письмо с векселем получил, прочел и удивился твоему недоуменному уму. Штаны ты этикие, да разве я в своем письме упрекал тебя за конкурс¹,

брания, называл скверно? Я только высказывал тебе свои соображения, которые ты мог принять или не принять тоже в соображение, независимо от того, послана книга на конкурс или нет... За хлопоты твои и старичины я могу только благодарить и низко кланяться, но что тут обидного для тебя, если я еще раз повторю, что, в случае ежели премию мне дадут, я переживу немало хлопот? Я только приятельски жалуясь, и больше ничего...

Из присланной тобою вырезки явствует, что ты, я и Суворин можем успокоиться: решение конкурса воспоследует только в октябре будущего года!² Это такая даль, что и думать о ней не можно... До этого срока могут народиться еще новые гении.

Что твои Аннушка и Танька воры, я давно знал. Они обкрадывали нашу прислугу.

Сырость для детей так же вредна, как голод. Заруби себе это на носу и выбирай квартиру посуше. Топи чаще и повесь в комнате термометр, каковой я непременно заведу, когда у меня будут дети.

Ты приглашаешь меня к себе на квартиру... Еще бы! Всякому приятно дать приют гениальному человеку! Хорошо, я сделаю для тебя одолжение... Только условие: вари для меня суп с кореньями, который у тебя особенно хорош, и предлагай мне пить водку не раньше 11 часов вечера. Детского пения я не боюсь.

Получил я от Суворина письмо, которое едва разобрал. Непостижимо: как читают его наборщики? Пишет он мне о своей пьесе: «Я прел, прел за своей комедией, да так и бросил, когда взглянул этим летом на действительную русскую жизнь». Еще бы не преть! Современные драматурги начинают свои пьесы исключительно ангелами, подлецами и шутами,— пойдика найди сии элементы во всей России! Найти-то найдешь, да не в таких крайних видах, какие нужны драматургам. Поневоле начнешь выжимать из головы, взопреешь и бросишь... Я хотел соригинальничать: не вывел ни одного злодея, ни одного ангела (хотя не сумел воздержаться от шутов), никого не обвинил,

никого не оправдал... Удалось ли мне это, не знаю... Пьеса непременно пойдет,— в этом уверены Корш и актеры³. А я не уверен. Актеры не понимают, несут вздор, берут себе не те роли, какие нужно, а я воюю, веруя, что если пьеса пойдет не с тем распределением ролей, какое я сделал, то она погибнет. Если не сделают так, как я хочу, то, во избежание срама, пьесу придется взять назад. Вообще штука беспокойная и вельми неприятная. Знал бы, не связывался.

В заключение все-таки поручение. Надень калоши и иди в «Петербургскую газету».

№ 287—361 строк

№ 294—? ⁴

Завтра * сей № выйдет. Спроси понедельнички №, сочти строки, сложи и проч. Вышли переводом. Хотя и дождусь того, что ты, соскучившись моею назойливостью, купишь за мой гонорар револьвер и выпалишь в меня, но я все-таки не унываю. Мне, когда я одолеваю тебя поручениями, льстит мысль, что моцион тебе полезен и что и ты некоторым образом участвуешь в кормлении моих зверей.

Романа еще не переписал⁵, но субботник пишу⁶ и пришлю к субботе. Хотел бы я малость освежиться болтовнею с твоей особой. В башке накопилось много разного мусору.

А интересно было бы поглядеть: а) сколько стоит издание «Сумерек» и б) во скольких экземплярах они изданы. Надеюсь, что ты не в стачке с книгопродавцами и не пользуешься моим именем ради своей наживы.

На твоё бельё денег не нужно. Оно так плохо, что мать не знает, с какой стороны начать починку. Марья нашла цуцыкам штанов, чулков и всякой дряни. Это её секрет, но я подглядел. Мать благодарит Анну Ивановну за письмо. У матери получить письмо — это событие. Прощай.

Твой недоброжелатель.

* 26-го октября. (Прим. А. П. Чехова)

27 октября 1887, Москва

27 окт.

Добрейший Николай Михайлович! Ваши письма получены. Так как вопрос о Вашем левом глазе и жалованье можно теперь считать поконченным, то, минуя его, перейдем к текущим делам.

Вам, как шаферу моего «Иванова»¹, считаю не лишним сообщить следующее. «Иванов» непременно пойдет в конце ноября или в начале декабря. Условие с Коршем уже подписано. Иванова будет играть Давыдов, который, к великому моему удовольствию, в восторге от пьесы, принялся за нее горячо и понял моего Иванова так, как именно я хочу. Я вчера сидел у него до 3-х часов ночи и убедился, что это действительно громаднейший художник.

Если верить таким судьям, как Давыдов, то писать пьесы я умею... Оказывается, что я инстинктивно, чутьем, сам того не замечая, написал вполне законченную вещь и не сделал *ни одной* сценической ошибки. Из сего проистекает мораль: «Молодые люди, не робейте!»

Конечно, Вы дурно делаете, что ленитесь и мало пишете. Вы «начинающий» в полном смысле этого слова и не должны под страхом смертной казни забывать, что каждая строка в настоящем составляет капитал будущего. Если теперь не будете приучать свою руку и свой мозг к дисциплине и форсированному маршу, если не будете спешить и подструнивать себя, то через 3—4 года будет уже поздно. Я думаю, что Вам и Грузинскому следует ежедневно и подолгу гонять себя на корде. Вы оба мало работаете. Надо лупить вовсю, направо и налево. Никак не уломаю Грузинского написать субботник! Вашу милость тоже никак не убедишь посылать рассказы в «Осколки» непременно к каждому №. Чего вы оба ждете, я решительно не понимаю. При скупой и робкой, нерешитель-

тельной работе вы дождетесь кукиша с маслом, т. е. испишетесь не писавши... *

Одним словом, бить бы вас обоих, да нельзя: оба чиновные люди...

Все наши здравствуют и шлют Вам поклон. Приезжайте на рождество, а пока будьте здоровы и не забывайте

Вашего

А. Чехова.

72

П. А. ЛЕЙКИНУ

15 ноября 1887, Москва

87, XI, 15

Простите, добрейший Николай Александрович, и на сей раз я не посылаю рассказа. Погодите, в четверг идет моя пьеса, после нее я опять сяду за стол и буду строчить аккуратно. Ваши строки относительно постановки пьес повергли меня в недоумение. Вы пишете: «Автор постановке только мешает, стесняет актеров и в большинстве случаев делает только глупые указания». На сие отвечаю Вам сие: 1) автор — хозяин пьесы, а не актеры; 2) везде распределение ролей лежит на обязанности автора, если таковой не отсутствует; 3) до сих пор *все* мои указания шли на пользу и делалось так, как я указывал; 4) сами актеры просят указаний; 5) параллельно с моей пьесой в Малом театре репетуется новая пьеса Шпажинского¹, который *три* раза менял мебель и заставлял казну три раза тратить деньги на обстановку. И т. д. Если свести участие автора к нолю, то получится черт знает что... Вспомните-ка, как Гоголь бесился, когда ставили его пьесу!²

Разве он не прав?

* Пример: мой брат Агафопод писал скупно, но уже чувствует, что исписался... Вы знаете, что кто мало и лениво [...], у того рано начинается импотенция. Это я Вам на основании науки говорю. (Прим. А. П. Чехова.)

Вы пишете, что с Вами согласен Суворин. Удивляюсь. Недавно Суворин писал мне: «приструньте актеров» и давал советы, касающиеся этого приструнивания.

Во всяком случае, спасибо Вам за тему: буду писать Суворину и подниму в письме вопрос о пределах авторской компетенции.

Далее Вы пишете: «бросьте Вы к чертовой матери Вашу пьесу»... Око за око: бросьте Вы к едреной матери Ваше кредитное общество! Бросить пьесу — значит бросить надежду на гешефт.

Однако Вам надоело мое брюзжанье, а посему перейдем к текущим вопросам.

«Невинные речи» напечатаны *все* на одинаковой бумаге.

В Питер я приеду к декабрю.

О многом потолкуем.

Не знаю, что ответить Вам на Ваше замечание о Давыдове³. Может быть, Вы и правы. Я сужу о нем не столько по личному впечатлению, сколько по рекомендации Суворина, который писал мне: «Давыдову верьте».

Поклон Прасковье Никифоровне и святому Федору. Моя семья всякий раз шлет Вам поклоны, но я, простите, забываю писать об этом.

Когда мы будем обедать у Тестова? Приезжайте.

Ваш А. Чехов.

73

А. П. ЧЕХОВУ

20 ноября 1887, Москва

20 н.

Ну, пьеса проехала... Описываю все по порядку. Прежде всего: Корш обещал мне десять репетиций, а дал только 4, из коих репетициями можно назвать только две, ибо остальные две изображали из себя турниры, на коих гг. артисты упражнялись в словопрениях и брани. Роль знали только Давыдов и Гла-

ма¹, а остальные играли по суфлеру и по внутреннему убеждению.

Первое действие. Я за сценой в маленькой ложе, похожей на арестантскую камеру. Семья в ложе бенуар: трепещет. Сверх ожидания я хладнокровен и волнения не чувствую. Актеры взволнованы, напряжены и крестятся. Занавес. Выход бенефицианта. Неуверенность, незнание роли и поднесенный венок делают то, что я с первых же фраз не узнаю своей пьесы. Киселевский², на которого я возлагал большие надежды, не сказал правильно ни одной фразы. Буквально: *ни одной*. Он говорил свое. Несмотря на это и на режиссерские промахи, первое действие имело большой успех. Много вызовов.

2 действие. На сцене масса народа. Гости. Ролей не знают, путают, говорят вздор. Каждое слово режет меня ножом по спине. Но — о муза! — и это действие имело успех. Вызывали всех, вызвали и меня два раза. Поздравление с успехом.

3 действие. Играют недурно. Успех громадный. Меня вызывают три раза, причем во время вызовов Давыдов трясет мне руку, а Глама, на манер Манилова, другую мою руку прижимает к сердцу. Торжество таланта и добродетели.

Действие 4: 1 картина. Идет недурно. Вызовы. Засим длиннейший, утомительный антракт. Публика, не привыкшая между двумя картинами вставать и уходить в буфет, ропщет. Поднимается занавес. Красиво: в арку виден ужинный стол (свадьба). Музыка играет туши. Выходят шафера; они пьяны, а потому, видишь ли, надо клоунничать и выкидывать коленцы. Балаган и кабак, приводящие меня в ужас. Засим выход Киселевского: душу захватывающее поэтическое место, но мой Киселевский роли не знает, пьян как сапожник, и из поэтического коротенького диалога получается что-то тягучее и гнусное. Публика недоумевает. В конце пьесы герой умирает оттого, что не выносит нанесенного оскорбления. Охладевшая и утомленная публика не понимает этой смерти (которую отстаивали у меня актеры; у меня есть вариант). Вызывают актеров и меня. Во время одного из вызовов

слышится откровенное шиканье, заглушаемое аплодисментами и топаньем ног.

В общем утомление и чувство досады. Противно, хотя пьеса имела солидный успех (отрицаемый Кичеевым и К^о)³.

Театралы говорят, что никогда они не видели в театре такого брожения, такого всеобщего аплодисментошиканья, и никогда в другое время им не приходилось слышать стольких споров, какие видели и слышали они на моей пьесе. А у Корша не было случая, чтобы автора вызывали после 2-го действия.

Второй раз пьеса идет 23-го, с вариантом и с изменениями: я изгоняю шаферов.

Подробности при свидании.

Твой А. Чехов.

Скажи Буренину, что после пьесы я вошел в колею и уселся за субботник⁴.

74

А. П. ЧЕХОВУ

24 ноября 1887, Москва

24 ноября

Ну, милейший Гусев, все, наконец, улеглось, рассеялось, и я по-прежнему сижу за своим столом и со спокойным духом сочиняю рассказы. Ты не можешь себе представить, что было! Из такого малозначащего дерьма, как моя пьесенка (я послал один оттиск Маслову), получилось черт знает что. Я уже писал тебе, что на первом представлении было такое возбуждение в публике и за сценой, какого отродясь не видел суфлер, служивший в театре 32 года. Шумели, галдели, хлопали, шикали; в буфете едва не подрались, а на галерке студенты хотели вышвырнуть кого-то, и полиция вывела двоих. Возбуждение было общее. Сестра едва не упала в обморок, Дюковский, с которым делалось сердцебиение, бежал, а Киселев ни с того ни

с сего схватил себя за голову и очень искренно возопил: «Что же я теперь буду делать?»

Актеры были нервно напряжены. Все, что я писал тебе и Маслову об их игре и об их отношении к делу, должно, конечно, не идти дальше писем. Приходится многое оправдывать и объяснять... Оказывается, что у актрисы, которая играла у меня первую роль, при смерти дочка,— до игры ли тут? Курепин хорошо сделал, что похвалил актеров¹.

На другой день после спектакля появилась в «Московском листке» рецензия Петра Кичеева, который обзывает мою пьесу нагло-цинической, безнравственной дребеденью². В «Московских ведомостях» похвалили³.

Второе представление прошло недурно, хотя и с сюрпризами. Вместо актрисы, у которой больна дочка, играла другая (без репетиции). Опять вызывали после III (два раза) и после IV действия, но уже не шикали.

Вот и все. В среду опять идет мой «Иванов». Теперь все поуспокоились и вошли в свою колею. Мы записали 19 ноября и будем праздновать его ежегодно попойкой, ибо сей день для семьи будет долго памятен.

Больше я не буду писать тебе о пьесе. Если хочешь иметь о ней понятие, то попроси оттиск у Маслова и почитай. Чтение пьесы не объяснит тебе описанного возбуждения; в ней ты не найдешь ничего особенного. Николай, Шехтель и Левитан — т. е. художники — уверяют, что на сцене она до того оригинальна, что странно глядеть. В чтении же это незаметно.

Если кто-либо, заметишь, захочет побранить в «Новом времени» актеров, участвовавших в моей пьесе, попроси воздержаться от хулы. Во втором представлении они были великолепны.

Ну-с, на днях еду в Питер. Постараюсь выбраться к 1 декабря. Во всяком случае, именины твоего старшего цуцка мы отпразднуем вместе... Предупреди его, что торта не будет.

Поздравляю с повышением. Если ты в самом деле секретарь, то пусти заметку, что «23-го ноября в театре Корша во 2-й раз шел «Иванов». Актеры,

особливо Давыдов, Киселевский, Градов-Соколов и Кошева⁴, были много вызываемы. Автор был вызван после III и IV действия». Что-нибудь вроде... Благодаря этой заметке мою пьесу поставят лишний раз, и я лишний раз получу 50—100 целковых. Если эту заметку найдешь неудобной, то не делай ее.

Что у Анны Ивановны? Аллах керим! Не по ней питерский климат.

40 руб. я получил, спасибо.

Я надоед тебе? Мне кажется, что я весь ноябрь был психопатом.

Гиляй едет сегодня в Питер.

Будь здоров и прости за психопатию. Больше не буду. Сегодня я нормален...

Благодарственное письмо за телеграмму послано Маслову.

Твой Шиллер Шекспирович

Гете.

75

И. Л. ЛЕОНТЬЕВУ-ЩЕГЛОВУ

1 января 1888, Москва

1 янв.

Милый Альба! Называю Вас так, потому что Ваш трагический почерк — последнее слово инквизиции¹. Он, пока я прочел Ваше письмо, вывихнул мне глаза.

Поздравляю Вас с Новым годом. Будьте здоровы, счастливы в любви и в литературе, смейтесь тремя октавами ниже, и да спасет Вас бог от нашествия сибирских дядюшек!

Отвечаю на Ваше письмо. Подписываться в «Осколках» Щегловым нельзя. Придумайте для мелочей постоянный псевдоним, вроде «дачного мужа»². Если Лейкин будет фордыбачиться, то Вы ехидно ссылайтесь на меня и спрашивайте:

— Сэр, отчего же это Чехов не подписывает своей фамилии?

Познакомьтесь с Билибиным и Голике. Оба милые люди.

«Миньона»³ — прелесть. Bravo! Бис! Щеглов, Вы положительно талантливы! Вас читают! Пишите!

Впрочем, если бы Вы у Максима Белинского учились, то еще боле наострились.

Передайте добрейшему А. Н. Плещееву, что я начал пустячок для «Северного вестника»⁴ (этого литературного «вдовьего дома»). Когда кончу, не знаю. Мысль, что я пишу для толстого журнала и что на мой пустяк взглянут серьезнее, чем следует, толкает меня под локоть, как черт монаха. Пишу степной рассказ. Пишу, но чувствую, что не пахнет сеном.

Бибииков не присылает мне своих романов. Никак не могу забыть его обещания! Напугал человека ни за что ни про что...

Моей семье *чрезвычайно* симпатичны Ваши книжки. Чуют люди.

Видел Давыдова: не кланяется с Киселевским и вообще находит, что так нельзя. Прощайте и будьте здоровы.

Ваш А. Чехов.

Пишите. Ваше письмо так мило, что я даже простил Вам трагизм Вашего почерка. Что нового?

Напишите драму. Судя по «Миньоне», Вы можете отжарить хорошую драму.

Читайте новогодние номера газет по возможности всех петербургских. Если найдете строки, касающиеся меня или Короленко, то вырежьте и пришлите.

Были ли в Академии?

76

В. Г. КОРОЛЕНКО

9 января 1888, Москва

9 янв.

Я надул Вас невольно, добрейший Владимир Галактионович: мне не удалось выручить оттиск своей пьесы; когда она отпечатается, я вышлю Вам или же вручу ее при свидании, а пока не сердитесь¹.

Мне пришла охота отдать переписать и послать Вам письмо старика Григоровича, которое я получил вчера². Ценю я его по многим причинам на вес золота и боюсь прочесть во второй раз, чтобы не потерять первого впечатления. Из него Вы увидите, что литературная известность и хороший гонорар несколько не спасают от такой мещанской прозы, как болезни, холод и одиночество: старик кончает жизнь. Из письма Вам станет также известно, что не Вы один от чистого сердца наставляли меня на путь истинный, и поймете, как мне стыдно.

Когда я прочел письмо Григоровича, я вспомнил Вас, и мне стало совестно. Мне стало очевидно, что я не прав. Пишу это именно Вам, потому что около меня нет людей, которым нужна моя искренность и которые имеют право на нее, а с Вами я, не спрашивая Вас, заключил в душе своей союз.

С Вашего дружеского совета я начал маленькую повестушку для «Северного вестника». Для почина взялся описать степь, степных людей и то, что я пережил в степи. Тема хорошая, пишется весело, но, к несчастью, от непривычки писать длинно, от страха написать лишнее я впадаю в крайность: каждая страница выходит компактной, как маленький рассказ, картины громоздятся, теснятся и, заслоняя друг друга, губят общее впечатление. В результате получается не картина, в которой все частности, как звезды на небе, слились в одно общее, а конспект, сухой перечень впечатлений. Пишущий, например Вы, поймет меня, читатель же соскучится и плюнет.

В Питере я прожил 2¹/₂ недели и видел многих. В общем вынес впечатление, которое можно свести к тексту: «Не надейтесь на князи, сыны человеческие...» Хороших людей видел много, но судей нет. Впрочем, может быть, это к лучшему.

Жду февральского «Северного вестника», чтобы прочесть Ваше «По пути». Плещеев говорил, что цензура сильно пощипала Вас. С Новым годом! Будьте здоровы и счастливы. Искренно Вам преданный

А. Чехов.

Р. С. Ваш «Соколинец», мне кажется, самое выдающееся произведение последнего времени. Он написан, как хорошая музыкальная композиция, по всем тем правилам, которые подсказываются художнику его инстинктом. Вообще в Вашей книге Вы такой здоровенный художник, такая силища, что Ваши даже самые крупные недостатки, которые зарезали бы другого художника, у Вас проходят незамеченными. Например, во всей Вашей книге³ упрямо отсутствует женщина, и это я только недавно разнюхал.

77

И. Л. ЛЕОНТЬЕВУ-ЩЕГЛОВУ

10 января 1888, Москва

Милый Альба! Так-таки одного слова я и не разобрал в Вашем письме, хотя и глядел на него в лупу. Ну, почерк!

Возвращаю письмо Горленко вместе с большим спасибо¹. Оно хорошо, но в нем есть один очень крупный недостаток: Вас нужно не столько хвалить за то, что Вы хорошо пишете, сколько бранить и поносить за то, что *мало* пишете. В хорошенькой «Миньоне» я нашел несколько промахов, которые объяснил себе только Вашим малописанием. Зажгите себя! Ведь Вы так легко воспламеняетесь! «Малописание для пишущего так же вредно, как для медика отсутствие практики» (Сократ, X, 5).

Если можно, пришлите мне статью из 1 № «Недели»². У меня ее нет и негде достать.

Пишу повесть³ для *толстого* журнала. Скоро кончу и пришлю. Ура-а-а!!!

Когда будете ужинать у Алексея Николаевича Плещеева, то выпейте вместо меня рюмку водки за его боярское здравие.

Позвольте сделать Вам маленькое замечание относительно Вашей невоспитанности. Я послал Вам свою карточку и молчал, думая, что Вы догадаетесь сами отплатить мне тем же. Но Вы отплатили мне черною

неблагодарностью. Извольте в 24 часа выслать мне Вашу карточку, иначе я через полицию потребую у Вас обратно свою.

Третьего дня был у меня Давыдов, просидел всю ночь и очень недурно читал кое-что из толстовской «Власти тьмы». Ему бы Акима играть.

Будьте бесконечно здоровы и счастливы. Жму руку и пребываю душевно преданным.

А. Чехов.

Отчего не строчите субботников, злодей?

Знаете что? Давайте-ка летом напишем по роману! Возьмем много денег и поедем куда-нибудь к лешему.

12 янв. У меня пьянство — Татьянин день.

17 янв. Тоже пьянство — я именинник.

Итого — кацен'ямер*.

Напишите с десятков таких прелестей, как «Миньона», и издайте сборник.

В марте я еду в Кубань. Там:

«Amare et popi mori»...⁴

Как зовут по батюшке Казимира Баранцевича? Я получил от него «Рабу»⁵. Хотелось бы поблагодарить письменно.

78

Д. В. ГРИГОРОВИЧУ

12 января 1888, Москва

12 янв. Татьянин день. Университетская годовщина.

Не стану объяснять Вам, уважаемый Дмитрий Васильевич, как дорого и какое значение имеет для меня Ваше последнее великолепное письмо¹. Каюсь, я не выдержал впечатления и копию с письма послал Короленко, — кстати говоря, очень хорошему человеку. По прочтении письма мне стало не особенно стыдно, так как оно застало меня за работой для толстого журнала. Вот Вам ответ на существенную часть Вашего

* похмелье (от нем. — Katzenjammer).

письма: я принялся за большую вещь. Написал уж я немного больше двух печатных листов и, вероятно, напишу еще три. Для дебюта в толстом журнале я взял степь, которую давно не описывали. Я изображаю равнину, лиловую даль, овцеводов, жидов, попов, ночные грозы, постоянные дворы, обозы, степных птиц и проч. Каждая отдельная глава составляет особый рассказ, и все главы связаны, как пять фигур в кадрили, близким родством. Я стараюсь, чтобы у них был общий запах и общий тон, что мне может удалиться тем легче, что через все главы у меня проходит одно лицо. Я чувствую, что многое и поборол, что есть места, которые пахнут сеном, но в общем выходит у меня нечто странное и не в меру оригинальное. От непривычки писать длинно, из постоянного, привычного страха не написать лишнее я впадаю в крайность. Все страницы выходят у меня компактными, как бы прессованными; впечатления теснятся, громоздятся, выдавливают друг друга; картинки, или, как Вы называете, блески, тесно жмутся друг к другу, идут непрерывной цепью и поэтому утомляют. В общем получается не картина, а сухой, подробный перечень впечатлений, что-то вроде конспекта; вместо художественного, цельного изображения степи я преподношу читателю «степную энциклопедию». Первый блин комом. Но я не робею. И энциклопедия авось сгодится. Быть может, она раскроет глаза моим сверстникам и покажет им, какое богатство, какие залежи красоты остаются еще нетронутыми и как еще не тесно русскому художнику. Если моя повестушка напомнит моим коллегам о степи, которую забыли, если хоть один из слегка и сухо намеченных мною мотивов даст какому-нибудь поэтику случай призадуматься, то и на этом спасибо. Вы, я знаю, поймете мою степь и ради нее простите мне невольные прегрешения. А грешу я невольно, потому что, как теперь оказывается, *не умею* еще писать больших вещей.

Прерванный роман буду продолжать летом. Роман этот захватывает целый уезд (дворянский и земский), домашнюю жизнь нескольких семейств². «Степь» — тема отчасти исключительная и специальная: если

описывать ее не между прочим, а ради нее самой, то она прискучивает своею однотонностью и пейзажем; в романе же взяты люди обыкновенные, интеллигентные, женщины, любовь, брак, дети — здесь чувствуешь себя, как дома, и не утомляешься.

Самоубийство 17-летнего мальчика — тема очень благодарная и заманчивая³, но ведь за нее страшно браться! На измучивший всех вопрос нужен и мучительно-сильный ответ, а хватит ли у нашего брата внутреннего содержания? Нет. Обещая успех этой теме, Вы судите по себе, но ведь у людей Вашего поколения, кроме таланта, есть эрудиция, школа, фосфор и железо, а у современных талантов нет ничего подобного, и, откровенно говоря, надо радоваться, что они не трогают серьезных вопросов. Дайте Вы им Вашего мальчика, и я уверен, что X, сам того не сознавая, от чистого сердца наклеветает, налжет и скошунствует, Y подпустит мелкую, бледную тенденцию, а Z объяснит самоубийство психозом. Ваш мальчик — натура чистенькая, милая, ищущая бога, любящая, чуткая сердцем и глубоко оскорбленная. Чтобы овладеть таким лицом, надо самому уметь страдать, современные же певцы умеют только ныть и хныкать. Что же касается меня, то, помимо всего сказанного, я еще вял и ленив.

На днях у меня был В. Н. Давыдов. Он играл в моем «Иванове», и по этому случаю мы с ним приятели. Узнав, что я собираюсь писать Вам, он воспрянул духом, сел за стол и написал письмо, которое я и прилагаю.

Читаете ли Вы Короленко и Щеглова? О последнем говорят много. По-моему, он талантлив и оригинален. Короленко по-прежнему любимец публики и критики; книга его идет превосходно. Из поэтов начинает выделяться Фофанов. Он действительно талантлив, остальные же, как художники, ничего не стоят. Прозаики еще туда-сюда, поэты же совсем швах. Народ необразованный, без знаний, без мировоззрения. Прасол Кольцов, не умевший писать грамотно, был гораздо цельнее, умнее и образованнее всех современных молодых поэтов, взятых вместе.

Моя «Степь» будет напечатана в «Северном вестнике». Я напишу Плещееву, чтобы он распорядился оставить для Вас оттиск.

Я очень рад, что боли оставили Вас. Они составляют суть Вашей болезни, а все остальное не так важно. В кашле нет ничего серьезного и общего с Вашей болезнью. Он, несомненно, простудный и пройдет вместе с холодом. Сегодня придется много пить за здоровье людей, учивших меня резать трупы и писать рецепты. Вероятно, придется пить и за Ваше здоровье, так как у нас не проходит ни одна годовщина без того, чтобы пьющие не помянули добром Тургенева, Толстого и Вас. Литераторы пьют за Чернышевского, Салтыкова и Гл. Успенского, а публика (студии, врачи, математики и проч.), к которой я принадлежу как эскулап, все еще держится старины и не хочет изменять родным именам. Я глубоко убежден, что пока на Руси существуют леса, овраги, летние ночи, пока еще кричат кулики и плачут чибисы, не забудут ни Вас, ни Тургенева, ни Толстого, как не забудут Гоголя. Вымрут и забудутся люди, которых Вы изображали, но вы останетесь целы и невредимы. Такова Ваша сила и таково, значит, и счастье.

Простите, я утомил Вас длинным письмом, но, что делать, рука разбежалась, и хотелось подольше поговорить с Вами.

Я надеюсь, что это письмо застанет Вас в тепле, бодрым и здоровым. Приезжайте летом в Россию, в Крыму так же, говорят, хорошо, как и в Ницце.

Еще раз благодарю Вас за письмо, желаю всего хорошего и остаюсь искренно, душевно преданным.

А. Чехов.

79

Я. П. ПОЛОНСКОМУ

18 января 1888, Москва

18 янв.

Несколько дней, многоуважаемый Яков Петрович, я придумывал, как бы лучше ответить на Ваше письмо, но ничего путного и достойного не придумал

и пришел к заключению, что на такие хорошие и дорогие письма, как Ваше, я еще не умею отвечать. Оно было для меня неожиданным новогодним подарком, и если Вы припомните свое прошлое, когда Вы были начинающим, то поймете, какую цену оно имеет для меня¹.

Мне стыдно, что не я первый написал Вам. Признаться, я давно уже хотел написать, да стеснялся и трусил. Мне казалось, что наша беседа, как бы она ни приблизила меня к Вам, не давала еще мне права на такую честь, как переписка с Вами. Простите за малодушие и мелочность.

Вашу книгу и фотографию я получил².

Портрет Ваш уже висит у меня над столом, проза читается всею семьей. Почему это Вы говорите, что Ваша проза поросла мохом и заиндевела? Если только потому, что современная публика не читает ничего, кроме газет, то этого еще недостаточно для такого поистине холодного, осеннего приговора. К чтению Вашей прозы я приступил с уверенностью или с предубеждением — это вернее; дело в том, что когда я еще учил историю литературы, мне уже было известно одно явление, которое я возвел почти в закон: все большие русские стихотворцы прекрасно справляются с прозой. Этого предубеждения Вы у меня из головы гвоздем не выковырите, и оно не оставляло меня и в те вечера, когда я читал Вашу прозу. Может быть, я и не прав, но лермонтовская «Тамань» и пушкинская «Капитанская дочка», не говоря уж о прозе других поэтов, прямо доказывают тесное родство сочного русского стиха с изящной прозой.

На Ваше желание посвятить мне стихотворение³ я могу ответить только поклоном и просьбой — позволить мне посвятить Вам в будущем ту мою повесть, которую я напишу с особенною любовью⁴. Ваша ласка меня тронула, и я никогда не забуду ее. Помимо ее теплоты и той внутренней прелести, какую носит в себе авторское посвящение, Ваше «У двери» имеет для меня еще особую цену; она стоит целой хвалебной критической статьи авторитетного человека, по-

тому что благодаря ему я в глазах публики и товарищей вырасту на целую сажень.

Относительно сотрудничества в газетах и иллюстрациях я вполне согласен с Вами. Не все ли равно, поет ли соловей на большом дереве или в кусте? Требование, чтобы талантливые люди работали *только* в толстых журналах, мелочно, попахивает чиновником и вредно, как все предрассудки. Этот предрассудок глуп и смешон. Он имел еще смысл тогда, когда во главе изданий находились люди с ясно выраженной физиономией, люди вроде Белинских, Герценов и т. п., которые не только платили гонорар, но и притягали, учили и воспитывали, теперь же, когда вместо литературных физиономий во главе изданий торчат какие-то серые круги и собачьи воротники, пристрастие к толщине издания не выдерживает критики, и разница между самым толстым журналом и дешевой газеткой представляется только количественной, т. е. с точки зрения художника не заслуживающей никакого уважения и внимания. Сотрудничеству в толстых журналах нельзя отказать только в одном удобстве: длинная вещь не дробится и печатается целиком. Когда я напишу большую вещь, пошлю в толстый журнал, а маленькие буду печатать там, куда занесут ветер и моя свобода.

Между прочим, я пишу большую вещь, которая будет напечатана, вероятно, в «Северном вестнике». В небольшой повести я изображаю степь, степных людей, птиц, ночи, грозы и проч. Писать весело, но боюсь, что от непривычки писать длинно я то и дело сбиваюсь с тона, утомляюсь, не договариваю и недостаточно серьезен. Есть много таких мест, которые не поймутся ни критикой, ни публикой, той и другой они покажутся пустяжными, не заслуживающими внимания, но я заранее радуюсь, что эти самые места поймут и оценят два-три литературных гастронома, а этого с меня достаточно. В общем моя повестушка меня не удовлетворяет. Она кажется мне громоздкой, скучной и слишком специальной. Для современной читающей публики такой сюжет, как степь с ее природой и людьми, представляется специальным и мало-значущим.

Я приеду в Петербург, вероятно, в начале марта, чтобы проститься с добрыми знакомыми и ехать в Кубань. Апрель и май проживу в Кубани и около Черного моря, а лето в Славянске или на Волге. Летом я не могу сидеть на одном месте. Позвольте мне еще раз поблагодарить Вас за Ваше письмо и за посвящение. Я не заслужил еще ни того, ни другого. Будьте здоровы, счастливы и верьте в искреннее уважение и любовь преданного Вам

А. Чехова.

Р. С. На днях я вернулся из деревни. В деревне и зимой хорошо. Если бы Вы могли видеть ослепительно белые поля и лес, на которых блестит солнце! Глазам больно. Пришлось вскрывать скоропостижно издохшую корову. Хотя я и не ветеринар, а врач, но все-таки за неимением специалистов приходится иногда браться и за ветеринарию.

80

А. Н. ПЛЕЩЕЕВУ

19 января 1888, Москва

19 января

Дорогой Алексей Николаевич!

С Новым годом, с новым счастьем! Многие лета Вам здравствовать. Искренность моих благопожеланий и моя преданность Вам пусть послужат для меня смягчающим вину обстоятельством, и Вы простите мне запоздалость моего поздравления.

Я к Вам с просьбой. На днях я получил письмо от литератора Николая Аполлоновича Путяты, сотрудника московских газет, переводчика и негласного редактора когда-то существовавших журналов «Свет и тени», «Мирской толк» и «Европейская библиотека», автора кое-каких книжек и проч. Он жалуется на безвыходное положение и слезно просит меня, не могу ли я написать кому-нибудь в Питер, чтобы за него похо-

датайствовали в Литературном фонде? Его просьбу исполняю я тем охотнее, что лечу его, вижу его непроходимую бедность и верую в неизлечимость болезни. Он болен чахоткой. Служит он корректором в «Московских ведомостях», но по болезни работать ему приходится мало или через силу, и скоро, вероятно, ему откажут от места.

Услугами Литературного фонда он уже пользовался *два раза*. Его адрес: Типография «Московских ведомостей».

Теперь два слова о себе. Я здравствую, работаю и скучаю. Пишу я теперь повестушку для толстого журнала и, как только кончу, пришлю ее Вам: буду просить Вас протезировать мне в «Северном вестнике». Описываю я *степь*. Сюжет поэтический, и если я не сорвусь с того тона, каким начал, то кое-что выйдет у меня «из ряда вон выдающее». Чувствую, что есть в моей повестушке места, которыми я угожу Вам, мой милый поэт, но в общем я едва ли потрафлю... Выйдет у меня 4—5 печатных листов; из них два листа заняты описанием природы и местностей — скучно!

Ах, как бы я хотел попасть к Вам в мартовскую книжку! Весь январь я работаю над степью, ничего больше не пишу, а потому разорился в пух и прах. Если «Степь» будет напечатана позже марта, то я взвою волком. Вышлю я ее Вам к 1 февраля. Если Вы предвидите, что в мартовской книжке места не будет, то, дорогой мой, дайте мне знать; я не буду спешить со «Степью» и нацарапаю ради гонорара что-нибудь в «Новое время» и «Петербургскую газету».

Писать большое очень скучно и гораздо труднее, чем писать мелочь. Вы прочтете и увидите, какую уйму трудностей пришлось пережить моему неопытному мозгу.

Прощайте и будьте счастливы. Почтение всему Вашему радушному семейству. Если позволите, обнимаю Вас и пребываю неизменно и искренно преданным

Чеховым.

Москва, Кудринская-Садовая, д. Корнеева.

И. Л. ЛЕОНТЬЕВУ-ЩЕГЛОВУ

22 января 1888, Москва

22 янв.

Милый Альба! Получил я и письмо, и Вашу физиогномию, и «Неделю». За все, за все благодарю! Статья в «Неделе» действительно неплоха¹. Кое-какие мысли о нашем бессилии, которое деликатный автор назвал безвластием, приходили и мне в голову. В наших талантах много фосфора, но нет железа. Мы, пожалуй, красивые птицы и поем хорошо, но мы не орлы.

Впрочем, все это вздор. Покуксим об этом при свидании, когда будем рикикикать² у Палкина, а теперь успокоимся на уверении статьи «Недели», что мы виртуозы... Да, виртуозы, но играющие свое. Делаем, что можем, а если человечеству не угодна наша служба, то ну его к ляху!

Вам, о маловеер, интересно знать, какие промахи нашел я в Вашей «Миньоне»... Прежде чем указать на них, предупреждаю, что они имеют скорее «трагический» интерес, чем критико-литературный. Уловить их может только пишуший, но никак не читатель. Вот они... Мне кажется, что Вы, как мнительный и маловерный автор, из страха, что лица и характеры будут недостаточно ясны, дали слишком большое место тщательной, детальной обрисовке. Получилась от этого излишняя пестрота, дурно влияющая на общее впечатление. Боясь, что читатель Вам не поверит, Вы в доказательство того, как может иногда сильно влиять музыка, занялись усердно психикой Вашего фендрика; психика Вам удалась, но это расстояние между такими моментами, как «*amare, morire*»^{*} и выстрелом, у Вас получилось длинное, и читатель, прежде чем дойти до самоубийства, отдыхает от боли, причиненной ему «*amare, morire*». А нельзя давать ему отдыхать; нужно держать его напряженным. Эти указа-

^{*} любить, умереть (итал.).

ния не имели бы места, если бы «Миньона» была большою повестью. У больших, толстых произведений свои цели, требующие исполнения самого тщательного, независимо от общего впечатления. В маленьких же рассказах лучше не досказать, чем пересказать, потому что... потому что... не знаю почему!.. Во всяком случае, помните, что Ваши промахи только я один считаю промахами (весьма неважными, «трагическими»), а я очень часто ошибаюсь. Быть может, Вы правы, а не я... Я, надо заметить, очень часто ошибался и говорил не то, что думаю теперь. Стало быть, моя критика ничего не стоит.

Ах, как мне хочется в Питер!

Получил сегодня от А. Н. Плещеева очень милое «дедушкино» письмо. Жалуется, что Вы редко с ним видитеесь. Я оканчиваю рукопись для «Северного вестника»³. Как это трудно.

Поклонитесь Баранцевичу.

Весной я еду в Кубань, а летом буду жить с семьей в Славянске. Не хотите ли жить вместе? Прожить в Славянске стоит в 3 раза дешевле, чем в Питере. Будет не скучно.

Моя повесть появится в мартовской книжке «Северного вестника». Странная она какая-то, но есть отдельные места, которыми я доволен. Меня бесит то, что в ней нет романа. Без женщины повесть, что без паров машина. Впрочем, женщины у меня есть, но не жены и не любовницы. А я не могу без женщин!!!

Напишите мне письмо подлинней, а я Вам отвечу тем же. Прощайте, Альба. Дай бог Вам здоровья!

Ваш А. Чехов.

82

А. Н. ПЛЕЩЕЕВУ

23 января 1888, Москва

23 янв.

Милый и дорогой Алексей Николаевич, большое Вам спасибо за Ваше доброе, ласковое письмецо. Как жаль, что оно не пришло тремя часами раньше!¹

Представьте, оно застало меня за царапаньем плохонького рассказца для «Петербургской газеты»... Ввиду предстоящего первого числа с его платежами я смалодушествовал и сел за срочную работу. Но это не беда. На рассказ потребовалось не больше полудня², теперь же я могу продолжать свою «Степь». В своем письме Вы оказали моей повестушке такой хороший прием, что я боюсь... Вы ждете от меня чего-то особенного, хорошего — какое поле для разочарований! Робею и боюсь, что моя «Степь» выйдет незначительной. Пишу я ее не спеша, как гастрономы едят дупелей: с чувством, с толком, с расстановкой. Откровенно говоря, выжимаю из себя, натужусь и надуваюсь, но все-таки в общем она не удовлетворяет меня, хотя местами и попадаются в ней «стихи в прозе». Я еще не привык писать длинно, да и ленив. Мелкая работа меня избаловала.

Кончу «Степь» к 1—5 февраля, не раньше и не позже. Пришлю ее непременно на Ваше имя, так как, дебютируя в толстых журналах, я хочу просить Вас быть моим крестным батькой. Вам не придется ездить в почтамт и засвидетельствовать повестку, так как вышлю я Вам посылку «с доставкой». Вы только заплатите четвертак, который я буду Вам должен. Ради бога, простите за беспокойство! У Вас и так много забот, а тут я еще одолеваю Вас своими пустяками, да еще покушаюсь на четвертак...

Островский мне очень и очень понравился. С ним не только не скучно, но даже весело... Да, он годился бы в критики. Он имеет хорошее чутье, массу читал, по-видимому, очень любит литературу и оригинален. Я уловил несколько оброненных им определений, которые целиком можно было бы напечатать в учебнике «Теория словесности». Я к нему обязательно побегу, как только покончу со «Степью». После того как я поговорил с ним о моем выкидыше «Иванове», я узнал цену, какую имеют для нашего брата такие люди.

Что Леонтьев? Милый он человечина, симпатичный, теплый и талантливый, но любит падать духом и кукситься. Его постоянно нужно возбуждать извне и заводить, как часы... Мы переписываемся. Он вели-

чает меня в письмах почему-то Эгмонтом, а я, чтоб не оставаться в долгу, окрестил его Альбой³.

До весны я побываю в Питере, а весной укачу куда-нибудь в тепло. Поедемте!

Во всех наших толстых журналах царит кружковая, партийная скука. Душно! Не люблю я за это толстые журналы, и не соблазняет меня работа в них. Партийность, особливо если она бездарна и суха, не любит свободы и широкого размаха.

Прощайте, мой дорогой. Еще раз спасибо Вам. Поклонитесь Вашему семейству, общим знакомым и приезжайте на масленицу. Поедим блинов... Прихватите с собой Щеглова.

Будьте здоровы и счастливы.

Ваш А. Чехов.

88

А. Н. ПЛЕЩЕЕВУ

3 февраля 1888, Москва

3-го февр.

Здравствуйте, дорогой Алексей Николаевич! «Степь» кончена и посылается. Не было ни гроша, и вдруг алтын. Хотел я написать два-три листа, а написал целых пять. Утомился, замучился от непривычки писать длинно, писал не без напряжения и чувствую, что наерундил немало.

Прошу снисхождения!!

Сюжет «Степи» незначителен; если она будет иметь хоть маленький успех, то я положу ее в основание большущей повести и буду продолжать¹. Вы увидите в ней не одну фигуру, заслуживающую внимания и более широкого изображения.

Пока писал, я чувствовал, что пахло около меня летом и степью. Хорошо бы туда поехать!

Ради бога, дорогой мой, не поцеремоньтесь и напишите, что моя повесть плоховата и заурядна, если это действительно так. Ужасно хочется знать сущую правду.

Если редакция найдет ее годной для «Северного вестника», то я очень рад служить ей и ее читателям.

Похлопочите, чтобы моя «Степь» вся целиком вошла в один номер, ибо дробить ее невозможно, в чем Вы сами убедитесь по прочтении. Попросите оставить для меня несколько оттисков. Я хочу послать Григоровичу, Островскому... Насчет аванса у нас уже был разговор. Скажу еще только, что чем раньше я получу его, тем лучше, ибо я зачах, как блоха в вейнбергском анекдоте². Если издательница³ спросит о цифре гонорара, то скажите ей, что я полагаюсь на ее волю, в глубине же души, грешный человек, мечтаю о двухстах за лист.

Простите за беспокойство. Авось, коли живы будем, судьба даст мне счастливый случай отплатить Вам хорошей услугой!

«Степь» писана на отдельных четвертухах. Когда получите посылку, обрежьте ниточки.

Прощайте и будьте счастливы.

Я отдыхаю. Завтра побегу к Островскому. Кланяйтесь Вашей семье и Щеглову.

Душевно преданный дебютант

Антуан Чехов.

Моя «Степь» похожа не на повесть, а на степную энциклопедию.

84

А. С. ЛАЗАРЕВУ-ГРУЗИНСКОМУ

4 февраля 1888, Москва

4 февраль

Спасибо Вам за письмо, добрейший Александр Семенович¹. Я тоже здоров и жив. «Степь» вчера кончил и отправил в «Северный вестник». Вышло у меня, кажется, больше *пяти* печатных листов.

$200 \times 5 = 1000$ руб.

Надо быть очень великим писателем, чтобы в один (1) месяц заработать тысячу рублей. Не правда ли?

На свою «Степь» я потратил много соку, энергии и фосфора, писал с напряжением, натужился, выжимал из себя и утомился до безобразия. Удалась она или нет, не знаю, но, во всяком случае, она мой шедевр, лучше сделать не умею, и посему Ваше утеше-

ние, что «иногда вещицы не задаются», (в случае неуспеха) утешить меня не может. Дебют, масса энергии, напряжение, хороший сюжет и проч.— тут уж едва ли подойдет Ваше «иногда». Если при данных условиях написал скверно, то при условиях менее благоприятных напишу, значит, еще хуже...

Да-с, батенька! У Вас еще впереди будущее (2—3 года), а я переживаю кризис. Если теперь не возьму приза, то уж начну спускаться по наклонной плоскости. А Вы меня утешаете наречием «иногда»! Когда Вы будете умирать, я напишу Вам: «Люди иногда умирают», а когда, потратив все, что имели, будете деботировать в чем-нибудь, напишу: «Дебютанты иногда проваливаются». И Вы утешитесь.

От Лейкина и Билибина слышится гробовое молчание. Молчание первого носит в себе зловещий характер. Крику сычей и филинов я придаю гораздо меньшее значение, чем молчанию тонких дипломатов. Со страхом ожидаю какой-нибудь большой глупости или сплетни. Будьте здоровы.

Ваш А. Чехов.

85

И. Л. ЛЕОНТЬЕВУ-ЩЕГЛОВУ

4 февраля 1888, Москва

4 февраля

Милый капитан! Простите, что так долго не отвечал на Ваше пессимистическое письмо¹. Был занят по горло и утомлен как сукин сын.

Теперь отвечаю. Да, правда, жить иной раз бывает противно и гадко; но Вы стреляете не туда, куда надо. Дело не в Буренине, не в Бежецком, не в «Миньоне», не в возвращенном субботнике. Все несчастье в Вашей способности находиться под постоянным воздействием отдельных явлений и лиц. Вы хороший писатель, но совсем не умеете или не хотите обобщать и глядеть на вещи объективно. Нервы, нервы и паки нервы!

Бежецкому не нравится Ваша «Миньона». Это

естественно. Писатели ревнивы, как голуби. Лейкину не нравится, если кто пишет из купеческого быта, Лескову противно читать повести из поповского быта, не им написанные, а Бежецкий никогда не похвалит Ваших военных очерков², потому что только себя считает специалистом по военной части. Ведь Вам же не нравятся его превосходные «Военные на войне»! Все нервы и ревнивы.

Вы пишете, что Буренин имеет против Вас нечто. Неправда. По привычке, свойственной всем пишущим, он заглазно редко говорит о ком-нибудь хорошо, но если его спросят, кто лучше — Вы или Салиас, которого он восхваляет, то ему станет смешно от этого вопроса, и он засмеется. Если субботник возвращен Вам, то, стало быть, он в самом деле длинен.

Если он длинен и возвращен, то почему Вы не отослали его в «Русскую мысль», где его напечатают с удовольствием? Почему не отдать его в «Северный вестник», в «Север» и проч.?

Нет, не туда Вы стреляете... Если бы Вы умели смотреть на жизнь объективно, то не пели бы лазаря. Вы один из счастливейших из современных писателей. Вас читают, любят, хвалят, избирают в «члены»; Ваши пьесы ставятся и смотрятся... какого же лешего Вам еще нужно от муз? В литературе Вы уже по крайней мере подполковник (с золотым оружием), а такого чина совершенно достаточно, чтобы не приходить в ужас и не терять надежд на будущее только потому, что кусаются блохи и воеет под окном собака. К сожалению, все это длинно и не помещается в письме. Приходится подробности и продолжение отложить до свидания, а пока скажу: Вы не правы, Альба! Я знаю два десятка писателей, которые мечтают о такой судьбе, как Ваша...

Ну-с, я жив и здрав. Свой «мартовский плод»³ я кончил и послал А. Н. Плещееву. Не ждите ничего особенно хорошего и вообще хорошего. Разочаруетесь в Антуане, потому что Антуан, как я теперь убедился, совсем неспособен писать длинные вещи.

Появление г. Ясинского в «Новом времени» — это большое литературное свинство⁴. Но его «Пожар» превосходная вещьца⁵.

Читаю Вашу «Идиллию». Чудак, отчего Вы не напишете большого романа? У Вас все данные для этого. Прощайте. Пишите.

Ваш Антуан Чехов.

86

А. Н. ПЛЕЩЕЕВУ

5 февраля 1888, Москва

Большое Вам спасибо, дорогой Алексей Николаевич! Вчера я получил и отвез Путяте 75 руб.¹. Эти деньги пришли очень кстати, так как Путята, хотя и лежит в постели, но быстро и широко шагает к могилке.

Получили ли мою «Степь»? Забракowana она или же принята в лоно «Северного вестника»? Я послал Вам ее вчера не посылкой, как предполагал раньше, а заказною бандеролью — так скорее дойдет. Не опоздал ли я?

Жажду прочесть повесть Короленко². Это мой любимый из современных писателей. Краски его колоритны и густы, язык безупречен, хотя местами и изыскан, образы благородны. Хорош и Леонтьев... Этот не так смел и красив, но теплее Короленко, миролюбивее и женственней... Только — аллах керим! — зачем они оба специализируются? Первый не расстается со своими арестантами, а второй питает своих читателей только одними обер-офицерами... Я признаю специальность в искусстве, как жанр, пейзаж, историю, понимаю я амплу актера, школу музыканта, но не могу помириться с такими специальностями, как арестанты, офицеры, попы... Это уж не специальность, а пристрастие. У вас в Питере не любят Короленко, у нас не читают Щеглова, но я сильно верю в будущность обоих. Эх, если б у нас была путёвая критика!

Масленица на носу. Вы почти обещали приехать, и я жду Вас.

Сегодня бенефис Давыдова. Ставит он «Мещанина во дворянстве»³. Будет душно, тесно и шумно. После спектакля я всю ночь буду кашлять. Разучился я ходить по театрам.

Если моя «Степь» не забракована, то при случае замолвите словечко, чтобы мне высылали «Северный вестник». Мне очень хочется почитать «По пути» Короленко.

Я надоел Вам своими письмами.

До свиданья! Почтение всему Вашему семейству.

Весь Ваш душевно *А. Чехов*,

87

Д. В. ГРИГОРОВИЧУ

5 февраля 1888, Москва

5 февраля

Дорогой Дмитрий Васильевич!

Третьего дня я кончил и послал в «Северный вестник» свою «Степь», о которой уже писал Вам. Вышло у меня около пяти печатных листов, а пожалуй, и более. Если ее не забракуают, то появится она в мартовской книжке; Вам пришлю я оттиск, о котором писал уже в редакцию.

Я знаю, Гоголь на том свете на меня рассердится. В нашей литературе он степной царь. Я залез в его владения с добрыми намерениями, но наерундил немало. Три четверти повести не удалось мне.

Около 10 января я послал Вам два письма: свое и В. Н. Давыдова. Получили ли? Между прочим, я писал в своем письме о Вашем сюжете — самоубийстве 17-летнего мальчика. Я сделал слабую попытку воспользоваться им. В своей «Степи» через все восемь глав я провожу девятилетнего мальчика, который, попав в будущем в Питер или в Москву, кончит не-

пременно плохим. Если «Степь» будет иметь хоть маленький успех, то я буду продолжать ее. Я нарочно писал ее так, чтобы она давала впечатление незаконченного труда. Она, как Вы увидите, похожа на первую часть большой повести¹. Что касается мальчугана, то почему я изобразил его так, а не иначе, я расскажу Вам, когда вы прочтете «Степь».

Не знаю, понял ли я Вас. Самоубийство Вашего русского юноши есть явление специфическое, Европе неизвестное. Вся энергия художника должна быть обращена на две силы: человек и природа. С одной стороны, физическая слабость, нервность, ранняя половая зрелость, страстная жажда жизни и правды, мечты о широкой, как степь, деятельности, беспокойный анализ, бедность знаний рядом с широким полетом мысли; с другой — необъятная равнина, суровый климат, серый, суровый народ со своей тяжелой, холодной историей, татарщина, чиновничество, бедность, невежество, сырость столиц, славянская апатия и проч. Русская жизнь бьет русского человека так, что мокрого места не остается, бьет на манер тысячелетнего камня. В Западной Европе люди погибают оттого, что жить тесно и душно, у нас же оттого, что жить просторно... Простора так много, что маленькому человечку нет сил ориентироваться...

Вот что я думаю о русских самоубийцах...

Так ли я Вас понял? Впрочем, об этом говорить в письме невозможно, потому что тесно. Эта тема хороша для разговора. Как жаль, что вы не в России!

У Вас теперь тепло и сухо, и я уверен, Вы уже не кашляете. Курите табак полегче, а главное, покупайте гильзы для папирос получше. Часто в гильзах бывает гораздо больше яда, чем в табаке. До свиданья! Будьте здоровы, веселы и счастливы.

Вам искренно преданный

Ант. Чехов.

А. Н. ПЛЕЩЕЕВУ

9 февраля 1888, Москва

9 февраля

Сейчас из конторы Юнкера принесли мне 500 целковых, дорогой Алексей Николаевич! Очевидно, это из «Северного вестника», ибо больше получить мне неоткуда. Мерси!

Последнее Ваше письмо меня безгранично порадовало и подбодрило¹. Я согласился бы всю жизнь не пить вина и не курить, но получать такие письма. Предпоследнее же, на которое я ответил Вам телеграммой², меня обескуражило. Мне стало неловко и совестно, что я вынудил Вас говорить о гонораре. Деньги мне очень нужны, но говорить о них, да еще с хорошими людьми, я терпеть не могу. Ну их к черту! Жалею, что я не показался Вам достаточно ясным в том месте моего письма, где я говорил, что в денежных делах полагаюсь на волю издательницы и что мечтаю получить 200 руб. О требованиях или непременных условиях с моей стороны не было и речи, а об ультиматуме и подавно. Если я заикнулся в скобках о 200 руб., то потому, что совсем незнаком с толсто-журнальными ценами и что цифру 200 не считал слишком большой. Я мерил по нововременской мерке, т. е., оценивая «Степь», старался получить не больше и не меньше того, что платит мне Суворин (15 коп. строка), но и в мыслях у меня не было сочинять ультиматумы. Я всегда беру только то, что мне дают. Даст мне «Северный вестник» 500 за лист — я возьму, даст 50 — я тоже возьму.

На обещание поместить «Степь» целиком и высылать журнал я отвечаю обещанием угостить Вас отличнейшим Донским, когда мы будем ехать летом по Волге³. К несчастью, Короленко не пьет, а не уметь пить в дороге, когда светит луна и из воды выглядывают крокодилы, так же неудобно, как не уметь читать. Вино и музыка всегда для меня были отличнейшим штопором. Когда где-нибудь в дороге в моей

душе или в голове сидела пробка, для меня было достаточно выпить стаканчик вина, чтобы я почувствовал у себя крылья и отсутствие пробки.

Значит, завтра у меня будет Короленко⁴. Это хорошая душа. Жаль, что его «По пути» ощидала цензура. Художественная, но заметно плешивая вещь (не цензура, а «По пути»). Зачем он отдал ее в цензурный журнал? Во-вторых, зачем назвал «святочным рассказом»?

Спешу засесть за мелкую работу, а самого так и подмывает взяться опять за что-нибудь большое. Ах, если бы Вы знали, какой сюжет для романа сидит в моей башке! Какие чудные женщины! Какие похороны, какие свадьбы! Если б деньги, я удрал бы в Крым, сел бы там под кипарис и написал бы роман в 1—2 месяца. У меня уже готовы три листа, можете себе представить! Впрочем, вру: будь у меня на руках деньги, я так бы завертелся, что все романы полетели бы вверх ногами.

Когда я напишу первую часть романа, то, если позволите, пришлю Вам на прочтение⁵, но не в «Северный вестник», ибо мой роман не годится для подцензурного издания. Я жаден, люблю в своих произведениях многолюдство, а посему роман мой выйдет длинен. К тому же люди, которых я изображаю, дороги и симпатичны для меня, а кто симпатичен, с тем хочется подольше возиться.

Что касается Егорушки, то продолжать его я буду, но не теперь. Глупенький о. Христофор уже помер. Гр. Драницкая (Браницкая) живет прескверно. Варламов продолжает кружиться. Вы пишете, что Вам понравился Дымов как материал... Такие натуры, как озорник Дымов, создаются жизнью не для раскола, не для бродяжничества, не для оседлого житья, а прямохонько для революции... Революции в России никогда не будет, и Дымов кончит тем, что сопьется или попадет в острог. Это лишний человек.

В 1877 году⁶ я в дороге однажды заболел перитонитом (воспалением брюшины) и провел страдальческую ночь на постоялом дворе Мойсея Мойсеича.

Жид всю ночь напролет ставил мне горчишники и компрессы.

Видели ли Вы когда-нибудь большую дорогу? Вот куда бы нам махнуть! Кресты до сих пор целы, но не та уже ширина; по соседству провели чугунку, и по дороге теперь почти некому ездить: мало-помалу по-растает травой, а пройдет лет 10, она совсем исчезнет или из гиганта обратится в обыкновенную проезжую дорогу.

Хорошо бы захватить с собой и Щеглова. Он совсем разлимонился и смотрит на свою литературную судьбу сквозь копченное стекло. Ему необходимо подышать свежим воздухом и поглазеть новых людей.

Завтра я гуляю на свадьбе у портного⁷, недурно пишущего стихи и починившего мне из уважения к моему таланту (*honoris causa*)* пиджак. Я надоел Вам своими пустяками, а посему кончаю. Будьте здоровы. Кредиторам Вашим от души желаю провалиться в тартарары... Племя назойливое, хуже комаров.
Душевно Ваш

А. Чехов.

Нет ли у «Северного вестника» обычая высылать авторам корректуру?

89

И. Л. ЛЕОНТЬЕВУ-ЩЕГЛОВУ

10 февраля 1888, Москва

10 февраля

Капитан! Должно быть, Вы макаете Ваше перо не в чернильницу, а в чертову перечницу. В Ваших письмах столько катаральной изжоги, что по прочтении каждого из них мне приходится принимать соду. Ваши кишки, Ваше брюзжанье на «аристократическую медлительность», мечты о месте в обществе «Саламандра», вообще тон писем — все это злит

* почета ради (*лат.*).

меня, как Вашего приятеля и читателя. Да, недоста-вало еще, чтобы Иван Щеглов надел форму контро-лера конножелезки или гулял по Невскому с портфе-лем под мышкой¹.

Я скоро приеду, но не раньше 20 февраля. Конечно, буду браниться.

Если 12 февраля будете у Плещеева, то рикики-ните рюмку за его здоровье от моего имени.

Сегодня ожидаю к себе Короленко. Будет разго-вор о капитане Альбе.

На днях, встретившись с инспектором одного боль-шого училища, я обязал его купить для училищной библиотеки все Ваши издания, что он и сделал. Что Вы, крокодил Вы этакий, дадите мне за комиссию?

Вчера я получил из «Северного вестника» 500 руб-лей аванса, а сегодня развеял эти денежки по ветру. Увы и ах!

Прощайте, миленький. Бросьте Вы к лешему Вашу мерлехлюндию, работайте от утра до ночи, и тогда Вам не будет в диковину «аристократическая медли-тельность». Плещеев писал, что его Леночка будет в Москве и побывает у моей семьи.

Если Ваша жена позволит, то поклонитесь ей. Будьте здоровы.

Ваш *Antoine*.

90

Н. А. ХЛОПОВУ

13 февраля 1888, Москва

13 февраль

Уважаемый Николай Афанасьевич!

Я прочел Ваш рассказ¹, он хорош и, вероятно, пойдет в дело, а потому считаю не лишним заранее и возможно скорее заявить Вам нижеследующее. Если Вы рассчитываете на него как на серьезный шаг и дебютируете им, то в этом смысле, по моему мнению, он успеха иметь не будет. Причина не в сю-жете, не в исполнении, а в поправимых пустяках — в чисто московской небрежности в отделке и в кое-

каких деталях, не важных по существу, но режущих глаза.

Начать хоть с того, что то и дело попадаются фразы, тяжелые, как булыжник. Например, на стр. 2 фраза: «Он заходил ко мне два раза в продолжение получаса». Или: «На губах Ионы появилась долгая, несколько смущенная улыбка». Нельзя сказать «брызнул продолжительный дождь», так, согласитесь, не годится фраза «появилась долгая улыбка». Впрочем, это пустяки... Но вот что не совсем мелочно: где Вы видели *церковного попечителя* Сидоркина? Правда, существуют церковные старосты или ктиторы, но никакие старосты и попечители, будь они хоть разнаивлиятельнейшие купцы, не имеют права и власти переводить дьячка с одного места на другое... Это дело архиерейское... Походило бы более на правду, если бы Ваш Иона попросту был переведен из города в деревню за пьянство.

Место, где Иона возится с двумя десятинами, как паук с мухой, прекрасно, но зачем Вы губите его прелесть описанием невозможной и маловероятной забавы с сохой? Разве это необходимо? Вы знаете, что кто пашет первый раз в жизни, тот не сдвинет плуга с места — это раз; дьячку выгоднее отдать свою землю под скопчину — это два; воробьев никаким калачом не заманишь из деревни в поле — это три...

«Сижу я верхом на перекладине, вот что хату с чуланом соединяет» (стр. 16). Какая это перекладина? Фигура писаря в пиджачке и с клоками сена в волосах шаблонна и к тому же сочинена юмористическими журналами. Писаря умнее и несчастнее, чем принято думать о них, и т. д.

В конце рассказа дьячок (это очень мило и кстати) поет: «Благослови, душе моя, господи, и возрадуется...» Такой молитвы нет. Есть же такая: «Благослови, душе моя, господа и вся внутренняя моя имя святое его...»

Последнее сказание: знаки препинания, служащие нотами при чтении, расставлены у Вас, как пуговицы на мундире гоголевского городничего. Изобилие многоточий и отсутствие точек.

Эти пустяки, по моему мнению, испортят Вам музыку. Не будь их, рассказ пошел бы за образцовый. Вы, конечно, не рассердитесь на меня за «мораль» и поймете, что пишу я это, как Ваш поверенный, с целью: не найдете ли Вы нужным ввиду всего вышесказанного сделать в рассказе поправки? На шлифовку и переписку вновь понадобятся 2 часа, не больше, но зато рассказ не проиграет.

Повторяю: и без поправок Иона хорош и пойдет в дело, но если Вы намерены серьезно дебютировать им, то, насколько я знаю петербургских судей, успеха он иметь не будет.

Жду Вашего ответа и прошу прощения за непрошенное вмешательство.

Будьте здоровы.

Ваш А. Чехов.

91

Ал. П. ЧЕХОВУ

Между 15 и 17 февраля 1888, Москва

Гусиади!

Не писал я тебе так долго, потому что мешала лень; хочется не писать, а лежать пластом и плевать в потолок.

Я отдыхаю. Недавно написал большую (5 печатных листов) повесть, которую, буде пожелаешь, узришь в мартовской книжке «Северного вестника». Получил задатку 500 р. Повесть называется так: «Степь».

Вообще чувствую собачью старость. Едва ли уж я вернусь в газеты! Прощай, прошлое! Буду изредка пописывать Суворину, а остальных, вероятно, похерю¹.

Правда ли, что ты работаешь в «Гражданине»?²

Я виноват перед Анной Ивановной, что не отвечаю на ее письмо. Отвечу по ее выздоровлению, ибо длинно толковать с больным о его болезни я считаю вредным. Пусть ее не волнует «гумма». Йодистый калий

помогает не при одном только сифилисе, а «гумма» разная бывает.

Во всяком случае, я рад, что она выздоравливает и что Кнох, Слюнин и К^о потерпели срам. Рад, что ты обратился, как я советовал тебе, к знающему человеку; рад я, что не верил бугорчатке, абсцессу печени, операции, катару желчных путей и проч. Мне казалось, что я знаю больше Кноха и К^о, и теперь я в этом убежден. Очень приятно, хотя, с другой стороны, и жаль, что я «фастаю».

19-го идет моя новая пьеска в одном действии³. «Иванов» ходит по Руси и не раз уже давался в Харькове.

М. Белинский сотрудник подходящий. Но — можешь не скрывать это мое мнение от Буренина — своим появлением в «Новом времени» он плюнул себе в лицо. Ни одна кошка во всем мире не издевалась так над мышью, как Буренин издевался над Ясинским, и... и что же? Всякому безобразию есть свое приличие, а посему на месте Ясинского я не показывал бы носа не только в «Новое время», но даже на Малую Итальянскую.

Буду сегодня писать Суворину. Напрасно этот серьезный, талантливый и старый человек занимается такой ерундой, как актрисы, плохие пьесы...⁴

Николай что-то бормотал мне насчет твоего письма, да я ничего не понял и забыл. Все это мелко. Ну их!

Семья летом будет жить на юге.

Попроси Петерсена и Буренина от моего имени прочитать в марте мою повесть. Ведь они виноваты отчасти, что я написал большое! Пусть они и расхлебывают.

Будь здоров. Анне Ивановне поклон, а детей пори. Говорит ли Николка?

Твой
33 моментально.

Благодарю за письмо и за беспокойство о моем неказистом здравии.

И. Л. ЛЕОНТЬЕВУ-ЩЕГЛОВУ

22 февраля 1888, Москва

22 февр.

Милый капитан! Я прочитал все Ваши книги, которые до сих пор читывал только урывками. Если хотите моей критики, то вот она. Прежде всего мне кажется, что Вас нельзя сравнивать ни с Гоголем, ни с Толстым, ни с Достоевским, как это делают все Ваши рецензенты. Вы писака *suï generis** и самостоятельны, как орел в поднебесье. Если сравнения необходимы, то я скорее всего сравнил бы Вас с Помяловским постольку, поскольку он и Вы — мещанские писатели. Называю Вас мещанским не потому, что во всех Ваших книгах сквозит чисто мещанская ненависть к адъютантам и журфиксным людям, а потому, что Вы, как и Помяловский, тяготеете к идеализации серенькой мещанской среды и ее счастья. Вкусные кабачки у Цыпочки, любовь Горича к Насте, солдатская газета, превосходно схваченный разговорный язык названной среды, потом заметное напряжение и субъективность в описании журфикса у «*ma tante*»** — все это вместе взятое поддерживает мое положение о Вашем мещанстве.

Если хотите, то я, пожалуй, сравнил бы Вас еще и с Додэ. Ваши милые, хорошие «лошадники» тронуты слегка, но пока они попадались мне на глаза, мне все казалось, что я читаю Додэ.

Вообще надо быть осторожным в сравнениях, которые, как бы они ни были невинны, всегда невольно вызывают подозрения и обвинения в подражании и подделке. Вы, ради создателя, не верьте Вашим прокурорам и продолжайте работать так, как доселе работали. И язык, и манера, и характеры, и длинные описания, и мелкие картинки — все это у Вас свое собственное, оригинальное и хорошее.

Лучшее из Ваших детищ — это «Гордиев узел». Это труд капитальный. Какая масса лиц и какое изобилие

* своеобразный (лат.).

** тетушки (франц.).

положений! Номерная жизнь, Шураки, Голошапова с опухшим от пива рылом, дождь, Лелька, ее бардачок, сон Горича, особенно описание маскарада в клубе — все это великолепно сделано. В этом романе Вы не плотник, а токарь.

За «узлом» по достоинству следует «Поспелов». Лицо новое и оригинально задуманное. Во всей повестушке чувствуется тургеневский пошиб, и я не знаю, почему это критики прозевали и не обвинили Вас в подражании Тургеневу. Поспелов трогателен; он идейный человек и герой. Но, к сожалению, Вы субъективны до чертиков. Вам не следовало бы описывать себя. Право, было бы лучше, если бы Вы подсунули ему на дороге женщину и свои чувства вложили в нее...

«Идиллию» я ставлю в конце всего, хотя и знаю, что Вы ее любите. Начало и конец прекрасны, строго и умело выдержаны, в середине же чувствуется большая распушенность. Начать хоть с того, что всю музыку Вы испортили провинциализмами, которыми усыпана вся середка. Кабачки, отчини дверь, говорить и проч.— за все это не скажет Вам спасибо великоросс... Язык щедро попорчен, Бомбочка часто попадает на глаза, Агишев бледноват... Лучше всего описание мазурки...

В общем, по прочтении всех Ваших книг получается весьма определенное впечатление, сильно говорящее в пользу Вашей будущности. Теперь, если к книгам прибавить еще Ваши пьесы, «Дачного мужа», «Миньону», «Гремучую змею», если к тому же еще принять во внимание Вашу «аристократическую медлительность» и склонность к кабинетному труду («Русский мыслитель») ¹, то придется остановиться на решении, что Вы величина. Вы, не говоря уж о таланте, разнообразны, как актер старой школы, играющий одинаково хорошо и в трагедии, и в водевиле, и в оперетке, и в мелодраме. Это разнообразие, которого нет ни у Альбова, ни у Баранцевича, ни Ясинского, ни даже у Короленко, может служить симптомом не распушенности, как думают иные критики, а внутреннего богатства. Салютую Вам от души.

Теперь просьба. Умирает от чахотки один московский литератор². Ни гроша денег. Есть у него богатая гестра, живущая в Питере. Адрес ее неизвестен. Не можете ли Вы, голубчик, узнать в адресном столе ее адрес? Зовут ее так! жена врача Ольга Аполлоновна Митрофанова. Муж ее Дмитрий Васильевич. Жива ли она? Узнайте, будьте отцом родным.

Ничего не делаю. От нечего делать написал водевиль «Медведь». Прощайте, будьте здоровы. Простите за критику.

Ваш А. Чехов.

93

Я. П. ПОЛОНСКОМУ

22 февраля 1888, Москва

22 февр.

Благодарю Вас, уважаемый Яков Петрович, и за письмо, и за стихотворение «У двери»¹. То и другое получено, прочтено и спрятано в семейный архив для потомства, которое, надеюсь, будет и у меня... «У двери» пришло как раз в то время, когда у меня сидел известный Вам актер В. Н. Давыдов. И таким образом я сподобился услышать хорошее стихотворение в хорошем чтении. Мне и всем моим домочадцам стихотворение очень понравилось; впрочем, дамы протестовали против стиха «и смрад стоял на лестнице». Еще раз благодарю и прошу Вас верить, что я никогда не забуду Вашего лестного для меня, ободряющего внимания.

Вы спрашиваете в письме, что я пишу. После «Степи» я почти ничего не делал. Начал было мрачный рассказ во вкусе Альбова, написал около полулиста (не особенно плохо) и бросил до марта². От нечего делать написал пустынький французистый водевильчик под названием «Медведь»³, начал маленький рассказ для «Нового времени»⁴ и больше ничего. Весь февраль проболтался зря. Ходил из угла в угол или же читал свою медицину. На «Степь» пошло у меня столько соку и энергии, что я еще долго не возьмусь за что-нибудь серьезное.

Ах, если в «Северном вестнике» узнают, что я пишу водевили, то меня предадут анафеме! Но что делать, если руки чешутся и хочется учинить какое-нибудь тру-ла-ла! Как ни стараюсь быть серьезным, но ничего у меня не выходит, и вечно у меня серьезное чередуется с пошлым. Должно быть, планида моя такая. А говоря серьезно, очень возможно, что эта «планида» служит симптомом, что из меня никогда не выработается серьезный, основательный работник.

Я обязательно буду в Петербурге в начале или середине марта и обязательно воспользуюсь Вашим любезным приглашением и побываю у Вас. Позвольте пожелать Вам всего хорошего, наипаче здоровья и денег, и пребыть душевно преданным, уважающим,

А. Чехов.

94

А. Н. ПЛЕЩЕЕВУ

23 февраля 1888, Москва

23 февр.

Что с Вами, дорогой Алексей Николаевич? Правда ли, что Вы хвораете? *Quod licet bovi, non licet Iovi...** Что к лицу нам, нытикам и дохленьким литераторам, то уж совсем не подобает Вам, обладателю широких плеч... Я. П. Полонский писал мне, что у Вас бронхит и слабость по вечерам. Вероятно, Вы простудились и, что не подлежит сомнению, утомились. Вам нужно хотя на месяц совлечь с себя петербургского человека, махнуть на все рукой и обратиться в бегство. Поездка на Волгу — идея хорошая и здоровая. Свежий воздух, разнообразие видов и отсутствие стола с дамскими рукописями помогут скорее и вернее, чем доверовы порошки. Поездка обойдется очень дешево, дешевле грибов; еда на пароходах не совсем плохая; сырость и туманы** нас не одолеют, потому что мы будем тепло

* Что дозволено быку, не дозволено Юпитеру... — Чехов шутя перифразирует латинскую поговорку: «Что дозволено Юпитеру, то не дозволено быку».

** Ранней весной без них не обойтись, (Прим. А. П. Чехова.)

одеты; к тому же еще у Вас всегда под рукой будет доктор, хотя и плохой, но бесплатный. Seriously, Вы подумайте и дайте себе слово не отказываться от задуманной поездки. Короленко уверен, что Вы поедете...

Был я у Островского. Он с нетерпением ждет отклика моей «Степи». Сидел я у него часа два, и, к сожалению, я разболтался и говорил гораздо больше, чем он, а для меня, согласитесь, его разговоры гораздо полезнее, чем мои собственные...

Посылаемая рукопись¹ принадлежит перу московского литератора Н. А. Хлопова, автора нескольких пьес («На лоне природы» и проч.). Это талантливый, хороший и робкий человек, затертый льдами московского равнодушия. Ему страстно хочется выскочить, и он просил меня протезировать ему в Питере. Не найдете ли Вы возможным поместить его рассказик в «Северном вестнике»? Рассказ маленький, без претензий и написан достаточно талантливо. Почерк безобразный, противно читать, но это не суть важно. В случае, если найдете, что рассказ для «Северного вестника» неудобен, то будьте добры, вручите его при свидании Щеглову, чтобы сей последний передал его в «Новое время» Буренину с просьбой от моего имени — не бросать в корзину, а прочесть...

Жду самых хороших известий о Вашем здоровье. Поправляйтесь и приезжайте в Москву есть блины.

Вчера смотрел я Ленского — Отелло². Билет стоил 6 р. 20 коп., но игра не стоила и рубля. Постановка хорошая, игра добросовестная, но не было главного — ревности.

Будьте здоровы.

Весь Ваш

А. Чехов.

Почтение Вашему семейству.

А. Н. ПЛЕЩЕЕВУ

6 марта 1888, Москва

6 марта

Сегодня, дорогой Алексей Николаевич, я прочел 2 критики, касающиеся моей «Степи»: фельетон Буренина¹ и письмо П. Н. Островского². Последнее в высшей степени симпатично, доброжелательно и умно. Помимо теплого участия, составляющего сущность его и цель, оно имеет много достоинств, даже чисто внешних: 1) оно, если смотреть на него как на критическую статейку, написано с чувством, с толком и с расстановкой, как хороший, дельный рапорт; в нем я не нашел ни одного жалкого слова, чем оно резко отличается от обычных критических фельетонов, всегда поросших предисловиями и жалкими словами, как заброшенный пруд водорослями; 2) оно до крайности понятно; сразу видно, чего хочет человек; 3) оно свободно от мудрствований об атавизме, паки бытии и проч., просто и холодно трактует об элементарных вещах, как хороший учебник, старается быть точным и т. д. и т. д.— всего не сочтешь... Я прочел письмо Петра Николаевича три раза и жалею теперь, что он прячется от публики. Среди журнальных работников он был бы очень нелишним. Важно не то, что у него есть определенные взгляды, убеждения, мировоззрение — все это в данную минуту есть у каждого человека, — но важно, что он обладает *методом*; для аналитика, будь он ученый или критик, метод составляет половину таланта.

Завтра я поеду к Петру Николаевичу и предложу ему одну штуку. Я напому ему двенадцатый год и партизанскую войну, когда бить француза мог всякий желающий, не надевая военного мундира; быть может, ему понравится моя мысль, что в наше время, когда литература попала в плен двенадцати тысяч лжеучений, партизанская иррегулярная критика была бы далеко не лишней. Не захочет ли он, минуя журналы и газеты, выскочить из засады и налететь наско-

ком, по-казацки? Это вполне исполнимо, если вспомнить о брошюрочном способе. Брошюра теперь в моде; она недорога и легко читается. Попы это поняли и ежедневно бомбардируют публику своими фарисейскими отрыжками. Петр Николаевич в убытке не будет.

Теперь — как Ваше здоровье? Выходите ли Вы на воздух? Если судить по критике Буренина о Мережковском, то у Вас теперь 15—20° мороза...³ Холодно чертовски, а ведь бедные птицы уже летят в Россию! Их гонят тоска по родине и любовь к отечеству: если бы поэты знали, сколько миллионов птиц делаются жертвою тоски и любви к родным местам, сколько их мерзнет на пути, сколько мук претерпевают они в марте и в начале апреля, прибыв на родину, то давно бы воспели их... Войдите Вы в положение коростеля, который всю дорогу не летит, а идет пешком, или дикого гуся, отдающегося живьем в руки человека, чтобы только не замерзнуть... Тяжело жить на этом свете!

Я приеду в Питер в начале поста, через 2—3 дня после того, как получу из «Северного вестника» гонорар. Если во вторник Вы будете в редакции, то, проходя мимо конторщицы, напомните ей о моем существовании и безденежье.

Весь февраль я не напечатал ни одной строки, а потому чувствую большой кавардак в своем бюджете.

Надеюсь, что Вы не забыли про Волгу.

Будьте здоровы; желаю Вам хорошего аппетита, хорошего сна и побольше денег.

До свиданья.

Ваш А. Чехов.

96

М. П. ЧЕХОВУ

15 марта 1888, Петербург

Пишу сие в редакции «Нового времени». Только что вошел Лесков. Если он не помешает, то письмо будет кончено.

Доехал я благополучно, но ехал скверно благодаря болтливому Лейкину. Он мешал мне читать, есть,

спать... Все время, стерва, хвастал и приставал с вопросами. Только что начинаю засыпать, как он трогает меня за ногу и спрашивает:

— А вы знаете, что моя «Христова невеста»¹ переведена на итальянский язык?

Остановился я в «Москве», но сегодня переезжаю в редакцию «Нового времени», где т-те Суворина предоставила мне 2 комнаты с роялем и с кушеткой в турнюре. Поселяюсь у Суворина — это стеснит меня немало.

Сухари отданы Александру. Семья его здрава, сыта, одета чисто. Он не пьет абсолютно, чем немало удивил меня.

Идет снег. Холодно. Куда ни приду, всюду говорят о моей «Степи». Был у Плещеева, Щеглова и проч., а вечером еду к Полонскому.

Я переехал на новую фатеру. Рояль, фисгармония, кушетка в турнюре, лакей Василий, кровать, камин, шикарный письменный стол — это мои удобства. Что касается неудобств, то их не перечесть. Начать хоть с того, что я лишен возможности явиться домой в подпитии и с компанией...

До обеда — длинный разговор с т-те Сувориной о том, как она ненавидит род человеческий, и о том, что сегодня она купила какую-то кофточку за 120 р.

За обедом разговор о мигрени, причем детишки не отрывают от меня глаз и ждут, что я скажу что-нибудь необыкновенно умное. А по их мнению, я гениален, так как написал повесть о Каштанке. У Сувориных одна собака называется Федором Тимофеичем, другая Теткой, третья Иваном Ивановичем.

От обеда до чая хождение из угла в угол в суворинском кабинете и философия; в разговор вмешивается, но невпопад, супруга и говорит басом или изображает лающего пса.

Чай. За чаем разговор о медицине. Наконец, я свободен, сижу в своем кабинете и не слышу голосов. Завтра убегаю на целый день: буду у Плещеева, в Сабашниковском вестнике², у Полонского, у Палкина и вернусь поздно ночью без задних ног. Кстати: у меня

особый сортир и особый выход — без этого хоть ложись да умирай. Мой Василий одет приличнее меня, имеет благородную физиономию, и мне как-то странно, что он ходит возле меня благоговейно на цыпочках и старается предугадать мои желания.

Вообще неудобно быть литератором.

Хочется спать, а мои хозяева ложатся в 3 часа. Здесь не ужинают, а к Палкину идти лень.

Честь имею кланяться. Поклоны всем.

Писать лень, да и мешают.

Votre à tous * А. Чехов.

Ночь. Слышен стук бильярдных шаров: это играют Гей и мой Василий. Подойдя к своей постели, я нахожу стакан молока и кусок хлеба; голоден. Ложусь и читаю отрывной календарь «Стрекозы».

Вот и все умное и великое, что успел я совершить по приезде в С.-Петербург.

97

Я. П. ПОЛОНСКОМУ

25 марта 1888, Москва

25 марта

Позвольте мне покаяться перед Вами, уважаемый Яков Петрович, и попросить отпущения грехов. Виноват я, во-первых, что не сдержал своего слова и не был у Вас в пятницу¹. Я уже наказан, так как эта моя вина заключает в себе самой и наказание: я был лишен удовольствия поглядеть на Ваши пятницы и познакомиться с Вашим семейством, которое давно уже знаю и уважаю, т. е. я не получил того, о чем думал, когда ехал в Петербург. В пятницу весь день я похварывал и сидел дома; Суворины, если Вы спросите у них, засвидетельствуют Вам это... Во-вторых, я вино-

* Весь ваш (искаж. франц.).

ват перед Вами еще, аки тать и разбойник. Я совершил дневной грабеж: пользуясь Вашей записочкой, я взял в магазине Гаршина *все* томы Ваших сочинений. Вы разрешили мне взять только ту прозу, которой у меня недостает, я же взял и прозу и стихи. Тут отчасти виновата сама Е. С. Гаршина (с которой я просидел целый час: оказалось, что мы земляки). Она не поняла записки и завернула мне все, кроме «Крутых горок»² и мелких рассказов, так что об убытках, причиненных мною Вам, я узнал только по прибытии домой. Итак, знайте, что я Ваш должник.

После покаяния просьба. Я издаю новый сборник своих рассказов. В этом сборнике будет помещен рассказ «Счастье», который я считаю самым лучшим из всех своих рассказов. Будьте добры, позвольте мне посвятить его Вам. Этим Вы премного обяжете мою музу. В рассказе изображается степь: равнина, ночь, бледная заря на востоке, стадо овец и три человеческие фигуры, рассуждающие о счастье. Жду Вашего позволения³.

Я нанял себе дачу около города Сум на реке Псле. Место поэтическое, изобилующее теплом, лесами, хохлами, рыбой и раками. От дачи недалеко Полтава, Ахтырка и другие прославленные хохлацкие места. Понятно, что я дорого дал бы за удовольствие пригласить Вас с Вашей музой и красками на юг попутешествовать с Вами вдоль и поперек Хохландии, от Дона до Днепра.

Когда Вы будете ехать через Москву, то дайте мне возможность повидаться с Вами, а пока позвольте пожелать Вам побольше денег, здоровья и счастья. Верьте в искреннюю преданность уважающего Вас

А. Чехова.

Забыл я спросить у Вас о судьбе Вашей комедии, о которой мы говорили зимою.

К. С. БАРАНЦЕВИЧУ

30 марта 1888, Москва

30 марта

Добрейший Казимир Станиславович!

Ответ на Ваши письма Вам послан, и я удивляюсь, что Вы еще не получили его. Поручения Ваши исполнены. Сегодня я еще раз был у Вернеров, и они сказали мне, что деньги Вам высланы¹.

Что касается сборника «Памяти Гаршина», то я могу только пожать Вам руку и поблагодарить. Мысль Ваша заслуживает и сочувствия, и уважения уж по одному тому, что подобные мысли, помимо их прямой цели, служат еще связующим цементом для немногочисленной, но живущей вразброс и в одиночку пишущей братии. Чем больше сплоченности, взаимной поддержки, тем скорее мы научимся уважать и ценить друг друга, тем больше правды будет в наших взаимных отношениях. Не всех нас ожидает в будущем счастье. Не надо быть пророком, чтобы сказать, что горя и боли будет больше, чем покоя и денег. Потому-то нам нужно держаться друг за друга, и потому-то мне симпатичны Ваша мысль и Ваше последнее письмо, в котором Вы так любите Гаршина².

Я непременно пришлю что-нибудь для сборника. Вы только потрудитесь написать мне, к какому числу я должен прислать и могут ли идти в сборник вещи, уже бывшие в печати?³ На последнее желателен утвердительный ответ, так как теперь я отбился от рук и потерял (не знаю, надолго ли) способность творить мелкие вещи. Я, пожалуй, напишу небольшой рассказ, но заранее предупреждаю (нимало не скромничая), что он выйдет и плох и пуст. Странный стих нашел на меня...

Если в сборник пойдут вещи, уже бывшие в печати, то он не проиграет: каждый автор выберет лучшее. Будьте здоровы. Желаю Вам успеха.

Ваш А. Чехов.

10—15 листов мало. Печатайте 20. Писали ли Вы Короленко? Если нет, то дайте знать, я напишу ему.

99

А. Н. ПЛЕЩЕЕВУ

31 марта 1888, Москва

31 марта

Милый Алексей Николаевич! На дворе идет дождь, в комнате у меня сумеречно, на душе грустно, работать лень — вообще я выбился из колеи и чувствую себя не в своей тарелке. Но тем не менее это письмо не должно быть грустным. Пока я пишу его, меня волнует веселая мысль, что через 30—35 дней я буду уже далеко от Москвы. Я уже нанял себе дачу в усадьбе на реке Псле (приток Днепра), в Сумском уезде, недалеко от Полтавы и тех маленьких, уютных и грязеньких городов, в которых свирепствовал некогда Ноздрев и ссорились Иван Иванович с Иваном Никифоровичем. Третьего дня я послал задаток. Псел река глубокая, широкая, богатая рыбой и раками. Кроме него, на моей даче имеется еще пруд с карасями, отделенный от реки плотинкой. Дача расположена у подошвы горы, покрытой садом. Кругом леса. Изобилие барышень.

Вы так нерешительно говорили о Волге, что едва ли можно сомневаться в том, что путешествие наше не состоится. Если Вы не поедете на Волгу, то приезжайте ко мне на Псел! От Москвы туда сутки езды, и III класс стоит 10 р. 30 коп. Место, уверяю Вас, восхитительное. Там

Все тихо... тополи над спящими водами,
Как призраки, стоят луной озарены...
За рекою слышны песни
И мелькают огоньки¹.

Даю Вам честное слово, что мы не будем делать *ничего*, окунемся в безделье, которое для Вас так здорово. Мы будем есть, пить, рано вставать, рано ложиться, ловить рыбу, ездить по ярмаркам, музицировать и больше ничего. От такого режима Вы убавите себе живот, загореете, повеселеете и переживете время, когда

И сердце спит и ум в оцепененье...

Вся моя команда будет состоять сплошную из молодежи, а где молодежь, там Ваше присутствие, что Вы уже не раз испытали, имеет свою особую прелесть.

Вот юность пылкая теснится
Вокруг седого старика...

В конце мая или в начале июня — вообще, когда хотите — укладывайте чемодан, берите денег только на проезд, запасайтесь сигарами, которых Вы на юге, пожалуй, не найдете, прощайтесь с Меланхолической Мандолиной² на целый месяц и

Вперед! без страха и сомненья...

Привозите с собой Щеглова. Ваш сын Николай Алексеевич тоже обещал приехать и, конечно, не приедет, так как его не пустит служба.

Как и куда ехать, я напишу Вам в мае.

Пишу повестушку для «Северного вестника» и чувствую, что она хромает³. Читал сегодня Аристархова в «Русских ведомостях»⁴. Какое лакейство перед именами и какое отечески-снисходительное бормотанье, когда дело касается начинающих! Все эти критики — и подхалимы и трусы: они боятся и хвалить, и бранить, а кружатся в какой-то жалкой, серой середине. А главное, не верят себе... «Живые цифры» — вздор, который трудно читать и понимать. Аристархов с трудом читал и не понимал, но разве у него хватит мужества признаться в этом? Моя «Степь» утомила его, но разве он сознается в этом, если другие кричат: «Талант! талант!»? Впрочем, ну их к лешему!

Передайте Николаю Алексеевичу, что я виделся с Иваном Максимовичем Кондратьевым (агентом драматического общества) и что сей последний выслал гонорар Александру Алексеевичу 26 марта, как обещал; гонорар выслан весь, без вычетов.

Ну, будьте здоровы. Поклонитесь Вашим и А. М. Евреиновой. На днях я получил от Я. П. Полонского душевное письмо. Прощайте.

Ваш всей душой *А. Чехов.*

100

А. С. СУВОРИНУ

5 апреля 1888, Москва

3 апреля 88

Уважаемый Алексей Сергеевич! От лучшей бумаги, как Вы говорили брату и как он писал мне, моя книжка¹ станет дороже почти вдвое. Это было бы ничего, если бы я был уверен, что мое издание не сядет на мель, но так как этой уверенности у меня нет, то приходится взять и сделать по-старому, т. е. печатать на дешевой бумаге. Это не суть важно. А коли нужно, чтобы книга была потолще, то я пришлю еще текста, которого у меня куры не клюют. Мечты же об изяществе издания я целиком перенесу на «Каштанку»; если рисунки будут хороши² и издание изящно, то не жалко будет и убыток понести.

Благодарю Вас за Крамского, которого я теперь читаю³. Какая умница! Если бы он был писателем, то писал бы непременно длинно, оригинально и искренно, и я жалею, что он не был писателем. Наши беллетристы и драматурги любят в своих произведениях изображать художников; теперь, читая Крамского, я вижу, как мало и плохо они и публика знают русского художника. Я не думаю, чтобы Крамской был единственным; вероятно, в мире Репиных и Бакаловичей найдется немало замечательных людей.

В издании, по моему мнению, в отделе «приложений» есть пропуск, который для многих покажется су-

шественным: нет реферата, или, вернее, доклада о болезни и смерти Крамского, читанного в медицинском обществе Сергеем Петровичем Боткиным.

Спасибо Виктору Петровичу за фельетон о Гаршине⁴. Говорят, что Гаршин мечтал об историческом романе и, вероятно, начал его. Интересно, что за неделю до смерти он знал, что бросится в пролет лестницы, и готовился к этому концу. Невыносимая жизнь! А лестница ужасная. Я ее видел: темная, грязная...⁵

Из писателей последнего времени для меня имеют цену только Гаршин, Короленко, Щеглов и Маслов. Все это очень хорошие и не узкие люди. Ясинский непонятен (это или добросовестный мусорщик, или же умный пройдоха), Альбов и Баранцевич наблюдают жизнь в потемках и сырости водосточных труб, все же остальные бездарны и сунулись в литературу только потому, что литература представляет собой широкое поприще для подхалимства, легкого заработка и лени.

Передайте моей теще Анне Ивановне⁶, что синяя материя, которую мы покупали вместе у Коровина, понравилась сестре — *очень*. Насте и Боре поклон. Я непременно приеду в Феодосию. Дачу я себе нанял на реке Псле (приток Днепра), в усадьбе. Из Украины до Крыма близко. Не поручите ли Вы мне купить для Вас рыболовных снастей? У завятых рыболовов есть примета: чем дешевле и хуже снасти, тем лучше ловится рыба. Я обыкновенно покупаю сырой материал, и уж из него сам делаю то, что нужно.

Мои доброжелатели-критики радуются, что я «ушел» из «Нового времени»⁷. Надо бы поэтому, пока радость их еще не охладилась, возможно скорее напечатать что-нибудь в «Новом времени». Но нет сил писать. Никак не покончу с повестушкой (разговор с инженерами в бараче); она связала меня по рукам и ногам⁸.

Простите, что письмо вышло так длинно, и позвольте еще раз поблагодарить Вас за гостеприимство и радушие. Ей-богу, мне не хотелось уезжать от Вас. Желаю Вам всего хорошего. Искренно преданный

А. Чехов.

А. Н. ПЛЕЩЕЕВУ

9 апреля 1888, Москва

9 апр.

Милый Алексей Николаевич. Получил я вчера от Вашего Александра Алексеевича письмо, в котором он приводит строки из Вашего письма к нему. Пишет он о Салтыкове¹ и о Вашем желании иметь возможно скорее мою повесть для «Северного вестника». Первое для меня крайне лестно, на второе же отвечаю тако. Я давно уже (с середины апреля) сижу за небольшою (1—1½ печатных листа) повестушкой для «Северного вестника», давно уже пора кончить ее, но — увы! — чувствую, что я ее кончу едва к маю. К прискорбию моему, она у меня не вытанцовывается, т. е. не удовлетворяет меня, и я порешил выслать Вам ее не ранее, пока не поборю ее. Сегодня я прочел все написанное и уже переписанное начисто, подумал и решил начать опять снова. Пусть она выйдет плоха, но все-таки я буду знать, что отнесся я к ней добросовестно и что деньги получил не задаром.

Повестушка скучная, как зыбь морская; я сокращал ее, шлифовал, фокусничал, и так она, подлая, надоела мне, что я дал себе слово кончить ее непременно к маю, иначе я ее заброшу ко всем чертям².

Во всяком случае, передайте Анне Михайловне, что я не тороплюсь исполнить свое обещание только потому, что недоволен своей работой. Вышлю, когда мне будет казаться, что я доволен или почти доволен. Во всяком случае, «Северный вестник» может считать себя по части моей беллетристики *обеспеченным* на июньскую или в крайнем случае на июльскую. Вернее, что на июньскую... Я бы и сейчас послал повесть, но не нахожу полезным торопиться. Я трус и мнителен; боюсь торопиться и вообще боюсь печататься. Мне все кажется, что я скоро надоем и обращусь в поставщики балласта, как обратились Ясинский, Мамин, Бажин и проч., как и я, «подававшие большие надежды». Боязнь эта имеет свое основание: я давно уже печата-

юсь, напечатал пять пудов рассказов, но до сих пор еще не знаю, в чем моя сила и в чем слабость.

Теперь об авансе. Об этой штуке Вы не раз писали мне, говорил о ней и Короленко. Если понадобится, то я воспользуюсь любезностью редакции и не буду чувствовать себя неловко, ибо в долгу не останусь. Теперь пока мне еще не нужны деньги. Понадобятся, вероятно, в конце апреля. Если увижу, что без аванса не обойтись мне, то напишу.

Что касается Введенского, то претензия его на меня мне кажется неожиданной и по меньшей мере странной³. Быть у него я не мог, потому что незнаком с ним. Во-вторых, я не бываю у тех людей, к которым я равнодушен, как не обедаю на юбилеях тех писателей, которых я не читал. В-третьих, для меня еще не наступило время, чтобы идти в Мекку на поклонение...

Был у меня Островский. Ездили вместе в Третьяковскую галерею. У меня он познакомился с Короленко.

Я готов поклясться, что Короленко *очень* хороший человек. Идти не только рядом, но даже за этим парнем, весело.

Вы сильно огорчите меня, если не приедете в Украину. Что я должен пообещать Вам, чтобы Вы тронулись из Питера?

Погода чудесная. Работать совсем не хочется. Кланяйтесь Вашим и редакции.

Будьте здоровы и живите так, чтобы каждую минуту чувствовать весну.

Ваш А. Чехов.

Прочел я это письмо и нахожу, что оно написано очень не литературно.

102

Л. Н. ТРЕФОЛЕВУ

14 апреля 1888, Москва

14 апр.

Уважаемый Леонид Николаевич!

На этих днях к Вам явится с моею визитной карточкой подозрительная личность... Это Дмитрий Ива-

нов, крестьянин, 12 лет, грамотный, сирота, беспаспортный и проч., и проч., и проч. По его словам, в Москву он приехал из Ярославля с матерью; мать умерла, и он остался на бобах. Жил он в Москве в «Аржановской крепости»¹ и занимался милостыней. Эта профессия, как Вы и сами заметите, сильно отразилась на нем: он худ, бледен, много врет, сочиняет болезни и проч. На мой вопрос, хочет ли он ехать на родину, т. е. в Ярославль, он ответил согласием. Сестра моя собрала для него деньжишек и одежонки, и завтра наша кухарка повезет его на вокзал.

Мальчик говорит, что в Ярославле у него есть тетка. Адрес ее ему не известен. Если у Вас в Ярославле нет адресного стола, то не найдете ли Вы возможным указать мальчугану те пути, по коим у Вас в городе отыскиваются тетки и дядьки? Куда ему идти? В полицию? В мещанскую управу? Может ли он жить в Ярославле без паспорта? Если нет, то куда ему обратиться за паспортом? Он грамотен и уверяет, что хочет работать. Если не врет, то не найдется ли ему где-нибудь местечко? В типографии, например?

Смотритель одного большого училища-пансиона, мой хороший знакомый², пожертвовал мальчугану из казенного добра следующие вещи: сапоги, костюм из серой материи, халат, парусиновый костюм, двое кальсон и две рубахи. Когда к Вам явится мальчуган, то Вы объявите ему, что Вам уже все известно, что у него такие-то и такие-то вещи, что Вы имеете громадную власть и что если он продаст или потеряет что-нибудь из одежды или променяет штаны на пряники, то с ним будет поступлено со всей строгостью законов. Так и скажите ему, что если что пропадет, то о нем Бисмарк скажет речь в рейхстаге и Сади-Карно сделает визит Фрейсине.

Если он к Вам не явится, то придется, к прискорбию, заключить, что он вернулся назад в Москву, продал одежду и билет, т. е. надул.

Простите ради бога, что я, будучи знаком с Вами только наполовину, беру на себя смелость беспокоить Вас просьбой и поручениями. Я не имею на это никакого права. Но утешаю себя надеждой, что Вы пой-

мете мотивы, заставившие меня беспокоить Вас, и в будущем позволите мне отплатить Вам услугой за услугу.

Обещанной карточки я не получил от Вас. Быть может, Вы раздумали посылать, но я все-таки жду.

Если отвечать на это письмо будете до мая, то мой адрес таков: «Москва, Кудринская Садовая, д. Корнеева», если же после первого мая, то адресуйте Ваше письмо (с карточкой) так: «г. Сумы, Харьковской губернии, усадьба А. В. Линтваревой».

Был я недавно в Питере. Хороший, деловой город. Москва спит и киснет. Все мы застыли и уподобились желе. Поссорились было с Л. И. Пальминым, да опять помирились.

Будьте здоровы и простите за беспокойство уважающего Вас

А. Чехова.

103

А. Н. ПЛЕЩЕЕВУ

17 апреля 1888, Москва

17 апр.

Дорогой Алексей Николаевич! Спешу ответить на Ваше письмо. Выеду я из Москвы в Сумы *пятого* мая и, стало быть, буду в усадьбе в ночь под *седьмое*. После этого числа Вы можете застать меня в усадьбе *ежедневно* от 9 часов утра до 9 часов утра. Милости просим! Вот Вам маршрут: Вы едете *до Курска*, *отсюда на Ворожбу*, *из Ворожбы в Сумы*. Если сегодня выедете из Москвы, то завтра в 12 часов ночи будете в Сумах. Выехав из Курска, или лучше, обедая в Курске, Вы не забудьте послать такую телеграмму: «Сумы, Линтваревой. Скажите Чехову: еду. Плещеев». Я выеду на вокзал встречать Вас.

Вы боитесь стеснить мою семью? Ну, а я боюсь, что мы Вас стесним, т. е. не дадим Вам того комфорта, какой подобает Вашему чину; мы серьезно боимся, ибо еще не знаем, каковы комнаты в нашей усадьбе,

какова мебель и проч. Мы наняли наудачу. Очень возможно, что мы вместо палатки найдем свинной хлевок. Завтра братишка¹ едет произвести рекогносцировку. Во всяком случае, во всю ивановскую будем стараться обставить Вашу жизнь возможно комфортабельнее и задержать Вас больше, чем на две недельки. А что Вы нас не стесните, Вы в этом убедитесь, познакомившись с моей командой.

Теперь о повести². Вы предохраняете меня от излишней отделки и боитесь, чтобы, перестаравшись, я не стал холоден и сух. Это резон и большой резон, но история в том, что речь в моем письме шла вовсе не об отделке. Я переделывал *весь* корпус повести, оставив в целости только один фундамент. Мне не нравилась *вся* повесть, а не в деталях. Тут поневоле просидишь вместо одного месяца целых три. Вообще повесть выйдет не из аховых, критики только носом покрутят. Это я не скромничаю. Достоинство повести: краткость и кое-что новенькое... Стало быть, повесть по случаю Вашего отъезда будет послана на имя Анны Михайловны. Буду просить у нее аванс.

Мне кажется, что относительно Короленко Вы заблуждаетесь³. Из наших разговоров о Вас я заметил только одно, что он чтит Вас сильно и искренно. Того мнения о Вас, которое Вы подозреваете в нем, он, честное слово, не высказывал мне даже намеком. У Михайловского он бывал и будет бывать, так как он, подобно мне, провинциал, т. е. человек, далеко стоящий от редакционного центра и принимающий не так близко к сердцу все редакционные события. Петербургские пожары обжигают только петербуржцев, а москвичи и нижегородцы знакомы с этими пожарами только из писем да газет, т. е. теоретически. Впрочем, я, кажется, пишу уже вздор. Умолкни, муза!

О гаршинском сборнике потолкуем летом в Сумах⁴.

Я приглашал Щеглова нанять дачу по соседству со мной, уверял его, что это стоит гроши, соблазнял его всеми благами мира (кроме женщин, которых он, как женатый, должен отрицать), но он отказался, ссылаясь на какой-то «родственный клобок». Эти род-

ственники его, точно глисты, замучили. Экий малодушный человек!

Поклонитесь всем Вашим и будьте здоровы. Погода хорошая, хочется гулять.

Ваш А. Чехов.

Денег нет! О ужас! Как только приеду в Сумы, тотчас же сяду строчить мелочь.

Я хочу взять у Анны Михайловны аванс в размере *пятисот* (250 сейчас и 250 в июне). Даст?..

Из Москвы в Курск идет почтовый поезд в три часа пополудни. Садитесь на этот поезд.

104

К. С. БАРАНЦЕВИЧУ

25 апреля 1888, Москва

25 апрель

Милый Казимир Станиславович, Христос воскрес! Получил Ваше письмо вчера с кучею других писем и отвечаю Вам первому. Что Вы не спешите со сборником, это дурно. Надо бы одно из двух: или издать его тотчас же, пока еще свежо впечатление, или же отложить до осени... Что сборник попадет в историю русской литературы, утешительно мало, ибо эту историю пишут те же гг. Аристарховы и Скабичевские, которые пишут плохие рецензии... Засим, объединение молодых писателей не может произойти только оттого, что фамилии их будут напечатаны в одном оглавлении... Для объединения нужно кое-что другое; нужны если не любовь, то хоть уважение друг к другу, взаимное доверие и абсолютная честность в отношениях¹, т. е. нужно, чтобы я, умирая, был уверен в том, что после моей смерти г. Бибилов не будет печатать во «Всемирной иллюстрации» нелепых воспоминаний обо мне, что товарищи не позволят г. Леману читать на моей могиле речь от имени молодых писателей, к которым г. Леман принадлежать не имеет права, ибо он

не писатель, а только прекрасный игрок на бильярде; что при жизни я не буду завистничать, ненавистничать и сплетничать; и быть уверенным, что товарищи мне будут платить тем же, что мы будем прощать недостатки друг друга и т. д. и т. д. А всего этого не может дать сборник!

Под сборником я прежде всего разумею добросовестное и полезное коммерческое предприятие, имеющее целью собрать возможно больше денег,— в этом главное назначение сборника.

У меня дача разваленная, лишенная всяких удобств, но место найдется для гостей. Природа, как пишут мне, чудная. *Приезжайте же.* Мой летний адрес: г. Сумы, усадьба Линтваревой.

От 15 мая по 2—3 июня у меня будет гостить А. Н. Плещеев. 4 июня я уеду в Крым и вернусь к петрову дню. Стало быть, жду Вас в мае, в июле и в августе... Будем ловить рыбу и раков.

Прощайте. Будьте здоровы.

Ваш А. Чехов.

105

И. Л. ЛЕОНТЬЕВУ-ЩЕГЛОВУ

10 мая 1888, Сумы

10 мая. Сумы, Харьк. губ., усадьба А. В. Линтваревой

Капитан! Я уже не литератор и не Эгмонт. Я сижу у открытого окна и слушаю, как в старом, заброшенном саду кричат соловьи, кукушки и удоды. Мне слышно, как мимо нашей двери проезжают к реке хохлята верхом на лошадях и как ржут жеребята. Солнце печет...

Сейчас я еду в город за провизией и на почту. Вернувшись из города, пойду на реку ловить рыбу. Река широкая, глубокая, с островами... Один берег высокий, крутой, обросший дубами и вербой, другой отлогий, усыпанный белыми хатками и садами. По реке шныряют лодки. Вчера, в николин день, хохлы ездили

по реке и играли на скрипках. Кричат лягушки и всякие птицы. Кричит где-то в камышах какая-то таинственная птица, которую трудно увидеть и которую зовут здесь бугаем. Кричит она, как корова, запертая в сарае, или как труба, будящая мертвецов. Ее слышно день и ночь. По берегу ходят с удилищами хохлята.

Много лодок. Ездим каждый день на мельницу. Место чудное. Право, нужно быть большим крокодиллом, чтобы подобно Вам коптеть теперь в городе. Послушайте, отчего бы Вам не приехать? Если у Вас есть 70 рублей, то, уверяю Вас, этих денег совершенно достаточно, чтобы приехать, пожить в свое удовольствие и благополучно вернуться. Если же у Вас нет этих денег, то возьмите займы, украдьте, но приезжайте. Потратите Вы 70 р., но вернете 700. Вы найдете здесь немало сюжетов и запасетесь гарниром на пять повестей. А сколько здесь декораций, которые пригодились бы Вам!

Приезжайте. Места хватит на всех. Приглашаю я Вас *серьезно*, а посему и Вы подумайте серьезно¹.

Пишите мне. В деревне очень интересны газеты и письма. Будьте здоровы и богом хранимы.

Р. S. Нужника нет. Приходится отдавать долг природе на глазах природы, в оврагах и под кустами. [...]

Ваш А. Чехов.

106

Н. А. ЛЕЙКИНУ

11 мая 1888, Сумы

11 мая, г. Сумы, Харьк. губ., усадьба А. В. Линтваревой

Здравствуйте, добрейший Николай Александрович! Пишу Вам из теплого и зеленого далека, где я уже водворился купно с своей фамилией. Живу я в усадьбе близ Сум на высоком берегу реки Псла (приток

Днепра). Река широкая и глубокая; рыбы в ней столько, что если бы пустить сюда Вашего бородатого Тимофея, то он сбесился бы и забыл, что служил когда-то у графа Строганова.

Вокруг в белых хатах живут хохлы. Народ все сытый, веселый, разговорчивый, остроумный. Мужики здесь не продают ни масла, ни молока, ни яиц, а едят все сами — признак хороший. Нищих нет. Пьяных я еще не видел, а матерщина слышится очень редко, да и то в форме более или менее художественной. Помещики — хозяева, у которых я обедаю, люди хорошие и веселые.

Очень жалею, что Вы почти на все лето остаетесь сиротой. Одному на даче скучновато, особенно если кругом нет знакомых, которые симпатичны. [...]

Катаетесь ли Вы на лодке? Прекрасная гимнастика. Я ежедневно катаюсь на лодке и с каждым разом убеждаюсь все более и более, что работа веслами упражняет мышцы рук и туловища, отчасти ног и шеи, и что таким образом эта гимнастика приближается к общей.

С «Сатиром и нимфой»¹ у меня произошел досадный казус. Еще до Вашего приезда в Москву взял у меня книгу переплетчик (работающий для училища брата); взял, запил и доставил только на фоминой неделе. Прочсть я не успел, хотя мне очень хотелось покритиковать Вас. Я читал роман в газете, помню и купца, и Акулину, и дьяволящую Катерину, и адвоката, и Пантелея, помню завязку и развязку; но знания действующих лиц и содержания романа недостаточно для того, чтобы сметь суждение иметь. Люди в романе живые, но ведь для романа этого недостаточно. Нужно еще знать, как Вы справились с архитектурой. Вообще меня очень интересуют Ваши большие вещи, и я читаю их с большим любопытством. «Стукин и Хрустальников»², по моему мнению, очень хорошая вещь, гораздо лучше тех романов, которые пекутся бабами, Мачтетом и проч. «Стукин» лучше «Рабы» Баранцевича... Главное Ваше достоинство в больших вещах — отсутствие претензий и великолепный разговорный язык. Главный недостаток — Вы любите по-

вторяться, и в каждой большой вещи Пантелеи и Катерины так много говорят об одном и том же, что читатель несколько утомляется. Засим, еще одно достоинство: чем проще фабула, тем лучше, а Ваши фабулы просты, жизненны и не вычурны. На Вашем месте я написал бы маленький роман из купеческой жизни во вкусе Островского; описал бы обыкновенную любовь и семейную жизнь без злодеев и ангелов, без адвокатов и дьяволиц; взял бы я сюжетом жизнь ровную, гладкую, обыкновенную, какова она есть на самом деле, и изобразил бы «купеческое счастье», как Помяловский изобразил мещанское. Жизнь русского, торгового человека цельнее, полезнее, умнее и типичнее, чем жизни нытиков и пыжиков, которых рисует Альбов, Баранцевич, Муравлин и проч. Однако я заболтался. Будьте здоровы. Поклон Вашим... Пишите.

Ваш А. Чехов.

107

В. Г. БОРОЛЕНКО

20-е числа мая 1888, Сумы

Г. Сумы, усадьба А. В. Линтваревой

Посылаю Вам, милый Владимир Галактионович, свою книжицу¹ и напоминаю Вам, кстати, о Вашем обещании побывать на Псле. Уж очень у меня хорошо, так хорошо, что и описать нельзя! Природа великолепна, всюду красиво, простора пропасть, люди хорошие, воздух теплый, тоны тоже теплые, мягкие. Вечерами не бывает сырости, ночи теплые... Одним словом, Вы не раскаетесь, если приедете. Жду Вас в конце июля или в августе и надеюсь, что Вы не откажете мне съездить со мной на Сорочинскую ярмарку.

У меня гостит А. Н. Плещеев, который Вам кланяется «очень даже» (его слова). Семья тоже шлет свой привет. Будьте здоровы, и да хранят Вас небесные ангелы.

Ваш А. Чехов.

А. С. СУВОРИНУ

30 мая 1888, Сумы

30 мая, Сумы, усадьба Линтваревой

Уважаемый Алексей Сергеевич!

Отвечаю на Ваше письмо, которое получено мною только вчера; конверт у письма разорван, помят и испачкан, чему мои хозяева и домочадцы придали густую политическую окраску¹.

Живу я на берегу Псла, во флигеле старой барской усадьбы. Нанял я дачу заглазно, наугад и пока еще не раскаялся в этом. Река широка, глубока, изобильна островами, рыбой и раками, берега красивы, зелени много... А главное, просторно до такой степени, что мне кажется, что за свои сто рублей я получил право жить на пространстве, которому не видно конца. Природа и жизнь построены по тому самому шаблону, который теперь так устарел и бракуется в редакциях: не говоря уж о соловьях, которые поют день и ночь, о лае собак, который слышится издали, о старых запущенных садах, о забытых наглухо, очень поэтических и грустных усадьбах, в которых живут души красивых женщин, не говоря уже о старых, дышащих на ладан лакеях-крепостниках, о девицах, жаждущих самой шаблонной любви, недалеко от меня имеется даже такой заезженный шаблон, как водяная мельница (о 16 колесах) с мельником и его дочкой, которая всегда сидит у окна и, по-видимому, чего-то ждет. Все, что я теперь вижу и слышу, мне кажется, давно уже знакомо мне по старинным повестям и сказкам. Новизной повеяло на меня только от таинственной птицы — «водяной бугай», который сидит где-то далеко в камышах и днем и ночью издает крик, похожий отчасти на удар по пустой бочке, отчасти на рев запертой в сарае коровы. Каждый из хохлов видел на своем веку эту птицу, но все описывают ее различно, стало быть никто ее не видел. Есть новизна и другого сорта, но наносная, а потому и не совсем новая.

Каждый день я езжу в лодке на мельницу, а вечерами с маньяками-рыболовами из завода Харитоненко отправляюсь на острова ловить рыбу. Разговоры бывают интересные. Под тройцу все маньяки будут ночевать на островах и всю ночь ловить рыбу; я тоже. Есть типы превосходные.

Хозяева мои оказались очень милыми и гостеприимными людьми. Семья, достойная изучения. Состоит она из 6 членов. Мать-старуха, очень добрая, сырая, страдавшаяся вдоволь женщина;² читает Шопенгауера и ездит в церковь на акафист; добросовестно штудирует каждый № «Вестника Европы» и «Северного вестника» и знает таких беллетристов, какие мне и во сне не снились; придает большое значение тому, что в ее флигеле жил когда-то художник Маковский, а теперь живет молодой литератор; разговаривая с Плещеевым, чувствует во всем теле священную дрожь и ежеминутно радуется, что «сподобилась» видеть великого поэта.

Ее старшая дочь, женщина-врач — гордость всей семьи и, как величают ее мужики, святая — изображает из себя воистину что-то необыкновенное. У нее опухоль в мозгу; от этого она совершенно слепа, страдает эпилепсией и постоянной головной болью. Она знает, что ожидает ее, и стоически, с поразительным хладнокровием говорит о смерти, которая близка³. Врачуя публику, я привык видеть людей, которые скоро умрут, и я всегда чувствовал себя как-то странно, когда при мне говорили, улыбались или плакали люди, смерть которых была близка, но здесь, когда я вижу на террасе слепую, которая смеется, шутит или слушает, как ей читают мои «Сумерки», мне уж начинает казаться странным не то, что докторша умрет, а то, что мы не чувствуем своей собственной смерти и пишем «Сумерки», точно никогда не умрем.

Вторая дочь — тоже женщина-врач⁴, старая дева, тихое, застенчивое, бесконечно доброе, любящее всех и некрасивое создание. Больные для нее сущая пытка, и с ними она мнительна до психоза. На консилиумах мы всегда не соглашаемся: я являюсь благовестником там, где она видит смерть, и удваиваю те дозы, кото-

рые она дает. Где же смерть очевидна и необходима, там моя докторша чувствует себя совсем не по-докторски. Раз я принимал с нею больных на фельдшерском пункте; пришла молодая хохлушка с злокачественной опухолью желез на шее и на затылке. Поражение захватило так много места, что невозможно никакое лечение. И вот оттого, что баба теперь не чувствует боли, а через полгода умрет в страшных мучениях, докторша глядела на нее так глубоко-виновато, как будто извинялась за свое здоровье и совестилась, что медицина беспомощна. Она занимается усердно хозяйством и понимает его во всех мелочах. Даже лошадей знает. Когда, например, пристяжная не везет или начинает беспокоиться, она знает, как помочь беде, и наставляет кучера. Очень любит семейную жизнь, в которой отказала ей судьба, и, кажется, мечтает о ней; когда вечерами в большом доме играют и поют, она быстро и нервно шагает взад и вперед по темной аллее, как животное, которое заперли. Я думаю, что она никому никогда не сделала зла, и сдаётся мне, что она никогда не была и не будет счастлива ни одной минуты.

Третья дочь, кончившая курс в Бестужевке⁵, молодая девица мужского телосложения, сильная, костистая, как лещ, мускулистая, загорелая, горластая... Хохочет так, что за версту слышно. Страстная хохломанка. Построила у себя в усадьбе на свой счет школу и учит хохлят басням Крылова в малороссийском переводе. Ездит на могилу Шевченко, как турок в Мекку. Не стрижется, носит корсет и турнюр, занимается хозяйством, любит петь и хохотать и не откажется от самой шаблонной любви, хотя и читала «Капитал» Маркса, но замуж едва ли выйдет, так как некрасива.

Старший сын⁶, тихий, скромный, умный, бесталаный и трудящийся молодой человек, без претензий и, по-видимому, довольный тем, что дала ему жизнь. Исключен из 4 курса университета, чем не хвастает. Говорит мало. Любит хозяйство и землю, с хохлами живет в согласии.

Второй сын⁷ — молодой человек, помешанный на том, что Чайковский гений. Пианист. Мечтает о жизни по Толстому.

Вот Вам краткое описание публики, около которой я теперь живу. Что касается хохлов, то женщины напоминают мне Заньковецкую, а все мужчины — Панааса Садовского. Бывает много гостей.

У меня гостит А. Н. Плещеев. На него глядят все как на полубога, считают за счастье, если он удостоит своим вниманием чью-нибудь простоквашу, подносят ему букеты, приглашают всюду и проч. Особенно ухаживает за ним девица Вата, полтавская институтка, которая гостит у хозяев. А он «слушает да ест» и курит свои сигары, от которых у его поклонниц разбаливаются головы. Он тугоподвижен и старчески ленив, но это не мешает прекрасному полу катать его на лодках, возить в соседние имения и петь ему романсы. Здесь он изображает из себя то же, что и в Петербурге, т. е. икону, которой молятся за то, что она стара и висела когда-то рядом с чудотворными иконами. Я же лично, помимо того, что он очень хороший, теплый и искренний человек, вижу в нем сосуд, полный традиций, интересных воспоминаний и хороших общих мест.

Я написал и уже послал в «Новое время» рассказ⁸.

То, что пишете Вы об «Огнях», совершенно справедливо. «Николай и Маша»⁹ проходят через «Огни» красной ниткой, но что делать? От непривычки писать длинно я мнителен; когда я пишу, меня всякий раз пугает мысль, что моя повесть длинна не по чину, и я стараюсь писать возможно короче. Финал инженера с Кисочкой представлялся мне неважной деталью, запружающей повесть, а потому я выбросил его, поневоле заменив его «Николаем и Машей».

Вы пишете, что ни разговор о пессимизме, ни повесть Кисочки нимало не подвигают и не решают вопроса о пессимизме. Мне кажется, что не беллетристы должны решать такие вопросы, как бог, пессимизм и т. п. Дело беллетриста изобразить только, кто, как и при каких обстоятельствах говорили или думали о

боге или пессимизме. Художник должен быть не судьей своих персонажей и того, о чем говорят они, а только беспристрастным свидетелем. Я слышал беспорядочный, ничего не решающий разговор двух русских людей о пессимизме и должен передать этот разговор в том самом виде, в каком слышал, а делать оценку ему будут присяжные, т. е. читатели. Мое дело только в том, чтобы быть талантливым, т. е. уметь отличать важные показания от неважных, уметь освещать фигуры и говорить их языком. Щеглов-Леонтьев ставит мне в вину, что я кончил рассказ фразой: «Ничего не разберешь на этом свете!» По его мнению, художник-психолог *должен* разобрать, на то он психолог¹⁰. Но я с ним не согласен. Пишущим людям, особливо художникам, пора уже сознаться, что на этом свете ничего не разберешь, как когда-то сознался Сократ и как сознавался Вольтер. Толпа думает, что она все знает и все понимает; и чем она глупее, тем, кажется, шире ее кругозор. Если же художник, которому толпа верит, решится заявить, что он ничего не понимает из того, что видит, то уж это одно составит большое знание в области мысли и большой шаг вперед.

Что касается Вашей пьесы¹¹, то Вы напрасно ее хаете. Недостатки ее не в том, что у Вас не хватило таланта и наблюдательности, а в характере Вашей творческой способности. Вы больше склонны к творчеству строгому, воспитанному в Вас частым чтением классических образцов и любовью к ним. Вообразите, что Ваша «Татьяна» написана стихами, и тогда увидите, что ее недостатки получают иную физиономию. Если бы она была написана в стихах, то никто бы не заметил, что все действующие лица говорят одним и тем же языком, никто не упрекнул бы Ваших героев в том, что они не говорят, а философствуют и фельетонизируют,— все это в стихотворной, классической форме сливается с общим фоном, как дым с воздухом,— и не было бы заметно отсутствие пошлого языка и пошлых, мелких движений, коими должны изобилывать современные драма и комедия и коих в Вашей «Татьяне» нет совсем. Дайте Вашим героям латинские фамилии, оденьте их в тоги, и получится то же самое...

Недостатки Вашей пьесы непоправимы, потому что они органические. Утешайтесь на том, что они являются у Вас продуктом Ваших положительных качеств и что если бы Вы эти Ваши недостатки подарили другим драматургам, например Крылову или Тихонову, то их пьесы стали бы и интереснее и умнее.

Теперь о будущем. В конце июня или в начале июля я поеду в Киев, оттуда вниз по Днепру в Екатеринослав, потом в Александровск и так до Черного моря. Побываю в Феодосии. Если в самом деле поедете в Константинополь, то нельзя ли и мне с Вами поехать? Мы побывали бы у о. Паисия, который докажет нам, что учение Толстого идет от беса¹². Весь июнь я буду писать, а потому, по всей вероятности, денег у меня на дорогу хватит. Из Крыма я поеду в Потю, из Потю в Тифлис, из Тифлиса на Дон, с Дона на Псел... В Крыму начну писать лирическую пьесу.

Какое, однако, письмо я Вам накатал! Надо кончить. Поклонитесь Анне Ивановне, Насте и Боре. Алексей Николаевич шлет Вам привет. Он сегодня немножко болен: тяжело дышать, и пульс хромает, как Лейкин. Буду его лечить. Прощайте, будьте здоровы, и дай бог Вам всего хорошего. Искренно преданный

А. Чехов.

109

И. Л. ЛЕОНТЬЕВУ-ЩЕГЛОВУ

9 июня 1888, Сумы

9 июнь. Сумы, усадьба А. В. Линтваревой

Кланяюсь Вам, милый мой драматург, купно с дедом А. Н. Плещеевым, который вот уже месяц как гостит у меня. Оба мы читаем газеты и следим за Вашими успехами¹. Я радуюсь и завидую, хотя в то же время и ненавижу Вас за то, что Ваш успех мешает Вам приехать ко мне на Псел. Конечно, о вкусах не спорят, но на мой вкус жить на Псле и ничего не делать гораздо душеспасительнее, чем работать и иметь успех. Соитие с музами вкусно только зимой.

Вы человек, несомненно, талантливый, литературный, испытанный в бурях боевых, остроумный, не угнетенный предвзятыми идеями и системами, а потому можете быть убеждены в том, что из Вашей пьесопекарни выйдет большой толк. Благословляю Вас обеими руками и шлю тысячу душевных пожеланий. Вы хотите посвятить себя всецело сцене — это хорошо и стоит тут овчинка выделки и игра свеч, но... хватит ли у Вас сил? Нужно много нервной энергии и устойчивости, чтобы нести бремя российского драмписца. Я боюсь, что Вы измочалитесь, не достигнув и сорока лет. Ведь у каждого драматурга (профессионального, каким Вы хотите быть) на 10 пьес приходится 8 неудачных, каждому приходится переживать неуспех, и неуспех иногда тянется годами, а хватит ли у Вас сил мириться с этим? Вы по своей нервности склонны ставить каждое лыко в строку, и малейшая неудача причиняет Вам боль, а для драматурга это не годится. Засим я боюсь, что из Вас выйдет не русский драматург, а петербургский. Писать для сцены и иметь успех во всей России может только тот, кто бывает в Питере только гостем и наблюдает жизнь не с Тучкова моста. Вам надо уехать, а Вы едва ли решитесь когда-нибудь расстаться с тундрой и баронессой². «В горах Кавказа» Вы написали потому, что были на Кавказе; пьесы из военного быта написаны благодаря тому, что Вы скитались по России. Петербург же дал Вам только «Дачного мужа»... Если Вы скажете, что и «Гордиев узел» есть продукт петербургского созерцания, то я не поверю Вам. Пишу все сие опять-таки с злобредною целью — заманить Вас к себе хотя на одну минутку. Приезжайте! Обещаю Вам дюжину сюжетов и сотню характеров.

Относительно конца моих «Огней» я позволю себе не согласиться с Вами³. Не дело психолога понимать то, чего он не понимает. Паче сего, не дело психолога делать вид, что он понимает то, чего не понимает никто. Мы не будем шарлатанить и станем заявлять прямо, что на этом свете ничего не разберешь. Все знают и все понимают только дураки и шарлатаны. Однако будьте здоровы и счастливы. Пишите мне, го-

лубчик, и не скупитесь. Я начинаю привыкать к Вашему почерку и разбираю его уже превосходно.

Ваш Эгмонт.

Вышла моя книжка ⁴. Если брат не выдал Вам ее, то напомните ему, буде встретитесь.

Не брезгуйте водевилем. Пишите их дюжинами. Водевиль хорошая штука. Им кормится пока вся провинция.

110

А. Н. ПЛЕЩЕЕВУ

12 июня 1888, Сумы

Троица

Во-первых, милый и дорогой Алексей Николаевич, большое и сердечное спасибо Вам за то, что побывали у меня; искренно Вам говорю, что 3 недели, проведенные мною на Луке в Вашем незаменимом обществе, составляют одну из лучших и интереснейших страничек моей биографии. Во-вторых, Вы не можете себе представить, как мне досадно, что Вы уехали, и как все мы стали грустны и кислы, когда посадили Вас в вагон. Дамы едва удерживались от слез, а я мысленно дал небу обет, что и на будущий год постараюсь увлечь Вас в обетованную землю.

Едва Вы уехали, как мы вернулись на вокзал и выпили еще один кувшин крешону за Ваше здоровье. Напившись, мы послали телеграмму и только через 2—3 часа после этого сообразили, что она, т. е. телеграмма, беспокоит Вас. Я думаю, что она Вас разбудила.

Обратный путь из Ворожбы совершали мы в 3 классе: шумели, галдели и слушали, как пели в вагоне хохлы. Дома мы еще раз выпили за Ваше здоровье и уснули с грустной мыслью, что завтра мы уже не увидим Вас. Даже Цензура ¹ пила — это что-нибудь да значит!

Сегодня в Сумах ярмарка. Купил я две свистульки, 8 никому не нужных ложек, 4 чашечки, пахнущие ла-

ком, и серьги за 10 коп., которые подарил уважаемому товарищу². Купил, между прочим, и портсигар с девицей за 15 коп.

Наняли четверку лошадей, чтобы ехать завтра к Смагиным и в Сорочинцы. У Смагиных я напишу Вам письмо.

Все Чеховы и Линтваревы шлют Вам привет. Симпатичный Жук, добродушный Барбос, фатоватый Пулька и ingenue * Розка здравствуют и по-прежнему хватают свиней за уши и лезут к нам в столовую.

Артеменко поймал сегодня шуку, а я вынул из вентерей 6 карасей.

Едем мы завтра в громаднейшей дедовской коляске, в той самой, которая перешла в наследство Линтваревым от тетушки Ивана Федорыча Шпоньки.

Ну, будьте здоровы, покойны, счастливы и не забывайте нас многогрешных.

Почтение всем Вашим.

Ложусь спать.

Прекрасная ночь. На небе ни облачка, а луна светит во всю ивановскую.

Ваш А. Чехов.

111

А. Н. ПЛЕЩЕЕВУ

28 июня 1888, Сумы

28 июнь

Здравствуйте, дорогой мой жилец, Алексей Николаевич! Письмо Ваше вчера получено, но упрек за слово «незаменимый» не принят и возвращается Вам назад, ибо Вы действительно никем на Луке не заменимы¹. Без Вас нет уж того движения, нет мороженого, нет литературных вечеров, а главное, нет Вас и Вашего присутствия, вдохновлявшего Вату и прочих почитательниц Ваших... При Вас и пели и играли иначе.

Были мы в Полтавск. губ. Были и у Смагиных и в

* простодушная (франц.).

Сорочинцах. Ездили мы на четверике, в дедовской, очень удобной коляске. Смеху, приключений, недоразумений, остановок, встреч по дороге было много множество. Все время навстречу попадались такие чудные, за душу хватающие пейзажи и жанры, которые поддаются описанию только в романе или в повести, но никак не в коротком письме. Ах, если бы Вы были с нами и видели нашего сердитого ямщика Романа, на которого нельзя было глядеть без смеха, если бы Вы видели места, где мы ночевали, восьми- и десятиверстные села, которыми мы проезжали, если бы пили с нами поганую водку, от которой отрыгается, как после сельтерской воды! Какие свадьбы попадались нам на пути, какая чудная музыка слышалась в вечерней тишине и как густо пахло свежим сеном! То есть душу можно отдать нечистому за удовольствие поглядеть на теплое вечернее небо, на речки и лужицы, отражающие в себе томный, грустный закат... Жаль, что Вас не было! В коляске Вы чувствовали бы себя, как в постели. Ели мы и пили каждые полчаса, не отказывали себе ни в чем, смеялись до колик...

К Смагиным приехали мы ночью. Встреча сопровождалась членовредительством. Узнав наши голоса, Сергей Смагин выскочил из дому, полетел к воротам и, наткнувшись в потемках на скамью, растянулся во весь свой рост. Александр тоже выскочил из дому и в потемках изо всей силы трахнулся лбом о старый каштан, после чего 3—4 дня ходил с красной шишкой; Вата набила себе щеку. После самой сердечной, радостной встречи поднялся общий беспричинный хохот, и этот хохот повторялся потом аккуратно каждый вечер.

По части беспричинного хохота особенно отличались Наталья Михайловна и Александр Смагин.

Именье Смагиных велико и обильно, но старо, запущено и мертво, как прошлогодняя паутина. Дом осел, двери не затворяются, изразцы на печке выпирают друг друга и образуют углы, из щелей полов выглядывают молодые побеги вишен и слив. В той комнате, где я спал, между окном и ставней соловей свил

себе гнездо, и при мне вывелись из яиц маленькие, голенькие соловейчики, похожие на раздетых жиденят. На риге живут солидные аисты. На пасеке обитает дед, помнящий царя Гороха и Клеопатру Египетскую.

Все ветхо и гнило, но зато поэтично, грустно и красиво в высшей степени.

Сестра Смагиных — чудное, когда-то красивое, в высшей степени доброе и кроткое создание с роскошной черной косой и с тем выражением лица, которое, вероятно, лет 6—8 тому назад было пленительно, теперь же наводит на грустные мысли... Она так же хороша, как и ее братья, которые положительно очаровали меня, особенно Сергей.

Прогостили мы у Смагиных 5 дней и уехали, давши им слово, что побываем у них еще раз в этом году и сто раз в будущем. Тополы у них удивительные.

Жорж уехал в Славянск, Вата — в Купянск, Петровский — в Чернигов. К Линтваревым приехал полубог Воронцов — очень вумная, политико-экономическая фигура с гиппократовским выражением лица, вечно молчащая и думающая о спасении России; у меня гостит Баранцевич.

В Полтавскую губ. я поеду в августе. К 15-му постараюсь быть в Феодосии. Ну, будьте здоровы, счастливы и покойны. Поклон всем Вашим.

Antonio.

Все наши шлют Вам свой привет.

112

А. Н. ПЛЕЩЕЕВУ

5—6 июля 1888, Сумы

Пишу Вам сие, милый Алексей Николаевич, в то время, когда вся Лука стала на дыбы, пускает пыль под небеса, шумит, гремит и стонет: рождает Антонида Федоровна, жена Павла Михайловича. То и дело приходится бегать во флигелек *vis-à-vis*, где живут новоиспеченные родители. Роды не тяжелые, но долгие.

Еду я в Феодосию 10 июля. Мой адрес таков: Фео-

досия, Суворину для Чехова. Черкните два словечка, а я Вам черкну, коли не ошалею от палящего зноя.

Радуюсь за Гиляровского¹. Это человечина хороший и не без таланта, но литературно необразованный. Ужасно падок до общих мест, жалких слов и трескучих описаний, веруя, что без этих орнаментов не обойдется дело. Он чует красоту в чужих произведениях, знает, что первая и главная прелесть рассказа — это простота и искренность, но быть искренним и простым в своих рассказах он не может: не хватает мужества. Подобен он тем верующим, которые не решаются молиться богу на русском языке, а на славянском, хотя и сознают, что русский ближе и к правде и к сердцу.

Книжку его конфисковали еще в ноябре за то, что в пей все герои — отставные военные — нищенствуют и умирают с голода². Общий тон книжки уныл и мрачен, как дно колодезя, в котором живут жабы и мокрицы.

Вы забыли у нас сорочку. Это значит, что Вы побываете у меня еще не один раз. Охотно верю бабьим приметам и буду настаивать, чтобы они сбывались.

Смагины Ваше письмо получили. Стихотворение и до сих пор еще производит сенсацию в Миргородском уезде. Его копируют без конца.

Воронцов (Ве́ве) мало-помалу разошелся и даже — о ужас! — плясал вальс. Человечина угнетен сухою умственностью и насквозь протух чужими мыслями, но по всем видимостям малый добрый, несчастный и чистый в своих намерениях. Ваше предположение о его намерении окрутить Линтваревых «Эпохой» едва ли основательно. Он, как старый знакомый Линтваревых, отлично знает, что у них совсем нет денег.

Идет дождь. Симпатичный Жук ревнует Розку к добродушному Барбосу и грызется с ним.

Наши все шлют Вам свой привет и желают ясных дней. Будьте здоровы, счастливы, и да хранят Вас небесные силы на многие лета.

Кланяюсь всем Вашим. Николая Алексеевича благодарю за поклон. Напомните ему об его обещании приехать к нам.

Ваш А. Чехов.

14 июля 1888, Феодосия

Феодосия. Четверг.

Мадемуазель сестра!

Очень жарко и душно, а потому придется писать недолго и коротко. Начну с того, что я жив и здоров, все обстоит благополучно, деньги пока есть... Легкое не хрипит, но хрипит совесть, что я ничего не делаю и бью баклуши. Дорога от Сум до Харькова прескучнейшая. От Харькова до Лозовой и от Лозовой до Симферополя можно околеть с тоски. Таврическая степь уныла, однотонна, лишена дали, бесколоритна, как рассказы Иваненко, и в общем похожа на тундру. Когда я, едучи через Крым, глядел на нее, то думал: «Ничего я, Саша, не вижу в этом хорошего»...¹ Судя по степи, по ее обитателям и по отсутствию того, что мило и пленительно в других степях, Крымский полуостров блестящей будущности не имеет и иметь не может. От Симферополя начинаются горы, а вместе с ними и красота. Ямы, горы, ямы, горы, из ям торчат тополи, на горах темнеют виноградники — все это залито лунным светом, дико, ново и настраивает фантазию на мотив гоголевской «Страшной мести». Особенно фантастично чередование пропастей и туннелей, когда видишь то пропасти, полные лунного света, то беспросветную, нехорошую тьму... Немножко жутко и приятно. Чувствуется что-то нерусское и чужое. В Севастополь я приехал ночью. Город красив сам по себе, красив и потому, что стоит у чудеснейшего моря. Самое лучшее у моря — это его цвет, а цвет описать нельзя. Похоже на синий купорос. Что касается пароходов и кораблей, бухты и пристаней, то прежде всего бросается в глаза бедность русского человека. Кроме «поповок»², похожих на московских купчих, и кроме 2—3 сносных пароходов, нет в гавани ничего путного, и я удивляюсь нашему капитану Мишелю³,

который сумел увидеть в Севастополе не только отсутствующий флот, но даже и то, чего нет. Ночевал в гостинице с полтавским помещиком Кривобоком, с которым сошелся дорогой.

Поужинали разварной кефалью и цыплятами, натрескались вина и легли спать. Утром скука смертная. Жарко, пыль, пить хочется... На гавани воняет канатом, мелькают какие-то рожи с красной, как кирпич, кожей, слышны звуки лебедки, плеск помоев, стук, татарщина и всякая неинтересная чепуха. Подойдешь к пароходу: люди в отрепьях, потные, сожженные наполовину солнцем, ошалелые, с дырами на плечах и спине, выгружают портландский цемент; постоишь, поглядишь, и вся картина начинает представляться чем-то таким чужим и далеким, что становится нестерпимо скучно и не любопытно. Садиться на пароход и трогаться с якоря интересно, плыть же и беседовать с публикой, которая вся целиком состоит из элементов уже надоевших и устаревших, скучновато. Море и однообразный, голый берег красивы только в первые часы, но скоро к ним привыкаешь; поневоле идешь в каюту и пьешь вино. Берег красивым не представляется... Красота его преувеличена. Все эти гурзуфы, массандры и кедры, воспетые гастрономами по части поэзии, кажутся с парохода тощими кустиками, крапивой, а потому о красоте можно только догадываться, а видеть ее можно разве только в сильный бинокль. Долина Псла с Сарами и Рашевкой гораздо разнообразнее и богаче содержанием и красками. Глядя на берег с парохода, я понял, почему это он еще не вдохновил ни одного поэта и не дал сюжета ни одному порядочному художнику-беллетристу. Он рекламирован докторами и барынями — в этом вся его сила. Ялта — это помесь чего-то европейского, напоминающего виды Ниццы, с чем-то мешански-ярмарочным. Коробообразные гостиницы, в которых чахнут несчастные чахоточные, наглые татарские хари, турнюры с очень откровенным выражением чего-то очень гнусного, эти рожи бездельников-богачей с жадной грошовых приключений, парфюмерный запах вместо запаха кедров и моря, жалкая, грязная

пристань, грустные огни вдали на море, болтовня ба-рышень и кавалеров, понаехавших сюда наслаждаться природой, в которой они ничего не понимают,— все это в общем дает такое унылое впечатление и так внушительно, что начинаешь обвинять себя в предубеждении и пристрастии.

Спал я хорошо, в каюте I класса, на кровати. Утром в 5 часов изволил прибыть в Феодосию — серовато-бурый, унылый и скучный на вид городишко. Травы нет, деревца жалкие, почва крупнозернистая, безнадежно тощая. Все выжжено солнцем, и улыбается одно только море, которому нет дела до мелких городишек и туристов. Купанье до того хорошо, что я, окунувшись, стал смеяться без всякой причины. Суворины, живущие тут в самой лучшей даче, обрадовались мне; оказалось, что комната для меня давно уже готова и что меня давно уже ждут, чтобы начать экскурсию. Через час после приезда меня повезли на завтрак к некоему Мурзе, татарину. Тут собралась большая компания: Суворины, главный морской прокурор⁴, его жена, местные тузы, Айвазовский... Было подаваемо около 8 татарских блюд, очень вкусных и очень жирных. Завтракали до 5 часов и напились как сапожники. Мурза и прокурор (еще нестарый питерский делец) обещали свозить меня в татарские деревни и показать мне гаремы богачей. Конечно, поеду.

Писать душно. Думаю, что долго не высижу в этой жаре. Приеду скоро, хотя Суворины и обещают задержать меня до сентября.

У нас с Сувориным разговоры бесконечные. Сувориха ежечасно одевается в новые платья, поет с чувством романсы, бранится и бесконечно болтает. Баба неугомонная, вертлявая, фантазерка и оригиналка до мозга костей. С ней нескучно.

Еду в город. Прощай. Поклон всем. Писать буду. Календарь с деньгами в чемодане.

Твой А. Чехов.

Денег вышлю.

И. Л. ЛЕОНТЬЕВУ-ЩЕГЛОВУ

18 июля 1888, Феодосия

Феодосия, 18 июля

Пишу Вам, милый капитан, с берегов Черного моря. Живу в Феодосии у генерала Суворина. Жарища и духота невозможные, ветер сухой и жесткий, как переплет, просто хоть караул кричи. Деревьев и травы в Феодосии нет, спрятаться некуда. Остается одно — купаться. И я купаюсь. Море чудесное, синее и нежное, как волосы невинной девушки. На берегу его можно жить 1000 лет и не соскучиться.

Целый день проводим в разговорах. Ночь тоже. И мало-помалу я обращаюсь в разговорную машину. Решили мы уже все вопросы и наметили тьму новых, еще никем не приподнятых вопросов. Говорим, говорим, говорим и, по всей вероятности, кончим тем, что умрем от воспаления языка и голосовых связок. Быть с Сувориным и молчать так же не легко, как сидеть у Палкина и не пить. Действительно, Суворин представляет из себя воплощенную чуткость. Это большой человек. В искусстве он изображает из себя то же самое, что сеттер в охоте на бекасов, т. е. работает чертовским чутьем и всегда горит страстью. Он плохой теоретик, наук не проходил, многого не знает, во всем он самоучка — отсюда его чисто собачья неиспорченность и цельность, отсюда и самостоятельность взгляда. Будучи беден теориями, он поневоле должен был развить в себе то, чем богато наделила его природа, поневоле он развил свой инстинкт до размеров большого ума. Говорить с ним приятно. А когда поймешь его разговорный прием, его искренность, которой нет у большинства разговорщиков, то болтовня с ним становится почти наслаждением. Ваше Суворин-шмерц я отлично понимаю.

Пришлите мне «Театрального воробья»¹. Если Вы в самом деле написали комедию, то Вы молодец и умница. Пишите во все лопатки и так, как Вам в дан-

ную минуту писать хочется. Хотите писать трагедию — пишите, хотите писать пустой водевиль — пишите. У Вас не такая натура, чтобы Вы могли соображаться с чужими взглядами и приговорами. Вы должны следовать своему внутреннему чувству, которое у людей нервных и чувствительных составляет лучший барометр. И чем больше напишете пьес, тем лучше. Ах, я опять впадаю в мораль! Простите, голубчик... это не мораль, а разговор с Вами. Когда я пишу к Вам, я вижу Ваше лицо.

Еду в город на почту. Прощайте.

Да хранит Вас аллах.

Ваш А. Чехов.

115

М. П. ЧЕХОВОЙ

22 июля 1888, Феодосия

22 июль, Феодосия

Милые домочадцы! Сим извещаю вас, что завтра я выезжаю из Феодосии. Гонит меня из Крыма моя лень. Я не написал ни одной строки и не заработал ни копейки; если мой гнусный кейф продлится еще 1—2 недели, то у меня не останется ни гроша и чеховской фамилии придется зимовать на Луке. Мечтал я написать в Крыму пьесу и 2—3 рассказа, но оказалось, что под южным небом гораздо легче взлететь живым на небо, чем написать хоть одну строку. Встаю я в 11 часов, ложусь в 3 ночи, целый день ем, пью и говорю, говорю, говорю без конца. Обратился в разговорную машину. Суворин тоже ничего не делает, и мы с ним перерешали все вопросы. Жизнь сытая, полная, как чаша, затягивающая... Кейф на берегу, шар-трезы, крошоны, ракеты, купанье, веселые ужины, поездки, романсы — все это делает дни короткими и едва заметными; время летит, летит, а голова под шум волн дремлет и не хочет работать... Дни жаркие, ночи душные, азиатские... Нет, надо уехать!

Вчера я ездил в Шах-мамай, именье Айвазовского, за 25 верст от Феодосии. Именье роскошное, не-

сколько сказочное; такие имения, вероятно, можно видеть в Персии. Сам Айвазовский, бодрый старик лет 75, представляет из себя помесь добродушного армяшки с заевшимся архиереем; полон собственного достоинства, руки имеет мягкие и подает их по-генеральски. Недалек, но натура сложная и достойная внимания. В себе одном он совмещает и генерала, и архиерея, и художника, и армянина, и наивного деда, и Отелло. Женат на молодой и очень красивой женщине, которую держит в ежах. Знаком с султанами, шахами и эмирами. Писал вместе с Глинкой «Руслана и Людмилу»¹. Был приятелем Пушкина, но Пушкина не читал. В своей жизни он не прочел ни одной книги. Когда ему предлагают читать, он говорит: «Зачем мне читать, если у меня есть свои мнения?» Я у него пробыл целый день и обедал. Обед длинный, тягучий, с бесконечными тостами. Между прочим, на обеде познакомился я с женщиной-врачом Тарновской, женою известного профессора. Это толстый, ожиревший комок мяса. Если ее раздеть голой и выкрасить в зеленую краску, то получится болотная лягушка. Поговоривши с ней, я мысленно вычеркнул ее из списка врачей...

Видаю много женщин; лучшая из них — Суворина. Она так же оригинальна, как и ее муж, и мыслит не по-женски. Говорит много вздора, но если захочет говорить серьезно, то говорит умно и самостоятельно. Влюблена в Толстого по уши и поэтому всей душой не терпит современной литературы. Когда говоришь с ней о литературе, то чувствуешь, что Короленко, Бежецкий, я и прочие — ее личные враги. Обладает необыкновенным талантом без умолку болтать вздор, болтать талантливо и интересно, так что ее можно слушать весь день без скуки, как канарейку. Вообще человек она интересный, умный и хороший. По вечерам сидит на песке у моря и плачет, по утрам хохочет и поет цыганские романсы...

Что-нибудь из двух: или я поеду прямо домой, или же туда, куда Макар телят не гонял. Если первое, то ждите меня через неделю, если же второе, то не ждите через неделю.

Поклон Александре Васильевне, Зинаиде Михайловне, уважаемому товарищу, Наталье Михайловне, Павлу и Георгию Михайловичу и всем православным христианам. Антониде Федоровне с ее младенцем тоже поклон.

Сидит сейчас у меня в комнате Суворина и стонет: «Дайте прочесть письмо!» Стонет и бранится. Еду сейчас в город.

Денег вышлю на сих днях.

Деньги на покупку хутора *есть* — 2000 руб. Суворин подарил мне 2 лодки и линейку. Лодки, говорят, великолепные. Я постараюсь, чтобы их выслали на Псел. Куплены они в петербургском яхт-клубе. Одна парусная.

Матери целую руку. Надеюсь, что все сыты, что табак есть и проч. Денег не жалейте. Тем более не жалейте, что их нет.

Всех целую.

А. Чехов.

116

А. С. СУВОРИНУ

25 июля 1888, Сухум

Я в Абхазии! Ночь ночевал в монастыре «Новый Афон», а сегодня с утра сижу в Сухуме. Природа удивительная до бешенства и отчаяния. Все ново, сказочно, глупо и поэтично. Эвкалипты, чайные кусты, кипарисы, кедры, пальмы, ослы, лебеди, буйволы, сизые журавли, а главное — горы, горы и горы без конца и краю... Сижу я сейчас на балконе, а мимо лениво прохаживаются абхазцы в костюмах маскарадных капуцинов; через дорогу бульвар с маслинами, кедами и кипарисами, за бульваром темно-синее море.

Жарко невыносимо! Варюсь в собственном поте. Мой красный шнурок на сорочке раскис от пота и пустил красный сок; рубаха, лоб и подмышки хоть выжми. Кое-как спасаюсь купанием... Вечереет... Скоро поеду на пароход. Вы не поверите, голубчик, до какой

степени вкусны здесь персики! Величиной с большое яблоко, бархатистые, сочные... Ешь, а нутро так и ползет по пальцам...

Из Феодосии выехал на «Юноне», сегодня ехал на «Дире», завтра поеду на «Бабушке»... Много я перепробовал пароходов, но еще ни разу не рвал.

На Афоне познакомился с архиереем Геннадием, епископом сухумским, ездящим по епархии верхом на лошади. Любопытная личность. Купил матери образок, который привезу.

Если бы я пожил в Абхазии хотя месяц, то, думаю, написал бы с полсотни обольстительных сказок. Из каждого кустика, со всех теней и полутеней на горах, с моря и с неба глядят тысячи сюжетов. Подлец я за то, что не умею рисовать.

Ну, оставайтесь живы и здоровы. Да хранят Вас ангелы небесные.

Поклоны всем.

Ваш А. Чехов.

Не подумайте, что я еду в Персию.

117

М. П. ЧЕХОВУ

28 июля 1888, пароход «Дир»

28 июля 1888 г.

По морям Черному, Житейскому и Каспийскому. (Посвящается капитану собственных пароходов М. П. Чехову.)¹

Паршивенький грузовой пароход «Дир» мчитя на всех парах (8 узлов в час) от Сухума до Поти. Двенадцатый час ночи... В маленькой каютке, единственной на пароходе и похожей на ватерклозет, нестерпимо душно и жарко. Воняет гарью, канатом, рыбой и морем... Слышно, как работает машина: «бум, бум, бум»... Над головой и под полом скрипит нечистая сила... Темнота качается в каютке, а кровать то под-

нимается, то опускается... Все внимание желудка устремлено на кровать, и он, словно нивелируя, то подкатывает выпитую сельтерскую воду к самому горлу, то опускает ее к пяткам... Чтобы не облевать в потемках одежды, быстро одеваюсь и выхожу... Темно... Ноги мои спотыкаются о какие-то невидимые железные шпалы, о канат; куда ни ступнешь, всюду бочки, мешки, тряпье... Под подошвами угольный мусор... Наталкиваюсь в потемках на что-то решетчатое; это клетка с козулями, которых я видел днем; не спят и с тревогой прислушиваются к качке... Около клетки сидят два турка и тоже не спят... Ощупью взбираюсь по лестничке на капитанскую рубку... Теплый, но резкий и противный ветер хочет сорвать с меня фуражку... Качает... Мачта впереди рубки качается мерно и не спеша, как метроном; стараюсь отвести от нее глаза, но глаза не слушаются и вместе с желудком следят только за тем, что движется... Море и небо темны, берегов не видно, палуба представляется черным пятном... Ни огонька...

Сзади меня окно... Гляжу в него и вижу человека с лицом Павла Михайловича... Он внимательно глядит на что-то и вертит колесо с таким видом, как будто исполняет «Девятую симфонию»... Рядом со мной стоит маленький, толстенький капитан в желтых башмаках, похожий фигурой и лицом на Корнелия Пушкирева... Он разговаривает со мной о кавказских переселенцах, о духоте, о зимних бурях и в то же время напряженно вглядывается в темную даль и в сторону берега...

— А ты, кажется, опять забираешь влево! — говорит он, между прочим, кому-то; или: — Тут должны быть видны огоньки... Видишь?

— Никак нет! — отвечает кто-то из потемок.

— Полезай на верхнюю площадку и погляди!

Темная фигура вырастает на рубке и не спеша лезет куда-то вверх... Через минуту слышно:

— Есть!

Всматриваюсь влево, где должны быть огоньки маяка, беру у капитана бинокль и ничего не вижу... Проходит полчаса, час... Мачта мерно качается, нечи-

стая сила скрипит, ветер покусается на фуражку... Тошноты нет, но жутко...

Вдруг капитан срывается с места и со словами: «Черрртова кукла!» — бежит куда-то назад.

— Влево! — кричит он с тревогой во все горло. — Влево... вправо! Аря... ва... а-а!

Слышится непонятная команда, пароход вздрагивает, нечистая сила взвизгивает... «А ва-а-ва!» — кричит капитан; у самого носа звонят в колокол, на черной палубе беготня, стук, тревожные крики... «Дир» еще раз вздрагивает, напряженно пыхтит и, кажется, хочет дать задний ход...

— Что такое? — спрашиваю я и чувствую что-то вроде маленького ужаса. Ответа нет.

— Столкнуться хочет, черртова кукла! — слышится резкий крик капитана... — Вле-е-ва-а!

У носа показываются какие-то красные огни, и вдруг раздается среди шума свист не «Дира», а какого-то другого парохода... Теперь понятно: мы столкнемся! «Дир» пыхтит, дрожит и как будто не движется, ожидая, когда ему идти ко дну... (Тут со мной происходит маленькое недоразумение, продолжавшееся не более полминуты, но доставившее мне немало мучений... Полминуты я был убежден в том, что я погубил пароход. О недоразумении расскажу при свидании, писать же о нем длинно, нет мочи.)²

Но вот, когда, по моему мнению, все уже погибло, слева показываются красные огни и начинает вырисовываться силуэт парохода... Длинное черное тело плывет мимо, виновато мигает красными глазами и виновато свистит...

— Уф! Какой это пароход? — спрашиваю я капитана.

Капитан смотрит в бинокль на силуэт и говорит: — Это «Твиди».

После некоторого молчания заводим речь о «Весте», которая столкнулась с двумя пароходами и погибла. Под влиянием этого разговора море, ночь, ветер начинают казаться отвратительными, созданными на погибель человека, и, глядя на толстенького капитана, я чувствую жалость... Мне что-то шепчет, что этот бед-

няк рано или поздно тоже пойдет ко дну и захлебнется соленой водой...³

Иду к себе в каютку... Душно и воняет кухней... Мой спутник Суворин-фис * уже спит... Раздеваюсь донага и ложусь... Темнота колеблется, кровать словно дышит... Бум, бум, бум... Обливаясь потом, задыхаясь и чувствуя во всем теле тяжесть от качки, я спрашиваю себя: «Зачем я здесь?»

Просыпаюсь... Уже не темно... Весь мокрый, с противным вкусом во рту одеваюсь и выхожу... Все покрыто росой... Козули глядят по-человечески сквозь решетку и, кажется, хотят спросить: зачем мы здесь? Капитан по-прежнему стоит неподвижно и всматривается вдаль...

Налево тянется гористый берег... Виден Эльборус из-за гор, вот так:

Восходит мутное солнце... Видна зеленая Рионская долина, а возле нее Потийская бухта...

(Продолжение следует.)⁴

118

К. С. БАРАНЦЕВИЧУ

12 августа 1888, Сумы

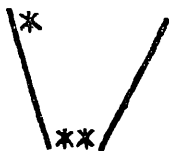
12 авг.

Здравствуйте, милый Кузьма Протапыч! Из дальних странствий возвратясь, я нашел у себя на столе два Ваших письма. Ответ на них припасу к концу письма сего, а теперь сообщу Вам, где я был и что видел. Был я в Крыму, в Новом Афоне, в Сухуме, Ба-

* сын (от франц.— fils).

туме, Тифлисе, Баку... Видел я чудеса в решетке... Впечатления до такой степени новы и резки, что все пережитое представляется мне сновидением, и я не верю себе. Видел я море во всю его ширь, Кавказский берег, горы, горы, горы, эвкалипты, чайные кусты, водопады, свиней с длинными острыми мордами, деревья, окутанные лианами, как вуалью, тучки, ночующие на груди утесов-великанов, дельфинов, нефтяные фонтаны, подземные огни, храм огнепоклонников, горы, горы, горы... Пережил я Военно-Грузинскую дорогу. Это не дорога, а поэзия, чудный фантастический рассказ, написанный демоном и посвященный Тамаре... Вообразите Вы себя на высоте 8000 футов... Вообразили? Теперь извольте подойти мысленно к краю пропасти и заглянуть вниз; далеко, далеко Вы видите узкое дно, по которому вьется белая ленточка — это седая, ворчливая Арагва; по пути к ней Ваш взгляд встречает тучки, лески, овраги, скалы. Теперь поднимите немножко глаза и глядите вперед себя: горы, горы, горы, а на них насекомые — это коровы и люди... Поглядите вверх — там страшно глубокое небо. Дует свежий горный ветерок...

Вообразите две высокие стены и между ними длинный, длинный коридор; потолок — небо, пол — дно Терека; по дну вьется змея пепельного цвета. На одной из стен полка, по которой мчится коляска, в которой сидите Вы... Вот так:

* Это вы.** Змея.

Змея злится, ревет и щетинится. Лошади летят как черти... Стены высоки, небо еще выше... С вершины стен с любопытством глядят вниз кудрявые деревья... Голова кружится! Это Дарьяльское ущелье, или, выражаясь языком Лермонтова, теснины Дарьяла.

Господа туземцы свиньи. Ни одного поэта, ни одного певца. Жить где-нибудь на Гадауре или у Дарьяла и не писать сказки — это свинство!

Вашего мрачного взгляда на будущее я не разделяю. Одному господу богу ведомо, что будет и чего не будет. Ему же ведомо, кто прав и кто неправ... Мы же, наши критики и гг. редакторы едва ли можем смочь свое суждение иметь... У человека слишком недостаточно ума и совести, чтобы понять сегодняшний день и угадать, что будет завтра, и слишком мало хладнокровия, чтобы судить себя и других... Вы живете на тундре, окутанный туманом, рисуете серенькую, тифозную жизнь, ради гусиков¹ служите на конно-лошадиной дороге и сырость водосточных труб не променяете на теснины Дарьяла; я веду бродячую жизнь, бегу обязательной службы, рисую природу и довольного человека, трусливо сторонюсь от тумана и тифа... Кто из нас прав, кто лучше? Аристархов ответил бы на этот вопрос, Скабичевский тоже, но мы с Вами не ответим и хорошо сделаем. Мнения наших судей ценны только постольку, поскольку они красивы и влияют на розничную продажу, наши же собственные мнения о самих себе и друг о друге, быть может, и имеют цену, но такую неопределенную, что никакой жид не принял бы их в залог; на них не выставлена проба, а пробирная палатка на небе...

Пишите, пока есть силы, вот и все, а что будет потом, господь ведает. Сдается, что я куплю хутор, т. е. не куплю, а приму на себя долг хуторовладельца. Устрою климатическую станцию для литературной братии². Место хорошее, смешное: Миргородский уезд Полтавской губ. Сколько раков! Если не приедете, то мы враги. В другой раз Вы будете рассудительнее: чтобы не скучать в дороге, будете брать с собою единого из гусиков.

Поклонитесь Альбову и общим знакомым. Будьте здоровы.

Ваш А. Чехов.

Штаны брошу в Псел. К кому приплывут, того и счастье.

А. Н. ПЛЕЩЕЕВУ

13 августа 1888, Сумы

13 авг.

Здравствуйте, милый Алексей Николаевич! Я вернулся восвояси. Был я в Крыму, в Новом Афоне, в Сухуме, в Батуме, в Тифлисе, в Баку; хотел съездить в Бухару и в Персию, но судьбе угодно было повернуть мои оглобли назад¹. Впечатления новые, резкие, до того резкие, что все пережитое представляется мне теперь сновидением. Писать Вам с дороги не было возможности, ибо было нестерпимо жарко, я чувствовал себя гоняемым на корде, и впечатлений было так много, что я решительно обалдел и не знал, о чем писать. В Феодосии я получил Ваше письмо; ответить толком и пространно, когда кружится голова от крымского и во рту пересохло от длинных разговоров, когда впечатления смешались в окрошку, трудно.

О своем путешествии расскажу Вам в Питере. Буду рассказывать часа два, а описывать его на бумаге не буду, ибо описание выйдет кратко и бледно.

Теперь сижу я у окна, пишу, поглядываю в окно на зелень, залитую солнцем, и уныло предвкушаю прозу московского жития. Ах, как не хочется уезжать отсюда! Каналья Псел, как нарочно, с каждым днем становится все красивее, погода прекрасная; с поля возят хлеб... Москва с ее холодом, плохими пьесами, буфетами и русскими мыслями пугает мое воображение... Я охотно прожил бы зиму подальше от нее.

Через шесть месяцев весна. Через пять я начну бомбардировать Вас приглашениями к себе. Вероятно, и будущее лето я буду жить на Псле.

Вы приедете в мае и проживете месяца два.

Мне хочется, чтобы Вы познакомились с Полтавской губернией.

Сегодня в камере разбирательство. Мать хочет подать прошение министру юстиции: мировой судья мешает ей стряпать!² Тот маленький «манасеин»³, к которому Вы хаживали по утрам, цел и невредим.

Роман мой на точке замерзания. Он не стал длиннее...⁴ Чтобы не остаться без гроша, спешу писать всякую чепуху. Для «Северного вестника» дам повестушку в ноябре или октябре⁵, но роман едва ли попадет на его страницы⁶. Я так уж и порешил, что роман будет кончен года через три-четыре.

Суворин, пока я гостил у него, был здоров и весел. Теперь же, когда у него умер сын, он, как можно судить по его телеграммам, которые приходилось читать, в отчаянии. Что-то фатальное тяготеет над его семьей.

Вышел ли и когда выйдет гаршинский сборник?⁷

У Баранцевича дело, кажется, затормозилось⁸.

Жорж играет. Думает ехать в консерваторию.

Ну, будьте счастливы, здоровы, и да хранит Вас небо! Увидимся, вероятно, в ноябре. Планов у меня много, ах, как много! Об одном из своих планов, касающемся отчасти и Вас, сообщу через неделю⁹.

Низкий поклон всем Вашим. Не забывайте кланяться от меня Вашим сыновьям.

Ваш А. Чехов.

120

А. П. ЧЕХОВУ

28 августа 1888, Сумы

28 авг. Сумы.

Бесшабашный шантажист, разбойник пера и мошенник печати!! Отвечаю на твое поганое и поруганное достойное письмо по пунктам:

1) Прежде всего о «Сумерках»... Если где-нибудь в Чухломе и Купянске торчат в шкафах непроданные экземпляры, то из этого не следует, что обе столицы, Ростов и Харьков, должны быть лишены удовольствия покупать мою книгу. Во-вторых, хозяин книги не магазин, а ты. Не его дело рассуждать, а твое. Магазин должен соображаться с твоими вкусами и желаниями тем паче, что ты человек близкий к Суворину, желающий ему добра и посему не терпящий магазинных бес-

порядков. Пожалуйста, будь посамостоятельней! Если будешь слушать магазинных барышень, то не продашь ни одного экземпляра. Удивительно: почему нет объявлений? Почему не рекламируют книг моих и Бежецкого?

2) Книжную выручку ввиду ее грошоватости не бери, а оставляй в кассе. Возьмешь, когда скопится приличная сумма, этак рублей 200—300 (случится сие не быстро).

3) Теперь о твоём браке. Апостол Павел не советует говорить о сих мерзостях, а я лично держусь того мнения, что в делах амурных, шаферных и бракоразводных третьи лица с их советами являются телами инородными. Но если во что бы то ни стало хочешь знать мое мнение, то вот оно. Прежде всего, ты лицемер 84-й пробы. Ты пишешь: «Мне хочется семьи, музыки, ласки, доброго слова, когда я, наработавшись, устал, сознания, что пока я бегая по пожару... и проч.». Во-первых, тебя никто не заставляет бегать по пожарам. На это существуют Готберги и К^о, тебе же, солидному и грамотному человеку, можно заняться чем-нибудь более солидным и достойным; «Новое время» велико и обильно, но порядка в нем нет; если грамотные сотрудники будут бегать по пожарам да читать корректуры, то кто же займется порядками? Во-вторых, ты не Чбхов¹, и отлично знаешь, что семья, музыка, ласка и доброе слово даются не женитьбой на первой, хотя бы весьма порядочной, встречной, а любовью. Если нет любви, то зачем говорить о ласке? А любви нет и не может быть, так как Елену Михайловну ты знаешь меньше, чем жителей луны. В-третьих, ты не баба и отлично знаешь, что твоя вторая жена будет матерью только своих детей; для цуцыков она будет суррогатом матери, т. е. мачехой, а требовать от мачехи нежного внимания и любви к чужим детям — значит ставить ее в невыносимо неловкое, фальшивое положение. В-четвертых, я не решаюсь думать, что ты хочешь жениться на свободной женщине только из потребности иметь няньку и сиделку; мне кажется, что твоя молодость (33 — хорошие годы) и твоя не чоховская и не мионовская² душа чужды сего эгоизма,

свойственного людям положительным и с характером; думающим, что своею женитьбою они осчастливят не только жену, но даже и ее родню до десятого колена. Что касается Елены Михайловны, то она врач, собственница, свободна, самостоятельна, образованна, имеет свои взгляды на вещи. Она сыта и независима по самое горло. Решиться выйти замуж она, конечно, может, ибо она баба, но ни за какие миллионы не выйдет, если не будет *любви* (с ее стороны). Посуди сам, на кой леший выходить ей из теплого родного гнезда, ехать в тундру, жить с человеком, которого она совсем не знает, если нет естественного к тому импульса, т. е. любви? Ведь это не самка, не искательница ощущений и приключений, а, повторяю, женщина свободная и рассуждающая, знающая себе цену и честная абсолютно. Выйти замуж она может только из любви, ради себя и своих будущих детей, но никак не из принципа и филантропии. Это не голова дынькой, не немка и не отставная титулярная советница. Автобиографией и слезоточием ее не тронешь; цуцыками тоже, ибо она сама по себе, цуцыки сами по себе...

Положение, в котором вы теперь оба находитесь, определяется кратко: ты не чувствуешь к ней ничего серьезного, кроме желания жениться во что бы то ни стало и заграбастать ее в няньки к цуцыкам, она тоже тебя не любит... Оба вы чужды друг другу, как колокольный звон кусочку мыла... Стало быть, ты, просящий *заглазно* руки и объясняющийся в любви, которой нет, так же нелеп, как Григорий Чохов, посылающий сваху к девушке, которой он не видел, но про которую слышал много хорошего. Вообрази лицо Елены Михайловны, читающей твое письмо! Вообразил?

Тебе ничто не мешало пожить у меня на даче месяц или два; ничто не мешает тебе приехать на Луку в рождественские святки в гости или летом... В 1—2 месяца можно и людей узнать и себя показать. Ты нравишься Елене Михайловне, кажешься ей необыкновенным; значит, мог бы и сам полюбить (она очень хорошая) и любовь возбудить. Ты будешь употреблять человеческие приемы и женишься по-человечески, как

и все, если же станешь держаться системы Чоховых или Николая, то ты не человек, и женщина, за тебя вышедшая,— сплошная дура.

Если будешь жить на Луке зимой или будущим летом, то я всячески буду помогать тебе и даже приданое тебе дам (20 коп.), а пока, прости, я замкну уста и всеми силами буду стараться не ставить в неловкое положение таких хороших людей, как Елена Михайловна и ты. Оба вы достойны гораздо лучшей участи, чем чоховщина и энтакая штука³. Молчу, молчу и молчу, советую сестре молчать и боюсь, чтобы мать не оказала тебе медвежьей услуги.

На случай, если в самом деле женишься когда-нибудь на Елене Михайловне (чего я сердечно желаю), спрячь сие письмо; ты прочтешь его супруге своей и спросишь ее: прав я был или нет? Если я не прав, то, значит, оба вы ни шиша не стоите, по[...] черепок и обоим вам туда и дорога, и про обоих я скажу, что вы не люди, а зулусы, профанирующие брак, любовь и человечность в отношениях...

Линтваревым я скажу, что зимою, быть может, ты приедешь к ним отдохнуть. Они будут рады. Отпуск у Суворина я для тебя выхлопочу. Пока будь здоров, но не будьте благомысленны и учитесь как бог велит⁴.

Все здравствуют.

Твой Антуан.

В Москве я буду 5 сентября. Адрес прошлогодний.

121

А. Н. ПЛЕЩЕЕВУ

15 сентября 1888, Москва

15 сент.

Милый Алексей Николаевич, не велите казнить, велите слово вымолвить! Теперь вижу, что, когда я обещал Вам рассказ для *октябрьской* книжки, в моей голове перепуталась вся арифметика. Едучи-в Москву,

я решил в сентябре писать для «Северного вестника», кончить к 1—2 октября и послать не позже 5 октября... Вот это-то канальское «октября» и перепуталось в моей башке с «октябрьской» книжкой. Начав писать в начале сентября, я никоим образом не мог бы поспеть к той книжке, которая печатается в сентябре! Прошу убедительно Вас и Анну Михайловну простить меня за рассеянность. В ноябрьской книжке рассказ мой будет — это вне всякого сомнения (если не забракуете его). Я пишу его помаленьку, и выходит он у меня сердитый, потому что я сам сердит ужасно...¹

Что касается гаршинского сборника², то не знаю, что и сказать Вам. Не дать рассказа — не хочется. Во-первых, таких людей, как покойный Гаршин, я люблю всей душой и считаю своим долгом публично расписываться в симпатии к ним; во-вторых, Гаршин в последние дни своей жизни много занимался моей особой³, чего я забыть не могу; в-третьих, отказаться от участия в сборнике — значит поступить не по-товарищески, сиречь по-свински. Все это я чувствую до мозга костей, но представьте мое нелепое положение! У меня решительно нет тем, сколько-нибудь годных для сборника.

Все, что есть, или очень пошло, или очень весело, или очень длинно... Был один неважный сюжетец, да и тот я уже пустил в дело и в образе небольшого очерка послал в «Новое время»⁴, где я по уши залез в долги... Впрочем, есть у меня еще одна тема: молодой человек гаршинской закваски, недюжинный, честный и глубоко чуткий, попадает первый раз в жизни в дом терпимости. Так как о серьезном нужно говорить серьезно, то в рассказе этом все вещи будут названы настоящими их именами. Быть может, мне удастся написать его так, что он произведет, как бы я хотел, гнетущее впечатление; быть может, он выйдет хорош и сгодится для сборника, но поручитесь ли Вы, милый, что цензура или сама редакция не выхватят из него то, что в нем я считаю за важное? Ведь сборник иллюстрированный, стало быть, цензурный. Если поручитесь, что *ни одно* слово не будет вычеркнуто, то я напишу рассказ в два вечера;⁵ если же ручаться нельзя, то погодите

недельку, я дам Вам мой окончательный ответ: авось надумаю сюжет!

Исполать многопишущим Щедрину и Щеглову! Конечно, много работать лучше, чем ничего не делать, и Ваш упрек по адресу молодых писателей вполне заслужен. С другой же стороны, многописание к лицу не всякому писателю. Взять бы хоть меня, к примеру. В истекший сезон я написал «Степь», «Огни», пьесу, два водевиля, массу мелких рассказов, начал роман... и что же? Если промыть 100 пудов этого песку, то получится (если не считать гонорара) 5 золотников золота, только.

Все-таки мне и в предстоящий сезон не избежать многописания. Буду во все лопатки стараться заработать возможно больше денег, чтобы опять провести лето, ничего не делая... Ах, как мне опостылела Москва! Осень еще только началась, а уж я помышляю о весне.

Покупку хутора я отложил до декабря. Вы боитесь, чтобы я не опутал себя банковскими цепями. Едва ли это возможно. Дело в том, что я покупаю пустыки, и в банк мне придется платить не более того, что я ежегодно плачу за дачу, т. е. 100—150—200 руб., а на это меня хватит. А банковский долг при среднем заработке можно будет похерить в 2—3 года. Если же вздумаю строиться, то самая дорогая постройка в 6—7 комнат, высоких, с полами, обойдется не дороже тысячи рублей, которую я могу летом авансировать в трех местах или же просто заработать к лету. Крыша в первое время будет соломенная (что в Полтавской губ. очень красиво делается), полы и окна выкрасим сами (Миша отлично красит), и многое сами сделаем, ибо к этому с малолетства приучены. Главное — мебель и обстановка. Если нет комфорта, то самый хороший дом покажется черт знает чем. А мебели-то у меня и нет. Увы!

Если Ваша догадка относительно Короленко⁶ справедлива, то очень жаль. Короленко незаменим. Его любят и читают, да и человек он очень хороший. Откровенно говоря, мне грустно, что и Михайловский уже больше не работает в «Северном вестнике». Он

талантлив и умен, хотя и скучноват был в последнее время; заменить его Протопоповым или Impracatus'ом так же трудно, как заменить луну свечкой.

Вероятно, будущим летом, по крайней мере до июля, мы опять будем жить у Линтваревых. В Крым ехать я Вам не советую; уж коли хотите ошеломиться природой и ахнуть, то поезжайте на Кавказ. Минуя курорты вроде Кисловодска, поезжайте по Военно-Грузинской дороге в Тифлис, оттуда в Боржом, из Боржома через Сурамский перевал в Батум. Это дешевле, чем житье в [...] Ялте.

Жоржик, кажется, едет в консерваторию.

Поклон всем Вашим и Леонтьеву.

Будьте счастливы.

Ваш А. Чехов.

В Питере буду в ноябре.

122

А. П. ЧЕХОВУ

24 сентября 1888, Москва

Отче Александре!

Сейчас был у меня Суворин и со свойственною ему нервозностью, с хождением из угла в угол и смотрением через очки стал мне слезно каяться, что он сделал «непростительную и неловкую глупость», которую никогда себе не простит. Он сообщил мне, что, садясь в вагон близ Симферополя и будучи удручен тяжелыми мыслями и дифтеритообразною болезнью своего маленького сынишки, он прочел твой рассказ «Письмо»¹ (рассказ очень неплохой), который ему не понравился, и тотчас же написал тебе грубое письмо, что-то вроде: «Писать и печатать плохие рассказы можно, но узурпировать чужое имя нельзя и проч.»... Письмо это написано просто из желания сорвать свою хандру на первом попавшемся. Ты был первый, тебе и влетело.

По приезде в Петербург Суворин будет перед тобой извиняться. С своей стороны, считаю нужным

заявить тебе следующее. Об узурпации и подделке под чужое имя не может быть и речи, ибо:

1) Каждый русскоподданный властен писать что угодно и подписываться как угодно, тем паче подписывать свое собственное имя.

2) О том, что подпись «Ал. Чехов» не представляет для меня неудобства и не вовлекает меня в протори и бесславию, у нас с тобой был уже разговор, и мы на этот счет с тобой уже условились. Критерий «один пишет лучше, другой хуже» не может иметь места, ибо времена переменчивы, взгляды и вкусы различны. Кто сегодня писал хорошо, тот завтра может превратиться в бездарность, и наоборот. То, что мною уже изданы 4 книги, нимало не говорит против тебя и против твоего права. Через 3—5 лет у тебя может быть 10 книг, так неужели же и мне придется просить у тебя позволения расписываться Антоном, а не Антипом Чеховым?

3) Когда Суворин-фис* от имени редакции спросил меня, не имею ли я чего-нибудь против Ал. Чехова, и когда я ответил отрицательно, то он сказал:

— Это ваше дело. Нам же лучше, если имя Чехова будет чаще встречаться в газете.

Извиняясь, Суворин будет в свое оправдание приводить свой разговор с Альфонсом Додэ, который жаловался ему на брата Эрнеста Додэ. Этот разговор доказывает только то, что А. Додэ не скромен и открыто сознается, что он лучше брата, и еще доказывает, что Эрнесту от Альфонса житья нет и что Альфонс *жалуется*.

Пока я не жалуюсь и не являюсь истцом, до тех пор никто не вправе тащить тебя в Синедрион.

Смертного часа нам не миновать, жить еще придется недолго, а потому я не придаю серьезного значения ни своей литературе, ни своему имени, ни своим литературным ошибкам. Это советую и тебе. Чем проще мы будем смотреть на щекотливые вопросы вроде затронутого Сувориным, тем ровнее будут и наша жизнь и наши отношения.

* сын (от франц.— fils).

Ан. Чехов и Ал. Чехов — не все ли это равно?
Пусть это интересует Бурениных и прочих похабников, а мы с тобой отойдем в сторону.
Мне жаль Суворина. Он искренно опечален.
Все наши здравы.

Твой А. Чехов.

123

А. Н. ПЛЕЩЕЕВУ

4 октября 1888, Москва

Едва послал Вам письмо, как получил от Вас, дорогой Алексей Николаевич, известие, которое очень не понравится Светлову. Я сейчас сообщу ему Ваш ответ и буду настойчиво рекомендовать «Дурного человека»¹.

Если бы Ваше письмо пришло двумя часами позже, то мой рассказ был бы послан Вам, теперь же он на полпути в Басков переулок².

Был бы рад прочесть, что написал Мережковский³. Пока до свиданья. Прочитавши мой рассказ, напишите мне. Он Вам не понравится, но Вас и Анны Михайловны я не боюсь. Я боюсь тех, кто между строк ищет тенденции и кто хочет видеть меня непременно либералом или консерватором. Я не либерал, не консерватор, не постепеновец, не монах, не индифферентист. Я хотел бы быть свободным художником и — только, и жалею, что бог не дал мне силы, чтобы быть им. Я ненавижу ложь и насилие во всех их видах, и мне одинаково противны как секретари консисторий, так и Нотович с Градовским. Фарисейство, тупоумие и произвол царят не в одних только купеческих домах и кутузках; я вижу их в науке, в литературе, среди молодежи... Потому я одинаково не питаю особого пристрастия ни к жандармам, ни к мясникам, ни к ученым, ни к писателям, ни к молодежи. Фирму и ярлык я считаю предрассудком. Мое святое святых — это человеческое тело, здоровье, ум, талант, вдохновение, любовь и абсолютнейшая свобода, свобода от силы и

лжи, в чем бы последние две ни выражались. Вот программа, которой я держался бы, если бы был самым художником.

Однако я заболтался. Будьте здоровы.

Ваш А. Чехов.

124

А. С. СУВОРИНУ

Между 4 и 6 октября 1888, Москва

Здравствуйте, Алексей Сергеевич! Корша я успокою¹, как только увижусь с ним. А если у Вас будут лишние деньги, то не покупайте театра. Иметь в столице театр, возиться с актерами, актрисами и авторами, угадывать вкусы публики, видеть в своем театре всегда рожи газетчиков, требующих контрамарок и пишущих неизвестно где,— все это не возбуждает нервы, а гнетет; к тому же антрепренерские бразды делают человека слишком популярным. На Вашем месте «центр нервной деятельности» я целиком перенес бы на юг. Там море и свежие люди. Там можно завести пароход «Новое время», можно построить церковь по собственному вкусу, и театр, и даже буфет — и все бы это пошло впрок. В театре можно свои пьесы ставить.

Жан Щеглов все еще говорит о «Дачном муже»², о Корше, о Гламе, о Соловцове... Когда мы его не слушаем, он обращается к моему жильцу-гимназисту³ и начинает изливаться ему свою душу. Дернула же его нелегкая родиться мужчиной, да еще драматургом! Он у Вас будет. Успокойте его, пожалуйста, хотя это и не легко.

Маслову передайте, что Евреинова и прочие дамы «Северного вестника» не виноваты. Заметка о его книге сделана и помещена неким умным мужчиной без ведома дам⁴. Когда я летом ехал с Евреиновой на юг (она была без турнюра, и публика ужасно над ней потешалась), то она всю дорогу мечтала только о поднятии в журнале беллетристического отдела и о приглашении «молодых сил», в том числе и Маслова.

Заметка неважная, меня ругают чаще и резче; придавать ей значение не следует, и Маслов сделал бы недурно, если бы послал Евреиновой повесть. Ему нужно жениться, пить вино, не бросать военной службы и писать то, что хочется... А ведь он хочет писать повести! Что же касается «Русской мысли», то там сидят не литераторы, а копченые сиги, которые столько же понимают в литературе, как свинья в апельсинах. К тому же библиографический отдел ведет там дама. Если дикая утка, которая летит в поднебесье, может презирать свойскую, которая копается в навозе и в лужах, и думает, что это хорошо, то так должны презирать художники и поэты мудрость копченых сигов. Сердит я на «Русскую мысль» и на всю московскую литературу!⁵

У Виктора Петровича сочленовный ревматизм. При этой болезни иногда бывает воспаление сердца, и врач всегда должен быть настороже. Причиной пороков сердца чаще всего бывает ревматизм. Но только зачем Виктор Петрович выходит из дому? Ему нельзя ни выходить, ни работать, ни мыться... Я так полагаю, что через месяц он будет уже здоров. Пусть «Ивана Ильича»⁶ бросит читать: от сочленовного ревматизма не умирают.

В «Иванове» я радикально переделал 2 и 4 акты⁷. Иванову дал монолог, Сашу подвергнул ретуши и проч. Если и теперь не поймут моего «Иванова», то брошу его в печь и напишу повесть «Довольно!». Названия не изменю. Неловко. Если бы пьеса не давалась еще ни разу, тогда другое бы дело.

Вся моя фамилия Вам кланяется.

Щеглов, видевший Сальвини 6 раз, говорит, что Отелло — Ленский хорош. Хочу написать коротенькую рецензию, да не знаю, с какого конца начать... Поклон Анне Ивановне, Насте и Байрону⁸. Виноградовым желаю скорейшего выздоровления.

Ваш А. Чехов.

Так как зимою Вы заняты, то буду стараться писать Вам такие письма, которые не требуют ответа.

А Алексея Алексеевича все еще нет!

Д. В. ГРИГОРОВИЧУ

9 октября 1888, Москва

9 октября. Кудринская-Садовая, д. Корнеева.

Мне весело, дорогой Дмитрий Васильевич, что Вы, наконец, выздоровели и вернулись в Россию. Те, кто Вас видел, писали мне, что Вы уже совершенно здоровы, по-прежнему бодры и читали даже свою новую повесть¹, что у Вас теперь большая борода.

Если грудная боль прошла, то уж, вероятно, и не вернется, но бронхит едва ли оставил Вас в покое; если он утих летом, то зимою может вновь обостриться от малейшей неосторожности. Сам по себе бронхит не опасен, но он мешает спать, утомляет и раздражает. Вы поменьше курите, не пейте квасу и пива, не бывайте в курильных, в сырую погоду одевайтесь потеплей, не читайте вслух и не ходите так быстро, как Вы ходите. Эти мелкие предосторожности стесняют и раздражают не меньше бронхита, но что делать?

Я рад и тому, что получил от Вас письмо. Письма Ваши коротки, как хорошие стихи, выдаюсь я с Вами редко, но мне кажется, и даже я почти уверен, что если в Петербурге не будет Вас и Суворина, то я потеряю равновесие и понесу ужасную чепуху.

Премия для меня, конечно, счастье, и если бы я сказал, что она не волнует меня, то солгал бы². Я себя так чувствую, как будто кончил курс, кроме гимназии и университета, еще где-то в третьем месте. Вчера и сегодня я брожу из угла в угол, как влюбленный, не работаю и только думаю.

Конечно — и это вне всякого сомнения — премией этой я обязан не себе. Есть молодые писатели лучше и нужнее меня, например Короленко, очень недурной писатель и благородный человек, который получил бы премию, если бы послал свою книгу. Мысль о премии подал Я. П. Полонский, Суворин подчеркнул эту мысль и послал книгу в Академию. Вы же были в Академии и стояли горой за меня.

Согласитесь, что если бы не вы трое, то не видать бы мне премии, как ушей своих. Я не хочу скромничать и уверять Вас, что все вы трое были пристрастны, что я не стою премии и проч.,— это было бы старо и скучно; я хочу только сказать, что своим счастьем я обязан не себе. Благодарю тысячу раз и буду всю жизнь благодарить.

В малой прессе я не работаю уж с нового года. Свои мелкие рассказы я печатаю в «Новом времени», а что покрупнее отдаю в «Северный вестник», где мне платят 150 р. за лист. Из «Нового времени» я не уйду, потому что привязан к Суворину, к тому же ведь «Новое время» не малая пресса. Определенных планов на будущее у меня нет. Хочется писать роман, есть чудесный сюжет, временами охватывает страстное желание сесть и приняться за него, но не хватает, по-видимому, сил. Начал и боюсь продолжать. Я решил, что буду писать его не спеша, только в хорошие часы, исправляя и шлифуя; потрачу на него несколько лет; написать же его сразу, в один год, не хватает духа, страшно своего бессилия, да и нет надобности торопиться. Я имею способность — в этом году не любить того, что написано в прошлом, мне кажется, что в будущем году я буду сильнее, чем теперь; и вот почему я не тороплюсь теперь рисковать и делать решительный шаг. Ведь если роман выйдет плох, то мое дело навсегда проиграно.

Те мысли, женщины, мужчины, картины природы, которые скопились у меня для романа, останутся целы и невредимы. Я не растрянжирю их на мелочи и обещаю Вам это. Роман захватывает у меня несколько семейств и весь уезд с лесами, реками, парами, железной дорогой. В центре уезда две главные фигуры, мужская и женская, около которых группируются другие шашки. Политического, религиозного и философского мировоззрения у меня еще нет; я меняю его ежемесячно, а потому придется ограничиться только описанием, как мои герои любят, женятся, родят, умирают и как говорят³.

Пока не пробил час для романа, буду продолжать писать то, что люблю, то есть мелкие рассказы в

1—1½ листа и менее. Растягивать неважные сюжеты на большое полотно — скучно, хотя и выгодно. Трогать же большие сюжеты и тратить дорогие мне образы на срочную, поденную работу — жалко. Подожду более удобного времени.

Запретить брату подписываться его фамилией я не имею права. Прежде чем начать подписываться, он спрашивался у меня, и я сказал ему, что ничего не имею против⁴.

Лето я провел великолепно. Жил в Харьковской и в Полтавской губ., ездил в Крым, в Батум, в Баку, пережил Военно-Грузинскую дорогу. Впечатлений много. Если бы я жил на Кавказе, то писал бы там сказки. Удивительная страна!

В Петербурге я буду не раньше ноября и явлюсь к Вам в день приезда, а пока позвольте еще раз поблагодарить Вас от всего сердца, пожелать здоровья и счастья.

Сердечно преданный

А. Чехов.

126

А. Н. ПЛЕЩЕЕВУ

9 октября 1888, Москва

9 октября

Простите, дорогой Алексей Николаевич, что пишу на простой бумаге; почтовой нет ни одного листа, а ждать, когда принесут из лавочки, не хочется и некогда.

Большое Вам спасибо за то, что прочли мой рассказ, и за Ваше последнее письмо¹. Вашими мнениями я дорожу. В Москве мне разговаривать не с кем, и я рад, что в Петербурге у меня есть хорошие люди, которым нескучно переписываться со мной. Да, милый мой критик, Вы правы! Середина моего рассказа скучна, сера и монотонна. Писал я ее лениво и небрежно. Привыкнув к маленьким рассказам, состоящим только из начала и конца, я скучаю и начинаю жевать, когда чувствую, что пишу середину. Правы

Вы и в том, что не таите, а прямо высказываете свое подозрение: не боюсь ли я, чтобы меня сочли либералом? Это дает мне повод заглянуть в свою утробу. Мне кажется, что меня можно скорее обвинить в обжорстве, в пьянстве, в легкомыслии, в холодности, в чем угодно, но только не в желании казаться или не казаться... Я никогда не прятался. Если я люблю Вас, или Суворина, или Михайловского, то этого я нигде не скрываю. Если мне симпатична моя героиня Ольга Михайловна, либеральная и бывшая на курсах, то я этого в рассказе не скрываю, что, кажется, достаточно ясно. Не прячу я и своего уважения к земству, которое люблю, и к суду присяжных. Правда, подозрительно в моем рассказе стремление к уравниванию плюсов и минусов. Но ведь я уравниваю не консерватизм и либерализм, которые не представляют для меня главной сути, а ложь героев с их правдой. Петр Дмитрич лжет и буфонит в суде, он тяжел и безнадежен, но я не могу скрыть, что по природе своей он милый и мягкий человек. Ольга Михайловна лжет на каждом шагу, но не нужно скрывать, что эта ложь причиняет ей боль. Украинофил не может служить уликой². Я не имел в виду Павла Линтварева. Христос с Вами! Павел Михайлович умный, скромный и про себя думающий парень, никому не навязывающий своих мыслей. Украинофильство Линтваревых — это любовь к теплу, к костюму, к языку, к родной земле! Оно симпатично и трогательно. Я же имел в виду тех глубокомысленных идиотов, которые бранят Гоголя за то, что он писал не по-хохлацки, которые, будучи деревянными, бездарными и бледными бездельниками, ничего не имея ни в голове, ни в сердце, тем не менее стараются казаться выше среднего уровня и играть роль, для чего и нацепляют на свои лбы ярлыки. Что же касается человека 60-х годов, то в изображении его я старался быть осторожен и краток, хотя он заслуживает целого очерка. Я щадил его. Это полинявшая недейтельная бездарность, узурпирующая 60-е годы; в V классе гимназии она поймала 5—6 чужих мыслей, застыла на них и будет упрямо бормотать их до самой смерти. Это не шарлатан, а дурачок, кото-

рый верует в то, что бормочет, но мало или совсем не понимает того, о чем бормочет. Он глуп, глух, бессердечен. Вы бы послушали, как он во имя 60-х годов, которых не понимает, брюзжит на настоящее, которого не видит; он клеветает на студентов, на гимназисток, на женщин, на писателей и на все современное и в этом видит главную суть человека 60-х годов. Он скучен, как яма, и вреден для тех, кто ему верит, как суслик. Шестидесятые годы — это святое время, и позволять глупым сусликам узурпировать его — значит опошлять его. Нет, не вычеркну я ни украинофила, ни этого гуся, который мне надоел! Он надоел мне еще в гимназии, надоедает и теперь. Когда я изображаю подобных субъектов или говорю о них, то не думаю ни о консерватизме, ни о либерализме, а об их глупости и претензиях.

Теперь о мелочах. Когда студента Военно-медицинской академии спрашивают, на каком он факультете, то он коротко отвечает: на медицинском. Объяснять публике разницу между академией и университетом в обычном, разговорном языке станет только тот студент, кому это интересно и не скучно. Вы правы, что разговор с беременной бабой смахивает на нечто толстовское. Я припоминаю. Но разговор этот не имеет значения; я вставил его клином только для того, чтобы у меня выкидыш не вышел *ex abrupto** Я врач и посему, чтобы не осрамиться, должен мотивировать в рассказах медицинские случаи. И насчет затылка Вы правы. Я это чувствовал, когда писал, но отказаться от затылка, который я наблюдал, не хватило мужества: жалко было³.

Правы Вы также, что не может лгать человек, который только что плакал. Но правы только отчасти. Ложь — тот же алкоголизм. Лгуны лгут и умирая. На днях неудачно застрелился аристократ-офицер, жених одной знакомой нам барышни. Отец этого жениха, генерал, не идет в больницу навестить сына и не пойдет до тех пор, пока не узнает, как свет отнесся к самоубийству его сына...

* внезапно (лат.).

Я получил Пушкинскую премию! Эх, получить бы эти 500 рублей летом, когда весело, а зимой они пойдут прахом.

Завтра сажусь писать рассказ для гаршинского сборника. Буду стараться. Когда он выльется в нечто форменное, то я уведомя Вас и обеспечу обещанием. Готов он будет, вероятно, не раньше будущего воскресенья. Я теперь волнуюсь и плохо работаю.

Один экземпляр сборника запишите Линтваревым, другой артисту Ленскому... Впрочем, я пришлю список своих подписчиков. Какая цена сборнику?

Светлову ответ давно уже послан.

«Цепи» Сумбатова хороши⁴. Ленский играет Пропорьева великолепно. Будьте здоровы и веселы. Премия выбила меня из колеи. Мысли мои вертятся так глупо, как никогда. Мои все кланяются Вам, а я кланяюсь Вашим. Холодно.

Ваш А. Чехов.

Неужели и в последнем рассказе не видно «направления»? Вы как-то говорили мне, что в моих рассказах отсутствует протестующий элемент, что в них нет симпатий и антипатий...⁵ Но разве в рассказе от начала до конца я не протестую против лжи? Разве это не направление? Нет? Ну, так значит, я не умею кусаться или я блоха...

Цензуру я боюсь. Она вычеркнет то место, где я описываю председательство Петра Дмитрича. Ведь нынешние председатели в судах все такие!

Ах, как я Вам надоел!

А. Чехов.

127

Е. М. ЛИНТВАРЕВОЙ

9 октября 1888, Москва

9 октября

Простите, уважаемый товарищ, что я пишу Вам на простой бумаге. Почтовой не оказалось в столе ни единого листика, а ждать, когда принесут из лавочки, некогда.

Я насчет плахт¹. В цене, пожалуйста, не беспокойтесь. Я назначил Вам цифры, потому что не имею понятия о цене. Выбирая плахты, останавливайте свой выбор предпочтительно на темных и линючих цветах. Простите, милый доктор, за беспокойство! Если Вы сердитесь, то напишите мне ругательное письмо: я прочту его и смиренно прижму к сердцу.

Гаршинский сборник выйдет в декабре. Задержка от беллетристов, которые едва ли дадут что-нибудь путное. Я тоже даю².

Рассказ в 2¹/₂ листа уже послан в «Северный вестник»³. Начало и конец читаются с интересом, но середина — жеваная мочалка. Не хватило пороху!

В моей печке воет жалобно ветер. Что-то он, подлец, говорит, но что — не пойму никак.

Получил я известие, что Академия наук присудила мне Пушкинскую премию в 500 р. Это, должно быть, известно уже Вам из газетных телеграмм. Официально объявят об этом 19 октября в публичном заседании Академии с подобающей случаю классической торжественностью. Это, должно быть, за то, что я раков ловил.

Премия, телеграммы, поздравления, актеры, актрисы, пьесы — все это выбило меня из колеи. Прошлое туманится в голове, я ошалел; тина и чертовщина городской, литераторской суеты охватывают меня, как спрут-осьминог. Все пропало! Прощай лето, прощайте раки, рыба, остроносые челноки, прощай моя лень, прощай голушенький костюмчик.

Прощай, покой, прости, мое довольство!
Все, все прости! Прости, мой ржущий конь,
И звук трубы, и грохот барабана,
И флейты свист, и царственное знамя,
Все почести, вся слава, все величье
И бурные тревоги славных войн!
Простите вы, смертельные орудья,
Которых гул несется по земле,
Как грозный гром бессмертного Зевеса!⁴

Если когда-нибудь страстная любовь выбивала Вас из прошлого и настоящего, то то же самое почти я чувствую теперь. Ах, нехорошо все это, доктор, нехо-

рошо! Уж коли стал стихи цитировать, то, стало быть, нехорошо!

Однако боюсь надоест Вам. Будьте здоровы и веселы.

Александр Васильевне почтительно целую руку, а всем прочим посылаю сердечный привет.

Суворин забыл у меня очки. Сопричислил их к сорочке Плещеева и брючкам Баранцевича. Музей растет.

Ваш А. Чехов.

Написал, чтобы Вам выслали гаршинский сборник.

128

А. С. СУВОРИНУ

10 октября 1888, Москва

10 октября

Известие о премии имело ошеломляющее действие. Оно пронеслось по моей квартире и по Москве, как грозный гром бессмертного Зевеса. Я все эти дни хожу, как влюбленный; мать и отец несут ужасную чепуху и несказанно рады, сестра, стерегущая нашу репутацию со строгостью и мелочностью придворной дамы, честолюбивая и нервная, ходит к подругам и всюду трезвонит. Жан Щеглов толкует о литературных Яго и о пятистах врагах, каких я приобрету за 500 руб. Встретились мне супруги Ленские и взяли слово, что я приеду к ним обедать; встретилась одна дама, любительница талантов, и тоже пригласила обедать; приезжал ко мне с поздравлением инспектор Мещанского училища¹ и покупал у меня «Каштанку» за 200 руб., чтоб «нажить»... Я думаю так, что даже Анна Ивановна, не признающая меня и Щеглова наравне с Расстригиным, пригласила бы меня теперь обедать. Иксы, Зеты и Эны, работающие в «Будильниках», в «Стрекозах» и «Листках», переполошились и с надеждою взирают на свое будущее. Еще раз повторяю: газетные беллетристы второго и третьего сорта должны воздвигнуть мне памятник или по край-

ней мере поднести серебряный портсигар; я проложил для них дорогу в толстые журналы, к лаврам и к сердцам порядочных людей. Пока это моя единственная заслуга, все же, что я написал и за что мне дали премию, не проживет в памяти людей и десяти лет.

Мне ужасно везет. Лето я провел великолепно, счастливо, истратив почти гроши и не наделав особенно больших долгов. Улыбались мне и Псел, и море, и Кавказ, и хутор, и книжная торговля (я ежемесячно получал за свои «Сумерки»). В сентябре я отработал половину долга и написал повестушку в 2¹/₄ листа², что дало мне больше 300 р. Вышло 2-е издание «Сумерек». И вдруг, точно град с неба, эта премия!

Так мне везет, что я начинаю подозрительно коситься на небеса. Поскорее спрячусь под стол и буду сидеть тихо, смиренно, не возвышая голоса. Пока не решусь на серьезный шаг, т. е. не напишу романа, буду держать себя в стороне тихо и скромно, писать мелкие рассказы без претензий, мелкие пьесы, не лезть в гору и не падать вниз, а работать ровно, как работает пульс Буренина: *лмлмл*. Я послушаюсь того хохла, который сказал: «Колыб я був царем, то украв бы сто рублив и утик». Пока я маленький царек в своем муравейнике, украду сто рублей и убегу. Впрочем, кажется, я уж начинаю писать чепуху.

Теперь обо мне говорят. Куй железо, пока горячо. Надо бы напечатать объявление об обеих моих книгах раза три подряд теперь и 19-го, когда о премии будет объявлено официально. 500 рублей я спрячу на покупку хутора. Книжная выручка пойдет туда же.

Что мне делать с братом? Горе да и только. В трезвом состоянии он умен, робок, правдив и мягок, в пьяном же — невыносим. Выпив 2—3 рюмки, он возбуждается в высшей степени и начинает врать. Письмо написано им из страстного желания сказать, на писать или совершить какую-нибудь безвредную, но эффектную ложь. До галлюцинаций он еще не доходил, потому что пьет сравнительно немного. Я по его письмам умею узнавать, когда он трезв и когда пьян:

одни письма глубоко порядочны и искренни, другие лживы от начала до конца. Он страдает запоем — несомненно. Что такое запой? Это психоз такой же, как морфинизм, онанизм, нимфомания и проч. Чаще всего запой переходит в наследство от отца или матери, от деда или бабушки. Но у нас в роду нет пьяниц. Дед и отец иногда напивались с гостями шибко, но это не мешало им благовременно приниматься за дело или просыпаться к заутрене. Вино делало их благодушными и остроумными; оно веселило сердце и возбуждало ум. Я и мой брат учитель³ никогда не пьем solo*, не знаем толку в винах, можем пить сколько угодно, но просыпаемся с здоровой головой. Этим летом я и один харьковский профессор⁴ вздумали однажды напиться. Мы пили, пили и бросили, так как ничего у нас не вышло; наутро проснулись как ни в чем не бывало. Между тем Александр и художник⁵ сходят с ума от 2—3 рюмок и временами жаждут выпить... В кого они уродились, бог их знает. Мне известно только, что Александр не пьет зря, а напивается, когда бывает несчастлив или обескуражен чем-нибудь. Я не знаю его адреса. Если Вас не затруднит, то, пожалуйста, пришлите его домашний адрес. Я напишу ему политично-ругательно-нежное письмо. На него мои письма действуют.

Рад, что моя передовая пригодилась⁶. Рассказ о молодом человеке и о проституции, о котором я говорил Вам, посылается в гаршинский сборник⁷.

На душе у меня непокойно. Впрочем, все это пустяки. Поклон и привет всем Вашим. Список врачей я послал в календарь. Пришлось переделать все⁸. Если позволите, я в будущем году возьму на себя всю календарную медицину. Летом займусь в охотку. Будьте здоровы и покойны.

Ваш А. Чехов.

Маслов пишет мне: «2-й раз мне передают Ваш совет жениться. Что значит этот совет, благородный сэр?»

* в одиночку (итал.).

Посылаю рассказ учителя Ежова. Рассказ так же незрел и наивен, как его героиня Леля,—этим он хорош. Все деревянное я вычеркнул⁹.

Если рассказ не сойдется, то не бросайте. Мой протеже будет уязвлен.

129

А. С. СУВОРИНУ

18 октября 1888, Москва

18 окт.

Начало пьесы получил¹. Благодарю Вас. Благодетель войдет целиком, как он есть. Вы его сделали хорошо: он утомляет и раздражает с первых же слов, а если публика будет слушать его 3—5 минут подряд, то получится именно то впечатление, какое нужно. Зритель будет думать: «Ах, да замолчи ты, пожалуйста!» Этот человек, т. е. Благодетель, должен действовать на зрителей и как умный, подагрический брюзга и как скучная музыкальная пьеса, которую долго играют. Насколько он удался у Вас, Вы, я думаю, увидите, когда я набросаю первое действие и пришлю Вам.

В Анучине я оставляю фамилию и «все такое», разговор же его надо подмаслить немножко. Анучин натура рыхлая, маслянистая, любящая, и речь его тоже рыхлая, маслянистая, а у Вас он слишком отрывист и недостаточно благодетен. Надо, чтобы от этого крестного отца веяло старостью и ленью. Ему лень слушать Благодетельского; вместо того чтобы спорить, он охотнее подремал бы и послушал рассказов о Питере, о царе, о литературе, о науке или закурил бы в хорошей компании...

Напоминаю Вам афишу нашей пьесы:

1) Александр Платоныч Благодетель, член Государственного совета, имеет Белого орла, получает пенсии 7200 руб.; происхождения поповского, учился в семинарии. Положение, которое он занимал, добыто путем личных усилий. В прошлом ни одного пятна. Страдает подагрой, ревматизмом, бессонницей, шумом

в ушах. Недвижимое получил в приданое. Имеет ум положительный. Не терпит мистиков, фантазеров, юри-дивых, лириков, святош, не верует в бога и привык глядеть на весь мир с точки зрения дела. Дело, дело и дело, а все остальное — вздор или шарлатанство.

2) Борис, его сын-студент, юнец, очень нежный, очень честный, но ни бельмеса не смыслящий в жизни. Вообразив себя однажды народником, он вздумал одеться мужиком и нарядился турком. Играет отлично на рояле, поет с чувством, пишет тайком пьесы, влюбчив, тратит массу денег и всегда говорит вздор. Учит-ся плохо.

3) Дочь Благосветлова, но только, пожалуйста, не Саша. Это имя мне надоело уже в «Иванове». Коли сын Борис, то дочка пусть будет Настя. (Пусть мы Боре и Насте воздвигнем памятник нерукотворный...) Насте 23—24 года. Она отлично образованна, умеет мыслить... Петербург ей скучен, деревня тоже. Не любила ни разу в жизни. Ленива, любит философствовать, читает книги лежа, хочет выйти замуж только ради разнообразия и чтобы не остаться в старых де-вах. Говорит, что может влюбиться только в интерес-ного человека. За Пушкина или Эдиссона она вышла бы с удовольствием, она бы влюбилась, но за хороше-го человека она пойдет только от скуки; мужа будет уважать, а детей любить. Увидев и послушав Лешего, она отдается страсти до *pes plus ultra**, до судорог, до глупого, беспричинного смеха. Порох, подмочен-ный петербургской тундрой, высыхает под солнцем и вспыхивает с страшной силой... Любовное объясне-ние я придумал феноменальное.

4) Анучин, старик. Считает себя самым счастли-вым человеком в свете. Сыновья его в люди вышли, дочери замужем, а сам он — вольная птица. Никогда не лечился, никогда не судился, орденов не носил, забы-вает часы заводить и со всеми приятель. Ужинает плотно, спит отлично, пьет много и без последствий, на старость свою сердится, о смерти не умеет думать. Когда-то хандрил и брюзжал, имел плохой аппетит и

* до предела (лат.).

интересовался политикой, но случай спас его: однажды, по какому-то поводу, лет десять тому назад ему пришлось на земском собрании попросить у всех прощения — после этого он вдруг почувствовал себя весело, захотел есть и, как натура субъективная, общественная до мозга костей, пришел к тому заключению, что абсолютная искренность, вроде публичного покаяния, есть средство от всех болезней. Это средство рекомендует он всем, между прочим, и Благосветлову.

5) Виктор Петрович Коровин, помещик лет 30—33, Леший. Поэт, пейзажист, страшно чувствующий природу. Как-то, будучи еще гимназистом, он посадил у себя в саду березку; когда она позеленела и стала качаться от ветра, шелестеть и бросать маленькую тень, душа его наполнилась гордостью: он помог богу создать новую березу, он сделал так, что на земле стало одним деревом больше! Отсюда начало его своеобразного творчества. Он воплощает свою идею не на полотне, не на бумаге, а на земле, не мертвой краской, а организмами... Дерево прекрасно, но мало этого, оно имеет право на жизнь, оно нужно, как вода, как солнце, как звезды. Жизнь на земле немыслима без деревьев. Леса обуславливают климат, климат влияет на характер людей и т. д. и т. д. Нет ни цивилизации, ни счастья, если леса трещат под топором, если климат жесток и черств, если люди тоже жестоки и черствы... Будущее ужасно! Насте нравится он не за идею, которая ей чужда, а за талант, за страсть, за широкий размах идеи... Ей нравится, что он размахнулся мозгом через всю Россию и через десять веков вперед. Когда он прибегает к ее отцу и со слезами, всхлипывая, умоляет его, чтобы он не продавал своего леса на сруб, она хохочет от восторга и счастья, что наконец увидела человека, в которого не верила раньше, когда узнавала его черты в мечтах и в романах...

6) Галахов, сверстник Лешего, но уже статский советник, очень богатый человек, служащий вместе с Скальковским. Чиновник до мозга костей и отделаться от этого чиновничества своего никак не может, ибо оно унаследовано от дедов с плотью и кровью... Хочется ему жить сердцем, но не умеет. Стараются понимать

природу и музыку, но не понимает. Человек честный и искренний, понимающий, что Леший выше его, и открыто сознающийся в этом. Хочет жениться по любви, думает, что он влюблен, настраивает себя на лирический тон, но ничего у него не выходит. Настя нравится ему только как красивая, умная девушка, как хорошая жена, и больше ничего.

7) Василий Гаврилович Волков, брат покойной жены Благосветлова. Управляет именем последнего (свое прожил во время оно). Жалеет, что не крал. Он не ожидал, что петербургская родня так плохо будет понимать его заслуги. Его не понимают, не хотят понять, и он жалеет, что не крал. Пьет вишн и брюзжит. Держит себя с гонором. Подчеркивает, что не боится генералов. Кричит.

8) Люба, его дочь. Эта о земном печется. Куры, утки, ножи, вилки, скотный двор, премия «Нивы», которую нужно вставить в раму, угощение гостей, обеда, ужины, чай — ее сфера. Считает личным оскорблением для себя, если кто-нибудь вместо нее берется наливать чай: «А, стало быть, я уж не нужна в этом доме?» Не любит тех, кто сорит деньгами и не занимается делом. Преклоняется перед Галаховым за его положительность. Вы не так ее выпустили. Нужно, чтобы она вышла из глубины сада взволнованная и подняла крик: «Как смели Марья и Акулина оставить индюшат ночевать в росе?» или что-нибудь вроде. Она всегда строгая. Строга и с людьми и с утками. Настоящие хозяйки никогда не восхищаются делами рук своих, а, напротив, стараются доказать, что жизнь у них каторжная, отдохнуть, прости господи, некогда, все сидят сложа руки и только она, бедная, выбивается из сил... Настю и Бориса отчитывает за дармоедство, а Благосветлова боится.

9) Семен, мужик, приказчик у Лешего.

10) Странник Феодосий, старик 80 лет, но еще не седой. Николаевский солдат, служил на Кавказе и говорит по-лезгински. Сангвиник. Любит анекдоты и веселые разговоры; кланяется всем в ноги, целует в плечико и насильно целует дам. Послушник Афонско-

го монастыря. Собрал на своем веку 300 тысяч и все до копейки отослал в монастырь, сам же нищенствует. Пускает дурака и подлеца, не стесняясь ни чином, ни местом.

Вот Вам и вся афиша. Не позже рождества Вы получите мой материал для первого действия. Благосветлова я не трону. Он и Галахов Ваши, я от них отрекаюсь; добрая половина Насти Ваша. Я один с ней не справлюсь. Борис не важен, его одолеть нетрудно. Леший до четвертого акта мой, а в четвертом до беседы с Благосветловым Ваш. В этой беседе я должен буду держаться общего тона фигуры, тона, которого Вы не поймете.

Второй акт (гости) начнете опять Вы.

Феодосий — эпизодическое лицо, которое, думаю, понадобится: мне хочется, чтобы Леший на сцене не был одинок, чтобы Благосветлов почувствовал себя окруженным юродивыми. Я пропустил в афише m-lle Эмили, старуху француженку, которая тоже в восторге от Лешего. Нужно показать, как гг. Лешие действуют на женщин. Эмили добрая старушка, гувернантка, не потерявшая еще своего электричества. Когда бывает возбуждена, мешает французский язык с русским. Терпеливая сиделка Благосветлова. Она Ваша. Для нее в первом явлении я оставлю пробелы...

Видаюсь каждый день с Алексеем Алексеевичем. Из архитектора он превратился в ревизора. Боголепов стал еще боголепнее... Сегодня один из счетчиков в разговоре со мной назвал его «субботой»...

Если бы Иисус Христос был радикальнее и сказал: «Люби врага, как самого себя», то он сказал бы не то, что хотел Ближний — понятие общее, а враг — частность. Беда ведь не в том, что мы ненавидим врагов, которых у нас мало, а в том, что недостаточно любим ближних, которых у нас много, хоть пруд пруди. «Люби врага, как самого себя», — пожалуй, сказал бы Христос, если бы был женщиной. Женщины любят выхватывать из общих понятий яркие, бьющие в глаза частности. Христос же, стоявший выше врагов, не замечавший их, натура мужественная, ровная и широко думающая, едва ли придавал значение разнице,

какая есть в частности понятия «ближний». Мы с Вами субъективны. Если нам говорят, например, вообще про животных, то мы сейчас же вспоминаем про волков и крокодилов или же про соловьев и красивых козулей; для зоолога же не существует разницы между волком и козулей: для него она слишком ничтожна. Понятие «газетное дело» Вы усвоили себе в широкой степени; частности, которые заставляют волноваться публику, Вам представляются ничтожными... Вы усвоили себе общее понятие, и потому газетное дело удалось Вам; те же люди, которые сумели осмыслить только частности, потерпели крах... В медицине то же самое. Кто не умеет мыслить по-медицински, а судит по частностям, тот отрицает медицину; Боткин же, Захарьин, Вирхов и Пирогов, несомненно умные и даровитые люди, веруют в медицину, как в бога, потому что выросли до понятия «медицина». То же самое и в беллетристике. Термин «тенденциозность» имеет в своем основании именно неумение людей возвышаться над частностями.

Однако я исписываю уж 3-й лист. Ночь. Простите, пожалуйста. Поклон всем Вашим.

Я совершенно здоров.

Ваш А. Чехов.

О пьесе никому не говорите.

130

А. С. ЛАЗАРЕВУ-ГРУЗИНСКОМУ

20 октября 1888, Москва

20 окт.

Спасибо Вам, добрейший Александр Семенович, за поздравление. Насколько помню, льстецом я Вас никогда не обзывал и Вас не оспаривал; я говорил Вам только, что и великие писатели бывают подвержены риску исписаться, надоест, сбиться с панталыку и попасть в тираж. Я лично подвержен этому риску в сильнейшей степени, чего Вы, как умный человек, надеюсь, отрицать не станете. Во-первых, я «счастья ба-

ловень безродный»¹, в литературе я Потемкин, выско-
чивший из недр «Развлечения» и «Волны», я мещанин
во дворянстве, а такие люди недолго выдерживают,
как не выдерживает струна, которую торопятся натя-
нуть. Во-вторых, наибольшему риску сойти с рельсов
подвержен тот поезд, который идет ежедневно, без
остановок, невзирая ни на погоду, ни на количество
топлива...

Конечно, премия — большая штука и не для меня
одного. Я счастлив, что указал многим путь к толстым
журналам, и теперь не менее счастлив, что по моей
милости те же самые многие могут рассчитывать на
академические лавры. Все мною написанное забудет-
ся через 5—10 лет; по пути, мною проложенные, бу-
дут целы и невредимы — в этом моя единственная за-
слуга.

Ежов молодец. Он послал уже другой «субботник».

Ваш «субботник» мне симпатичен, особенно серед-
ка, где мать учит девочку².

Напрасно Вы приложили марки.

Ваш «субботник» вручил я Суворину-фису*, ко-
торый пребывает теперь в Москве.

Отчего Вы раздумали подписаться Лазаревым?

Мне Ваши рассказы нравятся; с каждым годом
Вы пишете все лучше и лучше, т. е. талантливее и ум-
нее. Но Вы рискуете опоздать. Надо торопиться. Если
Вы не пойдете форсированным маршем, то прозеваете:
Ваше место займут другие.

Ваш недостаток: в своих рассказах Вы боитесь дать
волю своему темпераменту, боитесь порывов и оши-
бок, т. е. того самого, по чему узнается талант. Вы из-
лишне вылизываете и шлифуете, все же, что кажется
Вам смелым и резким, Вы спешите заключить в скоб-
ки и в кавычки (напр. «В усадьбе»). Ради создателя,
бросьте и скобки и кавычки! Для вводных предложе-
ний есть отличный знак, это двойное тире (— имя-
рек —). Кавычки употребляются двумя сортами писа-
телей: робкими и бесталанными. Первые пугаются

* сыну (от франц.— fils).

своей смелости и оригинальности, а вторые (Нефедовы, отчасти Боборыкины), заключая какое-нибудь слово в кавычки, хотят этим сказать: гляди, читатель, какое оригинальное, смелое и новое слово я придумал!

И не подражайте Вы Билибину! Надо быть мужественным, сильным, а Вы в описаниях медового месяца и т. п. вдаетесь в сентиментально-игриво-старушечий тон, свойственный Билибину. Не надо этого... Описания природы у Вас недурны, Вы хорошо делаете, что боитесь мелочности и казенщины. Но опять-таки Вы не даете воли своему темпераменту. У Вас нет поэтому оригинальности в приемах. Женщин нужно описывать так, чтобы читатель чувствовал, что Вы в расстегнутой жилетке и без галстука, природу — то же самое. Дайте себе свободы.

Будьте здоровы. Поклон Вашей жене. Я жив и здоров.

Ваш А. Чехов.

131

А. С. СУВОРИНУ

24 октября 1888, Москва

24 окт.

Уважаемый Алексей Сергеевич, я умилился и написал заметку, которую при сем прилагаю¹. Тема хорошая, но заметка, кажется, опоздала и вышла слишком куцей. Такие вещи надо писать залпом, в 5 минут, а меня то и дело перебивают то визитеры, то домочадцы.

Я заказал к «Каштанке» рисунки². Еду сейчас к приятелю художнику, большому охотнику, изучившему собак до мозга костей. Попрошу его нарисовать собаку для обложки.

«Леший» годится для романа, я это сам отлично знаю³. Но для романа у меня нет силы. Не успеет еще время благоприятное. Маленькую повесть написать можно.

Если бы я писал комедию «Леший», то имел бы на первом плане не актеров и не сцену, а литературность.

Если бы пьеса имела литературное значение, то и на том спасибо.

Все мои Вам кланяются. Будьте здоровы. Я приеду в ноябре.

Ваш А. Чехов.

Алексей Алексеевич еще в Москве.

132

А. Н. ПЛЕЩЕЕВУ

25 октября 1888, Москва

25 окт.

Спасибо Вам за «Калхаса», дорогой Алексей Николаевич! Кто у Вас переписывал второй экземпляр? ¹ Кто бы ни был этот таинственный благодетель, передайте ему мою благодарность и обещание — привезти из Москвы конфет.

Елена Алексеевна была у нас два раза: днем и вечером. Днем посидела 6 минут, а вечером 22 минуты. Обещала побывать и в третий раз, но обещания своего не исполнила. Я ей вполне сочувствую: у нас мертвецки скучно. Пока не наступил настоящий зимний сезон, веселящий элемент дремлет, а скучающий брюзжит и наводит скуку. Шум в моей квартире начинается обыкновенно с конца ноября.

Вы пишете, чтобы я про «Северный вестник» держал в секрете. Недели 2—3 тому назад я получил письмо от некоего литератора, который подробнейшим образом описывал мне кризис, переживаемый «Северным вестником»; он пишет, что о кризисе все говорили вслух на похоронах Полетики. Вот тут и извольте иметь секреты! ²

Если у «Северного вестника» 4 тысячи подписчиков, то, конечно, робеть нечего! 4 тысячи — цифра настолько хорошая, что при известных усилиях и осторожности можно и капитал нажить и невинность соблюсти. По крайней мере можно обойтись без долгов. Чтобы приобрести пятую или шестую тысячу, нужно рекламировать. Без рекламы у нас все идет черепашьим шагом.

Пожалуйста, полюбуйтесь на 1-й номер «Эпохи»! Какое мальчишество! Все эти господа эпоховцы разыграли из себя таких мальчишек, что просто совестно³.

Жорженька талантливый человек. Из всех пианистов, скрипачей, дирижеров, барабанщиков и горнистов, каких только я знал на своем веку, Жорженька единственный показался мне художником. У него есть душа, есть чутье и взгляды, он неглуп и мало испорчен предрассудками тех кружков, где ему волею судеб приходилось бывать. Главное его горе — лень и робость. Он не верит себе. Я недостаточно серьезен и недостаточно музыкален, чтобы иметь силу убедить его. Вам же он, к счастью, верит, и Ваша попытка возбудить его может иметь хорошие результаты. Я хотел бы, чтоб умная и милая линтваревская семья не прожила свой век зря. Линтваревы — прекрасный материал; все они умны, честны, знающие, любящие, но все это погибает даром, ни за понюшку табаку, как солнечные лучи в пустыне.

Теперь о зависти. Если премию мне дали в самом деле не по заслугам, то и зависть, которую она возбуждает, свободна от правды. Завидовать и досадовать имеют нравственное право те, кто лучше меня или идет рядом со мной, но отнюдь не те господа Леманы и К^о, для которых я собственным лбом пробил дорогу к толстым журналам и к этой же премии! Эти сукины сыны должны радоваться, а не завидовать. У них ни патриотизма, ни любви к литературе, а одно самолюбьишко. Они готовы повесить меня и Короленко за успех. Будь я и Короленко гении, спаси мы с ним отечество, создай мы храм Соломонов, то нас возненавидели бы еще больше, потому что гг. Леманы не видят ни отечества, ни литературы — все это для них вздор; они замечают только чужой успех и свой неуспех, а остальное хоть травой порастить. Кто не умеет быть слугою, тому нельзя позволять быть господином; кто не умеет радоваться чужим успехам, тому чужды интересы общественной жизни и тому нельзя давать в руки общественное дело.

Мои все шлют Вам привет.

Ваш А. Чехов.

27 октября 1888, Москва

27 окт.

Ежов не воробей, а скорее (выражаясь на благородном языке охотников) он щенок, который еще не опсовел. Он еще только бегаёт и нюхает, бросается без разбора и на птиц и на лягушек. Определить его породу и способности пока затрудняюсь. В пользу его сильно говорят молодость, порядочность и неиспорченность в московско-газетном смысле.

Я иногда проповедую ересь, но до абсолютного отрицания вопросов в искусстве еще не доходил ни разу. В разговорах с пишущей братией я всегда настаиваю на том, что не дело художника решать узко специальные вопросы. Дурно, если художник берется за то, чего не понимает. Для специальных вопросов существуют у нас специалисты; их дело судить об общине, о судьбах капитала, о вреде пьянства, о сапогах, о женских болезнях... Художник же должен судить только о том, что он понимает; его круг так же ограничен, как и у всякого другого специалиста,— это я повторяю и на этом всегда настаиваю¹. Что в его сфере нет вопросов, а сплошную одни только ответы, может говорить только тот, кто никогда не писал и не имел дела с образами. Художник наблюдает, выбирает, догадывается, komponует — уж одни эти действия предполагают в своем начале вопрос; если с самого начала не задал себе вопроса, то не о чем догадываться и нечего выбирать. Чтобы быть покороче, закончу психиатрией: если отрицать в творчестве вопрос и намерение, то нужно признать, что художник творит непреднамеренно, без умысла, под влиянием аффекта; поэтому, если бы какой-нибудь автор похвастал мне, что он написал повесть без заранее обдуманного намерения, а только по вдохновению, то я назвал бы его сумасшедшим.

Требую от художника сознательного отношения к работе, Вы правы, но Вы смешиваете два понятия:

решение вопроса и правильная постановка вопроса. Только второе обязательно для художника. В «Анне Карениной» и в «Онегине» не решен ни один вопрос, но они Вас вполне удовлетворяют потому только, что все вопросы поставлены в них правильно. Суд обязан ставить правильно вопросы, а решают пусть присяжные, каждый на свой вкус.

Ежов еще не вырос. Другой, которого я рекомендую Вашему вниманию, А. Грузинский (Лазарев), талантливее, умнее и крепче.

Проводил я Алексея Алексеевича с наставлением — ложиться спать не позже полночи. Проводить ночи в работе и в разговорах так же вредно, как кутить по ночам. В Москве он выглядел веселей, чем в Феодосии; жили мы дружно и по средствам: он угощал меня операми, а я его плохими обедами.

Завтра у Корша идет мой «Медведь»². Написал я еще один водевиль: две мужские роли, одна женская³.

Вы пишете, что герой моих «Именин» — фигура, которую следовало бы заняться. Господи, я ведь не бесчувственная скотина, я понимаю это. Я понимаю, что я режу своих героев и порчу, что хороший материал пропадает у меня зря... Говоря по совести, я охотно просидел бы над «Именинами» полгода. Я люблю кейфовать и не вижу никакой прелести в скоропалительном печатании. Я охотно, с удовольствием, с чувством и с расстановкой описал бы *всего* моего героя, описал бы его душу во время родов жены, суд над ним, его пакостное чувство после оправдательного приговора, описал бы, как акушерка и доктора ночью пьют чай, описал бы дождь... Это доставило бы мне одно только удовольствие, потому что я люблю рыться и возиться. Но что мне делать? Начинаю я рассказ 10 сентября с мыслью, что я обязан кончить его к 5 октября — крайний срок; если просрочу, то обману и останусь без денег. Начало пишу покойно, не стесняю себя, но в середине я уж начинаю робеть и бояться, чтобы рассказ мой не вышел длинен: я должен помнить, что у «Северного вестника» мало денег и что я один из дорогих сотрудников. Потому-то начало выходит у меня всегда многообещающее, точно я роман начал; середина

скомканная, робкая, а конец, как в маленьком рассказе, фейерверочный. Поневоле, делая рассказ, хлопчешь прежде всего о его рамках: из массы героев и полугероев берешь только одно лицо — жену или мужа, кладешь это лицо на фон и рисуешь только его, его и подчеркиваешь, а остальных разбрасываешь по фону, как мелкую монету, и получается нечто вроде небесного свода: одна большая луна и вокруг нее масса очень маленьких звезд. Луна же не удается, потому что ее можно понять только тогда, если понятны и другие звезды, а звезды не отделаны. И выходит у меня не литература, а нечто вроде шитья тришкиного кафтана. Что делать? Не знаю и не знаю. Положусь на всеисцеляющее время.

Если опять говорить по совести, то я еще не начал своей литературной деятельности, хотя и получил премию. У меня в голове томятся сюжеты для пяти повестей и двух романов. Один из романов задуман уже давно, так что некоторые из действующих лиц уже устарели, не успев быть написаны. В голове у меня целая армия людей, просящихся наружу и ждущих команды. Все, что я писал до сих пор, ерунда в сравнении с тем, что я хотел бы написать и что писал бы с восторгом. Для меня безразлично — писать ли «Именины», или «Огни», или водевиль, или письмо к приятелю, — все это скучно, машинально, вяло, и мне бывает досадно за того критика, который придает значение, например, «Огням», мне кажется, что я его обманываю своими произведениями, как обманываю многих своим серьезным или веселым не в меру лицом... Мне не нравится, что я имею успех; те сюжеты, которые сидят в голове, досадливо ревнуют к уже написанному; обидно, что чепуха уже сделана, а хорошее валяется в складе, как книжный хлам. Конечно, в этом вопле много преувеличенного, многое мне только *кажется*, но доля правды есть, и большая доля. Что я называю хорошим? Те образы, которые кажутся мне наилучшими, которые я люблю и ревниво берегу, чтоб не потратить и не зарезать к срочным «Именинам»... Если моя любовь ошибается, то я не прав, но ведь возможно же, что она не ошибается! Я дурак и

самонадеянный человек или же в самом деле я организм, способный быть хорошим писателем; все, что теперь пишется, не нравится мне и нагоняет скуку, все же, что сидит у меня в голове, интересуется меня, трогает и волнует — и из этого я вывожу, что все делают не то, что нужно, а я один только знаю секрет, как надо делать. Вероятнее всего, что все пишущие так думают. Впрочем, сам черт сломает шею в этих вопросах.

В решении, как мне быть и что делать, *деньги не помогут*. Лишняя тысяча рублей не решит вопроса, а сто тысяч — на небе вилами писаны. К тому же, когда у меня бывают деньги (быть может, это от непривычки, не знаю), я становлюсь крайне беспечен и ленив: мне тогда море по колено... Мне нужно одиночество и время.

Простите, что я занимаю Ваше внимание своей особой. Сорвалось с пера. Почему-то я теперь не работаю.

Спасибо, что помещаете мои статейки. Ради создателя, не церемоньтесь с ними: сокращайте, удлиняйте, видоизменяйте, бросайте и делайте, что хотите. Даю Вам, как говорит Корш, карт-бланш*. Я буду рад, если мои статьи не будут занимать чужого места.

Прочтите в «Стоглаве» почтовые правила — об отсылке денежных пакетов. Это Алексей Алексеевич сочиняет такие правила. Его медицинский отдел ниже всякой критики — можете передать ему это мнение специалиста!

Напишите мне, как по-латыни называется глазная болезнь Анны Ивановны. Я Вам напишу, серьезно это или нет. Если ей прописан атропин, то серьезно, хотя не безусловно. А у Насти что? Если думаете вылечиться в Москве от скуки, то напрасно: скучища страшная. Арестовано много литераторов, в том числе и всюду сующийся Гольцев, автор «Девятой симфонии»⁴. За одного из них хлопочет В. С. Мамышев, который был сегодня у меня.

Поклон всем Вашим.

Ваш А. Чехов.

У меня в комнате летает комар. Откуда он взялся? Благодарю за глазастые объявления о моих книгах.

* свободу действий (от франц. — *carte blanche*).

27 октября 1888, Москва

27 окт.

Доктор, Вы забыли написать, сколько стоят плахты. Такая скрытность меня немножко конфузит. Пожалуйста, напишите и, буде пожелаете дать какое-нибудь поручение, не церемоньтесь и давайте: я к Вашим услугам.

Премия имеет значение, так сказать, духовное. Если глядеть на нее с чиновничьей точки зрения, то она уподобляется Станиславу 3-й степени. Она казенная. Когда меня потащат служить на войну, ее запишут в мой формулярный список; главный корпусный доктор, прочитав сей список, глубокомысленно почешет у себя за ухом и промычит: «М-да». Вот и все.

Здоровья своего я не понимаю. Дня четыре было кровохарканье, а теперь, кроме ничтожного кашля, ничего... Вы рекомендуете мне принять меры, а не называете этих мер. Принимать доверов порошок? Пить анисовые капли? Ехать в Ниццу? Не работать? Давайте, доктор, условимся: не будем больше никогда говорить ни о мерах, ни об «Эпохе»...

Весь октябрь я ничего не делал. Приводил в порядок свои сценические безделки, писал длинные письма и передовые статьи, а беллетристикой не занимался. Сегодня в «Новом времени» (среда, 26 октября) есть мой короткий вопль по адресу покойного Пржевальского — образчик моих передовиц¹. Таких людей, как Пржевальский, я люблю бесконечно.

Вашей фразы, где Вы говорите о «мотивах, руководящих благородными и возвышенными душами», я не понял. Если это камешек в мой огород, то уверяю Вас, в моей пустыющей от скуки голове нет решительно никаких мотивов. Впрочем, есть только два мотива: 1) не залезть в долги и 2) дожидаться скорее весны и удрать куда-нибудь из Москвы, чтобы ничего не делать. Других мотивов, задач и желаний у меня нет.

В ноябре поеду в Питер. Всем Вашим мой сердечный привет. Будьте здоровы, и да пошлет аллах к Вашему изголовью золотые сны!

Душевно преданный

А. Чехов.

Лидия Федоровна предобрейший человек. Два слова о Вашем пианисте: ² если он в Питере займется делом, то из него выйдет большой толк. Мое пророческое чувство меня не обманывало никогда, ни в жизни, ни в моей медицинской практике. Через час еду на практику. Холодно.

135

М. В. КИСЕЛЕВОЙ

2 ноября 1888, Москва

2 ноября

Уважаемая Мария Владимировна! Маша получила от Вас письмо и вкратце рассказала мне его содержание. Ваше душевное состояние вынуждает меня говорить с Вами серьезно и прямо, и я серьезно, *честным словом* уверяю Вас, что Сережа совершенно здоров, весел, не кашляет, что он по-прежнему хороший мальчуган, учится недурно и — короче говоря — ни в его здоровье, ни в поведении, ни в образе жизни ничего не замечается такого, что могло бы внушать хотя бы даже маленькие подозрения или опасения. *Честное слово* — повторяю. Он по-прежнему ходит на голове, ласков, искренен, грустит по Бабкине и жадно ждет санного пути, когда Вы приедете к нам, и рождества, когда мы приедем к Вам ¹.

Я обещаю, что если случится что-нибудь, немедленно, ничего не утаивая, уведомить Вас. Всдъ Вы знаете отлично, что я не имею права скрывать от Вас и от Алексея Сергеевича ничего, что может так или иначе угрожать Сергею.

Каждое утро, лежа в постели, я слышу, как что-то громоздкое кубарем катится вниз по лестнице и чей-то крик ужаса: это Сережа идет в гимназию, а Ольга

провожает его. Каждый полдень я вижу в окно, как он в длинном пальто и с товарным вагоном на спине, улыбающийся и розовый, идет из гимназии. Вижу, как он обедает, как занимается, как шалит, и до сих пор не видел и тени такого, что могло бы заставить меня задуматься серьезно насчет его здоровья или чего-нибудь другого.

Вот и все.

Все у нас обстоит благополучно. Денег нет, но жду из Питера около тысячи рублей и получу ее скоро. Немножко практикую. Удалось мне написать глупый водевиль, который благодаря тому, что он глуп, имеет удивительный успех². Васильев в «Московских ведомостях» обругал³, остальные же и публика — на седьмом небе. В театре сплошной хохот. Вот и пойми тут, чем угодить!

Отчего Вы не пишете в «Роднике»? Писанье — отличное отвлекающее средство при мерлехлюндии.

Будьте здоровы и приезжайте при малейшей возможности: будем рады Вас видеть.

Поклон Барину и Василисе, Михаилу Петровичу и Елизавете Александровне.

Сердечно преданный

А. Чехов.

136

А. С. СУВОРИНУ

3 ноября 1888, Москва

3 ноябрь

Здравствуйте, Алексей Сергеевич! Сейчас облакаюсь во фракную пару, чтобы ехать на открытие «Общества искусств и литературы», куда я приглашен в качестве гостя. Будет форменный бал. Какие цели и средства у этого общества, кто там членом и проч.— я не знаю. Знаю только, что во главе его стоит Федотов, автор многих пьес. Членом меня не избрали, чему я очень рад, так как взносить 25 руб. членских за право скучать — очень не хочется. Если будет что-

нибудь интересное или смешное, то напишу Вам, Ленский будет читать мои рассказы.

В «Северном вестнике» (ноябрь) есть статья поэта Мережковского о моей особе. Статья длинная. Рекомендую Вашему вниманию ее конец. Он характерен. Мережковский еще очень молод, студент, чуть ли не естественник. Кто усвоил себе мудрость научного метода и кто поэтому умеет мыслить научно, тот переживает немало очаровательных искушений. Архимеду хотелось перевернуть землю, а нынешним горячим головам хочется обнять научно необъятное, хочется найти физические законы творчества, уловить общий закон и формулы, по которым художник, чувствуя их инстинктивно, творит музыкальные пьесы, пейзажи, романы и проч. Формулы эти в природе, вероятно, существуют. Мы знаем, что в природе есть а, б, в, г, до, ре, ми, фа, соль, есть кривая, прямая, круг, квадрат, зеленый цвет, красный, синий..., знаем, что все это в известном сочетании дает мелодию, или стихи, или картину, подобно тому как простые химические тела в известном сочетании дают дерево, или камень, или море, но нам только известно, что сочетание есть, но порядок этого сочетания скрыт от нас. Кто владеет научным методом, тот чувствует душой, что у музыкальной пьесы и у дерева есть нечто общее, что та и другое создаются по одинаково правильным, простым законам. Отсюда вопрос: какие же это законы? Отсюда искушение — написать физиологию творчества (Боборыкин), а у более молодых и робких — ссылаться на науку и на законы природы (Мережковский) ¹. Физиология творчества, вероятно, существует в природе, но мечты о ней следует оборвать в самом начале. Если критики станут на научную почву, то добра от этого не будет: потеряют десяток лет, напишут много балласта, запутают еще больше вопрос — и только. Научно мыслить везде хорошо, но беда в том, что научное мышление о творчестве в конце концов волей-неволей будет сведено на погоню за «клеточками», или «центрами», заведующими творческой способностью, а потом какой-нибудь тупой немец откроет эти клеточки где-нибудь в височной доле мозга, другой не согла-

сится с ним, третий немец согласится, а русский пробежит статью о клеточках и закатиет реферат в «Северном вестнике», «Вестник Европы» начнет разбирать этот реферат, и в русском воздухе года три будет висеть вздорное поветрие, которое даст тупицам заработок и популярность, а в умных людях поселит одно только раздражение.

Для тех, кого томит научный метод, кому бог дал редкий талант научно мыслить, по моему мнению, есть единственный выход — философия творчества. Можно собрать в кучу все лучшее, созданное художниками во все века, и, пользуясь научным методом, уловить то общее, что делает их похожими друг на друга и что обуславливает их ценность. Это общее и будет законом. У произведений, которые зовутся бессмертными, общего очень много; если из каждого из них выкинуть это *общее*, то произведение утратит свою цену и прелесть. Значит, это *общее* необходимо и составляет *conditio sine qua non** всякого произведения, претендующего на бессмертие.

Для молодежи полезнее писать критику, чем стихи. Мережковский пишет гладко и молодо, но на каждой странице он трусит, делает оговорки и идет на уступки — это признак, что он сам не уяснил себе вопроса... Меня величает он поэтом, мои рассказы — новеллами, моих героев — неудачниками, значит дует в рутину. Пора бы бросить неудачников, лишних людей и проч. и придумать что-нибудь свое. Мережковский моего монаха, сочинителя акафистов², называет неудачником. Какой же это неудачник? Дай бог всякому так пожить: и в бога верил, и сыт был, и сочинять умел... Делить людей на удачников и на неудачников — значит смотреть на человеческую природу с узкой, предвзятой точки зрения... Удачник Вы или нет? А я? А Наполеон? Ваш Василий? Где тут критерий? Надо быть богом, чтобы уметь отличать удачников от неудачников и не ошибаться... Иду на бал.

Вернулся я с бала. Цель общества — «единение». Один ученый немец приучил кошку, мышь, кобчика и

* неперемное условие (лат.).

воробья есть из одной тарелки. У этого немца была система, а у общества никакой. Скучища смертная. Все слонялись по комнатам и делали вид, что им не скучно. Какая-то барышня пела, Ленский читал мой рассказ (причем один из слушателей сказал: «Довольно слабый рассказ!», а Левинский имел глупость и жестокость перебить его словами: «А вот и сам автор! Позвольте вам представить», и слушатель провалился сквозь землю от конфуза), танцевали, ели плохой ужин, были обсчитаны лакеями... Если актеры, художники и литераторы в самом деле составляют лучшую часть общества, то жаль. Хорошо должно быть общество, если его лучшая часть так бедна красками, желаниями, намерениями, так бедна вкусом, красивыми женщинами, инициативой... Поставили в передней японское чучело, ткнули в угол китайский зонтик, повесили на перила лестницы ковер и думают, что это художественно. Китайский зонтик есть, а газет нет. Если художник в убранстве своей квартиры не идет дальше музейного чучела с алебардой, щитов и вееров на стенах, если все это не случайно, а прочувствовано и подчеркнуто, то это не художник, а священнодействующая обезьяна.

Получил сегодня от Лейкина письмо. Пишет, что был у Вас. Это добродушный и безвредный человек, но буржуа до мозга костей. Он если приходит куда или говорит что-нибудь, то непременно с задней мыслью. Каждое свое слово он говорит строго обдуманно и каждое Ваше слово, как бы оно ни было случайно сказано, мотает себе на ус в полной уверенности, что ему, Лейкину, это так нужно, иначе книги его не пойдут, враги восторжествуют, друзья покинут, кредитка³ прогонит... Лисица каждую минуту боится за свою шкуру, так и он. Тонкий дипломат! Если говорит обо мне, то это значит, что он хочет бросить камешек в огород «нигилистов», которые меня испортили (Михайловский), и брата Александра, которого он ненавидит. В своих письмах ко мне он меня предостерегает, пугает, советует, открывает мне тайны... Несчастный хромой мученик! Мог бы покойно прожить до самой смерти, но какой-то бес мешает...

У меня в семье маленькое *несчастье*⁴, о котором сообщу при свидании. Грянул гром на голову одного из братьев, и этот гром не дает мне работать и быть покойным. Что за комиссия, создатель, быть главою семейства!

Франуженки из кокетства, чтобы иметь большие зрачки, пускают в глаза атропин — и ничего.

Пьесу Маслова читает Петипа⁵. У Корша кавардак. Лопнул паровой кофейник и обварил у Рыбчинской лицо. Глама-Мещерская уехала в Петербург. У Соловцова больна подруга жизни Глебова и т. д. Играть некому, никто не слушается, все кричат, спорят... По-видимому, обстановочная, костюмная пьеса будет с ужасом отвергнута... А мне хотелось бы, чтоб «Обольстителя» поставили. Я не ради Маслова хлопочу, а просто из сожаления к сцене и из самолюбия. Надо всеми силами стараться, чтобы сцена из бакалейных рук перешла в литературные руки, иначе театр пропадет.

Кофейник убил моего «Медведя». Рыбчинская больна, и играть некому.

Все наши Вам кланяются. Анне Ивановне, Насте и Боре мой сердечный привет.

Ваш А. Чехов.

Водевиль можно печатать летом, а зимою неудобно. Летом я каждый месяц буду давать по водевилю, а зимою надо отказаться от этого удовольствия.

Запишите меня в члены Литературного общества. Когда приеду, буду посещать.

137

А. С. СУВОРИНУ

7 ноября 1888, Москва

7 ноябрь

Я не думал, Алексей Сергеевич, что мой атропин будет загадкой. Как-то Вы писали мне, что Григорович не велит *ничего* пускать в глаза; в ответ на это я

написал Вам, кажется, что француженки из кокетства пускают себе в глаза атропин — и ничего. Что может быть хуже уличной, комнатной и прочей пыли, что может быть вреднее прегрешений в нервной и кровеносной системах, которые связаны с зрительным аппаратом, как море с рекой? При этих прегрешениях капли — невинная штука...

Несчастье стряслось над живописцем. Дело вот в чем. Пять лет тому назад он вышел из училища живописи, не кончив в нем курса; все эти пять лет он жил без паспорта. Жил то у меня, то у своей femme *, то у приятелей... Нелегальность эта мучила и его и семью... Все пять лет собирался он начать хлопотать «завтра», но наступало это завтра, и он успокаивался. Я российские законы знаю, но паспортная канитель — это такая путаница, что не знаешь, с чего начать... Одни советуют брату обратиться в Таганрог, другие — сходить к генерал-губернатору, третьи — поступить в учителя, четвертые ужасаются и грозят... Сам черт не разберет, что нужно делать! Путаница еще больше запутывается одним обстоятельством: живописец, которому теперь 30—31 год, не был на призыве, не служил, не брал жребия, одним словом, имеет все данные, чтобы засесть на скамью подсудимых за уклонение от воинской повинности, караемое тюремным заключением и отдачей в солдаты без всяких льгот. Целый скандал! Небрежность, откладыванье до завтра, Бахус, некогда и мечтания продолжались бы без конца, если бы не грянул гром во образе городского, пришедшего спрашивать паспорт, и во образе метрического свидетельства, которое мой художник имел наивность послать в участок. Что теперь делать, не знаю. Один инспектор народных училищ, человек сильный, обещает в конце ноября взять с собою живописца в Дмитров и, подвергнув его учительскому экзамену, выдать ему вид, который одновременно дает ему легальное положение и освободит его от военщины. Но до конца ноября может произойти еще многое... Одним словом, скверно. Все это пока секрет.

* жены (франц.).

В скверности наших театров виновата не публика. Публика всегда и везде одинакова: умна и глупа, сердечна и безжалостна — смотря по настроению. Она всегда была стадом, которое нуждается в хороших пастухах и собаках, и она всегда шла туда, куда вели ее пастухи и собаки. Вас возмущает, что она хохочет плоским остроумиям и аплодирует звонким фразам; но ведь она же, эта самая глупая публика, дает полные сборы на «Отелло» и, слушая оперу «Евгений Онегин», плачет, когда Татьяна пишет свое письмо.

Публика, как она ни глупа, все-таки в общем умнее, искреннее и благодушнее Корша, актеров и драматургов, а Корш и актеры воображают, что они умнее. Взаимное недоразумение.

Сейчас у меня был Ежов. Огорчен. Я хочу посоветовать ему подождать работать в «Новом времени» еще год-два. Он еще молод, хотя и женат.

Водовоз где-то украл сибирского котенка с длинной белой шерстью и с черными глазами и привез к нам. Этот котенок принимает людей за мышей; увидев человека, он прижимается брюхом к полу, делает стойку и бросается к ногам. Сегодня утром, когда я шагал из угла в угол, он несколько раз подстерегал меня и бросался à la тигр на мои сапоги. Я думаю, что мысль, что он страшнее и сильнее всех в доме, доставляет ему высочайшее наслаждение.

Все мне советовали послать «Медведя» в Александрию. Посылаю. У Корша публика рыгает не переставая, хотя Соловцов и Рыбчинская играют совсем не артистически. Я с сестрой сыграли бы лучше¹.

Пришлите мне список пьес, Вами написанных и к представлению Вами и цензурою дозволенных. Это нужно, иначе Вас не запишут в члены Драматического общества. Если хотите, то можно ограничиться одной только «Медеей»².

На Драматическое общество я смотрю, как на коммерческое учреждение. У него единственная цель: стараться, чтобы члены получали возможно больше. Это такая хорошая цель, при которой все остальные не стоят яйца выеденного. Виктор Крылов большой сукин

сын, но ввиду цели я бы первый подал голос за то, чтоб он был председателем. Пока председательствуют иконы, а не работники, в обществе порядка не будет. Поклон всем Вашим. У нас сквернейшая погода.

Ваш А. Чехов.

138

А. Н. ПЛЕЩЕЕВУ

10 ноября 1888, Москва

88. XI. 10.

Милый Алексей Николаевич, рассказ близится совсем к концу. Завтра или послезавтра кончу, перепису, а в понедельник в 3 часа дня Вы его уже получите. Я пишу и все время стараюсь быть скромным, скромным до скуки. Предмет, как мне кажется, настолько щекотлив, что малейший пустяк может показаться сломом.

Думаю, что рассказ не будет резко выделяться из общего тона сборника. Он у меня грустный, скучный и серьезный¹.

Пришлите подписную книжку, но не забудьте написать, какая цена сборнику.

Читали ли Вы наглуую статью Евгения Гаршина в «Дне»?² Мне прислал ее один благодетель. Если не читали, то прочтите.

Вы оцените всю искренность этого злополучного Евгения, когда вспомните, как он раньше ругал меня³. Подобные статьи тем отвратительны, что они похожи на собачий лай. И на кого лает этот Евгений? На свободу творчества, убеждения, лиц... Нужно дуть в рутину и в шаблон, строго держаться казенщины, а едва журнал или писатель позволит себя проявить хоть на пустяке свою свободу, как поднимается лай.

Этот Евгений величает меня нововременцем и благохвалит за «своенравие». Очевидно, в «Дне» не платят гонорара, и малому пришла охота подмазаться к «Новому времени».

И странное дело! Судебный хроникер, описывая

подсудимого, старается держаться общепринятого, приличного тона; господа же критики, продергивая нас, не разбойников и не воров, пускают в ход такие милые выражения, как шушера, щенки, мальчишки... Чем мы хуже подсудимых?

Я послал Жану Щеглову свою безделку «Медведь» для представления его в «палату венецианских дождей» — так у вас в Питере величают театральный комитет, где Вы заседаете.

Мой «Медведь» в Москве идет с большим успехом, хотя медведь и медведица играют неважно ⁴.

Привет всем Вашим и Анне Михайловне. Короленко нет в Москве.

Будьте здоровы. Дай Вам бог хорошего аппетита, покойного сна и кучу денег.

Ваш А. Чехов.

Если видаетесь с В. Н. Давыдовым, то кланяйтесь.

139

А. С. СУВОРИНУ

11 ноября 1888, Москва

11 ноября

Благодарю Вас, Алексей Сергеевич, за Савину, т. е. за весть о ней. Я думаю, она отлично разделала бы медведицу. Но представьте мою маленькую беду! Жан Щеглов, которому я послал 2 экз. «Медведя» для театрально-литературного комитета, сегодня пишет мне, что он по совету В. П. Буренина снес моего «Медведя» Абариновой к ее бенефису. Тон у Жана Щеглова радостный: счастливчик, мол, тебя удостоили! Боюсь, как бы не произошла неловкость. Про Савину я слышал много хорошего, Абариновой совсем не знаю, а потому не имею причин разделять радостный тон Щеглова. В ответ на его письмо написал, что я Савиной дал уже согласие. Пусть бедняга выпутывается.

Сегодня я кончил рассказ для гаршинского сборника ¹ — словно гора с плеч. В этом рассказе я сказал свое, никому не нужное мнение о таких редких людях,

как Гаршин. Накатал чуть ли не 2000 строк. Говорю много о проституции, но ничего не решаю. Отчего у Вас в газете ничего не пишут о проституции? Ведь она страшнейшее зло. Наш Соболев переулочек — это рабовладельческий рынок.

Завтра и послезавтра буду переписывать рассказ и еще что-нибудь делать, а потом начну строчить для «Нового времени». Есть сюжеты.

В письмах к Щеглову я объясняюсь в нелюбви к театру. Хочу в него вселить эту нелюбовь, а то он за кулисами совсем обабился.

Глама у Корша подняла революцию. Никак не добьюсь толка: пойдет масловская пьеса или нет? ² Такой кавардак, что и не глядел бы. В неделю Корш ставит по 2 новые пьесы. Видел я на днях «Крокодиловы слезы» — бездарнейшая пятиактная белиберда некоего Карпова, автора «На земской ниве», «Вольной пташки» и проч. Вся пьеса, помимо ее дубоватой наивности, сплошное вранье и клевета на жизнь. Проворовавшийся старшина берет в лапы молодого непрямого члена * и хочет его женить на своей дочке, влюбленной в писаря, пишущего стихи. Перед свадьбой честный и юный землемер открывает глаза непрямому члену, этот последний открывает злоупотребления, крокодил, т. е. старшина, плачет, а одна из героинь восклицает: «Итак, порок наказан, добродетель торжествует!» — чем и кончается пьеса.

Бррр! После спектакля встречается мне Карпов и говорит:

— В этой пьесе я продернул желторотых либералов, потому она не понравилась и ее обругали... А мне наплевать!

Если я когда-нибудь скажу или напишу что-нибудь подобное, то возненавидьте меня и не знайтесь со мной.

Для своего будущего романа я написал строк триста о пожаре в деревне: в усадьбе просыпаются ночью и видят зарево — впечатления, разговоры, стук босых ног о железную крышу, хлопоты...

* помещика и дворянина. (Прим. А. П. Чехова.)

В члены Драматического общества я Вас не запишу, пока не поручите. Привет Вашим.

Ваш А. Чехов.

В каталоге Рассохина есть пьеса «Анна Каренина».

140

А. Н. ПЛЕЩЕЕВУ

13 ноября 1888, Москва

13 ноябрь

Уф! кончил, наконец, переписывать рассказ¹, за-паковал и послал Вам, дорогой Алексей Николаевич. Получили? Прочли? Небось сердитесь? Рассказ совсем неподходящий для альманашно-семейного чтения, не грациозный и отдает сыростью водосточных труб. Но совесть моя по крайней мере покойна: во-первых, обещание сдержал, во-вторых, воздал покойному Гаршину ту дань, какую хотел и умел. Мне, как медику, кажется, что душевную боль я описал правильно, по всем правилам психиатрической науки. Что касается девок, то по этой части я во времена оны был большим специалистом [...]

Где Жорж Линтварев? Что он делает?

О получении рассказа, пожалуйста, уведомьте; если он не сгодится у Вас, то я пушу его в другое место с надписью «Памяти Гаршина». Не дай бог, если не сгодится. Я с ним долго возился.

Денег у меня совсем нет, хоть караул кричи. Премию из Академии обещают выслать через 5—6 недель, а гонорара ниоткуда не шлют, потому что нигде не работаю. Когда издательница² вышлет в редакцию деньги, то скажите, чтобы мне выслали в мгновение ока, т. е. телеграфным переводом. Боже, какие Вы неловкие люди, зачем Вы отдали Сабашникову за этого монстра Евреинова? Зачем Вы не подождали меня? В интересах литературы я охотно женился бы на ней. У меня «Северный вестник» тогда имел бы 10—15 тысяч подписчиков. Я половину приданого ухлопал

бы на рекламу. И Сабашникова не была бы в обиде.

А Короленко у меня не был. Прислал ли он повесть? Если да, то очень рад, а то мне до тошноты надоело читать Чехова.

Статья Мережковского, если смотреть на нее как на желание заняться серьезной критикой, весьма симпатичное явление³. Главный ее недостаток — отсутствие простоты. Второй недостаток: автор не уяснил себе вопроса и недостаточно убежден; это видно из того, что почти на каждой странице он делает уступки и смешивает различные понятия; кое-где кричащие натяжки и туманности. Третий недостаток — это примечание редакции⁴, которое я, хоть убейте, решительно не понимаю. Про каких там сотрудников говорится? Так извольте же под каждой статьей Протопопова делать примечание, что «сия статья, хотя и не нравится Чехову, но мы ее помещаем». Редакция отвечает за каждую строчку вместе с автором; виноваты она и автор, третьи лица тут лишние. Кто не согласен, тот может писать особую статью, а делать вылазку из оврага не подобает. Редакция, какова бы она ни была, должна быть безусловно *самостоятельна*, по крайней мере в глазах публики, на то она редакция.

Хотел бы поехать к Вам в Питер, да денег нет. Савина хочет играть моего «Медведя» — она была у Суворина, взяла мой адрес и номер с «Медведем»⁵. В Москве он идет с треском, пойдет и в провинции шибко. Вот не знаешь, где найдешь, где потеряешь.

Актеры Малого театра нарасхват читают мои «Именины». Им нравится. Особенно женскому полу пришлось по вкусу.

Спасибо за желание читать корректуру моих рассказов. Но ведь при самом лучшем, идеальнейшем корректуре нельзя избежать опечаток. Дело не в ять и не в фите. Нужно, чтоб сами авторы читали в корректуре свои статьи. Если в будущем Вы будете высылать мне мои корректуры, то обещаю не задерживать их долее одного дня. Сердечный привет всем Вашим. Да хранит Вас бог и все ангелы его.

Ваш А. Чехов.

15 ноября 1888, Москва

15-го.

Посылаю Вам, милый Алексей Сергеевич, «Каштанку», которую потрудитесь спрятать. Это для обложки¹. Обложка у меня будет белая, а на ней пятном сядет собака. Будет просто, но хорошо. Рисовал художник Степанов, ярый охотник, изучивший собак до тонкостей. Изобразить помесь такса и дворняжки — задача нелегкая, но Степанов, как видите, решил ее блестяще. Поглядите на ноги и на грудь. Придать лисьей морде добродушно-собачье выражение тоже нелегко, но и это сделано. Вы покажите рисунок Насте и Боре. Если им понравится, значит хорошо. Остальные рисунки еще не готовы. Совестно подгонять: приятели.

Своими «Именинами» я угодил дамам. Куда ни приду, везде славословят. Право, недурно быть врачом и понимать то, о чем пишешь. Дамы говорят, что роды описаны *верно*. В рассказе, посланном для гаршинского сборника, я описал душевную боль.

Как Ваш рассказ? Мне любопытно прочесть. Я не думаю, чтобы он удался Вам, но знаю, что прочту его с большим интересом. У Вас много излишнего напряжения, подозрительности к себе, добросовестности, и Вы держите себя на веревочке, а это значит, что Вы несвободны; например: из боязни, что Вы недостаточно точны и что Вас не поймут, Вы находите нужным мотивировать каждое положение и движение. Репина² говорит: «Я отравилась!», — но Вам недостаточно этого, и Вы заставляете ее говорить лишние 2—3 фразы и таким образом своему чувству добросовестности жертвуете правдой. Я не скажу, чтоб это было коренным свойством Вашей природы. Это — привычка глядеть на все оком публициста. Старый солдат, о чем бы он ни говорил, всегда сведет речь на войну, так и Вы всегда сводите на публицистику.

Если бы Вы написали с десяток рассказов да штук пять пьес, тогда пошло бы дело иначе: привычка поддалась бы навыку. Если же говорить о натуре, то она у Вас исключительная. У Вас есть то, чего у других нет. Пока мы не разошлись или не умерли, я бы с удовольствием эксплуатировал Вашу силу; я бы украл у Вас то, чем Вы не пользуетесь. Отчего Вы отказываетесь писать вместе «Лешего»? ³ Если бы пьеса не удалась или если бы она пришлась Вам почему-либо не по вкусу, то я дал бы Вам слово никогда не ставить ее и не печатать. Если «Леший» не годится, то давайте другой сюжет. Давайте напишем трагедию «Олоферн» на мотив оперы «Юдифь» ⁴, где заставим Юдифь влюбиться в Олоферна; хороший полководец погиб от жидовской хитрости... Сюжетов много. Можно «Соломона» написать ⁵, можно взять Наполеона III и Евгению или Наполеона I на Эльбе...

Пишу для «Нового времени» рассказ. Описываю одну поганую бабу ⁶.

Вчера один коршевский актер просил меня протезировать ему в Вашем магазине: приобрести Тургенева с уступкой. Я сказал, что Тургенев издание не Ваше и что моя протекция ни к чему не поведет. Так ли я поступил?

Сердечный привет всем Вашим.

Ваш А. Чехов.

142

А. С. СУВОРИНУ

Между 20 и 25 ноября 1888, Москва

...Ах, какой я начал рассказ! Привезу и попрошу Вас прочесть его. Пишу на тему о любви. Форму избрал фельетонно-беллетристическую. Порядочный человек увез от порядочного человека жену и пишет об этом свое мнение; живет с ней — мнение; расходится — опять мнение. Мельком говорю о театре, о пред-рассудочности «несходства убеждений», о Военно-Грузинской дороге, о семейной жизни, о неспособности со-

временного интеллигента к этой жизни, о Печорине, об Онегине, о Казбеке... Такой винегрет, что боже упаси¹. Мой мозг машет крыльями, а куда лететь — не знаю.

Вы пишете, что писатели избранный народ божий. Не стану спорить. Щеглов называет меня Потемкинским в литературе, а потому не мне говорить о тернистом пути, разочарованиях и проч. Не знаю, страдал ли я когда-нибудь больше, чем страдают сапожники, математики, кондуктора; не знаю, кто вещает моими устами, бог или кто-нибудь другой похуже. Я позволю себе констатировать только одну, испытанную на себе маленькую неприятность, которая, вероятно, по опыту знакома и Вам. Дело вот в чем. Вы и я любим обыкновенных людей; нас же любят за то, что видят в нас необыкновенных. Меня, например, всюду приглашают в гости, везде кормят и поят, как генерала на свадьбе; сестра возмущается, что ее всюду приглашают за то, что она сестра писателя. Никто не хочет любить в нас обыкновенных людей. Отсюда следует, что если завтра мы в глазах добрых знакомых покажемся обыкновенными смертными, то нас перестанут любить, а будут только сожалеть. А это скверно. Скверно и то, что в нас любят такое, чего мы часто в себе сами не любим и не уважаем. Скверно, что я был прав, когда писал рассказ «Пассажир I класса», где у меня инженер и профессор рассуждают о славе.

Уеду я на хутор. Черт с ними! У Вас есть Феодосия.

Кстати о Феодосии и татарах. У татар расхитили землю, но об их благе никто не думает. Нужны татарские школы. Напишите, чтобы деньги, затрачиваемые на колбасный Дерптский университет, где учатся бесполезные немцы, министерство отдало бы на школы татарам, которые полезны для России. Я бы сам об этом написал, да не умею.

Лейкин прислал мне очень смешной водевиль своего сочинения². Это человек единственный в своем роде.

Будьте здоровы и счастливы.

Ваш А. Чехов.

Скажите Маслову, что судьба его пьесы³ решается: колебание то в одну, то в другую сторону. Одну испанскую пьесу поставили и провалились⁴, другой ставить не решаются.

143

А. С. СУВОРИНУ

28 ноября 1888, Москва

28 ноябрь

«Счастливые мысли»¹, дорогой Алексей Сергеевич, не совсем подходят. Читатель привык искать под этим заглавием мысли бернардовского пошиба². Во-вторых, это заглавие не раз уж эксплуатировалось малыми газетами.

Свой рассказ я кончу у Вас, и если он сгодится для «Нового времени», то я буду очень рад. Я бы его давно уже кончил, но мне мешают так, как никогда еще не мешали. Посетителям нет конца... Просто мука! Столько лишних разговоров о черт знает чем, что я обалдел и о Петербурге мечтаю, как о земле обетованной. Сяду у Вас в комнатке сиднем и не буду выходить.

Рассказ выходит скучноватым. Я учусь писать «рассуждения» и стараюсь уклоняться от разговорного языка. Прежде чем приступить к роману, надо приучить свою руку свободно передавать мысль в повествовательной форме. Этой дрессировкой я и занимаюсь теперь. Я дам Вам прочесть. Если мои опыты годны на что-нибудь, то берите; если не годны, то так и скажите. У меня много негодного товара, и я не чувствую себя дурно оттого, что не печатаю его. Сюжет рассказа таков: я лечу одну молодую даму, знакоюсь с ее мужем, порядочным человеком, не имеющим убеждений и мировоззрения; благодаря своему положению, как горожанина, любовника, мужа, мыслящего человека, он волей-неволей наталкивается на вопросы, которые волей-неволей, во что бы то ни стало должен решать. А как решать их, не имея мировоз-

зрения? Как? Знакомство наше венчается тем, что он дает мне рукопись — свой «автобиографический очерк», состоящий из множества коротких глав. Я выбираю те главы, которые мне кажутся наиболее интересными, и преподношу их благосклонному читателю. Рассказ мой начинается прямо с VII главы и кончается тем, что давно уже известно, а именно, что осмысленная жизнь без определенного мировоззрения — не жизнь, а тягота, ужас. Беру я человека здорового, молодого, влюбчивого, умеющего и выпить, и природой насладиться, и философствовать, не книжного и не разочарованного, а очень обыкновенного малого.

Выходит у меня не рассказ, а фельетон³.

Директора московских театров⁴ я *отлично* знаю. Добрую половину он врал на женщин.

Эчегерая можно играть в мещанской гостиной, а для Маслова нужно воздвигать соборы и кладбища⁵. Разница большая. Если бы пьеса Маслова была втрое хуже, но обыкновенная, бытовая или брыкательная, то она давно бы уже шла у Корша. Ведь вопрос не в том, хороша она или нет! Откуда Маслов взял, что Петипа — Дон-Жуан? Это деревянный, лакированный француз и больше ничего.

Привет Вашим. Отличные у Вас конверты! Когда я женюсь на богатой, то куплю себе на 100 руб. конвертов и на 100 р. духов.

Ваш А. Чехов.

Вместо «Счастливых мыслей» не взять ли «Без заглавия»?

144

А. И. ЛЕНСКОМУ

8 декабря 1888, Петербург

8 декабря

Уважаемый Александр Павлович.

Передайте Лидии Николаевне, что я *бесконечно* благодарен ей за легенду. Легенда имеет двойную

ценность: 1) она хороша и 2) как можно судить из разговоров с критиками и поэтами, нигде еще не была утилизирована. Мне она так нравится, что я теряюсь и не знаю, что сделать: вставить ли ее в повесть, сделать ли из нее маленький самостоятельный рассказик или же пуститься на самопожертвование и отдать ее какому-нибудь поэту. Я остановлюсь, вероятно, на первом, т. е. вставлю ее в повесть, где она послужит украшением¹. Что касается «образцов ораторского искусства», то я, к стыду моему, не нашел еще ни единого подходящего... Оказалось на деле, что выбрать гораздо труднее, чем я мог думать.

Надо составить хрестоматию, т. е. заняться выбором образцов специально. Вейнберговская хрестоматия, как уверяют в Петербурге, плоха и не удовлетворяет преподавателей. К тому же она аспидски дорога². Отчего бы Вам в Москве не собрать комиссию из 5—6 человек и отчего бы этой комиссии не составить хрестоматию? Вы человек опытный, могли бы это сделать. Потребуется на хрестоматию не больше года. Если сия идея не противна Вам, то намотайте ее на ус — по приезде поговорим и обсудим дело. Я *убежден*, что можно составить хрестоматию, которая будет стоить не дороже рубля с четвертаком.

В понедельник я читаю в Литературном обществе свой новый рассказ. Прения будут интересные³. Придется ставить свою шею под удары таких неотразимых диалектиков, как адвокаты Андреевский и кн. Урусов. Впрочем, с нами бог!

Жму Вам руку и еще раз прошу передать Лидии Николаевне мою сердечную благодарность.

Ваш А. Чехов.

145

А. С. СУВОРИНУ

23 декабря 1888, Москва

23 дек.

Дорогой Алексей Сергеевич, пьесу я получил¹ вчера в 8 часов вечера, но не двумя днями раньше, как Вы обещали и как бы следовало. Никулина спе-

шит как угорелая, и каждый час промедления портит ей пуд крови. Вчера от нее не было посланного. Плохой признак. Боюсь, что она не выдержала и велела переписывать роли по старому экземпляру.

Вчера я послал ей экземпляры, удержав у себя экземпляр старой редакции: боюсь, чтоб не напутали. Сегодня был у меня ее посланный с приглашением пожаловать в 5 часов. Вчера я написал ей: «Если гг. артисты пожелают сделать какие-нибудь изменения и выпуски, то автор (т. е. Вы) предоставляет им полную свободу действий. Он просит оставить неприкосновенными лишь некоторые места, указанные им в письме ко мне». Я буду спасать одного только Адашева — этого достаточно, чтобы была спасена от опустошения вся пьеса. Раз Адашев будет говорить, Репина поневоле должна будет отвечать ему.

Я прочел снова Вашу пьесу. В ней очень много хорошего и оригинального, чего раньше не было в драматической литературе, и много нехорошего (например, язык). Ее достоинства и недостатки — это такой капитал, которым можно было бы поживиться, будь у нас критика. Но этот капитал будет лежать даром непроизводительно до тех пор, пока не устареет и не выйдет в тираж. Критики нет. Дующий в шаблон Гатищев, осел Михневич и равнодушный Буренин — вот и вся российская критическая сила. А писать для этой силы не сто́ит, как не сто́ит давать нюхать цветы тому, у кого насморк. Бывают минуты, когда я положительно падаю духом. Для кого и для чего я пишу? Для публики? Но я ее не вижу и в нее верю меньше, чем в домового: она необразованна, дурно воспитана, а ее лучшие элементы недобросовестны и неискренни по отношению к нам. Нужен я этой публике или не нужен, понять я не могу. Буренин говорит, что я не нужен и занимаюсь пустяками, Академия дала премию — сам черт ничего не поймет. Писать для денег? Но денег у меня никогда нет, и к ним я от не привычки иметь их почти равнодушен. Для денег я работаю вяло. Писать для похвал? Но они меня только раздражают. Литературное общество, студенты, Евреинова, Плещеев, девицы и проч. расхвалили мой

«Припадок» всюду, а описание первого снега заметил один только Григорович². И т. д. и т. д. Будь же у нас критика, тогда бы я знал, что я составляю материал — хороший или дурной, все равно — что для людей, посвятивших себя изучению жизни, я так же нужен, как для астронома звезда. И я бы тогда старался работать и знал бы, для чего работаю. А теперь я, Вы, Муравлин и проч. похожи на маньяков, пишущих книги и пьесы для собственного удовольствия. Собственное удовольствие, конечно, хорошая штука; оно чувствуется, пока пишешь, а потом? Но... закрываю клапан. Одним словом, мне обидно за Татьяну Репину и жаль не потому, что она отравилась, а потому, что прожила свой век, страдальчески умерла и была описана совершенно напрасно и без всякой пользы для людей. Исчезла бесследно масса племен, религий, языков, культур — исчезла, потому что не было историков и биологов. Так исчезает на наших глазах масса жизней и произведений искусств благодаря полному отсутствию критики. Скажут, что критике у нас нечего делать, что все современные произведения ничтожны и плохи. Но это узкий взгляд. Жизнь изучается не по одним только плюсам, но и минусам. Одно убеждение, что восьмидесятые годы не дали ни одного писателя, может послужить материалом для пяти томов.

Изменения в пьесе не слишком заметны. Прерывать монолог, если его будет читать Ленский, особой необходимости нет. Но от этого, впрочем, пожалуй, выиграет Репина. Для молодого человека, утомленного жизнью, не убедительны никакие аргументы, никакие ссылки на бога, мать и проч. Утомление — это сила, с которой надо считаться. К тому же еще у Репиной болит нестерпимо желудок. Может ли она молча и не морщась слушать длинный монолог? Нет. Ее фраза: «Не то, не то вы говорите...» взята верно, а фраза на стр. 139: «Для жизни, для жизни...» мне непонятна. Не нужно, чтоб она соглашалась с Адашевым. Если ее заставит желать жить боль, то я пойму, но в силу слов адашевских я не верю. Да и не нужно, чтоб он был убедителен. Вставка про ласки ма-

тери «...я одна, одна» — это хорошо. Мегсі. Монолог с цветами (I явление) короток, можно бы длинней и сочней. У Вас в речи Репиной почти отсутствует сочная фраза. Конец III акта в руке Ермоловой. Напрасно Татьяна часто употребляет слово «проклятый»: обидчик проклятый, жид проклятый... В I действии новые слова Репиной о том, что она великодушнее, хороши и кстати, но рассказ Котельникова о Золотом тельце взят произвольно и составляет излишний орнамент.

Сейчас получил Ваше письмо. Отсутствие Саши в конце IV акта Вам резко бросилось в глаза³. Так и надо. Пусть вся публика заметит, что Саши нет. Вы настаиваете на ее появлении: законы, мол, сцены того требуют. Хорошо, пусть явится, но что же она будет говорить? Какие слова? Такие девицы (она не девушка, а девица) говорить не умеют и не должны. Прежняя Саша могла говорить и была симпатична, а новая своим появлением только раздражит публику. Ведь не может же она броситься Иванову на шею и сказать: «Я вас люблю!» Ведь она не любит и созналась в этом. Чтобы вывести ее в конце, нужно переделать ее всю с самого начала. Вы говорите, что ни одной женщины нет и что это сушит конец. Согласен. Могли явиться в конце и вступить за Иванова только две женщины, которые в самом деле любили его: родная мать и жидовка. Но так как они обе умерли, то и разговора быть не может. Сирота пусть и остается сиротой, черт с ним.

«Медведь» печатается вторым изданием⁴. А Вы говорите, что я не превосходный драматург. Я придумал для Савиной, Давыдова и министров водевиль под заглавием «Гром и молния»⁵. Во время грозы ночью я заставлю земского врача Давыдова заехать к девице Савиной. У Давыдова зубы болят, а у Савиной несносный характер. Интересные разговоры, прерываемые громом. В конце — женю. Когда я испишусь, то стану писать водевили и жить ими. Мне кажется, что я мог бы писать их по сотне в год. Из меня водевильные сюжеты прут, как нефть из бакинских

недр. Зачем я не могу отдать свой нефтяной участок Щеглову?

Послал Худекову за 100 рублей рассказ, который прошу не читать: мне стыдно за него⁶. Вчера я сел вечером, чтобы писать в «Новое время» сказку⁷, но явилась баба и потащила меня на Плющиху к поэту Пальмину, который в пьяном образе упал и расшиб себе лоб до кости. Возился я с ним, с пьяным, часа полтора-два, утомился, провонял иодоформом, озлился и вернулся домой утомленным. Сегодня писать было бы уже поздно. Вообще живется мне скучно, и начинаю я временами ненавидеть, чего раньше со мной никогда не бывало. Длинные, глупые разговоры, гости, просители, рублевые, двух- и трехрублевые подачки, траты на извозчиков ради больных, не дающих мне ни гроша,— одним словом, такой кавардак, что хоть из дому беги. Берут у меня займы и не отдают, книги тащат, временем моим не дорожат... Не хватает только несчастной любви.

Вернулся от Никулиной. Когда роль Олениной была уже отдана Лешковской, Федотова изъявила желание взять эту роль, но уж было поздно. Видите, какая Вам честь со всех сторон! Даже ненавидящие Вас ищут угодить Вам. Котельникова играет Садовский. Это решено. Горев сдается, но еще не сдался. Ваши строчки подействовали на него. Южин повешен за плечи, но дамам нравится. Вы уж слишком! Он в Сабинине будет в 1000 раз лучше Далматова. Зонненштейн — Правдин. Раиса — Медведева. Садовская не умеет играть жидовок, а Медведева мастер по этой части. Она Вам понравится. Авдотья отдана Рыкаловой. Никулина скорбит, что ее роль слишком коротка для бенефициантки. Это правда. Бенефис будет 16 января. Прибавьте-ка что-нибудь Никулиной! До 16-го Вы успеете написать два-три варианта и прислать. Увеличьте для Никулиной 2-й, 3-й и 4-й акты. Пусть во II она поговорит с Сабининым о любви и о мужчинах — слегка и в бойкой, юмористической форме. Вы напишите варианты явлений, пошлите их

в цензуру — вот и все, а после бенефиса их бросить можно. Я дал слово Никулиной, что упрошу Вас. Дайте ей говорить в конце IV акта. Пусть ахнет или что-нибудь в роде.

Надеюсь, что Вы приедете к 16 января. Если не будет Вас, то актеры обидятся. Они питают к Вам хорошее чувство, а ненавидящие все-таки уважают и ценят. Разыграют они лучше александринских. По крайней мере ансамбль будет лучше. После второй репетиции я еду к Ленскому и говорю о сокращениях, буде таковые актерам понадобятся.

Это письмо Вы получите в первый день рождества. Значит, с праздником Вас поздравляю. Отдыхайте. Сестра кланяется Вам, Анне Ивановне и детям. Я тоже низко кланяюсь и пребываю скучающим

А. Чехов.

Материал для «Детворы» пришлю на праздниках. Хорошая выйдет книжка⁸. Соберу также материал для третьей книжки рассказов. Подлецы приятели-художники подвели меня с «Каштанкой». До сих пор рисунки не готовы.

В «Северный вестник» я дам рассказ в марте, до марта же буду писать только у Вас. Даю слово. Мне стыдно. К Новому году пришлю сказку, а в январе «Княгиню».

146

А. С. СУВОРИНУ

26 декабря 1888, Москва

26 дек.

Мне больно, что Вы сердитесь и что в «Новом времени» не было моего рассказа, но что делать? Дать Вам рассказ, который кажется мне гадостью, я не могу ни за какие блага в мире, иначе бы я сандалил в Вашей газете каждую неделю и имел бы деньги. Как Вам угодно, но и в будущие времена я стану держаться той же политики, т. е. не посылать Вам того, что мне противно. Надо ведь хоть одну газету щадить,

да и свою нововременскую репутацию беречь. А «Петербургская газета» все съест.

Вы пишете, что надо работать не для критики, а для публики, что мне рано еще жаловаться. Приятно думать, что работаешь для публики, конечно, но откуда я знаю, что я работаю именно для публики? Сам я от своей работы, благодаря ее мизерности и кое-чему другому, удовлетворения не чувствую, публика же (я не называл ее подлой) по отношению к нам недобросовестна и неискренна, никогда от нее правды не услышишь и потому не разберешь, нужен я ей или нет. Рано мне жаловаться, но никогда не рано спросить себя: делом я занимаюсь или пустяками? Критика молчит, публика врет, а чувство мое мне говорит, что я занимаюсь вздором. Жалуюсь я? Не помню, каков тон был у моего письма, но если это так, то я жалуюсь не за себя, а за всю нашу братию, которую мне бесконечно жалко.

Всю неделю я зол как сукин сын. Геморрой с зудом и кровотечением, посетители, Пальмин с расшибленным лбом, скука. В первый день праздника вечером возился с больным, который на моих же глазах и умер. Вообще мотивы невеселые. Злость — это малодушие своего рода. Сознаюсь и браню себя. А наипаче досажаю на себя, что посвящаю Вас в тайны своей меланхолии, очень неинтересной и постыдной для такого цветущего и поэтами воспетого возраста, как мой.

К Новому году я постараюсь сделать для Вас сказку, а после 1-го вскоре вышлю «Княгиню».

Водевиль можно печатать только летом, а не зимой.

Вы хотите во что бы то ни стало, чтобы я выпустил Сашу. Но ведь «Иванов» едва ли пойдет¹. Если пойдет, то извольте, сделаю по-Вашему, но только уж извините, задам я ей, мерзавке! Вы говорите, что женщины из сострадания любят, из сострадания выходят замуж... А мужчины? Я не люблю, когда реалисты-романисты клеветают на женщину, но и не люблю также, когда женщину поднимают за плечи, как Южина, и стараются доказать, что если она и хуже мужчины, то все-таки мужчина мерзавец, а женщина ангел.

И женщина и мужчина пятак пара, только мужчина умнее и справедливее. Сегодня из театра придет ко мне Ленский. Будем говорить о «Татьяне»². Отдам вариант для передачи Садовскому.

Мой живописец на прежнем положении³.

Осенью я переезжаю в Петербург. Беру с собой мать и сестру. Надо серьезно заняться делом.

Почему Вам так не нравится Ваш отрывок?⁴ Ваше все хорошо. Я жду, когда Н. Лаврецкий напишет еще один рассказ. Пишите! В Вашей «Истории одной ночи»⁵ наворочено и нагромождено столько всякого добра, что хоть и спотыкаешься временами, а читаешь с интересом и с большой симпатией к автору. Только пишите именно так, чтоб было наворочено и нагромождено, а не зализано и сплюснуто. Мне надоела зализанная беллетристика, да и читатель от нее скучает.

Не сердитесь на меня и простите мне меланхолию, которая мне самому несимпатична. Она вызвана во мне разными обстоятельствами, которые не я создал.

Читайте мне мораль и не извиняйтесь. Ах, если бы Вы знали, как часто в своих письмах я читаю мораль молодым людям! Даже в привычку вошло. У меня фразы длинные, размазанные, а у Вас коротенькие. У Вас лучше выходит.

Был у меня Ленский с женой. Говорил, что Ермолова взялась за Татьяну с удовольствием. Первое действие пройдет хуже, чем в Петербурге⁶, но остальные три, я убежден, гораздо лучше. Ермолова несносна в комедии, иначе бы и первое действие прошло великолепно. Приезжайте, пожалуйста. Это Вас развлечет. Постановка пьесы, ее успех, рецензии, поправки и проч.— все это утомляет и раздражает Вас, но это здорово и летом будет вспоминаться с удовольствием.

Пора бы для провинции дать пьесу. Пришлите 25 экземпляров, я сдам их Рассохину. Запишитесь в Общество⁷. Написали монолог для Давыдова? Когда напишете, то не печатайте его, а отдайте литографировать. Актеры не умеют читать по-печатному, привыкли к литографии. Монолог подпишите Н. Лаврецким. Летом напечатайте его в газете.

Репетиции начнутся после праздника. На похоронах Юрьева я, вероятно, познакомлюсь с Ермоловой и буду говорить с ней о том о сем. О пьесе говорить уже почти нечего, так как все устроилось благополучно. И полномочие мое не было особенно нужно. И без меня бы все хорошо устроилось. Мое пристрастие к Петербургу и к Вашей пьесе и мои поездки в Петербург актеры и их супруги объясняют тем, что у Вас есть большая дочка и что я хочу на ней жениться.

Прощайте. Кланяюсь Анне Ивановне и всем Вашим.

Душевно Ваш А. Чехов.

147

А. С. СУВОРИНУ

30 декабря 1888, Москва

30 дек.

Никулина благодарит Вас за поправки¹. Сабинина играет Горев. Репетиции еще не начались. В том, что пьеса будет иметь успех, я уверен, ибо глаза у актеров ясные и лица не предательские — это значит, что пьеса им нравится и что они сами верят в успех. Никулина приглашала обедать. Благодарю Вас.

Режиссер считает Иванова лишним человеком в тургеневском вкусе;² Савина спрашивает почему Иванов подлец? Вы пишете: «Иванову необходимо дать что-нибудь такое, из чего видно было бы, почему две женщины на него вешаются и почему он подлец, а доктор — великий человек». Если вы трое так поняли меня, то это значит, что мой «Иванов» никуда не годится. У меня, вероятно, зашел ум за разум, и я написал совсем не то, что хотел. Если Иванов выходит у меня подлецом или лишним человеком, а доктор великим человеком, если непонятно, почему Сарра и Саша любят Иванова, то, очевидно, пьеса моя не вытанцовалась и о постановке ее не может быть речи.

Героев своих я понимаю так. Иванов, дворянин, университетский человек, ничем не замечательный; на-

тура легко возбуждающаяся, горячая, сильно склонная к увлечениям, честная и прямая, как большинство образованных дворян. Он жил в усадьбе и служил в земстве. Что он делал и как вел себя, что занимало и увлекало его, видно из следующих слов его, обращенных к доктору (акт I, явл. 5): «Не женитесь вы ни на еврейках, ни на психопатках, ни на синих чулках... не воюйте вы в одиночку с тысячами, не сражайтесь с мельницами, не бейтесь лбом о стены... Да хранит вас бог от всевозможных рациональных хозяйств, необыкновенных школ, горячих речей. » Вот что у него в прошлом. Сарра, которая видела его рациональные хозяйства и прочие затеи, говорит о нем доктору: «Это, доктор, замечательный человек, и я жалею, что вы не знали его года два-три тому назад. Он теперь хандрит, молчит, ничего не делает, но прежде... какая прелесть!» (I акт, явл. 7). Прошлое у него прекрасное, как у большинства русских интеллигентных людей. Нет или почти нет того русского барина или университетского человека, который не хвастался бы своим прошлым. Настоящее всегда хуже прошлого. Почему? Потому что русская возбудимость имеет одно специфическое свойство: ее быстро сменяет утомляемость. Человек сгоряча, едва спрыгнув со школьной скамьи, берет ношу не по силам, берется сразу и за школы, и за мужика, и за рациональное хозяйство, и за «Вестник Европы», говорит речи, пишет министру, воюет со злом, рукоплещет добру, любит не просто и не как-нибудь, а непременно или синих чулков, или психопаток, или жиждовок, или даже проститутток, которых спасает, и проч. и проч. Но едва дожил он до 30—35 лет, как начинает уж чувствовать утомление и скуку. У него еще и порядочных усов нет, но он уж авторитетно говорит: «Не женитесь, батенька... Верьте моему опыту». Или: «Что такое в сущности либерализм? Между нами говоря, Катков часто был прав». Он готов уж отрицать и земство, и рациональное хозяйство, и науку, и любовь... Мой Иванов говорит доктору (I акт, 5 явл.): «Вы, милый друг, кончили курс только в прошлом году, еще молоды и бодры, а мне тридцать пять. Я имею право

вам советовать...» Таков тон у этих преждевременно утомленных людей. Далее, авторитетно вздыхая, он советует: «Не женитесь вы так-то и так-то (зрите выше одну из выписок), а выбирайте себе что-нибудь заурядное, серенькое, без ярких красок, без лишних звуков... Вообще всю жизнь стройте по шаблону. Чем серее и монотоннее фон, тем лучше... А жизнь, которую я пережил, как она утомительна!.. ах, как утомительна!»

Чувствуя физическое утомление и скуку, он не понимает, что с ним делается и что произошло. Ужасаясь, он говорит доктору (акт I, явл. 3): «Вы вот говорите, что она скоро умрет, а я не чувствую ни любви, ни жалости, а какую-то пустоту, утомление... Если со стороны поглядеть на меня, то это, вероятно, ужасно, сам же я не понимаю, что делается с моей душой...» Попав в такое положение, узкие и недобросовестные люди обыкновенно сваливают всю вину на среду или же записываются в штат лишних людей и гамлетов и на том успокаиваются. Иванов же, человек прямой, открыто заявляет доктору и публике, что он себя не понимает: «Не понимаю, не понимаю...» Что он искренно не понимает себя, видно из большого монолога в III акте, где он, беседуя с глазу на глаз с публикой и исповедуясь перед ней, даже плачет!

Перемена, происшедшая в нем, оскорбляет его порядочность. Он ищет причин вне и не находит: начинает искать внутри себя и находит одно только неопределенное чувство вины. Это чувство русское. Русский человек — умер ли у него кто-нибудь в доме, заболел ли, должен ли он кому-нибудь, или сам дает займы — всегда чувствует себя виноватым. Все время Иванов толкует о какой-то своей вине, и чувство вины растет в нем при каждом толчке. В I акте он говорит: «Вероятно, я страшно виноват, но мысли мои перепутались, душа скована какою-то ленью, и я не в силах понимать себя...» Во II акте он говорит Саше: «День и ночь болит моя совесть, чувствую, что глубоко виноват, но в чем собственно моя вина, не понимаю...»

К утомлению, скуке и чувству вины прибавьте еще одного врага. Это — одиночество. Будь Иванов чиновником, актером, попом, профессором, то он бы свыкся со своим положением. Но он живет в усадьбе. Он в уезде. Люди — или пьяницы, или картежники, или такие, как доктор... Всем им нет дела до его чувств и перемены в нем. Он одинок. Длинные зимы, длинные вечера, пустой сад, пустые комнаты, брюзжащий граф, больная жена... Уехать некуда. Поэтому каждую минуту его томит вопрос: куда деваться?

Теперь пятый враг. Иванов утомлен, не понимает себя, но жизни нет до этого никакого дела. Она предъявляет к нему свои законные требования, и он — хочешь не хочешь — должен решать вопросы. Больная жена — вопрос, куча долгов — вопрос, Саша вешается на шею — вопрос. Как он решает все эти вопросы, должно быть видно из монолога III акта и из содержания двух последних актов. Такие люди, как Иванов, не решают вопросов, а падают под их тяжестью. Они теряются, разводят руками, нервничают, жалуются, делают глупости и в конце концов, дав волю своим рыхлым, распушенным нервам, теряют под ногами почву и поступают в разряд «надломленных» и «непонятых».

Разочарованность, апатия, нервная рыхлость и утомляемость являются непременно следствием чрезмерной возбудимости, а такая возбудимость присуща нашей молодежи в крайней степени. Возьмите литературу. Возьмите настоящее... Социализм — один из видов возбуждения. Где же он? Он в письме Тихомирова к царю³. Социалисты поженились и критикуют земство. Где либерализм? Даже Михайловский говорит, что все шашки теперь смешались... А чего стоят все русские увлечения? Война утомила, Болгария утомила⁴ до иронии, Цукки утомила⁵, оперетка тоже...

Утомляемость (это подтвердит и д-р Бертенсон) выражается не в одном только нытье или ощущении скуки. Жизнь утомленного человека нельзя изобразить так: ~~~~~ Она очень не ровна. Все утомленные люди не теряют способности возбуждаться в

сильнейшей степени, но очень ненадолго, причем после каждого возбуждения наступает еще большая апатия... Это графически можно изобразить так:

Падение вниз, как видите, идет не по наклонной плоскости, а несколько иначе. Объясняется Саша в любви. Иванов в восторге кричит: «Новая жизнь!», — а на другое утро верит в эту жизнь столько же, сколько в домового (монолог III акта); жена оскорбляет его, он выходит из себя, возбуждается и бросает ей жестокое оскорбление. Его обзывают подлецом. Если это не убивает его рыхлый мозг, то он возбуждается и произносит себе приговор.

Чтобы не утомить Вас до изнеможения, перехожу к доктору Львову. Это тип честного, прямого, горячего, но узкого и прямолинейного человека. Про таких умные люди говорят: «Он глуп, но в нем есть честное чувство». Все, что похоже на широту взгляда или на непосредственность чувства, чуждо Львову. Это олицетворенный шаблон, ходячая тенденция. На каждое явление и лицо он смотрит сквозь тесную раму, обо всем судит предвзято. Кто кричит: «Дорогу честному труду!», — на того он молится; кто же не кричит этого, тот подлец и кулак. Середины нет. Он воспитался на романах Михайлова; в театре видел на сцене «новых людей», т. е. кулаков и сынов века сего, рисуемых новыми драматургами, «людей наживы» (Пропорьев, Охлябьев, Наварыгин и проч.)⁶. Он намотал себе это на ус и так сильно намотал, что, читая «Рудина», непременно спрашивает себя: «Подлец Рудин или нет?» Литература и сцена так воспитали его, что он ко всякому лицу в жизни и в литературе подступает с этим вопросом... Если бы ему удалось увидеть Вашу пьесу, то он поставил бы Вам в вину, что Вы не сказали ясно: подлецы гг. Котельников, Сабинин, Ада-

шев, Матвеев или не подлецы? ⁷ Этот вопрос для него важен. Ему мало, что все люди грешны. Подавай ему святых и подлецов!

В уезд приехал он уже предубежденный. Во всех зажиточных мужиках он сразу увидел кулаков, а в непонятном для него Иванове — сразу подлеца. У человека больна жена, а он ездит к богатой соседке — ну не подлец ли? Очевидно, убивает жену, чтоб жениться на богатой...

Львов честен, прям и рубит сплеча, не щадя живота. Если нужно, он бросит под карету бомбу, даст по рылу инспектору, пустит подлеца. Он ни перед чем не остановится. Угрызений совести никогда не чувствует — на то он «честный труженик», чтоб казнить «темную силу»!

Такие люди нужны и в большинстве симпатичны. Рисовать их в карикатуре, хотя бы в интересах сцены, нечестно, да и не к чему. Правда, карикатура резче и потому понятнее, но лучше не дорисовать, чем замарать...

Теперь о женщинах. За что они любят? Сарра любит Иванова за то, что он хороший человек, за то, что он пылок, блестящ и говорит так же горячо, как Львов (I акт, явл. 7). Любит она, пока он возбужден и интересен; когда же он начинает туманиться в ее глазах и терять определенную физиономию, она уж не понимает его и в конце третьего акта высказывается прямо и резко.

Саша — девица новейшей формации. Она образованна, умна, честна и проч. На безрыбье и рак рыба, и поэтому она отличает 35-летнего Иванова. Он лучше всех. Она знала его, когда была маленькой, и видела близко его деятельность в ту пору, когда он не был еще утомлен. Он друг ее отца.

Это самка, которую побеждают самцы не яркостью перьев, не гибкостью, не храбростью, а своими жалобами, нытьем, неудачами. Это женщина, которая любит мужчин в период их падения. Едва Иванов пал духом, как девица — тут как тут. Она этого только и ждала. Помилуйте, у нее такая благодарная, святая задача! Она воскресит упавшего, поставит его на ноги,

даст ему счастье... Любит она не Иванова, а эту задачу. Аржантон у Додэ сказал: жизнь не роман!⁸ Саша не знает этого. Она не знает, что любовь для Иванова составляет только излишнее осложнение, лишний удар в спину. И что ж? Бьется Саша с Ивановым целый год, а он все не воскресает и падает все ниже и ниже.

У меня болят пальцы, кончаю... Если всего выше-писанного нет в пьесе, то о постановке ее не может быть и речи. Значит, я написал не то, что хотел. Возьмите пьесу назад. Я не хочу проповедовать со сцены ересь. Если публика выйдет из театра с сознанием, что Ивановы — подлецы, а доктора Львовы — великие люди, то мне придется подать в отставку и забросить к черту свое перо. Поправками и вставками ничего не поделаешь. Никакие поправки не могут низвести великого человека с пьедестала и никакие вставки не способны из подлеца сделать обыкновенного грешного человека. Сашу можно вывести в конце, но в Иванове и Львове прибавить уж больше ничего не могу. Не умею. Если же и прибавлю что-нибудь, то чувствую, что еще больше испорчу. Верьте моему чувству, ведь оно авторское.

Извиняюсь перед Потехиным и Юрковским, что напрасно только беспокоил их. Пусть простят. Откровенно говоря, постановка пьесы соблазняла меня не славою, не Савиной... Я рассчитывал нажить около тысячи рублей. Но лучше взять эту тысячу взаймы, чем рисковать сделать глупость. Не соблазняйте меня успехом! Успех у меня, коли не умру, еще впереди. Держу пари, что рано или поздно я сдеру с дирекции 6—7 тысяч. Хотите держать пари?

Киселевскому ни за что бы не дал играть графа! Моя пьеса причиняла ему в Москве немало огорчений! Он всюду ходил и жаловался, что его заставляют играть такого сукиного сына, как мой граф. Зачем же мне опять огорчать его?

Говорят, неловко: он уж играл... Почему же это ловко отдать Иванова Сазонову или Далматову? Ведь Иванова играл Давыдов!

Ах, да и утомил же я Вас этим письмом! Шабаш, баста!

Поздравляю Вас с Новым годом! Ура-а-а-а!

Счастливицы, вы будете пить или уже пили настоящее шампанское, а я бурду!

Сестра больна. Ломота, высокая температура, голова болит и проч. То же самое и у кухарки. Обе лежат. Боюсь, что тиф.

Простите, голубчик, за отчаянно длинное, докучливое письмо. Кланяюсь всем Вашим, а у Анны Ивановны целую руку. Будьте здоровы.

Ваш А. Чехов.

Если публика не поймет «железо в крови», то черт с ней, т. е. с кровью, в которой нет железа.

Я прочел это письмо. В характеристике Иванова часто попадаете слово «русский». Не рассердитесь за это. Когда я писал пьесу, то имел в виду только то, что нужно, то есть одни только типичные русские черты. Так, чрезмерная возбудимость, чувство вины, утомляемость — чисто русские. Немцы никогда не возбуждаются, и потому Германия не знает ни разочарованных, ни лишних, ни утомленных... Возбудимость французов держится постоянно на одной и той же высоте, не делая крутых повышений и понижений, и потому француз до самой дряхлой старости нормально возбужден. Другими словами, французам не приходится расходовать свои силы на чрезмерное возбуждение; расходуют они свои силы умно, поэтому не знают банкротства.

Понятно, что в пьесе я не употреблял таких терминов, как русский, возбудимость, утомляемость, и проч., в полной надежде, что читатель и зритель будут внимательны и что для них не понадобится вывеска: «це не гарбуз, а слива». Я старался выражаться просто, не хитрил и был далек от подозрения, что читатели и зрители будут ловить моих героев на фразе, подчеркивать разговоры о приданом и т. п.

Я не сумел написать пьесу. Конечно, жаль. Иванов и Львов представляются моему воображению живыми людьми. Говорю Вам по совести, искренно, эти люди

родились в моей голове не из морской пены, не из предвзятых идей, не из «умственности», не случайно. Они результат наблюдения и изучения жизни. Они стоят в моем мозгу, и я чувствую, что я не солгал ни на один сантиметр и не перемудрил ни на одну йоту. Если же они на бумаге вышли неживыми и неясными, то виноваты не они, а мое неумение передавать свои мысли. Значит, рано мне еще за пьесы браться.

148

А. П. ЧЕХОВУ

2 января 1889, Москва

2 янв. 1889.

Велемудрый секретарь!

Поздравляю твою лучезарную особу и чад твоих с Новым годом, с новым счастьем. Желаю тебе выиграть 200 тысяч и стать действительным статским советником, а наипаче всего здравствовать и иметь хлеб наш насущный в достаточном для такого обжоры, как ты, количестве.

В последний мой приезд¹ мы виделись и расстались так, как будто между нами произошло недоразумение. Скоро я опять приеду; чтобы прервать это недоразумение, считаю нужным искренно и по совести заявить тебе таковое. Я на тебя не шутя сердился и уехал сердитым, в чем и каюсь теперь перед тобой. В первое же мое посещение меня оторвало от тебя твое *ужасное*, ни с чем не сообразное обращение с Натальей Александровной и кухаркой. Прости меня великодушно, но так обращаться с женщинами, каковы бы они ни были, недостойно порядочного и любящего человека. Какая небесная или земная власть дала тебе право делать из них своих рабынь? Постоянные ругательства самого низменного сорта, возвышение голоса, попреки, капризы за завтраком и обедом, вечные жалобы на жизнь каторжную и труд анафемский — разве все это не есть выражение грубого деспотизма? Как бы ничтожна и виновата ни была женщина, как бы близко она ни стояла к тебе, ты не

имеешь права сидеть в ее присутствии без штанов, быть в ее присутствии пьяным, говорить словеса, которых не говорят даже фабричные, когда видят около себя женщин. Приличие и воспитанность ты считаешь предрассудками, но надо ведь щадить хоть что-нибудь, хоть женскую слабость и детей — щадить хоть поэзию жизни, если с прозой уж покончено. Ни один порядочный муж или любовник не позволит себе говорить с женщиной [...], грубо, анекдота ради, иронизировать постельные отношения, [...]. Это возвращает женщину и отдаляет ее от бога, в которого она верит. Человек, уважающий женщину, воспитанный и любящий, не позволит себе показаться горничной без штанов, кричать во все горло: «Катька, подай урыльник!»... Ночью мужья спят с женами, соблюдая всякое приличие в тоне и в манере, а утром они спешат надеть галстук, чтобы не оскорбить женщину своим неприличным видом, сиречь небрежностью костюма. Это педантично, но имеет в основе нечто такое, что ты поймешь, буде вспомнишь о том, какую страшную воспитательную роль играют в жизни человека обстановка и мелочи. Между женщиной, которая спит на чистой простыне, и той, которая дрыхнет на грязной и весело хохочет, когда ее любовник [...], такая же разница, как между гостининой и кабаком.

Дети святы и чисты. Даже у разбойников и крокодилов они состоят в ангельском чине. Сами мы можем лезть в какую угодно яму, но их должны окутывать в атмосферу, приличную их чину. Нельзя безнаказанно похабничать в их присутствии, оскорблять прислугу или говорить со злобой Наталье Александровне:

«Убирайся ты от меня ко всем чертям! Я тебя не держу!» Нельзя делать их игрушкой своего настроения: то нежно лобызать, то бешено топтать на них ногами. Лучше не любить, чем любить деспотической любовью. Ненависть гораздо честнее любви Наср-Эддина, который своих горячо любимых персов то производит в сатрапы, то сажает на колы. Нельзя упоминать имена детей всуе, а у тебя манера всякую копейку, какую ты даешь или хочешь дать другому, называть так: «отнимать у детей». Если кто отнимает,

то это значит, что он *дал*, а говорить о своих благодеяниях и подачках не совсем красиво. Это похоже на попреки. Большинство живет для семей, но редко кто осмеливается ставить себе это в заслугу и едва ли, кроме тебя, встретится другой такой храбрец, который, давая кому-нибудь рубль займа, сказал бы: «Это я отнимаю у своих детей». Надо не уважать детей, не уважать их святости, чтобы, будучи сытым, одетым, ежедневно навеселе, в то же время говорить, что *весь* заработок уходит только на детей! Полно!

Я прошу тебя вспомнить, что деспотизм и ложь сгубили молодость твоей матери. Деспотизм и ложь исковеркали наше детство до такой степени, что тошно и страшно вспоминать. Вспомни те ужас и отвращение, какие мы чувствовали во время оно, когда отец за обедом поднимал бунт из-за пересоленного супа или ругал мать дурой. Отец теперь никак не может простить себе всего этого.

Деспотизм преступен трижды. Если Страшный суд не фантазия, то на этом суде ты будешь подлежать синедриону в сильнейшей степени, чем Чóхов и И. Е. Гаврилов. Для тебя не секрет, что небеса одарили тебя тем, чего нет у 99 из 100 человек: ты по природе бесконечно великодушен и нежен. Поэтому с тебя и спросится в 100 раз больше. К тому же еще ты университетский человек и считаешься журналистом.

Тяжелое положение, дурной характер женщин, с которыми тебе приходится жить, идиотство кухарок, труд каторжный, жизнь анафемская и проч. служить оправданием твоего деспотизма не могут. Лучше быть жертвой, чем палачом.

Наталья Александровна, кухарка и дети беззащитны и слабы. Они не имеют над тобой никаких прав, ты же каждую минуту имеешь право выбросить их за дверь и надсмеяться над их слабостью, как тебе угодно. Не надо давать чувствовать это свое право.

Я вступился, как умею, и совесть моя чиста. Будь великодушен и считай недоразумение поконченным. Если ты прямой и не хитрый человек, то не скажешь, что это письмо имеет дурные цели, что оно, например,

оскорбительно и внушено мне нехорошим чувством. В наших отношениях я ищу одной только искренности. Другого же мне ничего больше не нужно. Нам с тобой делить нечего.

Напиши мне, что ты тоже не сердись и считаешь черную кошку не существующей.

Вся фамилия кланяется.

Твой А. Чехов.

149

А. С. СУВОРИНУ

7 января 1889, Москва

7 янв.

Посылаю Вам бумажку, которую прошу скрепить Вашу подписью и выслать мне. Членом Общества¹ Вы считаетесь с 7 января по то число, какое будет ровно через 50 лет после Вашей смерти. И это удовольствие стоит только 15 рублей.

Я послал Вам сегодня два варианта для своего «Иванова». Если б Иванова играл гибкий, энергичный актер, то я многое бы прибавил и изменил. У меня разошлась рука. Но увы! Иванова играет Давыдов. Это значит, что нужно писать покороче и посрее, памятуя, что все тонкости и «нюансы» сольются в серый круг и будут скучны. Разве Давыдов может быть то мягким, то бешеным? Когда он играет серьезные роли, то у него в горле сидит мельничка, монотонная и слабозвучная, которая играет вместо него... Мне жаль бедную Савину, что она играет дохлую Сашу. Для Савиной я рад бы всей душой, но если Иванов будет мямлить, то, как я Сашу ни отделявай, ничего у меня не выйдет. Мне просто стыдно, что Савина в моей пьесе будет играть черт знает что. Знай я во времена оны, что она будет играть Сашу, а Давыдов Иванова, я назвал бы свою пьесу «Саша» и на этой роли построил бы всю суть, а Иванова прицепил бы только сбоку, но кто мог знать?

У Иванова есть два больших, роковых для пьесы монолога: один в III акте, другой в конце IV... Пер-

вый нужно петь, второй читать свирепо. То и другое для Давыдова невозможно. Оба монолога он прочтет «умно», т. е. бесконечно вяло.

Как зовут Федорова?

Я с большим бы удовольствием прочитал в Литературном обществе реферат о том, откуда мне пришла мысль написать «Иванова». Я бы публично покаялся. Я лелеял дерзкую мечту суммировать все то, что доселе писалось о ноющих и тоскующих людях, и своим «Ивановым» положить предел этим писаньям. Мне казалось, что всеми русскими беллетристами и драматургами чувствовалась потребность рисовать унылого человека и что все они писали инстинктивно, не имея определенных образов и взгляда на дело. По замыслу-то я попал приблизительно в настоящую точку, но исполнение не годится ни к черту! Надо было бы подождать! Я рад, что 2—3 года тому назад я не слушался Григоровича и не писал романа! Воображаю, сколько бы добра я напортил, если бы послушался. Он говорит: «Талант и свежесть все одолеют». Талант и свежесть многое испортить могут — это вернее. Кроме избытка материала и таланта, нужно еще кое-что не менее важное. Нужна возмужалость — это раз; во-вторых, необходимо *чувство личной свободы*, а это чувство стало разгораться во мне только недавно. Раньше его у меня не было; его заменяли с успехом мое легкомыслие, небрежность и неуважение к делу.

Что писатели-дворяне брали у природы даром, то разночинцы покупают ценою молодости. Напишите-ка рассказ о том, как молодой человек, сын крепостного, бывший лавочник, певчий, гимназист и студент, воспитанный на чинопочитании, целовании поповских рук, поклонении чужим мыслям, благодаривший за каждый кусок хлеба, много раз сеченный, ходивший по урокам без калош, дравшийся, мучивший животных, любивший обедать у богатых родственников, лицемеривший и богу и людям без всякой надобности, только из сознания своего ничтожества, — напишите, как этот молодой человек выдавливает из себя по каплям раба и как он, проснувшись в одно прекрасное утро,

чувствует, что в его жилах течет уже не рабская кровь, а настоящая человеческая.

В Москве есть поэт Пальмин, очень скупой человек. Недавно он пробил себе голову, и я лечил его. Сегодня, придя на перевязку, он принес мне флакон настоящего Пiang-Пiang'a, стоящий 3 р. 50 к. Это меня тронуло.

Ну, будьте здоровы и простите за длинное письмо.

Ваш А. Чехов.

150

Ф. А. ФЕДОРОВУ-ЮРКОВСКОМУ

8 января 1889, Москва

8 января

Многоуважаемый Федор Александрович.

М. Г. Савина согласилась играть в моей пьесе Сашу, а между тем роль Саши чрезвычайно бледна и представляет из себя скудный сценический материал. Когда я написал ее 1^{1/2} года тому назад, то не придавал ей особого значения. Теперь же ввиду чести, какую оказывает моей пьесе Мария Гавриловна, я решил переделать эту роль коренным образом и местами уже переделал так сильно, насколько позволяли это рамки пьесы. Прошу Вас убедительно не торопиться перепискою ролей и возможно *скорее* выслать мне копию моей пьесы. Роль для III акта почти уже готова, для IV же я могу сделать ее, только имея под рукой пьесу¹. Все поправки и варианты Вы получите через двое суток после того, как мною будет получена пьеса. Так, если копию я получу 15-го, то поправки будут доставлены Вам 17-го — никак не позже. Но было бы желательно иметь копию пьесы раньше 15-го.

Все поправки и варианты будут своевременно процензурованы. В этом отношении можете быть совершенно покойны. Я не задержу.

Мой адрес: «Москва, Кудринская-Садовая, д. Корнеева». Копию пьесы благоволите выслать заказною бандеролью по этому адресу или же отошлите ее А. С. Суворину с надписью: «Для скорейшей отсылки А. П. Чехову».

Уважающий А. Чехов.

151

А. Н. ПЛЕЩЕВУ

15 января 1889, Москва

15 янв.

Здравствуйте, милый Алексей Николаевич! Пишу Вам, отбив каторжную работу. Ах, зачем Вы одобрили в комитете моего «Иванова»? Какие неостроумные демоны внушили Федорову ставить в свой бенефис мою пьесу? Я замучился, и никакой гонорар не может искупить того каторжного напряжения, какое чувствовал я в последнюю неделю. Раньше своей пьесе я не придавал никакого значения и относился к ней с снисходительной иронией: написана, мол, и черт с ней. Теперь же, когда она вдруг неожиданно пошла в дело, я понял, до чего плохо она сработана. Последний акт поразительно плох. Всю неделю я возился над пьесой, строчил варианты, поправки, вставки, сделал новую Сашу (для Савиной), изменил IV акт до неузнаваемого, отшлифовал самого Иванова и так замучился, до такой степени возненавидел свою пьесу, что готов кончить ее словами Кина: «Палками Иванова, палками!»¹

Нет, не завидую я Жану Щеглову. Я понимаю теперь, почему он так трагически хохочет. Чтобы написать для театра хорошую пьесу, нужно иметь особый талант (можно быть прекрасным беллетристом и в то же время писать сапожнические пьесы); написать же плохую пьесу и потом стараться сделать из нее хорошую, пускаться на всякие фокусы, зачеркивать, приписывать, вставлять монологи, воскрешать умерших, зарывать в могилу живых — для этого нужно иметь

талант гораздо бóльший. Это так же трудно, как купить старые солдатские штаны и стараться во что бы то ни стало сделать из них фрак. Тут не то что захохочешь трагически, но и заржешь лошадью.

Я приеду в Питер 21-го или 22 января. Первым делом к Вам. Надо бы нам вечерок провести и попить кларету. Я теперь могу пить этот кларет бесконечно. Водка мне противеет с каждым днем, пива я не пью, красного вина не люблю, остается одно только шампанское, которое, пока не женюсь на богатой ведьме, буду заменять кларетом или чем-нибудь вроде.

Когда покончу со своим «Болвановым»², сяду писать для «Северного вестника». Беллетристика — покойное и святое дело. Повествовательная форма — это законная жена, а драматическая — эффектная, шумная, наглая и утомительная любовница.

«Иванова» печатать в «Северном вестнике» *не буду*³.

Я совсем обезденежел. Живу благотворительностью своего «Медведя» и Суворина, который купил у меня для «Дешевой библиотеки» рассказов на 100 рублей⁴. Да сохранит их обоих провидение!

Суворин теперь в Москве. Ставит свою «Таню»⁵. Ленский играет Адашева изумительно. Я уверен, что все московские барыни, поглядев Адашева — Ленского, заведут себе любовников-журналистов. Ленский страстен, горяч, эффектен и необычайно симпатичен. Это хорошо. Публика должна видеть журналистов не в карикатуре и не в томительно умной давыдовской оболочке, а в розовом, приятном для глаза свете. Ермолова хороша в Татьяне.

Пишу понемножку свой роман⁶. Выйдет ли из него что-нибудь, я не знаю, но, когда я пишу его, мне кажется, что я после хорошего обеда лежу в саду на сене, которое только что скосили. Прекрасный отдых. Ах, застрелите меня, если я сойду с ума и стану заниматься не своим делом!

Где Жорженька? Скажите ему, что я был бы рад увидеть его в театре 26 января. Пусть поучится, как не следует писать пьесы. Кстати бы запасся он мате-

риалом для летних разговоров. Билет я ему предоставлю.

Рассохин получил сборник Гаршина. Три рубля мною получены. Я честный человек: отдам. Душевный привет всей Вашей семье. Если Николай Алексеевич все еще продолжает сидеть в темнице, то привет мой узнику!⁷ Все мои Вам кланяются.

Ваш А. Чехов.

152

В. А. ТИХОНОВУ

10 февраля 1889, Москва

Милый драматург, при всем моем желании достойно приветствовать дебют критика Тихонова я не могу сказать Вам ни единого теплого слова, так как «Неделя» в Москве составляет такую же редкость, как белые слоны. Я нигде не мог найти ее. Не потрудитесь ли Вы прислать мне тот №, где помещена Ваша рецензия?¹ Я прочту и присовокуплю ее к куче рецензий, составляющих в моем архиве объемистое «Дело об Иванове».

Насколько могу судить по тем Вашим пьесам, которые я видел на сцене, из Вас едва ли может выработаться театральный критик. Вы человек рыхлый, чувствительный, уступчивый, склонный к припадкам лени, впечатлительный, а все сии качества не годятся для строгого, беспристрастного судьи. Чтобы уметь писать критику, нужно быть в душе немножко тою рябой бабой, которая без милосердия будет бить Вас². Когда Суворин видит плохую пьесу, то он *ненавидит* автора, а мы с Вами только раздражаемся и ноем; из сего я заключаю, что Суворин годится в судьи и в гончие, а нас (меня, Вас, Щеглова и проч.) природа сработала так, что мы годимся быть только подсудимыми и зайцами. Едина честь луне, едина солнцу...

Напишите-ка лучше реферат и прочтите его на Гороховой³. Сюжетов много.

Оттого, что я в Питере пил не щадя живота, у меня разыгрался генеральный геморрой, от которого я те-

ряю немало крови. Увы, лавры и опьянение не даются даром!

Ну, будьте здоровы и веселы. Поклон Вашему брату⁴ и общим знакомым.

Ваш А. Чехов.

Нет почтовой бумаги!

10 февр.

153

И. Л. ЛЕОНТЬЕВУ-ЩЕГЛОВУ

18 февраля 1889, Москва

18 февраль

Милый Жан, спасибо Вам за «Господ театралов», которых я получил¹. Один экземпляр отдал брату-педагогу, другой присовокупил к своей публичной библиотеке (называю ее публичной, потому что она обкрадывается публикой очень усердно).

Вы в письме утешаете меня насчет «Иванова»². Спасибо Вам, но уверяю Вас честным словом, я спокоен и совершенно удовлетворен тем, что сделал и что получил. Я сделал то, что мог и умел,— стало быть, прав: глаза выше лба не растут; получил же я не по заслугам, больше, чем нужно. И Шекспиру не приходилось слышать тех речей, какие прослышал я. Какого же лешего мне еще нужно? А если в Питере найдется сотня человек, которая пожимает плечами, презрительно ухмыляется, кивает, брызжет пеной или лицемерно врет, то ведь я всего этого не вижу и беспокоить меня это не может. В Москве даже не пахнет Петербургом. Видаю я ежедневно сотню человек, но не слышу ни одного слова об «Иванове», точно я и не писал этой пьесы, а питерские овации и успехи представляются мне беспокойным сном, от которого я отлично очнулся.

Кстати, об успехе и овациях. Все это так шумно и так мало удовлетворяет, что в результате не получается ничего, кроме утомления и желания бежать, бежать...

Голова моя занята мыслями о лете и даче. Денно

и ночью мечтаю о хуторе. Я не Потемкин, а Цинциннат. Лежанье на сене и пойманный на удочку окунь удовлетворяют мое чувство гораздо осязательнее, чем рецензии и аплодирующая галерея. Я, очевидно, урод и плебей.

Пишу докторскую диссертацию на тему: «О способах прививки Ивану Щеглову ненависти к театру».

Вы пишете, что Буренин действует на Вас угнетающе...³ Пусть так, но, ради создателя, не поддавайтесь этому чувству и не пасуйте перед великим критиком. Что бы он ни молот авторитетно о бесполезности нашего брата, о пишущих ради куска хлеба, он никогда не будет прав. На этом свете не тесно, для всех найдется место: мы не мешаем Буренину жить, и он нам не мешает. Вопрос же о том, кто на земле полезен и бесполезен, не Буренину решать и не нам. Не расходуйте Ваших нервов и душевной энергии на черт знает что.

Занимайтесь беллетристикой. Она ваша законная жена, а театр — это напудренная любовница. Или становитесь Островским, или же бросайте театр. Середины нет для Вас. Середина занята драматургами, а беллетристам таким, как я, Вы, Маслов, Короленко, Баранцевич и Альбов, т. е. литературным штаб-офицерам, не к лицу вести борьбу за существование с обер-офицерами драматическими. Беллетрист должен идти в толпу драматургов-специалистов или генералом, или же никак.

Захотите пошалить — другое дело. Отчего не пошалить. Но, шая, не следует делать очень серьезного лица и угнетать себя очень серьезными мыслями.

Видите, каким я моралистом становлюсь! Мне даже капитаны нипочем, и их отчитываю. А ведь я — имеющий чина!

Собираюсь на бал. Будьте здоровы. Да благословит Вас бог.

Ваш А. Чехов.

За «Господ театралов» — рубль дорого. Нужно было назначить 25—30 к.

Вашей жене привет. Мои кланяются и благодарят за поклон.

А. С. СУВОРИНУ

5 марта 1889, Москва

5 март

Посылаю Вам, милый Алексей Сергеевич, «Княгиню». Черт с ней, она мне надоела: все время валялась на столе и напрашивалась на то, чтоб я ее кончал. Ну и кончил, но не совсем складно. Если Вы не рассчитываете напечатать ее в скором времени, то пришлите корректуру. Я пошлифую.

Пишу еще один рассказ¹. Меня захватило, и я почти не отхожу от стола. Между прочим, я купил себе новый стол.

Спасибо за обещание выслать словари. Казав пан — кожух дам, слово его тепло... За словари я пришлю Вам подарок очень дешевый и бесполезный, но такой, какой только я один могу подарить Вам². Ждите. Позволяю себе напомнить о Вашей большой фотографии и о моих шапировских карточках. Если Шапиро прислал Вам их, то пришлите...

Был у меня Свободин и говорил, между прочим, что Вы получили якобы письмо от какого-то родителя, у которого сын застрелился после моего «Иванова». Если это письмо не миф, то пришлите мне его, пожалуйста. Я его приобшучу к тем письмам, какие у меня уже имеются относительно моего «Иванова». «Гражданина»³ я не читал, ибо 1) этой газеты я не получаю и 2) «Иванов» надоел мне ужасно; я не могу о нем читать, и мне бывает очень не по себе, когда о нем начинают умно и толково рассуждать.

Вчера ночью ездил за город и слушал цыганок. Хорошо поют эти дикие бестии. Их пение похоже на крушение поезда с высокой насыпи во время сильной метели: много вихря, визга и стука...

Не верьте Лейкину. Кровью я не плюю, не хандрю и с ума не схожу. Если верить всему тому, что теперь говорят обо мне в Петербурге, то я истекаю кровью, сошел с ума, женился на Сибиряковой и взял 20 миллионов приданого.

Купил я в Вашем магазине Достоевского и теперь

читаю. Хорошо, но очень уж длинно и нескромно. Много претензий.

Скажите, зачем это отдали французам на посмеяние «Грозу» Островского? ⁴ Кто это догадался? Поставили пьесу только для того, чтоб французы лишний раз поломались и авторитетно посудачили о том, что для них нестерпимо скучно и непонятно. Я бы всех этих господ переводчиков сослал в Сибирь за непатриотизм и легкомыслие.

«Лешего» я буду писать в мае или в августе. Шагая во время обеда из угла в угол, я скомпоновал первые три акта весьма удовлетворительно, а четвертый едва наметил. III акт до того скандален, что Вы, глядя на него, скажете: «Это писал хитрый и безжалостный человек».

Кланяюсь низко Анне Ивановне и детям. Желаю им здоровья.

Ваш А. Чехов.

А Потемкин-то 1 марта не выиграл!

155

В. А. ТИХОНОВУ

7 марта 1889, Москва

7 марта

Милейший друг
Владимир Алексеевич!

Ваша рецензия меня немножко удивила: я и не подозревал, что Вы так хорошо владеете газетным языком. Чрезвычайно складно, гладко, протокольно и резонно ¹. Я даже позавидовал, ибо этот газетный язык мне никогда не давался.

Спасибо за ласковое слово и теплое участие. Меня маленького так мало ласкали, что я теперь, будучи взрослым, принимаю ласки как нечто непривычное, еще мало пережитое. Потому и сам хотел бы быть ласков с другими, да не умею: огрубел и ленив, хотя

и знаю, что нашему брату без ласки никак быть невозможно.

Коршевских новостей не ведаю. Знаю только, что Соловцов ушел, уходит, кажется, и старик Полтавцев. Режиссер Аграмов.

Дай бог, чтоб комедия, которую Вы носите под сердцем, удалась Вам и дала Вам то, чего Вы хотите. Чем больше успеха, тем лучше для всего нашего поколения писателей. Я, вопреки Вагнеру, верую в то, что каждый из нас в отдельности не будет ни «слоном среди нас»² и ни каким-либо другим зверем и что мы можем взять усилиями целого поколения, не иначе. Всех нас будут звать не Чехов, не Тихонов, не Короленко, не Щеглов, не Баранцевич, не Бежецкий, а «восьмидесятые годы», или «конец XIX столетия». Некоторым образом артель.

Нового у меня нет ничего. Собираюсь писать что-то вроде романа и уже начал. Пьесы не пишу и буду писать не скоро, ибо нет сюжетов и охоты. Чтобы писать для театра, надо любить это дело, а без любви ничего путного не выйдет. Когда нет любви, то и успех не льстит. Начну с будущего сезона аккуратно посещать театр и воспитывать себя сценически.

Поклонитесь Вашему брату³. Все мои шлют Вам поклон, а я дружески жму руки и шлю Вам самые сердечные пожелания. Пишите.

Ваш А. Чехов.

156

А. М. ЕВРЕИНОВОЙ

10 марта 1889, Москва

10 марта

Уважаемая Анна Михайловна!

Гонорар получил, спасибо. Получил я больше, чем ожидал, и боюсь, что Вы не вычли моего долга. Ведь я немножко должен конторе.

Вчера я кончил и переписал начисто рассказ, но для своего романа⁴, который в настоящее время зани-

мает меня. Ах, какой роман! Если б не треклятые цензурные условия, то я пообещал бы его Вам к ноябрю. В романе нет ничего побуждающего к революции, но цензор все-таки испортит его. Половина действующих лиц говорит: «Я не верую в бога», есть один отец, сын которого пошел в каторжные работы без срока за вооруженное сопротивление, есть исправник, стыдящийся своего полицейского мундира, есть предводитель, которого ненавидят, и т. д. Материал для красного карандаша богатый.

Денег у меня теперь много, хватит прожить до сентября; обещаниями никакими я не связан... Наступило самое подходящее время для романа (литературного, конечно, а не жениховского). Если теперь не буду писать, то когда же писать? Так я рассуждаю, хотя почти уверен, что роман через 2—3 недели надоест мне и я опять отложу его.

У меня есть сюжет для небольшого рассказа. Постараюсь сделать сей рассказ к майской или июньской книжке. Но если можно подождать до июля или августа, то мой роман сказал бы Вам большое спасибо.

Сбросьте Вы с себя цензуру, ради создателя!² Хоть она у меня до сих пор ничего не зачеркнула, но все-таки я боюсь ее и не люблю. Для толстых журналов и газет цензура не должна существовать даже в Турции. Для театра другое дело.

Погодите: куплю все толстые журналы и прикрою их, оставляю один только «Северный вестник». Заведем тогда электрическое освещение, величественного швейцара, собственную типографию, редакционные экипажи на резинке, пригласим в сотрудники Милана (для иностранного отдела), возьмем в швейцары Ашинова... и будет у нас 40 тысяч подписчиков. Хотя, впрочем, я еще ни разу не видел своей богатой невесты³. И она меня не видела. Я ей напишу так: «Полюби не меня, а идею»...⁴ и трону ее этим.

С нетерпением жду оттисков «Иванова». Не посылать ли мне к г. Демакову секундантов?

Буду сидеть в Москве до мая и писать. На меня теперь стих писательский нашел. Не выхожу из дому и все пишу, пишу.

Почтение Марии Дмитриевне и Алексею Николаевичу.

Мои Вам кланяются, а я желаю здоровья и всего хорошего.

Искренно преданный

А. Чехов.

У Вас имеется рассказ Гиляровского о том, как плоты идут⁵. Теперь самое время пускать его.

157

А. С. СУВОРИНУ

11 марта 1889, Москва

11 марта

Перечисляя прелести харьковского имения, Вы не упомянули реки. Без реки нельзя. Если Донец, то покупайте. Если же Лопань или пруды, то не покупайте. У нас есть один профессор-хирург, маленький, стриженный человечек с оттопыренными ушами и с глазами, как у Юзефовича, у него есть именье. Тех, кто ему симпатичен, он приглашает купить именье по соседству с ним. Обыкновенно берет симпатичного человека за бока, сентиментально глядит ему в лицо и говорит со вздохом: «А как бы мы с вами пожили!» Я тоже сентиментально смотрю на Вас и говорю: а как бы мы с Вами пожили! Вообще Вы приносите мне большой вред, что не покупаете именья.

Мне нужна только Ваша карточка; мои же карточки нужны не мне, а тем лицам, которые делают вид, что моя карточка им очень и очень нужна. Ведь и у меня тоже есть почитатели! Нет того Сеньки, для которого нельзя было бы подобрать шапку.

А что Вы думаете! Я пишу роман!!¹ Пишу, пишу, и конца не видать моему писанью. Начал его, т. е. роман, сначала, сильно исправив и сократив то, что уже было написано. Очертил уже ясно девять физиономий. Какая интрига! Назвал я его так: «Рассказы из жизни моих друзей» — и пишу его в форме отдельных за-

конченных рассказов, тесно связанных между собою общностью интриги, идеи и действующих лиц. У каждого рассказа особое заглавие. Не думайте, что роман будет состоять из ключев. Нет, он будет настоящий роман, целое тело, где каждое лицо будет органически необходимо. Григорович, которому Вы передали содержание первой главы, испугался, что у меня взят студент, который умрет и, таким образом, не пройдет сквозь весь роман, т. е. будет лишним. Но у меня этот студент — гвоздь из большого сапога. Он деталь.

Еле справляюсь с техникой. Слаб еще по этой части и чувствую, что делаю массу грубых ошибок. Будут длинноты, будут глупости. Неверных жен, самоубийц, кулаков, добродетельных мужиков, преданных рабов, резонирующих старушек, добрых нянюшек, уездных остряков, красноносых капитанов и «новых» людей постараюсь избежать, хотя местами сильно сбиваюсь на шаблон.

Корректуру «Княгини» сейчас получил и завтра pošлю ее прямо в типографию.

На закуску объявление из «Русских ведомостей».

Нужна особа

средних лет в семейство, живущее близ Москвы в имени, для помощи в хозяйственных и воспитательных делах. Особа эта должна быть знакома с воззрениями на жизнь и воспитание наших писателей: доктора Покровского, Гольцева, Сикорского и Льва Толстого. Проникнутая взглядами этих писателей и понимая важность физического труда и вред умственного переутомления, она должна направить свою воспитательную деятельность к развитию в детях строгой правды, добра и любви к ближним.

Просят адресоваться письменно на № 2183, в комиссионерскую и справочную контору «В. Миллер», Москва, Петровка, д. Кабанова².

Это называется свободой совести. За стол и квартиру барышня обязана быть проникнута воззрениями Гольцева и К^о, а дети, должно быть, в благодарность за то, что они имеют очень умных и либеральных родителей, обязаны от утра до вечера следить за собой, чтоб не переутомляться умственно и любить ближних.

Странно, что люди боятся свободы.

Между прочим, недавно в «Новом времени» среди газет и журналов была сделана цитата из какой-то газеты, восхваляющей немецких горничных за то, что они работают *целый* день, как каторжные, и получают за это только 2—3 рубля в месяц. «Новое время» расписывается под этой похвалой и добавляет от себя, что беда-де наша в том, что мы держим много лишней прислуги³. По-моему, немцы подлецы и плохие политикоэкономы. Во-первых, нельзя говорить о прислуге таким тоном, как об арестантах; во-вторых, прислуга правоспособна и сделана из такого же мяса, как и Бисмарк; они — не рабы, а свободные работники; в-третьих, чем дороже оплачивается труд, тем счастливее государство, и каждый из нас должен стремиться к тому, чтобы за труд платить подороже. Не говорю уж о христианской точке зрения. Что же касается лишней прислуги, то держится она только там, где денег много, и получает больше, чем начальники отделений. Ее в расчет брать не следует, ибо она явление случайное и не необходимое.

Отчего Вы не едете в Москву? А как бы мы пожили!

Ваш А. Чехов.

158

А. С. СУВОРИНУ

8 апреля 1889, Москва

8 апрель

Поздравляю Вас, Анну Ивановну, Настюшу и Борю с праздником и желаю Вам богатства, славы, почета, покоя и веселья на всю жизнь.

Погода в Москве подлая: грязь, холод, дождь. Художник все еще упрямятствует и стоит на 39°¹. Езжу к нему 2 раза в день. Настроение мое похоже на погоду. Не работаю, а читаю или шагаю из угла в угол. Впрочем, я не жалею, что у меня есть время читать. Читать веселее, чем писать. Я думаю, что если бы мне прожить еще 40 лет и во все эти сорок лет читать, читать и читать и учиться писать талантливо, т. е. ко-

ротко, то через 40 лет я выпалил бы во всех вас из такой большой пушки, что задрожали бы небеса. Теперь же я такой лилипут, как и все.

Наши убирают, чистят, пекут, варят, трут, выбивают пыль, бегают по лестнице. Гвалт. Еду к художнику. Будьте здоровы. Приезжайте, поедem на Волгу или в Полтаву.

Ваш А. Чехов.

159

А. Н. ПЛЕЩЕЕВУ

9 апреля 1889, Москва

9 апрель

Христос воскрес, милый и дорогой Алексей Николаевич! Поздравляю Вас и всех Ваших и желаю всего, всего хорошего, а главное — чтобы исполнялись желания хороших людей. Давно уж я Вам не писал! Все ждал, что Вы приедете в Москву — об этом писал мне Свободин, но Вы не приехали и обманули мои ожидания. Я с удовольствием побеседовал бы с Вами. А поговорить есть о чем. У меня в последнее время скопилось в голове столько хабур-чабуру и такая в моем нутре идет пертурбация, что хватило бы материала на сто бесед. Надоел бы я Вам, утомил бы — Вы это предчувствовали и не приехали.

У меня медицинская практика. Центром этой злополучной, весьма неприятной и утомительной практики служит одр моего брата-художника, страждущего брюшным тифом.

Человек я малодушный, не умею смотреть прямо в глаза обстоятельствам, и поэтому Вы мне поверите, если я скажу Вам, что я буквально не в состоянии работать. Вот уж три недели, как я не написал ни одной строки, позабыл все свои сюжеты и не думаю ни о чем таком, что было бы для Вас интересно. Скучен я до безобразия.

Роман¹ значительно подвинулся вперед и сел на мель в ожидании прилива. Посвящаю его Вам — об этом я уже писал. В основу сего романа кладу я жизнь хороших людей, их лица, дела, слова, мысли и надеж-

ды; цель моя — убить сразу двух зайцев: правдиво нарисовать жизнь и кстати показать, насколько эта жизнь уклоняется от нормы. Норма мне неизвестна, как неизвестна никому из нас. Все мы знаем, что такое бесчестный поступок, но что такое честь — мы не знаем. Буду держаться той рамки, которая ближе сердцу и уже испытана людьми посильнее и умнее меня. Рамка эта — абсолютная свобода человека, свобода от насилия, от предрассудков, невежества, черта, свобода от страстей и проч.

Впрочем, это скучно. Куда Вы поедете летом? Жорженька Линтварев премного одолжил бы меня, если бы зарядился красноречием и убедил Вас приехать в Сумы хоть на неделю. Теперь удобнее будет жизнь, чем в прошлое лето. Все починено во флигеле, а лето обещает быть теплым.

В понедельник общее собрание драматических писателей. Хотят меня избрать в комитет². Ничего я в их комитете не понимаю, и ничего я им путного не сделаю. Приняли бы они хоть то во внимание, что я 9 месяцев не живу в Москве. По-видимому, заседание будет беспокойное. Буду отстаивать 500—600 р. вдове Юрьева³ вместо тех 300, которые выбаллотировал Петербург. Обществу, тратящему на свою канцелярию более 15 тысяч, стыдно платить вдове своего председателя 300 рублей. Вообще у меня язык чешется и хочется мне поболтать.

Привет Вашей семье от моей. Сестра приказала кланяться Вам, поздравить и пригласить на Луку.

Погода в Москве поганая: холодно, грязно и облачно. Солнца не видим.

Будьте здоровы, счастливы и покойны духом.

Душевно преданный А. Чехов.

Поклонитесь Анне Михайловне. Фельетон Буренина местами смешон, но в общем мелочен⁴. Надоела мне критика. Когда я читаю критику, то прихожу в некоторый ужас: неужели на земном шаре так мало умных людей, что даже критики писать некому? Удивительно все глупо, мелко и лично до пошлости. А на критику

«Северного вестника» просто не глядел бы. Мне даже начинает временами казаться, что критики у нас оттого нет, что она не нужна, как не нужна беллетристика (современная, конечно).

160

Ал. П. ЧЕХОВУ

11 апреля 1889, Москва

11 апр.

Новый Виктор Крылов!

Не писал я тебе так долго просто из нерешительности. Мне не хотелось сообщать тебе одну неприятную новость. На горизонте появились тучки; будет гроза или нет — ведомо богу. Дело в том, что наш Косой¹ около 25 марта заболел брюшным тифом, формою легкою, но осложнившеюся легочным процессом. На правой стороне зловещее притупление и слышны хрипы. Перевез Косого к себе и лечу. Сегодня был консилиум, решивший так: болезнь серьезная, но определенного предсказания ставить нельзя. Все от бога.

Надо бы в Крым, да нет паспорта и денег.

Ты написал пьесу?² Если хочешь знать о ней мнение, имеющее ценность, то дай ее прочесть Суворину. Сегодня я напишу ему о твоей пьесе, а ты не ломайся и снеси. Не отдавай в цензуру, прежде чем не сделаешь поправок, какие сделаешь непременно, если поговоришь с опытными людьми. Одного Суворина совершенно достаточно. Мой совет: в пьесе старайся быть оригинальным и по возможности умным, но не бойся показаться глупым; нужно вольнодумство, а только тот вольнодумец, кто не боится писать глупостей. Не зализывай, не шлифуй, а будь неуклюж и дерзок. Краткость — сестра таланта. Памятуй кстати, что любовные объяснения, измены жен и мужей, вдовьи, сиротские и всякие другие слезы давно уже описаны. Сюжет должен быть нов, а фабула может отсутствовать. А главное — папаше и мамаше кушать нада. Пиши. Мухи воздух очищают, а пьесы очищают нравы.

Твоим капитанам Кукам³ и Наталье Александровне мой сердечный привет. Очень жалею, что я не могу и не мог к праздникам сделать для них что-нибудь приятное. У меня странная судьба. Проживаю я 300 в месяц, незлой человек, но ничего не делаю приятного ни для себя, ни для других.

Будь здоров.

*Tuus magister bonus Antonius XIII**

161

И. Л. ЛЕОНТЬЕВУ-ЩЕГЛОВУ

12 апреля 1889, Москва

12 апрель

Здравствуйте, капитан! Моя мать сказала, что и «Дачный муж» и «Предложение» провалятся непременно, так как Вы ставите их под 13-е число¹. Но я убежден, что Ваш режиссерский гений победил при мету и что Вы вышли победителем. Только, душа моя, какой Вы дятел! Вы чуть ли не с самого октября долбите во всех газетах ежедневно про мое «Предложение». Зачем это? Про маленькое нельзя писать много, надо быть скромным и не давать своему имени мелькать, как пузыри в луже.

Значит, мое «Предложение» на казенной сцене уж не пойдет. Делайте с ним, что хотите. Чем чаще будете ставить, тем, конечно, лучше, ибо прибыльнее. Для казны придется написать что-нибудь другое. Если новый водевиль (для казны) удастся, то посвящу его Вам.

Что Вы теперь пишете? Пишите, голубчик, не ленитесь и не унывайте.

Билибин писал мне, что Вы часто видаетесь с ним. Он милый человек, но немножко сухарь и немножко чиновник. Он очень порядочен и, в чем я убежден уже давно, талантлив. Талант у него большой, но знания жизни ни на грош, а где нет знания, там нет и

* Твой добрый наставник Антоний XIII (лат.).

смелости. Держу пари на бутылку шампанского, что Вы уже пророчили ему, что из него выйдет первый русский водевиллист. Вы очень добрый и щедрый человек, но не желайте ему этого и своим театрально-писательским авторитетом не укрепляйте в нем его водевильных надежд. Он хороший фельетонист; его слабость—французисто-водевильный, иногда даже [...] тон. Если же он примется родить цитварных ребят², то уж ему во веки веков не отделаться от этого тона, и фельетонисту придется петь вечную память. Внушайте ему стиль строгий и чувства возвышенные, а водевиль не уйдет.

Мой брат-художник болен серьезно. Мой горизонт заволочен очень нехорошими тучами.

Суворин писал мне, что Вы были у него и вели речь о театре [...] Молодец Питер, старается! Где нет чистоты душ, там не ищите ее у тел.

Напишите мне. Будьте здоровы и веселы. За поздравление семья благодарит Вас и платит тем же.

Ваш А. Чехов.

Отчего бы Вам не написать драму? Повесть лучше драмы, но уж коли театральный зуд в руках, то лучше написать одну драму, чем три трехактные комедийки. Работа веселее и выгоднее.

Не забывайте передавать Вашей жене от меня поклоны.

162

А. С. СУВОРИНУ

17 апреля 1889, Москва

17 апрель

Вы завидуете моей молодости, а я завидую Вам, что Вы едете в Тироль. Давайте поменяемся.

Итак, значит, летом мы не увидимся. До самого ноября я не увижу ни Вас, ни Анны Ивановны и не буду купаться в Феодосии. Обидно, ибо скучища летом будет ужасающая. Мне снилось, что я получил Станислава 3-й степени. Мать говорит, что мне пред-

стоит нести крест. Сон, вероятно, сбудется, ибо дела художника совсем плохи ¹.

Я избран в комитет Общества драматических писателей. Новых порядков не ждите. До тех пор не ждите этих порядков, пока в Обществе будут больше всех говорить и протестовать те, кто меньше всего заинтересован в делах Общества. Посылаю Вам маленькую глупость, направленную против бунтарей, которые, если им дать волю, ухлопают Общество ². Коли годится, напечатайте ее вместо «субботника» или как хотите, а коли не годится, то я пошлю ее в «Петербургскую газету».

Получил я вчера от Алексея Алексеевича из Курска «бюллетень весны» с такой, между прочим, фразой: «теплота, свежесть и ласковость в воздухе»... ³

Не имея возможности писать роман, начал от скуки «Лешего». Выходит скучища вроде «Натана Мудрого» ⁴. Все-таки уверяю Вас, что рано или поздно я сдеру с дирекции 5—6 тысяч в один сезон. Ах, как надменно я тогда буду смотреть на Вас.

Вашу «Татьяну» дают в Москве с изменениями. Так, Медведева не появляется в III акте ⁵.

Не жениться ли мне? Или не уехать ли врачом на пароходе Добровольного флота? ⁶

Поговорите с Щегловым насчет убийства Бунаковым девицы Шаршавиной ⁷. Интересное дело, и фельетоны будут интересные. Щеглов мне не пишет. Очевидно, сердится за «Журавля в небе» ⁸.

Будьте здоровы.

Непременный член по драматическим делам присутствия. Ваш начальник

Чехов.

163

А. С. СУВОРИНУ

Начало мая 1889, Сумы

Сумы, усадьба Линтваревой

Я глазам не верю. Недавно были снег и холод, а теперь я сижу у открытого окна и слушаю, как в зеленом саду, не смолкая, кричат соловьи, удода, иволги

и прочие твари. Псел величественно ласков, тоны неба и дали теплы. Цветут яблони и вишни. Ходят гуси с гусенятами. Одним словом, весна со всеми онерами.

Стива не прислал лодок¹, не на чем кататься. Хозяйские лодки где-то в лесу у лесника. Ограничиваюсь поэтому только хождением по берегу и острою завистью к рыбакам, которые спуют по Пслу на своих челноках. Встаю я рано, ложусь рано, ем много, пишу и читаю. Живописец² кашляет и злится. Дела его швах. За неимением новых книг повторяю зады, прочитываю то, что читал уже. Между прочим, читаю Гончарова и удивляюсь. Удивляюсь себе: за что я до сих пор считал Гончарова первоклассным писателем? Его «Обломов» совсем неважная штука. Сам Илья Ильич, утрированная фигура, не так уж крупен, чтобы из-за него стоило писать целую книгу. Обрюзглый лентяй, каких много, натура не сложная, дюжинная, мелкая; возводить сию персону в общественный тип — это дань не по чину. Я спрашиваю себя: если бы Обломов не был лентяем, то чем бы он был? И отвечаю: ничем. А коли так, то и пусть себе дрыхнет. Остальные лица мелки, пахнут лейковщиной, взяты небрежно и наполовину сочинены. Эпохи они не характеризуют и нового ничего не дают. Штольц не внушает мне никакого доверия. Автор говорит, что это великолепный малый, а я не верю. Это продувная бестия, думающая о себе очень хорошо и собою довольная. Наполовину он сочинен, на три четверти ходулен. Ольга сочинена и притянута за хвост. А главная беда — во всем романе холод, холод, холод... Вычеркиваю Гончарова из списка моих полубогов.

Зато как непосредственен, как силен Гоголь и какой он художник! Одна его «Коляска» стоит двести тысяч рублей. Сплошной восторг, и больше ничего. Это величайший русский писатель. В «Ревизоре» лучше всего сделан первый акт, в «Женитьбе» хуже всех III акт. Буду читать нашим вслух.

Когда вы едете? С каким удовольствием я поехал бы теперь куда-нибудь в Биарриц, где играет музыка и где много женщин. Если бы не художник, то, право,

я поехал бы Вам вдогонку. Деньги нашлись бы. Даю слово, что в будущем году, коли останусь жив и здоров, непременно побываю в Европе. Содрать бы мне только с дирекции тысячи три да кончить роман.

В Вашем книжном шкафу на Сумском вокзале нет ни «Сумерек», ни «Рассказов» и *давно* уже не было. А в Сумах между тем я — модный литератор, — живу близко. Если б Михаил Алексеевич прислал полсотни, то все бы продано было.

По ночам ужасно воют собаки и не дают спать.

Мой «Леший» вытанцовывается.

Анне Ивановне, Насте и Боре мой сердечный привет. В эту ночь мне снилась m-lle Эмили. Почему? Не знаю.

Будьте счастливы и не забывайте меня в своих святых молитвах.

Ваш Акакий Тарантулов³.

164

А. С. СУВОРИНУ

4 мая 1889, Сумы

4 май

Пишу Вам, дорогой Алексей Сергеевич, вернувшись с охоты: ловил раков. Погода чудесная. Все поет, цветет, блещет красотой. Сад уж совсем зеленый, даже дубы распустились. Стволы яблонь, груш, вишен и слив выкрашены от червей в белую краску, цветут все эти деревья бело, отчего поразительно похожи на невест во время венчания: белые платья, белые цветы и такой невинный вид, точно им стыдно, что на них смотрят. Каждый день рождаются миллиарды существ. Соловьи, бугаи, кукушки и прочие пернатые твари кричат без умолку день и ночь, им аккомпанируют лягушки. Каждый час дня и ночи имеет какую-либо свою особенность. Так, в девятом часу вечера стоит в саду буквально рев от майских жуков. Ночи лунные, дни яркие. Сего ради, настроение у меня хорошее и, если б

не кашляющий художник и не комары, от которых не помогает даже рецептура Эльпе, то я был бы совершенным Потемкиным. Природа очень хорошее успокоительное средство. Она мирит, т. е. делает человека равнодушным. А на этом свете необходимо быть равнодушным. Только равнодушные люди способны ясно смотреть на вещи, быть справедливыми и работать — конечно, это относится только к умным и благородным людям; эгоисты же и пустые люди и без того достаточно равнодушны.

Вы пишете, что я обленился. Это не значит, что я стал ленивее, чем был. Работаю я теперь столько же, сколько работал 3—5 лет назад. Работать и иметь вид работающего человека в промежутки от 9 часов утра до обеда и от вечернего чая до сна вошло у меня в привычку, и в этом отношении я чиновник. Если же из моей работы не выходит по две повести в месяц, или 10 тысяч годового дохода, то виновата не лень, а мои психико-органические свойства: для медицины я недостаточно люблю деньги, а для литературы во мне не хватает страсти и, стало быть, таланта. Во мне огонь горит ровно и вяло, без вспышек и треска, оттого-то не случается, чтобы я за одну ночь написал бы сразу листа три-четыре или, увлекшись работою, помешал бы себе лечь в постель, когда хочется спать; не совершаю я поэтому ни выдающихся глупостей, ни заметных умностей. Я боюсь, что в этом отношении я очень похож на Гончарова, которого я не люблю и который выше меня талантом на 10 голов. Страсти мало; прибавьте к этому и такого рода психопатию: ни с того ни с сего, вот уже два года, я разлюбил видеть свои произведения в печати, оравнодушел к рецензиям, к разговорам о литературе, к сплетням, успехам, неудачам, к большому гонорару — одним словом, стал дурак дураком. В душе какой-то застой. Объясняю это застоєм в своей личной жизни. Я не разочарован, не утомился, не хандрю, а просто стало вдруг все как-то менее интересно. Надо подсыпать под себя пороху.

У меня, можете себе представить, готов первый акт «Лешего», Вышло ничего себе, хотя и длинно.

Чувствую себя гораздо сильнее, чем в то время, когда писал «Иванова». К началу июня пьеса будет готова. Берегись, дирекция! Пять тысяч мои. Пьеса ужасно странная, и мне удивительно, что из-под моего пера выходят такие странные вещи. Только боюсь, что цензура не пропустит. Пишу и роман¹, который мне больше симпатичен и ближе к сердцу, чем «Леший», где мне приходится хитрить и ломать дурака. Вчера вечером вспомнил, что я обещал Варламову написать для него водевиль. Сегодня написал² и уж послал. Видите, какая у меня молотья идет! А Вы пишете: обленился.

Наконец-то Вы обратили внимание на Соломона³. Когда я говорил Вам о нем, Вы всякий раз как-то равнодушно поддакивали. По моему мнению, «Экклезиаст» подал мысль Гете написать «Фауста».

Мне чрезвычайно понравился тон Вашего письма о Лихачеве. По-моему, это письмо может служить образцом для всякого рода полемики⁴.

Был я в Сумах в театре и смотрел «Вторую молодость»⁵. Актеры были в таких штанах и играли в таких гостиных, что вместо «Второй молодости» получилась «Лакейская». В последнем акте за сценою били в барабан. Будут ставить «Татьяну Репину» и «Иванова». Схожу. Воображаю, каков будет Адашев!

Пришлите мне мою «Татьяну Репину», если она уж вышла из печати⁶.

Брат пишет, что он замучился со своей пьесой⁷. Я очень рад. Пусть помучится. Он ужасно снисходительно смотрел в театре «Татьяну Репину» и моего «Иванова», а в антрактах пил коньяк и милостиво критиковал. Все судят о пьесах таким тоном, как будто их очень легко писать. Того не знают, что хорошую пьесу написать трудно, писать же плохую пьесу вдвое трудней и жутко. Я хотел бы, чтобы вся публика слилась в одного человека и написала пьесу и чтобы я и Вы, сидя в ложе «Лит. И», эту пьесу ошिकाки.

Александр страдает от избытка переделок. Он очень неопытен. Боюсь, что у него много фальшивых

эффектов, что он воюет с ними и изнывает в бесплодной борьбе.

Привезите мне из-за границы запрещенных книжек и газет. Если б не живописец, то я поехал бы с Вами.

Бог делает умно: взял на тот свет Толстого и Салтыкова и таким образом помирил то, что нам казалось непримиримым⁸. Теперь оба гниют, и оба одинаково равнодушны. Я слышу, как радуются смерти Толстого, и мне эта радость представляется большим зверством. Не верю я в будущее тех христиан, которые, ненавидя жандармов, в то же время приветствуют чужую смерть и в смерти видят ангела избавителя. Вы не можете себе представить, до чего выходит противно, когда этой смерти радуются женщины.

Когда вы вернетесь из-за границы? Куда потом поедете?

Неужели я до самой осени буду сидеть на берегу Псла? О, это ужасно! Ведь весна недолго будет продолжаться.

Ленский зовет меня ехать с ним на гастроли в Тифлис. Поехал бы, коли б не живописец, дела которого не блестящи.

Скажите Анне Ивановне, что я ей от всего сердца желаю самого веселого путешествия.

Если будете играть в рулетку, то поставьте за меня на мое счастье 25 франков.

Ну, дай бог Вам здоровья и всего хорошего.

Ваш А. Чехов.

165

А. С. СУВОРИНУ

7 мая 1889, Сумы

7 май

Я прочел «Ученика» Бурже в Вашем изложении и в русском переводе («Северный вестник») ¹. Дело мне представляется в таком виде. Бурже талантливый, очень умный и образованный человек. Он так полно знаком с методом естественных наук и так его про-

чувствовал, как будто хорошо учился на естественном или медицинском факультете. Он не чужой в той области, где берется хозяйничать,— заслуга, которой не знают русские писатели ни новые, ни старые. Что же касается книжной, ученой психологии, то он ее так же плохо знает, как лучшие из психологов. Знать ее все равно, что не знать, так как она не наука, а фикция, нечто вроде алхимии, которую пора уже сдать в архив. Поэтому говорить о Бурже как о хорошем или плохом психологе я не стану. Роман интересен. Прочел я его и понял, почему он так занял Вас. Умно, интересно, местами остроумно, отчасти фантастично... Если говорить о его недостатках, то главный из них — это претенциозный поход против материалистического направления. Подобных походов я, простите, не понимаю. Они никогда ничем не оканчиваются и вносят в область мысли только ненужную путаницу. Против кого поход и зачем? Где враг и в чем его опасная сторона? Прежде всего, материалистическое направление — не школа и не направление в узком газетном смысле; оно не есть нечто случайное, преходящее; оно необходимо и неизбежно и не во власти человека. Все, что живет на земле, материалистично по необходимости. В животных, в дикарях, в московских купцах все высшее, неживотное обусловлено бессознательным инстинктом, все же остальное материалистично в них и, конечно, не по их воле. Существа высшего порядка, мыслящие люди — материалисты тоже по необходимости. Они ищут истину в материи, ибо искать ее больше им негде, так как видят, слышат и ощущают они одну только материю. По необходимости они могут искать истину только там, где пригодны их микроскопы, зонды, ножи... Воспретить человеку материалистическое направление равносильно запрещению искать истину. Вне материи нет ни опыта, ни знаний, значит нет и истины. Быть может, дурно, что г. Сикст, как может показаться, сует свой нос в чужую область, имеет дерзость изучать внутреннего человека, исходя из учения о клеточке? Но чем он виноват, что психические явления поразительно похожи на физические, что не разберешь, где начинаются первые и кончаются вторые?

Я думаю, что когда вскрываешь труп, даже у самого заядлого спиритуалиста *необходимо* явится вопрос: где тут душа? А если знаешь, как велико сходство между телесными и душевными болезнями, и когда знаешь, что те и другие болезни лечатся одними и теми же лекарствами, поневоле захочешь не отделять душу от тела.

Что касается «психологических опытов», прививок детям пороков и самой фигуры Сикста, то все это до- нельзя утрировано.

Спиритуалисты — это не ученое, а почетное звание. Они не нужны как ученые. Во всем же, что они делают и чего добиваются, они такие же материалисты по необходимости, как и сам Сикст. Если, что невозможно, они победят материалистов и сотрут их с лица земли, то этой одной победой они явят себя величайшими материалистами, так как разрушат целый культ, почти религию.

Говорить о вреде и опасности материалистического направления, а тем паче воевать против него, по меньшей мере преждевременно. У нас нет достаточно данных для состава обвинения. Теорий и предположений много, но фактов нет, и вся наша антипатия не идет дальше фантастического жупела. Жупел противен купчихам, а почему? неизвестно. Попы ссылаются на неверие, разврат и проч. Неверия нет. Во что-нибудь да верят, хотя бы и тот же Сикст. Что же касается разврата, то за утонченных развратников, блудников и пьяниц слывут не Сиксты и не Менделеевы, а поэты, аббаты и особы, исправно посещающие посольские церкви.

Одним словом, поход Бурже мне непонятен. Если бы Бурже, идучи в поход, одновременно потрудились указать материалистам на бесплотного бога в небе и указать так, чтобы его увидели, тогда бы другое дело, я понял бы его экскурсию.

Простите за философию. Еду на почту. Поклон всем Вашим, а Вы будьте здоровы.

Ваш А. Чехов.

8 мая 1889, Сумы

8 май, Сумы, усадьба Линтваревой

Лжедраматург, которому мешают спать мои лавры! Начну с Николая. У него хронический легочный процесс — болезнь, не поддающаяся лечению. Бывают при этой болезни временные улучшения, ухудшения и *in statu* *, и вопрос должен ставиться так: как долго будет продолжаться процесс? Но не так: когда выздоровеет? Николай бодрее, чем был. Он ходит по двору, ест и исправно скрипит на мать. Капризник и привередник ужасный.

Привезли мы его в первом классе и пока ни в чем ему не отказываем. Получает все, что хочет и что нужно. Зовут его все генералом, и, кажется, он сам верит в то, что он генерал. Мощи.

Ты спрашиваешь, чем ты можешь помочь Николаю. Помогай, чем хочешь. Самая лучшая помощь — это денежная. Не будь денег, Николай валялся бы теперь где-нибудь в больнице для чернорабочих. Стало быть, главное деньги. Если же денег у тебя нет, то на нет и суда нет. К тому же деньги нужны большие, а 5—10 рублями не отделаешься.

Я уже писал тебе раз из Сум. Между прочим, я просил тебя выслать мне «Новороссийский телеграф». Теперь не в службу, а в дружбу я просил бы тебя выслать мне киевских газет¹ с 1 мая по 15. Сначала вышли с 1-го по 7-е, потом с 7-го по 15. Заказною бандеролью. Больше я беспокоить тебя не буду.

Теперь о твоей пьесе. Ты задался целью изобразить неноющего человека и испужался². Задача представляется мне ясной. Не ноет только тот, кто равнодушен. Равнодушны же или философы, или мелкие, эгоистические натуры. К последним должно отнестись отрицательно, а к первым положительно. Конечно, о тех равнодушных тупицах, которым не причиняет боли

* состояние без перемен (лат.).

даже прижигание раскаленным железом, не может быть и речи. Если же под неноющим ты разумеешь человека неравнодушного к окружающей жизни и бодро и терпеливо сносящего удары судьбы и с надеждою взирающего на будущее, то и тут задача ясна. Множество переделок не должно смущать тебя, ибо чем мозаичнее работа, тем лучше. От этого характеры в пьесе только выиграют. Главное, берегись личного элемента. Пьеса никуда не будет годиться, если все действующие лица будут похожи на тебя. В этом отношении твоя «Копилка» безобразна и возбуждает чувство досады. К чему Наташа, Коля, Тося? Точно вне тебя нет жизни?! И кому интересно знать мою и твою жизнь, мои и твои мысли? Людям давай людей, а не самого себя.

Берегись изысканного языка. Язык должен быть прост и изящен. Лакеи должны говорить просто, без пущай и без теперича. Отставные капитаны с красными носами, пьющие репортеры, голодающие писатели, чахоточные жены-труженицы, честные молодые люди без единого пятнышка, возвышенные девицы, добродушные няни — все это было уж описано и должно быть объезжаемо, как яма. Еще один совет: сходи раза три в театр и присмотри к сцене. Сравнишь, а это важно. Первый акт может тянуться хоть целый час, но остальные не дольше 30 минут. Гвоздь пьесы — III акт, но не настолько гвоздь, чтоб убить последний акт. В конце концов памятуй о цензуре. Строга и осторожна.

Для пьес я рекомендовал бы тебе избрать псевдоним: Хрущов, Серебряков, что-нибудь вроде. Удобнее для тебя, и в провинции со мной путать не будут, да и кстати избежишь сравнения со мною, которое мне донельзя противно. Ты сам по себе, а я сам по себе, но людям до этого нет дела, им не терпится. Если пьеса твоя будет хороша, мне достанется; если плоха, тебе достанется.

Не торопись ни с цензурой, ни с постановкой. Если не удастся поставить на казенной сцене, то поставим у Корша. Ставить нужно не раньше ноября.

Если я успею написать что-нибудь для сцены, то

это будет кстати: понесешь свою пьесу вместе с моей. Меня в цензуре знают и поэтому не задержат. Мои пьесы обыкновенно не держат более 3—5 дней, а пьесы случайные застревают на целые месяцы.

Капитанам Кукам и Наталье Александровне мой привет из глубины сердца. Тебе желаю здравия и души спасения.

Твой А. Чехов.

167

А. Н. ПЛЕЩЕВУ

14 мая 1889, Сумы

14 май, Лука.

Наше Вам почтение, милый Алексей Николаевич! Как живете-можете? Что нового? Как Ваше здоровье? Каждый день все собираюсь задать Вам сии вопросы, да все некогда: то лень, то раков ловлю, то задумываюсь над своим больным художником, то чернила высыхают от жары, которая здесь давно уж наступила и обещает стоять долго, долго... Комаров видимо-невидимо, кусаются, подлецы, больно и мешают жить. Лука вся давно позеленела, сирень и черемуха цветут и распространяют благоухание, берега Псла трогательны и ласковы до сентиментальности, ночи теплые, чудные, соловьев пропасть, Линтваревы все пополнили и стали еще добрей, чем были в прошлом году. Жить можно, и если бы не кашляющий художник, то я был бы совсем доволен. Пожил бы до июня на Луке, а потом в Париж к француженкам, а из Парижа в Тифлис к грузинкам и этак бы канителил до самой осени, пока бы не обнищал совершенно.

Деньги, заработанные «Ивановым» и книжками, у меня уже на исходе. Не обойтись без аванса. Заберу во всех редакциях аванс, прожгу его и потом, воздев очи к небу, стану взывать: «Боже Авраама, Исаака и Иакова, поразивый Голиафа, пятью хлебами насытивый пять тысяч, вонми гласу моления моего, разверзи землю и поглоти кредиторов моих; тебе же есть слава, честь и поклонение, отцу и сыну и святому духу, аминь».

Скучновато без Вас; не с кем мне поговорить и некого послушать. Молодежь склонна больше к спорам и дебатам, а я ленив для разговорных турниров; мне больше по сердцу речи покойные. Вообще говоря, скучно жить в деревне без людей, к которым привыкло сердце. Если б я женился на Сибиряковой, то купил бы громадное имение, которое отдал бы в распоряжение тех десяти человек, которых люблю. Но так как на Сибиряковой я не женюсь и 200 тысяч никогда не выиграю, то и приходится мириться со своей судьбой и жить мечтами.

Неужели Вы не поедете на юг? А как бы мы проехали в Полтавскую губ. к Смагиным! Коляска покойная, лошади очень сносные, дорога дивная, люди прекрасные во всех отношениях. Я готов отказаться от многого, чтобы только вместе с Вами прокатиться в Украину и чтобы Вы воочию убедились, что Хохландия в самом деле заслуживает внимания хороших поэтов. У Вас на севере небось холод, дождь, серое небо... бррр!

Обещал ко мне приехать Свободин. Хорошо, если не обманет. У меня теперь большое помещение. Я нанял два флигеля.

Жоржик вернулся и уже услаждает нас музыкой. Скоро к нам приедет виолончелист¹, очень хороший. Дуэты будут славные.

Мне жаль Салтыкова. Это была крепкая, сильная голова. Тот сволочный дух, который живет в мелком, измощенничавшемся душевно русском интеллигенте среднего пошиба, потерял в нем своего самого упрямого и назойливого врага. Обличать умеет каждый газетчик, издеваться умеет и Буренин, но открыто презирать умел один только Салтыков. Две трети читателей не любили его, но верили ему все. Никто не сомневался в искренности его презрения.

Напишите мне, дорогой мой, письмо. Я люблю Ваш почерк; когда я вижу его на бумаге, мне становится весело. К тому же, не скрою от Вас, мне льстит, что я переписываюсь с Вами. Ваши и суворинские письма я берегу и завещаю их внукам: пусть сукины сыны читают и ведают дела давно минувшие... Я запечатаю

все письма и завещаю распечатать их через 50 лет, à la Гаевский, так что гончаровская заповедь, напечатанная в «Вестнике Европы», нарушена не будет², хотя я и не понимаю, почему ее нарушать нельзя. Напишите мне о Вашем здоровье.

Жан Щеглов написал драму. А я гуляючи отмахал комедию³. Зададим мы работу Литературному комитету!⁴

В ноябре привезу в Питер продавать свой роман⁵. Дешевле как по 250 за лист не уступлю. Продам и уеду за границу, где à la Худеков задам банкет лиге патриотов и угощу завтраком дон Карлоса, о чем, конечно, будет в газетах специальная телеграмма.

Сердечный привет Вашим и Анне Михайловне. Последнее заседание комитета прошло у нас очень мирно и благополучно⁶. Дела Общества, по-моему, идут превосходно. На конверте я не буду писать «его высокоблагородию»; разрешите мне это удовольствие. Вы для меня не высокоблагородие, а светлость. Мои все Вам кланяются и шлют пожелания. Пишите.

Ваш А. Чехов.

168

А. С. СУВОРИНУ

14 мая 1889, Сумы

14 май

Спасибо, получил свою «Татьяну Репину»¹. Бумага очень хорошая. Фамилию свою я в корректуре зачеркнул, и мне непонятно, как это она уцелела. Зачеркнул, т. е. исправил, я и многие опечатки, которые тоже уцелели. Впрочем, все это вздор. Для большей иллюзии следовало бы напечатать на обложке не Петербург, а Leipzig.

Мой живописец никогда не выздоровеет. У него чухотка. Вопрос поставлен так: как долго будет продолжаться болезнь? А при такой постановке, согласитесь, оставлять его нельзя. К тому же, если бы я уехал, то семья осталась бы в тяжелом положении, которое Вы

можете себе представить, если вообразите себе группу: мать, сестра и ежеминутно кашляющий, брызжащий и неугомонно командующий художник. Без меня им оставаться нельзя...

Щеглов мне не конкурент. Я не знаю его драмы, но предчувствую, что в своих двух первых актах я сделал в 10 раз больше, чем он во всех своих пяти. Его пьеса может иметь бóльший успех, чем моя, но такой конкуренции я не боюсь. Говорю Вам сие, чтобы показать, как я доволен своей работой. Пьеса² вышла скучная, мозаичная, но все-таки она дает мне впечатление труда. Вылились у меня лица положительно новые; нет во всей пьесе ни одного лакея, ни одного вводного комического лица, ни одной вдовушки. Всех действующих лиц восемь, и из них только три эпизодические. Вообще я старался избегать лишнего, и это мне, кажется, удалось. Одним словом, умный мальчик, что и говорить. Если цензура не хлопнет по шапке, то Вам предстоит вкусить осенью такое наслаждение, какого Вы не испытаете, даже стоя на вершине Эйфелевой башни и глядя вниз на Париж. Скажите Буренину, что билета я ему опять не дам³, а Бежецкому скажите, что опять он может не быть на моей пьесе, сколько ему угодно. Если же цензура хлопнет по шапке, то так тому и быть, подождем до будущего лета и напишем новую пьесу, а Буренину все-таки билета не дам.

Ваш ученый Эльпе рекомендует пить стакан молока в продолжение пяти минут. Как это удобно для работающего человека. [...]

В ноябре приеду в Питер продавать с аукциона свой роман. Продам и уеду в Пиренеи.

Свободин обещал ко мне приехать. Опять ужаснется, что я не читал Лессинга.

Конец в новом романе Бурже мне не нравится⁴. Можно было бы лучше сделать. Это не конец умного романа, а шлейф, оторванный от Габорио и приколотый к умному роману булавками. Правосудие, «официальное бесстрашие» судей и прочее — все это перестало уже трогать. Сикст, читающий «Отче наш», уми-

лит Евгения Кочетова, но мне досадно. Коли нужно смело говорить правду от начала до конца, то такой фанатик ученый, как Сикст, прочитав «Отче наш», должен затем вскочить и подобно Галилею воскликнуть: «А все-таки земля вертится!» Та глава, где Шарлотта приходит отжаться, великолепно сделана и трогает.

Вы интересуетесь знать, продолжает ли Вас ненавидеть докторша⁵. Увы! Она пополнила и сильно смирилась, что мне чрезвычайно не нравится. Женщин-врачей осталось на земле немного. Они переводятся и вымирают, как зубры в Беловежской пустыне. Одни гибнут от чахотки, другие впадают в мистицизм, третьи выходят замуж за вдовых эскадронных командиров, третьи крепятся, но уж заметно падают духом. Вероятно, на земле быстро вымирали первые портные, первые астрологи... Вообще тяжело живется тем, кто имеет дерзость первый вступить на незнакомую дорогу. Авангарду всегда плохо.

Как Евгения Константиновна? Небось Алексей Алексеевич трусит? Помогай им бог, дело хорошее⁶. Кланяйтесь.

В деревне дифтерит. Ловлю раков. Со мной вместе ловит сапожник Мишка, лет 12—13, ужасный брехун. Будьте здоровы и счастливы 1000 раз.

Ваш Потемкин.

169

А. С. СУВОРИНУ

15 мая 1889, Сумы

15 май

Если Вы еще не уехали за границу, отвечаю на Ваше письмо о Бурже. Буду краток. Вы пишете между прочим: «Пускай наука о материи идет своим чередом, но пусть также остается что-нибудь такое, где можно укрыться от этой сплошной материи». Наука о материи идет своим чередом, и те места, где можно укрыться от сплошной материи, тоже существуют

своим чередом, и, кажется, никто не посягает на них. Если кому и достается, то только естественным наукам, но не святым местам, куда прячутся от этих наук. В моем письме вопрос поставлен правильнее и безобиднее, чем в Вашем, и я ближе к «жизни духа», чем Вы. Вы говорите о праве тех или других знаний на существование, я же говорю не о праве, а о мире. Я хочу, чтобы люди не видели войны там, где ее нет. Знания всегда пребывали в мире. И анатомия и изящная словесность имеют одинаково знатное происхождение, одни и те же цели, одного и того же врага — черта, и воевать им положительно не из-за чего. Борьбы за существование у них нет. Если человек знает учение о кровообращении, то он богат; если к тому же выучивает еще историю религии и романс «Я помню чудное мгновенье», то становится не беднее, а богаче,— стало быть, мы имеем дело только с плюсами. Потому-то гении никогда не воевали, и в Гёте рядом с поэтом прекрасно уживался естествовед.

Воюют же не знания, не поэзия с анатомией, а заблуждения, т. е. люди. Когда человек не понимает, то чувствует в себе разлад; причин этого разлада он ищет не в себе самом, как бы нужно было, а вне себя, отсюда и война с тем, чего он не понимает. Во все средние века алхимия постепенно, естественным мирным порядком культивировалась в химию, астрология — в астрономию; монахи не понимали, видели войну и воевали сами. Таким же воющим испанским монахом был в шестидесятых годах наш Писарев.

Воюет и Бурже. Вы говорите, что он не воюет, а я говорю, что воюет. Представьте, что его роман попадает в руки человека, имеющего детей на естественном факультете, или в руки архиерея, ищущего сюжета для воскресной проповеди. Будет ли что-нибудь похожее на мир в полученном эффекте? Нет. Представьте, что роман попал на глаза анатому или физиологу и т. д. Ни в чью душу не повеет от него миром, знающих он раздражит, а незнающих наградит ложными представлениями — и только.

Вы, быть может, скажете, что он воюет не с сущ-

ностью, а с отклонениями от нормы. Согласен, с отклонениями от нормы должен воевать всякий писатель, но зачем компрометировать самую сущность? Сикст орел, но Бурже сделал из него карикатуру. «Психологические опыты» — клевета на человека и на науку. Неужели, если бы я написал роман, где у меня анатом ради науки вскрывает свою живую жену и грудных детей или ученая докторша едет на Нил и с научной целью совокупляется с крокодилком и с гремучей змеей, то неужели бы этот роман не был клеветой? А ведь я бы мог интересно написать и умно.

Бурже увлекателен для русского читателя, как гроза после засухи. и это понятно. Читатель увидел в романе героев и автора, которые умнее его, и жизнь, которая богаче его жизни; русские же беллетристы глупее читателя, герои их бледны и ничтожны, третируемая ими жизнь скудна и неинтересна. Русский писатель живет в водосточной трубе, ест мокриц, любит халд и прачек, не знает он ни истории, ни географии, ни естественных наук, ни религии родной страны, ни администрации, ни судопроизводства... одним словом, черта лысого не знает. В сравнении с Бурже он гусь лапчатый и больше ничего. Понятно, почему Бурже должен нравиться, но из этого все-таки не следует, что Сикст прав, когда читает «Отче наш», или что он правдив в это время.

Ну, больше не стану надоедать Вам с Бурже. Что касается Вашего таланта передавать в компактной форме такие романы, как «Disciple»*, то я читал и радовался за Вас. Очень хорошо. Вы отлично справились с философскою и ученою частью романа, и я не знал, что Вы это умеете. У меня бы все перепуталось, и получилось бы еще длиннее, чем у Бурже.

Мне скучно. Плещеев у меня не будет, а хорошо, если бы приехал. Он очень хороший старик.

Скоро я пришлю Вам письмо, написанное по-французски и по-немецки¹. Поклон Анне Ивановне, Насте и Боре.

Счастливого Вам путешествия.

Ваш А. Чехов.

* «Ученик» (франц.).

22 мая 1889, Сумы

22 май, г. Сумы (Харьк. губ.).

Здравствуйте, Николай Александрович, сколько зим, сколько лет! Давно уж я не писал Вам и не получал от Вас писем. Причины моего молчания кроются в постоянстве моего характера; я всегда одинаково и неизменно ленив, и всегда моя голова занята каким-нибудь обстоятельством; Вы же молчите, потому что Вы считаетесь визитами и ждете, когда я Вам напишу.

Живу я там же, где жил в прошлом году. Адрес мой краток: г. Сумы. Не ездил я никуда и, вероятно, до осени никуда не поеду, так как на руках у меня Николай, больной чахоткою и тающий от этой болезни. Дела его плохи, значит, плохи и мои дела, и Вы можете себе представить мое положение. Распространяться не стану.

В феврале у меня было около 1500 рублей. Я мечтал, что проживу все лето до октября вольно и безбедно, объезжу весь свет вдоль и поперек и не буду работать. Вольно я еще не жил, и никуда я еще не ездил, а осталось у меня из полторы тысячи только 340 руб.

Я помаленьку работаю. Пишу маленькие рассказы, которые соединю воедино нумерацией, дам им общее заглавие и напечатаю в «Вестнике Европы». Хочу сразу получить денег побольше. Думал написать комедию, но пока сделал только два акта, надоело, и я бросил¹. Да не тем голова занята. Обстановка у меня теперь совсем не писательская, а лазаретная.

Что подделывает Билибин? Я слышал, что он работает много для сцены. Это хорошо, хотя быть хорошим фельетонистом гораздо выгоднее, чем быть отличным водевилистом. Выгоднее, покойнее и солиднее.

Я читал, что в Питере жарко. У нас тоже вся весна была жаркая. В тени больше 30°.купаемся поневоле два раза в день и спим ночью под простынями при

открытых окнах. Дождей нет, земля высохла, листья на деревьях вялы, редиска червивая; вообще червей, моли и тли много, появилась вся эта гадость рано, и надо думать, судя по всему этому, что урожай не будет. Комары замучили.

Ездили Вы на Валаам? Если б художник был здоров, я поехал бы на Кавказ или в Париж; из Парижа писал бы юмористические фельетоны. Мне кажется, что когда я заживу по-человечески, т. е. когда буду иметь свой угол, свою, а не чужую жену, когда, одним словом, буду свободен от суеты и дрязг, то опять примусь за юмористику, которая мне даже снится. Мне все снится, что я юмористические рассказы пишу. В голове кишат темы, как рыба в плесе.

Вы живете теперь в Ивановском? Сюда я и адресуюсь.

Поклон мой Прасковье Никифоровне и Феде.

Будьте здоровы и не забывайте Вашего

А. Чехова.

171

В. А. ТИХОНОВУ

31 мая 1889, Сумы

31 май

Живу я, милый российский Сарду, не в Париже и не в Константинополе, а как Вы верно изволили заметить на конверте Вашего письма, в г. Сумах, в усадьбе г-жи Линтваревой. Рад бы удрать в Париж и взглянуть с высоты Эйфелевой башни на вселенную, но — увы! — я скован по рукам и ногам и не имею права двинуться с места ни на один шаг. У меня болен чахоткою мой брат-художник, который живет теперь со мной.

Погода великолепная. Тепло, птицы поют, крокодилы квакают. Псел широк и величественен, как генеральский кучер. Но благодаря вышеписанному обстоятельству живется скучно и серо. Спасибо добрым людям — навещают меня и делят со мною скуку, иначе пришлось бы плохо. Гостил у меня дней шесть Суво-

рин, сегодня придет Свободин, бывают соседи — день идет за днем, разговор за разговором, ан глядь — уж и весны нет, июнь на носу.

Работаю, хотя и не усердно. Потягивает меня к работе, но только не к литературной, которая, приелась мне. Пишу роман¹. Кое-что как будто выходит; быстро писать не умею, тяну через час по столовой ложке и оттого не знаю, когда Вы будете иметь удовольствие в сотый раз убедиться, что я не такой великий человек, как вещал за обедом Соковнин². Кончу я роман через 2—3 года.

Начал было я комедию, но написал два акта и бросил³. Скучно выходит. Нет ничего скучнее скучных пьес, а я теперь, кажется, способен писать только скучно, так уж лучше бросить.

Ваше томление я понимаю. Оно пройдет, и пьеса будет написана Вами во благовремении.

Ваше «Без коромысла и утюга»⁴ шло недавно в Одессе. Стало быть, напрасно Вы отзываетесь презрительно о сией пьесе. Все хорошо. Поймите раз навсегда, что драматургия — Ваша профессия, что Вам приходится писать ежегодно по одной, по две пьесы, что поэтому поневоле Вы не можете писать одни только шедевры. На десяток пьес должно приходиться семь неважных — таков удел всякой профессии. Поймите сие, и Вам станет понятно, что все хорошо и все слава богу.

Вы хотите, чтобы я повлиял на Жана Щеглова и вернул его на путь беллетристики. В своих письмах я всякий раз усердно жучу его, но все мои жидкие сентенции, как волны об утес, разбиваются в брызги, наталкиваясь на страсть. Страсть выбивается только страстью, а сентенциями да логикой ничего не поделаешь. Самое лучшее — оставить Жана в покое и ждать, когда в нем перекипит театральная бурда и сам он естественным порядком придет к норме.

Перед выездом из Москвы заседал я как новоиспеченный член в комитете Общества драматических писателей. Вынес такое впечатление: дела Общества идут превосходно.

Если верить газетам, то у Вас на севере теперь холодно. А у нас жарко.

Если не лень и если Вы еще не женились на рябой бабе, бьющей Вас и мешающей Вам писать⁵, то пишите мне.

Как Вы насчет спиритуозов? Придерживаетесь или отрицаете?

Ну, будьте здоровы и счастливы. Моя фамилия благодарит Вас за поклон и тоже кланяется.

Ваш А. Чехов.

Если брату станет полегче, то уеду на Кавказ.

172

А. Н. ПЛЕЩЕЕВУ

26 июня 1889, Сумы

28 июнь

Здравствуйте, мой дорогой и милый Алексей Николаевич! Ваше письмо пришло на девятый день после смерти Николая¹, т. е. когда мы все уже начали входить в норму жизни; теперь отвечаю Вам и чувствую, что норма в самом деле настала и что теперь ничто не мешает мне аккуратно переписываться с Вами.

Бедняга художник умер. На Луке он таял, как воск, и для меня не было ни одной минуты, когда бы я мог отделаться от сознания близости катастрофы. Нельзя было сказать, *когда* умрет Николай, но что он умрет *скоро*, для меня было ясно. Развязка произошла при следующих обстоятельствах. Гостил у меня Свободин. Воспользовавшись приездом старшего брата, который мог сменить меня, я захотел отдохнуть, дней пять подышать другим воздухом; уговорил Свободина и Линтваревых и поехал с ними в Полтавскую губернию к Смагиным. В наказание за то, что я уехал, всю дорогу дул такой холодный ветер и небо было такое хмурое, что хоть тундрам впору. На половине дороги полил дождь. Приехали к Смагиным ночью, мокрые, холодные, легли спать в холодные постели, уснули под шум холодного дождя. Утром была все та же возму-

ительная, вологодская погода; во всю жизнь не забыть мне ни грязной дороги, ни серого неба, ни слез на деревьях; говорю — не забыть, потому что утром приехал из Миргорода мужичонка и привез мокрую телеграмму: «Коля скончался». Можете представить мое настроение. Пришлось скакать обратно на лошадах до станции, потом по железной дороге и ждать на станциях по 8 часов... В Ромнах ждал я с 7 часов вечера до 2 часов ночи. От скуки пошел шататься по городу. Помню, сижу в саду; темно, холодище страшный, скака аспидская, а за бурой стеною, около которой я сижу, актеры репетируют какую-то мелодраму.

Дома я застал горе. Наша семья еще не знала смерти, и гроб пришлось видеть у себя впервые.

Похороны устроили мы художнику отличные. Несли его на руках, с хоругвями и проч. Похоронили на деревенском кладбище под медовой травой; крест виден далеко с поля. Кажется, что лежать ему очень уютно.

Вероятно, я уеду куда-нибудь. Куда? Не вем.

Суворин зовет за границу. Очень возможно, что поеду и за границу, хотя меня туда вовсе не тянет. Я не расположен теперь к физическому труду, хочу отдыха, а ведь шатанье по музеям и Эйфелевым башням, прыганье с поезда на поезд, ежедневные встречи с велеречивым Дмитрием Васильевичем, обеды впроголодь, винопийство и погоня за сильными ощущениями — все это тяжелый физический труд. Я бы охотнее пожил где-нибудь в Крыму, на одном месте, чтоб можно было работать.

Пьеса моя замерзла². Кончать некогда, да и не вижу особенной надобности кончать ее. Пишу понемножку роман³, причем больше мараю, чем пишу.

Вы пьесу пишете? Вам бы не мешало изобразить оригинальную комедийку. Напишите и уполномочьте меня поставить ее в Москве. Я и на репетициях бываю, и гонорар получу, и всякие штуки.

Если я уеду куда-нибудь, то с каждой большой станции буду посылать Вам открытые письма, а из центров закрытые письма.

Линтваревы здравствуют. Они великолепны. С каждым днем становятся все лучше и лучше, и неизвестно,

до чего они дойдут в этом направлении. В великодушии и доброте нет им равных во всей Харьковской губернии. Смагины здравствуют и тоже совершенствуются.

Поздравляю «Северный вестник» с возвращением Протопопова и Короленко⁴. От критики Протопопова никому не будет ни тепло, ни холодно, потому что все нынешние гг. критики не стоят и гроша медного — в высшей степени бесполезный народ, возвращение же Короленко факт отраднейший, ибо сей человек сделает еще много хорошего. Короленко немножко консервативен; он придерживается отживших форм (в исполнении) и мыслит, как 45-летний журналист; в нем не хватает молодости и свежести; но все эти недостатки не так важны и кажутся мне наносными извне; под влиянием времени он может отрешиться от них. Сестра благодарит за поклоны и велит кланяться. Мать тоже. А я целую Вас, обнимаю и желаю всяческих благ. Будьте счастливы и здоровы.

Ваш А. Чехов.

178

А. Н. ПЛЕЩЕЕВУ

3 августа 1889, Ялта

3 августа

Милый и дорогой Алексей Николаевич, можете себе представить, я не за границей, и не на Кавказе, а вот уж две недели одиноко сижу в полуторарублевом номере, в татарско-парикмахерском городе Ялте. Ехал я за границу, но попал случайно в Одессу, прожил там дней десять, а оттуда, проев половину своего состояния на мороженом (было очень жарко), поехал в Ялту. Поехал зря и живу в ней зря. Утром купаюсь, днем умираю от жары, вечером пью вино, а ночью сплю. Море великолепно, растительность жалкая, публика всплошную шумли или больные. Каждый день собираюсь уехать и все никак не уеду. А уехать надо. Совесть загрызла. Немножко стыдно сибаритствовать

в то время, когда дома неладно. Уезжая, я оставил дома унылую скуку и страх.

Сие письмо имеет цель двоякую: 1) приветствовать Вас и напомнить о своем многогрешном существовании и 2) просить Вас уведомить Анну Михайловну, что рассказ¹ она получит от меня не позже 1 сентября. Это уж решенное дело, ибо рассказ почти готов. Несмотря на жару и на ялтинские искушения, я пишу. Написал уж на 200 целковых, т. е. целый печатный лист.

Пьесу² начал было дома, но забросил. Надоели мне актеры. Ну их!

У меня сегодня радость. В купальне чуть было не убил меня мужик длинным тяжелым шестом. Спасся только благодаря тому, что голова моя отстояла от шеста на один сантиметр. Чудесное избавление от гибели наводит меня на разные, приличные случаю мысли.

В Ялте много барышень и ни одной хорошенькой. Много пишущих, но ни одного талантливого человека. Много вина, но ни одной капли порядочного. Хороши здесь только море да лошади-иноходцы. Едешь верхом на лошади и качаешься, как в люльке. Жизнь дешевая. Одинокий человек отлично может прожить здесь за 100 рублей в месяц.

Кланяется Вам Петров, местный старожил, типограф, Дон-Жуан и любитель поэзии, сидящий сейчас возле меня и собирающийся угостить меня обедом. Он глухонемой и говорит поэтому ужасно громко. Вообще чудаков здесь много.

Если захотите подарить меня письмом, то адресуйте в Сумы, куда я вернусь не позже 10 августа.

Рассказ по случаю жары и скверного, меланхолического настроения выходит у меня скучноватый. Но мотив новый. Очень возможно, что прочтут с интересом.

Мне один местный поэт говорил, что в Ялту приедет Елена Алексеевна. Посоветуйте ей не приезжать до винограда, т. е. раньше 15—20 августа.

Поклонитесь всем Вашим. Крепко обнимаю Вас и

пребываю, как всегда, искренно любящим *Антуаном Потемкиным* (прозвище, данное мне Жаном Щегловым).

Кстати: что подделывает Жан? Все еще насилует Мельпомену? Если увидите его, то поклонитесь.

174

Н. А. ЛЕЙКИНУ

13 августа 1889, Сумы

13 авг., Сумы.

Из дальних странствий возвратясь, добрейший Николай Александрович, я нашел у себя Ваше письмо. Спасибо за память. Вот Вам мое *sigillum vitae** Последние дни Николая, его страдания и похороны произвели на меня и на всю семью удручающее впечатление. На душе было так скверно, что опротивели и лето, и дача, и Псел. Единственным развлечением были только письма добрых людей, которые, узнав из газет о смерти Николая, поспешили посочувствовать моей особе. Конечно, письма пустое дело, но когда читаешь их, то не чувствуешь себя одиноким, а чувство одиночества самое паршивое и нудное чувство.

После похорон возил я всю семью в Ахтырку¹, потом неделю пожил с нею дома, дал ей время попривыкнуть и уехал за границу. На пути к Вене со станции Жмеринка я взял несколько в сторону и поехал в Одессу; здесь прожил я 10—12 дней, купаясь в море и варясь в собственном соку, сиречь в поте. В Одессе, благодаря кое-каким обстоятельствам, было прожито денег немало; пришлось насчет заграницы отложить всякое попечение и ограничиться одной только поездкой в Ялту. В сем татарско-дамском граде прожил я недели три, предаваясь кейфу и сладостной лени. Все пущено в трубу, осталось только на обратный путь. В стране, где много хорошего вина и отличных коней, где на 20 женщин приходится один мужчина, трудно быть экономным. Наконец, я дома, с 40 рублями.

* жизнеописание (лат.).

Разъезжая по провинции, я приглядывался к книжному делу. Нахожу, что поставлено оно отвратительно. Торговля нищенская. Половина книгопродавцев кулаки или прямо-таки жулики, покупатель невоспитанный, легко поддающийся обману, откровенно предпочитающий в книгах количество качеству. Пока столичные книгопродавцы не пооткрывают в городах своих отделений, до тех пор дело не подвинется ни на один шаг вперед. На туземцев рассчитывать нельзя.

Из туземцев я встретил только одного благонадежного и вполне порядочного издателя-книгопродавца, которого рекомендую Вашему вниманию. Его адрес: «Ялта, Даниил Михайлович Городецкий». Он содержит типографию, издает всякую крымскую дрянь, редактирует «Ялтинский листок», продает книги и этим летом открывает отделения по всему Крымско-Кавказскому побережью, начиная с Одессы и кончая Батумом. Он, повторяю, порядочный человек, образованный и неглупый. Немного неопытен, но этот недостаток поправимый. Издания берет он только на комиссию, расчет ежемесячный или по желанию. Он просил Вас выслать ему по 25 экз. всех Ваших изданий. Если вышлете, то ничего не проиграете. Я за него вполне ручаюсь, и в случае, если его дело не пойдет, я в будущем июле, проездом через Ялту, заберу у него все книги. Его условия: 40%, а для рублевых книг 30%. Пошлите ему 25 экз. «Пестрых рассказов» и столько же Пальмина. Баранцевичу я буду писать особо. Если хотите, я сам буду считаться с ним. Во всяком случае, напишите мне, я уведомлю его.

Кстати о «Пестрых рассказах». Я должен Вам или Вы мне? Если второе, то не пришлете ли мне за спасение души малую толику? Я нищ и убог. Если первое, то Ваше счастье, так тому и быть.

Всем Вашим поклон. Будьте здоровы и благополучны. В Москву еду 2—3 сент.

Ваш А. Чехов.

Пишите.

А. М. ЕВРЕИНОВОЙ

7 сентября 1889, Москва

7 сентября

Ваша телеграмма застала меня врасплох, уважаемая Анна Михайловна¹. Послав Вам письмо, я успокоился и, занявшись обработкой своей вещи, исковеркал ее вдоль и поперек и выбросил кусок середины и весь конец, решив заменить их новыми. Что же мне теперь делать? Не могу я послать Вам того, что кажется мне недоделанным и не нравится. Вещь сама по себе, по своей натуре скучновата, а если не заняться ею внимательно, то может получиться, как выражаются французы, черт знает что.

Возможна только одна комбинация, очень неудобная для меня и для редакции и которою можно воспользоваться только в случае крайней нужды. Я разделю свой рассказ на две равных доли: одну половину поспешу приготовить к 12—15 сентября для октябрьской книжки, а другую вышлю для ноябрьской. В рассказе 3—4 листа, и делить его можно.

Если согласны на такую комбинацию, то дайте мне знать.

Сюжет рассказа новый: житие одного старого профессора, тайного советника. Очень трудно писать. То и дело приходится переделывать целые страницы, так как весь рассказ испорчен тем отвратительным настроением, от которого я не мог отделаться во все лето. Вероятно, он не понравится, но что шуму наделает и что «Русская мысль» его обругает, я в этом убежден.

Что Короленко?²

Простите бога ради, что я причинил Вам столько хлопот. В другой раз буду исправнее. Поклонитесь Марии Дмитриевне и Алексею Николаевичу. Моя фамилия благодарит Вас за поклон (в телеграмме) и шлет Вам самый сердечный привет.

Душевно преданный А. Чехов.

А. Н. ПЛЕЩЕЕВУ

14 сентября 1889, Москва

14 сент.

Громы небесные и зубы крокодилов да падут на головы Ваших врагов и кредиторов, дорогой и милый Алексей Николаевич! Предпослав Вам такое восточное и грациозное приветствие, отвечаю на Ваше письмо нижеследующее. На телеграмму Анны Михайловны я ответил письмом¹, где умолял подождать до ноябрьской книжки; ответ я получил такой: «Да будет по Вашему желанию. Отложим». Вы поймете всю цену и прелесть этого ответа, если вообразите себе г. Чехова, пишущего, потеющего, исправляющего и видящего, что от тех революционных переворотов и ужасов, какие терпит под его пером повесть, она не становится лучше ни на единый су. Я не пишу, а занимаюсь пертурбациями. В таком настроении, согласитесь, не совсем удобно спешить печататься.

В моей повести не два настроения, а целых пятнадцать; весьма возможно, что и ее Вы назовете дерьмом². Она в самом деле дерьмо. Но льщу себя надеждою, что Вы увидите в ней два-три новых лица, интересных для всякого интеллигентного читателя; увидите одно-два новых положения. Льщу себя также надеждою, что мое дерьмо произведет некоторый гул и вызовет ругань во вражеском стане. А без этой ругани нельзя, ибо в наш век, век телеграфа, театра Горевой и телефонов, ругань — родная сестра рекламы.

Что касается Короленко, то делать какие-либо заключения о его будущем — преждевременно³. Я и он находимся теперь именно в том фазисе, когда фортуна решает, куда пускать нас: вверх или вниз по наклону. Колебания вполне естественны. В порядке вещей был бы даже временный застой.

Мне хочется верить, что Короленко выйдет победителем и найдет точку опоры. На его стороне крепкое здоровье, трезвость, устойчивость взглядов и ясный, хороший ум, хотя и не чуждый предубеждений, но

зато свободный от предрассудков. Я тоже не дамся фортуне живой в руки. Хотя у меня и нет того, что есть у Короленко, зато у меня есть кое-что другое. У меня в прошлом масса ошибок, каких не знал Короленко, а где ошибки, там и опыт. У меня, кроме того, шире поле брани и богаче выбор; кроме романа, стихов и доносов, я все перепробовал. Писал и повести, и рассказы, и водевили, и передовые, и юмористику, и всякую ерунду, включая сюда «Комаров и мух» для «Стрекозы». Оборвавшись на повести, я могу приняться за рассказы; если последние плохи, могу ухватиться за водевиль и этак без конца, до самой дохлой смерти. Так что при всем моем желании взглянуть на себя и на Короленко оком пессимиста и повесить нос на квинту я все-таки не унываю ни одной минуты, ибо еще не вижу данных, говорящих за или против. Погодим еще лет пять, тогда видно будет.

Вчера у меня был Петр Николаевич Островский, заставший у меня петербургского помещика Соковнина. Петр Николаевич умный и добрый человек; беседовать с ним приятно, но спорить так же трудно, как со спиритом. Его взгляды на нравственность, на политику и проч.—это какая-то перепутанная проволока; ничего не разберешь. Поглядишь на него справа — материалист, зайдешь слева — франкмасон. Такую путаницу приходится чаще всего наблюдать у людей, много думающих, но мало образованных, не привыкших к точным определениям и к тем приемам, которые учат людей уяснять себе то, о чем думаешь и говоришь.

Театр Горевой такая чепуха! Сплошной нуль. Таланты, которые в нем подвизаются, такие же облезлые, как голова Боборыкина, который неделю тому назад составлял для меня почтенную величину, теперь же представляется мне просто чудачком, которого в детстве мамка ушибла⁴. Побеседовав с ним и поглядев на дела рук его, я разочаровался, как жених, невеста которого позволила себе нечаянно издать в обществе неприличный звук.

Говорят, у Абрамовой дела идут хорошо⁵. Уже

встречал я гениальных людей, успевших нагреть руки около ее бумажника. Дает авансы.

Что делает Жан? Жив ли он? Не задавили ли его где-нибудь за кулисами? Не умер ли он от испуга, узнав, что в его «Дачном муже» вместо госпожи Пыжиковой будет играть г-жа Дымская-Стульская 2-я? Если Вам приходится видеть его и слушать его трагический смех, то напомните ему о моем существовании и кстати поклонитесь ему.

Всем Вашим мой сердечный привет.

Будьте здоровы. Дай бог Вам счастья и всего самого лучшего.

Ваш *Antoine*, он же *Потемкин*.

Адрес: Таврида, спальная Екатерины II.

177

А. Н. ПЛЕЩЕЕВУ

24 сентября 1889, Москва

24 сент.

Это письмо, дорогой Алексей Николаевич, посылается на почту вместе с рассказом, на который я наконец махнул рукой и сказал ему: изыди от меня, окаянный, в огонь скучной критики и читательского равнодушия! Надоело с ним возиться. Называется он так: «Скучная история» (из записок старого человека). Самое скучное в нем, как увидите, это длинные рассуждения, которых, к сожалению, нельзя выбросить, так как без них не может обойтись мой герой, пишущий записки. Эти рассуждения фатальны и необходимы, как тяжелый лафет для пушки. Они характеризуют и героя, и его настроение, и его вилянье перед самим собой. Прочтите, голубчик, и напишите мне. Прорехи и пробелы Вам виднее, так как рассказ не надоел еще Вам и не намозолил глаз, как мне.

Боборыкин ушел от Горевой и умно сделал. Человеку с такой литературной репутацией, как у него, не место в этом театре, да и не к лицу быть мишенью

для насмешек и сплетен разных прохвостов и ничтожеств. Он не перестал быть для меня симпатичным; я писал Вам, что он показался мне чудачком в высшей степени, и он в самом деле чудак. Его пребывание у Горевой, его «Дон Карлосы» и «Мизантропы»¹, разыгрываемые сапожниками, это если не шалость, то чудачество.

Островский² вовсе не консерватор. Он просто обыватель, ведущий замкнутую жизнь, сердитый на себя в настоящем, любящий свое прошлое и не знающий, на чем бы сорвать свое сердце. Человек он добрый и в высшей степени добропорядочный; но спорить с ним трудно. Трудно не потому, что высказывает он противоположные взгляды, а потому, что приемы для спора у него времен очаковских и покоренья Крыма.

Сейчас иду на заседание Комитета³ — это первое заседание в этом сезоне.

Все говорят и пишут мне, чтобы я написал большую пьесу. Актеры Малого театра берут с меня слово, что я непременно напишу. Эх, кабы было время! Хорошей пьесы не написал бы, но деньжищ заграбастал бы достаточно.

Смешно сказать, «Иванов» и книжки сделали меня рантьером. Будь я один, мог бы прожить безбедно года два-три, лежа на диване и пуская плевки в потолок.

Напишите мне. Видели ли Григоровича?

Будьте живы, здоровы, покойны и богаты. Обнимаю Вас крепко и целую. Вашим мой нижайший поклон.

Ваш А. Чехов.

178

А. Н. ПЛЕЩЕЕВУ

30 сентября 1889, Москва

30 сент.

Здравствуйте, милый Алексей Николаевич! Большое Вам спасибо за письмо¹ и за указания, которыми я непременно воспользуюсь, когда буду читать корректуру. Не согласен я с Вами только в очень немногом. Так, например, заглавия повести переменять

не следует — те прохвосты, которые будут, по Вашему предсказанию, острить над «Скучной историей», так не остроумны, что бояться их нечего; если же кто сострит удачно, то я буду рад, что дал к тому повод. Профессор не мог написать о муже Кати, так как он его не знает, а Катя молчит о нем; к тому же мой герой — и это одна из его главных черт — слишком беспечно относится к внутренней жизни окружающих, и в то время, когда около него плачут, ошибаются, лгут, он преспокойно трактует о театре, литературе; будь он иного склада, Лиза и Катя, пожалуй бы, не погибли.

Да, о прошлом Кати вышло и длинно и скучно. Но иначе ведь ничего не поделаешь. Если б я постарался сделать это место более интересным, то, согласитесь, моя повесть стала бы от этого вдвое длиннее.

Что касается письма Михаила Федоровича с кусочком слова «страсти...», то натяжки тут нет.

Повесть, как и сцена, имеет свои условия. Так, мне мое чутье говорит, что в финале повести или рассказа я должен искусственно сконцентрировать в читателе впечатление от всей повести и для этого хотя мельком, чуть-чуть, упомянуть о тех, о ком раньше говорил. Быть может, я и ошибаюсь.

Вас огорчает, что критики будут ругать меня. Что ж? Долг платежом красен. Ведь мой профессор бранит же их!

Я теперь отдыхаю. Для прогулок избрал я шумную область Мельпомены, куда и совершаю ныне экскурсию. Пишу, можете себе представить, большую комедию-роман и уж накатам залпом 2¹/₂ акта. После повести комедия пишется очень легко. Вывожу в комедии хороших, здоровых людей, наполовину симпатичных; конец благополучный. Общий тон — сплошная лирика. Называется «Леший».

Я просил высылать гонорар по частям не столько из деликатности, которую Вы слишком преувеличиваете, сколько из расчета. Если бы мне выслали все сразу, то я сразу бы и прожил. Я чувствую какой-то зуд и ноздревский задор, когда знаю, что у меня в столе лежат деньги. Когда будете в конторе, то скажите, что первую часть гонорара я жду первого ок-

тября, а вторую — первого ноября и т. д. Первого числа я рассчитываюсь с лавочником и с мясником.

Все мои здравствуют и шлют Вам поклон. «Лешего» кончу к 20 октября и пришлю в Питер², а затем отдыхаю неделю и сажусь за продолжение своего романа³.

В заседании Комитета, о котором я написал, разбиралось много дел, но все мелких, мало интересных, хотя и курьезных. Хозяйство ведется превосходно, и Кондратьев человек незаменимый.

Александров держится хорошо. Он юрист, и это много помогает нам при разрешении разных дел князю своего свойства.

Поклон Вашим. Будьте здоровы и еще раз большое спасибо.

Ваш А. Чехов.

179

П. И. ЧАЙКОВСКОМУ

12 октября 1889, Москва

12 окт.

Многоуважаемый
Петр Ильич!

В этом месяце я собираюсь начать печатать новую книжку своих рассказов, рассказы эти скучны и нудны, как осень, однообразны по тону, и художественные элементы в них густо перемешаны с медицинскими, но это все-таки не отнимает у меня смелости обратиться к Вам с покорнейшей просьбой: разрешите мне посвятить эту книжку Вам¹. Мне очень хочется получить от Вас положительный ответ, так как это посвящение, во-первых, доставит мне большое удовольствие, и, во-вторых, оно хотя немного удовлетворит тому глубокому чувству уважения, которое заставляет меня вспоминать о Вас ежедневно. Мысль посвятить Вам книжку крепко засела мне в голову еще в тот день, когда я, завтракая с Вами у Модеста Ильича, узнал от Вас, что Вы читали мои рассказы.

Если Вы вместе с разрешением пришлете мне еще свою фотографию², то я получу больше, чем стою, и буду доволен во веки веков. Простите, что я беспокою Вас, и позвольте пожелать Вам всего хорошего.

Душевно преданный

А. Чехов.

180

А. С. СУВОРИНУ

13 октября 1889, Москва

13 октября (нехорошее число для начала)

С приездом!!

Приглашением остановиться у Вас я, конечно, воспользуюсь очень охотно. Тысячу раз благодарю. Приеду же я гораздо позже, чем в октябре или в ноябре.

У меня все обстоит благополучно. Я почти здоров, семья тоже, настроение хорошее, деньги есть и хватит их мне до нового года, лени пока нет. Лето я бездельничал, в последние же месяцы сделал больше, чем можно было ожидать от такого литературного тюленя, как я. Во-первых, написал я повесть в 4^{1/2} листа;¹ закатил я себе нарочно непосильную задачу, возился с нею дни и ночи, пролил много пота, чуть не поглупел от напряжения — получилось вместе и удовольствие и дисциплинарное взыскание за летнее безделье. Напечатана будет повесть в ноябрьской книжке «Северного вестника».

Во-вторых, едва успев кончить повесть и измучившись, я разбежался и по инерции написал четырехактного «Лешего», написал снова, уничтожив все, написанное весной². Работал я с большим удовольствием, даже с наслаждением, хотя от писанья болел локоть и мерещилось в глазах черт знает что. За пьесой приехал ко мне Свободин и взял ее для своего бенефиса (31 октября). Пьеса читалась Всеволожским, Григоровичем и К°. О дальнейшей судьбе ее, коли охота, можете узнать от Свободина, лица заинтересованного, и от Григоровича, бывшего председа-

телем того военно-полевого суда, который судил меня и моего «Лешего». Пьеса забракована. Забракована ли она только для бенефиса Свободина (великие князья будут на бенефисе) или же вообще для казенной сцены, мне неизвестно, а уведомить меня об этом не сочли нужным³.

В-третьих, я тщательно готовлю материал для третьей книжки рассказов⁴. Конечно, с книжкой обращусь опять к Вам — это 1-го или 2 ноября, не раньше. Теперь я, отдыхая, переделываю рассказы, кое-что пишу снова.

Вот и все. Интересного ничего нет.

Говорить ли, отчего я не поехал за границу? Если не скучно, извольте. 1 июля я выехал за границу в подлейшем настроении, оставив в таком же настроении всю семью. Настроение было безразличное: в Тироле ли ехать, в Бердичев, в Сибирь ли — все равно. Зная, что в Тироле вы проживете целый месяц, я решил заехать по пути в Одессу, куда телеграммами приглашал меня Ленский. В Одессе я застал труппу Малого театра. Тут я, лениво философствуя и не зная, куда деваться от жары, размыслил, что на дорогу у меня не хватит денег, но все-таки решил ехать в Тироль. Но вот что ударило меня по ногам и сбilo с толку: Ваши телеграммы я получал, а мои телеграммы не доходили до Вас, и я получал такой ответ (документы целы): «*Souvenir inconnu Derêche en dépôt-direction*»*. А тут пошли всякие соблазны, финансовые соображения и проч., что все вместе взятое окончательно сбilo меня, спутало, и я из Одессы, имея в кармане менее 400 руб., поехал в Ялту. Здесь застрял. Описывать свои крымские похождения не стану, ибо для этого у меня не хватает таланта английского юмориста Бернарда.

Я жалею, что не был за границей, мне стыдно перед самим собой и Вами, которому я доставил столько хлопот, но в то же время я немножко рад этому. Ведь если бы я поехал, то я завяз бы по уши в долги, вер-

* «Адрес Суворина неизвестен Телеграмма хранится месте назначения» (франц.).

нулся бы только теперь, ничего бы не сделал, а все это для такого труса, как я, пуще Игорево́й смерти.

Я часто вспоминаю о Вас. Как Ваше здоровье? Что написали нового или что задумали? Что привезли? У меня забытый Вами Бальзак, взятый Елизаветой Захаровной из библиотеки. Что с ним делать? С лодками Оболонского целая история. О ней после⁵.

Анне Ивановне передайте мой сердечный привет. Насте и Боре тоже.

Будьте здоровы и не сердитесь на

Вашего *А. Чехова*.

Пью рыбий жир и Obersalzbrunnen. Противно!

181

П. И. ЧАЙКОВСКОМУ

14 октября 1889, Москва

14/X 1889 г.

Очень, очень тронут, дорогой Петр Ильич, и бесконечно благодарю Вас¹. Посылаю Вам и фотографию, и книгу², и послал бы даже солнце, если бы оно принадлежало мне.

Вы забыли у меня портсигар. Посылаю Вам его. Трех папирос в нем не хватает: их выкурили виолончелист, флейтист и педагог³.

Благодарю Вас еще раз и позвольте пребыть сердечно преданным

А. Чеховым.

182

А. С. СУВОРИНУ

15 октября 1889, Москва

15 окт.

Теперь, дорогой Алексей Сергеевич, позвольте о скучных делах:

1) Мне прислал Павленков корректуру медицинского отдела в «Русском календаре», прося подробных поправок¹. Если Павленков будет бранить меня за медленность, то скажите ему, что исполнить его же-

371

ление я могу только в будущем году. Собрать теперь необходимые справки поздно. Количество кроватей, плата за больных и проч.— все это не известно ни одному календарю и может быть приведено в известность только двумя путями: или официальным порядком, который не в моей власти, или же исподволь, через расспросы врачей и проч., что я по малости и делаю теперь.

2) В январе, живучи у Вас, я получил из Москвы письмо, подписанное братом покойного Александра Николаевича Островского. Сей человек поручал мне спросить у Вас: не возьметесь ли Вы издать детские рассказы его сестры Надежды Николаевны Островской, сотрудницы детских журналов? Я это письмо показал Вам, и Вы ответили мне так:

— Хорошо, я издам. Только теперь не время издавать детские рассказы. Пусть присылает осенью.

Сегодня был у меня Островский и спрашивал у меня, как ему быть и что делать. Приходил он ко мне и раньше, но я отговаривался тем, что Вы за границей. Теперь Вы приехали. Что сказать ему? Если Ваш ответ, данный мне зимою, остается в прежней силе, то куда посылать рукописи: Вам или Неупокоеву?

Кстати, еще об одном моем протеже. Как-то раз вечером Вы, Анна Ивановна и я разговорились о романах, которые нам приходилось читать в давно минувшее время. Вспомнили, между прочим, роман некоего Райского «Семейство Снежных» — роман, если верить моей памяти, очень недурной². Когда я и Анна Ивановна припоминали содержание этого романа, Вы сказали, что недурно бы его издать, а я пообещал отыскать автора. Поиски мои ни к чему не повели, так как Райский оказался беспаспортным, не прописанным, живущим в пространстве. Я забыл и о нем и об его романе, но на днях он явился ко мне. Оборванный, истерзанный недугами, развинченный... Оказывается, что летом у него был пожар, который уничтожил единственный бывший у него экземпляр романа, все имущество, рукописи и любимую дорого стоящую собаку. После пожара была нервная горячка. Он обещал сходить к букинистам и поискать свой роман, но,

по-видимому, о своем обещании забыл, так как ко мне не показывается и о нем ни слуху ни духу.

3) Больше никаких дел нет.

Вчера был у меня П. Чайковский, что мне очень польстило: во-первых, большой человек, во-вторых, я ужасно люблю его музыку, особенно «Онегина». Хотим писать либретто³.

Что с Боткиным? Известие о его болезни мне очень не понравилось. В русской медицине он то же самое, что Тургенев в литературе... (Захарьина я уподобляю Толстому) — по таланту.

Поклонитесь Вашим и пребывайте здоровым и счастливым.

Ваш А. Чехов.

183

А. С. СУВОРИНУ

17 октября 1889, Москва

17 окт.

Насчет медицинского отдела для календаря я вчера написал Вам. Сегодня Островский, о котором я тоже уже писал, притащил целый тюк рассказов своей сестры¹.

Гореву бьют и бранят, и, конечно, несправедливо, так как бить и бранить публично следует только за зло, да и то с разбором. Но Горева ужасно плоха. Я был раз в ее театре и чуть не окошел с тоски. Труппа серая, претензии подавляющие.

Не радуйтесь, что Вы попали в мою пьесу. Рано пташечка запела. Ваша очередь еще впереди. Коли буду жив, опишу феодосийские ночи, которые мы вместе проводили в разговорах, и ту рыбную ловлю, когда Вы шагали по палям линтваревской мельницы — больше мне от Вас пока ничего не нужно. В пьесе же Вас нет, да и не может быть, хотя Григорович со свойственной ему пронизательностью и видит противное. В пьесе идет речь о человеке нудном, себялюбивом, деревянном, читавшем об искусстве 25 лет и ничего не понимавшем в нем; о человеке, наводящем на всех уныние и скуку, не допускающем смеха и музыки и

проч. и проч. и при всем том необыкновенно счастливым. Не верьте Вы бога ради всем этим господам, ищущим во всем прежде всего худа, меряющим всех на свой аршин и приписывающим другим свои личные лисьи и барсучьи черты. Ах, как рад этот Григорович! И как бы все они обрадовались, если бы я подсыпал Вам в чай мышьяку или оказался шпионом, служащим в III отделении. Вы скажете, конечно, что все это пустяки. Нет, не пустяки. Если бы моя пьеса шла, то вся публика с легкой руки изолгавшихся шелобаев говорила бы, глядя на сцену: «Так вот какой Суворин! Вот какая его жена! Гм... Скажите, а мы и не знали».

Мелочь, согласен, но от таких мелочей погибает мир. На днях я встретился в театре с одним петербургским литератором. Разговорились. Узнав от меня, что летом в разное время перебывали у меня Плещеев, Баранцевич, Вы, Свободин и другие, он сочувственно вздохнул и сказал:

— Напрасно вы думаете, что это хорошая реклама. Вы слишком ошибаетесь, если рассчитываете на них.

То есть Вас я пригласил к себе, чтобы было кому писать обо мне, а Свободина приглашал, чтобы было кому всучить свою пьесу. И после разговора с литератором у меня теперь во рту такое чувство, как будто вместо водки я выпил рюмку чернил с мухами. Все это мелочи, пустяки, но не будь этих мелочей, вся человеческая жизнь вплотную состояла [бы] из радостей, а теперь она наполовину противна.

Если Вам подадут кофе, то не старайтесь искать в нем пива. Если я преподношу Вам профессорские мысли, то верьте мне и не ищите в них чеховских мыслей. Покорно Вас благодарю. Во всей повести² есть только одна мысль, которую я разделяю и которая сидит в голове профессорского зятя, мошенника Гнеккера, это — «спятил старик!». Все же остальное придумано и сделано... Где Вы нашли публицистику? Неужели Вы так цените вообще какие бы то ни было мнения, что только в них видите центр тяжести, а не в манере высказывания их, не в их происхождении и проч.? Значит, и «Disciple» Бурже публицистика? Для меня, как автора, все эти мнения по своей сущности

не имеют никакой цены. Дело не в сущности их, она переменчива и не нова. Вся суть в природе этих мнений, в их зависимости от внешних влияний и проч. Их нужно рассматривать, как вещи, как симптомы, совершенно объективно, не стараясь ни соглашаться с ними, ни оспаривать их. Если я опишу пляску св. Витта, то ведь Вы не взглянете на нее с точки зрения хореографа? Нет? То же нужно и с мнениями. Я вовсе не имел претензии ошеломить Вас своими удивительными взглядами на театр, литературу и проч.; мне только хотелось воспользоваться своими знаниями и изобразить тот заколдованный круг, попав в который добрый и умный человек при всем своем желании принимать от бога жизнь такую, какая она есть, и мыслить о всех по-христиански, волей-неволей ропщет, брюзжит, как раб, и бранит людей даже в те минуты, когда принуждает себя отзываться о них хорошо. Хочет вступить за студентов, но, кроме лицемерия и жителевской ругани, ничего не выходит... Впрочем, все это длинная история.

Ваши сынки подают большие надежды. Цену за «Стоглав» повысили, а объем его убавили. Обещали мне за рассказы ³ бочонок вина и надули, а чтоб я не сердился, поместили мой портрет vis-à-vis с шахом персидским. Кстати о шахе. Читал я недавно стихи «Политический концерт», где про шаха говорится приблизительно так: и шах персидский, чудак всегдашний, поехал в Париж, чтобы сравнить [...] с Эйфелевой башней. Приезжайте в Москву. Пойдем вместе в театр.

Ваш А. Чехов.

184

И. Л. ЛЕОНТЬЕВУ-ЩЕГЛОВУ

21 октября 1889, Москва

21 окт.

Милая, трагическая Жанушка! За браконьерство, за охоту по дачным мужьям в Вашем лесу¹ я уже достаточно наказан роком: мой «Леший» хлопнулся и лопнул². Успокойте Ваши щеглиные нервы, и да хранит Вас небол

Нового ничего нет. Читал я Вашего «Кожаного актера»³ и очень рад, что могу салютовать Вам. Рассказ *превосходный*. Особенно пластично то место, где мелькает малый в дубленом полушубке. Молодец Вы, Жанушка. Только на кой черт в этом теплом, ласковом рассказе сдались Вам такие жителевские перлы, как «*облыжный*», «*бутербродный*» и т. п.? К такой нежной и нервной натуре, каковою я привык считать Вас, совсем не идут эти ернические слова. Бросьте Вы их к анафеме, будь они трижды прокляты [...]

Очень хорошо «нажми педаль», хороша рожа у гастролера. Заглавие тоже хорошее.

Напишите с десяток таких рассказов из театральной жизни, соберите в один томик. Успех будет полный.

Очень, очень рад, что цензура запретила переделку «Гордиева узла»⁴. Так Вам и нужно! Это урок: в другой раз не будете покушаться на свои романы и повести.

В Москве был Тихонов.

Щеглова в Москве еще не было. Но его нетерпеливо ждут. Когда он приедет?

Ну, будьте счастливы. Родите поскорее еще кожного актера.

Кланяйтесь Вашей жене и позвольте дружески пожать Вам щеглиную лапку.

Ваш А. Чехов.

Серьезно, когда приедете?

Мои благодарят за память и кланяются.

185

А. Н. ПЛЕЩЕВУ

21 октября 1889, Москва

21 окт.

Привет Вам, дорогой Алексей Николаевич! Большое спасибо за письмо. Что же касается моего здоровья и настроения, о которых Вы спрашиваете, то нельзя сказать, чтобы они были плохи. Живется сносно, изредка выпадают хорошие минуты, а в общем, выражаясь языком биржевиков, настроение вялое.

Один доктор, очень милый человек (иль завистью его лукавый мучил, иль медицинский стол ему наскучил), поручил мне во что бы то ни стало послать в «Северный вестник» два стихотворения, которые и прилагаю. Хочет он, чтобы стихи эти были напечатаны непременно и не позже декабря. Но так как Вы из свойственного всем поэтам духа конкуренции не желаете их напечатать, то потрудитесь написать мне, что стихи хороши, но что по случаю накопления срочного и очередного материала они могут быть напечатаны не раньше августа, а я прочту ему¹.

Свободин нисколько не виноват². Если пьеса в самом деле не годится и если не велит начальство, то что поделаешь? Виноват он только в нерасчетливости: дорога ко мне обошлась ему не меньше ста рублей.

О моей пьесе ни слуху ни духу. Съели ли ее мыши, пожертвовала ли ее дирекция в Публичную библиотеку, сгорела ли она со стыда за ложь Григоровича³, который любит меня, как родного сына,— все может быть, но мне *ничего* неизвестно. Никаких извещений и мотивировок ни от кого я не получал, ничего не знаю, а запросов никаких не делаю из осторожности, чтобы запрос мой не был истолкован, как просьба или непременно желание венчать себя александринскими лаврами. Я самолюбив ведь, как свинья.

Упорное молчание гг. членов того военно-полевого суда, который судил моего «Лешего», я могу объяснить не чем иным, как только горячим сочувствием к моему таланту и желанием продлить то райски-сладострастное наслаждение, какое доставляет мне приятное неведение. Кто знает? Быть может, моя пьеса признана гениальной... Разве не сладко гадать?

«Петербургская газета» извещает, что моя пьеса признана «прекрасной драматизированной повестью»⁴. Очень приятно. Значит, что-нибудь из двух: или я плохой драматург, в чем охотно расписываюсь, или же лицемеры все те господа, которые любят меня, как родного сына, и умоляют меня бога ради быть в пьесах самим собою, избегать шаблона и давать сложную концепцию.

Южакон ушел? Ничего, вернется. Если Михайловский, Южакон и К° в конце концов не поступят в болгарские министры, то рано или поздно они все вернутся в «Северный вестник». Держу пари. Уход Южакова — это громадная, незаменимая потеря для тех читателей, которых летом одолевают мухи. Статьи Южакова, как сонно-одуряющее средство, действительнее мухомора.

Не выпускайте Стасова. Он хорошо читается и возбуждает разговоры. А статья его о парижской выставке совсем-таки хорошая статья ⁵.

При той наклонности, которая существует даже у очень хороших людей к сплетне, ничто не гарантировано от нечистых подозрений. Таков мой ответ на Ваш вопрос относительно неверно понимаемых отношений Кати к профессору ⁶. Уж коли отвыкли от веры в дружбу, в уважение, в безграничную любовь, которая существует у людей вне половой сферы, то хоть бы мне не приписывали дурных вкусов. Ведь если б Катя была влюблена в полуживого старика, то, согласитесь, это было бы половым извращением, курьезом, который мог бы интересовать только психиатра, да и то только как неважный и доверия не заслуживающий анекдот. Будь только одно это половое извращение, стоило бы тогда писать повесть?

Погода в Москве скверная, хуже полового извращения. Буду скоро печатать новую книжку. Собираю рассказы и погубил несколько дней на переделку *заново* некоторых вещей ⁷.

Поклон всем Вашим. Будьте счастливы и небом хранимы.

Ваш душой А. Чехов.

186

А. С. СУВОРИНУ

28 октября 1889, Москва

28 окт.

Опять о делах.

Князь Сумбатов-Южин убедительно просит Вас ответить ему на его письмо. Он ставит в свой бенефис

«Макбета»¹ и что-то писал Вам насчет постановки, прося указаний и проч.

Островский опять был. Он просит Вас поступить с книгой его сестры так, как Вы найдете нужным и лучшим². Он и она на все согласны, лишь бы имя Островской прогремело по всей Европе.

Был у меня Василий Семенович Мамышев, звенигородский Лекок³. Он сильно похудел, постарел и как-то согнулся. У него болят и слегка парализованы ноги; по-видимому, что-то скверное творится в спинном мозгу.

Вы пишете, что презреннее нашей либеральной оппозиции ничего выдумать нельзя. Ну, а те, которые не составляют оппозиции? Едва ли эти лучше. Мать всех российских зол — это грубое невежество, а оно присуще в одинаковой степени всем партиям и направлениям. А за то, что Вы хвалите немецкую культуру и подчеркиваете всеобщую грамотность, Вы будете в раю, а я Вас за это глубоко уважаю.

«Лешего» я Вам не дам читать из страха, что Вы о нем будете говорить с Григоровичем. Месяц тому назад (или 20 дней — не помню) мне многих усилий стоило, чтобы не писать Вам о своей пьесе, теперь же я совершенно успокоился и со спокойным духом могу не писать о ней. Теперь развелось очень много ноющих, пострадавших за правду драматургов. Они мне так надоели и кажутся такими бабами, что мне даже жаль, что я впутался в их кашу и написал пьесу, которой мог бы совсем не писать.

Вы как-то летом писали мне о всеобщей вежливости, которую Вы наблюдали в Тироле. Напишите о ней в газете. Мало Вы писали и о Франции. Шест, который Вы рекомендовали при плавании, вспоминаю я с содроганием. В Ялте меня им чуть не убили.

Кланяюсь Вашим.

Попросите Жителя не употреблять в фельетонах слово «аппетит».

Ваш А. Чехов.

А. С. ЛАЗАРЕВУ-ГРУЗИНСКОМУ

1 ноября 1889, Москва

1 ноября 1889 г.

Добрейший Александр Семенович! Водевиль Ваш получил и моментально прочел¹. Написан он прекрасно, но архитектура его несносна. Совсем не сценично. Судите сами. Первый монолог Даши совершенно не нужен, ибо он торчит наростом. Он был бы у места, если бы Вы пожелали сделать из Даши не просто выходную роль и если б он, монолог, много обещающий для зрителя, имел бы какое-нибудь отношение к содержанию или эффектам пьесы. Нельзя ставить на сцене заряженное ружье, если никто не имеет в виду выстрелить из него. Нельзя обещать. Пусть Даша молчит совсем — этак лучше.

Горшков говорит много, так много, что Кашалотов 1000 раз успел бы отозвать его в сторону и шепнуть: «Замолчи, старая скотина! Жена здесь!» Но он этого не делает... Откуда такая неосторожность? Черта характера? Если да, то надо бы пояснить... Засим жена, если глядеть на нее как на женскую роль, совсем скудна. Она говорит мало, так мало, что Дашу и ее может исполнять немая актриса. Горшков хорош, только в приеме его воспоминаний чувствуется некоторое однообразие... Нужно побольше увлечения и побольше разнообразия. Так, например, об актрисах, за которыми ухаживает Кашалотов, он говорит таким же тоном, как о картах и кутузке, те же переходы, точно арифметическая прогрессия. А мог бы он так говорить: «А какие прежде актрисы были! Взять, к примеру, хоть Лепореллову! Талант, осанка, красота, огонь! Прихожу раз, дай бог память, к тебе в номер — ты тогда с ней жил, — а она роль учит...» И т. д. Тут уж другой прием.

Расчетливый человек, давая в пьесе четырех лиц, поступил бы на Вашем месте так: он дал бы одну сильную мужскую роль и одну сильную женскую, а две остальные ввел бы аксессуарно. Сильная мужская у Вас готова — это Горшков. Женскую легко сделать

из жены, а мужа и Дашу надо побоку. Я бы так сделал: входит муж и рекомендует жене старого друга, которого встретил в «Ливорно»: «Напой его, матушка, кофейком, а я на минутку сбегаю в банк и сейчас вернусь»; остаются на сцене жена и Горшков; последний начинает вспоминать и выбалтывает все, что нужно; вернувшийся муж застаёт разбитую посуду и старого друга, спрятавшегося от страха под стол; кончается тем, что Горшков с умилением, с восторгом глядит на разъяренную супругу и говорит: «Из Вас, сударыня, вышла бы славная трагическая актриса! Вот бы кому Медею играть!» Супруги бранятся, а он говорит страшный монолог из «Лиры», якобы под бурю... или что-нибудь вроде... дальше уж не мое дело.

Таково мое мнение. Буду ждать Вашего письма. Выбирайте любое: или я отдам пьесу в ее настоящем виде — она и так может пойти, ибо она лучше сотни водевилей, или же я вышлю ее Вам обратно для переделки. Спешить незачем, успеете еще с Вашей женой послушаться аплодисментов.

Серьезно у Зингера пропали Ваши деньги? Вы этим не шутите².

Рад, что Вы собираетесь писать «субботник». Я не доживу до этого, доживут мои внуки — и на том спасибо.

Будьте здоровы.

Если бы Вы не прислали мне марок, то от этого не пострадали бы ни я, ни литература. Что за рыцарство? Точно я Плюшкин или беден, как Диоген. Не пришлете ли уже к стати почтовой бумаги и конвертов?

Читаю Ваши рассказы. Прогресс замечаю огромный. Только бросьте Кузю, имя Семен и обывательски-мещански-титularный тон Ваших героев. Побольше кружев, опопонакса, сирени, побольше оркестровой музыки, звонких речей... Сиречь пишите колоритней. Физиономия Ваша уже выработалась, с чем я Вас и поздравляю. Это хорошо, и я рад Вашим успехам.

Будьте здоровы. Поклонитесь Вашей жене.

Ваш А. Чехов.

Когда приедете?
Пишите.
Город Балаганск есть в Сибири.

188

А. М. ЕВРЕИНОВОЙ

7 ноября 1889, Москва

7 ноябрь

Многоуважаемая Анна Михайловна!

Благодарю Вас за деньги и за обещание познакомиться меня с миллионершей. Кстати: настоящие ли у нее миллионы? Если настоящие, а не дутые, то почему она до сих пор не вышла замуж? Я человек подозрительный...

Пьеса у меня есть¹, но говорить о ней я могу только нерешительно... По моему мнению, пьесы можно печатать только в исключительных случаях. Если пьеса имела успех на сцене, если о ней говорят, то печатать ее следует, если же она, подобно моей, еще не шла на сцене и смиренхонько лежит на столе автора, то для журнала она не имеет никакой цены.

В Петербург я приеду, должно быть, в декабре.

Ко мне один за другим ходят посетители и мешают мне кончить это письмо. Вообще мне очень мешают, и я охотно бы переселился на Северный полюс, где, как известно, с визитами не ходят.

Был ли у Вас мой брат, новоиспеченный юрист? ² Если хотите, он расскажет Вам про государственную комиссию, которая его экзаменовала. Нам труднее было экзаменоваться.

Моя фамилия благодарит за поклон и кланяется. Часто вспоминают, как вместе с Вами ехали до Ивана.

В Москве читает гигиену ученик Петенкоффера, проф. Федор Федорович Эрисман, много знающий, очень талантливый и литературный человек. Пригласите его работать в «Северном вестнике». Чтобы

облегчить ему задачу (приглашения от редакций ставят обыкновенно в тупик, и приглашенный больше года тратит на выбор подходящего сюжета), Вы прямо закажите ему «Санитарное значение кладбищ», или «Водопроводы», или «Вентиляция», или что-нибудь в этом роде. Пригласите также проф. Кайгородова, пригласите проф. нашей Петровской академии Стебута, написавшего прекрасную «Полевую культуру»³. Приглашайте настоящих ученых и настоящих практиков, а об уходе ненастоящих философов и настоящих социолого-наркотистов не сожалейте⁴.

Поклонитесь Марии Дмитриевне и Алексею Николаевичу. Будьте здоровы! Есть ли у Вашей миллионерши именье в Крыму? Ах, как это было бы кстати! Я бы ее выкурил из этого имения и сам жил бы в нем с какою-нибудь актрисочкой.

Прощайте,

Ваш

А. Чехов.

189

Н. А. ЛЕЙКИНУ

7 ноября 1889, Москва

7 ноябрь

Первую страницу в последнем номере «Осколков», добрейший Николай Александрович, принимаю не иначе, как выражение ко мне особого внимания редакции¹. Покорнейше благодарим. Когда будем издавать свой юмористический журнал, то нарисуем Вас на вершине Эйфелевой башни, построенной из Ваших книг.

Упрек в пристрастии к сцене и в измене беллетристической форме я принимаю, хотя он относится ко мне в гораздо меньшей степени, чем, например, к Библину или Гнедичу. Я за всю свою жизнь работал для сцены в общей сложности не больше месяца, а теперь мечтаю о сценической деятельности так же охотно, как о вчерашней каше. Не льстит мне конкуренция с 536 драматургами², пишущими ныне для сцены, и нисколько не улыбается успех, который имеют теперь все драматурги, хорошие и плохие,

Кто-то, кажется Билибин, писал мне, что будто Вы сердитесь на меня за то, что я не уведомил Вас о получении ста рублей. Я не понимаю, что дурного в этом неуведомлении. Во-первых, почта российская исправна, во-вторых, деньги, если бы я не получил их, пришли бы к Вам обратно, в-третьих, я не находил нужным уведомлять Вас, так как Анна Ивановна, посылая мне деньги, писала мне, что высылаются они по поручению Голике, в-четвертых, у меня в голове все так перепуталось и я так занят, что заслуживаю снисхождения.

Городецкому я не писал. Дело у него новое, он просил поддержки, а написать ему то, что Вы хотели³, значило бы совершенно отказать ему. Я не думаю, чтобы 40% было невыгодно для издателей и авторов. Книжная торговля теперь так плоха, что, будь я хозяином своих книг и не будь я ленив, я отпускал бы со скидкой 50% всякую свою книгу, которая уже окупилась. Окупившуюся книгу можно уподобить вольной птице: чем раньше она уйдет из склада, тем раньше ее место может занять новое издание. Если бы, повторяю, я был хозяином своих книг, то мои бы «В сумерках» и «Рассказы» теперь продавались бы не третьим изданием, а восемнадцатым.

Как Вам путешествовалось и отчего Вы так недолго были за границей? Я и чихнуть не успел, как Вы уже вернулись.

Говорят, что Билибин болен. В чем дело? Он писал мне, что болит сердце. Вероятно, развинтились нервы, ибо сердце в его годы не болит. Ведь не грудная же жаба, не перерождение сердечных сосудов, не аневризма же. Ему бы на юг поехать, в море купаться. За 200 рублей можно целый месяц прожить на южном берегу Крыма; хватит не только на житье и харчи, но даже и на девиц, буде он на старости лет пожелает иметь их.

Грузинский совсем уже выписался и определился; он крепко стал на ноги и обещает много. Ежов тоже выписывается; таланта у него, пожалуй, больше, чем у Грузинского, но не хватает его ума. Про семгу уже оба не пишут. Журю их обоих за мещанистый тон их

разговорного языка и за однообразно-бурый колорит описаний. Их даже самые лучшие рассказы своим колоритом напоминают мне деревянные лестницы в квартире Пальмина. Кстати, где теперь сей любимец богов? Где живет, или, вернее, куда переехал? Не сообщите ли Вы мне его семиэтажного адреса? Я у него давно уже не был, и, вероятно, он теперь бранит меня:

— Мальчишка! Чегг!

В Москве выпал снег.

Прасковье Никифоровне и Федору Лейкину мой нижайший поклон.

Будьте здоровы.

Ваш А. Чехов.

190

А. С. СУВОРИНУ

12 ноября 1889, Москва

12 ноябрь

Посылаю рассказ для фельетона¹. Несерьезный пустячок из жизни провинциальных морских свинок. Простите мое баловство... Между прочим, сей рассказ имеет свою смешную историю. Я имел в виду кончить его так, чтобы от моих героев мокрого места не осталось, но нелегкая дернула меня прочесть вслух нашим; все взмолились: пощади! пощади! Я пощадил своих героев, и потому рассказ вышел так кисел. В фельетон он влезет, а если не влезет, то придется мне сократить его...

Спасибо за прочтение пьесы². Я и сам знал, что IV акт никуда не годится, но ведь я же давал пьесу с оговоркой, что сделаю новый акт. Больше половины Ваших замечаний таковы, что я ими непременно воспользуюсь. Абрамова покупает у меня пьесу весьма выгодно³. Пожалуй, продам. Если буду ставить, то многое изменю так, что Вы не узнаете.

Я бы с удовольствием приехал к Вам повидаться, да меня пугает мысль о 343 визитах, которые мне придется делать в Петербурге.

У меня в квартире сплошной хохот.
Спешу послать сей пакет на почту.
Будьте здоровы. Отчего у Вас голова болит? Должно быть, погода виновата.

Influenza — болезнь, давно уже известная врачам, а потому врачи и не находят нужным кричать о ней. Это грипп; болеют им и люди и лошади.

Ваш А. Чехов.

Если не затруднит, пришлите мне корректуру.

191

А. С. СУВОРИНУ

18—23 декабря 1889, Москва

..очерков, фельетонов, глупостей, водевилей, скучных историй, многое множество ошибок и несообразностей, пуды исписанной бумаги, академическая премия, житие Потемкина — и при всем том нет ни одной строчки, которая в моих глазах имела бы серьезное литературное значение. Была масса форсированной работы, но не было ни одной минуты серьезного труда. Когда я на днях прочел «Семейную трагедию» Бежецкого¹, то этот рассказ вызвал во мне что-то вроде чувства сострадания к автору; точно такое же чувство испытываю я, когда вижу свои книжки. В этом чувстве есть правда величиною с муху, но мнительность моя и зависть к чужим трудам раздувают ее до размеров слона. Мне страстно хочется спрятаться куда-нибудь лет на пять и занять себя кропотливым, серьезным трудом. Мне надо учиться, учить все с самого начала, ибо я, как литератор, круглый невежда; мне надо писать добросовестно, с чувством, с толком, писать не по пяти листов в месяц, а один лист в пять месяцев. Надо уйти из дому, надо начать жить за 700—900 р. в год, а не за 3—4 тысячи, как теперь, надо на многое наплевать, но хохлацкой лени во мне больше, чем смелости.

Продам «Лешего» Абрамовой — это зря². Значит, рассуждает моя вялая душа, на 3—4 месяца хватит денег. Вот моя хохлацкая логика. Ах, какие нынче поганые молодые люди стали!

Здоровье у всех домочадцев поправилось. Я тоже уже не кашляю. Ужасно хочется повидаться с Вами. Приеду, должно быть, в начале января.

Дни становятся больше. К весне повернуло, а зимы еще не было.

В январе мне стукнет 30 лет. Подлость. А настроение у меня такое, будто мне 22 года.

Не болейте, пожалуйста, и скажите Анне Ивановне, чтобы она подарила свои болезни кому-нибудь.

Не приехать ли мне в Питер встречать Новый год?

Ваш А. Чехов.

192

А. С. СУВОРИНУ

27 декабря 1889, Москва

27 дек.

Юные девы и агнцы непорочные носят ко мне свои произведения; из кучи хлама я выбрал один рассказик, помарал его и посылаю Вам. Прочтите. Маленький и без претензий. Вероятно, сгодится для субботника. Называется он «Утро нотариуса Горшкова»¹.

Тоном Жана Щеглова, просящего Вас поговорить с ним о театре, я прошу: «Позвольте мне поговорить с Вами о литературе!» Когда я в одном из своих последних писем писал Вам о Бурже и Толстом², то меньше всего думал о прекрасных одалисках и о том, что писатель должен изображать одни только тихие радости. Я хотел только сказать, что современные лучшие писатели, которых я люблю, служат злу, так как разрушают. Одни из них, как Толстой [...] Другие же [...], не пресыщенные телом, но уж пресыщенные духом, изощряют свою фантазию до зеленых чертиков и изобретают несуществующего полубога Сикста и «психологические» опыты. Правда, Бурже приделал благопо-

лучный конец ³, но этот банальный конец скоро забывается, и в памяти остаются только Сикст и «опыты», которые убивают сразу сто зайцев: компрометируют в глазах толпы науку, которая подобно жене Цезаря не должна быть подозреваема, и третируют с высоты писательского величия совесть, свободу, любовь, честь, нравственность, вселяя в толпу уверенность, что все это, что сдерживает в ней зверя и отличает ее от собаки и что добыто путем вековой борьбы с природою, легко может быть дискредитировано «опытами», если не теперь, то в будущем. Неужели подобные авторы «заставляют искать лучшего, заставляют думать и признавать, что скверное действительно скверно»? Неужели они заставляют «обновляться»? Нет, они заставляют Францию вырождаться, а в России они помогают дьяволу размножать слизняков и мокриц, которых мы называем интеллигентами. Вялая, апатичная, лениво философствующая, холодная интеллигенция, которая никак не может придумать для себя приличного образца для кредитных бумажек, которая не патриотична, уныла, бесцветна, которая пьянеет от одной рюмки и посещает пятидесятикопеечный бордель, которая брюзжит и охотно отрицает *все*, так как для ленивого мозга легче отрицать, чем утверждать; которая не женится и отказывается воспитывать детей и т. д. Вялая душа, вялые мышцы, отсутствие движений, неустойчивость в мыслях — и все это в силу того, что жизнь не имеет смысла, что у женщин [...] и что деньги — зло.

Где вырождение и апатия, там половое извращение, холодный разврат, выкидыши, ранняя старость, брюзжащая молодость, там падение искусств, равнодушие к науке, там *несправедливость* во всей своей форме. Общество, которое не верует в бога, но боится примет и черта, которое отрицает *всех* врачей и в то же время лицемерно оплакивает Боткина ⁴ и поклоняется Захарьину, не смеет и заикаться о том, что оно знакомо с справедливостью.

Германия не знает авторов вроде Бурже и Толстого, и в этом ее счастье. В ней и наука, и патриотизм, и хорошие дипломаты, и все что хотите. Она

побьет Францию, и союзниками ее будут французские авторы.

Мне помешали писать, а то бы я накатал Вам сегодня пять листов. Когда-нибудь после.

Сегодня идет «Леший». IV акт совсем новый. Своим существованием он обязан Вам и Владимиру Немировичу-Данченко, который, прочитав пьесу, сделал мне несколько указаний, весьма практических. Мужчины не знают ролей и играют недурно; дамы знают роли и играют скверно. О том, как сойдет моя пьеса, напишет Вам нудный Филиппов, который просил у меня на днях сюжета для письма к Вам. Скучные люди.

Поздравляю Вас с праздником.

Ваш А. Чехов.

Всем Вашим привет из глубины души.

193

М. Н. ГАЛКИНУ-ВРАСКОМУ

20 января 1890, Петербург

Ваше превосходительство

милостивый государь

Михаил Николаевич!

Предполагая весною этого года отправиться с научною и литературною целями в Восточную Сибирь и желая, между прочим, посетить остров Сахалин, как среднюю часть его, так и южную, беру на себя смелость покорнейше просить Ваше превосходительство оказать мне возможное содействие к достижению мною названных целей.

С искренним уважением и преданностью имею честь быть Вашего превосходительства покорнейшим слугою.

Антон Чехов,

Января 20-го дня 1890 г.

Малая Итальянская, 18, кв. А. С. Суворина.

Н. М. ЕЖОВУ

28 января 1890, Петербург

28 янв.

Добрейший Николай Михайлович, простите, что так долго не отвечал на Ваши письма. Все собирался уехать в Москву и поэтому рассчитывал повидаться и дать ответ устный.

1) «Русалка» будет напечатана в «Новом времени»¹.

2) Вам прибавлена копейка. Теперь Вы будете получать 8 коп. за строчку.

3) О высылке газеты сделано распоряжение.

«Русалка» мне *очень* понравилась, хотя в рассказе русалочьего отца Вы несколько впадаете в тон Короленко («Лес шумит»). Вообще Вы заметно прогрессируете, чему я, искренно говоря, очень рад. Читайте побольше; Вам нужно поработать над своим языком, который грешит у Вас грубоватостью и вычурностью — другими словами, Вам надо воспитать в себе вкус к хорошему языку, как воспитывают вкус к гравюрам, хорошей музыке и т. п. Читайте побольше серьезных книг, где язык строже и дисциплинированнее, чем в беллетристике. Кстати же запасетесь и знаниями, которые не лишни для писателя.

Вот Вам и наставление на закуску! Суворин извиняется, что до сих пор не распорядился насчет газеты.

Почтение Вашей жене.

Искренно преданный

А. Чехов.

Бываете ли у наших?

А. Н. ПЛЕЩЕЕВУ

15 февраля 1890, Москва

15 февр.

Отвечаю Вам, дорогой Алексей Николаевич, тотчас же по получении от Вас письма. Вы были именинником? Да, а я забыл!! Простите, голубчик, и примите от меня запоздалое поздравление.

Неужели Вам не понравилась «Крейцера соната»?¹ Я не скажу, чтобы это была вещь гениальная, вечная — тут я не судья, но, по моему мнению, в массе всего того, что теперь пишется у нас и за границей, едва ли можно найти что-нибудь равносильное по важности замысла и красоте исполнения. Не говоря уж о художественных достоинствах, которые местами поразительны, спасибо повести за одно то, что она до крайности возбуждает мысль. Читая ее, едва удержи- ваешься, чтобы не крикнуть: «Это правда!» или: «Это нелепо!» Правда, у нее есть очень досадные недо- статки. Кроме всего того, что Вы перечислили, в ней есть еще одно, чего не хочется простить ее автору, а именно — смелость, с какою Толстой трактует о том, чего он не знает и чего из упрямства не хочет понять. Так, его суждения о сифилисе, воспитательных домах, об отвращении женщин к совокуплению и проч. не только могут быть оспариваемы, но и прямо изобли- чают человека невежественного, не потрудившегося в продолжение своей долгой жизни прочесть две-три книжки, написанные специалистами. Но все-таки эти недостатки разлетаются, как перья от ветра; ввиду достоинства повести их просто не замечаешь, а если заметишь, то только подосадуешь, что повесть не избегла участи всех человеческих дел, которые все несо- вершенны и несвободны от пятен.

На меня сердятся мои петербургские друзья и зна- комые? За что? За то, что я мало надоедал им своим присутствием, которое мне самому давно уже надоело! Успокойте их умы, скажите им, что в Петербурге я много обедал, много ужинал, но не пленил *ни одной* дамы, что я каждый день был уверен, что уеду вече- ром с курьерским, что меня удерживали друзья и «Морской сборник», который мне нужно было пере- листать весь, начиная с 1852 г. Живя в Питере, я в один месяц сделал столько, сколько не сделать моим молодым друзьям в целый год. Впрочем, пусть сердятся!

О том, что я уехал со Щегловым в Москву на ло- шадях, телеграфировал нашим молодой Суворин шутки ради, а наши поверили; что же касается 35 000 курье-

ров, которые скакали ко мне из министерств, чтобы пригласить меня в генерал-губернаторы о. Сахалина, то это просто чепуха². Брат Миша писал Линтваревым о том, что хлопочу попасть на Сахалин, а они, очевидно, не так его поняли. Если увидите Галкина-Враского, то скажите ему, чтобы он не очень заботился о рецензии для своих отчетов. Об его отчетах я буду пространно говорить в своей книге и увековечу имя его; отчеты не важны: материал прекрасный и богатый, но чиновники-авторы не сумели воспользоваться им.

Целый день сижу, читаю и делаю выписки. В голове и на бумаге нет ничего, кроме Сахалина. Умопомешательство. *Mania Sachalinosa* *.

Недавно я обедал у Ермоловой. Цветочек дикий, попав в один букет с гвоздикой, стал душистее от хорошего соседства. Так и я, пообедав у звезды, два дня потом чувствовал вокруг головы своей сияние.

Читал я «Симфонию» М. Чайковского³. Мне понравилась. Получается по прочтении впечатление очень определенное. Пьеса должна иметь успех.

Прощайте, голубчик мой, приезжайте. Привет Вашим. Сестра и мать кланяются.

Ваш А. Чехов.

196

М. И. ЧАЙКОВСКОМУ

16 февраля 1890, Москва

16 февраль

Дорогой Модест Ильич, Ваша «Симфония» мне очень понравилась, о сценических красотах пьесы я умею судить, только вернувшись из театра, а потому позвольте мне не говорить о них. Литературные же достоинства не подлежат ни малейшему сомнению. Это умная, интеллигентная пьеса, написанная отличным языком и дающая очень определенное впечатле-

* Сахалинское бешенство (лат.).

ние. Несмотря на то что половина действующих лиц не кажется типичною, что фигуры вроде Милочки затронуты только чуть-чуть, быт рисуется ясно, и я, благодаря Вашей пьесе, имею теперь представление о среде, которой раньше не знал. Это полезная пьеса. Жалею, что я не критик, иначе бы я написал Вам длинное письмо и доказал бы, что Ваша пьеса хороша.

Вы, кажется, говорили, что Вашей пьесы не поймет публика, ибо пьеса рисует среду специальную. Читая пьесу, я, признаться, ожидал пересола, но, кроме «симфония», «опера» и «мотивчик», ничего специального не обрел и посему позволю себе не разделять Ваших опасений.

Елена сделана хорошо, хоть и говорит местами мужским языком. Место, где она вспоминает о певице в Монгейме, вышло недостаточно тепло именно благодаря этой манере выражаться по-мужски. Знаки препинания в этом воспоминании я расставил бы иначе, например, после слов «с ридикюльчиком в руках» я поставил бы многоточие, потом слово «она» зачеркнул бы. Если же, впрочем, певицы вроде Елены обмушциваются, то я не прав. Все это мелочи.

Ядринцев похож на суворинского Адашева¹. Ходыков сделан великолепно, дядюшка очень милая скотина... Больше всего мне понравились I, II и V акты, меньше всего III, где у Милочки нет ни одной сочной, длинной фразы, а все какие-то всхлипывания. Конец остроумен, лучше и придумать нельзя.

Ходыкова надо Свободину играть.

Воображаю, как хорошо бы сошла Ваша «Симфония» у нас в Малом театре. У нас умеют разговаривать на сцене — это важно. Второй акт поставили бы чудно.

Простите, что пишу черт знает как, пятое через десятое. Не умею выражать свои мнения, хоть и называюсь литератором.

На Сахалин я еду в апреле. Если до этого времени будете в Москве, то убедительно прошу Вас пожаловать ко мне. Будьте здоровы и не забывайте Вашего почитателя и немножко собутыльника

А. Чехова.

А. С. СУВОРИНУ

Между 19 и 21 февраля 1890, Москва

Спасибо за хлопоты. Атлас Крузенштерна мне нужен теперь или по возвращении из Сахалина. Лучше теперь. Вы пишете, что карта его плоха. Потому-то она мне и нужна, что она плоха, а хорошую я уже купил у Ильина за 65 к.

День-деньской я читаю и пишу, читаю и пишу... Чем больше читаю, тем сильнее убеждение, что в два месяца я не успею сделать и четверти того, что задумал, а ведь больше двух месяцев мне нельзя сидеть на Сахалине: подлецы-пароходы не ждут! Работа разнообразная, но нудная... Приходится быть и геологом, и метеорологом, и этнографом, а к этому я не привык, и мне скучно. Читать буду о Сахалине до марта, пока есть деньги, а потом сяду за рассказы.

Не помню, за что я повесил себя в письме к Плещееву. Вероятно, за пьянство. Писал я ему, конечно, в шуточной форме и, кажется, так: «...за что меня следовало бы в одно и то же время повесить и произвести в генералы»¹. Последнее мною вполне заслужено, ибо в Питере я выпил столько, что мною должна гордиться Россия! Помню также, писал я Плещееву, что, живя в Питере, в один месяц я сделал столько, сколько моим молодым друзьям, которые за что-то на меня сердятся, не сделать в целый год², и я не соврал, ибо каждый из моих друзей в 12 раз больше бездельник, чем я. У Вас живя, я многое прочел, многое видел и слышал, и сварил кашу не с одним только Галкиным — и это все, невзирая на винопийство и шаганье из угла в угол.

М-те Ленская вымазала себе лицо салом. Был Мамышев и сердился, что воротник с ручательством на 30 лет послали ему в Звенигород, а не в Волоколамск, где он живет. Я сказал, что Вы виноваты.

Если у Вас в библиотеке есть «Очерки пером и карандашом» Вышеславцева, то пришлите. Будет от меня благодарность.

Был у меня Островский и спрашивал о судьбе книги своей сестры. Я сказал, что Вы и Неупокоев недовольны рисунками и форматом. Он ответил так: «Если рисунки не нравятся, то их можно бросить, заказав новые, формат же наравне со всем прочим вполне зависит от усмотрения типографии». Можно написать ему, что его книга будет печататься летом? Ах, какие у него вонючие сигары! Каждый его визит благодаря его этим анафемским сигарам наводит на меня ужас. Говорил он, что его брат министр захворал сахарной болезнью.

«Крейцера соната» в Москве имеет успех.

Отчего не шлете рассказов? ³ Я сегодня или завтра пошлю Вам рассказ Лазарева (Грузинского). Прибавкой гонорара и высылкой газеты мой протеже Ежов тронут и благодарит Вас со слезами на глазах и с дрожью в голосе, простирая руки к небесам с мольбою о ниспослании Вам и всему Вашему семейству всякого благополучия во веки веков аминь.

В своей сахалинской работе я явлю себя таким ученым сукиным сыном, что Вы только руками разведете. Я уж много украл из чужих книг мыслей и знаний, которые выдам за свои. В наш практический век иначе нельзя. Скажите Алексею Алексеичу, чтобы он ехал на Мургабский берег ⁴.

Читал я, что румынская королева ⁵ написала пьесу из народного (?) быта и будет ставить ее в бухарестском театре. Автор, которому нельзя шикать. А я бы с удовольствием пошикал.

Ленский говорил, что, «кажется, хотят ставить» пьесу Маслова ⁶. Больше же об его пьесе ничего не слышал.

Будьте здоровы. Дай бог всего хорошего.

С почтением

Генрих Блокк и К^o 7

Как поживают Ваши многоуважаемые лошади? Хорошо бы проехаться куда-нибудь.

А. П. ЧЕХОВУ

25 февраля 1890, Москва

25 февр.

Инфузория!

Мне необходимо возможно подробное знакомство с газетной литературой о Сахалине, ибо она интересуется меня не со стороны одних только даваемых ею сведений. Сведения, конечно, сами по себе, но, Гусев, нужно и историческое освещение фактов, составляющих суть этих сведений. Статьи писались или людьми, никогда не бывавшими на Сахалине и ничего не смыслящими в деле, или же людьми заинтересованными, которые на сахалинском вопросе и капитал нажили и невинность соблюли. Храбрость первых и уловки вторых, как элементы затемняющие и тормозящие, должны быть для исследователя ценнее всяких сведений, кои по большинству случайны и неверны; элементы сии отлично характеризуют отношение нашего общества вообще к делу, а к тюремному в частности. Автора же и его побуждения поймешь только тогда, когда прочтешь его статью полностью.

Во всяком случае избавь Публичную библиотеку от своих посещений. Достаточно и того, что ты сделал. Остальное будет переписано сестрою, которую я нанял и которая начнет свои хождения в Румянцевскую библиотеку с 3 недели поста. Тебе же, дураку, я найду другую работу. Кланяйся в ноги и проси прощения, Все, что тебе нужно будет сделать, найдешь в письме, которое получишь на 4 или 5 неделе поста... А насчет вшей могу сказать только одно: смерть моя нечистоплотность! Обломовский Захар и Александр Чехов говорят, что без вшей и клопов нельзя обойтись,— это очень научно; а я, представь, видел не раз семьи, которые понятия не имеют о сих тварях. От вшей помогает очень многое. Спроси в аптеке про отвар из сибаниллы.

Все наши здравствуют. Поклон Наталье Александровне, Куке и крестнику¹.

Твой благодетель А. Чехов.

А. С. СУВОРИНУ

28 февраля 1890, Москва

28 февр.

Получил и книги и атлас Крузенштерна. Посылаю Вам поклонение и благодарение, а Вашей библиотеке скажите, что я ей обязан по гроб жизни. Завтра pošлю Вам через магазин: 1) Указатель «Русской старины», 2) Вышеславцева, 3) «Вестник Европы», 1872, VIII, и 4) 3 тома «Морского сборника» (1858, XII, 1859, II, и 1859, X), которые будьте добры отдать уважаемому Василию для передачи бедному Константину Федоровичу. 2-й том Крузенштерна я уже послал Вам, а атлас вышлю тотчас же по снятии копии.

С книгами я буду приставать к Вам до самого своего отъезда. И теперь я прилагаю список журналов мне нужных. Верьте, Ваше превосходительство, что я уже достаточно наказан за беспокойство: от чтения присылаемых Вами книг у меня в мозгу завелись тараканы. Такая кропотливая анафемская работа, что я, кажется, околею с тоски, прежде чем попаду на Сахалин.

Завтра весна, а через 10—15 дней прилетают жаворонки. Но увы! — наступающая весна кажется мне чужою, ибо я от нее уеду.

На Сахалине очень вкусная рыба, но горячих напитков нет.

Теперь несомненно, что пьеса Маслова пойдет¹. Значит, Вы приедете в начале апреля на репетиции? Вы обещали.

Да хранят Вас все святые!

Ваш

А. Чехов.

Наши гг. геологи, ихтиологи, зоологи и проч. ужасно необразованные люди. Пишут таким суконным языком, что не только скучно читать, но даже временами приходится фразы переделывать, чтобы понять. Но зато важности и серьезности хоть отбавляй. В сущности это свинство.

А. С. СУВОРИНУ

9 марта 1890, Москва

9 марта. Сорок мучеников
и 10 000 жаворонков

Насчет Сахалина ошибаемся мы оба, но Вы, вероятно, больше, чем я. Еду я совершенно уверенный, что моя поездка не даст ценного вклада ни в литературу, ни в науку: не хватит на это ни знаний, ни времени, ни претензий. Нет у меня планов ни гумбольдтских, ни даже кеннановских¹. Я хочу написать хоть 100—200 страниц и этим немножко заплатить своей медицине, перед которой я, как Вам известно, свинья. Быть может, я не сумею ничего написать, но все-таки поездка не теряет для меня своего аромата: читая, глядя по сторонам и слушая, я многое узнаю и выучу. Я еще не ездил, но благодаря тем книжкам, которые прочел теперь по необходимости, я узнал многое такое, что следует знать всякому под страхом 40 плетей и чего я имел невежество не знать раньше. К тому же, полагаю, поездка — это непрерывный полугодовой труд, физический и умственный, а для меня это необходимо, так как я хохол и стал уже лениться. Надо себя дрессировать. Пусть поездка моя пустяк, упрямство, блажь, но подумайте и скажите, что я потеряю, если поеду? Время? Деньги? Буду испытывать лишения? Время мое ничего не стоит, денег у меня все равно никогда не бывает, что же касается лишений, то на лошадях я буду ехать 25—30 дней, не больше, все же остальное время просижу на палубе парохода или в комнате и буду непрерывно бомбардировать Вас письмами. Пусть поездка не даст мне ровно ничего, но неужели все-таки за всю поездку не случится таких 2—3 дней, о которых я всю жизнь буду вспоминать с восторгом или горечью? И т. д. и т. д. Так-то, государь мой. Все это неубедительно, но ведь и Вы пишете столь же неубедительно. Например, Вы пишете, что Сахалин никому не нужен и ни для кого не интересен. Будто бы это верно? Сахалин может

быть ненужным и неинтересным только для того общества, которое не ссылает на него тысячи людей и не тратит на него миллионов. После Австралии в прошлом и Кайены² Сахалин — это единственное место, где можно изучать колонизацию из преступников; им заинтересована вся Европа, а нам он не нужен.³ Не дальше, как 25—30 лет назад наши же русские люди, исследуя Сахалин, совершали изумительные подвиги³, за которые можно боготворить человека, а нам это не нужно, мы не знаем, что это за люди, и только сидим в четырех стенах и жалуемся, что бог дурно создал человека. Сахалин — это место невыносимых страданий, на какие только бывает способен человек вольный и подневольный. Работавшие около него и на нем решали страшные ответственные задачи и теперь решают. Жалею, что я не сентиментален, а то я сказал бы, что в места, подобные Сахалину, мы должны ездить на поклонение, как турки ездят в Мекку, а моряки и тюрьмоведы должны глядеть, в частности, на Сахалин, как военные на Севастополь. Из книг, которые я прочел и читаю, видно, что мы сгноили в тюрьмах миллионы людей, сгноили зря, без рассуждения, варварски; мы гоняли людей по холоду в кандалах десятки тысяч верст, заражали сифилисом, развращали, размножали преступников и все это сваливали на тюремных красноносых смотрителей. Теперь вся образованная Европа знает, что виноваты не смотрители, а все мы, но нам до этого дела нет, это неинтересно. Прославленные шестидесятые голы не сделали ничего для больных и заключенных, нарушив таким образом самую главную заповедь христианской цивилизации. В наше время для больных делается кое-что, для заключенных же ничего; тюрьмоведение совершенно не интересует наших юристов. Нет, уверяю Вас, Сахалин нужен и интересен, и нужно пожалеть только, что туда еду я, а не кто-нибудь другой, более смыслящий в деле и более способный возбудить интерес в обществе. Я же лично еду за пустяками.

Что касается моего письма насчет Плещеева, то я писал Вам, что я возбудил в своих молодых друзьях

неудовольствие своим бездельем, и в свое оправдание написал Вам, что, невзирая на свое безделье, я сделал все-таки больше моих друзей, которые ровно ничего не делают. Я хоть «Морской сборник» прочел и у Галкина был, а они ничего. Вот и все, кажется⁴.

У нас грандиозные студенческие беспорядки. Началось с Петровской академии, где начальство запретило водить на казенные квартиры девиц, подозревая в сих последних не одну только проституцию, но и политику. Из академии перешло в университет, где теперь студюзы, окруженные тяжеловооруженными Гекторами и Ахиллами на конях и с пиками, требуют следующее:

- 1) Полная автономия университетов.
- 2) Полная свобода преподавания.
- 3) Свободный доступ в университет без различия вероисповедания, национальности, пола и общественного положения.
- 4) Прием евреев в университет без всяких ограничений и уравнение их в правах с прочими студентами.
- 5) Свобода сходок и признание студенческих корпораций.
- 6) Учреждение университетского и студенческого суда.
- 7) Уничтожение полицейской функции инспекции.
- 8) Понижение платы за учение.

Это скопировано мною с прокламации с кое-какими сокращениями. Думаю, что сыр-бор сильнее всего горит в толпе еврейчиков и того пола, который жаждет попасть в университет, будучи подготовлен к нему в 5 раз хуже, чем мужчина, а мужчина подготовлен скверно и учится в университете, за редкими исключениями, гнусно⁵.

Я послал Вам: Крашенинникова, Хвостова и Давыдова, «Русский архив» (79 г., III) и «Чтение в Обществе археологии» (75 г., I и 2).

Хвостова и Давыдова благоволите прислать следующую часть, буде есть, а «Русский архив» мне нужен не III том, а V 1879 г. Остальные книги пришлю завтра или послезавтра.

Гею сочувствую всей душой, но напрасно он так убивается. Сифилис лечится теперь превосходно и излечим — сие несомненно.

С книгами пришлите мой водевиль «Свадьбу». Больше ничего. Приезжайте смотреть пьесу Маслова⁶.

Будьте здоровы и благополучны. В Вашу старость я верю так же охотно, как в четвертое измерение. Во-первых, Вы еще не старик; думаете и работаете Вы за десятерых и способ мышления у Вас далеко не старческий; во-вторых, болезней, кроме мигрени, у Вас никаких нет, и в этом я готов поклясться, а в-третьих, старость плоха только у плохих стариков и тяжела для тяжелых, а Вы хороший и не тяжелый человек. В-четвертых же, разность между молодостью и старостью весьма относительна и условна. А засим позвольте из уважения к Вам броситься в глубокую пропасть и разmozжить себе голову.

Ваш А. Чехов.

Как-то я писал Вам об Островском⁷ Он опять был у меня. Что сказать ему?

Поезжайте в Феодосию! Погода чудная.

201

А. С. ЛАЗАРЕВУ-ГРУЗИНСКОМУ

13 марта 1890, Москва

13 марта

Добрейший Александр Семенович, возвращаю Вам Вашу марку, впрочем не в девственном ее состоянии, а уже приклеенную к конверту сего письма. Письмо Ваше к Суворину отправил я в корзину, предварительно оторвав чистую половинку почтового листа. Причины таковой варварской расправы кроются в следующих положениях: 1) за гонораром следует адресоваться не к Суворину, а в контору (Невский, 38), у Суворина же Ваше письмо рискует завалиться;

401

2) все сотрудники (за исключением Шекспира, меня) за первые свои рассказы в «Новом времени» получали сплошной пятак — это правило, нарушаемое очень и очень редко;¹ чтобы Вам за свой рассказ «Побег»² получить 7—8 коп. и чтобы ходатайство мое в этом направлении имело силу, Вам следует написать еще 2—3 рассказа и потом уж подать общий счет. Послушайте меня!

Ваш «Побег» не плох, но сделан больше чем небрежно. Аникой и Прохором называется у Вас одно лицо. Я исправлял, исправлял и все-таки прозевал одного Прохора, и он удержался-таки и, вероятно, породил недоумение не у одного внимательного читателя. Засим стройте фразу, делайте ее сочнее, жирней, а то она у Вас похожа на ту палку, которая просунута сквозь закопченного сига. Надо рассказ писать 5—6 дней и думать о нем все время, пока пишешь, иначе фразы никогда себе не выработаете. Надо, чтобы каждая фраза, прежде чем лечь на бумагу, пролежала в мозгу дня два и обмаслилась. Само собой разумеется, что сам я по лености не придерживаюсь сего правила, но Вам, молодым, рекомендую его тем более охотно, что испытал не раз на себе самом его целебные свойства и знаю, что рукописи всех настоящих мастеров испачканы, перечеркнуты вдоль и поперек, потерты и покрыты латками, в свою очередь перечеркнутыми и изгаженными...

Бывает у меня Ежов. У него беда; жена больна. Дела, по-видимому, не блестящи, но он не унывает.

Пишите же поскорей субботник, не ленитесь и не будьте похожи на того обывателя, который каждое утро, прежде чем решиться надеть сапоги, долго крикает, охает и почесывает поясницу.

Будьте здоровы и небесами хранимы.

Ваш А. Чехов.

Худекову напишу, будьте покойны³.

А. С. СУВОРИНУ

15 марта 1890, Москва

15 марта

Побуждаемый корыстью, а частью вдохновением, написал я рассказ, который и посылаю одновременно с сим письмом¹. Только, голубчик, пришлите мне корректуру, ибо рассказ написан сапожной щеткой и нуждается в ретуши. Надо многое сократить и кое-что исправить; исправил бы я и теперь, но голова настроена на сахалинский лад, и во всем, что касается изящной словесности, я теперь не в состоянии отличить кулька от рогожи. Надо подождать и прочесть в корректуре.

Вместе со своим рассказом посылаю рассказ Филиппова, который убедительно просит Вас возвратить ему рассказ, буде он не понравится. Быть может, будет приложен рассказ и Ежова². Поздравляю Вас и желаю, чтоб и впредь Вы получали такие большие тюки.

Отчего Вы не присылаете мне рассказов?³

Присланные книги я уже все прочел, кроме Фишера, и на днях вышлю Вам.

Вчера или третьего дня Миша уехал зачем-то в Петербург в департамент. Совершенно незачем спешить, тем более что летом на даче у нас не будет ни одного мужчины. Надо бы лето пожить ему с семьей.

Прощайте, дорогой мой, дай бог Вам всего хорошего. Анне Ивановне привет, целую обе руки.

Ваш А. Чехов.

Ежов спрашивает: пригодился ли его рассказ «Фокусы графа Коржинского»?⁴

М. П. ЧАЙКОВСКОМУ

16 марта 1890, Москва

16 марта

Позвольте зачеркнуть тринадцатую ласточку¹, дорогой Модест Ильич: несчастливое число. Был у меня на днях редактор журнала «Артист»² и просил меня употребить все мое красноречие на то, чтобы в его журнал в начале будущего сезона попала Ваша «Симфония». Я спросил: «Сколько Вы заплатите?» Он ответил: «Немного, потому что денег нет». Во всяком случае, если Вы дадите Ваше согласие, то имейте в виду, что за оригинальную пьесу, идущую на казенной сцене, «Артист» платит от 150 до 250 рублей (не за лист, а за всю: этакие скоты!). Так как «Симфония» побывала уже в литографии Рассохина и потеряла там девственность, то 250 не дадут. Насчет согласия или несогласия ответьте мне, но слова не давайте, ибо к осени Ваши планы могут измениться, я рекомендую ответить уклончиво. Буду, мол, иметь Вас в виду. Достаточно с них.

Я сижу безвыходно дома и читаю о том, сколько стоил сахалинский уголь за тонну в 1863 году и сколько стоил шанхайский, читаю об амплитудах и NO, NW, SO и прочих ветрах, которые будут дуть на меня, когда я буду наблюдать свою собственную морскую болезнь у берегов Сахалина. Читаю о почве, подпочве, о супесчанистой глине и глинистом супесчанике. Впрочем, с ума еще не сошел и даже послал вчера в «Новое время» рассказ³, скоро пошлю «Лешего» в «Северный вестник» — последнее очень неохотно, так как не люблю видеть свои пьесы в печати.

Через 1½—2 недели выйдет в свет моя книжка, посвященная Петру Ильичу⁴. Я готов день и ночь стоять почетным караулом у крыльца того дома, где живет Петр Ильич,— до такой степени я уважаю его. Если говорить о рангах, то в русском искусстве он занимает теперь второе место после Льва Толстого, который давно уже сидит на первом. (Третье я отдаю Ре-

пину, а себе беру девяносто восьмое.) Я давно уже таил в себе дерзкую мечту — посвятить ему что-нибудь. Это посвящение, думал я, было бы частичным, минимальным выражением той громадной критики, какую я, писака, составил о его великолепном таланте и какой, по своей музыкальной бездарности, не умею изложить на бумаге. К сожалению, мечту свою пришлось осуществить на книжке, которую я не считаю лучшей. Она состоит из специально хмурых, психопатологических очерков и носит хмурое название, так что почитателям Петра Ильича и ему самому мое посвящение придется далеко не по вкусу.

Вы чехист? Покорно благодарим. Нет, Вы не чехист, а просто снисходительный человек. Будьте здоровы, желаю всего хорошего.

Ваш А. Чехов.

Москва, Кудрино — это адрес.

204

А. П. ЛЕНСКОМУ

16 марта 1890, Москва

16 марта

Посылаю Вам, добрейший Александр Павлович, фельетон Ив. Ф. Горбунова¹. Интересно. Мне кажется, что артисты должны почаще писать в этом роде — для будущих историков русского театра. Только жаль, что местами Ив. Ф. врет и ударяется в тенденцию.

Каждый день собираюсь повидаться с Вами — есть дело, но завален по горло сахалинской литературной и всякой другой работой, так что даже высморгаться некогда.

Уезжаю в начале апреля. Почтение Лидии Николаевне.

Ваш А. Чехов.

Получил я письмо от Левитана из Парижа². Пишет все больше о женщинах. Не нравятся.

И. Л. ЛЕОНТЬЕВУ-ЩЕГЛОВУ

22 марта 1890, Москва

22 марта

Здравствуйте, милый Жанчик, спасибо Вам за большое письмо и за доброжелательство, которым оно наполнено сверху донизу. Рад буду прочесть Ваш военный рассказ¹. Он пойдет в пасхальном номере? Я уже давно не читал ничего ни Вашего, ни своего.

Вы пишете, что Вам хочется жестоко поругаться со мной «в особенности по вопросам нравственности и художественности», говорите неясно о каких-то моих преступлениях, заслуживающих дружеского упрека, и грозите даже «влиятельной газетной критикой». Если зачеркнуть слово «художественности», то вся фраза, поставленная в кавычки, становится яснее, но приобретает значение, которое, по правде говоря, меня не мало смущает. Жан, что такое? Как понимать? Неужели в понятиях о нравственности я расхожусь с такими людьми, как Вы, и даже настолько, что заслуживаю упрека и особого ко мне внимания влиятельной критики? Понять, что Вы имеете в виду какую-либо мудреную, высшую нравственность, я не могу, так как нет ни низших, ни высших, ни средних нравственностей, а есть только одна, а именно та, которая дала нам во время оно Иисуса Христа и которая теперь мне, Вам и Баранцевичу мешает красть, оскорблять, лгать и проч. Я же во всю мою жизнь, если верить покою своей совести, ни словом, ни делом, ни помышлением, ни в рассказах, ни в водевилях не пожелал жены ближнего моего, ни раба его, ни вола его, ни всякого скота его, не крал, не лицемерил, не льстил сильным и не искал у них, не шантажировал и не жил на содержании. Правда, в лености житие мое иждих, без ума смеялся, объедохся, опихся, блудил, но ведь все это личное и все это не лишает меня права думать, что по части нравственности я ни плюсами, ни минусами не выделяюсь из ряда обыкновенного. Ни подвигов, ни подлостей — такой

же я, как большинство; грехов много, но с нравственностью мы квиты, так как за эти грехи я с лихвой плачу теми неудобствами, какие они влекут за собой. Если же Вы хотите жестоко поругаться со мной за то, что я не герой, то бросьте Вашу жестокость за окно, а ругань смените на Ваш милый трагический смех — это лучше.

А слова «художественности» я боюсь, как купчихи боятся жупела. Когда мне говорят о художественном и антихудожественном, о том, что сценично или не сценично, о тенденции, реализме и т. п., я теряюсь, перешительно поддакиваю и отвечаю банальными полупризнаниями, которые не стоят и гроша медного. Все произведения я делю на два сорта: те, которые мне нравятся, и те, которые мне не нравятся. Другого критерия у меня нет, а если Вы спросите, почему мне нравится Шекспир и не нравится Златовратский, то я не сумею ответить. Быть может, со временем, когда поуменею, я приобрету критерий, но пока все разговоры о «художественности» меня только утомляют и кажутся мне продолжением все тех же схоластических бесед, которыми люди утомляли себя в средние века.

Если критика, на авторитет которой Вы ссылаетесь, знает то, что мы с Вами не знаем, то почему она до сих пор молчит, отчего не открывает нам истины и непреложные законы? Если бы она знала, то, поверьте, давно бы уж указала нам путь, и мы знали бы, что нам делать, и Фофанов не сидел бы в сумасшедшем доме, Гаршин был бы жив до сих пор, Баранцевич не хандрил бы², и нам бы не было так скучно и нудно, как теперь, и Вас не тянуло бы в театр, а меня на Сахалин. Но критика солидно молчит или же отделяется праздной дрянной болтовней. Если она представляется Вам влиятельной, то это только потому, что она глупа, не скромна, дерзка и криклива, потому что она пустая бочка, которую поневоле слышишь.

Впрочем, плюнем на все это и будем петь из другой оперы. Пожалуйста, не возлагайте литературных надежд на мою сахалинскую поездку. Я еду не для

наблюдений и не для впечатлений, а просто для того только, чтобы пожить полгода не так, как я жил до сих пор. Не надейтесь на меня, дядя; если успею и сумею сделать что-нибудь, то — слава богу, если нет — то не взыщите. Выеду я после святой. Своевременно пришлю Вам свой сахалинский адрес и подробную инструкцию. Моя семья кланяется Вам, а я кланяюсь Вашей жене.

Будьте, миленький штабс-капитан с усами, здоровы и благополучны.

Ваш А. Чехов.

206

А. С. СУВОРИНУ

29 марта 1890, Москва

29 марта

Вчера послал Вам три тома «Русской старины»: 1878, XXII, 1879, XXIV, и 1881, XXXII. Ваших книг осталось у меня немного. Теперь сижу и повторяю «Гигиену» (одежда, постройки, вентиляции и проч.), которую я наполовину забыл. Написал я немного, а все больше переписываю чужое.

Переутомление штука условная. Вы пишете, что работали по 20 часов в сутки и не утомлялись. Но ведь можно утомиться и лежа целый день на диване. Вы писали 20 часов, но ведь у Вас в это время было отличное самочувствие, Вас возбуждал успех, задор, чувство таланта. Вы любили дело, иначе бы не писали. А Ваш инфант¹ не спит по ночам не потому, что у него есть публицистический талант или любовь к делу, а только потому, что его отец издает газету. Разница большая. Ему бы следовало быть лекарем, адвокатом, жить на 2 тысячи в год и печатать свои статьи не в «Новом времени» и не в духе «Нового времени». Только ту молодость можно признать здоровою, которая не мирится со старыми порядками и глупо или умно борется с ними, — так хочет природа и на этом зиждется прогресс, а Алексей Алексеевич начал с того, что всосался в старые порядки. Когда мы интимничали, он ни разу не выругал Татищева или

Буренина, а это дурной знак. Вы во сто раз либеральнее его, а следовало бы наоборот. Он вяло и лениво протестует, скоро понижает голос, скоро соглашается, и в общем получается такое впечатление, как будто он совсем не заинтересован в борьбе, т. е. участвует в петушином бою как зритель, не имея собственного петуха. А своего петуха иметь надо, иначе неинтересно жить. На беду еще он умный человек, а большой ум при малом интересе к жизни подобен большой машине, которая, ничего не производя, требует много топлива и истощает хозяйство.

Болезнь, о которой Вы писали в последнем письме, дурна сама по себе, но *ad vitam** дает предсказание хорошее, а главное — она радикально излечима. Что же касается наследственности, то с нею надо мириться, ибо она неизбежна и нужна. А нужна потому, что человек, кроме дурного, наследует еще от предков много и хорошего. Пока у Алексея Алексеевича самое серьезное — это его насморк.

Насморк истощает организм подобно трипперу. Чтобы выработать то, что ежедневно выделяет больной нос, организму приходится затрачивать много материала. К тому же еще нос находится в прямой связи со всеми дыхательными органами, и нередки примеры, когда от носа кашляют, а закупорка носа, например, полипом ведет даже к чахотке. Известно также, что нос имеет отдаленную и до сих пор еще непонятную связь с половой сферой.

Когда Алексей Алексеевич приедет, то прежде всего я покажу его нос Беляеву, считающемуся у нас лучшим специалистом. А дальше его носа я уж ничего не вижу. Захарьин лечит хорошо только катары, ревматизмы, вообще болезни, поддающиеся объективному исследованию, а у Алексея Алексеевича болезнь умственная, социально-экономическая, психологическая, которая, быть может, не существует вовсе, а если и существует, то, быть может, не должна считаться болезнью.

Скажите Алексею Алексеевичу, что его письмо от 7 марта и два рассказа я получил только *сегодня*.

* относительно жизни (лат.).

А на его вино я давно уже рукой махнул. Ничего кроме надувательства не вижу.

Сейчас я послал Вам с мальчиком из Контрагентства «Вестник Европы» 1875, 6, и «Русскую старину» 1883, т. XXXVII.

Прощайте, однако. Пора удирать из дому. Погода хорошая.

Ваш А. Чехов.

207

А. С. СУВОРИНУ

1 апреля 1890, Москва

1 апрель

Христос воскрес! Поздравляю Вас, голубчик, и всех Ваших и желаю счастья. Уезжаю я на фоминной неделе или несколько позже, смотря по тому, когда вскрыется Кама. Скоро начну делать прощальные визиты. Перед отъездом я буду просить у Вас корреспондентского бланка¹ и денег. Первый пришлите, пожалуйста, а насчет вторых надо погодить, так как я не знаю, сколько мне понадобится. Я теперь собираю с лица земли принадлежащие мне капиталы, еще не собрал, а когда соберу, видно будет, чего мне недостает.

Семья обеспечена до октября — в этом отношении я уже покоен.

Да, Ежов грубоват. Это плебей, весьма мало образованный, но неглупый и порядочный. С каждым годом он пишет все лучше и лучше — это я констатирую. Вы пишете, что его фельетон имел успех². Если это тот, в котором идет речь о попе, то спешу заявить, что я не исправлял его. По-моему, теперь Ежову как работнику пятак цена, но через 5—10 лет, когда он станет постарше, он будет нужным человеком. Главное, он порядочен и не пьяница. Есть другой, Лазарев, — это тоже хороший человек.

Вчера я прочел Ежову письмо Алексея Алексеевича, который пишет, что Вы предлагаете ему, Ежову, аванс в 100 рублей. У Ежова жена больна чахоткой, нужно везти ее на юг, и от аванса он не отказывает-

ся, находя его своевременным. Он просит Вас прислать ему 100 рублей и просит также, чтобы контора удерживала в счет аванса не весь гонорар, а только половину. Все это прекрасно, но я прошу позволения вмешаться и выдать ему сей аванс не теперь, а накануне его отъезда. Если позволите, я выдам ему сто рублей, когда он придет ко мне прощаться. Раньше выдавать нельзя, так как он потратит на чепуху, и чахоточной жене его придется ехать в 3 классе.

Теперь об Островском. Ответьте мне что-нибудь. Вы обещали издать рассказы его сестры. Напишите же, когда книга начнет печататься. Вся фамилия Островских томится.

Если у Алексея Алексеевича в самом деле полип, то излечить его насморк так же легко, как выкурить папиросу. Но едва ли у него полип.

Пришлите мне мой водевиль «Свадьбу». Если потеряли, то так тому и быть, отслужим сему водевилю панихиду.

Вчера был у меня один актер, участвующий в пьесе Маслова. Не бранится. Значит, пьеса идет хорошо. Он уверял меня, что «Севильский оболъстителъ» не оригинальная пьеса, а перевод.

Вы браните меня за объективность, называя ее равнодушием к добру и злу, отсутствием идеалов и идей и проч. Вы хотите, чтобы я, изображая конокрадов, говорил бы: кража лошадей есть зло. Но ведь это и без меня давно уже известно. Пусть судят их присяжные заседатели, а мое дело показать только, какие они есть. Я пишу: вы имеете дело с конокрадами, так знайте же, что это не нищие, а сытые люди, что это люди культа и что конокрадство есть не просто кража, а страсть. Конечно, было бы приятно сочетать художество с проповедью, но для меня лично это чрезвычайно трудно и почти невозможно по условиям техники. Ведь чтобы изобразить конокрадов в 700 строках, я все время должен говорить и думать в их тоне и чувствовать в их духе, иначе, если я подбавлю субъективности, образы расплывутся и рассказ не будет так компактен, как надлежит быть всем коротеньким

рассказам. Когда я пишу, я вполне рассчитываю на читателя, полагая, что недостающие в рассказе субъективные элементы он подбавит сам³. Будьте благополучны.

Ваш А. Чехов.

208

В. М. ЛАВРОВУ

10 апреля 1890, Москва

10 апр.

Вукол Михайлович! В мартовской книжке «Русской мысли» на 147 странице библиографического отдела я случайно прочел такую фразу: «Еще вчера, даже жрецы беспринципного писания, как гг. Ясинский и Чехов, имена которых» и т. д.¹ На критики обыкновенно не отвечают, но в данном случае речь может быть не о критике, а просто о клевете. Я, пожалуй, не ответил бы и на клевету, но на днях я надолго уезжаю из России, быть может, никогда уж не вернусь, и у меня нет сил удержаться от ответа.

Беспринципным писателем или, что одно и то же, прохвостом я никогда не был.

Правда, вся моя литературная деятельность состояла из непрерывного ряда ошибок, иногда грубых, но это находит себе объяснение в размерах моего дарования, а вовсе не в том, хороший я или дурной человек. Я не шантажировал, не писал ни пасквилей, ни доносов, не льстил, не лгал, не оскорблял, короче говоря, у меня есть много рассказов и передовых статей, которые я охотно бы выбросил за их негодностью, но нет ни одной такой строки, за которую мне теперь было бы стыдно. Если допустить предположение, что под беспринципностью Вы разумеете то печальное обстоятельство, что я, образованный, часто печатавшийся человек, ничего не сделал для тех, кого люблю, что моя деятельность бесследно прошла, например, для земства, нового суда, свободы печати, вообще свободы и проч., то в этом отношении «Русская мысль» должна по справедливости считать меня своим товарищем, но не обвинять, так как она до сих пор сде-

лала в сказанном направлении не больше меня — и в этом виноваты не мы с Вами.

Если судить обо мне, как о писателе, с внешней стороны, то и тут едва ли я заслуживаю публичного обвинения в беспринципности. До сих пор я вел замкнутую жизнь, жил в четырех стенах; встречаемся мы с Вами раз в два года, а, например, г. Мачтета я не видел ни разу в жизни — можете по этому судить, как часто я выхожу из дому: я всегда настойчиво уклонялся от участия в литературных вечерах, вечеринках, заседаниях и т. п., без приглашения не показывался ни в одну редакцию, старался всегда, чтобы мои знакомые видели во мне больше врача, чем писателя, короче, я был скромным писателем, и это письмо, которое я теперь пишу, — первая нескромность за все время моей десятилетней деятельности. С товарищами я нахожусь в отличных отношениях; никогда я не брал на себя роли судьи их и тех журналов и газет, в которых они работают, считая себя некомпетентным и находя, что при современном зависимом положении печати всякое слово против журнала или писателя является не только безжалостным и нетактичным, но и прямо-таки преступным. До сих пор я решался отказывать только тем журналам и газетам, недоброкачественность которых являлась очевидною и доказанною, а когда мне приходилось выбирать между ними, то я отдавал преимущество тем из них, которые по материальным или другим каким-либо обстоятельствам наиболее нуждались в моих услугах, и потому-то я работал не у Вас и не в «Вестнике Европы», а в «Северном вестнике», и потому-то я получал вдвое меньше того, что мог бы получать при ином взгляде на свои обязанности.

Обвинение Ваше — клевета. Просить его взять назад я не могу, так как оно вошло уже в свою силу и его не вырубить топором; объяснить его неосторожностью, легкомыслием или чем-нибудь вроде, я тоже не могу, так как у Вас в редакции, как мне известно, сидят безусловно порядочные и воспитанные люди, которые пишут и читают статьи, надеюсь, не зря, а с сознанием ответственности за каждое свое слово.

Мне остается только указать Вам на Вашу ошибку и просить Вас верить в искренность того тяжелого чувства, которое побудило меня написать Вам это письмо. Что после Вашего обвинения между нами невозможны не только деловые отношения, но даже обыкновенное шапочное знакомство, это само собою понятно.

А. Чехов.

209

М. П. ЧЕХОВОЙ

23 апреля 1890, Волга. Пароход «Александр Невский»

Пароход «Александр Невский» 23, рано утром

Друзья мои тунгусы! Был ли у Вас дождь, когда Иван вернулся из лавры? В Ярославле¹ лунил такой дождь, что пришлось облечься в кожаный хитон. Первое впечатление Волги было отравлено дождем, заплаканными окнами каюты и мокрым носом Гурлянда, который вышел на вокзал встретить меня. Во время дождя Ярославль кажется похожим на Звенигород, а его церкви напоминают о Перервинском монастыре; много безграмотных вывесок, грязно, по мостовой ходят галки с большими головами.

На пароходе я первым долгом дал волю своему таланту, т. е. лег спать. Проснувшись, узрел солнце. Волга недурна; заливные луга, залитые солнцем монастыри, белые церкви; раздолье удивительное; куда ни взглянешь, всюду удобно сесть и начать удить. На берегу бродят классные дамы² и щиплют зеленую травку, слышится изредка пастушеский рожок. Над водой носятся белые чайки, похожие на младшую Дришку³.

Пароход неважный. Самое лучшее в нем, это — ватерклозет. Стоит он высоко, имея под собою четыре ступени, так что неопытный человек вроде Иваненки легко может принять его за королевский трон. Самое худшее на пароходе — это обед. Сообщаю меню с сохранением орфографии: щи зеле, сосиски с капу,

севрюшка фры, кошка запеканка; кошка оказалась кашкой. Так как деньги у меня нажиты потом и кровью, то я желал бы, чтобы было наоборот, т. е. чтобы обед был лучше ватерклозета, тем более что после корнеевского сантуринского у меня завалило все нутро, и я до самого Томска обойдусь без ватера.

Со мной едет Кундасова. Куда она едет и зачем, мне неизвестно. Когда я начинаю расспрашивать ее об этом, она пускается в какие-то весьма туманные предположения о ком-то, который назначил ей свидание в овраге около Кинешмы, потом закатывается неистовым смехом и начинает топтать ногами или долбить своим локтем о что попало, не щадя [...] жилки. Проехали и Кинешму и овраги, а она все-таки продолжает ехать, чему я, конечно, очень рад. Кстати: вчера первый раз в жизни видел я, как она ест. Ест она не меньше других, но машинально, точно овес жует.

Кострома хороший город. Видел я Плес, в котором жил томный Левитан; видел Кинешму, где гулял по бульвару и наблюдал местных шпаков⁴, заходил здесь в аптеку купить бертолетовой соли от языка, который стал у меня сафьяновым от сантуринского. Аптекарь, увидев Ольгу Петровну, обрадовался и сконфузился, она — тоже; оба, по-видимому, давно уже знакомы и, судя по бывшему между ними разговору, не раз гуляли по оврагам близ Кинешмы. Так вот они где шпаки! Фамилия аптекаря Копфер.

Холодновато и скучновато, но в общем занятно.

Свистит пароход ежеминутно; его свист — что-то среднее между ослиным ревом и эоловой арфой. Через 5—6 часов буду в Нижнем. Восходит солнце. Ночь спал художественно. Деньги целы — это оттого, что я часто хватаюсь за живот.

Очень красивы буксирные пароходы, тащущие за собою по 4—5 барж; похоже на то, как будто молодой, изящный интеллигент хочет бежать, а его за фалды держат жена-кувалда, теща, свояченица и бабушка жены.

Папаше и мамаше поклон до земли; всем прочим по пояс. Надеюсь, что Семашко, Лидия Стахивна и Иваненко ведут себя хорошо. Интересно знать, кто

теперь будет кутить с Лидией Стахиевной до 5 часов утра? Ах, как я рад, что у Иваненки нет денег!

Чемодан, купленный Мишей, рвется. Благодарю вам. Здоровье у меня абсолютное. Шея не болит. Вчера не выпил ни капли.

Возьмите у Дришки Фофанова. Кундасовой отдайте⁵ французский атлас и путешествие Дарвина, стоящее на полке. Это по части Ивана.

Солнце спряталось за облако, стало пасмурно, и широкая Волга представляется мрачною. Левитану нельзя жить на Волге. Она кладет на душу мрачность. Хотя иметь на берегу свое именице весьма недурно.

Желаю всем всего хорошего. Сердечный привет и 1000 поклонов.

Миша, научи Лидию Стахиевну отправлять заказную бандероль и отдай ей билет на Гоголя⁶. Помните, что Суворину возвращен один том Гоголя для переплетного образца. Значит, получить надо 3 тома.

Если бы лакей проснулся, то я потребовал бы кофе, а теперь приходится пить воду без удовольствия. Поклон Марьюшке и Ольге.

Ну, оставайтесь здоровы и благополучны. Буду писать исправно.

Скучающий вологжанин

*Homo Sachaliensis **

ваш А. Чехов.

Поклон бабушке.

210

М. П. ЧЕХОВОЙ

24 апреля 1890, Кама, пароход «Пермь»

24 вечером

Друзья мои тунгусы! Плыву по Каме, но местности определить не могу; кажется, около Чистополя. Не могу также воспеть красоту берегов, так как адски холодно; береза еще не распустилась, тянутся кое-где полосы снега, плавают льдинки — одним словом, вся эстетика пошла к черту. Сажу в рубке, где за столом

* Сахалинский человек (лат.).

сидят всякого звания люди, и слушаю разговоры, спрашивая себя: «Не пора ли вам чай пить?» Если б моя воля, то от утра до ночи только бы и делал, что ел; так как денег на целодневную еду нет, то сплю и паки сплю. На палубу не выхожу — холодно. По ночам идет дождь, а днем дует неприятный ветер.

Ах, икра! Ем, ем и никак не съем. В этом отношении она похожа на шар сыра. Благо, не соленая.

Нехорошо, что я не догадался сшить себе мешочек для чая и сахара. Приходится требовать стаканами, что и невыгодно и скучно. Хотел сегодня утром купить в Казани чаю и сахару, да проспал.

Возрадуйтесь, о мать! Я, кажется, проживу в Екатеринбурге сутки и повидаюсь с родственничками¹. Быть может, сердце их смягчится и они дадут мне три рубля денег и осьмушку чаю.

Из разговоров, которые сейчас слышу, заключаю, что со мною едет судебная палата. Люди не даровитые. Зато купцы, которые изредка вставляют свое словцо, кажутся умницами. Богачи попадаютя страшные.

Стерляди дешевле грибов, но скоро надоедают. О чем еще написать? Больше не о чем... Впрочем, есть генерал и тощий блондин. Первый мечется из каюты на палубу и обратно и все куда-то направляет свою фотографию, второй загримирован Надсоном и старается дать понять, что он писатель; сегодня за обедом соврал какой-то даме, что он печатал книжку у Суворина; я, конечно, изобразил на лице трепет...

Деньги целы все, за исключением тех, которые я проел. Не хотят, подлецы, кормить даром!

Мне не весело и не скучно, а так какой-то студень на душе. Я рад сидеть неподвижно и молчать. Сегодня, например, я едва ли сказал пять слов. Впрочем, вру: разговаривал с попом на палубе.

Стали попадаться инородцы. Татар очень много: народ почтенный и скромный.

Большое удобство: уходя из каюты, запираешь ее на ключ; ложась спать, тоже. Так что до Перми у меня ничего не украдут.

Низко кланяюсь всем. Папу и маму усердно прошу не беспокоиться и не воображать опасностей, которых нет. Кланяюсь Семашечке с виолончелью, Иваненке с флейтой и Тер-Мизиновой² с бабушкой. Передайте Дюковскому мое сожаление по поводу того, что нам не удалось видаться перед моим отъездом. Он хороший человек. Поклон Кувшинниковым. Если Кундасова уже приехала, то и ей.

Будьте все здоровы и благополучны.

Ваш А. Чехов.

Извините, что пишу вам только о еде. Если бы не еда, пришлось бы писать о холоде, ибо сюжетов нет.

Палата постановила: потребовать чаю. Пригласили откуда-то двух кандидатов на судебные должности, едущих в качестве канцелярии. Один похож на портняжного поэта Белоусова, другой на Ежова. Оба почтительно слушают гг. начальников; не смеют свое суждение иметь и делают вид, что, слушая умные речи, набираются ума. Люблю примерных молодых людей.

211

М. П. ЧЕХОВОЙ

29 апреля 1890, Екатеринбург

29 апрель

Друзья мои тунгусы! Кама прескучнейшая река. Чтобы постигать ее красоты, надо быть печенегом, сидеть неподвижно на барже около бочки с нефтью или куля с воблою и не переставая тянуть сиволдай. Берега голые, деревья голые, земля бурая, тянутся полосы снега, а ветер такой, что сам черт не сумеет дуть так резко и противно. Когда дует холодный ветер и рябит воду, имеющую теперь после половодья цвет кофейных помоев, то становится и холодно, и скучно, и жутко; звуки береговых гармоник кажутся унылыми, фигуры в рваных тулупах, стоящие неподвижно на встречных баржах, представляются застывшими от горя, которому нет конца. Камские города серы; кажется, в них жители занимаются приготовлением об-

лаков, скуки, мокрых заборов и уличной грязи — единственное занятие. На пристанях толпится интеллигенция, для которой приход парохода — событие. Все больше Щербаненки и Чугуевцы¹, в таких же шляпах, с такими же голосами и с таким же выражением «второй скрипки» во всей фигуре; по-видимому, ни один из них не получает больше 35 рублей, и, вероятно, все лечатся от чего-нибудь.

Я уже писал, что со мною ехала судебная палата: председатель, член и прокурор. Председатель, здоровый, крепкий старик немец, принявший православие, набожный, гомеопат и, по-видимому, большой бабник; член — старец вроде тех, которых изображал покойный Николай: ходит сгорбившись, кашляет и любит игривые сюжеты; прокурор — человек 43 лет, недовольный жизнью, либерал, скептик и большой добряк. Всю дорогу палата занималась тем, что ела, решала важные вопросы, ела, читала и ела. На пароходе библиотека, и я видел, как прокурор читал мои «В сумерках». Шла речь обо мне. Больше всех нравится в здешних краях Сибиряк-Мамин, описывающий Урал. О нем говорят больше, чем о Толстом.

Плыл я до Перми 2½ года — так казалось. Приплыл туда в 2 часа ночи. Поезд отходил в 6 часов вечера. Пришлось ждать. Шел дождь. Вообще дождь, грязь, холод... бррр! Уральская дорога везет хорошо. Баромлей и Мерчиков² нет, хотя и приходится переваливать через Уральские горы. Это объясняется избытком здесь деловых людей, заводов, приисков и проч., для которых время дорого.

Проснувшись вчера утром и поглядев в вагонное окно, я почувствовал к природе отвращение: земля белая, деревья покрыты инеем и за поездом гонится настоящая метелица. Ну, не возмутительно ли? Не сукины ли сыны?.. Калош у меня нет, натянул я большие сапоги и, пока дошел до буфета с кофе, продушил дегтем всю Уральскую область. А приехал в Екатеринбург — тут дождь, снег и крупа. Натягиваю кожаное пальто. Извозчики — это нечто невообразимое по своей убогости. Грязные, мокрые, без рессор; передние ноги у лошади расставлены так / \, копыта

громадные, спина тошая.. Здешние дрожки — это аляповатая пародия на наши брички. К бричке приделан оборванный верх, вот и все. И чем правильнее я нарисовал бы здешнего извозчика с его пролеткой, тем больше бы он походил на карикатуру. Ездят не по мостовой, на которой тряско, а около канав, где грязно и, стало быть, мягко. Все извозчики похожи на Добролюбова.

В России все города одинаковы. Екатеринбург такой же точно, как Пермь или Тула. Похож и на Сумы и на Гадяч. Колокола звонят великолепно, бархатно. Остановился я в «Американской гостинице» (очень недурной) и тотчас же уведомил о своем приезде Александра Максимовича Симонова, написав ему, что два дня я-де намерен безвыходно сидеть у себя в номере и принимать Гуниади, которое принимаю и, скажу не без гордости, с большим успехом.

Здешние люди внушают приезжему нечто вроде ужаса. Скуластые, лобастые, широкоплечие, с маленькими глазами, с громадными кулачищами. Родятся они на местных чугунолитейных заводах, и при рождении их присутствует не акушер, а механик. Входит в номер с самоваром или с графином и того гляди убьет. Я сторонюсь. Сегодня утром входит один такой — скуластый, лобастый, угрюмый, ростом под потолок, в плечах сажень, да еще к тому же в шубе.

Ну, думаю, эгот непременно убьет. Оказалось, что это Александр Максимович Симонов. Разговорились. Он служит членом в земской управе, директорствует на мельнице своего кузена, освещаемой электричеством, редактирует «Екатеринбургскую неделю», цензуруемую полицией мастером бароном Таубе, женат, имеет двух детей, богатеет, толстеет, стареет и живет «основательно». Говорит, что скучать некогда. Советовал мне побывать в музее, на заводах, на приисках; я поблагодарил за совет. Пригласил он меня на завтра к вечеру чай пить; я пригласил его к себе обедать. Меня обедать он не пригласил и вообще не настаивал, чтобы я у него побывал. Из этого мамаша может заключить, что сердце родственников не смягчилось и

что оба мы — и Симонов и я — друг другу не нужны. Прасковью Параменовну, Настасью Тихоновну, Собакья Семеныча и Матвея Сортирыча видеть я не буду, хотя тетка и просила передать им, что она уж раз десять им писала и ответа не получила. Родственнички — это племя, к которому я равнодушен так же, как к Фросе Артеменко.

На улице снег, и я нарочно опустил занавеску на окне, чтобы не видеть этой азиатчины. Сажу и жду ответа из Тюмени на свою телеграмму. Телеграфировал я так: «Тюмень. Пароходство Курбатова. Ответ уплачен. Уведомьте, когда идет пассажирский пароход Томск» и т. д. От ответа зависит, поеду ли я на пароходе или же поскачу 1½ тысячи верст на лошадях, по распутице.

Всю ночь здесь бьют в чугунные доски на всех углах. Надо иметь чугунные головы, чтобы не сойти с ума от этих неумолкающих курантов. Сегодня попробовал сварить себе кофе: получилось матрасинское вино. Пил и только плечами пожимал.

Я вертел в руках пять простынь и не взял ни одной. Еду сегодня покупать резиновые калоши.

Ну, будьте все здоровы и благополучны, да хранит вас бог. Привет мой всем Линтваревым, наипаче же Троше. Поклон Иваненке, Кундасовой, Мизиновой и проч. Желая Луке побольше шпаков. Деньги целы. Если мамаша сделает Николаю решетку³, то я, повторяю, ничего не буду иметь против. Это мое желание.

Найду ли в Иркутске письмо от вас?

Ваш *Homo Sachaltensts*

А. Чехов.

Посылаю заказным — боюсь, что не дойдет.

Попроси Лику, чтобы она не оставляла *больших полей* в своих письмах.

К. Г. ФОТИ

3 мая 1890, Тюмень

Тюмень, 3 мая 1890 года.

Милостивый государь
Константин Георгиевич!

Мой дядя Митрофан Георгиевич писал мне, что в разговоре с ним Вам угодно было выразить желание, чтобы я прислал свои книги в Таганрогскую городскую библиотеку. Такое Ваше внимание ко мне, мною не заслуженное, слишком лестно для моего авторского самолюбия, и я не нахожу слов, чтобы благодарить Вас. Я счастлив, что могу хотя чем-нибудь быть полезен родному городу, которому я многим обязан и к которому продолжаю питать теплое чувство.

Уезжая из Москвы, я поручил выслать на Ваше имя три своих книги. Четвертая моя книга — «Пестрые рассказы» вся распродана и будет напечатана следующим изданием по моем возвращении, т. е. не раньше начала будущего года. Между прочим, я поручил послать Вам экземпляр «Власти тьмы» Л. Толстого с собственноручной авторской подписью; я прошу городскую библиотеку принять от меня этот небольшой подарок, как со временем буду просить принять от меня все те книги с авторскими факсимиле, какие у меня теперь имеются и какие я собираю и сохраняю специально для библиотеки моего родного города¹.

Позвольте мне пожелать Вам всего хорошего и прошу Вас принять уверение в моем искреннем уважении.

А. Чехов.

М. П. ЧЕХОВОЙ

14—17 мая 1890. Красный Яр — Томск

14 май 90 г., Село [зачеркнуто «Красный»] Яр,
в 45 вер. от Томска

Великолепная моя мамаша, превосходная Маша, сладкий Миша и все присные мои! В Екатеринбурге я получил ответную телеграмму из Тюмени: «Первый

пароход в Томск пойдет 18 мая». Это значило, что мне нужно было, хочешь не хочешь, скакать на лошадях. Так и сделал. Из Тюмени выехал я 3 мая, прожив в Екатеринбурге 2—3 дня, которые употребил на починку своей кашляющей и геморройствующей особы. Возят через Сибирь почтовые и вольные. Я взял последних: все равно. Посадили меня раба божьего в корзинку-плетушку и повезли на паре. Сидишь в корзине, глядишь на свет божий, как чижик, и ни о чем не думаешь... Сибирская равнина начинается, кажется, от самого Екатеринбурга и кончается черт знает где; я сказал бы, что она очень похожа на нашу южнорусскую степь, если бы не мелкий березняк, попадающийся то там, то сям, и если бы не холодный ветер, покалывающий щеки. Весна еще не начиналась. Зелени совсем нет, леса голы, снег не весь растаял; на озерах стоит матовый лед. 9 мая в день св. Николая был мороз, а сегодня, 14-го, выпал снег в 1½ вершка. О весне говорят одни только утки. Ах, как много уток! Никогда в жизни я не видел такого утиног изобилия. Летают над головой, вспархивают около тарантаса, плавают в озерах и в лужах, короче, в один день из плохого ружья я настрелял бы тысячу штук. Слышно, как кричат дикие гуси... Их здесь тоже много. Часто попадаются вереницы журавлей и лебедей... В березняке порхают тетерева и рябчики. Зайцы, которых здесь не едят и не стреляют, ничтоже сумняся стоят на задних лапках и, вздернув уши, любопытным взором провожают едущих. Они так часто перебегают дорогу, что это здесь не считается дурною приметой.

Холодно ехать... На мне полушубок. Телу ничего, хорошо, но ногам зябко. Кутаю их в кожаное пальто — не помогает... На мне двое брюк. Ну-с, едешь, едешь... Мелькают верстовые столбы, лужи, березнячки... Вот перегнали переселенцев, потом этап... Встретили бродяг с котелками на спинах; эти господа беспрепятственно прогуливаются по всему сибирскому тракту. То старушонку зарежут, чтоб взять ее юбку себе на портянки, то сорвут с верстового столба жестянку с цифрами — сгодится, то проломают голову встречному нищему или выбьют глаза своему же бра-

ту ссыльному, но проезжающих они не трогают. Вообще в разбойничьем отношении езда здесь совершенно безопасна. От Тюмени до Томска ни почтовые, ни вольные ямщики не помнят, чтобы у проезжающего украли что-нибудь; когда идешь на станцию, вещи оставляешь на дворе; на вопрос, не украдут ли, отвечают улыбкой. О грабежах и убийствах по дороге не принято даже говорить. Мне кажется, потеряй я свои деньги на станции или в возке, нашедший ямщик непременно возвратил бы мне их и не хвастался бы этим. Вообще народ здесь хороший, добрый и с прекрасными традициями. Комнаты у них убраны просто, но чисто, с претензией на роскошь; постели мягкие, все пуховики и большие подушки, полы выкрашены или устланы самодельковыми холщовыми коврами. Это объясняется, конечно, зажиточностью, тем, что семья имеет надел из 16 десятин чернозема и что на этом черноземе растет хорошая пшеница (пшеничная мука стоит здесь 30 коп. за пуд). Но не все можно объяснить зажиточностью и сытостью, нужно уделить кое-что и манере жить. Когда ночьюходишь в комнату, в которой спят, то нос не чувствует ни спиралей, ни русского духа. Правда, одна старуха, подавая мне чайную ложку, вытерла ее о задницу, но зато вас не посадят пить чай без скатерти, при вас не отрыгивают, не ищут в голове; когда подают воду или молоко, не держат пальцы в стакане, посуда чистая, квас прозрачен, как пиво,— вообще чистоплотность, о которой наши хохлы могут только мечтать, а ведь хохлы куда чистоплотнее кацапов! Хлеб пекут здесь превкуснейший; я в первые дни объедался им. Вкусны и пироги, и блины, и оладьи, и калачи, напоминающие кохлацкие ноздреватые бублики. Блины тонки... Зато все остальное не по европейскому желудку. Например, всюду меня потчевали «утячьей похлебкой». Это совсем гадость: мутная жидкость, в которой плавают кусочки дикой утки и неваренный лук; утиные желудки не совсем очищены от содержимого и потому, попадая в рот, заставляют думать, что рот и rectum* поменя-

* прямая кишка (лат.).

лись местами. Я раз попросил сварить суп из мяса и изжарить окуней. Суп мне подали пресоленый, грязный, с закорюзлыми кусочками кожи вместо мяса, а окуни с чешуей. Варят здесь щи из солонины; ее же и жарят. Сейчас мне подавали жареную солонину: преотвратительно; пожевал и бросил. Чай здесь пьют кирпичный. Это настой из шалфея и тараканов — так по вкусу, а по цвету — не чай, а матрасинское вино. Кстати сказать, я взял с собою из Екатеринбурга $\frac{1}{4}$ фунта чаю, 5 фунтов сахара и 3 лимона. Чаю не хватило, а купить негде. В паршивых городках даже чиновники пьют кирпичный чай и самые лучшие магазины не держат чая дороже 1 р. 50 к. за фунт. Пришлось пить шалфей.

Расстояние между станциями определяется расстоянием между каждыми двумя соседними деревнями: 20—40 верст. Деревни здесь большие, поселков и хуторов нет. Везде церкви и школы; избы деревянные, есть и двухэтажные.

К вечеру лужи и дорога начинают мерзнуть, а ночью совсем мороз, хоть доху надевай. Бррр! Тряско, потому что грязь обращается в кочки. Выворачивает душу... К рассвету страшно утомляешься, от холода, тряски и колокольчиков; страстно хочется тепла и постели. Пока меняют лошадей, прикурнешь где-нибудь в уголке и тотчас же заснешь, а через минуту возница уже дергает за рукав и говорит: «Вставай, приятель, пора!» Во вторую ночь я стал чувствовать острую зубную боль в пятках. Невыносимо больно. Спрашиваю себя: не отморозил ли?

Однако писать нельзя. Приехал заседатель (т. е. становой). Познакомились и разговариваем. До завтра.

Томск 16 мая.

Виноваты оказались ботфорты, узкие в задниках. Сладкий Миша, если у тебя будут дети, в чем я не сомневаюсь, то завещай им не гнаться за дешевизной. Дешевизна русского товара — это диплом на его негодность. По-моему, лучше босиком ходить, чем в дешевых сапогах. Представьте мое мучение! То и дело

вылезаю из возка, сажусь на сырую землю и снимаю сапоги, чтобы дать отдохнуть пяткам. Как это удобно в мороз! Пришлось купить в Ишиме валенки... Так и ехал в валенках, пока они у меня не раскисли от сырости и грязи.

Утром часов в 5—6 чаепитие в избе. Чай в дороге — это истинное благоденствие. Теперь я знаю ему цену и пью его с остервенением Янова. Он согревает, разгоняет сон, при нем съедаешь много хлеба, а хлеб за отсутствием другой еды должен съедаться в большом количестве; оттого-то крестьяне едят так много хлеба и хлебного. Пьешь чай и разговариваешь с бабами, которые здесь толковы, чадолюбивы, сердобольны, трудолюбивы и свободнее, чем в Европе; мужья не бранят и не бьют их, потому что они так же высоки, и сильны, и умны, как их повелители; они, когда мужей нет дома, ямщикуют; любят каламбурить. Детей не держат в строгости; их балуют. Дети спят на мягком, сколько угодно, пьют чай и едят вместе с мужиками и бранятся, когда те любовно подсмеиваются над ними. Дифтерита нет. Царит здесь черная оспа, но странно, она здесь не так заразительна, как в других местах: двое-трое заболеют, умрут — и конец эпидемии. Больниц и врачей нет. Лечат фельдшера. Кровопускание и кровососные банки в грандиозных зверских размерах. Я по дороге осматривал одного еврея, больного раком печени. Еврей истощен, еле дышит, но это не помешало фельдшеру поставить ему 12 кровососных банок. Кстати об евреях. Здесь они пашут, ямщикуют, держат перевозки, торгуют и называются крестьянами, потому что они в самом деле и *de jure* и *de facto* * крестьяне. Пользуются они всеобщим уважением, и, по словам заседателя, нередко их выбирают в старосты. Я видел жида, высокого и тонкого, который брезгливо морщился и плевал, когда заседатель рассказывал скабрзные анекдоты; чистоплотная душа; его жена сварила прекрасную уху. Жена того жида, что болен раком, угощала меня щучьей икрой и вкуснейшим белым хлебом. Об эксплуатации не

* юридически и фактически (лат.).

слышно. Кстати уж и о поляках. Попадают ся ссыль-ные, присланные сюда из Польши в 1864 г.¹. Хорошие, гостеприимные и деликатнейшие люди. Одни живут очень богато, другие очень бедно и служат писарями на станциях. Первые после амнистии уезжали к себе на родину, но скоро вернулись назад в Сибирь — здесь богаче, вторые мечтают о родине, хотя уже стары и больны. В Ишиме один богатый пан Залесский, у которого дочь похожа на Сашу Киселеву, угостил меня за 1 рубль отличным обедом и дал мне комнату выспаться; он держит кабак, окулачился до мозга костей, дерет со всех, но все-таки пан чувствуется и в манерах, и в столе, во всем. Он не едет на родину из жадности, из жадности терпит снег в николин день; когда он умрет, дочка его, родившаяся в Ишиме, останется здесь навсегда — и пойдут таким образом множиться по Сибири черные глаза и нежные черты! Эти случайные примеси крови нужны, ибо в Сибири народ некрасив. Брюнетов совсем нет. Быть может, и про татар написать вам? Извольте. Их здесь немного. Люди хорошие. В Казанской губ. о них хорошо говорят даже священники, а в Сибири они «лучше русских» — так сказал мне заседатель при русских, которые подтвердили это молчанием. Боже мой, как богата Россия хорошими людьми! Если бы не холод, отнимающий у Сибири лето, и если бы не чиновники, развращающие крестьян и ссыльных, то Сибирь была бы богатейшей и счастливейшей землей.

Обедать нечего. Умные люди, когда едут в Томск, берут с собою обыкновенно полпуда закусок. Я же оказался дураком, и потому 2 недели питался одним только молоком и яйцами, которые здесь варят так: желток крутой, а белок всмятку. Надоедает такая еда в 2 дня. За всю дорогу я только два раза обедал, если не считать жидовской ухи, которую я ел, будучи сытым после чая. Водку не пил; сибирская водка противна, да и отвык я от нее, пока доехал до Екатеринбургa. Водку же пить следует. Она возбуждает мозг, который от дороги делается вялым и тупым, отчего глупеешь и слабеешь.

Стоп! Нельзя писать: пришел знакомиться редактор «Сибирского вестника», Картамышев, местный Ноздрев, пьяница и забулдыга.

Картамышев выпил пива и ушел. Продолжаю.

В первые три дня вояжа у меня от тряски и толчков разболелись ключицы, плечи, позвонки, копчик... Ни сидеть, ни ходить, ни лежать... Но зато прошли все грудные и головные боли, разыгрался донельзя аппетит, а геморрой, точно воды в рот набрал — молчок. От напряжения, от частой возни с чемоданами и проч., а быть может, и от прощальных попок в Москве у меня по утрам бывало кровохарканье, которое навело на меня нечто вроде уныния, возбуждая мрачные мысли, и которое к концу пути прекратилось; теперь даже кашля нет; давно я так мало кашлял, как теперь, после двухнедельного пребывания на чистом воздухе. После же первых трех дней вояжа тело мое привыкло к тряске и для меня наступило время, когда я стал не замечать, как после утра наступал полдень, а потом вечер и ночь. Дни мелькали быстро; как в затяжной болезни. Думаешь, что еще нет полудня, а мужики говорят, что ты бы, барин, остался ночевать, а то как бы не заблудиться ночью; и в самом деле, поглядишь на часы — 8-й час вечера.

Везут быстро, но поразительного в этой быстроте ничего нет. Вероятно, я застал дурную дорогу, зимой возят быстрее. На гору несутся вскачь, а прежде чем выехать со двора и прежде чем ямщик сядет на козлы, лошадей держат двое-трое. Лошади напоминают московских пожарных лошадей; однажды я едва не передалил старух, а в другой раз едва не налетел на этап. Теперь извольте вам приключение, которым я обязан сибирской езде. Только прошу мамашу не охать и не причитывать, ибо все обошлось благополучно. В ночь под 6-е мая на рассвете вез меня один очень милый старик на паре. Тарантасик. Я дремал и от нечего делать поглядывал, как в поле и в березняке искрились змееобразные огни: это горела прошлогодняя трава, которую здесь жгут. Вдруг слышу дробный стук колес. Навстречу во весь дух, как птица, несется почтовая тройка. Мой старик спешит свернуть вправо, трой-

ка пролетает мимо, и я усматриваю в потемках громадную тяжелую почтовую телегу, в которой сидит обратный ящик. За этой тройкой несется вторая тройка тоже во весь дух. Мы спешим свернуть вправо... К великому моему недоумению и страху, тройка сворачивает не вправо, а влево... Едва я успел подумать: «Боже мой, сталкиваемся!», — как раздался отчаянный треск, лошади мешаются в одну темную массу, дуги падают, мой тарантас становится на дыбы, и я лечу на землю, а на меня мои чемоданы. Но это не все... Летит третья тройка... По-настоящему, эта должна была искрошить меня и мои чемоданы, но, слава богу, я не спал, ничего не сломал себе от падения и сумел вскочить так быстро, что мог отбежать в сторону. «Стой!» — заорал я третьей тройке. «Стой!» Тройка налетела на вторую и остановилась... Конечно, если бы я умел спать в тарантасе или если бы третья тройка неслась тотчас же за второй, то я вернулся бы домой инвалидом или всадником без головы. Результаты крушения: сломанные оглобли, изорванные сбруи, дуги и багаж на земле, оторопевшие, замученные лошади и страх от мысли, что сейчас была пережита опасность. Оказалось, что первый ящик погнал лошадей, а во вторых двух тройках ящики спали, и лошади сами понеслись за первой тройкой, некому было править ими. Очнувшись от переполоха, мой старик и ящики всех трех троек стали неистово ругаться. Ах, как ругались! Я думал, что кончится дракой. Вы не можете себе представить, какое одиночество чувствуешь среди этой дикой, ругающейся орды, среди поля, перед рассветом, в виду близких и далеких огней, пожирающих траву, но ни на каплю не согревающих холодный ночной воздух! Ах, как тяжело на душе! Слушаешь ругань, глядишь на изломанные оглобли и на свой истерзанный багаж, и кажется тебе, что ты брошен в другой мир, что тебя сейчас затопчут... После часовой ругани мой старик стал связывать веревочками оглобли и сбрую; пошли в ход и мои ремни. До станции дотащились кое-как, еле-еле, и то и дело останавливались...

После 5—6 дня начались дожди при сильном ветре.

Шел дождь днем и ночью. Пошло в дело кожаное пальто, спасавшее меня и от дождя и от ветра. Чуждое пальто. Грязь пошла невылазная, ямщики стали неохотно возить по ночам. Но что ужаснее всего и чего я не забуду во всю мою жизнь, это перевозки через реки. Подъедешь ночью к реке... Начинаешь с ямщиком кричать... Дождь, ветер, по реке ползут льдины, слышен плеск... И кстати радость: кричит бугай. На сибирских реках живут бугаи. Значит, они признают не климат, а географическое положение... Ну-с, через час в потемках показывается громадный паром, имеющий форму баржи; громадные весла, похожие на рачьи клешни. Перевозчики — народ озорной, все больше ссыльные, присланные сюда по приговорам общества за порочную жизнь. Сквернословят нестерпимо, кричат, просят денег на водку... Везут через реку долго, долго... мучительно долго! Паром ползет... Опять чувство одиночества, и кажется, бугай нарочно кричит, как будто хочет сказать: «Не бойся, дядя, я здесь, Линтваревы с Псла меня сюда прислали!»

7 мая вольный ямщик, когда я попросил лошадей, сказал, что Иртыш разлился и затопил луга, что вчера ездил Кузьма и еле вернулся и что ехать нельзя, нужно обождать... Спрашиваю: до каких пор ждать? Ответ: а господь его знает! Это неопределенно, да и к тому же я дал себе слово отделаться в дороге от двух своих пороков, причинявших мне немало расходов, хлопот и неудобств; это — уступчивость и сговорчивость. Я быстро соглашаюсь, и потому мне приходилось ездить на черт знает чем, платить иногда вдвое, ждать по целым часам... Стал я не соглашаться и не верить — и бокам моим стало легче. Например, запрягут не возок, а простую, тряскую телегу. Откажешься ехать на телеге, упрешься, и непременно явится возок, хотя раньше уверяли, что во всей деревне нет возка и т. д. Ну-с, подозревая, что разлив Иртыша придуман только для того, чтобы не везти меня к ночи по грязи, я запротестовал и приказал ехать. Мужик, слышавший о разливе от Кузьмы и сам его не выдавший, почесался и согласился, старики подбодрили его и сказали, что когда в молодости они ямщикovali, то ничего не боя-

лись. Поехали... Грязь, дождь, злющий ветер, холод... и валенки на ногах. Знаете, что значит мокрые валенки? Это сапоги из студня. Едем, едем, и вот перед очами моими расстилается громадное озеро, на котором кое-где пятнами проглядывает земля и торчат кустики — это залитые луга. Вдали тянется крутой берег Иртыша; на нем белеет снег... Начинаем ехать по озеру. Вернуться бы назад, да мешает упрямство и берет какой-то непонятный задор, тот самый задор, который заставил меня купаться среди Черного моря, с яхты, и который побуждал меня делать немало глупостей... Должно быть, психоз. Едем и выбираем островки, полоски. Направление указывают мосты и мостики; они снесены. Чтобы проехать по ним, нужно распрягать лошадей и водить лошадей поодиночке... Ямщик распрягает, я спрыгиваю в валенках в воду и держу лошадей... Занимательно! А тут дождь, ветер... спаси, царица небесная! Наконец добираемся до островка, где стоит избушка без крыши... По мокрому навозу бродят мокрые лошади. Выходит из избушки мужик с длинной палкой и берется провожать... Палкой он измеряет глубину воды и пробует грунт. Дай бог ему здоровья, вывел на длинную полосу, которую называл он «хребтом». Научил, чтобы с этого хребта мы норовили взять куда-то вправо или, не помню, влево, и попасть на другой хребет. Так мы и сделали...

Едем... В валенках сыро, как в отхожем месте. Хлюпает, чулки сморкаются. Ямщик молчит и уныло почмокивает. Он рад бы вернуться, но уже поздно, темнеет... Наконец — о радость! — подъезжаем к Иртышу... Тот берег крутой, а сей — отлогий. Сей изгрызен, скользок на вид, противен, растительности ни следа... Мутная вода с белыми гребнями хлещет по нем и со злобой отскакивает назад, точно ей гадко прикасаться к неуклюжему, осклизлому берегу, на котором, как кажется, могут жить одни только жабы да души убийц... Иртыш не шумит, не ревет, а сдается, как будто он у себя на дне стучит по гробам... Проклятое впечатление! Тот берег высок, бур, пустынен...

Изба; тут живут перевозчики. Выходит один и заявляет, что паром пускать нельзя, так как поднялась

непогода. Река, мол, широкая, а ветер сильный... И что же? Пришлось ночевать в избе... Помню ночь, храп перевозчиков и моего ямщика, шум ветра, стук дождя, ворчанье Иртыша... Перед тем как спать, написал Марии Владимировне письмо: Божаровский омут припомнился.

Утром не захотели везти на пароме: ветер. Пришлось плыть на лодке. Плыву через реку, а дождь хлещет, ветер дует, багаж мокнет, валенки, которые ночью сушились в печке, опять обращаются в студень. О, милое кожаное пальто! Если я не простудился, то обязан только ему одному. Когда вернусь, помажьте его за это салом или касторкой. На берегу целый час сидел на чемодане и ждал, когда из деревни приедут лошади. Помню, взбираться на берег было очень скользко. В деревне грелся и пил чай. Приходили за милостыней ссыльные. Для них каждая семья ежедневно заквашивает *пуд* пшеничной муки. Это вроде повинности.

Ссыльные берут хлеб и пропивают его в кабаке. Один ссыльный, оборванный, бритый старик, которому в кабаке *выбили* глаза свои же ссыльные, услышав, что в комнате проезжий, и приняв меня за купца, стал петь и читать молитвы. Он и о здравии, и за упокой, пел и пасхальное «Да воскреснет бог», и «Со святыми упокой» — чего только не пел! Потом стал врать, что он из московских купцов. Я заметил, как этот пьяница презирал мужиков, на шее которых жил!

11-го поехал на почтовых. От скуки читал на станциях жалобные книги. Сделал открытие, которое меня поразило и которое в дождь и сырость не имеет себе цены: на почтовых станциях в сенях имеются отхожие места. О, вы не можете оценить этого!

12 мая мне не дали лошадей, сказавши, что ехать нельзя, так как Обь разлилась и залила все луга. Мне посоветовали: «Вы поезжайте в сторону от тракта до Красного Яра, там на лодке проедете верст 12 до Дубровина, а в Дубровине вам дадут почтовых лошадей...» Поехал я на вольных в Красный Яр. Приезжаю утром. Говорят, что лодка есть, но нужно немного обождать, так как дедушка послал на ней в Дубровино

работника, который повез заседателя писаря. Ладно, подождем... Проходит час, другой, третий... Наступает полдень, потом вечер... Аллах керим, сколько чаю я выпил, сколько хлеба съел, сколько мыслей передумал! А как много я спал! Наступает ночь, а лодки все нет. Наступает раннее утро... Наконец, в 9 часов возвращается работник. Слава небесам, плывем! И как хорошо плывем! Тихо в воздухе, гребцы хорошие, острова красивые... Вода захватила людей и скот врасплох, и я вижу, как бабы плывут в лодках на острова доить коров. А коровы тощие, унылые... По случаю холодов совсем нет корму. Плыл я 12 верст. В Дубровине на станции чай, а к чаю мне подали, можете себе представить, вафли... Хозяйка, должно быть, ссыльная или жена ссыльного... На следующей станции старик писарь, поляк, которому я дал антипирину от головной боли, жаловался на бедность и говорил, что недавно через Сибирь проезжал австрийского двора камергер граф Сапега, поляк, помогающий полякам. «Он останавливался около станции,— рассказывает писарь,— а я не знал этого! Мать пресвятая! Он бы мне помог! Я писал ему в Вену, но ответа не получил...» и т. д. Зачем я не Сапега? Я отправил бы этого беднягу на родину.

14 мая мне опять не дали лошадей. Разлив Томи. Какая досада! Не досада, а отчаянье! В 50 верстах от Томска, и так неожиданно! Женщина зарыдала бы на моем месте... Для меня люди добрые нашли выход: «Поезжайте, ваше благородие, до Томи — только 6 верст отсюда; там вас перевезут на лодке до Яра, а оттуда в Томск вас свезет Илья Маркович». Нанимаю вольного и еду к Томи, к тому месту, где должна быть лодка. Подъезжаю — лодки нет. Говорят, только что уплыла с почтой и едва ли вернется, так как дует сильный ветер. Начинаю ждать... Земля покрыта снегом, идут дождь и крупа, ветер... Проходит час, другой, а лодки нет... Насмехается надо мной судьба! Возвращаюсь назад на станцию. Тут три почтовые тройки и почтальон собираются ехать к Томи. Говорю, что лодки нет. Остаются. Получаю от судьбы награду: писарь на мой нерешительный вопрос, нет ли чего закусить,

говорит, что у хозяйки есть щи... О, восторг! О, пресветлого дне! И в самом деле, хозяйкина дочка подает мне отличных щей с прекрасным мясом и жареной картошки с огурцом. После пана Залесского я ни разу так не обедал. После картошки разошелся я и сварил себе кофе. Кутеж!

Перед вечером почтальон, пожилой, очевидно натерпевшийся человек, не смевший сидеть в моем присутствии, стал собираться ехать к Томи. И я тоже. Поехали. Как только подъехали к реке, показалась лодка, такая длинная, что мне раньше и во сне никогда не снилось. Когда почту нагружали в лодку, я был свидетелем одного странного явления: гремел гром — это при снеге и холодном ветре. Нагрузились и поплыли. Сладкий Миша, прости, как я радовался, что не взял тебя с собой! Как я умно сделал, что никого не взял! Сначала наша лодка плыла по лугу около кустов тальника... Как бывает перед грозой или во время грозы, вдруг по воде пронесся сильный ветер, поднявший валы. Гребец, сидевший у руля, посоветовал переждать непогоду в кустах тальника; на это ему ответили, что если непогода станет сильнее, то в тальнике просидишь до ночи и все равно утонешь. Стали решать *большинством голосов* и решили плыть дальше. Нехорошее, насмешливое мое счастье! Ну, к чему эти шутки? Плыли мы молча, сосредоточенно... Помню фигуру почтальона, видавшего виды. Помню солдата, который вдруг стал багров, как вишневый сок... Я думал: если лодка опрокинется, то сброшу полушубок и кожаное пальто... потом валенки... потом и т. д. Но вот берег все ближе, ближе... На душе все легче, легче, сердце сжимается от радости, глубоко вздохнешь почему-то, точно отдохнул вдруг, и прыгаешь на мокрый скользкий берег... Слава богу!

У Ильи Марковича, выкреста, говорят, что к ночи ехать нельзя — дорога плоха, что нужно остаться ночевать. Ладно, остаюсь. После чая сажусь писать вам это письмо, прерванное приездом заседателя. Заседатель — это густая смесь Ноздрева, Хлестакова и собаки. Пьяница, развратник, лгун, певец, анекдотист и при всем том добрый человек. Привез с собой боль-

шой сундук, набитый делами, кровать с матрасом, ружье и писаря. Писарь прекрасный, интеллигентный человек, протестующий либерал, учившийся в Петербурге, свободный, неизвестно как попавший в Сибирь, зараженный до мозга костей всеми болезнями и спивающийся по милости своего принцепала, называющего его Колей. Посылает власть за наливкой. «Доктор! — вопит она. — Выпейте еще рюмку, в ноги поклонюсь!» Конечно, выпиваю. Трескает власть здорово, врет напропалую, сквернословит бесстыдно. Ложимся спать. Утром опять посылают за наливкой. Трескают наливку до 10 часов и, наконец, едут. Выкрест Илья Маркович, которого мужики боготворят здесь, — так мне говорили, — дал мне лошадей до Томска.

Я, заседатель и писарь сели в одном возке. Заседатель всю дорогу врал, пил из горлышка, хвастал, что не берет взяток, восхищался природой и грозил кулаком встречным бродягам. Проехал 15 верст — стоп! Деревня Бровкино... Останавливаемся около жидовской лавочки и идем «отдыхать». Жид бежит за наливкой, а жидовка варит уху, о которой я уже писал. Заседатель распорядился, чтоб пришли сотский, десятский и дорожный подрядчик, и пьяный стал распекать их, нисколько не стесняясь моим присутствием. Он ругался, как татарин.

Скоро я разъехался с заседателем и по отвратительной дороге вечером 15-го мая доехал до Томска. В последние два дня я сделал только 70 верст — можете судить, какова дорога!

В Томске невылазная грязь. О городе и о здешнем житье буду писать на днях, а теперь до свидания. Утомился писать. Поклон папаше, Ивану, тетке², Алеше, Александре Васильевне, Зинаиде Михайловне, Доктору³, Троше, великому пианисту⁴, Марьюшке. Если знаете адрес милейшей Гундасихи⁵, то напишите этой необыкновенной удивительной девице, что я ей кланяюсь. Славной Жамэ⁶ привет от души. Если летом она будет гостить у вас, то я буду очень рад. Она очень хорошая. Скажите Троше, что я сейчас пил из ее стаканчика. Чокался, впрочем, с Картамышевым.

Тополей нет. Кувшинниковский генерал⁷ соврал. Соловьев нет. Сороки и кукушки есть.

Сегодня получил телеграмму от Суворина в 80 слов. Всех обнимаю, целую и благословляю.

Ваш А. Чехов.

Мишино письмо получено. Спасибо.

Простите, что письмо похоже на винегрет. Нескладно. Ну, да что делать? Сидя в номере, лучше не напишешь. Извините, что длинно. Я не виноват. Рука разбежалась, да и к тому же хочется подольше поговорить с Вами. 3-й час ночи. Рука утомилась. На свечке нагорел фитиль, плохо видно. Пишите мне на Сахалин в каждые 4—5 дней. Оказывается, что почта туда идет не только морем, но и через Сибирь. Значит, буду получать своевременно и часто.

Завтра пойду к Владиславлеву и Флоринскому. Деньги целы. Швов еще не распарывал. Что Артеменко? Харитоненко получил звезду? Поздравляю Сумы.

В Томске на всех заборах красуется «Предложение»⁸. Томичи говорят, что такая холодная и дождливая весна, как в этом году, была в 1842 г. Половину Томска затопило. Мое счастье!

Ем конфеты.

Если у Маши будет болеть горло и летом, то по приезде в Москву в сентябре пусть проф. Кузьмин отрежет ей по кусочку от каждой миндалевидной железы. Это невинная безболезненная операция. Без этой операции Маша до старости не избавится от фолликулярных и прочих жаб. Если Елена Михайловна согласится сделать операцию сию, то еще лучше. Пока железы еще не очень велики, достаточно отрезать по очень маленькому кусочку.

В Томске нужно будет дожидаться того времени, когда прекратятся дожди. Говорят, что дорога до Иркутска возмутительна. Здесь есть «Славянский базар». Обеды хорошие, но добраться до этого «Базара» нелегко — грязь невылазная.

Сегодня (17 мая) пойду в баню. Говорят, что на весь Томск имеется один только банщик — Архип.

20 мая 1890, Томск

Томск, 20 май

Наконец, здравствуйте! Привет Вам от сибирского человека, милый Алексей Сергеевич! Соскучился я по Вас и по переписке ужасно.

Однако начну сначала. В Тюмени мне сказали, что первый пароход в Томск идет 18-го мая. Пришлось скакать на лошадях. В первые три дня болели все жилы и суставы, потом же привык и никаких болей не чувствовал. Только от неспанья и постоянной возни с багажом, от прыганья и голодовки было кровохарканье, которое портило мне настроение, и без того неважное. В первые дни было сносно, но потом задул холодный ветер, разверзлись хляби небесные, реки затопили луга и дороги. То и дело приходилось менять повозку на лодку. О войне моей с разливом и с грязью Вы прочтете в прилагаемых листках;¹ я там умолчал, что мои большие сапоги оказались узкими и что я по грязи и по воде ходил в валенках и что валенки мои обратились в студень. Дорога так гнусна, что в последние два дня своего вояжа я сделал только 70 верст.

Уезжая, я обещал присылать Вам путевые заметки, начиная с Томска, ибо путь между Тюменью и Томском давно уже описан и эксплуатировался тысячу раз. Но Вы в Вашей телеграмме изъявили желание иметь от меня сибирские впечатления возможно скорее и даже, сударь, имели жестокость попрекнуть меня в слабой памяти, т. е. в том, как будто я забыл о Вас. Дорогою писать было положительно невозможно; я вел короткий дневник карандашом и могу предложить Вам теперь только то, что в этом дневнике записано. Чтобы не писать очень длинно и не запутаться, я все свои записанные впечатления разделил на главы. Посылаю Вам шесть глав. Написаны они лично для Вас. Писал я только для Вас и потому не боялся быть в своих заметках слишком субъектив-

ным и не боялся, что в них больше чеховских чувств и мыслей, чем Сибири. Если какие строки найдете интересными и достойными печати, то передайте их благодетельной гласности, подписав мою фамилию и печатая их тоже отдельными главками, через час по столовой ложке. Общее название можно дать «Из Сибири», потом «Из Забайкалья», потом «С Амура» и т. д.

Новую порцию Вы получите из Иркутска, куда я еду завтра и куда буду ехать не меньше 10 дней — дорога плоха. Вышлю опять несколько глав и буду высылать, независимо от того, будете Вы печатать или нет. Читайте, а когда надоест, то телеграфируйте мне: «Уймись!»

Всю дорогу я голодал, как собака. Набивал себе брюхо хлебом, чтобы не мечтать о тюрбо, спарже и проч. Даже о гречневой каше мечтал. По целым часам мечтал.

В Тюмени я купил себе на дорогу колбасы, но что за колбаса! Когда берешь кусок в рот, то во рту такой запах, как будто вошел в конюшню в тот самый момент, когда кучера снимают портянки; когда же начинаешь жевать, то такое чувство, как будто вцепился зубами в собачий хвост, опачканный в деготь. Тьфу! Поел раза два и бросил.

Получил от Вас одну телеграмму и письмо, в котором Вы пишете, что хотите издавать энциклопедический словарь. Не знаю почему, но весть об этом словаре меня очень порадовала. Издавайте, голубчик. Если я гожусь в работники, то отдаю Вам ноябрь и декабрь, буду жить эти месяцы в Питере. От утра до ночи буду сидеть.

Свои путевые заметки писал я начисто в Томске при сквернейшей номерной обстановке, но со старанием и не без желания угодить Вам. Думаю, ему скучновато в Феодосии и жарко, пусть почитает о холоде. Заметки эти идут к Вам вместо письма, которое складывалось у меня в голове в продолжение всего пути. За это Вы высылайте мне на Сахалин все Ваши критические фельетоны, кроме первых двух, которые я читал; распорядитесь также, чтобы мне высылали

туда же «Народоведение» Пешеля, кроме первых двух выпусков, которые я уже имею².

Почта на Сахалин идет и морем и через Сибирь; значит, если мне будут писать, я буду часто получать корреспонденцию. Не потеряйте мой адрес: *о. Сахалин, Александровский пост.*

Ах, какие расходы! Гевалт! Благодаря разливу я везде платил возницам почти вдвое, а иногда втрое, ибо работа каторжная, адская. Чемодан мой, милейший сундучок, оказался неудобным в дороге: занимает много места, толкает в бок, гремит, а главное — грозит разбиться. «Не берите с собой в дальнюю дорогу сундуки!» — говорили мне добрые люди, но этот совет припомнился мне только на полдороге. Что ж? Оставляю свой чемодан в Томске на поселении, а вместо него купил себе какую-то кожаную стерву, которая имеет то удобство, что расплывается на дне тарантаса, как угодно. Заплатил 16 рублей. Далее... На перекладных скакать до Амура — это пытка. Разобьешь и себя и весь свой багаж. Посоветовали купить повозку. Купил сегодня за 130 рублей. Если не удастся продать ее в Сретенске, где кончается мой лошадиный путь, то я останусь на бобах и взвою. Сегодня обедал с редактором «Сибирского вестника» Картамышевым. Местный Ноздрев, широкая натура... Пропил 6 рублей.

Стоп! Докладывают, что меня желает видеть помощник полициймейстера. Что такое?!?

Тревога напрасная. Полицейский оказывается любителем литературы и даже писателем; пришел ко мне на поклонение. Поехал домой за своей драмой³ и, кажется, хочет угостить меня ею. Сейчас приедет и опять помешает писать к Вам...

Пишите мне о Феодосии, о Толстом, о море, о бычках, об общих знакомых.

Анна Ивановна, здравствуйте! Господь Вас благословит. Я о Вас часто думаю.

Поклон Настюше и Боре. Всей душой рад для их удовольствия броситься в пасть тигра и позвать их к себе на помощь, но — увы! до тигров я еще не доехал.

До сих пор из пушных зверей в Сибири я видел только очень много зайцев и одну мышь.

Стоп! Вернулся полицейский. Он драмы не читал, хотя и привез ее, но угостил рассказом. Не дурно, но только слишком местно. Показывал мне слиток золота. Попросил водки. Не помню ни одного сибирского интеллигента, который, придя ко мне, не попросил бы водки. Говорил, что у него завелась «любовишка» — замужняя женщина; дал прочесть мне прошение на высочайшее имя насчет развода. Затем предложил мне съездить посмотреть томские дома терпимости.

Вернувшись из домов терпимости. Противно. Два часа ночи.

Зачем Алексей Алексеевич в Риге? Вы об этом писали. Как его здоровье? Теперь уж я буду писать Вам аккуратно из каждого города и из каждой той станции, где мне не будут давать лошадей, т. е. заставят меня ночевать. А как я рад, когда по необходимости остаюсь где-нибудь ночевать! Не успеешь бултыхнуть в постель, как уж спишь. Здесь, когда едешь и не спишь ночью, сон ценишь превыше всего; на земле нет выше наслаждения, как сон, когда хочется спать. В Москве, вообще в России, как теперь я понимаю, мне никогда не хотелось спать. Ложился только потому, что надо. Зато теперь! Еще одно замечание: в дороге совсем не хочется спиртного. Я не мог пить. Курил очень много. Думается плохо. Мысли как-то не вяжутся. Время бежит быстро, так что совсем не замечаешь времени от 10 часов утра до 7 часов вечера. После утра вскоре наступает вечер. Так бывает во время затяжной болезни. От ветра и дождей у меня лицо покрылось рыбьей чешуей, и я, глядя на себя в зеркало, не узнаю прежних благородных черт.

Томска описывать не буду. В России все города одинаковы. Томск город скучный, не трезвый, красивых женщин совсем нет, бесправие азиатское. Замечателен сей город тем, что в нем мрут губернаторы.

Обнимаю Вас крепко. Anne Ивановне целую обе руки и кланяюсь до земли. Идет дождь. До свиданья, будьте здоровы и счастливы. Если письма мои будут

кратки, небрежны или сухи, то не посетуйте, ибо в дороге не всегда можно быть самим собою и писать так, как хочется. Чернила скверные, а на перо вечно садятся какие-то волоски и кусочки.

Ваш А. Чехов.

Опишите Ваш феодосийский дом. Нравится ли Вам?

215

М. П. ЧЕХОВОЙ

28 мая 1890, Красноярск

Красноярск, 28 мая

Что за убийственная дорога! Еле-еле дополз до Красноярска и два раза починял свою повозку; лопнул сначала курок — железная, вертикально стоящая штука, соединяющая передок повозки с осью; потом сломался под передком так называемый круг. Никогда в жизни не видывал такой дороги, такого колоссального распутия и такой ужасной, запущенной дороги. Буду писать о ее безобразиях в «Новом времени», а посему умолчу пока¹.

Последние три станции великоленны; когда подъезжаешь к Красноярску, то кажется, что спускаешься в иной мир. Из леса выезжаешь на равнину, которая очень похожа на нашу донецкую степь, только здесь горные кряжи грандиознее. Солнце блестит во всю ивановскую и березы распустились, хотя за три станции назад на березах не потрескались даже еще почки. Слава богу, въехал-таки я, наконец, в лето, где нет ни ветра, ни холодного дождя. Красноярск красивый интеллигентный город; в сравнении перед ним Томск свинья в ермолке и моветон. Улицы чистые, мощеные, дома каменные, большие, церкви изящные.

Я жив и совершенно здоров. Деньги целы, вещи тоже целы: потерял было шерстяные чулки и скоро нашел.

Пока, если молчать о повозке, все обстоит благополучно, и жаловаться не на что. Только расходы страшные. Нигде так сильно не сказывается житей-

ская непрактичность, как в дороге. Плачу лишнее, делаю ненужное, говорю не то, что нужно, и жду всякий раз того, что не случается.

Миша, погоди собираться в Японию;² кажется, я вернусь через Америку.

В Иркутске я буду через 5—6 дней, проживу там столько же дней, затем скакать до Сретенска и — конец моему лошадиному пути. Вот уже больше двух недель прошло, как я скачу не переставая, думаю только в одном этом направлении, живу этим; ежедневно вижу восход солнца от начала до конца. Так привык, что мне кажется, что я всю жизнь скачу и воюю с грязной дорогой. Когда нет дождя и грязных ям на дороге, то становится как-то странно и даже скучновато. А какой я грязный, какое у меня ерническое рыло! Как потерялась моя несчастная одежда!

Поклон отцу, Ивану (где сей?), Александре Васильевне, братьям и сестрам Линтваревым, Семашке, Иваненке, Жамэ, Марьюшке и прочим.

К департаменту матери: кофе у меня еще 1½ банки; питаюсь медом и акридами; буду обедать сегодня и в Иркутске. Чем ближе к востоку, тем дороже все становится. Хлеб ржаной, т. е. мука ржаная, уж 70 коп. за пуд, тогда как по ту сторону Томска она 25—27 к., а пшеничная 30 к. Табак, продающийся в Сибири, подл и гнусен, дрожу, так как мой уж на исходе.

Напишите тетке и Алексею, что я им кланяюсь. Где теперь Жамэ? Хотел было заказать ей работишку в музее, да не знаю, где проживает теперь эта златокудрая, обольстительная дева. А где Гундасова? И ей поклон.

Еду с двумя поручиками и с одним военным доктором, которые все держат путь на Амур. Таким образом револьвер является совершенно лишним. С такой компанией и в ад не страшно. Сейчас пьем на станции чай, а после чаю пойдем смотреть город.

Я согласился бы жить в Красноярске. Не понимаю, почему здесь излюбленное место для ссылки. Тут недавно прощенный Юхонцев, тут и Рыков.

Однако спешим, будьте здоровы. Целую всех, откидываю к печке, потом опять принимаю в свои объятия, благословляю по-архиерейски и желаю всего хорошего.

Ради бога, без болезней и без инцидентов! Будьте благополучны до мозга костей.

Ваш *Homo Sachaliensts* *

А. Чехов.

Письма, адресуемые на имя Маши, могут быть читаемы всею семьей; если случится писать секрет, то на адресе будет написано «ее высокоблагородию». Это помните. Всякое письмо с высокоблагородием может быть распечатано только одною Машей, которой, кстати сказать, я желаю от души всего самого лучшего и великолепного.

Ах, Троша, Троша! Не слышу я Вашего чудесного смеха!

216

А. П. ЧЕХОВУ

5 июня 1890, Иркутск

5 июнь. Иркутск

Европейский брат!

Конечно, неприятно жить в Сибири; но лучше быть в Сибири и чувствовать себя благородным человеком, чем жить в Петербурге и слыть за пьяницу и негодяя. Я не говорю о присутствующих.

Уезжая из России, о брат, я писал тебе, что ты получишь от меня много поручений. Перед отъездом я не собрался написать тебе, в дороге было не до писем, теперь же, поразмыслив, я вижу, что у меня есть к тебе не много поручений, а только одно, которое и прошу исполнить под страхом лишения наследства. Поручение состоит вот в чем: когда получишь письмо от сестры насчет денег, то надень штаны и сходи в

* Сахалинский человек (лат.).

книжный магазин «Нового времени»: тут получи деньги за мои книги и вышли их сестре полностью. Вот и все.

Сибирь есть страна холодная и длинная. Еду, еду и конца не видать. Интересного и нового вижу мало, зато чувствую и переживаю много. Воевал с разливами рек, с холодом, с невылазною грязью, с голодухой, с желанием спать... Такие ощущения, которые в Москве и за миллион не испытаешь. Тебе бы надо в Сибирь! Попроси прокуроров, чтобы тебя сюда выслали.

Из всех сибирских городов самый лучший Иркутск. Томск гроша медного не стоит, а все уездные не лучше той Крепкой, в которой ты имел неосторожность родиться¹. Обиднее всего, что в уездных городишках есть нечего, а это в дороге, ух, как чувствуется! Подъезжаешь к городу и надеешься съесть целую гору, а въехал — трах! ни колбасы, ни сыру, ни мяса, ниже селетки, а те же пресные яйца и молоко, что и в деревнях.

В общем я свою поездку доволен и не жалею, что поехал. Тяжко ехать, но зато отдых чуден. Отдыхаю с наслаждением.

Из Иркутска двинусь к Байкалу, который переплыву на пароходе; от Байкала тысяча верст до Амура, а там на пароходе до Великого океана, где первым делом выкупаюсь и поем устриц.

Сюда приехал я вчера и первым делом отправился в баню, потом лег спать. Ах, как спал! Только теперь я понимаю, что значит сон.

Ну, будь здоров. Наталье Александровне, немотствующему Куке и тезке моему нижайший поклон и пожелание всех благ. Мой адрес: Александровский пост на Сахалине. Опиши, как идут твои дела и нет ли чего новенького. Пиши нашим почаще, ибо им скучно.

Благословляю тебя обеими руками.

Твой азиатский брат

А. Чехов.

5 июня 1890, Иркутск

5 июнь 90 г., Иркутск.

Здравствуйте, добрейший Николай Александрович! Шлю Вам душевный привет из Иркутска, из недр сибирских. Приехал я в Иркутск вчера ночью и очень рад, что приехал, так как замучился в дороге и соскучился по родным и знакомым, которым давно уже не писал. Ну-с, о чем же интересном написать Вам? Начну с того, что дорога необыкновенно длинна. От Тюмени до Иркутска я сделал на лошадях более трех тысяч верст. От Тюмени до Томска воевал с холодом и с разливами рек; холода были ужасные, на вознесенье стоял мороз и шел снег, так что полушубок и валенки пришлось снять только в Томске в гостинице. Что же касается разливов, то это казнь египетская. Реки выступили из берегов и на десятки верст заливали луга, а с ними и дороги; то и дело приходилось менять экипаж на лодку, лодки же не давались даром — хорошая обходилась пуда крови, так как нужно было по целым суткам сидеть на берегу под дождем и холодным ветром и ждать, ждать... От Томска до Красноярска отчаянная война с невылазною грязью. Боже мой, даже вспомнить жутко! Сколько раз приходилось починять свою повозку, шагать пешком, ругаться, вылезать из повозки, опять влезать и т. д.; случалось, что от станции до станции ехал я 6—10 часов, и на починку повозки требовалось 10—15 часов каждый раз. От Красноярска до Иркутска страшнейшая жара и пыль. Ко всему этому прибавьте голодуху, пыль в носу, слипающиеся от бессонницы глаза, вечный страх, что у повозки (она у меня собственная) сломается что-нибудь, и скуку... Но тем не менее все-таки я доволен и благодарю бога, что он дал мне силу и возможность пуститься в это путешествие... Много я видел и многое пережил, и все чрезвычайно интересно и ново для меня не как для литератора, а просто как для человека. Енисей, тайга,

станции, ямщики, дикая природа, дичь, физические мучительства, причиняемые дорожными неудобствами, наслаждения, получаемые от отдыха,— все, вместе взятое, так хорошо, что и описать не могу. Уж одно то, что я больше месяца день и ночь был на чистом воздухе — любопытно и здорово; целый месяц ежедневно я видел восход солнца от ночи и до конца.

Отсюда еду на Байкал, потом в Читу, Сретенск, где меняю лошадей на пароход, и плыву по Амуру до своей цели. Не спешу, ибо желаю быть на Сахалине не раньше 1-го июля.

Если бы вздумали написать мне, то вот Вам мой адрес: Александровский пост на о. Сахалине. Почта на Сахалин идет через Сибирь ежедневно.

Вы спрашивали меня в последнем письме, почему за деньгами («Пестрые рассказы») я обратился к Голике, а не к Вам. Помилуйте, сударь мой, ведь Вы раньше писали и говорили мне, чтобы я обращался за деньгами именно к Голике, а не к Вам. Впрочем, это все равно. Будьте здоровы, счастливы, покойны. Какова-то у Вас погода?

Почтение Прасковье Никифоровне и Феде. До свиданья.

Ваш *Homo Sachaliensis* *

А. Чехов.

Дорога через Сибирь вполне безопасна. Грабежей не бывает.

218

М. П. ЧЕХОВОЙ

6 июня 1890, Иркутск

Иркутск, 6 июня.

Здравствуйте, милая мама, Иван, Маша и Миша и все, яже с вами.

В последнем большом письме я писал вам, что горы около Красноярска похожи на Донецкий кряж, но это неправда; когда я взглянул на них с улицы, то

* Сахалинский человек (лат.).

увидел, что они, как высокие стены, окружают город, и мне живо вспомнился Кавказ. А когда перед вечером, уезжая из города, я переплывал Енисей, то видел на другом берегу совсем уж Кавказские горы, такие же дымчатые, мечтательные... Енисей широкая, быстрая, гибкая река; красавец, лучше Волги. И паром через него замечательный, хитро устроенный, плывущий против течения; об устройстве сей штуки расскажу дома. Итак, горы и Енисей — это первое оригинальное и новое, встреченное мною в Сибири. И горы и Енисей подарили меня такими ощущениями, которые сторицею вознаградили меня за все пережитые кувырколлегии и которые заставили меня обругать Левитана болваном за то, что он имел глупость не поехать со мной.

От Красноярска до Иркутска сплошную тянется тайга. Лес не крупнее Сокольничьего, но зато ни один ямщик не знает, где он кончается. Конца-краю не видать. Тянется на сотни верст. Что и кто в тайге, неизвестно никому, и только зимою случается, что приезжают через тайгу из далекого севера за хлебом какие-то люди на оленях. Когда въедешь на гору и глянешь вперед и вниз, то видишь впереди гору, за ней еще гору, потом еще гору, с боков тоже горы — и все это густо покрыто лесом. Даже жутко делается. Это второе оригинальное и новое...

От Красноярска начались жарыща и пыль. Жара страшная. Полушубок и шапка лежат под спудом. Пыль во рту, в носу, за шеей — тьфу! Подъезжаем к Иркутску — надо переплывать через Ангару на плашкоте (т. е. пароме). Как нарочно, точно на смех, поднимается сильнейший ветер... Я и мои военные спутники, 10 дней мечтавшие о бане, обеде и сне, стоим на берегу и бледнеем от мысли, что нам придется переночевать не в Иркутске, а в деревне. Плашкот никак не может подойти... Стоим час, другой, и — о небо! — плашкот делает усилие и подходит к берегу. Bravo, мы в бане, мы ужинаем и спим! Ах, как сладко париться, есть и спать!

Иркутск превосходный город. Совсем интеллигентный. Театр, музей, городской сад с музыкой, хорошие

гостиницы... Нет уродливых заборов, нелепых вывесок и пустырей с надписями о том, что нельзя останавливаться. Есть трактир «Таганрог». Сахар 24 коп., кедровые орехи 6 коп. за фунт.

К великому моему огорчению, я не нашел письма от вас. Все написанное вами до 6 мая я получил бы в Иркутске, если бы вы написали. Послал Суворину телеграмму — ответа нет.

Теперь об источниках для добычи презренного металла. Когда понадобятся деньги, то напишите Александру (или телеграфируйте), чтобы он сходил в книжный магазин «Нового времени» и взял бы мой *книжный* гонорар. Это во-первых. Во-вторых, пошлите прилагаемое письмо¹, предварительно прочитав его; письмо пошлите в августе и счет сохраните.

Александру я писал.

Не прозевайте моего выигрышного билета.

Писал ли я Мише, что я, кажется, вернусь домой через Америку? Пусть не спешит в Японию.

Я жив и здоров. Деньги целы. Кофе припрятал для Сахалина. Пью великолепный чай, после которого чувствую приятное возбуждение. Видаю китайцев. Добродушный и неглупый народ. В сибирском банке мне выдали деньги тотчас же, приняли любезно, угощали папиросами и пригласили на дачу. Есть великолепная кондитерская, но все адски дорого. Тротуары деревянные.

Вчера ночью совершил с офицерами экскурсию по городу. Слышал, как кто-то шесть раз протяжно крикнул «караул». Должно быть, душили кого-нибудь. Поехали искать, но никого не нашли.

В Иркутске рессорные пролетки. Он лучше Екатеринбурга и Томска. Совсем Европа.

17-го июня отслужите обедню, а 29-ое отпразднуйте возможно торжественнее², буду мысленно присутствовать с вами, а вы выпейте за мое здоровье. Поклон папаше, Линтваревым, Жамэ, Семашечке, Иваненке и Марьюшке. Ну, оставайтесь здоровы, да хранит Вас бог. Постарайтесь не забывать вашего скупающего домочадца

А. Чехова.

Все у меня мнется, грязно, рвется! Похож на жулика.

Мехов, вероятно, не привезу. Не знаю, где их продают, а спросить лень.

В дорогу надо брать не меньше двух больших подушек и непременно в темных наволочках.

Что делает Иван? Куда он ездил? Был ли на юге?

Из Иркутска я еду к Байкалу. Спутники мои готовятся рвать.

Большие сапоги обносились и стали просторнее. Пятки уже не болят.

Заказал на завтра гречневую кашу. В дороге вспомнил о твороге и стал есть его на станциях с молоком.

Получали ли из мелких городов мои открытые письма? Берегите их: по ним буду судить о скорости почты. А почта здешняя не спешит.

219

М. П. ЧЕХОВОЙ

13 июня 1890, ст. Лиственичная

13 июнь, ст. Лиственичная, на берегу Байкала.

Я переживаю дурацкие дни. 11-го июня, т. е. позавчера, вечером мы выехали из Иркутска в чаянии попасть к Байкальскому пароходу, который отходил в 4 часа утра. От Иркутска до Байкала только три станции. На первой станции нам заявили, что все лошади в разгоне, что ехать поэтому никак невозможно. Пришлось остаться ночевать. Вчера утром выехали из этой станции и к полудню прибыли к Байкалу. Пошли на пристань и на наш вопрос получили ответ, что пароход пойдет не раньше пятницы 15-го июня. Значит, до пятницы нужно сидеть на берегу, глядеть на воду и ждать. Так как не бывает ничего такого, что бы не кончилось, то я ничего не имею против ожиданий и ожидаю всегда терпеливо, но дело в том, что 20-го из Сретенска идет пароход вниз по Амуру; если мы не попадем на него, то придется ждать следующе-

го парохода, который пойдет 30-го. Господа милосердные, когда же я попаду на Сахалин?

Ехали мы к Байкалу по берегу Ангары, которая берет начало из Байкала и впадает в Енисей. Зрите карту. Берега живописные. Горы и горы, на горах сплошную леса. Погода чудная, тихая, солнечная, теплая; я ехал и чувствовал почему-то, что я необыкновенно здоров; мне было так хорошо, что и описать нельзя. Это, вероятно, после сиденья в Иркутске и оттого, что берег Ангары на Швейцарию похож. Что-то новое и оригинальное. Ехали по берегу, доехали до устья и повернули влево; тут уж берег Байкала, который в Сибири называется морем. Зеркало. Другого берега, конечно, не видно: 90 верст. Берега высокие, крутые, каменистые, лесистые; направо и налево видны мысы, которые вдаются в море вроде Аю-дага или феодосийского Тохтебеля. Похоже на Крым. Станция Лиственничная расположена у самой воды и поразительно похожа на Ялту; будь дома белые, совсем была бы Ялта. Только на горах нет построек, так как горы слишком отвесны и строиться на них нельзя.

Заняли мы квартиру-сарайчик, напоминающий лубую из Красковских дач. У окон, аршина на 2—3 от фундамента, начинается Байкал. Платим рубль в сутки. Горы, леса, зеркальность Байкала — все отвлекается мыслью, что нам придется сидеть здесь до пятницы. Что мы будем здесь делать? Вдобавок еще не знаем, что нам есть. Население питается одной только черемшой. Нет ни мяса, ни рыбы; молока нам не дали, а только обещали. За маленький белый хлебец содрали 16 коп. Купил я гречневой крупы и кусочек копченой свинины, велел сварить размазную; не вкусно, но делать нечего, надо есть. Весь вечер искали по деревне, не продаст ли кто курицу, и не нашли... Зато водка есть! Русский человек большая свинья. Если спросить, почему он не ест мяса и рыбы, то он оправдывается отсутствием привоза, путей сообщения и т. п., а водка между тем есть даже в самых глухих деревнях и в количестве, каком угодно. А между тем, казалось бы, достать мясо и рыбу гораздо легче, чем водку, которая и дороже и везти ее труднее. Нет,

должно быть, пить водку гораздо интереснее, чем трудиться ловить рыбу в Байкале или разводить скот.

В полночь пришел пароходишко; ходили смотреть его и кстати спросить, нет ли чего поесть. Нам сказали, что завтра можно будет получить обед, но теперь ночь, кухня не топится и проч. Мы поблагодарили за «завтра» — все-таки надежда! Но увы! Вошел капитан и сказал, что в 4 часа утра пароходишко уходит в Култук. Благодарим! В буфете, где повернуться нельзя — так он мал, выпили мы бутылку кислого пива (35 коп.) и видели на тарелке янтарный бисер — это омулёвая икра. Вернулись домой — и спать. Опротивело мне спать. Каждый день постилаешь себе на полу полушубок шерстью вверх, в голову кладешь скомканное пальто и подушечку, спишь на этих буграх в брюках и в жилетке... Цивилизация, где ты?

Сегодня идет дождь, и Байкал утонул в тумане. «Занимательно!» — сказал бы Семашко. Скучно. Надо бы сесть писать, да в дурную погоду не работается. Скука предвидится немилосердная; будь я один, это бы еще ничего, но со мною поручики и военный доктор, любящие поговорить и поспорить. Понимают мало, но говорят обо всем. Один из поручиков к тому же еще немножко Хлестаков и хвостун. В дороге надо быть непременно одному. Сидеть в повозке или в комнате со своими мыслями гораздо интереснее, чем с людьми. Кроме военных, с нами едет еще ученик Иркутского технического училища Иннокентий Алексеевич, мальчик, похожий на того Неаполитанского, который говорил дэцэм, но умнее и добрее. Взяли мы его, чтобы довести до Читы.

Поздравьте: свой собственный экипаж я продал в Иркутске. Сколько я взял пользы, не скажу, иначе мамаша в обморок упадет и пять ночей не будет спать.

Это письмо Вы получите, должно быть, 20—25 июля, а то и позже. Одно-два письма буду еще адресовать в Сумы, а потом начну посылать в Москву. Но по какому адресу? Надо будет придумать что-нибудь. Свой московский адрес Вы непременно пришлете мне по телеграфу¹, куда? Вам будет известно,

Я очень рад, Маша, что ты побывала в Крыму. Я послал тебе в Ялту телеграмму на имя магазина Асмолова и сидящего в нем караима Синани. Получила ли? Там был ответ Городецкому, который угостил меня длиннейшей телеграммой. Едва ли Городецкий сварит кашу. Во-первых, он писать не умеет и вообще бездарен [...], а во-вторых, путешествие Вышнеградского в Азию не так уж интересно, чтобы стоило «командировать» (т. е. давать прогонные, суточные и проч.) корреспондента.

Будьте здоровехоньки и не скучайте. Где Иван? Ему поклон. Иваненке и Семашке тоже, Жамэ тоже. Линтваревым кланяюсь в ножки за телеграмму.

Туман рассеялся. Вижу облака на горах. Ах, волк те заешь! Кавказ, подумаешь...

До свиданья.

Ваш *Номо Sachaltensis* *

А. Чехов.

220

Е. Я. ЧЕХОВОЙ

20 июня 1890, пароход «Ермак», Амур

20 июнь.

Здравствуйте, милые домочадцы! Наконец-таки я могу снять тяжелые, грязные сапоги, потертые штаны и лоснящуюся от пыли и пота синюю рубаху, могу умыться и одеться по-человечески. Я уже не в тарантасе сижу, а в каюте I класса амурского парохода «Ермак». Перемена такая произошла десятью днями раньше и вот по какой причине. Я писал Вам из Лиственичной, что к Байкальскому пароходу я опоздал, что придется ехать через Байкал не во вторник, а в пятницу и что успею я поэтому к амурскому пароходу только 30 июня. Но судьба капризна и часто устраивает фокусы, каких не ждешь. В четверг утром я пошел прогуляться по берегу Байкала; вижу — у одного из двух пароходишек дымится труба. Спрашиваю, куда идет пароход? Говорят, «за море», в Ключе-

* Сахалинский человек (лат.).

во; какой-то купец нанял, чтобы перевезти на тот берег свой обоз. Нам нужно тоже «за море» и на станцию Боярскую. Спрашиваю: сколько верст от Ключева до Боярской? Отвечают: 27, Бегу к спутникам и прошу их рискнуть поехать в Ключево. Говорю «рискнуть», потому что, поехав в Ключево, где нет ничего, кроме пристани и избушки сторожа, мы рисковали не найти лошадей, засидеться в Ключеве и опоздать к пятницкому пароходу, что для нас было бы пуще Игорева смерти, так как пришлось бы ждать до вторника. Спутники согласились. Забрали мы свои пожитки, веселыми ногами зашагали к пароходу и тотчас же в буфет: ради создателя, супу! Полцарства за тарелку супу! Буфетик препоганенький, выстроенный по системе тесных ватерклозетов, но повар Григорий Иваныч, бывший воронежский дворовый, оказался на высоте своего призвания. Он накормил нас превосходно. Погода была тихая, солнечная. Вода на Байкале бирюзовая, прозрачнее, чем в Черном море. Говорят, что на глубоких местах дно за версту видно; да и сам я видел такие глубины со скалами и горами, утонувшими в бирюзе, что мороз драл по коже. Прогулка по Байкалу вышла чудная, во веки веков не забуду. Только вот что было не хорошо: ехали мы в III классе, а вся палуба была занята обозными лошадьми, которые неистовствовали как бешеные. Эти лошади придавали поездке моей особый колорит: казалось, что я еду на разбойничьем пароходе. В Ключеве сторож взялся довести наш багаж до станции: он ехал, а мы шли позади телеги пешком по живописнейшему берегу. Скотина Левитан, что не поехал со мной. Дорога лесная: направо лес, идущий на гору, налево лес, спускающийся вниз к Байкалу. Какие овраги, какие скалы! Тон у Байкала нежный, теплый. Было, кстати сказать, очень тепло. Пройдя 8 верст, дошли мы до Мысканской станции, где кяхтинский чиновник, проезжий, угостил нас превосходным чаем и где нам дали лошадей до Боярской. Итак, вместо пятницы мы уехали в четверг; мало того, мы на целые сутки вперед ушли от почты, которая забирает обыкновенно на станциях всех лошадей. Стали мы гнать в хвост и гриву, питая

слабую надежду, что к 20-му попадем в Сретенск. О том, как я ехал по берегу Селенги и потом через Забайкалье, расскажу при свидании, а теперь скажу только, что Селенга — сплошная красота, а в Забайкалье я находил все, что хотел: и Кавказ, и долину Псла, и Звенигородский уезд, и Дон. Днем скачешь по Кавказу, ночью — по Донской степи, а утром очнешься от дремоты, глядь, уже Полтавская губерния — и так всю тысячу верст. Верхнеудинск миленький городок, Чита плохой, вроде Сум. О сне и об обедах, конечно, некогда было и думать. Скачешь, меняешь на станциях лошадей и думаешь только о том, что на следующей станции могут не дать лошадей и задержат на 5—6 часов. Делали в сутки 200 верст — больше летом нельзя сделать. Обалдели. Жарища к тому же страшная, а ночью холод, так что нужно было мне сверх суконного пальто надевать кожаное; одну ночь ехал даже в полушубке. Ну-с, ехали, ехали и сегодня утром прибыли в Сретенск, ровно за час до отхода парохода, заплативши ямщикам на двух последних станциях по рублю на чай.

Итак, конно-лошадиное странствие мое кончилось. Продолжалось оно два месяца (выехал я 21 апреля). Если исключить время, потраченное на жел. дороги и пароходы, 3 дня, проведенные в Екатеринбурге, неделю в Томске, день в Красноярске, неделю в Иркутске, два дня у Байкала и дни, потраченные на ожидание лодок во время разлива, то можно судить о быстроте моей езды. Проехал я благополучно, как дай бог всякому. Я ни разу не был болен и из массы вещей, которые при мне, потерял только перочинный нож, ремень от чемодана и баночку с карболовой мазью. Деньги целы. Проехать так тысячи верст редко кому удается.

Я до такой степени свыкся с ездой по тракту, что мне теперь как-то не по себе и не верится, что я не в тарантасе и что не слышно дар-валд́ая. Странно, что, ложась спать, я могу протянуть ноги вовсю и что лицо мое не в пыли. Но всего страннее, что бутылка коньяку, которую дал мне Кувшинников, еще не разбилась

и что коньяк цел до капли. Обещал раскупорить его только на берегу Великого океана.

Плыву по Шилке, которая у Покровской станции, слившись с Аргунью, переходит в Амур. Река — не шире Псла, даже уже. Берега каменистые: утесы да леса. Совсем дичь... Лавируем, чтобы не сесть на мель или не хлопнуться задом о берег. У порогов пароходы и баржи часто хлопаются. Душно. Сейчас останавливались у Усть-Кары, где высадили человек 5—6 каторжных. Тут прииски и каторжная тюрьма.

Вчера был в Нерчинске. Городок не ахти, но жить можно.

Вы-то, судари мои и сударыни, как живете? Положительно ничего не знаю о вас. Сложились бы по гривеннику и прислали подробную телеграмму.

Пароход будет ночевать в Горбице. Ночи здесь туманные, опасно плыть. В Горбице опущу это письмо.

Еду я в I классе, потому что спутники мои едут во II. Ушел от них. Вместе ехали (трое в одном тарантасе), вместе спали и надоели друг другу, особенно они мне.

Поклон и привет всем знакомым моим. Мамаше целую руку. Так как Маша в Крыму, то посылаю сие письмо на имя мамаша. Где Иван? Был ли папаша на Луке 29-го июня?

Почерк у меня преподлый, потрясучий. Это оттого, что пароход трясет. Писать трудно.

Перерыв. Ходил к своим поручикам пить чай. Оба они выспались и в благодушном настроении... Один из них, поручик Шмидт (фамилия, противная для моего уха), пехота, высокий, сытый, горластый курляндец, большой хвостун и Хлестаков, поющий из всех опер, но имеющий слуха меньше, чем копченая селедка, человек несчастный, промотавший прогонные деньги, знающий Мицкевича наизусть, невоспитанный, откровенный не в меру и болтливый до тошноты. Подобно Иваненке, любит рассказывать про своих дядей и теток. Другой поручик, Меллер, топограф, тихий, скромный и вполне интеллигентный малый. Если бы не Шмидт, то с ним можно было бы проехать без скуки

миллион верст, но при Шмидте, вмешивающемся во всякий разговор, и он надоел. Однако к чему вам ручки? Неинтересно. Будьте здоровехоньки. Подходим, кажется, к Горбице.

Линтваревым сердечный привет. Папаше буду писать особо. Алеше из Иркутска послал открытое письмо. До свиданья! Интересно знать, когда дойдет до вас это письмо? Вероятно, через 40 дней, не раньше. Всех обнимаю и благословляю. Соскучился.

Ваш А. Чехов.

Завтра составляю форму телеграммы, которую Вы пришлете мне на Сахалин. Постараюсь в 30 слов вложить все, что мне нужно, а вы постарайтесь строго держаться формы.

Кусаются оводы.

221

М. П. ЧЕХОВОЙ

23—26 июня 1890, от станции Покровской до Благовещенска

23 июнь.

Я писал уже вам, что мы сидим на мели. У Усть-Стрелки, где Шилка сливается с Аргунью (зри карту), пароход, сидящий в воде 2¹/₂ фута, налетел на камень, сделал несколько пробоин и, набрав в трюм воды, сел на дно. Стали выкачивать воду и класть латки; голый матрос лезет в трюм, стоит по шею в воде и нащупывает пятками дыры; всякую дыру покрывают изнутри сукном, вымазанным в сале, кладут сверху доску и ставят на последней подпорку, которая, подобно колонне, упирается в потолок,— вот и починка. Выкачивали с 5 часов вечера до ночи, но вода все не убывала; пришлось отложить работу до утра. Утром нашли еще несколько новых пробоин и опять стали латать и качать. Матросы качают, а мы, публика, гуляем по палубам, судачим, едим, пьем, спим; капитан и его помощник делают то же, что и публика, и не спешат. Направо китайский берег, налево станица Покровская

с амурскими казаками; хочешь — сиди в России, хочешь — поезжай в Китай, запрету нет. Днем жара невыносимая, так что приходится надевать шелковую рубаху.

Обедать дают в 12 часов, ужинать в 7 ч. вечера.

На беду к станции подходит встречный пароход «Вестник» с массою публики. «Вестнику» тоже нельзя идти дальше, и оба парохода сидят сиднем. На «Вестнике» военный оркестр. В результате целое торжество. Вчера весь день у нас на палубе играла музыка, развлекавшая капитана и матросов и, стало быть, мешавшая починять пароход. Женская половина пассажирства совсем повеселела: музыка, офицеры, моряки... ах! Особенно рады институтки. Вечером вчера гуляли по станции, где играла по найму казаков все та же музыка. Сегодня продолжаем починяться. Обещает капитан, что пойдем после обеда, но обещает лениво, глядя куда-то в сторону, — очевидно, врет. Не спешим. Когда я спросил одного пассажира, когда же мы, наконец, пойдем дальше, то он спросил:

— А разве вам здесь плохо?

И то правда. Почему не стоять, коли не скучно?

Капитан, его помощник и агент — верх любезности. Китайцы, сидящие в III классе, добродушны и смешны. Вчера один китаец сидел на палубе и пел дискантом что-то очень грустное; в это время профиль у него был смешнее всяких карикатур. Все глядели на него и смеялись, он — ноль внимания. Попел дискантом и стал петь тенором: боже, что за голос! Это овечье или телячье бляенье [*зачеркнуто*: «а вовсе не пение»]. Китайцы напоминают мне добрых, ручных животных. Косы у них черные, длинные, как у Натальи Михайловны. Кстати о ручных животных; в уборной живет ручная лисица-щенок. Умываешься, а она сидит и смотрит. Если долго не видит людей, то начинает скулить.

Какие странные разговоры! Только и говорят о золоте, о приисках, о Добровольном флоте, об Японии. В Покровской всякий мужик и даже поп добывают золото. Этим же занимаются и поселенцы, которые богатеют здесь так же быстро, как и беднеют. Есть

чуйки, которые не пьют ничего, кроме шампанского, и в кабаки ходят не иначе, как только по кумачу, который расстилается от избы вплоть до кабака.

Осенью вы потрудитесь послать в Одессу в книжный магазин «Нового времени» мою шубу, испросив предварительно разрешения у Суворина,— это из приличия нужно... Калош не нужно. Туда же посылайте письма и свой адрес. Если случатся у вас лишние деньги, то пришлите мне сто рублей на всякий случай в Одессу, в книжный магазин «Нового времени» для передачи мне. Непременно «для передачи», иначе мне придется шляться на почту. Если же денег лишних не будет, то не нужно. Приехав в Москву, рекомендуйте отцу принимать бромистый калий, так как осенью у него бывают головокружения; если будут таковые, то нужно будет поставить за ухом пьювку. Еще что? Попросите Ивана, чтобы он купил у Ильина (Петровские линии) карту Забайкальской области, если можно, на холсте, и послал бы заказною бандеролью по следующему адресу: Иркутск, ученику Технического училища Иннокентию Алексеевичу Никитину. Газеты и письма берегите.

Амур чрезвычайно интересный край. До чертиков оригинален. Жизнь тут кипит такая, о какой в Европе и понятия не имеют. Она, т. е. эта жизнь, напоминает мне рассказы из американской жизни. Берега до такой степени дики, оригинальны и роскошны, что хочется навеки остаться тут жить. Последние строчки пишу уж 25 июня. Пароход дрожит и мешает писать. Опять плывем. Проплыл я уже по Амуру 1000 верст и видел миллион роскошнейших пейзажей; голова кружится от восторга. Видел я такой утес, что если бы у подножья его Гундасова вздумала окисляться, то она бы умерла от удовольствия, и если бы мы с Софьей Петровной Кувшинниковой во главе устроили здесь пикник, то могли бы сказать друг другу: умри, Денис, лучше не напишешь¹. Удивительная природа. А как жарко! Какие теплые ночи! Утром бывает туман, но теплый.

Я осматриваю берега в бинокль и вижу чертову

пропасть уток, гусей, гагар, цапель и всяких бестий с длинными носами. Вот бы где дачу нанять!

Вчера в местечке Рейнове пригласил меня к больной жене некий золотопромышленник. Когда я уходил от него, он сунул мне в руку пачку ассигнаций. Мне стало стыдно, я начал отказываться и сунул деньги назад, говоря, что я сам очень богат; разговаривали долго, убеждая друг друга, и все-таки в конце концов у меня в руке осталось 15 рублей. Вчера же в моей каюте обедал золотопромышленник с лицом Пети Полеваева; за обедом он вместо воды пил шампанское и угощал им нас.

Деревни здесь такие же, как на Дону; разница есть в постройках, но не важная. Жители не исполняют постов и едят мясо даже в страстную неделю; девки курят папиросы, а старухи трубки—это так принято. Странно бывает видеть мужичек с папиросами. А какой либерализм! Ах, какой либерализм!

На пароходе воздух накаляется докрасна от разговоров. Здесь не боятся говорить громко. Арестовывать здесь некому и ссылать некуда, либеральничай сколько влезет. Народ все больше независимый, самостоятельный и с логикой. Если случается какое-нибудь недоразумение в Усть-Каре, где работают каторжные (между ними много политических, которые не работают), то возмущается весь Амур. Доносы не приняты. Бежавший политический свободно может проехать на пароходе до океана, не боясь, что его выдаст капитан. Это объясняется отчасти и полным равнодушием ко всему, что творится в России. Каждый говорит: какое мне дело?

Я забыл Вам написать, что в Забайкалье ямщики не русские, а бурята. Смешной народ. Лошади у них аспиды. Ни одна запряжка не обходилась без недоразумений. Бешеное пожарных лошадей. Пока пристяжную запрягают, у нее спутаны ноги; едва распутали, как тройка уж летит к черту, так что дух захватывает. Если лошадь не спутаешь, то во время упряжки она брыкается, долбит копытами по оглоблям, рвет сбрую и дает впечатление молодого черта, которого поймали за рога.

26 июня. Подъезжаем к Благовещенску. Будьте здоровы и веселы и не отвыкайте от меня. Небось уж отвыкли? Кланяюсь всем низко и всех дружески лобызаю.

Antoine.

Я совершенно здоров.

222

А. С. СУВОРИНУ

27 июня 1890, Благовещенск

27 июнь. Благовещенск.

Здравствуйте, драгоценный мой! Амур очень хорошая река; я получил от него больше, чем мог ожидать, и давно уже хотел поделиться с Вами своими восторгами, но канальский пароход дрожал все семь дней и мешал писать. К тому же еще описывать такие красоты, как амурские берега, я совсем не умею; пасую перед ними и признаю себя нищим. Ну как их опишешь? Представьте себе Сурамский перевал, который заставили быть берегом реки,— вот Вам и Амур. Скалы, утесы, леса, тысячи уток, цапель и всяких носатых каналов, и сплошная пустыня. Налево русский берег, направо китайский. Хочу на Россию гляжу, хочу — на Китай. Китай так же пустынен и дик, как и Россия: села и сторожевые избушки попадаются редко. В голове у меня все перепуталось и обратилось в порошок; и не мудрено, Ваше превосходительство! Проплыл я по Амуру больше тысячи верст и видел миллионы пейзажей, а ведь до Амура были Байкал, Забайкалье... Право, столько видел богатства и столько получил наслаждений, что и помереть теперь не страшно. Люди на Амуре оригинальные, жизнь интересная, не похожая на нашу. Только и разговора что о золоте. Золото, золото и больше ничего. У меня глупое настроение, писать не хочется, и пишу я коротко, по-свински; сегодня послал Вам четыре листка об Енисее и тайге, потом пришлю о Байкале, Забайкалье и Амуре¹. Вы не бросайте эти листки, я соберу их и по ним, как по нотам, буду рас-

сказывать то, что не умею передать на бумаге. Теперь я пересел на пароход «Муравьев», который, говорят, не дрожит; авось буду писать.

Я в Амур влюблен; охотно бы пожил на нем года два. И красиво, и просторно, и свободно, и тепло. Швейцария и Франция никогда не знали такой свободы. Последний ссыльный дышит на Амуре легче, чем самый первый генерал в России. Если бы Вы тут пожили, то написали бы очень много хорошего и увлекли бы публику, а я не умею.

Китайцы начинают встречаться с Иркутска, а здесь их больше, чем мух. Это добродушнейший народ.[...]

С Благовещенска начинаются японцы, или, вернее, японки. Это маленькие брюнетки, с большой мудреной прической, с красивым туловищем и, как мне показалось, с короткими бедрами. Одеваются красиво. В языке их преобладает звук «тц» [...].

Когда я одного китайца позвал в буфет, чтобы угостить его водкой, то он, прежде чем выпить, протягивал рюмку мне, буфетчику, лакеям и говорил: кусай! Это китайские церемонии. Пил он не сразу, как мы, а глоточками, закусывал после каждого глотка, и потом, чтобы поблагодарить меня, дал мне несколько китайских монет. Ужасно вежливый народ. Одеваются бедно, но красиво, едят вкусно, с церемониями.

Китайцы возьмут у нас Амур — это несомненно. Сами они не возьмут, но им отдадут его другие, например, англичане, которые в Китае губернаторствуют и крепость строят. По Амuru живет очень насмешливый народ; все смеются, что Россия хлопочет о Болгарии, которая гроша медного не стоит, и совсем забыла об Амуре. Не расчетливо и не умно. Впрочем, о политике после, при свидании.

Вы телеграфируете, чтобы я возвращался через Америку. Я и сам об этом думал. Но пугают, что это дорого обойдется. Перевод денег можно устраивать не только в Нью-Йорк, но и во Владивосток, через Иркутск, Сибирский банк, где меня принимали ужасно любезно. Деньги у меня еще не вышли, хотя я трачу безбожно. На коляске я потерпел больше 160 рублей убытку, и спутники мои поручики взяли у меня боль-

ше ста рублей. Но едва ли все-таки понадобится перевод. Если будет нужда, то обращусь к Вам своевременно. Я совершенно здоров. Судите сами, ведь уж больше двух месяцев я пребываю день и ночь под открытым небом. А сколько гимнастики!

Спешу писать сие, ибо через час уходит «Ермак» обратно с почтой. Это письмо придет к Вам в августе. Анне Ивановне целую руку и молю небеса об ее здравии и благополучии. Был ли у Вас Иван Павлович Казанский, молодой студент, наводящий тоску своими выглаженными панталонами?

По пути я практикую. В местечке Рейнове на Амуре, где живут одни только золотопромышленники, некий муж пригласил меня к своей беременной жене. Когда я уходил от него, он сунул мне в руку пачечку ассигнаций; мне стало стыдно, и я начал отказываться, уверяя, что я очень богатый человек и не нуждаюсь. Супруг пациентки стал уверять, что он тоже очень богатый человек. Кончилось тем, что я сунул ему обратно пачечку и у меня все-таки осталось в руке 15 рублей.

Вчера лечил мальчика и отказался от 6 рублей, которые маменька совала мне в руку. Жалею, что отказался.

Будьте здоровы и счастливы. Извините, что пишу так скверно и не подробно. Писали ли Вы мне на Сахалин?

Купаюсь в Амуре. Выкупаться в Амуре, беседовать и обедать с золотыми контрабандистами — это ли не интересно? Бегу на «Ермак». До свиданья! Спасибо за известие о семье.

Ваш А. Чехов.

223

А. С. СУВОРНУ

11 сентября 1890. Пароход «Байкал», Татарский пролив

11 сентября. Пароход «Байкал».

Здравствуйте! Плыву по Татарскому проливу из Северного Сахалина в Южный. Пишу и не знаю, когда это письмо дойдет до Вас. Я здоров, хотя со всех

сторон глядит на меня зелеными глазами холера, которая устроила мне ловушку. Во Владивостоке, Японии, Шанхае, Чифу, Суэце и, кажется, даже на луне — всюду холера, везде карантин и страх. На Сахалине ждут холеру и держат суда в карантине. Одним словом, дело табак. Во Владивостоке мрут европейцы, умерла, между прочим, одна генеральша.

Прожил я на Сев. Сахалине ровно два месяца. Принят я был местной администрацией чрезвычайно любезно, хотя Галкин не писал обо мне ни слова¹. Ни Галкин, ни баронесса Выхухоль², ни другие гении, к которым я имел глупость обращаться за помощью, никакой помощи мне не оказали; пришлось действовать на собственный страх.

Сахалинский генерал Кононович интеллигентный и порядочный человек. Мы скоро спелись, и все обошлось благополучно. Я привезу с собою кое-какие бумаги, из которых Вы увидите, что условия, в которые я был поставлен с самого начала, были благоприятнейшими³. Я видел *все*; стало быть, вопрос теперь не в том, *что* я видел, а *как* видел.

Не знаю, что у меня выйдет, но сделано мною не мало. Хватило бы на три диссертации. Я вставал каждый день в 5 часов утра, ложился поздно и все дни был в сильном напряжении от мысли, что мною многое еще не сделано, а теперь, когда уже я покончил с каторгою, у меня такое чувство, как будто я видел все, но слона-то и не приметил.

Кстати сказать, я имел терпение сделать перепись всего сахалинского населения. Я объездил все поселения, заходил во все избы и говорил с каждым; употреблял я при переписи карточную систему, и мною уже записано около десяти тысяч человек каторжных и поселенцев⁴. Другими словами, на Сахалине нет ни одного каторжного или поселенца, который не разговаривал бы со мной. Особенно удалась мне перепись детей, на которую я возлагаю немало надежд.

У Ландсберга я обедал, у бывшей баронессы Гембрук сидел в кухне... Был у всех знаменитостей. Присутствовал при наказании плетьюми, после чего ночи три-четыре мне снился палач и отвратительная кобы-

ла. Беседовал с прикованными к тачкам. Когда однажды в руднике я пил чай, бывший петербургский купец Бородавкин, присланный сюда за поджог, вынул из кармана чайную ложку и подал ее мне, а в итоге я расстроил себе нервы и дал себе слово больше на Сахалин не ездить.

Написал бы Вам больше, но в каюте сидит барыня, неугомонно хохочущая и болтающая. Нет сил писать. Хохочет и трещит она со вчерашнего вечера.

Это письмо пойдет через Америку, а я поеду, должно быть, не через Америку. Все говорят, что американский путь дороже и скучнее.

Завтра я буду видеть издали Японию, остров Матсмай. Теперь 12-й час ночи. На море темно, дует ветер. Не пойму, как это пароход может ходить и ориентироваться, когда зги не видно, да еще в таких диких, мало известных водах, как Татарский пролив.

Когда вспоминаю, что меня отделяет от мира 10 тысяч верст, мною овладевает апатия. Кажется, что приеду домой через сто лет.

Нижайший поклон и сердечный привет Анне Ивановне и всем Вашим. Дай бог счастья и всего хорошего.

Ваш А. Чехов.

Скучно.

224

Е. Я. ЧЕХОВОЙ

6 октября 1890, пост Корсаковский

Ю. Сахалин. 6 октябрь.

Здравствуйте, дорогая Мама! Пишу вам это письмо почти накануне отъезда своего в Россию¹. Со дня на день ждем парохода Добровольного флота и уповаем, что придет он не позже 10 октября. Это письмо я посылаю в Японию, откуда оно пойдет к вам через Шанхай или Америку. Живу я в Корсаковском посту, где нет ни телеграфа, ни почты и куда заходят корабли не чаще одного раза в две недели. Вчера пришел пароход и привез мне с севера кучу писем и телеграмм. Из писем узнал я, что Маше понравился

Крым; думаю, что Кавказ ей больше понравится; узнал, что Иван никак не может сварить своей учительской каши, колеблясь семо и овамо*. Где он теперь? Во Владимире? Узнал, что Михайло, слава богу, все лето не имел места и жил поэтому дома, что вы были во Святых Горах, что на Луке было скучно и дождливо. Странное дело! У вас дождливо и холодно, на Сахалине же с самого моего приезда до сегодня стоит ясная, теплая погода; легкие холода с инеем случаются по утрам, снег белеет на одной из гор, но земля еще зеленая, листья не осыпались и все в природе обстоит благополучно, точно в мае на даче. Вот вам и Сахалин! Узнал я также из писем, что в Бабкине было превосходное лето, что Суворин очень доволен своим домом, что Немировичу-Данченко скучно, что у Ежова бедняги умерла жена, что, наконец, Иваненко переписывается с Жамэ и что Кундасова исчезла неизвестно куда. Иваненко будет убит мною, а Кундасова, вероятно, опять уж шагает по улицам, размахивает руками и величает всех мразью, а потому я не троплюсь оплакивать ее.

Вчера в полночь я услышал рев парохода. Все повскакивали с постелей: ура, пароход пришел! Оделись, пошли с фонарями к пристани; смотрим вдаль — в самом деле огни парохода. Большинством голосов решили, что это «Петербург», на котором я поеду в Россию. Я обрадовался. Сели мы на лодку и поплыли к пароходу... Плыли,плыли, наконец видим в тумане темный корпус парохода; один из нас кричит хриплым голосом: «Что за судно?» И получаем ответ: «Байкал!» Тыфу ты, анафема, какое разочарование! Я соскучился, и Сахалин мне надоел. Ведь вот уж три месяца, как я не вижу никого, кроме каторжных или тех, которые умеют говорить только о каторге, плетях и каторжных. Унылая жизнь. Хочется поскорее в Японию, а оттуда в Индию.

Я здоров, если не считать мерцанья в глазу, которое бывает теперь у меня часто и после которого у меня каждый раз сильно болит голова. Мерцание

* туда и сюда (церковнослав.).

в глазу было и вчера и сегодня, и потому пишу я это письмо с головной болью и с тяжестью во всем теле. Геморрой тоже дает себя чувствовать.

В Корсаковском посту живет японский консул Кузе-Сан со своими двоими секретарями — мои хорошие знакомые. Живут по-европейски. Сегодня местная администрация ездила к ним во всем параде вручать пожалованные им ордена; и я тоже ездил со своей головною болью и должен был пить шампанское.

Живя на юге, раза три ездил из Корсаковского поста в Най-бучи, где хлещет настоящая океанская волна. Зрите карту и восточный берег южной части — тут найдете это унылое, бедное Най-бучи. Волны выбросили лодку с шестью американцами-китобоями, потерпевшими крушение у сахалинских берегов; живут они теперь в посту и солидно разгуливают по улицам; ждут «Петербурга» и уплывут вместе со мной.

В начале сентября я послал вам письмо через С.-Франциско. Получили?

Поклон папаше, братьям, Маше, тете с Алехой, Марьюшке, Иваненке и всем знакомым. Меха не привезу; нет их на Сахалине. Будьте здоровы, да хранит вас всех

ваш *Anton*.

Всем привезу подарки. Холера во Владивостоке и в Японии прекратилась.

225

А. С. СУВОРИНУ

9 декабря 1890, Москва

9 декабрь, Москва
Малая Дмитровка, дом Фирганг.

Здравствуйте, мой драгоценный! Ура! Ну вот, наконец, я опять сижу у себя за столом, молюсь своим линияющим пенатам и пишу к Вам. У меня теперь такое хорошее чувство, как будто я совсем не уезжал из дома. Здоров и благополучен до мозга костей. Вот Вам кратчайший отчет. Пробыл я на Сахалине не 2 месяца, как напечатано у Вас¹, а 3 плюс 2 дня.

466

Работа у меня была напряженная; я сделал полную и подробную перепись всего сахалинского населения и видел *все*, кроме смертной казни. Когда мы увидимся, я покажу Вам целый сундук всякой каторжной всячины, которая, как сырой материал, стоит чрезвычайно дорого. Знаю я теперь очень многое, чувство же привез я с собою нехорошее. Пока я жил на Сахалине, моя утроба испытывала только некоторую горечь, как от прогорклого масла, теперь же, по воспоминаниям, Сахалин представляется мне целым адом. Два месяца я работал напряженно, не щадя живота, в третьем же месяце стал изнемогать от помянутой горечи, скуки и от мысли, что из Владивостока на Сахалин идет холера и что я таким образом рискую прозимовать на каторге. Но, слава небесам, холера прекратилась, и 13 октября пароход увез меня из Сахалина. Был я во Владивостоке. О Приморской области и вообще о нашем восточном побережье с его флотами, задачами и тихоокеанскими мечтаниями скажу только одно: вопиющая бедность! Бедность, невежество и ничтожество, могущие довести до отчаяния. Один честный человек на 99 воров, оскверняющих русское имя... Японию мы миновали, ибо в ней холера; посему я не купил Вам ничего японского, и 500 рублей, выданные мне на покупки, истратил на собственные нужды, за что Вы по закону имеете право сослать меня в Сибирь на поселение. Первым заграничным портом на пути моем был Гонг-Конг. Бухта чудная, движение на море такое, какого я никогда не видел даже на картинках; прекрасные дороги, конки, железная дорога на гору, музеи, ботанические сады, куда ни взглянешь, всюду видишь самую нежную заботливость англичан о своих служащих, есть даже клуб для матросов. Ездил я на дженерихче, т. е. на людях, покупал у китайцев всякую дребедень и возмущался, слушая, как мои спутники — россияне бранят англичан за эксплуатацию инородцев. Я думал: да, англичанин эксплуатирует китайцев, сипаев, индусов, но зато дает им дороги, водопроводы, музеи, христианство, вы тоже эксплуатируете, но что вы даете?

Когда вышли из Гонг-Конга, нас начало качать.

Пароход был пустой и делал размахи в 38 градусов, так что мы боялись, что он опрокинется. Морской болезни я не подвержен — это открытие меня приятно поразило. По пути к Сингапуру бросили в море двух покойников. Когда глядишь, как мертвый человек, завороченный в парусину, летит, кувыркаясь, в воду, и когда вспоминаешь, что до дна несколько верст, то становится страшно и почему-то начинает казаться, что сам умрешь и будешь брошен в море. Заболел у нас рогатый скот. По приговору доктора Щербака и Вашего покорнейшего слуги, скот убили и бросили в море.

Сингапур я плохо помню, так как, когда я объезжал его, мне почему-то было грустно; я чуть не плакал. Затем следует Цейлон — место, где был рай. Здесь в раю я сделал больше 100 верст по железной дороге и по самое горло насытился пальмовыми лесами и бронзовыми женщинами [...]. От Цейлона безостановочно плыли 13 суток и обалдели от скуки. Жару выношу я хорошо. Красное море уныло; глядя на Синай, я умилялся.

Хорош божий свет. Одно только не хорошо: мы. Как мало в нас справедливости и смирения, как дурно понимаем мы патриотизм! Пьяный, истасканный забулдыга-муж любит свою жену и детей, но что толку от этой любви? Мы, говорят в газетах, любим нашу великую родину, но в чем выражается эта любовь? Вместо знаний — нахальство и самомнение паче меры, вместо труда — лень и свинство, справедливости нет, понятие о чести не идет дальше «чести мундира», мундира, который служит обыденным украшением наших скамей для подсудимых. Работать надо, а все остальное к черту. Главное — надо быть справедливым, а остальное все приложится.

Мне страстно хочется поговорить с Вами. Душа у меня кипит. Никого не хочу, кроме Вас, ибо с Вами только и можно говорить. Плещеева к черту. Актеров тоже к черту.

Ваши телеграммы получал я в невозможном виде. Все перевраны.

Я ехал из Владивостока до Москвы с сыном баронессы Иксуль (она же Выхухоль), морским офицером². Маменька остановилась в «Славянском базаре». Сейчас поеду к ней, зовет зачем-то. Она хорошая женщина, по крайней мере сын от нее в восторге, а сын чистый и честный мальчик.

Как я рад, что все обошлось без Галкина-Враского! Он не написал обо мне ни одной строчки, и я явился на Сахалин совершенным незнакомцем.

Когда я увижу Вас и Анну Ивановну? Что Анна Ивановна? Напишите подробнее обо всем, ибо я едва ли попаду к Вам раньше праздников. Насте и Боре поклон; в доказательство, что я был на каторге, я, когда приеду к вам, брошусь на них с ножом и закричу диким голосом. Анне Ивановне я подожду ее комнату, а бедному прокурору Косте буду проповедовать возмутительные идеи.

Крепко обнимаю Вас и весь Ваш дом, за исключением Жителя и Буренина, которым прошу только кланяться и которых давно бы уже пора сослать на Сахалин.

О Маслове часто приходилось говорить со Щербакком. Мне Маслов очень симпатичен.

Будьте хранимы небом.

Ваш А. Чехов.

226

И. Л. ЛЕОНТЬЕВУ-ЩЕГЛОВУ

10 декабря 1890, Москва

10 декабря, Москва,
Малая Дмитровка, д. Фирганг.

Здравствуйте, милый Жан! Волею судеб скатившаяся звезда опять вернулась в Ваше созвездие. Опять я в Москве и пишу к Вам. Еще раз здравствуйте!

Описывать свое путешествие и пребывание на Сахалине не стану, ибо описание, даже кратчайшее, вышло бы в письме бесконечно длинным. Скажу только, что я доволен по самое горло, сыт и очарован до такой

степени, что ничего больше не хочу и не обиделся бы, если бы трахнул меня паралич или унесла на тот свет дизентерия. Могу сказать: *пожил! Будет с меня.* Я был и в аду, каким представляется Сахалин, и в раю, т. е. на острове Цейлоне. Какие бабочки, букашки, какие мушки, таракашки!

Путешествие, особенно через Сибирь, похоже на тяжелую, затяжную болезнь; тяжело ехать, ехать и ехать, но зато как легки и воздушны воспоминания обо всем пережитом!

На Сахалине я прожил 3 месяца и 3 дня. О результатах своих сахалинских работ сообщу при свидании, а теперь давайте поговорим о текущих событиях. Правда ли, что *Плещев* получил наследство в два миллиона? Как Ваше здоровье и что Вы пишете и каковы Ваши литературные планы? Вы развелись с бабушкой и с Петербургской стороной... Поздравляю с новой эрой. Дай боже Вам на новоселье всякого благополучия.

Все время я был здоров, в Архипелаге же, где нас штормовало и дул холодный норд-ост, я простудился; теперь кашляю, бесконечно сморкаюсь и по вечерам чувствую жар. Надо полечиться.

Мои сияют от радости.

Ах, ангел мой, если б Вы знали, каких милых зверей привез я с собой из Индии! Это — мангусы, величиною с средних лет котенка, очень веселые и шустрые звери. Качества их: отвага, любопытство и привязанность к человеку. Они выходят на бой с гремучей змеей и всегда побеждают, никого и ничего не боятся; что же касается любопытства, то в комнате нет ни одного узелка и свертка, которого бы они не развернули; встречаясь с кем-нибудь, они прежде всего лезут посмотреть в карманы: что там? Когда остаются одни в комнате, *начинают плакать*. Право, стоит приехать из Петербурга, чтобы посмотреть их.

Иду к тетке¹ повидаться. Будьте здоровы.

В Петербурге буду, должно быть, не раньше Нового года. Вашей жене мой душевный привет.

Ваш А. Чехов.

Семья кланяется.

Н. А. ЛЕЙКИНУ

10 декабря 1890, Москва

10 декабря, Москва,
Малая Дмитровка, д. Фирганг.

В доказательство того, что я был на каторжном Сахалине, посылаю Вам, добрейший Николай Александрович, прилагаемый при сем документ красного цвета¹. Это Вам маленький, грошовый подарок за то большое удовольствие, какое мне доставляли Ваши письма. Получил я от Вас на Сахалине 3 письма: одно от 8 июля, другое от 5-го и третье от 6-го августа. Не отвечал на них по той причине, что ответ мой был бы получен Вами гораздо позже, чем это письмо. Почта в Сибири аспидская.

Привез я с собою материала для разговоров видимо-невидимо, так что льщу себя надеждою, могу быть интересным собеседником в продолжение целого месяца. Я проехал на лошадях всю Сибирь, плыл 11 дней по Амуру, плавал по Татарскому проливу, видел китов, прожил на Сахалине 3 месяца и 3 дня, сделал перепись всему сахалинскому населению, чего ради исходил все тюрьмы, дома и избы, обедал у Ландсберга, пил чай с Бородавкиным и проч. и проч.; затем на обратном пути, минуя холерную Японию, я заезжал в Гонг-Конг, Сингапур, Коломбо на Цейлоне, Порт-Саид и проч. и проч. Морской болезни я не подвержен, а потому плавание было для меня вполне благополучным. Из Цейлона и привез с собою в Москву зверей, самку и самца, перед которыми пасуют даже Ваши таксы и превосходительный Апель Апельич. Имя сим зверям — мангус. Это помесь крысы с крокодилом, тигром и обезьяной. Сейчас они сидят в клетке, куда посажены за дурное поведение: они переворачивают чернильницы, стаканы, выгребают из цветочных горшков землю, тормозат дамские прически, вообще ведут себя, как два маленьких черта, очень

любопытных, отважных и нежно любящих человека. Мангусов нет нигде в зоологических садах, они редкость. Брем никогда не видел их и описал со слов других под именем «мунго». Приезжайте посмотреть на них.

Во все время путешествия я был здоров; в Архипелаге, где подул вдруг холод, я простудился и теперь кашляю, лихоражу и изображаю собою сплошной насморк.

Ну, как Вы живете, как Ваши дела? Напишите все подробно. Напишите кстати, что это за история с рецензентами, о которой Вы сообщали в одном из своих писем?² Что подельывает Билибин? Поклонитесь ему, пожалуйста.

Живу я теперь на Малой Дмитровке; улица хорошая, дом особнячок, два этажа. Пока не скучно, но скука уж заглядывает ко мне в окно и грозит пальцем. Буду усиленно работать, но ведь единую работою не может быть сыт человек.

Сейчас принял касторки. Бррр!

Мороз после тропиков кажется мне стоградусным. Зябну. Поклонитесь Прасковье Никифоровне и Феде и пожелайте им всего хорошего. Если вышла у Вас в мое отсутствие новая книга, то пришлите.

Ну, будьте здоровы и благополучны, да хранят Вас небеса, не те серые, которые нависли теперь над Петербургской стороной, а настоящие, где живут святые угодники.

Ваш А. Чехов.

228

А. С. СУВОРИНУ

17 декабря 1890, Москва

17 декабрь.

Милый мой, сейчас я телеграфировал, что рассказ будет. У меня есть подходящий рассказ, но он длинен и узок, как сколопендра, его нужно маленько почистить и переписать¹. Пришлю непременно, ибо я теперь человек, который не ленивый и трудящийся.

Фигура Плещеева с его двухмиллионным наслед-

ством представляется мне комичной. Посмотрим, как он потащит на буксире свои миллионы! На какой дьявол они ему? Чтобы курить сигары, съедать по 50 сладких пирожков в день и пить зельтерскую воду, достаточно и трех рублей суточных.

Привез я с собой около 10 тысяч статистических карточек и много всяких бумаг. Я хотел бы быть женат теперь на какой-нибудь толковой девице, чтобы она помогла мне разбираться в этом хламе, на сестру же взваливать сию работу совестно, ибо у нее и так работы много.

У меня растет брюшко [...]. После тропиков простудился: кашель, жар по вечерам и голова болит.

Григорович никогда не был дворником на Песках, потому так дешево и ценит царство небесное. Врет он.

Мне кажется, что жить вечно было бы так же трудно, как всю жизнь не спать.

Если в царстве небесном солнце заходит так же хорошо, как в Бенгальском заливе, то, смею Вас уверить, царство небесное очень хорошая штука.

Содержание рассказа Беллами мне рассказывал на Сахалине генерал Кононович; частицу этого рассказа я прочел, ночуя где-то в Южном Сахалине. Теперь, когда приеду в Питер, прочту его целиком².

Скажите, когда Лейкина произведут в действительные статские советники? Эта литературная белужина пишет мне: «летом я сбавил себе 16 фунтов веса», пишет про индеек, про литературу и капусту. Тон писем удивительно ровный, покойный.

Когда приеду, буду рассказывать Вам все с самого начала. Как Вы были неправы, когда советовали мне не ехать на Сахалин! У меня и брюшко теперь, и [...] милая, и мириады мошек в голове, и чертова пропасть планов, и всякие штуки, а какой кислятиной я был бы теперь, если бы сидел дома. До поездки «Крейцера соната» была для меня событием, а теперь она мне смешна и кажется бестолковой. Не то я возмужал от поездки, не то с ума сошел — черт меня знает.

Познакомился с д-ром Щербаком. По-моему, это замечательный человек. Там, где он служит, все его

любят, а я с ним почти подружился. В прошлом у него такая каша, что сам черт увязнет в ней.

Ну, будьте здоровы и не придавайте значения Вашим недугам: серьезного, если судить по письму, ничего. Если хватит тиф или воспаление легкого, тогда другое дело.

Ваш А. Чехов.

229

И. Л. ЛЕОНТЬЕВУ-ЩЕГЛОВУ

26 декабря 1890, Москва

26 декабря.

Поздравляю Вас, капитан, с праздником и желаю Вам всего того, что чину Вашему и таланту приличествует.

Спешу извиниться. В одном из своих писем Вы выразили желание, чтобы который-либо из моих мангусов был назван Жаном Щегловым. Такое желание слишком лестно и для мангуса и для Индии, но, к сожалению, оно опоздало: мангусы уже имеют имена. Один мангус зовется Сволочью — так, любя, прозвали его матросы; другой, имеющий очень хитрые, жульнические глаза, именуется Виктором Крыловым; третья, самочка, робкая, недовольная и вечно сидящая под рукомойником, зовется Омутовой.

Московский воздух трещит: 24 градуса. Рассчитывал поехать завтра в деревню к Коклену Младшему¹, но помешает мороз. А уехать мне надо: чувствую себя не совсем здоровым.

Однако сколько Вы за одно лето надрызгали пьес! Это не творчество, а пьянство! Если б моя власть, то я за такое пристрастие к кулисам в ущерб художеству предал бы Вас военно-полевому суду или же по меньшей мере сослал бы Вас административным порядком в Вилуйск. Театр полезное учреждение, но не настолько, чтобы хорошие беллетристы отдавали ему $\frac{9}{10}$ своей потенции.

Хотелось бы побывать у Вас на именинах и выпить с Вами.

Сообщите мне адрес Баранцевича. Если увидите сего человека, то поклонитесь ему.

Будьте здоровехоньки, милый Жан. Мангусы и мое семейство поздравляют Вас и кланяются.

Я приветствую Вашу жену и прошу передать ей тысячу самых лучших пожеланий.

Ваш А. Чехов.

230

М. П. ЧЕХОВОЙ

14 января 1891, Петербург

Я утомлен, как балерина после пяти действий и восьми картин. Обеды, письма, на которые лень отвечать, разговоры и всякая чепуха. Сейчас надо ехать обедать на Васильевский остров, а мне скучно, и надо работать. Поживу еще три дня, посмотрю, если балет будет продолжаться, то уеду домой или к Ивану в Судорогу¹.

Меня окружает густая атмосфера злого чувства, крайне неопределенного и для меня непонятного. Меня кормят обедами и поют мне пошлые дифирамбы и в то же время готовы меня съесть. За что? Черт их знает. Если бы я застрелился, то доставил бы этим большое удовольствие девяти десятым своих друзей и почитателей. И как мелко выражают свое мелкое чувство! Буренин ругает меня в фельетоне², хотя нигде не принято ругать в газетах своих же сотрудников; Маслов (Бежецкий) не ходит к Сувориным обедать; Щеглов рассказывает все ходящие про меня сплетни и т. д. Все это ужасно глупо и скучно. Не люди, а какая-то плесень.

Я напал на след Дришки³. Она живет в том же доме, где и я. Завтра увижусь с ней.

Моя «Детвора» вышла вторым изданием⁴.

По этому случаю получил 100 руб.

Здоров. Ложусь поздно...

С Сувориным я говорил о тебе: ты у него служить не будешь — такова моя воля. Он тебе симпатизирует страшно, а в Кундасову влюблен.

Поклон Лидии Егоровне Мизюковой. Жду от нее программ⁵. Скажи ей, чтобы она не ела мучного и избегала Левитана. Лучшего поклонника, как я, ей не найти ни в думе, ни в высшем свете.

Пришел Щеглов.

Вчера приходил Григорович; долго целовал меня, врал и все просил рассказать ему про японок.

Приехал Иракий. Нужно поговорить с ним, а телефон испортился.

Кланяюсь всем.

Твой А. Чехов.

231

А. Ф. КОНИ

26 января 1891, Петербург

26 январь

Милостивый государь
Анатолий Федорович!

Я не спешил отвечать на Ваше письмо, потому что уезжаю из Петербурга не раньше субботы.

Я жалею, что не побывал у г-жи Нарышкиной, но мне кажется, лучше отложить визит к ней до выхода в свет моей книжки, когда я свободнее буду обращаться среди материала, который имею. Мое короткое сахалинское прошлое представляется мне таким громадным, что когда я хочу говорить о нем, то не знаю, с чего начать, и мне всякий раз кажется, что я говорю не то, что нужно.

Положение сахалинских детей и подростков я постараюсь описать подробно¹. Оно необычайно. Я видел голодных детей, видел тринадцатилетних содержанок, пятнадцатилетних беременных. Проституцией начинают заниматься девочки с 12 лет, иногда до наступления менструаций. Церковь и школа существуют только на бумаге, воспитывают же детей среда и каторжная обстановка. Между прочим, у меня записан разговор с одним десятилетним мальчиком. Я делал перепись в селении Верхнем Армудане; поселенцы все поголовно нищие и слывут за отчаянных игроков

в штос. Вхожу в одну избу: хозяев нет дома; на скамье сидит мальчик беловолосый, сутулый, босой; о чем-то призадумался. Начинаем разговор:

Я. Как по отчеству величают твоего отца?

Он. Не знаю.

Я. Как же так? Живешь с отцом и не знаешь, как его зовут? Стыдно.

Он. Он у меня не настоящий отец.

Я. Как так — не настоящий?

Он. Он у мамки сожитель.

Я. Твоя мать замужняя или вдова?

Он. Вдова. Она за мужа пришла.

Я. Что значит — за мужа?

Он. Убила.

Я. Ты своего отца помнишь?

Он. Не помню. Я незаконный. Меня мамка на Каре родила.

Со мной в амурском пароходе ехал на Сахалин арестант в ножных кандалах, убивший свою жену. При нем находилась дочь, девочка лет шести, сиротка. Я замечал, когда отец с верхней палубы спускался вниз, где был ватерклозет, за ним шли конвойные и дочь; пока тот сидел в ватерклозете, солдат с ружьем и девочка стояли у двери. Когда арестант, возвращаясь назад, взбирался вверх по лестнице, за ним карабкалась девочка и держалась за его кандалы. Ночью девочка спала в одной куче с арестантами и солдатами. Помнится, был я на Сахалине на похоронах. Хоронили жену поселенца, уехавшего в Николаевск. Около вырытой могилы стояли четыре каторжных носильщика — *ex officio* *, я и казначей в качестве Гамлета и Горацио, бродивших по кладбищу, черкес — жилец покойницы — от нечего делать и баба каторжная; эта была тут из жалости: привела двух детей покойницы — одного грудного и другого Алешку, мальчика лет четырех в бабьей кофте и в синих штанах с яркими латками на коленях. Холодно, сыро, в могиле вода, каторжные смеются. Видно море. Алешка с любопытством смотрит в могилу; хочет вытереть

* по служебной обязанности (лат.).

озябший нос, но мешают длинные рукава кофты. Когда закапывают могилу, я его спрашиваю:

— Алешка, где мать?

Он машет рукой, как проигравшийся помещик, смеется и говорит:

— Закопали!

Каторжные смеются; черкес обращается к нам и спрашивает, куда ему девать детей, он не обязан их кормить.

Инфекционных болезней я не встречал на Сахалине, врожденного сифилиса очень мало, но видел я слепых детей, грязных, покрытых сыпями,— все такие болезни, которые свидетельствуют о забросе.

Решать детского вопроса, конечно, я не буду. Я не знаю, что нужно делать. Но мне кажется, что благотворительностью и остатками от тюремных и иных сумм тут ничего не поделаешь; по-моему, ставить вопрос в зависимость от благотворительности, которая в России носит случайный характер, и от остатков, которых не бывает,—вредно. Я предпочел бы государственное казначейство.

Мой московский адрес: Малая Дмитровка, д. Фирганг.

Позвольте мне поблагодарить Вас за радушие и за обещание побывать у меня и пребыть искренно уважающим и преданным.

А. Чехов.

282

А. С. СУВОРИНУ

6 февраля 1891, Москва

6 февраль

Гёте и Эккерман легки на помине ¹.

Я недавно упоминал об их разговорах в своей великой повести ². Называю ее великою, потому что она в самом деле выходит великою, т. е. большою и длинною, так что даже мне надоело писать ее. Пишу громоздко и неуклюже, а главное — без плана. Ну, да все равно.

Пусть Буренин получит еще новое доказательство, что молодые писатели ни к черту не годятся ³.

До конца еще далеко, а действующих лиц чертова пропасть. У меня жадность на лица. К Вашему приезду будет готова половина, а может быть, и больше, дам Вам и попрошу прочесть. Предвкушайте это наслаждение, как я предвкушаю Вашу критику, которой, впрочем, не боюсь, так как Вы очень добрый человек и к тому же превосходно понимаете дело — редкое сочетание.

Не был я у Полонского не потому, что не люблю его. Просто забыл в хлопотах и побегушках. Почему я не поздравил Анну Ивановну с ангелом, потому же самому не был и у Полонского. Это дело воспитания! Не воспитан, должно быть, вот и все. Полонскому я напишу слезное письмо, а у Анны Ивановны попрошу прощения, когда буду в Петербурге, но воспитаннее я от этого не стану.

Кто пишет обо мне из Москвы Полонскому? Это Бибииков.

Анонимное письмо, которое Вы получили насчет рецензии о Карпове ⁴, цинично и больше ничего. Если хотите, то и глупо.

Карпов глупый и злой человек, самолюбие чертовское, аверкиевское, кончит он тем, что будет писать критические фельетоны под псевдонимом.

Ваша статья о Толстом сплошная прелесть. Очень, очень хорошо. И сильно и деликатно ⁵. Вообще какой-то особенно удачный номер: и Ваша статья и «Франсуаза». Прекрасный рассказ. Прибавка о сестре («она твоя сестра!»), сделанная Толстым, не так портит, как Вы боялись. Только от нее рассказ утерять как будто свою свежесть. Впрочем, все равно ⁶.

Будьте здоровы и хранимы богом от мрачных мыслей. Неужели Адашева опять будет играть князь (Обо) Ленский? Уж лучше бы играл Чернов. Тот тоже деревянный, но сделан, кажется, из более мягкого дерева.

Я начинаю стареть, это я заключаю из того, что мне очень хочется «поговорить о литературе». Степенность.

Кланяюсь Анне Ивановне, мальчикам и девочке с толстым носом ⁷.

Ваш А. Чехов.

А. С. СУВОРИНУ

23 февраля 1891, Москва

23 февр.

Здравствуйте, голубчик мой. Ваша телеграмма на счет «Тормидора» смутила меня¹. Меня страшно потянуло в Петербург, но не ради Сарду и приехавших парижан, а так, здорово живешь. Но практические соображения взяли меня под уздцы. Я сообразил, что надо спешить писать повесть, что я не знаю французского языка и поэтому буду занимать в ложе чужое место, что у меня мало денег и проч. Одним словом, как теперь мне кажется, я плохой товарищ, хотя и поступил, по-видимому, умно.

Повесть моя подвигается вперед². Все гладко, ровно, длиннот почти нет, но знаете, что очень скверно? В моей повести нет движения, и это меня пугает. Я боюсь, что ее трудно будет дочитать до середины, не говоря уж о конце. Как бы то ни было, я все-таки кончу ее. Анне Ивановне поднесу веленевый экземпляр для чтения в купальне. Я желал бы, чтобы ее что-нибудь в воде укусило и чтобы она вышла из купальни рыдающей.

Мне было грустно, когда Вы уезжали. Вообще мне грустно.

Изумительная астрономка кончила со мной французскую грамматику³ и укатила зачем-то в Петербург. Лавры Ковалевской не дают ей спать, и она, кажется, хочет поступить на курсы.

«Предложения» нет в масленичном репертуаре; очевидно, актеры обиделись, что до сих пор я не был в театре. Вчера опять был Южин — не приняли⁴. Был Немирович — не приняли⁵. На горизонте моем скопляются тучи, и я жду ливня с градом. Только что приехал Миша из Алексина. Вот так служба! Этак и я бы согласился. Графиня Рошфор отказала нам окончательно⁶. Я думаю, что в счастливые дни медового месяца она не огорчала так мужа своим отказом, как огорчила теперь нас. Где мы теперь будем жить?

Я ужасно боюсь серой дачной обстановки со щелями, пятнами на потолке и кухонным чадом, а пожалуй, и в этом году придется вкусить сие.

Пришлите мне денег. У меня их нет, и взять, кажется, неоткуда. По моему расчету, я при благоприятных условиях могу получить от Вас до сентября не более тысячи рублей. Собирайтесь с сим, но не высылайте денег почтой, так как я терпеть не могу ходить в почтаamt.

Напишите мне о «Тормидоре».

Поклон Анне Ивановне, Борису и прекрасной Насте. «Ах, Настасья, ах, Настасья, отворяй-ка ворота!»

Весь Ваш А. Чехов.

234

М. П. ЧЕХОВОЙ

16 марта 1891, Петербург

16 март

Благородная сестрица!

Отъезд за границу состоится в воскресенье. Едем в Вену, оттуда в Венецию и так далее по всей Италии. В Испанию, вероятно, не попадем, и потому насчет испанских косынок прошу отложить попечение.

Посылаю волковский вексель на триста рублей. Надеюсь, что его не выкрадут из сего письма.

Убедительно прошу сохранить к моему приезду все №№ газет.

Был я на передвижной выставке. Левитан празднует именины своей великолепной музы¹. Его картина производит фурор. По выставке чичеронствовал мне Григорович, объясняя достоинства и недостатки всякой картины; от левитановского пейзажа он в восторге. Полонский находит, что мост слишком длинен; Плещеев видит разлад между названием картины и ее содержанием: «Помилуйте, называет это тихую обителью, а тут все жизнерадостно...» и т. д. Во всяком случае, успех у Левитана не из обыкновенных.

У Суворина была Кундасова. Хохотала, говорят,

так громко, что Эмили и Адель приходили в ужас от «M-elle Studente». Хохотала и топала ногами.

Кстати. Попроси Левитана и Кундасову собрать хотя что-нибудь на сахалинские школы.

Александр и его чады здоровы.

Будьте все здоровы и богом хранимы. Не забывайте меня.

Весь ваш *А. Чехов*.

Отдай Лике почтовую бумагу, а то она, т. е. бумага, заплеснеет.

Если векселя не окажется в письме, то телеграфируйте Александру.

235

И. П. ЧЕХОВУ

24 марта 1891, Венеция

24 март. Венеция.

Я теперь в Венеции, куда приехал третьего дня из Вены. Одно могу сказать: замечательнее Венеции я в своей жизни городов не видел. Это сплошное очарование, блеск, радость жизни. Вместо улиц и переулков каналы, вместо извозчиков гондолы, архитектура изумительная, и нет того местечка, которое не возбуждало бы исторического или художественного интереса. Плывешь в гондоле и видишь дворцы дождей, дом, где жила Дездемона, дома знаменитых художников, храмы... А в храмах скульптура и живопись, какие нам и во сне не снились. Одним словом, очарование.

Весь день от утра до вечера я сижу в гондоле и плаваю по улицам или же брожу по знаменитой площади святого Марка. Площадь гладка и чиста, как паркет. Здесь собор святого Марка — нечто такое, что описать нельзя, дворец дождей и такие здания, по которым я чувствую подобно тому, как по нотам поют, чувствую изумительную красоту и наслаждаюсь.

А вечер! Боже ты мой господи! Вечером с непривычки можно умереть. Едешь ты на гондоле... Тепло,

тихо, звезды... Лошадей в Венеции нет, и потому тишина здесь, как в поле. Вокруг снуют гондолы... Вот плывет гондола, увешанная фонариками. В ней сидят контрабас, скрипки, гитара, мандолина и корнет-а-пистон, две-три барыни, несколько мужчин — и ты слышишь пение и музыку. Поют из опер. Какие голоса! Проехал немного, а там опять лодка с певцами, а там опять, и до самой полночи в воздухе стоит смесь теноров, скрипок и всяких за душу берущих звуков.

Мережковский, которого я встретил здесь, с ума сошел от восторга. Русскому человеку, бедному и униженному, здесь в мире красоты, богатства и свободы не трудно сойти с ума. Хочется здесь навеки остаться, а когда стоишь в церкви и слушаешь орган, то хочется принять католичество.

Великолепны усыпальницы Кановы и Тициана. Здесь великих художников хоронят, как королей, в церквях; здесь не презирают искусства, как у нас: церкви дают приют статуям и картинам, как бы голы они ни были.

Во дворце дождей есть картина, на которой изображено около 10 тысяч человеческих фигур.

Сегодня воскресенье. На площади Марка будет играть музыка.

Ну, однако, будь здоров. Желая тебе всего хорошего. Если когда-нибудь тебе случится побывать в Венеции, то это будет лучшим в твоей жизни. Поглядел бы ты здесь стеклянное производство! Твои бутылки в сравнении со здешними такое безобразие, что даже думать тошно¹.

Буду еще писать, а пока до свидания.

Твой А. Чехов.

236

М. П. ЧЕХОВОЙ

25 марта 1891, Венеция

25 март.

Восхитительная голубоглазая Венеция шлет всем вам привет. Ах, синьоры и синьорины, что за чудный город эта Венеция! Представьте вы себе город,

состоящий из домов и церквей, каких вы никогда не видели: архитектура упоительная, все грациозно и легко, как птицеподобная гондола. Такие дома и церкви могут строить только люди, обладающие громадным художественным и музыкальным вкусом и одаренные львиным темпераментом. Теперь представьте, что на улицах и в переулках вместо мостовых вода, представьте, что во всем городе нет ни одной лошади, что вместо извозчиков вы видите гондольеров на их удивительных лодках, легких, нежных, носатых птиц, которые едва касаются воды и вздрагивают при малейшей волне. И все от неба до земли залито солнцем.

Есть улицы широкие, как Невский, и есть такие, где, растопырив руки, можно загородить всю улицу. Центр города — это площадь св. Марка с знаменитым собором того же имени. Собор великолепен, особенно снаружи. Рядом с ним — дворец дождей, где Отелло объяснялся перед дожем и сенаторами.

Вообще говоря, нет местечка, которое не возбуждало бы воспоминаний и не было бы трогательно. Например, домик, где жила Дездемона, производит впечатление, от которого трудно отделаться.

Самое лучшее время в Венеции — это вечер. В-первых, звезды, во-вторых, длинные каналы, в которых отражаются огни и звезды, в-третьих, гондолы, гондолы и гондолы; когда темно, они кажутся живыми. В-четвертых, хочется плакать, потому что со всех концов слышится музыка и превосходное пение. Вот плывет гондола, увешанная разноцветными фонариками; света достаточно, чтобы разглядеть контрабас, гитару, мандолину, скрипку... Вот другая такая же гондола... Поют мужчины и женщины, и как поют! Совсем опера.

В-пятых, тепло...

Одним словом, дурак тот, кто не едет в Венецию. Жизнь здесь дешева. Квартира и стол в неделю стоят 18 франков, т. е. 6 рублей с человека, а в месяц 25 р., гондольер за час берет 1 франк, т. е. 30 коп. В музеи, академию и проч. пускают даром. В десять раз де-

шевле Крыма, а ведь Крым перед Венецией — это каракатица и кит.

Я боюсь, что папаша сердит на меня за то, что я с ним не простился. Прошу извинения.

Какое здесь стекло, какие зеркала! Зачем я не миллионер?

Папаше, мамаше, податному¹, тете с Алешей, золотоудрой Лике, Семашечке с супругою², Ленским, красивому Левитану и Кувшинниковым нижайший поклон.

В будущем году мы поедем все на дачу в Венецию.

В воздухе стоит гул от звона. Друзья мои тунгусы, давайте примем католичество! Если бы вы знали, как хороши в церквах органы, какая здесь скульптура, какие итальяночки, стоящие на коленях с молитвенниками!

Однако будьте здоровы и не забывайте меня, многогрешного.

От Вены до Венеции ведет красивая дорога, о которой раньше мне много говорили. Но я разочаровался в этой дороге. Горы, пропасти и снеговые вершины, которые я видел на Кавказе и на Цейлоне, гораздо внушительнее, чем здесь. Addio*.

Ваш А. Чехов,

237

М. В. КИСЕЛЕВОЙ

1 апреля 1891, Рим

1 апрель. Рим

Римский папа поручил мне поздравить Вас с ангелом и пожелать Вам столько же денег, сколько у него комнат. А у него одиннадцать тысяч комнат! Шатаюсь по Ватикану, я зачах от утомления, а когда вернулся домой, то мне казалось, что мои ноги сделаны из ваты.

Я обедаю за table d'hôt'ом**. Можете себе представить, против меня сидят две голландочки: одна

* Прощайте (*итал.*).

** общим столом (*франц.*).

похожа на пушкинскую Татьяну, а другая на сестру ее Ольгу. Я смотрю на обеих в продолжение всего обеда и воображаю чистенький беленький домик с башенкой, отличное масло, превосходный голландский сыр, голландские сельди, благообразного пастора, степенного учителя... и хочется мне жениться на голландочке, и хочется, чтобы меня вместе с нею нарисовали на подносе около чистенького домика.

Видел я все и лазил всюду, куда приказывали. Давали нюхать — нюхал. Но пока чувствую одно только утомление и желание поесть щей с гречневой кашей. Венеция меня очаровала, свела с ума, а когда выехал из нее, наступили Бэдекер и дурная погода.

До свидания, Мария Владимировна, да хранит Вас господь бог. Нижайший поклон от меня и от римского папы его высокородию¹, Василисе и Елизавете Александровне.

Удивительно здесь дешевы галстуки. Ужасно дешевы, так что их даже я, пожалуй, начну есть. Франк за пару.

Завтра еду в Неаполь. Пожелайте, чтобы я встретился там с красивой русской дамой, по возможности вдовой или разведенной женой.

В путеводителях сказано, что в путешествии по Италии роман непременно условие. Что ж, черт с ним, я на все согласен. Роман так роман.

Не забывайте многогрешного, искренно Вам преданного и уважающего

А. Чехова.

Почтение гг. скворцам.

288

А. С. СУВОРИНУ

10 мая 1891, Алексин

10 май.

Ваше письмо получил. Мегсі. Единицею подписывается Дедлов-Кигн, беллетрист и интересный путешественник, которого я знаю понаслышке, но не чи-

тал. Да, вы правы, душе моей нужен бальзам. Я бы теперь с удовольствием и даже с радостью прочел что-нибудь серьезное не о себе только, а вообще. Я тоскую по серьезном чтении, и вся критика российская последнего времени не питает меня, а только раздражает. Я бы с восторгом прочел что-нибудь новое о Пушкине или Толстом — это было бы бальзамом для праздного ума моего...

Я тоже скучаю по Венеции и Флоренции и готов был бы еще раз взобраться на Везувий; Болонья же стерлась в моей памяти и потускнела, что же касается Ниццы и Парижа, то, вспоминая о них, «я с отвращением читаю жизнь мою»¹.

В «Вестнике иностранной литературы», в последней книжке напечатан рассказ Уйда, перевод с английского нашего Михайлы, податного инспектора². Зачем я не знаю языков? Мне кажется, беллетристику я переводил бы великолепно; когда я читаю чужие переводы, то произвожу в своем мозгу перемены слов и перестановки, и получается у меня нечто легкое, эфирное, подобное кружевам.

В понедельник, вторник и среду я пишу сахалинскую книгу, в остальные дни, кроме воскресений, роман³, а в воскресенья маленькие рассказы. Работаю с охотой, но — увы! — семейство мое многочисленно, и я, пишущий, подобен раку, сидящему в решете с другими раками: тесно. Погода все дни стоит великолепная, место, где стоит дача, сухое и здоровое, лесу много... В Оке много рыбы и раков. Вижу поезда и пароходы. Вообще, если бы не теснота, то я был бы очень, очень доволен. Когда Вы будете в Москве? Напишите, пожалуйста. Французская выставка Вам понравится — к этому Вы готовьтесь. Вам понравится Ока, когда мы в 5 часов утра сядем в Серпухове на паршивый пароходик и поплывем к Калуге.

Жениться я не намерен. Я бы хотел теперь быть маленьким, лысым старичком, сидеть за большим столом в хорошем кабинете.

Будьте здоровы и покойны. Низко кланяюсь всем Вашим. Пишите мне, пожалуйста.

Ваш А. Чехов.

Я пишу водевиль. Действующие лица: Анна Ивановна, Айвазовский, генерал Богданович, Иван Павлович Казанский и цензор Макаров⁴.

239

А. С. СУВОРИНУ

18 мая 1891, Алексин

18 май

Ликуй ныне и веселися Сионе. Жил я в деревянной даче в четырех минутах ходьбы от Оки, кругом были дачи и дачники; березы и больше ничего. Надоело. Я познакомился с неким помещиком Колосовским и нанял в его заброшенной поэтической усадьбе верхний этаж большого каменного дома. Что за прелесть, если бы Вы знали! Комнаты громадные, как в Благородном собрании, парк дивный, с такими аллеями, каких я никогда не видел, река, пруд, церковь для моих стариков и все, все удобства. Цветет сирень, яблони, одним словом — табак! Сегодня перебираюсь туда, а дачу бросаю. Дача нанята за 90 руб., а усадьба за 160 р. Дорого обойдется это лето.

Ну отчего бы Вам не приехать ловить рыбу? Здесь карасей и раков видимо-невидимо.

У Рошфор два этажа¹, но для Вас не хватило бы ни комнат, ни мебели. К тому же сообщение утомительное: со станции приходится ехать туда в объезд чуть ли не 15 верст. Других дач тоже нет, а имение Колосовского будет годиться для Вас только в будущем году, когда отделают оба этажа. Право, легче верблюду пройти сквозь игольное ушко, чем богатому и семейному найти себе дачу. Для меня дач сколько угодно, а для Вас ни одной.

Мой мангус ушел в лес и не возвращался. Должно быть, погиб.

Я дал себе слово не печатать свои сахалинские писания в газетах и журналах, но теперь, если бы Вы знали, какое берет искушение! Сегодня же я мог бы послать Вам на 100 луидоров.

Вчера я целый день возился с сахалинским климатом². Трудно писать о таких штуках, но все-таки в конце концов поймал черта за хвост. Я дал такую картину климата, что при чтении становится холодно. И как противно писать цифрами!

Я ежедневно встаю в 5 часов утра; очевидно, в старости буду вставать в 4. Мои предки все вставали очень рано, раньше петухов. А я заметил, что люди, встающие очень рано, ужасные хлопотуны. Стало быть, я буду хлопотливым, беспокойным стариком.

«Мамаево нашествие»³ — водевиль в крыловском вкусе: ни единого характера. Пахнет дачным мужем⁴, а мораль такая: сибирякам дядям не следует приезжать в гости к племянникам. И склеена пьеса угловато. Читатель или зритель ждет, что гость приволочнется за хозяйкой, но и этого даже в пьесе нет и все три акта однообразны. И еще скажу: писать часто такие пьесы все равно, что каждый день в бордель ходить — скоро истаскаешься.

M-elle Гуревич и M-ег Филоксера⁵ ничего не делают из «Сев. вестника»; они внесут в него дух еврей-философа, ими переведенного⁶, но не внесут его мудрости и таланта; [...]

Будьте здоровы. Если вздумаете приехать ко мне, то телеграфируйте так: «Алексин, доктору Бездетному, передать Чехову». Письма свои адресуйте так: г. Алексин Тульской губ.

Ваш А. Чехов,

240

А. С. СУВОРИНУ

27 мая 1891, Богимово

27 май. 4 часа утра.

Мангус убежал в лес и не возвратился; кобылка-сосунчик, которую мы купили за 75 коп., удавилась. Холодно. Денег нет. Но тем не менее все-таки я Вам не завидую. Нельзя теперь жить в городе — это и скучно и нездорово. Мне бы хотелось, чтобы Вы от утра до обеда сидели где-нибудь на террасе, пили

чай и писали что-нибудь художественное, пьесу, что ли, а после обеда до вечера ловили бы рыбу и думали спокойную думу. Вы давно уже заслужили право, в котором Вам теперь отказывают всякие случайности, и мне стыдно и кажется несправедливым, что мне живется покойнее, чем Вам. Неужели в самом деле Вы весь июнь будете жить в городе? Это даже жутко.

С корректурой все устроилось¹, и Неупокоев, вероятно, уже успокоился. Книги, о которых я писал Вам, уже получены. Со Щегловым о его пьесе я никогда ничего не говорил. Откуда он взял, что я хвалил ее.

Вы пишете, что я кирпичный человек, покрытый известкой, и ничего не даю в газету. Но войдите в мое положение. В моей литературной деятельности такой кавардак и беспорядок, что сам черт ногу сломает. Стал было повесть писать — за граница помешала; продолжать теперь повесть некогда — Сахалин на шее. Сел бы писать мелочи и пробовал уже, но мысль, что к осени я *должен* отделаться от Сахалина, парализует всякую способность. Погодите, голубчик, скоро свалю со спины каторгу и весь буду Ваш, от головы до пяток. Я даю Вам честное слово, что сахалинская книга будет осенью печататься, ибо я ее, честное слово, уже пишу и пишу, а если Вы не верите, то я могу прислать Вам вещественные доказательства. Благодаря тому, что я встаю с курами, мне никто не мешает работать, и дело у меня кипит, хотя оно и тягучее, кропотливое дело, не стоящее, как овчинка выделки: из-за какой-нибудь одной паршивой строки приходится целый час рыться в бумагах и перечитывать всякую скуку. Писать о климате или по обрывкам составлять историко-критический очерк каторги — какая это скука, боже мой!

Вы пишете, что в последнее время «девочки стали столь откровенно развратны». Ах, не будьте Жителем! Если они и развращены, то время тут положительно ни при чем. Прежде развратнее даже были: ибо сей разврат как бы узаконивался. Вспомните Екатерину, которая хотела женить Мамонова на

13-летней девочке. Пушкин в своем «Станционном смотрителе» целуется врасплох с 14-летней девочкой, а героини Шекспира все в возрасте от 14 до 16 лет. И не столько уж у Вас случаев, чтобы делать обобщения.

Кстати, о девочках [*далее следует 13½ вычеркнутых строк, не поддающихся прочтению*].

Новость: мы устроили себе рулетку. Ставка не больше копейки. Доход рулетки идет на общее дело — устройство пикников. Я крупье.

Будьте здоровы. Не предавайтесь мрачным мыслям, все устроится хорошо. Поклон Анне Ивановне, Насте и Боре.

Ваш А. Чехов.

241

Е. М. ШАВРОВОЙ

28 мая 1891, Алексин

28 май. г. Алексин Тульской губ.

Сударыня, Ваша «Ошибка» воистину есть ошибка. Рассказ только кое-где хорош, но в остальном это непроходимая чаща скуки,— Соня, покойничек, папа, мама, опять Соня и покойничек... в глазах рябит! Вам прекрасно удаются «благородная бедность» и девицы, ну, и взяли бы одну только Милочку с ее папой, тяжелой кухаркой и соблазнами катка, вышел бы тогда рассказ отменный. Ваша «Гадалка» напечатана. Видели? ¹ Насчет гонорара, простите, я не говорил Суворину. Хотя Вы стоите и больше 10 коп. за строку, но мне не хотелось нарушать порядка, давно уже заведенного в «Новом времени». Тут начинают с пятачка, потом постепенно повышают, как чиновников на службе, будь то хоть сам Шекспир. Вы будете получать 8, потом 10, потом 12, затем 15 к. и так до червонца включительно. Когда мне будет 80 лет, а Вам 90, мы будем получать по червонцу за строчку.

Когда я был в Париже, мне прислали из Италии Ваше письмо. Я прочел и руками развел. Что я мог отвечать Вам? В ответ на идею эксплуатировать про-

цесс Бартенева² я мог только, пожалуй, прислать Вам рецепт: «Kalie bromati»... по ложке на ночь. Это идея почти сумасшедшая, даже бешеная. Во-первых, Вы с Бартеневым знакомы не были и знать его не могли, во-вторых, в таком сложном абсурде, как жизнь бедняжки Висновской, мог бы разобраться разве один только Достоевский. Да и к чему Вам ехать воображением в Варшаву, если под боком Москва, полная Милочек и всяких двуногих тварей.

Нам бы следовало повидаться. Вы бы спели, а я бы послушал. Поговорили бы о литературе, о Крыме...

Будьте здоровы и небом хранимы.

Ваш слуга *А. Чехов.*

Вы не сердитесь за критику. Если я пишу и сужу несколько резко, то это только потому, что вижу в Вас коллегу и литераторшу, а не дилетантку, тогда бы, быть может, я наговорил Вашей «Ошибке» тьму комплиментов.

Что Филиппыч?

242

Л. С. МИЗИНОВОЙ

12 июня 1891, Богимово

12 июнь

Очаровательная, изумительная Лика!

Увлечшись черкесом Левитаном, Вы совершенно забыли о том, что дали брату Ивану обещание приехать к нам 1-го июня, и совсем не отвечаете на письма сестры. Я тоже писал Вам в Москву, приглашая Вас, но и мое письмо осталось гласом вопиющего в пустыне. Хотя Вы и приняты в высшем свете (у головастенькой Малкиель), но все-таки Вы дурно воспитаны, и я не жалею, что однажды наказал Вас хлыстом. Поймите Вы, что ежедневное ожидание Вашего приезда не только томит, но и вводит нас в рас-

ходы: обыкновенно за обедом мы едим один только вчерашний суп, когда же ожидаем гостей, то готовим еще жаркое из вареной говядины, которую покупаем у соседних кухарок.

У нас великолепный сад, темные аллеи, укромные уголки, речка, мельница, лодка, лунные ночи, соловьи, индюки... В реке и в пруде очень умные лягушки. Мы часто ходим гулять, причем я обыкновенно закрываю глаза и делаю правую руку кренделем, воображая, что Вы идете со мной под руку.

Если приедете, то спросите на станции ямщика Гущина, который и довезет Вас к нам. Можно и на полустанке высадиться, но тогда нужно раньше дать знать, дабы мы могли послать за Вами пегаса. От полустанка до нас только четыре версты.

Кланяйтесь Левитану. Попросите его, чтобы он не писал в каждом письме о Вас. Во-первых, это с его стороны не великодушно, а во-вторых, мне нет никакого дела до его счастья.

Будьте здоровы и щисливы и не забывайте нас. Сторожиха Вам кланяется.

Это моя подпись.

Мангус нашелся. Маша здорова.

Сейчас получил от Вас письмо. Оно сверху до низу полно такими милыми выражениями, как «черт вас задави», «черт подери», «анафема», «подзатыльник», «сволочь», «обожралась» и т. п. Нечего сказать, прекрасное влияние имеют на Вас такие ломовые извозчики, как Tgorhim.

Вам можно и купаться и по вечерам гулять. Все это баловство. У меня все мои внутренности полны и мокрых и сухих хрипов, я купаюсь и гуляю и все-таки жив.

Воды Вам нужно пить. Это одобряю. Приезжайте же, а то плохо будет. Все низко кланяются, я тоже. Почерк у Вас по-прежнему великолепный.

Ф. А. ЧЕРВИНСКОМУ

2 июля 1891, Богимово

2 июля.

Я теряюсь в догадках. Почему Вы послали Ваше письмо в Таганрог? Откуда весь мир взял, что я живу в Таганроге? Не только Вы, но даже сахалинская канцелярия шлет мне свои казенные пакеты в Таганрог¹. Не понимаю. Я в этом городе не был уже 6 лет и в последнее время даже не думал о нем. Живу я по той же Сызрано-Вяземской дороге, близ г. Алексина, и адрес мой такой: г. Алексин Тульской губ. Мы с Вами соседи.

Я Скабичевского никогда не читаю. Мне попалась недавно в руки его «История новейшей литературы», я прочел кусочек и бросил,— не понравилось. Не понимаю, для чего все это пишется. Скабичевский и К^о — это мученики, взявшие на себя добровольно подвиг ходить по улицам и кричать: «Сапожник Иванов шьет сапоги дурно!» и «Столяр Семенов делает столы хорошо!» Кому это нужно? Сапоги и столы от этого не станут лучше. Вообще труд этих господ, живущих паразитарно около чужого труда и в зависимости от него, представляется мне сплошным недоразумением. Что же касается того, что Вас обругали, то это ничего². Чем раньше Вас обстреляют, тем лучше.

Где Ваша пьеса была напечатана? Я все время путешествовал и ничего не читал. Пришлите мне оттиск.

Еще одно: не знаете ли, кто редактирует «Юридический вестник» и «Юридическую летопись»? Если знаете, то напишите. Я буду Вам очень благодарен. Будьте здоровы.

Ваш А. Чехов.

24 июля 1891, Богимово

24 июль

Спасибо за приглашение. Должно быть, приеду, но не скоро, хоть страстно жажду моря, песку, ночных разговоров и прочих крымско-феодосийских прелестей. Я очень занят; работаю много, но страниц выходит мало. Скоро Вы получите эстетическое наслаждение: пришлю Вам рассказ, который уже готов больше чем наполовину и будет содержать в себе 4—5 фельетонов¹.

Спасибо за пяточковую прибавку. Увы, ей не поправить моих дел! Чтобы нажить капиталы, как Вы пишете, и вынырнуть из пучины грошовых забот и мелких страхов, для меня остался только один способ — безнравственный. Жениться на богатой или выдать «Анну Каренину» за свое произведение. А так как это невозможно, то я махнул на свои дела рукой и предоставил им течь, как им угодно.

Как-то Вы хвалили мне Rod'a, французского писателя, и говорили, что он Толстому нравится. На днях мне случилось прочесть один его роман², и я руками развел. Это наш Мачтет, но только немножко поумнее. Ужасно много претензий, скука, потуги на оригинальность, а художественность чувствуется так мало, как соль в той каше, которую мы с Вами варили вечером в Богимове. В предисловии этот Rod кается, что он был раньше натуралистом, и радуется, что спиритуализм последних новобранцев литературы успел сменить материализм. Мальчишеское хвастовство и притом грубое, аляповатое. «Если, г. Зола, мы и не так талантливы, как Вы, то зато мы в бога веруем».

Погода у нас чудеснейшая. Сейчас утро, а освещение такое, как в мае, и я рад. Тихо, тихо.

«Собирателя грибов» получили, а грибов нет. Кофе оказался... жженым. Дожди были вчера и третьего дня, но грибы проклятые не растут, и мы в отчаянии.

Получил от Лессинга письмо. Он сочиняет. Благоговейте³.

Что же Плещеев-фис* будет делать в департаменте Скальковского?⁴ Не понимаю, хоть зарежьте. И неужели поэт Мережковский и его муза еще за границую? Ах, ах!

Анне Ивановне, Насте и Боре нижайший поклон. Будьте здоровы.

Ваш А. Чехов.

245

А. С. СУВОРИНУ

18 августа 1891, Богимово

18 авг.

Наконец кончил свой длинный, утомительный рассказ и посылаю Вам его заказною бандеролью в Феодосию¹. Прочтите, пожалуйста. Для газеты он слишком длинен, а по содержанию не годится на то, чтобы его можно было делить на части². Впрочем, как знаете.

Если отложите печатание его до осени, то я в Москве прочту корректуру — от этого рассказ не потеряет, а касса «Нового времени» только выиграет, так как моя корректура всегда убавляет число строк.

Так как сей рассказ пока составляет мой единственный текущий ресурс, то для успокоения телеграфируйте мне, что Вы его получили.

В рассказе больше 4 печатных листов. Это ужасно. Я утомился, и конец тащил я точно обоз в осеннюю грязную ночь: шагом, с остановками — оттого и опоздал. Половина гонорара, если не забракуют рассказа, пойдет на уплату долга по газете, а другая половина в мою утробу. Если отложите печатание рассказа до осени, то телеграфируйте почтенной конторе, чтобы она поскорее выслала мне в счет рассказа 300 рублей, а то у меня свистит в карманах

* сын (от франц.— fils).

и не с чем выехать. Высылка денег, конечно, должна состояться только при условии, если рассказ удобен и проч.

Увы! К Вам я не приеду. Говорю это гробовым голосом. Мне не с чем выехать, а новых долгов делать не хочу.

Очень много грибов. Погода жаркая.

Напишите: до какого числа Вы будете жить в Феодосии? Я, быть может, вырвусь как-нибудь.

Кланяйтесь Анне Ивановне, Насте и Боре.

Будьте здоровы.

Ваш А. Чехов,

246

А. С. СУВОРИНУ

18 августа 1891, Богимово

18 авг.

Сегодня вместе с рассказом я послал Вам одно письмо, а вот Вам другое в ответ на Ваше, только что полученное. Говоря о Николае и лечившем его докторе, Вы упираете на то, что «все это делается без любви, без самопожертвования даже относительно своих маленьких удобств». Вы правы, говоря это вообще о людях, но что прикажете делать врачам? Что, если в самом деле, как говорит ваша няня, «кишка лопнула», то что тут поделаешь, даже если захочешь жизнь свою отдать больному? Обыкновенно, когда домашние, родные и прислуга принимают «все меры» и из кожи лезут вон, доктор сидит и глядит дураком, опустив руки, уныло стыдясь за себя и за свою науку и стараясь сохранить наружное спокойствие... У врачей бывают отвратительные дни и часы, не дай бог никому этого. Среди врачей, правда, не редкость невежды и хамы, как и среди писателей, инженеров, вообще людей, но те отвратительные часы и дни, о которых я говорю, бывают только у врачей, и за сие, говоря по совести, многое простить должно.

А что «человека мало колотят по голове — он

заслуживает плетей», я, пожалуй, готов согласиться с Вами, если Вы докажете, что человек до сих пор наслаждался блаженством и что он не забит и не заколочен до отупения судьбой.

Алексей Алексеевич в Феодосии? Ах, хорошо бы на песочке сыграть в пикет!

Мой брат учитель получил за усердие медаль и место в Москве¹. Это упрямый человек в хорошем смысле и добьется своего. Ему нет еще и 30 лет, а он в Москве считается уже образцовым педагогом.

Я сегодня ночью просыпался и думал о своей повести, которую послал Вам². Пока писал ее и спешил чертовски, у меня в голове все перепуталось и работал не мозг, а заржавленная проволока. Не следует торопиться, иначе выходит не творчество, а дерьмо. Если ~~не~~ забракуете рассказа, то отложите печатание до осени, когда можно будет прочесть корректуру.

Рассказ Ежова «Пытка» груб и сплошная необразованщина, но читается с интересом³. Малый заметно прогрессирует.

Нам пишут: ген. Кононович вызван в Петербург для объяснений по поводу недочета в 400 тысяч⁴.

Астрономка теперь в Батуме. Так как я сказал ей, что тоже приеду в Батум, то она пришлет в Феодосию свой адрес. В последнее время она еще умнее стала. Однажды я слушал ученый спор ее с зоологом Вагнером, которого Вы знаете. Мне показалось, что в сравнении с нею ученый магистр просто мальчишка. У нее логика хорошая и большой здравый смысл, но нет руля около [...], так что она плывет, плывет и сама не знает куда.

Ну, пошли Вам господа всего хорошего. Будьте здоровы.

Поклонитесь Анне Ивановне, Насте, Боре и Алексею Алексеевичу, если он еще не уехал.

Везла баба рожь и свалилась с воза вниз головой. Страшно разбилась: сотрясение мозга, вытяжение шейных позвонков, рвота, сильные боли и проч. Привезли ее ко мне. Она стонет, охает, просит убога смерти, а сама глядит на мужика, который ее привез,

и бормочет: «Ты, Кирила, брось чечевицу, после от-молотишь, а теперь овес молоти». Я ей говорю, что после об овсе, а теперь, мол, есть поговорить о чем посерьезнее, а она мне: «Овес-то у него очень хороший!» Хлопотливая, завидующая баба. Таким легко помирать.

Я уеду в Москву 5-го сентября, Надо новую квартиру искать.

Всего хорошего!

Ваш А. Чехов.

247

А. С. СУВОРИНУ

28 августа 1891, Богимово

28 авг. Алексин.

Посылаю Вам фельетон Михайловского о Толстом¹. Читайте и совершенствуйтесь. Фельетон хорош, но странно, напиши таких фельетонов хоть тысячу, и все-таки дело не подвинется ни на шаг, и все-таки непонятным остается, для чего все эти фельетоны пишутся.

Засим посылаю Вам злобу дня, брошюрку нашего московского профессора Тимирязева, наделавшую много шума². Дело в том, что у нас в Москве и в России вообще есть проф. Богданов, зоолог, очень важная превосходительная особа, забравшая в свои руки все и вся, начиная от зоологии и кончая российской прессой. Сия особа проделывает безнаказанно все, что ей угодно. И вот Тимирязев выступил в поход. Напечатал он свою статью в брошюре, а не в газете, потому что, повторяю, все газеты в руках Богданова. [*Далее зачеркнуто*: «И даже «Новое время».] Если иногда [...] или министры забирают в свои руки прессу, то почему не дозволить этого Моск. университету? И университет в лице Богданова забрал и довольно ловко... Но об этом после, при свидании, ибо в письмо все не влезет.

Как добавление к брошюре, посылаю заметку³. Тимирязев воюет с шарлатанской ботаникой, а я хочу

сказать, что и зоология стоит ботаники. Вы прочтите заметку до конца; не надо быть ботаником или зоологом, чтобы понять, как *низко* стоит у нас то, что мы по неведению считаем высоким.

Если заметка годится, то напечатайте ее; если она неудобна, то, разумеется, к черту. Заметка покажется Вам резкою, но я в ней ничего не преувеличил и не солгал ни на иоту, ибо пользовался документальными данными⁴.

Подписываюсь я буквой Ц, а не собственной фамилией на том основании, что, во-первых, заметка писана не мною одним, во-вторых, автор должен быть неизвестен, ибо Богданову известно, что Вагнер живет с Чеховым, а Вагнеру надо защищать докторскую диссертацию и т. д.— и ради грехов моих Вагнеру могут без всяких объяснений вернуть назад его диссертацию. Да и к чему моя подпись?

Гонорара не надо, ибо половина заметки состоит из выписок из Тимирязева и документов.

Итак, два условия: сохранение имени автора в самой строгой тайне и вместо гонорара фунт табаку. В случае несогласия хотя бы на одно из сих условий заметку прошу не печатать.

Заметка в случае надобности подлежит сокращениям и стилистическим изменениям.

Пишу свой Сахалин и скучаю, скучаю... Мне надоело жить в сильнейшей степени.

Судя по Вашей телеграмме, я не угодил Вам рассказом. Напрасно Вы постеснились вернуть мне его обратно. Я бы послал его в «Сев. вестник». Кстати, оттуда я уже получил два письма. Печатать в газете длинное да еще черт знает что весьма неприятно⁵.

Выеду я в Москву 2 или 3 сентября.

Ваша телеграмма пролежала на станции 4 дня. Напрасно Вы послали на станцию. Надо так: Алексин Чехову.

Я смотрел несколько имений. Маленькие есть, а больших, которые годились бы для Вас, нет. Маленькие есть в 1¹/₂, 3 и 5 тысяч. За полторы тысячи 40 десятин, громадный пруд и домик с парком.

Ах, как мне надоели больные! Соседнего помещика трахнул нервный удар, и меня таскают к нему на паршивой бричке-трясучке. Больше всего надоели бабы с младенцами и порошки, которые скучно взвешивать.

У Александра родился сын ⁶.

Наступает голодный год. Вероятно, будут всякие болезни и мелкие бунты.

Анне Ивановне, Насте и Боре нижайший поклон и пожелание всяких благ.

Я купаюсь. Вода холодная. Обжигает.

Будьте здоровы.

Ваш А. Чехов.

После 2-го сентября пишите в Москву, Мал. Дмитровка, д. Фирганг.

Как здоровье Алексея Алексеевича? Что насморк?

248

А. С. СУВОРИНУ

30 августа 1891, Богимово

30 авг.

Вам рассказ ¹ нравится, ну, слава богу. В последнее время я стал чертовски мнителен. Мне все кажется, что на мне штаны скверные, и что я пишу не так, как надо, и что даю больным не те порошки. Это психоз, должно быть.

Если фамилия у Ладзиевского в самом деле скверная, то можно его иначе назвать. Пусть будет Лагиевским ². Фон-Корен пусть остается фон-Кореном. Изобилие Вагнеров, Брандты, Фаусеки и проч. отрицают русское имя в зоологии, хотя все они русские. Впрочем, есть Ковалевский. Кстати сказать, русская жизнь теперь так перепуталась, что всякие фамилии годятся.

Сахалин подвигается. Временами бывает, что мне хочется сидеть над ним 3—5 лет и работать над ним

неистово, временами же в часы мнительности взял бы и плюнул на него. А хорошо бы, ей-богу, отдать ему годика три! Много я напишу чепухи, ибо я не специалист, но, право, напишу кое-что и дельное. А Сахалин тем хорош, что он жил бы после меня сто лет, так как был бы литературным источником и пособием для всех, занимающихся и интересующихся тюрьмоведением.

Вы правы, Ваше превосходительство, в это лето я много сделал. Если б еще одно такое лето, то я бы, пожалуй, роман написал и именье купил. Шутка ли, я не только питался, но даже тысячу рублей долга выплатил. Приеду в Москву, возьму за «Медведя» из Общества рублей 150—200³, так вот и питает бог нашего брата свистуна.

У меня вышла интересно и поучительною глава о беглых и бродягах⁴. Когда в крайности буду печатать Сахалин по частям, то пришлю ее Вам.

Теперь просьба. А. В. Щербак писал мне, что ему желательно издать у Вас книжку с рисунками (которые у него, кстати сказать, очень интересны); хочет собрать все свои фельетоны и статьи и сочесть во едину плоть⁵. Просил меня походатайствовать у Вас. Если Вы согласитесь, то я буду телеграфировать ему во Владивосток. Ответьте поскорее, ибо «Петербург» скоро будет во Владивостоке.

То, что я не побывал у Вас в Феодосии, великая потеря для моего здоровья. Я теряю в весе.

Объясните мне, в чем заключается Ваш паралич, о котором Вы мне не раз говорили и недавно писали? Прогрессивный, что ли? Нет, сударь мой, это у Вас не паралич, а скука, жупел.

А что же «Каштанка»? За три года, пока она у Вас лежит, я бы три тысячи заработал.

Алексею Алексеевичу передайте, что я ему завидую. И Вам я завидую. И не потому, что от Вас жены уехали, а что Вы купаетесь в море и живете в теплом доме. У меня в сарае холодно. Я бы хотел теперь ковров, камина, бронзы и ученых разговоров. Увы, никогда я не буду толстовцем! В женщинах я прежде всего люблю красоту, а в истории человечества —

культуру, выражающуюся в коврах, рессорных экипажах и остроте мысли. Ах, поскорее бы сделаться старичком и сидеть бы за большим столом!

Анне Ивановне и Евгении Константиновне низко кланяюсь и желаю всех благ. Если, как Вы пишете, у Анны Ивановны блуждающая почка, то ведь это не опасно.

Да хранит Вас бог!

Ваш А. Чехов.

Р. S. Когда будете возвращаться домой, привезите мне стручкового перца, который так хорош в Феодосии. Привезите зеленого и красного.

Получили ли критику на зоологию? ⁶

Что Ладзиевский переписывает? В провинции всю письменную работу несут мелкие канцеляристы за особую плату, а титуляры и ассессоры водку пьют.

Если из «Дуэли» выбросить зоологические разговоры, то не станет ли она оттого живее?

Пишите теперь в Москву: Малая Дмитровка, дом Фирганг.

249

А. С. СУВОРИНУ

8 сентября 1891, Москва

8 сент. Москва,

Мл. Дмитровка, д. Фирганг.

Я уже переехал в Москву и сию безвыходно дома. Семья хлопочет о перемене квартиры, а я молчу, ибо лень повернуться. Чтобы дешевле было, хотят переехать к Девичьему полю.

Для моей повести рекомендуемое Вами название «Ложь» не годится ¹. Оно уместно только там, где идет речь о сознательной лжи. Бессознательная ложь есть не ложь, а ошибка. То, что мы имеем деньги и едим мясо, Толстой называет ложью — это слишком.

Вчера меня известили, что Курепин болен безнадежно. У него рак на шее. Прежде чем умрет, рак

съест ему половину головы и замучает невралгиями. Говорят, что жена Курепина писала Вам.

Смерть подбирает людей понемножку. Знает свое дело. Напишите пьесу: старый химик изобрел эликсир бессмертия — 15 капель на прием, и будешь жить вечно; но химик разбил стклянку с эликсиром из страха, что будут вечно жить такие стервецы, как он сам и его жена. Толстой отказывает человечеству в бессмертии, но, боже мой, сколько тут личного! Я третьего дня читал его «Послесловие»². Убейте меня, но это глупее и душнее, чем «Письма к губернаторше»³, которые я презираю. Черт бы побрал философию великих мира сего! Все великие мудрецы деспотичны, как генералы, и невежливы и неделикатны, как генералы, потому что уверены в безнаказанности. Диоген плевал в бороды, зная, что ему за это ничего не будет; Толстой ругает докторов мерзавцами и невежничает с великими вопросами, потому что он тот же Диоген, которого в участок не поведешь и в газетах не выругаешь. Итак, к черту философию великих мира сего! Она вся, со всеми юродивыми послесловиями и письмами к губернаторше, не стоит одной кобылки из «Холстомера»⁴.

Поклонитесь товарищу по гимназии Алексею Петровичу и пожелайте ему хорошего здоровья, игривого пастроения и обольстительных снов. Желаю, чтобы ему приснилась голая испанка с гитарой.

Анне Ивановне и Алексею Алексеевичу со чады нижайшее почтение.

Будьте здоровы и не забывайте меня, грешного. Я очень скучаю.

Ваш А. Чехов.

250

В. А. ТИХОНОВУ

14 сентября 1891, Москва

14 сент.

Рассказ я пришлю¹, добрейший Владимир Алексеевич, но сказать, как он будет называться, я не могу. Назвать его теперь так же трудно, как определить

цвет курицы, которая вылупится из яйца, которое еще не снесено. Благодарю за приглашение.

У Вас уже двое детей? Это хорошо. Если есть дети, то, значит, Вы здоровы и Вам не скучно жить. Редакторство Ваше меня несколько не удивило и не вызвало ни одного вопроса, ни даже того, на который Вы поторопились ответить. Кому же быть редакторами, как не литераторам? Только, с Вашего позволения, вот Вам мой завет: читайте *все* присылаемое и не относитесь недоверчиво к новичкам. Заведите статьи по естественным наукам и не давайте места шарадам и критическим статьям.

Работы по горло. Пишу про Сахалин. Окончание этой работы представляется мне таким же отдаленным, как время, когда все будут целомудренны по рецепту толстовского Позднышева². Работал я все лето и теперь работаю, а денег нет и нет. Заграничная поездка сожрала меня с руками и ногами.

Как Ваши драматические дела? В каком положении слава?

Будьте здоровы и счастливы. Желаю Вам и Вашим деткам всего хорошего. В Питер приеду не раньше декабря.

Коли не забудете, пришлите мне номерок «Севера» для знакомства.

Ваш А. Чехов.

251

Е. М. ШАВРОВОЙ

16 сентября 1891, Москва

16 сентября

Мы, старые холостяки, пахнем, как собаки? Пусть так. Но насчет того, что врачи по женским болезням в душе селадоны и циники, позвольте мне поспорить. Гинекологи имеют дело с неистовой прозой, которая Вам даже не снилась и которой Вы, быть может, если б знали ее, со свирепостью, свойственную Вашему воображению, придали бы запах хуже, чем собачий. Кто постоянно плавает в море, тот любит сушу; кто вечно погружен в прозу, тот страстно тоскует по поэ-

зии. Все гинекологи идеалисты. Ваш доктор читает стихи,— чутье подсказало Вам правду;¹ я бы прибавил, что он большой либерал, немножко мистик и мечтает о жене во вкусе некрасовской русской женщины. Известный Снегирев говорит о «русской женщине» не иначе, как с дрожью в голосе. Другой гинеколог, которого я знаю, влюблен в какую-то таинственную незнакомку под вуалью, которую он видел издали. Третий ходит в театр на все первые представления,— и потом громко бранится около вешалок, уверяя, что авторы обязаны изображать одних только идеальных женщин и т. п. Вы упустили также из виду, что хорошим гинекологом не может быть глупый человек или посредственность. Ум, хотя бы семинарский, блестит ярче, чем лысина, а Вы лысину заметили и подчеркнули, а ум бросили за борт. Вы заметили также и подчеркнули, что толстый человек — бррр! — выделяет из себя какой-то жир, но совершенно упустили из виду, что он профессор, т. е. что он несколько лет думал и делал что-то такое, что поставило его выше миллионов людей, выше всех Верочек и таганрогских гречанок, выше всяких обедов и вин. У Ноя было три сына: Сим, Хам и, кажется, Афет. Хам заметил только, что отец его пьяница, и совершенно упустил из виду, что Ной гениален, что он построил ковчег и спас мир. Пишущие не должны подражать Хаму. Наматывайте это себе на ус. Я не смею просить Вас, чтобы Вы любили гинеколога и профессора, но смею напомнить о справедливости, которая для объективного писателя дороже воздуха.

Девочка из купеческого звания сделана превосходно. Хорошо в речи доктора место, где он говорит о неверии своем в медицину, но не надо, чтобы он пил после каждой фразы. Любовь к трупу — это раздражение Вашей пленной мысли. Вы не видели трупов.

Затем от частных к общему. Тут позвольте крикнуть караул. Это не рассказ и не повесть, не художественное произведение, а длинный ряд тяжелых угрюмых казарм.

Где Ваша архитектура, которой Вы вначале так очаровали Вашего покорного слугу? Где легкость,

свежесть, грация? Прочтите Ваш рассказ: описание обеда, потом описание проходящих дам и девиц,— потом описание компании,— потом описание обеда... и так без конца. Описания, описания, описания... а действия совсем нет. Надо начинать прямо с купеческой дочери, на ней остановиться, а Верочку — вон, гречанок — вон, всех вон... Кроме доктора и купеческого отродья.

Нам надо поговорить. Значит, Вы не переезжаете в Петербург. Я рассчитывал увидеть Вас в Петербурге, куда, по уверению Миши, Вы будто бы хотели переехать. Ну будьте здоровы. Да хранят Вас ангелы небесные. Ваше воображение становится интересным.

Извините за длинное письмо,

Ваш А. Чехов,

252

М. Н. АЛЬБОВУ

30 сентября 1891, Москва

30 сентября

Уважаемый Михаил Нилович, у меня почти готова для Вас маленькая повесть: набросано, но не отделано и не переписано начисто. Работы осталось на 1—2 недели, не больше. Называется она так: «Рассказ моего пациента»¹. Но меня обуревают сомнения весьма серьезного свойства: пропустит ли ее цензура? Ведь «Северный вестник» подцензурное издание, а рассказ мой, хотя, правда, и не проповедует вредных учений, но по составу своих персонажей может не понравиться цензорам. Ведется он от лица бывшего социалиста, а фигурирует в нем в качестве героя № 1 сын товарища министра вн. дел. Как социалист, так и сын товарища министра у меня парни тихие и политикой в рассказе не занимаются, но все-таки я боюсь, или по крайней мере считаю преждевременным, объявлять об этом рассказе публике. Я пришлю рассказ, Вы прочтете его и решите, как быть. Если он, по Вашему мнению, будет пропущен цензурою, то посылайте его в набор и объявляйте о нем, если же Вы, прочитав, най-

дете мое сомнение основательным, то благоволите мне возвратить его обратно, не отдавая в набор и на прочтение цензору, потому что, если цензор не разрешит его, то мне неудобно будет посылать его в бесцензурное издание: узнав, что рассказ уже не пропущен, здесь побоятся печатать его.

Поклонитесь Казимиру Станиславовичу и передайте ему мое пожелание всего хорошего.

Будьте здоровы.

Искренно Вас уважающий

А. Чехов.

253

А. С. СУВОРИНУ

19 октября 1891, Москва

19 окт.

Какое великолепное вышло у Вас «маленькое письмо»! ¹ Горячо и красиво написано, и мысли все до одной верны. Говорить теперь о лени, пьянстве и т. п. так же странно и нетактично, как учить человека уму-разуму в то время, когда его рвет или когда он в тифе. Сытость, как и всякая сила, всегда содержит в себе некоторую долю наглости, и эта доля выражается прежде всего в том, что сытый учит голодного. Если во время серьезного горя бывает противно утешение, то как должна действовать мораль и какую глупую, оскорбительную должна казаться эта мораль. По-ихнему, на ком 15 рублей недоимки, тот уж и пустельга, тому и пить нельзя, а сосчитали бы они, сколько недоимки на государствах, на первых министрах, сколько должны все предводители дворянства и архиереи, взятые вместе. Что должна гвардия! Про это только портные знают.

Ну-с, маршрут мой таков. Прежде всего свалю с шеи рассказ для «Сборника» ². Рассказ большой, листа в два, из породы скучных и трудных в исполнении, без начала и без конца, свалю его — и шут с ним. Затем

поеду в губернию генерала Баранова;³ придется плыть по Волге и ехать на конях. Затем приеду к Вам. А в Зарайск не хочется. Я не умею зимой смотреть именья. Что под снегом или окружено голыми деревьями, того я прямо и предубежденно не понимаю.

Вы приказали выслать мне 400? *Vivat dominus Suvorin!* * Значит, в счет «Дуэли» я получил уже от Вашей фирмы 400+100+400. Всего за «Дуэль» придется, как я считал, около 1 400. Значит, 500 пойдет в уплату долга. Ну и то слава богу. К весне мне необходимо уплатить весь долг, иначе я зачахну, ибо весной я опять хочу аванс взять во *всех* редакциях. Возьму и бегу в Яву.

В ответе Висковатова, напечатанном в «Новостях», есть что-то ерническое (величание Вас фельетонистом и пр.), человек он, по-видимому, такой же не ахтительный, как и его знание русского языка, но неужели он подделал? А тон Вашего фельетона делает музыку, очень понятную для всякого. Ну, пришла беда и на профессоров⁴.

Ах, подруженьки, как скучно! Если я врач, то мне нужны больные и больница; если я литератор, то мне нужно жить среди народа, а не на Малой Дмитровке, с мангусом. Нужен хоть кусочек общественной и политической жизни, хоть маленький кусочек, а эта жизнь в четырех стенах без природы, без людей, без отечества, без здоровья и аппетита — это не жизнь, а какой-то [...] и больше ничего.

Ради всех ершей и щук, которых Вы поймаете в своем зарайском имении, прошу Вас, издайте английского юмориста Бернарда⁵. Отдайте в набор.

Кланяюсь Вашим низко. Будьте здоровы тысячу лет.

Ваш А. Чехов.

Н. М. Ежов послал Вам рассказ «Мелкие натуры», спрашивает: годится ли?⁶

* Да здравствует господин Суворин! (лат.)

М. Н. АЛЬБОВУ

22 октября 1891, Москва

22 окт. 91 г.

Многоуважаемый
Михаил Нилович!

Я немножко потерял голову. Повесть, о которой я извещал Вас в последнем письме, я отложил пока в сторону¹. Нецензурность ее не подлежит теперь никакому сомнению, и посылать ее Вам значило бы только тратить попусту время и оставить Вас без рассказа, который Вы хотите получить от меня непременно для январской книжки. В Москве недавно был Суворин, и когда я прочел ему первые 20 строк повести и рассказал стержень, то он сказал: «Я бы не решился это напечатать». Ну, я немножко потерял голову и решил так: эту повесть оставить до поры до времени и написать для Вас что-нибудь другое.

Я и пишу, хотя, признаться, писанье мое туго подвигается. В первых числах ноября я буду в Петербурге и повидаюсь с Вами. Постараюсь, чтобы к тому времени рассказ был готов; если же он и не будет готов, то я кончу его в Петербурге². Простите ради создателя,

Ваш А. Чехов.

А. П. ЧЕХОВУ

24 октября 1891, Москва

24 окт.

Печатают меня по средам и вторникам или вовсе не печатают,— для меня решительно все равно¹. Отдал я повесть, потому что был должен «Новому времени», и если бы не последнее обстоятельство, то повесть моя печаталась бы в толстом журнале, где она вошла бы целиком, где я больше бы получил и где не было бы жужжанья моих уважаемых товарищей. Они видят монополию... Ну, стань на их точку зрения и

скажи им, что я был великодушен и не печатался около двух лет, предоставляя 104 понедельника и 104 среды и Петерсену, и Маслову, и каторжному Жителю... Попроси Суворина, чтобы он отдал среды — разве они мне нужны? Они мне так же не нужны, как и мое сотрудничество в «Нов. вр.», которое не принесло мне как литератору ничего, кроме зла. Те отличные отношения, какие у меня существуют с Сувориным, могли бы существовать и помимо моего сотрудничества в его газете.

Денег в конторе больше не бери, ибо я просил, чтобы они поступали в уплату моего долга по газете.

Ах, как я завертелся! Денег совсем нет, а брать их неоткуда, и, к несчастью, свадьба моя на богатой — одна только сплетня.

Все наши здравствуют.

Поклонись своим наследникам и супруге.

Твой А. Чехов.

256

Н. М. ЛИНТВАРЕВОЙ

25 октября 1891, Москва

25 октябрь

Уважаемая Наталья Михайловна, я не уехал в Нижний, как хотел¹, и сижу дома, пишу и чихаю. Морозова была у министра, он категорически запретил частную инициативу и даже замахал на нее руками. Это как-то сразу повергло меня в апатию. А тут еще сплошное безденежье, чиханье, масса работы, болезнь тетки, которая сегодня умерла², неопределенность, неизвестность — одним словом, все собралось в кучу, чтобы удержать такого ленивого человека, как я. Отъезд свой я отложил до 1-го декабря. В декабре совсем переберусь куда-нибудь в провинцию и буду жить подачному. Поеду в Нижний, а оттуда — куда глаза глядят.

Без Вас долго было скучно, а когда уехал персидский шах³, стало еще скучнее. Я приказал никого не принимать и сижу в своей комнате, как бугай в камышах — никого не вижу, и меня никто не видит. Этак

лучше, а то публика и звонки оборвет и кабинет мой превратит в курильню и говорильню. Скучно так жить, но что делать? Подожду лета, тогда дам себе волю.

Продаю мангуса с аукциона. Охотно бы продал и Гиляровского с его стихами, да никто не купит. По-прежнему он влетает ко мне почти каждый вечер и одолевает меня своими сомнениями, борьбой, вулканами, рваными ноздрями, атаманами, вольной волюшкой и прочей чепухой, которую да простит ему бог.

Печатается в «Русских ведомостях» Сборник в пользу голодающих. С Вашего позволения, я велю выслать Вам один экземпляр наложенным платежом.

Ну, будьте здоровы и счастливы. Привет и поклон всем Вашим.

Географ А. Чехов.

Вся моя фамилия кланяется.

Все наши здоровы, но грустны. Тетка была общей любимицей, считалась у нас олицетворением доброты, ласковости и справедливости, если только все сие олицетворить можно. Конечно, все помер, но все-таки грустно.

В апреле я буду в Ваших краях. Надеюсь, что весной у меня денег будет целая куча. Сужу по примете: нет денег — перед деньгами.

Поклон великомученику Иваненке. Да помянет он меня в своих святых молитвах! Есть надежда, что на рождестве он будет в Москве.

257

А. С. СУВОРИНУ

25 октября 1891, Москва

25 окт.

В редакцию «Нового времени» от учениц пансиона Ржевской в пользу голодающих поступило 5 р. 85 к. Это велите напечатать, а деньги я отдал Алексею Алексеевичу.

Я отсоветовал Алексею Алексеевичу ехать в Зарайск. Во-первых, ехать человеку с насморком по коч-

коватой дороге, 25 верст, по дорогам, где теперь не проедешь ни на санях, ни на колесах,— это не совсем ладно; во-вторых, зимою осматривают именья только тогда, когда хотят в них разочароваться; в-третьих, он может и в апреле съездить, именье не уйдет, а планы могут измениться, и, в-четвертых, мне хочется с ним завтра пообедать у Тестова — это важнее всего.

Печатайте «Дуэль» не 2 раза в неделю, а только один раз. Печатание два раза нарушает давно заведенный порядок в газете, и похоже на то, как будто я отнимаю у других один день в неделю, а между тем для меня и для моей повести все равно печататься, что один, что два раза в неделю¹.

Среди петербургской литературной братии только и разговоров что о нечистоте моих побуждений. Сейчас получил приятное известие, что я женюсь на богатой Сибиряковой. Вообще много хороших известий я получаю.

Каждую ночь просыпаюсь и читаю «Войну и мир». Читаешь с таким любопытством и с таким наивным удивлением, как будто раньше не читал. Замечательно хорошо. Только не люблю тех мест, где Наполеон. Как Наполеон, так сейчас и натяжка и всякие фокусы, чтобы доказать, что он глупее, чем был на самом деле. Все, что делают и говорят Пьер, князь Андрей или совершенно ничтожный Николай Ростов,— все это хорошо, умно, естественно и трогательно; все же, что думает и делает Наполеон,— это не естественно, не умно, надуту и ничтожно по значению. Когда я буду жить в провинции (о чем я мечтаю теперь день и ночь), то буду медициной заниматься и романы читать.

В Петербург я не приеду.

Если б я был около князя Андрея, то я бы его вылечил. Странно читать, что рана князя, богатого человека, проводившего дни и ночи с доктором, пользовавшегося уходом Наташи и Сони, издавала трупный запах. Какая паршивая была тогда медицина! Толстой, пока писал свой толстый роман, невольно должен был пропитаться насквозь ненавистью к медицине.

Будьте здоровы. Тетка умерла.

Ваш А. Чехов.

В. А. ТИХОНОВУ

30 ноября 1891, Москва

30 ноябрь

Ну-с, добрейший Владимир Алексеевич, посылаю Вам маленький, чувствительный роман для семейного чтения. Это и есть «Обыватели», но, написавши рассказ, я дал ему, как видите, другое название, более подходящее¹. Если напечатаете с этим названием, то в марте я пришлю Вам другой рассказ, который будет называться «Обыватели». Впрочем, как хотите.

Если покажется длинно и скучно, то пришлите назад, а я напишу для Вас что-нибудь другое. Так как до января остался еще целый месяц, то Вы успеете прислать мне корректуру рассказа, а я успею прочесть ее.

Что еще сказать Вам? Пригласите в «Север» для всякого рода фельетонных писаний осколочного Игрэка. Это Виктор Викторович Билибин, Колокольная 9, кв. 12. Из всех питерских обозревателей это самый даровитый.

Я яко наг, яко благ и зубы положил на полку. Если Вы в самом скором времени пришлете мне деньжонок, то уподобитесь водоносу, встречающемуся путнику в пустыне.

При сем прилагаю подписной бланок. Сделайте распоряжение, чтобы по этому адресу высылался «Север» в счет моего гонорара².

Ну, будьте здоровы. Пишите. От души желаю Вам успеха.

Ваш А. Чехов.

Неделю тому назад мой приятель Н. М. Ежов, беллетрист, послал Вам рассказ. Получили?

А. С. СУВОРИНУ

30 ноября 1891, Москва

30 ноябрь

Возвращаю Вам две присланные Вами через контр-агентство рукописи. Один рассказ — индийская легенда. Цветок лотоса, лавровые венки, летняя ночь, колибри — это в Индии-то! Начинает с Фауста, жаждущего младости, и кончает «благом истинной жизни» во вкусе Толстого. Я выкинул кое-что, выгладил, и получилась сказка, хотя и не важная, но легкая и которая прочтется с интересом. Другой рассказ безграмотен, сделан по-бабьи и аляповато, но есть фабула и некоторый перец. Я, как увидите, сократил его вдвое. Оба рассказа печатать можно... И мне кажется, что если набрать таких рассказов побольше и потом прочесть их в корректуре, то может выйти интересный и разнообразный рождественский номер. Во втором рассказе участвует елка, кстати сказать¹.

Ежов мало видит и мало знает, но погодите произносить над ним приговор. Авось у него с Лазаревым и выйдет что-нибудь. Лазарев умен и не стал бы писать про московские газеты. Вы ничего не будете иметь против, если к будущей субботе я напишу московский фельетон?² Хочется потряхнуть стариной!

А я все мечтаю и мечтаю. Мечтаю о том, как в марте переберусь из Москвы на хутор, а в октябре — ноябре приеду в Питер жить до марта. Хочется прожить в Питере хоть одну зиму, а это возможно только при одном условии — если я в Москве не буду иметь берлоги. И мечтаю, как все пять месяцев я буду говорить с Вами о литературе и делать в «Новом времени» то, что я умею. А на хуторе медицина во всю ивановскую.

Был у меня Боборыкин. Он тоже мечтает. Говорил мне, что хочет он написать нечто вроде физиологии русского романа, его происхождение у нас и естественный ход развития. Пока он говорил, я никак не мог

отрешиться от мысли, что вижу перед собой маньяка, но маньяка литературного, ставящего литературу паче всего в жизни. Я в Москве у себя так редко вижу настоящих литераторов, что разговор с Боборыкиным показался мне манной небесной, хотя в физиологию романа и в естественный ход развития я не верю, т. е., может быть, и есть эта физиология в природе, но я не верю, чтобы при существующих методах можно было уловить ее. Боборыкин отмахивается обеими руками от Гоголя и не хочет считать его родоначальником Тургенева, Гончарова, Толстого... Он ставит его особняком, вне русла, по которому тек русский роман. Ну, а я этого не понимаю. Коли уж становиться на точку зрения естественного развития, то не только Гоголя, но даже собачий лай нельзя ставить вне русла, ибо все в природе влияет одно на другое, и даже то, что я сейчас чихнул, не останется без влияния на окружающую природу.

Вы говорили, что мы будем писать рассказ вместе. Если так, то Вы не оканчивайте, а мне оставьте кусочек. Если же раздумали писать вместе, то оканчивайте скорее и начинайте новый. Летом давайте напишем два-три рассказа для летних читателей: Вы начало, а я конец.

Сегодня хоронили Курепина. Был венок от «Нового времени». Из шести венков это был самый большой, но не самый красивый. Как-то странно подумать, что пойдешь на новую пьесу и не встретишь в театре заведомая Курепина.

Вы боитесь инфлуэнцы? Но ведь она у Вас прошла. У Вас, несмотря на плохие нервы, которые утомлены у Вас и потому раздражены, здоровье крепкое, и в этом я все более и более убеждаюсь. Вы будете жить еще 26 лет и 7 месяцев.

Будьте здоровы. Читаю «Дневник провинциала» Щедрина. Как длинно и скучно! И в то же время как похоже на настоящее.

Анне Ивановне поклон низжайший.

Ваш А. Чехов.

А. С. СУВОРИНУ

3 декабря 1891, Москва

3 декабрь

Получив корректуру «Каштанки», я тотчас же сделал поправки и написал новую главу. Я разделил сказку на большее количество глав. Теперь уже не 4 главы, а 7. Новая глава даст несколько лишних страниц, и авось получится что-нибудь. Друга дома и неверную жену, конечно, я выбросил вон¹. Корректуру посылаю Вам, а Вы пошлите ее Неупокоеву с объяснением, для чего написана новая глава. Если эта глава Вам покажется резонансом, то бросьте ее.

Получили ли две рукописи?²

Был у меня вчера кн. Урусов, сидел от 7 ч. до 12^{1/2} ночи и рассказывал про французских литераторов. Это упитанный, богатый, умеющий увлекаться Флобером и [...], и, по-видимому, очень довольный собою человек. Но и у него есть заноза в мозгу. Как у Вас прогрессивный паралич, так и он думает, что у него спинная сухотка. Это его мучительная и ровно ни на чем не основанная *idée fixe* *, поддерживаемая в нем подагрическими болями и частыми беседами с докторами.

Из Петербурга, из Вильны и из разных российских городов я получаю письма насчет «Дуэли». Пишут какие-то незнакомцы. Письма в высшей степени задушевные и доброжелательные³. В провинциальных газетах стали критиковать «Дуэль» уже после третьего фельетона. Значит, можно рассчитывать, что книжка окупит себя.

Когда выйдет в свет «Каштанка», прикажите послать 100 экз. в правление общества покровительства животным.

Вчера какой-то, по-видимому, очень молодой человек прислал мне из Воронежа рукопись листов в 40, мелко исписанную. Роман. Название очень новое: «Нищие духом». Умоляет юный автор прочесть и на-

* навязчивая идея (франц.).

писать ему свое мнение. Можете себе представить мой ужас! Стал я ночью перелистывать роман, а там все честное прошлое, служение народу, общность интересов, заходящее солнце... Другой, но уже не юный, а отставной полковник, принес мне две рукописи: «Непрощенные цивилизаторы, или Плоды невежества» и «Знаменитый извозчик». Во второй рукописи изображен идейный молодой человек, который из нужды пошел в извозчики (укор равнодушному обществу, доводящему своих лучших представителей до такого ужасного положения); ну, извозчик сидит на козлах и разговаривает со своими седоками о Марксе, Бокле и логике Милля.

Гуревич не дала аванса. Какова? Я не огорчился, конечно, но ее-то положение! Нет денег у бедняжки, а в типографию надо, за бумагу надо, авторам надо, Филоксере надо... Мне за мой рассказ⁴ приходится рублей 600. Написал ей, чтоб не стеснялась и высылала мне гонорар, когда ей угодно и удобно. Кстати сказать, я «выскочил». Я столько написал, что если мне будут присылать гонорар аккуратно, то я проживу безбедно до самого отъезда на дачу.

Да хранит Вас аллах! Акакий Московский⁵ весьма достоин того, чтобы стать штатным сотрудником «Нового времени»,

Ваш А. Чехов.

261

Е. П. ЕГОРОВУ

11 декабря 1891, Москва

11 декабрь

Уважаемый Евграф Петрович, вот Вам история моего неудавшегося путешествия к Вам¹. Я собирался ехать к Вам не с корреспондентскими целями, а по поручению, или, вернее, по соглашению с небольшим кружком людей, желавших сделать что-нибудь для голодающих. Дело в том, что публика не верит администрации и потому воздерживается от пожертвований. Ходит тысяча фантастических сказок и басен о растратах, наглых воровствах и т. п. Епархиального

ведомства сторонятся, а на Красный Крест негодуют. Владелец незабвенного Бабкина, земский начальник, отрезал мне прямо и категорически: «В Москве, в Красном Кресте, воруют!» При таком настроении администрация едва ли дождется серьезной помощи от общества. А между тем публике благотворить хочется, и совесть ее потревожена. В сентябре московская интеллигенция и плутократия собирались в кружки, думали, говорили, копошились, приглашали для совета сведущих людей; все толковали о том, как бы обойти администрацию и заняться организацией помощи самостоятельно. Решили послать в голодные губернии своих агентов, которые знакомились бы на месте с положением дела, устраивали бы столовые и проч. Некоторые главари кружков, люди с весом, ездили к Дурново просить разрешения, и Дурново отказал, объявив, что организация помощи может принадлежать только епархиальному ведомству и Красному Кресту. Одним словом, частная инициатива была подрезана в самом начале. Все повесили носы, пали духом; кто озлился, а кто просто омыл руки. Надо иметь смелость и авторитет Толстого, чтобы идти наперекор всяким запрещениям и настроениям и делать то, что велит долг².

Ну-с, теперь о себе. Я с полным сочувствием относился к частной инициативе, ибо каждый волен делать добро так, как ему хочется; но все рассуждения об администрации, Красном Кресте и проч. казались мне несвоевременными и не практическими. Я полагал, что при некотором хладнокровии и добродушии можно обойти все страшное и щекотливое и что для этого нет надобности ездить к министру. Я поехал на Сахалин, не имея с собой ни одного рекомендательного письма, и, однако же, сделал там все, что мне нужно; отчего же я не могу поехать в голодающие губернии? Вспомнил я также таких администраторов, как Вы, как Киселев и все мои знакомые земские начальники и податные инспектора — люди в высшей степени порядочные и заслуживающие самого широкого доверия. И я решил, хотя на небольшом районе, если можно, сочетать два начала: администрацию и частную инициативу. Мне хотелось поскорее съездить к Вам и

посоветоваться. Мне публика верит, поверила бы она и Вам, и я мог рассчитывать на успех. Помните, я послал Вам письмо. Тогда в Москву приехал Суворин; я нажаловался ему, что не знаю Вашего адреса. Он телеграфировал Баранову, а Баранов был так любезен, что прислал Ваш адрес. Суворин был болен инфлуэнцей; обыкновенно, когда он приезжает в Москву, мы целые дни проводим неразлучно и толкуем о литературе, которую он знает превосходно. И на сей раз толковали, и кончилось тем, что я заразился от него инфлуэнцей, лег в постель и стал неистово кашлять. Был в Москве Короленко и застал меня страждущим. Осложнение со стороны легких сделало то, что я маялся целый месяц, безвыходно сидел дома и ровно ничего не делал. Теперь дела мои пошли на поправку, но все еще я кашляю и худею. Вот Вам и вся история. Если бы не инфлуэнца, то, может быть, нам вместе удалось бы сорвать с публики тысячи двести или больше, смотря по обстоятельствам.

Ваше раздражение против печати вполне понятно. Рассуждения газетчиков Вас, знакомого с истинным положением вещей, так же раздражают, как меня, медика, рассуждения профана о дифтерите. Но что прикажете делать? Что? Россия не Англия и не Франция. Газеты у нас не богаты и в своем распоряжении имеют очень немного людей. Послать на Волгу профессора Петровской академии или Энгельгардта — это дорого; послать дельного и даровитого сотрудника тоже нельзя — дома нужен. «Times» на свой счет устроил бы в голодающих губерниях перепись, посадил бы в каждой волости Кеннана, платя ему по 40 руб. суточных, — и вышел бы толк, а что могут сделать «Русские ведомости» или «Новое время», которые доход в сто тысяч считают уже крезовским богатством? Что же касается самих корреспондентов, то ведь это горожане, знающие деревню только по Глебу Успенскому. Положение их фальшиво в высшей степени. Прилети в волость, понюхай, пиши и валяй дальше. У него ни материальных средств, ни свободы, ни авторитета. За 200 целковых в месяц он скачет, скачет и молит бога только о том, чтобы на него не сердились за его невольное и

неизбежное вранье. Он чувствует себя виноватым. Но виноват ведь не он, а русские потемки. К услугам западного корреспондента — превосходные карты, энциклопедические словари, статистические исследования; на западе корреспонденции можно писать, сидя дома. А у нас? У нас корреспондент может почерпать сведения только из бесед и слухов. Ведь у нас во всей России до сих пор исследованы только три уезда: Череповский, Тамбовский и еще какой-то. Это на всю-то Россию! Газеты врут, корреспонденты — саврасы, но что же делать? *А не писать нельзя.* Если бы печать наша молчала, то положение было бы еще ужаснее, согласитесь с этим.

Ваше письмо и Ваша затея насчет покупки скота у крестьян сдвинули меня с места³. Я всей душой и всеми моими силами готов слушаться Вас и делать все, что Вы хотите. Я долго думал, и вот Вам мое мнение. На богатых людей рассчитывать нельзя. Поздно. Каждый богач уже отвалил те тысячи, которые ему суждено было отвалить. Вся сила теперь в среднем человеке, жертвующем полтинники и рубли. Те, которые в сентябре толковали о частной инициативе, нашли себе приют при разного рода комиссиях и комитетах и уже работают. Значит, остается средний человек. Давайте объявим подписку. Вы напишите письмо в редакцию, и я напечатаю его в «Русских ведомостях» и в «Новом времени». Чтобы сочетать два вышеписанных начала, мы можем оба подписаться под письмом. Если это для Вас неудобно в служебном отношении, то можно написать от третьего лица корреспонденцию, что в Нижегород. уезде в 5 участке организовано то-то и то-то, что дела идут, слава богу, успешно и что пожертвования просят высылать земскому начальнику Е. П. Егорову, живущему там-то, или же А. П. Чехову, или в редакцию таких-то газет. Надо только подлиннее написать. Напишите подробнее, а я прибавлю что-нибудь — и дело в шляпе. Нужно писать о пожертвованиях, но не о займе. На заем никто не пойдет: жутко. Дать трудно, но взять назад еще труднее.

В Москве у меня есть один только знакомый бо-

гач — это В. А. Морозова, известная благотворительница. Вчера я был у нее с Вашим письмом. Говорил, обедал. Она увлечена теперь Комитетом грамотности, который устраивает столовые для школьников, и все отдает туда. Так как грамотность и лошади — величины несоизмеримые, то В. А. пообещала мне содействие комитета в случае, если Вы пожелаете устроить столовые для школьников и пришлете подробные сведения. Мне *неловко* было просить у нее денег сейчас же, так как у нее берут и берут без конца и треплют ее, как лисицу. Я только попросил ее, что в случае если у нее будут какие-либо комиссии и комитеты, то чтобы она не забывала и нас, и она дала мне обещание не забывать. Ваше письмо и Ваша идея сообщены также редактору «Русских ведомостей» Соболевскому — это на всякий случай. Всюду я трезвоню, что дело уже организовано.

Если будут рубли и полтинники, то я буду высылать их Вам без всякой задержки. А Вы распоряжайтесь мной и верьте, что для меня было бы истинным счастьем хотя что-нибудь сделать, так как до сих пор для голодающих и для тех, кто помогает им, я ровно ничего не сделал⁴.

Все наши здравствуют, кроме Николки, который в 1889 году умер от чахотки, и Федосии Яковлевны (помните, она приезжала к Ивану в школу), которая умерла в октябре тоже от чахотки. Иван учительствует в Москве, Миша — податным инспектором.

Будьте здоровы.

Ваш А. Чехов.

262

А. И. СМАГИНУ

11 декабря 1891, Москва

11 дек.

Еще раз здравствуйте, Ваше высокоблагородие! Спасибо за телеграмму. Ждем ответа с нетерпением, ибо 20-е число близко. В тот же день, когда я получу от Маши телеграмму, я стану хлопотать о доверенности и высылке Вам денег¹.

Ну-с, теперь вот о чем, сударь мой. Я сижу безвыездно в Москве, но между тем дело мое в Нижегородской губ. кипит уже, кипит! Я вместе со своим приятелем, земским начальником, прекраснейшим человеком, в самом глухом участке Нижегород. губ., где нет ни помещиков, ни докторов, ни даже интеллигентных девиц, которых теперь даже в аду много, затеяли маленькое дельце, на котором думаем нажить этак тысяч по сто. Помимо всяких голодных дел, мы, главным образом, стараемся спасти урожай будущего года. Оттого, что мужики за бесценок, за гроши продают своих лошадей, грозит серьезная опасность, что яровые поля будут не вспаханы и что, таким образом, опять повторится голодная история. Так вот мы скупаем лошадей и кормим, а весной возвратим их хозяевам. Дело наше уже стоит крепко на ногах, и в январе я поеду туда созерцать плоды. Пишу Вам сие вот для чего. В случае если во время шумного пира Вам или кому-либо случится собрать хотя полтинник в пользу голодающих, или если какая-нибудь Коробочка завещает с тою же целью рубль, и если Вы сами выиграете в стуколку 100 рублей, то помяните нас, грешных, в своих святых молитвах и уделите нам частицу от щедрот! Это не сейчас, а когда угодно, но не позже весны. Весною лошади будут уже не наши. О каждой потраченной копейке жертвователю получит самый подробный отчет, буде пожелает он, в стихах, которые напишет по моему заказу Гиляровский. В январе будем печатать в газетах. Щедроты направляйте или ко мне, или же прямо на место сражения: станция Богоявленное, Нижегородской губ., Евграфу Петровичу Егорову, земскому начальнику.

Откуда Вы взяли, что мы охладели к Сумбатову? Напротив, мы по-прежнему в восторге от его талантов.

Неужели я буду жить в Сорочинцах или около? Не верится что-то. А хорошо бы это было. Летом и осенью пескарей ловить, а зимою улепетнул бы в Питер и в Москву...

Пишите.

Ваш душой

А. Чехов.

А. С. СУВОРИНУ

13 декабря 1891, Москва

13 дек.

Теперь я понимаю, почему Вы плохо спите по ночам. Если бы я написал такой рассказ¹, то не спал бы десять ночей подряд. Самое страшное место то, где Варя душит героя, как домовой, и знакомит его с тайнами загробной жизни. И страшно и с спиритизмом согласно. Из речей Вари и особенно там, где оба едут верхом, нельзя выбросить ни одного слова. Не трогайте, Идея рассказа хороша, содержание фантастично и интересно.

Исправить я мог только корректурные ошибки; «уж» заменил своим «уже», «во весь опор» заменил «во весь дух», мандолину — цитрой. Больше ничего не нашел. Вот разве один только совет: откиньте конец у эпитафия. Эпитаф придуман очень кстати, но то, что я зачеркнул, излишне удлиняет его. Ведь Ваш рассказ отчасти имеет целью утратить читателя и испортить ему дюжину нервов, зачем же Вы говорите о «нашем нервном веке»? Ей-богу, никакого нет нервного века. Как жили люди, так и живут, и ничем теперешние нервы не хуже нервов Авраама, Исаака и Иакова. Откиньте конец, но эпитаф *оставьте*.

Так как Вы уже написали конец, то я не помешаю, если пошлю Вам свой. Вдохновился и не утерпел, чтобы не написать. Прочтите, буде пожелаете².

Рассказы вообще тем хороши, что над ними можно сидеть с пером целые дни и не замечать, как идет время, и в то же время чувствовать нечто вроде жизни. Это с гигиенической точки зрения. А с точки зрения полезности и проч. написать недурной рассказ с содержанием и дать читателю 10—12 интересных минут — это, как говорит Гиляровский, не баран начинал. Отчего Вы редко пишете рассказы? Отчего Вы

не пишете их летом? Ведь фантазии у Вас — слава тебе господи!

У меня сегодня опять прескверно болит голова. Не знаю, что делать. Нет уж, должно быть, к старости пошло, а если не к старости, то к чему-нибудь похуже.

Сегодня один старичок принес мне 100 рублей на голодающих.

Приеду к Вам или 17-го, или же на второй день праздника. Деньги есть. 20-го уезжает сестра смотреть хутор³, и хочется ее проводить, да и стариков жалко оставить одних на праздниках. Во всяком случае, Новый год буду у Вас встречать. Это *непрерменно*. Дам Ваш рассказ Маше. Пусть почитает на сон грядущий.

Будьте здоровы. Всего хорошего!

Ваш А. Чехов.

Корректуру посылаю одновременно с сим.

264

В. А. ТИХОНОВУ

14 декабря 1891, Москва

14.

Милый Владимир Алексеевич, письма Вашего, о котором Вы пишете, я *не* получал.

Право, не знаю, как быть с заглавием моего рассказа! «Великий человек» мне совсем не нравится. Надо назвать как-нибудь иначе — это непременно. Назовите так — «Попрыгунья».

Итак, значит «Попрыгунья». Не забудьте переменить.

150 р. получил. Мерси-с.

Всего хорошего!

Ваш А. Чехов.

С. А. АНДРЕЕВСКОМУ

25 декабря 1891, Москва

25 декабря

Начнем с психологии. Судя по Вашему последнему письму, в Вас есть та самая раздражительность, которая свойственна только богам, поэтам и очень красивым, избалованным женщинам. Трем богиням понадобилось мнение пастуха, красивой женщине после музыки, цветов и мужских ласк вдруг захочется кислой капусты или гречневой крупы,— так и Вам захотелось моей критики. Доказательство, что Вы поэт.

Ваши книжки¹ прочел я внимательно, и с большим удовольствием. Помню, дело Лютостанского² читал я вслух в деревне при поэтической обстановке, и потом был длинный разговор о Вас. Стихи Ваши целое лето лежали у меня на круглом столе, и их читали целое лето я и все, кому случалось подходить к оному столу. Теперь Ваши книжки переплетены и, в числе прочих моих *bioux**, лежат в сундуке, ожидая отправки в Сорочинцы, где родился Гоголь и куда уезжаю я на постоянное жительство.

Но что я мог написать Вам? Я уважаю Ваши книжки и Ваше авторское чувство, значит я должен писать серьезно, без ерничества. Никакая брань не оскорбляет и не опошляет так, как мелкость суждений. А я должен сознаться, к стыду своему, в своих письмах отличаюсь именно этою мелкостью. Я умею рассуждать только тогда, когда меня наводят или ставят передо мной отдельный вопрос. Я, быть может, умен так же, как Спасович, у меня в голове есть мысли, но они не умеют широкой струей выливаться на бумагу. Я пробовал писать Вам, но выходило что-то газетное, à la Скабичевский.

О Ваших речах нужно писать много или ничего. А много я не умею. Для меня речи таких юристов, как Вы, Кони и др., представляют двойкий интерес.

* драгоценностей (франц.).

В них я ищу, во-первых, художественных достоинств, искусства и, во-вторых, того, что имеет научное или судебно-практическое значение. Ваша речь по поводу юнкера, убившего своего товарища, это — вещь удивительная по грациозности, простоте и картинности: люди живые, и я даже дно оврага вижу. Речь по делу Назарова — самая умная и полезная в деловом отношении речь³. Но ведь это серьезно и длинно.

Свои книжки непременно пришлю Вам или сам привезу. Не прислал их раньше, потому что не знал, хотите Вы их иметь или нет, и отчасти потому, что думал или мне казалось, что я их послал Вам.

Отчего Вы пьесы не напишете?

В Петербурге я буду после 27-го.

Ваш А. Чехов.

266

Л. А. АВИЛОВОЙ

21 февраля 1892, Москва

21 февраль

Уважаемая Лидия Алексеевна, я получил и уже прочел Ваш рассказ¹. По-настоящему, за то, что Вы не пожелали повидаться со мной, мне следовало бы разругать Ваш рассказ, но... да простит Вас аллах!

Рассказ хорош, даже очень, но, будь я автором его или редактором, я обязательно посидел бы над ним день-другой. Во-первых, архитектура... Начинать надо прямо со слов: «Он подошел к окну»... и проч. Затем герой и Соня должны беседовать не в коридоре, а на Невском, и разговор их надо передавать с середины, дабы читатель думал, что они уже давно разговаривают. И т. д. Во-вторых, то, что есть Дуня, должно быть мужчиною. В-третьих, о Соне нужно побольше сказать... В-четвертых, нет надобности, чтобы герои были студентами и репетиторами,— это старо. Сделайте героя чиновником из департамента окладных сборов, а Дуню офицером, что ли... Барышкина — фамилия некрасивая. «Вернулся» — название изысканное... Однако я вижу, не удержался и отмстил Вам за

то, что Вы обошлись со мной, как фрейлина екатерининских времен, т. е. не захотели, чтобы я не письменно, а словесно навел критику на Ваш рассказ.

Если хотите, то Ваш рассказ я вручу Гольцеву, который будет у меня до первого марта. Но лучше произвести кое-какие перестройки — спешить ведь некуда. Перепишите рассказ еще раз, и Вы увидите, какая будет перемена: станет сочнее, круглее и фигуры яснее.

Что касается языка, манеры, то Вы мастер. Если бы я был редактором, то платил бы Вам не менее 200 за лист.

Напишите мне сегодня, что Вы намерены делать. В ожидании распоряжений пребываю уважающим и готовым служить

А. Чехов.

Ваши герои как-то ужасно спешат. Выкиньте слова «идеал» и «порыв». Ну их!

Когда критикуешь чужое, то чувствуешь себя генералом.

267

В. А. ТИХОНОВУ

22 февраля 1892, Москва

22 февраль

Простите, драгоценный Владимир Алексеевич, что так долго не отвечал на Ваше письмо. Во-первых, недавно только вернулся из Воронежск. губ.¹ и, во-вторых, покупаю имение² (не к ночи будь сказано) и целые дни провожу во всякого рода нотариальных, банковых, страховых и иных паразитных учреждениях. Покупка моя довела меня до остервенения. Похож я на человека, который зашел в трактир только затем, чтобы съесть биток с луком, но, встретив благоприятелей, нализался, натрескался, как свинья, и уплатил по счету 142 р. 75 к. Рассчитывал я купить за пять тысяч и отделаться этою суммою, но увы! — удавы в виде всяких купчих, закладных, залоговых и проч.

с первого абцуга сковали меня, и я слышу, как трещат мои кости, и, закрывши глаза, ясно вижу, как мое имение продается с аукциона. Увы!

Вы напрасно думаете, что Вы пересолили на именинах Щеглова. Вы были выпивши, вот и все. Вы плясали, когда все плясали, а Ваша джигитовка на извозчичьих козлах не вызвала ничего, кроме всеобщего удовольствия. Что же касается критики Вашей, то, вероятно, она была очень не строгая, так как я ее не помню. Помню только, что я и Введенский чему-то, слушая Вас, много и долго хохотали.

Вам нужна моя биография? ³ Вот она. Родился я в Таганроге в 1860 г. В 1879 г. кончил курс в таганрогской гимназии. В 1884 г. кончил курс в Московском университете по медицинскому факультету. В 1888 г. получил Пушкинскую премию. В 1890 г. совершил путешествие на Сахалин через Сибирь и обратно морем. В 1891 г. совершил турне по Европе, где пил прекрасное вино и ел устриц. В 1892 г. гулял на именинах с В. А. Тихоновым. Писать начал в 1879 г. в «Стрекозе». Сборники мои суть: «Пестрые рассказы», «В сумерках», «Рассказы», «Хмурые люди» и повесть «Дуэль». Грешил и по драматической части, хотя и умеренно. Переведен на все языки, за исключением иностранных. Впрочем, давно уже переведен немцами. Чехи и сербы также одобряют. И французы не чужды взаимности. Тайны любви постиг я, будучи 13 лет. С товарищами, как врачами, так равно и литераторами, пребываю в отличнейших отношениях. Холост. Желал бы получать пенсию. Медициной занимаюсь и даже настолько, что, случается, летом произвожу судебно-медицинские вскрытия, коих не совершал уже года 2—3. Из писателей предпочитаю Толстого, а из врачей — Захарьина.

Однако все это вздор. Пишите что угодно. Если нет фактов, то замените их лирикою.

Будьте здоровы и благополучны. Кланяйтесь Вашим дочкам.

Ваш А. Чехов.

А. С. СУВОРИНУ

28 февраля 1892, Москва

28 февр.

Третьего дня я был в имении, которое покупаю¹. Впечатление ничего себе. Дорога от станции до имения все время идет лесом. Расстояние такое, как от Боброва до Коршева. Само имение симпатично. Дом новый, крепкий, с затеями. Мой кабинет прекрасно освещен сплошными итальянскими окнами и просторнее московского. Но в общем будет тесно. Амбары и проч. постройки новы. Сад и парк хороши. Инвентарь, если не считать рояля, никуда не годен. Парники хороши. Оранжереи нет.

Покупать имение скучно. Это раздражающая пошлость. Все время, после того как мы расстались, я делал глупости и среди пошляков чувствовал себя непрактическим дураком, который берется не за свое дело. Я рыскал по всякого рода паразитным учреждениям и платил вдвое больше, чем рассчитывал... Формальности по покупке обошлись мне дороже тысячи рублей. Художник, продающий мне имение², шалый человек, из страха, что я могу отлынуть, все время лгал мне и в крупном и в мелочах, так что каждый день я делал открытия. Имение его оказалось все в долгах, и я должен был платить эти долги, причем брал ничего не стоящие расписки; если старший нотариус не утвердит купчей, то деньги мои пропадут.

Утверждение должно последовать в понедельник. Во вторник я еду в имение и буду жить там до июня. Потом удеру в Феодосию и на Кавказ, потом в Петербург. Слава богу, за квартиру и за дрова уже не платить. Лесу у меня 160 десятин, и дров хватит.

Вещи уже уложены. Вчера отправил 60 пудов багажа, что обошлось дешевле 6 рублей. Миша был в Тапканове. Говорит, что там только 10 комнат. Комнаты велики, но все-таки для Вас тесно. Когда мы поедем? Можно поехать на лошадях, прямо из Лопасни.

За деньги благодарю Вас, голубчик, от всей души. Вы дали мне крылья. Если бы не новременский банк, то мне от натуги пришлось бы лопнуть. Половина ссуды будет погашена, вероятно, в августе, ибо денег я не брал за несколько изданий. В общем долг уплачен будет года в три, не больше, или в два, не меньше. За книги я денег брать не буду до тех пор, пока долг мой не обратится в нуль.

Купил я 20 линей и впустил их в пруд. На развод. Заказал рыбникам карпий.

Я просил у Вас 50 экз. «Каштанки» для Комитета грамотности и до сих пор не получил. Прикажите прислать через Москов. отделение. Представьте, рисунки публике нравятся; мне же они совсем не нравятся. Формат хорош.

Насчет земских начальников Вы написали очень интересно³. Письма Ваши вообще хороши, но меня они не удовлетворяют, ибо кажутся короткими. Я бы длиннее писал. Уже очень сюжет занимательный, да и публика читает с большой охотой. Как жаль, что нельзя описать молебен по случаю бунта и окроплению розог святой водой! Или можно?

От Бори и Мити я получил 10 р., вырученные ими от лотереи. Деньги посланы по назначению. Расписку в получении и подробности Боря и Митя получат через 1½—2 недели. Так им и скажите. Я тронут.

Виделся недавно с Ермоловой. Говорили много о Вас. Муж ее Шубинский собирается к Вам, чтобы поговорить насчет московского фельетониста Васильева. Он рассказывает про него такие криминалы, что боже упаси.

Храни Вас бог. После поездки Вы чувствуете себя здоровее и бодрее. Не правда ли?

Ваш А. Чехов.

Урусов написал обо мне в «La Plume» критическую заметку⁴.

А. И. УРУСОВУ*1 марта 1892, Москва*

1 марта

Дорогой Александр Иванович, вчера я собирался к Вам, но в 8 часов вечера обстоятельства неожиданно погнали меня совсем в другую сторону: приехала одна особа¹ и приказала мне следовать за ней. Я должен был повиноваться. Если бы это была полиция, то я оказал бы ей вооруженное сопротивление и все-таки попал бы к Вам, но это была не полиция, а та власть, перед которою дрожат даже боги.

За подарок сердечно благодарю². Вашу грациозную статейку буду беречь всю жизнь и внесу ее в свой формулярный список, где под рубрикой «незаслуженные награды» она будет занимать самое видное место. Впрочем, кажется, я витиевато выражаюсь. Но это ничего.

От Елены Михайловны Шавровой (Б. Афанасьевский пер., д. Лачиновой) получен ответ: она очень рада³. Играть ей очень хочется, а актриса она, повторяю, очень недурная. Первое впечатление она дает какое-то сюсюкающее — не смущайтесь этим. У нее есть огонек и задор. Хорошо поет цыганские песни и не дура выпить. Умеет одеться, но причесывается глупо. В среду в «Новом времени» был напечатан ее рассказ «Маленькая барышня».

Я уеду в свое имение в четверг или в пятницу. Жду утверждения старшего нотариуса.

Еще раз благодарю.

Ваш А. Чехов.

Л. А. АВИЛОВОЙ*3 марта 1892, Москва*

3 март

За что Вы рассердились на меня, уважаемая Лидия Алексеевна? Это меня беспокоит. Я боюсь, что моя критика была и резка, и не ясна, и поверхностна¹. Рассказ Ваш, повторяю, очень хорош, и, кажется, я ни

одним словом не заикнулся о «коренных» поправках. Нужно только студента заменить каким-нибудь другим чином, потому что, во-первых, не следует поддерживать в публике заблуждение, будто идеи составляют привилегию одних только студентов и бедствующих репетиторов, и, во-вторых, теперешний читатель не верит студенту, потому что видит в нем не героя, а мальчика, которому нужно учиться. Офицера не нужно, бог с Вами — уступаю, оставьте Дуню, но утрите ей слезы и велите ей попудриться. Пусть это будет самостоятельная живая и взрослая женщина, которой поверил бы читатель. Нынче, сударыня, плаксам не верят. Женщины плаксы к тому же деспотки. Впрочем, это сюжет длинный.

Гольцеву я хотел отдать рукопись с единственною целью — увидеть Ваш рассказ в «Русской мысли». Кстати, вот Вам перечень толстых журналов, куда я каждую минуту могу и готов адресоваться с Вашими произведениями: «Северный вестник», «Русская мысль», «Русское обозрение», «Труд» и, вероятно, еще «Неделя». Вы грозите, что редакторы никогда не увидят Вас. Это напрасно. Назвавшись груздем, полезай в кузов. Уж коли хотите заниматься всерьез литературой, то идите напролом, ничесо же сумняся и не падая духом перед неудачами. Простите за сентенции.

В среду или в четверг я уезжаю из Москвы. Мой адрес (для простой корреспонденции): ст. Лопасня, Москов.-Курск. Я купил себе имение. Через 1—2 года оно будет продаваться с аукциона, так как я купил его с переводом банковского долга. Это я сделал глупость. Если Вы перестанете на меня сердиться и пожелаете прислать мне рукопись, то посылайте ее в виде простого письма на Лопасню или же заказною бандеролью в Серпухов.

Желаю Вам всего хорошего и полного успеха. Пожалуйста, поклонитесь Надежде Алексеевне. Когда я буду в Петербурге, то непременно побываю у нее. А какие славные лебеди у Сергея Николаевича! На выставке видел.

Искренно уважающий и преданный

А. Чехов.

А. С. СУВОРИНУ

3 марта 1892, Москва

3 февр.

Вчера Ленский прислал мне билет в ученический спектакль. Его ученики играли в Малом театре «Пучину»². Пьеса удивительная. Последний акт — это нечто такое, чего бы я и за миллион не написал. Этот акт целая пьеса, и когда я буду иметь свой театр, то буду ставить только этот один акт. Два ученика играли очень хорошо. Когда я похвалил одного из них, то Ленский поморщился — очевидно, сей ученик не пользуется фавором.

Я каждый день делаю открытия. Что за ужас иметь дело со лгунами! Продавец художник лжет, лжет, лжет без надобности, глупо — в результате ежедневные разочарования. Каждую минуту ожидаешь новых обманов, отсюда раздражение. Привыкли писать и говорить, что только купцы обмеривают да обвешивают, а поглядели бы на дворян! Глядеть гнусно. Это не люди, а обыкновенные кулаки, даже хуже кулаков, ибо мужик-кулак берет и работает, а мой художник берет и только жрет да бранится с прислугой. Можете себе представить, с самого лета лошади не видели ни одного зерна овса, ни клочка сена, а жрут одну только солому, хотя работают за десятерых. Корова не дает молока, потому что голодна. Жена и любовница живут под одной крышей. Дети грязны и оборваны. Вонь от кошек. Клобы и громадные тараканы. Художник делает вид, что предан мне всей душой, и в то же время учит мужиков обманывать меня. Так как трудно на глаз понять, где моя земля и где мой лес, то мужики научены были показывать мне крупный лес, принадлежащий церкви. Но мужики не послушались. Вообще чепуха и пошлость. Гадко, что вся эта голодная и грязная сволочь думает, что и я так же дрожу над копейкой, как она, и что я тоже не прочь надуть. Мужики забиты, запуганы и раздражены.

Посылаю Вам цидулку об имениях. На месте наведу справки.

В Вашем магазине говорят, что «Каштанка» идет хорошо. Если это справедливо, то желательно, чтобы не запоздало второе издание.

Вам хочется построить театр, а мне ужасно хочется поехать в Венецию и написать... пьесу³. Как я рад, что в Москве у меня не будет квартиры! Это такое удобство, какого я отродясь не имел.

Как здоровье Алексея Алексеевича? Не понимаю, для чего ему душ понадобился?

Всех благ!

Ваш А. Чехов,

272

И. Л. ЛЕОНТЬЕВУ-ЩЕГЛОВУ

9 марта 1892, Мелихово

9 март

Милый мой Жан, желание Ваше будет исполнено; я пошлю в «Неделю» рассказ. И сделаю это тем более охотно, что сей журнал мне симпатичен. Передайте штурману¹, что я займу каюту в его судне не позже апреля.

Да, таких людей, как Рачинский, очень мало на белом свете. Я, голубчик, понимаю Ваш восторг. После духоты, какую чувствуешь в среде Бурениных и Аверкиевых — а ими полон мир, — Рачинский, идейный, гуманный и чистый, представляется весенним зефиром. Я готов за Рачинского живот свой положить, но, милый друг... разрешите мне это «но» и не сердитесь — я не отдал бы в его школу своих детей. Почему? Я получил в детстве религиозное образование и такое же воспитание — с церковным пением, с чтением апостола и кафизм в церкви, с исправным посещением утрени, с обязанностью помогать в алтаре и звонить на колокольне. И что же? Когда я теперь вспоминаю о своем детстве, то оно представляется мне довольно мрачным; религии у меня теперь нет. Знаете, когда, бывало, я и два мои брата среди церкви пели трио «Да исправится» или же «Архангельский глас»,

на нас все смотрели с умилением и завидовали моим родителям, мы же в это время чувствовали себя маленькими каторжниками. Да, милый! Рачинского я понимаю, но детей, которые учатся у него, я не знаю. Их души для меня потемки. Если в их душах радость, то они счастливее меня и братьев, у которых детство было страданием.

Хорошо быть лордом. Просторно, тепло, никто не обрывает у двери звонка, но легко оборваться и из лордов угодить в консьержи или портье. Имение, сударь, стоит 13 тысяч, а я уплатил только треть. Остальное составляет долг, который долго, долго будет держать меня на цепочке.

Вот мой адрес: Ст. Лопасня Моск.-Курск. дороги, село Мелихово. Это для простых писем и телеграмм.

Приезжайте ко мне, Жан, вместе с Сувориным. Сговоритесь с ним. Какой у меня сад! Какой наивный двор! Какие гуси!

Пишите почаще.

Поклон и привет Вашей радушной жене. Будьте, голубчик, здоровы и веселы.

Ваш А. Чехов.

Пришлите мне оттиск Вашей последней повести².

273

А. С. СУВОРИНУ

11 марта 1892, Мелихово

Среда

Труд рабочего обесценен почти до нуля, и потому мне очень хорошо. Я начинаю понимать прелести капитализма. Сломать печь в людской и сделать там кухонную печь со всеми подробностями, потом сломать в доме кухню и поставить вместо нее голландку — это стоит все 20 рублей. Цена двум лопатам — 25 коп. Набить ледник — 30 коп. в день поденщику. Молодой работник, грамотный, трезвый и не курящий, который обязан и пахать, и сапоги чистить, и парники смот-

реть, стоит 5 р. в месяц. Полы, перегородки, оклейка стен — все это дешевле грибов. И мне вольготно. Но если б я платил за труд хотя четверть того, что получаю за свой досуг, то мне в один месяц пришлось бы вылететь в трубу, так как число печников, плотников, столяров и проч. угрожает никогда не кончиться на мацер периодической дробы. Просторная жизнь, не замкнутая в четыре стены, требует и просторного кармана. Я Вам уже надоел, но скажу еще одно: семена клевера стоят 100 р., а овса потребно на семена больше, чем на сто. Вот тут и вертись! Пророчат мне урожай и богатство, но на кой мне это? Лучше в настоящем пятак, чем в будущем рубль. Приходится сидеть и работать. На все пустяки нужно заработать по крайней мере рублей пятьсот. Половину уже заработал. А снег тает, тепло, птицы поют, небо ясное, весеннее.

Читаю пропасть. Прочел «Легендарные характеры» Лескова, «Русское обозрение», январь¹. Божественно и пикантно. Соединение добродетели, благочестия и блуда. Но очень интересно. Прочтите, если не читали. Прочел опять критику Писарева на Пушкина². Ужасно наивно. Человек развенчивает Онегина и Татьяну, а Пушкин остается целехонек. Писарев — дедушка и папенька всех нынешних критиков, в том числе и Буренина. Та же мелочность в развенчивании, то же холодное и себялюбивое остроумие и та же грубость и неделикатность по отношению к людям. Оскотиниться можно не от идей Писарева, которых нет, а от его грубого тона. Отношение к Татьяне, в частности к ее милому письму, которое я люблю нежно, кажется мне просто омерзительным. Воняет от критики назойливым, придирчивым прокурором. Впрочем, шут с ним!

Когда Вы ко мне приедете? До благовещения на санях или после — на колесах? Мы почти совсем кончили с уборкой; не готовы только полки для моих книг. Когда выставим рамы, начнем красить все заново, и тогда дом примет весьма благоприличный вид. Летом сделаем ватерклозет.

В саду липовые аллеи, яблоки, вишни, слива, малина.

Вы как-то писали, чтобы я дал Вам сюжет для комедии. Мне до такой степени хочется, чтобы Вы приняли за комедию, что я готов отдать Вам все сюжеты, какие у меня только есть в голове. Приезжайте, потолкуем на свежем воздухе.

Будьте пока здоровы и благополучны. Поклон Вашим. Это хорошо, что Алексей Алексеевич уехал в деревню.

Ваш А. Чехов,

274

Л. А. АВИЛОВОЙ

19 марта 1892, Мелихово

Ст. Лопасня, 19 март.

Уважаемая Лидия Алексеевна, рассказ Ваш, если хотите печататься в иллюстрированных журналах, можно послать в «Север» или во «Всемирн. иллюстрацию». В первом редактирует Вл. Тихонов, во второй, кажется, Ясинский. Оба люди доброжелательные и внимательные.

Ваш рассказ «В дороге» читал. Если бы я был издателем иллюстр. журнала, то напечатал бы у себя этот рассказ с большим удовольствием. Только вот Вам мой читательский совет: когда изображаете горемык и бесталанных и хотите разжалобить читателя, то старайтесь быть холоднее — это дает чужому горю как бы фон, на котором оно вырисовуется рельефнее. А то у Вас и герои плачут и Вы вздыхаете. Да, будьте холодны.

Впрочем, не слушайте меня, я плохой критик. У меня нет способности ясно формулировать свои критические мысли. Иногда несу такую чепуху, что просто смерть. Если желаете обращаться в иллюстрированные редакции через меня, то я продолжаю быть к Вашим услугам. Только не адресуйте Ваших рукописей на Лопасню, а то они до лета пролежат в Серпухове вместе с другими заказными письмами и бандеролями, которые давно уже ждут меня там. Заказные письма адресуйте так: г. Алексин, Тульск. губ.,

М. П. Чехову. Брат бывает у меня каждую неделю — письма в Алексине не залежатся.

Ваше письмо огорчило меня и поставило в тупик. Вы пишете о каких-то «странных вещах», которые я будто бы говорил у Лейкина, затем — просите во имя уважения к женщине не говорить о Вас «в этом духе» и, наконец, даже «за одну эту доверчивость легко обдать грязью»... Что сей сон значит? Я и грязь... Мое достоинство не позволяет мне оправдываться; к тому же обвинения Ваши слишком неясны, чтобы в них можно было разглядеть пункты для самозащиты. Насколько могу понять, дело идет о чьей-нибудь сплетне. Так, что ли? Убедительно прошу Вас (если Вы доверяете мне не меньше, чем сплетникам), не верьте всему тому дурному, что говорят о людях у вас в Петербурге. Или же, если нельзя не верить, то уж верьте всему, не в розницу, а оптом: и моей женитьбе на пяти миллионах, и моим романам с женами моих лучших друзей и т. п. Успокойтесь, бога ради. Если я недостаточно убедителен, то поговорите с Ясинским, который после юбилея вместе со мною был у Лейкина. Помню, оба мы, я и он, долго говорили о том, какие хорошие люди Вы и Ваша сестра... Мы оба были в юбилейном подпитии, но если бы я был пьян как сапожник или сошел с ума, то и тогда бы не унизился до «этого духа» и «грязи» (поднялась же у Вас рука начертать это словечко!), будучи удержан привычною порядочностью и привязанностью к матери, сестре и вообще к женщинам. Говорить дурно о Вас да еще при Лейкине!¹

Впрочем, бог с Вами. Защищаться от сплетен — это все равно что просить у [...] взаймы: бесполезно. Думайте про меня как хотите.

У меня только одна вина. Вот она. Когда-то я получил от Вас письмо, в котором Вы делали мне запрос по поводу идеи какого-то нестоящего моего рассказа. Будучи тогда с Вами мало знаком и забыв, что Ваша фамилия по мужу — Авилова, я забросил Ваше письмо, а марку прикарманил — так я поступаю вообще со всеми запросами, а наипаче же с дамскими. Потом же в Петербурге, когда Вы намекнули мне

расчет этого письма, мне вспомнилась Ваша подпись, и я почувствовал себя виноватым.

Живу я в деревне. Холодно. Бросаю снег в пруд и с удовольствием помышляю о своем решении — никогда не бывать в Петербурге.

Желаю Вам всего хорошего.

Искренно преданный и уважающий

А. Чехов.

275

А. П. ЧЕХОВУ

21 марта 1892, Мелихово

21 март. Ст. Лопасня.

Пожарный Саша! Твой журнал получаем и с восторгом прочитываем биографии великих брандмайоров и списки пожалованных им орденов¹. Желаем, Сашечка, и тебе получить Льва и Солнца.

Мы живем в собственном имении. Как некий Цынцынатус, я провожу все время в труде и кушаю хлеб свой в поте лица. Мамаша сегодня говела и ездила в церковь на собственной лошади; папаша вывалился из саней — до того был стремителен бег коня!

Папаша по-прежнему философствует и задает вопросы вроде: зачем тут лежит снег? Или: почему там есть деревья, а здесь нет? Читает все время газеты и потом рассказывает матери, что в Петербурге учреждается общество для борьбы с классификацией молока². Подобно всем таганрожцам, неспособен ни к какой другой работе, кроме как возжиганию светильников. С мужиками говорит строго.

Получили от дяди благолепное письмо с поздравлением и с удостоверением, что «Иринушка плакала».

Ну-с, что касается моих денежных делов, то они весьма плохи, ибо расходы по имению вдесятеро превышают доходы. Вспоминаю Турнефора: родить надо, а свечки нету. Так и я: сеять надо, а семян нету. Гусям и лошадям кушать нада, а стены дома не помогают. Да, Сашечка, не одна Москва деньги любить.

Пруд находится в саду, в 20 шагах от дома. Глубок, 6 аршин. Что за удовольствие наполнять его снегом и предвкушать то время, когда из недр его будет выплескиваться рыба. А канавки?.. Разве копать канавки менее приятно, чем редактировать «Пожарного»? А вставать в 5 часов с сознанием, что тебе никуда не нужно идти и что к тебе никто не придет? А слушать, как поют петелы, скворцы, жаворонки и синицы? А получать из иного мира кипы газет и журналов?

Но, Саша, когда мое имение будет продано с аукциона, я куплю в Нежине дом с садом и буду жить там до глубокой старости. Не все еще потеряно! — скажу я, когда в моем имении поселится чужеземец.

Ты поступишь подло и гнусно, если летом не приедешь к нам, дабы хотя один день пожить жизнью Цынцынатуса. На днях бок о бок со мной было продано хорошенькое именье за 3 тысячи. Дом, службы, сад, пруд, 50 десятин... Вот бы тебе! Сколько малины, клубники!

Сегодня я и Мишка, бросая снег в пруд, вспоминали, как ты пел Бесчинскому: «Нáум, Нáум, феркáче» и т. д. Какой ты был умный, Саша!

Вид моих сараев весьма наивен.

Будь здоров. Кланяйся Наталье Александровне и своим пуэрам. Что голова у Михайлы? Прошла или все еще в струпьях? Если что, пусть Наталья Александровна подробно мне напишет: я дам совет (бесплатно).

Твой Цынцынатус.

2-й номер «Пожарного» составлен лучше, чем 1-й.

Родственникам твоим весьма лестно, что ты ведешь дело вместе с графом³ и помещаешь портреты князей. Кланяйся, душенька, их сиятельствам и попроси у них рублик на братство, душенька.

Что мне заплатит граф, если я пришлю пожарный рассказ? Даст 100 руб.?

Е. П. ГОСЛАВСКОМУ

23 марта 1892, Мелихово

23 март. Ст. Лопасня.

Уважаемый Евгений Петрович, Ваша «Солдатка»¹ очень хорошая вещь. Раньше я читал в «Артисте» Вашего «Богатея»², и он, признаться, мне не понравился: в этой пьесе Вы совсем не оригинальны, а персонажи Ваши, начиная с давно истасканного кулака и кончая дурочкой, которая была уже тысячу раз трактована, не представляются интересными. «Солдатка» же совсем другое дело. Я давно уже не читал таких хороших пьес. Театр я знаю мало, и судить, насколько Ваша пьеса годна или не годна для театра, я не могу, но со стороны литературной она меня совершенно удовлетворила. Ее литературные достоинства до такой степени привлекательны, что я, не задумываясь, причислил ее к разряду наших лучших пьес из народного быта, и вот, как видите, не удержался и пишу Вам. Люди живые, написаны просто и ярко. Хороши все, даже Кирилл, который у Вас немножко приподнят и изыскан благодаря колдовству. Язык великолепен. Чувство меры и такт образцовые.

Простите, я плохой критик; может быть, и хороший, но своих критических мыслей я не умею излагать на бумаге. Поэтому я не могу написать Вам ничего такого, что хотелось бы Вам прочесть как автору.

Если цензура не пускает пьесу только потому, что в ней фигурируют солдат и солдатка, то можно солдата заменить фабричным или московским извозчиком. Суть пьесы останется та же. Ведь Вы пишете не критику на солдатчину, а живых людей. Дело не в мундире и не в поддевке.

В конце III акта Кирилл у Вас излишне резок. Надо, думаю, чтобы он ласкался, а чтобы Афимья по его тону поняла, в чем дело. Не знаю, быть может, этот резкий переход сделан Вами нарочно ввиду сце-

нических условий, но в жизни и в повести дело не обходится без оттенков. Да и нет надобности рисовать Кирилла злодеем. Парни, которых любят бабы, народ по преимуществу не злой и душевно ленивый, мягкий и не рассудительный, как сами бабы,— в этом их обаятельная сторона. Несчастную и сердцем тоскующую, забитую свекром и жизнью бабу наглостью и фантастичностью не проймешь.

«Мы-ста» и «шашнадцать» сильно портят прекрасный разговорный язык. Насколько я могу судить по Гоголю и Толстому, правильность не отнимает у речи ее народного духа. Эти «мы-ста» и «шашнадцать» производят на меня всегда впечатление pouches volantes*, которые мешают смотреть на ясное небо. Какое-то излишнее и досадное впечатление.

Что еще? Солдат Григорий прощает бабу— это чудесно во всех отношениях и, вероятно, в сценическом тоже. Но зачем он у Вас говорит ерническим языком? Разве это нужно, характерно? Такой великодушный, красивый акт, как прощение, и этот язык в жизни, быть может, и совместимы, но в художественном произведении от такого совместительства пахнет неправдой. Разговор о питейной торговле и процентах разрушает всю прелесть прощения и того благодушного представления, какое все мы имеем о денщиках. Рано у Вас молодой человек заговорил о питейном и ссуде под залог. Это страшная штука. Еще коготок не увяз и лапки чисты, а Вы уже пишете, что пропала птичка. Дайте ей пожить! Или начинайте сначала, с коготка, чтоб видно было.

Повторяю, пьеса очень хорошая, и я от души рад, что Вы прислали мне ее. Был бы рад поговорить с Вами и поближе познакомиться.

Разговор в IV акте перед приходом Афимьи сделан у Вас замечательно тонко. Только не думаете ли, что Афонька будет мешать? Ведь галерка хохотать будет и не даст актерам играть. А актера жаль, как водится, из Афоньки будут делать не дурачка, а шута. Роль опасная.

* мелькающих мошек (франц.).

От души желаю Вам всего хорошего, а главное — успеха и полного расцвета. Желаю искренно, как искренно верю, что у Вас настоящий драматический талант.

Уважающий А. Чехов.

277

Л. С. МИЗИНОВОЙ

27 марта 1892, Мелихово

Лица, лютый мороз на дворе и в моем сердце, а потому я не пишу Вам длинного письма, какое Вы хотели получить.

Ну, как Вы решили дачный вопрос? Вы врунья, и я не верю Вам: Вы вовсе не хотите жить около нас. Ваша дача в Мясницкой части под каланчой¹ — там Вы душой и сердцем. Мы же для Вас ничто. Мы прошлогодние скворцы, пение которых давно уже забыто.

У нас два дня гостил А. И. Смагин. Сегодня приходил урядник. Ртуть в термометре ушла к —10. Все ругательные слова, начинающиеся с буквы с, я пускаю по адресу этой ртути и в ответ получаю от нее холодный блеск глаз... Когда же весна? Лица, когда весна?

Последний вопрос понимайте буквально, а не ищите в нем скрытого смысла. Увы, я уже старый молодой человек, любовь моя не солнце и не делает весны ни для меня, ни для той птицы, которую я люблю! Лица, не тебя так пылко я люблю. Люблю в тебе я прошлые страдания и молодость погибшую мою.

278

Л. С. МИЗИНОВОЙ

29 марта 1892, Мелихово

Воскресенье.

Милая Мелита¹, привезите мои «Невинные речи» и, пожалуйста, освободите из плена мои «Пестрые рассказы».

544

Все мы с нетерпением ожидаем Вашего приезда. Комнаты приняли благообразный вид, стало просторно, и вчера целый день мы чистили сарайчик, в котором будут помешаться наши дорогие гости.

Ах! Ночью рядом с нами, бок о бок, сгорела дотла усадьба помещицы Кувшинниковой (однофамилицы Сафо). Это предостережение. Наши дом и сад были ярко залиты огнем, в церкви звонили, народ шумел, а мы ничего не видели и не слышали, потому что крепко спали. Здорово спим! Ложимся в 8 часов вечера и встаем в 7. Едим тоже здорово. Вообще можно поручиться, что через какой-нибудь год мы будем уже порядочные скотины. Я занимаюсь физическим трудом; мышцы мои крепнут, с каждым часом я становлюсь сильнее, так что, когда мое имение будет продано с аукциона, я поступлю атлетом в цирк Соломонского.

Какие муки мы должны будем придумать для Вас, если Вы к нам не приедете? Я оболью Вас кипятком и раскаленными щипцами вырву из Вашей спины кусок говядины.

Клопов и тараканов у нас множество. Делаем из них бутерброды и едим. Вкусно.

Напишите мне, Мелита, хотя две строчки. Не предавайте нас преждевременному забвению. По крайней мере делайте вид, что Вы нас еще помните. Обманывайте нас, Лика. Обман лучше, чем равнодушие.

Вам у нас будет удобно. Если в нашей усадьбе и нет кое-каких удобств, то мы постараемся, чтобы Вы в этих удобствах не нуждались.

Есть у нас превосходная липовая аллея. По ней можно уже гулять, так как мы сняли с нее снег и побросали его в пруд. Прудом здесь называется маленькая ямка, на дне которой имеется немножко льду кофейного цвета.

Денег нет, Мелита. Немножко угарно. Форточек нет. Отец накурил ладаном. Я навонял скипидаром. Из кухни идут ароматы. Болит голова. Уединения нет. А главное — нет Мелиты и нет надежды, что я увижу ее сегодня или завтра.

Будьте здоровы. Обманывайте нас, Мелита.
Поклонитесь Левитану.

А перевод? Что же перевод? ² Неужели Вы думаете, что я даром заплачу Вам деньги?

Ваш от головы до пяток, всей душой и всем сердцем, до гробовой доски, до самозабвения, до одурения, до бешенства.

Антуан Тиекóф. (Произношение кн. Урусова.)

279

А. С. СУВОРИНУ

31 марта 1892, Мелихово

31 марта. Ст. Лопасня.

Было холодно, все повесили носы, птицы улетели обратно на юг, и я не писал Вам, чтобы не заразить Вас своим дурным настроением. Теперь птицы вернулись, и я пишу. Все обстоит по-прежнему: ни скучно, ни весело. Веду жизнь по преимуществу растительную, которая постоянно отравляется мыслью, что надо писать, вечно писать. Пишу повесть ¹. Прежде чем печатать, хотел бы прислать Вам ее для цензуры, ибо Ваше мнение для меня золото, но надо торопиться, так как нет денег. В повести много рассуждений и отсутствует элемент любви. Есть фабула, завязка и развязка. Направление либеральное. Размер — 2 печатных листа. Но надо было бы с Вами посоветоваться, а то я боюсь нагородить чепухи и скуки. У Вас превосходный вкус, и Вашему первому впечатлению я верю, как тому, что на небесах есть солнце. Если не будут торопиться печатать мой рассказ и дадут мне месяц-два для поправок, то разрешите мне прислать Вам корректуру. По нынешним временам эта предосторожность необходима. Если бы Жан Щеглов, прежде чем печатать свою дикую изверскую повесть «Около истины», дал бы ее прочесть Вам или мне, то, быть может, она не производила бы теперь такого непохвального для молодых писателей впечатления. Живя замкнуто в своей самолюбивой эгоистической скорлупе и участвуя в умственном движе-

нии только косвенно, рискуешь нагородить черта в ступе, не желая этого. Разрешаете прислать корректуру?

Во всяком разе свою прозу Вы постарайтесь выпустить в свет до поездки в Феодосию. Один экземпляр пришлите мне в переплете через брата Ивана или сами привезите. Вы приезжайте, когда у меня сад будет цвести — это совпадет с лягушечьими и соловьиными концертами. Насчет помещения не сомневайтесь.

В деревне дешевле жить, чем в городе, но я попал в самое неудачное время. Овес вместо 15 коп. стоит 80, сена нет, подножный корм только *in spe* *, а у меня 6 одров, не считая птицы. Они сожрали меня.

Как бы я хотел иметь пасеку! У меня для нее есть отличные места. Можно колодок 200 поставить. А это весьма занимательно.

Во мне все-таки говорит хохлацкая кровь. Я велел убрать из колодца культурный насос, взвизгивающий, когда качают воду, и хочу поставить скрипящий журавль, который у здешних мужиков будет вызывать недоумение. Велел я также людскую выбелить. «Велел» — это уж очень по-помещицки; вернее — попросил, так как все работы по окраске, починке всяких мелочей и проч. несут мои домочадцы с Мишей во главе. Парники засадили и засеяли сами, без наемников; весной деревья будем сажать тоже сами, и огород тоже. Все-таки экономия! В первое время меня всего ломало от физического труда, теперь же ничего, привык. Как работник и помещик я решительно ничего не стою. Только и умею снег в пруд бросать да канавки копать. А вбиваю гвоздь — криво выходит.

Так как я теперь пишу много, то рассчитывал прислать Вам для пасхального № рассказ. Но не успел. После пришлю.

Это письмо Вы получите, вероятно, накануне пасхи. Христос воскрес! Дай бог Вам всего хорошего. Анне Ивановне и детям шлю сердечный привет и тысячу пожеланий. Когда буду писать пьесу², мне понадобится Берне. Где его можно достать? Это один из тех

* в будущем (лат.).

очень умных умов, которые так любят еврей и узкие люди.

Новая повесть Додэ «После развода»³ дает три превосходных женских лица, но лицемерна, по крайней мере в своем финале. Если бы против развода вооружился раскольник или араб, то это я понимаю, но Додэ в роли нравоучителя, требующего, чтобы супруги, которые опротивели друг другу, не расходились,—ужасно комичен. Французам надоели голые девки, так вот теперь из гастрономических видов захотелось моралью побаловаться.

Ваш А. Чехов.

280

Н. М. ЛИНТВАРЕВОЙ

6 апреля 1892, Мелихово

6 апрель. Ст. Лопасня, Моск.-Курск. дор.

Христос воскрес, уважаемая Наталия Михайловна. Все Чеховы поздравляют Вас и всю Вашу семью и посылают свои сердечные пожелания.

Вот уже прошел целый месяц, как мы живем у себя на хуторе, который нашли, наконец, и купили. Сестра, кажется, уже писала Вам подробности. 213 десятин, плохой лес, сад, парк, речка за 1½ версты от дома, пруд в саду, просторный дом и проч. Ремонту не понадобилось, слава богу. Живется покойно и здорово, но не дешево, так как одры, именуемые лошадьми, съедают в день тысячу пудов овса, а овес здесь стоит 90 к. пуд.

На пасху в своей церкви пели утреню и обедню. Из Москвы понаехали гости, которые тоже пели.

У нас совсем уже весна. Тепло, ясно и шумно. Гуляем в саду и в поле, услаждая себя простором, от которого мы так отвыкли, живучи в Москве. Кругом нашего участка леса, леса, леса, так что предвидится богатая грибная охота. Посеяно у нас 14 десятин ржи, хотят еще сеять яровые, я же в эти дела не вхожу и

не буду входить; займусь фруктовым садом и, если будут лишние деньги, пчелами. Малины и клубники у нас видимо-невидимо. Смородины тоже. Много слив и яблонь, вишен же я не видел; впрочем, говорят, что есть и вишни. Самое лучшее у нас — это липовая аллея, напоминающая богимовскую аллею. (Кстати: в Москве перед отъездом был у нас Ге-ге¹. Его рыжая Анемаиса², говорят, куда-то уехала; она не желает хозяйничать в Богимове.)

По ночам у нас кричат совы, предвещая скорую продажу нашего имения с аукциона. Купил я имение на таких милых условиях, что аукцион сей есть отнюдь не плод моей мнительности. Когда же он, т. е. аукцион, состоится, то я перееду на жительство в Нежин, где куплю себе дом и буду солить огурчики.

Встаю я в 4—5 часов, а ложусь — стыдно сказать! — в 10. Обедаем в 12. Хочу уехать в Америку или куда-нибудь подальше, потому что я себе ужасно надоел.

После первого мая начнем с нетерпением ожидать Вашего приезда. Отклонить наше приглашение Вы будете не в состоянии, так как все мы будем умолять Вас со слезами — это во-первых. А во-вторых, если Вы не приедете к нам, то я не отдам Вам долга. В первый же день приезда Вы получите, если и не весь долг, то часть; если же не приедете до 1-го июня, то не получите ни копейки. Клянусь!

Ждем Иваненко. Приедет Суворин, буду приглашать Баранцевича. Конечно, Суворин приедет.

Распространились слухи о болезни Плещеева, якобы опасной; получил известие, что опасного ничего нет. Старик живет в Ницце и стареет не по дням, а по часам. Знаменитый Кусмауль разрешил ему провести лето в Петербурге. Зимой опять в Ниццу. А к чему старику Ницца? Ему бы вернуть прежнюю обстановку, когда у него было много долгов, но жилось легче и беспечальнее.

Умер от чахотки молодой писатель Бибииков, которого не любили и которому не поверили, когда он написал из Киева, что у него чахотка,

Знаете, я чуть было не купил имение в Черниговской губ., недалече от Бахмача. Заньковецкая сватала. Если бы не купил на севере, то наверное купил бы около Заньковецкой.

Приезжайте же. Право, север не так плох, как Вам кажется. К Вашему приезду мы устроим колодезь с журавлем. Приезжайте хотя бы затем, чтобы посмеяться над нашим смешным хозяйством, а в особенности над прудом.

До свидания! Да хранит Вас бог.

Душевно преданный А. Чехов.

281

А. С. СУВОРИНУ

8 апреля 1892, Мелихово

8 апрель

В Москве я буду в среду и в четверг на фоминой неделе. Это непременно. Едучи в Москву, телеграфируйте: «Москва, Тверская застава, Миусское училище, Чехову». Это адрес Ивана. Я бы и раньше приехал, но рассказ еще не готов¹. С пятницы страстной до сегодня у меня гости, гости, гости... и я не написал ни одной строки.

Если бы Шапиро подарил мне гигантскую фотографию, о которой Вы пишете, то я не знал бы, что с нею делать. Громоздкий подарок. Вы говорите, что я был моложе. Да, представьте! Как это ни странно, мне уже давно перевалило за 30, и я уже чувствую близость 40. Постарел я не только телесно, но и душевно. Я как-то глупо оравнодушел ко всему на свете и почему-то начало этого оравнодушения совпало с поездкой за границу. Я встаю с постели и ложусь с таким чувством, как будто у меня иссяк интерес к жизни. Это или болезнь, именуемая в газетах переутомлением, или же неуловимая сознанием душевная работа, именуемая в романах душевным переворотом; если последнее, то все, значит, к лучшему.

Вчера и сегодня головная боль, начавшаяся мель-

канием в глазу,— болезнь, которую я получил в наследство от маменьки.

У меня гостит художник Левитан. Вчера вечером был с ним на тяге. Он выстрелил в вальдшнепа; сей, подстреленный в крыло, упал в лужу. Я поднял его: длинный нос, большие черные глаза и прекрасная одежда. Смотрит с удивлением. Что с ним делать? Левитан морщится, закрывает глаза и просит с дрожью в голосе: «Голубчик, ударь его головкой по ложу...» Я говорю: не могу. Он продолжает нервно пожимать плечами, вздрагивать головой и просить. А вальдшнеп продолжает смотреть с удивлением. Пришлось послушаться Левитана и убить его. Одним красивым влюбленным созданием стало меньше, а два дурака вернулись домой и сели ужинать.

Жан Щеглов, с которым Вы проскучали целый вечер, большой противник всяких ересей, в том числе и женского ума. А между тем, если сравнить его, например, хотя бы с Кундасовой, то перед нею он является маленькой монашенкой. Кстати, если увидите Кундасову, то поклонитесь ей и скажите, что мы ее ждем к себе. На чистом воздухе она бывает очень интересна и гораздо умнее, чем в городе.

Был у меня Гиляровский. Что он выделявал, боже мой! Заездил всех моих кляч, лазил на деревья, пугал собак и, показывая силу, ломал бревна. Говорил он не переставая.

Будьте здоровы и благополучны. До свиданья в Москве!

Ваш А. Чехов,

282

Л. А. АВИЛОВОЙ

29 апреля 1892, Мелихово

29 апр. Ст. Лопасня.

Уважаемая Лидия Алексеевна, отродясь я не писал стихов. Впрочем, раз только написал в альбом одной девочке басню, но это было очень, очень давно¹. Бас-

ня жива еще до сих пор, многие знают ее наизусть, но девочке уже 20 лет, и сам я, покорный общему закону, изображаю уже из себя старую литературную собаку, смотрящую на стихоплетство свысока и с зевотой. Вероятно, под моей вывеской пишет однофамилец или самозванец. Чеховых много.

Да, в деревне теперь хорошо. Не только хорошо, но даже изумительно. Весна настоящая, деревья распускаются, жарко. Поют соловьи, и кричат на разные голоса лягушки. У меня ни гроша, но я рассуждаю так: богат не тот, у кого много денег, а тот, кто имеет средства жить теперь в роскошной обстановке, какую дает ранняя весна. Вчера я был в Москве, но едва не задохнулся там от скуки и всяких напастей. Можете себе представить, одна знакомая моя, 42-летняя дама², узнала себя в двадцатилетней героине моей «Попрыгуньи» («Север», № 1 и 2), и меня вся Москва обвиняет в пасквиле. Главная улика — внешнее сходство: дама пишет красками, муж у нее доктор, и живет она с художником.

Кончаю повесть, очень скучную, так как в ней совершенно отсутствуют женщина и элемент любви³. Терпеть не могу таких повестей, написал же как-то нечаянно, по легкомыслию. Могу прислать Вам отгиск, если буду знать Ваш адрес после июня.

Хочется написать и комедию, но мешает сахалинская работа.

Желаю Вам всего хорошего; главное — будьте здоровы.

Да! Как-то писал я Вам, что надо быть равнодушным, когда пишешь жалостные рассказы. И Вы меня не поняли. Над рассказами можно и плакать, и стенать, можно страдать заодно со своими героями, но, полагаю, нужно это делать так, чтобы читатель не заметил. Чем объективнее, тем сильнее выходит впечатление. Вот что я хотел сказать.

Искренно преданный А. Чехов.

П. В. БЫКОВУ

4 мая 1892, Мелихово

Многоуважаемый Петр Васильевич!

Иероним Иеронимович писал мне, что Вы близко стоите к редакции «Всемирной иллюстрации». Будьте добры, при случае передайте редакции, что анонс, в котором она величает меня «высокоталантливым» и заглавие моего рассказа печатает буквами вывесочного размера,—этот анонс произвел на меня самое неприятное впечатление¹. Это похоже на рекламу зубного врача или массажистки и, во всяком случае, неинтеллигентно. Я знаю цену рекламе и не против нее, но для литератора скромность и литературные приемы в отношениях к читателю и товарищам составляют самую лучшую и верную рекламу. Вообще во «Всемирной иллюстрации» мне не повезло: просил аванса, а меня угостили анонсом. Не прислали аванса — и бог с ним, но репутацию мою нужно было бы пощадить. Извините, что это мое первое письмо к Вам брызжит и наводит скуку.

Прошу Вас убедительно извинить меня и верить, что обратился я к Вам с жалобой только потому, что я Вас искренно уважаю.

А. Чехов.

4 мая. Ст. Лопасня, село Мелихово

А. С. СУВОРИНУ

4 июня 1892, Мелихово

4 июня. Мелихово.

Вы не захали ко мне, потому что, как пишете, Вас смутили три девицы¹. Но, во-первых, девицы давно уже уехали, и, во-вторых, сколько бы ни было девиц, мои две комнаты всегда к Вашим услугам, ибо в оные не допускаются ни юноши, ни девицы.

Неужели мы не увидимся до осени? Это очень грустно. Мне вообще не весело, а без надежды скоро увидеть Вас будет совсем скучно. По крайней мере не забывайте мне присылать Ваши адреса, чтобы я мог писать Вам.

Жарко, и нет дождей. Природа томится, люди тоже. Рожь у нас достигает человеческого роста, через 20 дней ее нужно убирать, а овсы еще в вершок. Не похоже на урожай. Но зато комаров нет. Когда я узнал, что Жан Щеглов избрал своим постоянным местом жительства Владимир, то меня пронял ужас: ведь его там заедят комары, и скука там безысходная, историческая скука! Самый скучный из всех губернских городов, даже театра нет. Лучше бы ехал он в Тулу или Воронеж.

Я пишу повесть — маленькую любовную историю². Пишу с удовольствием, находя приятность в самом процессе письма, а процесс у меня кропотливый, медлительный. Когда же болит голова или около меня говорят вздор, то пишу со скрежетом зубным. Голова часто болит, а слушать вздор приходится еще чаще. Есть у меня интересный сюжет для комедии, но не придумал еще конца. Кто изобретет новые концы для пьесы, тот откроет новую эру. Не даются подлые концы! Герой или женись, или застрелись, другого выхода нет. Называется моя будущая комедия так: «Портсигар». Не стану писать ее, пока не придумаю конца такого же заковыристого, как начало. А придумаю конец, напишу ее в две недели.

Будущий тесть барона Сталь фон Гольштейн скучен³. Это гроб, а гробы тем скучнее, чем богаче они убраны. Вот тысяча первое доказательство, что не в деньгах счастье, — пошлая истина, но все-таки истина. Вейнберг интересно рассказывает. Мне нравятся его хитрые глаза.

А я бы с удовольствием поехал в Феодосию. Конечно, solo. Напишите туда на всякий случай, что я приеду и чтобы на меня не смотрели, как на самозванца. Кончу повесть и махну туда комедию писать. Я люблю громадные дома. Купаться же в море не мешает, ибо здоровье мое неважно. В каком месяце Вы

вернетесь? Ради небес, не пожить ли нам вместе в Феодосии весь сентябрь или октябрь? Для меня это было бы восхитительно, я был бы на седьмом небе. Если я Вам еще не надоел, то подумайте и ответьте. К осени мои финансовые дела будут благополучно устроены и я не буду ныть на тему, что «писать надо». Если мы спишемся предварительно, то я Вас встречу в Феодосии.

Наша горничная, поражавшая нас своим трудолюбием, оказалась профессиональной воровкой. Она кра-ла деньги, платки, книги, фотографии... Каждый гость не находил у себя 5—10 рублей. Воображаю, сколько денег она у меня украла! У меня нет привычки запи-рать стол и считать деньги. Думаю, что сотни две украла; помню, в марте и в апреле мне все время ка-залось странным, что у меня уходит много денег.

«Русское обозрение» не выходит.

Получил от Свободина письмо; жалуется, что его съели комары. А живет он во Владимирской губ.

Напишите же мне, пожалуйста, подлиннее.

Кланяйтесь Вашей сестре и Петру Сергеевичу. Симпатичной акушерке скажите, что она душка⁴.

Да хранит Вас бог.

Ваш А. Чехов.

285

А. С. СУВОРИНУ

16 июня 1892, Мелихово

16 июнь. Ст. Лопасня.

Однако Вы меня удивили. Я думал, что Вы уже по Битюгу гуляете или за границей купаетесь, и давно уже послал Вам письмо в Бобров, а Вы еще в Петер-бурге мерзнете. Если Вы долго жили в Питере, то от-чего мне не писали?

В августе я поехал бы с Вами в Феодосию с вос-торгом. Прожил бы я там с Вами, буде угодно, весь сентябрь и октябрь с наслаждением. И даже остался бы там зимовать. В самом деле, если бы Вы верну-лись в августе! Для меня это было бы очень, очень хорошо. Напишите мне о Ваших осенних намерениях

попространнее. Что касается холеры; то бояться ее не следует. Она далеко не пойдет и к сентябрю, вероятно, прикончится. В наше время она не живуча.

Жду Вашей повести и поспешу исполнить авторское желание. Если пришлете еще что-нибудь и из-за границы, то буду очень рад, ибо испытываю тоску по литературе. Мне хочется и писать, и читать, и критику разводить.

Астрономка¹ еще не приезжала.

Вы хотите, чтобы я описывал Вам свои впечатления. Мелихово — не за граница. Преобладают у меня теперь два впечатления: одно — прекрасное от сенокоса и другое — отвратительное от женоподобного, мясистого и голодного Сорохтина, моего предместника, который все еще не угомонился и всячески старается облапошить меня.

Душа моя просится вширь и ввысь, но поневоле приходится вести жизнь узенькую, ушедшую в сволочные рубли и копейки. Нет ничего пошлее мещанской жизни с ее грошами, харчами, нелепыми разговорами и никому не нужной условной добродетелью. Душа моя изныла от сознания, что я работаю ради денег и что деньги центр моей деятельности. Ноющее чувство это вместе со справедливостью делают в моих глазах писательство мое занятием презренным, я не уважаю того, что пишу, я вял и скучен самому себе, и рад, что у меня есть медицина, которою я, как бы то ни было, занимаюсь все-таки не для денег. Надо бы выкупаться в серной кислоте и совлечь с себя кожу и потом обрасти новой шерстью.

Пишите мне побольше. Ведь у Вас пропасть свободного времени. Вы утомлены, но все-таки пишите. Право, мне скучно оттого, что Вы уехали так далеко. Жизнь моя изменилась круто: я не переписываюсь теперь ни с кем, кроме Вас. Изредка перекликнешься с недугующим Свободиныным, а остальные благоприятели умолкли в ответ на мое молчание. Иссякли приятельские сюжеты.

Дождей нет. Яровые погибли. Рожь будет легко-весная.

Пришли больные. Баба с глазом. Дала полотенце.

Ну, желаю Вам всяких благ, а главное, веселья и хорошего сна.

Правда ли, что нас ожидает литературное торжество — 50-летний юбилей Григоровича?

Ваш А. Чехов.

В самой Лопасне продается большое имение предводителя Рюмина с дворцами, с лесами, с рекой и с тысяча одной ночью. Есть также продажные имения в 30—40 и 50 тысяч, из коих, кажется, ни одного нет такого, которое не требовало бы ремонта. Рюминское имение в полном порядке. Говорят, есть даже зоологический сад.

286

Л. С. МИЗИНОВОЙ

28 июня 1892, Мелихово

28 июнь, 4 часа утра

Благородная, порядочная Лика! Как только Вы написали мне, что мои письма ни к чему меня не обязывают¹, я легко вздохнул, и вот пишу Вам теперь длинное письмо без страха, что какая-нибудь тетушка, увидев эти строки, женит меня на таком чудовище, как Вы. С своей стороны тоже спешу успокоить Вас, что письма Ваши в глазах моих имеют значение лишь душистых цветов, но не документов; передайте барону Штакельбергу, кузену и драгунским офицерам², что я не буду служить для них помехой. Мы, Чеховы, в противоположность им, Балласам, не мешаем молодым девушкам жить. Это наш принцип. Итак, Вы свободны.

У нас прижилась заблудшая болонка, неизвестно кому принадлежащая. Приехал Семашко. Графиня³ уехала и скоро опять приедет. В воздухе сильно пахнет тем, что на языке Миши называется карьерой. Еще что? Поспевают вишни. Вчера ели уже вареники из вишен с кружовенным вареньем. Кстати о варениках. Мой сосед Вареников во что бы то ни стало хочет купить у меня этот участок. Отдает все постройки на

снос, разрешает нам жить здесь до будущей (в 1894 г.) зимы и заплатит, вероятно, не менее 10 тысяч. Какое? Я жажду переселиться в тот участок. Если удастся сварить кашу с Варениковым, то осенью же начну строиться в своей лесной пустыне, и для полноты моего благоденствия у меня не будет хватать только тех трех тысяч, о которых я Вам говорил. Канталупа, я знаю: вступив в зрелый возраст, Вы разлюбили меня. Но в благодарность за прежнее счастье пришлите мне три тысячи. Это Вас ни к чему не обяжет, я же не останусь в долгу и пришлю Вам зимой сливочного масла и сушеных вишен.

У нас все тихо, смирно и согласно, если не считать шума, который производят дети моего старшего брата. Но писать все-таки трудно. Нельзя сосредоточиться. Для того чтобы думать и сочинять, приходится уходить на огород и полоть там бедную травку, которая никому не мешает. У меня сенсационная новость: «Русская мысль» в лице Лаврова прислала мне письмо, полное деликатных чувств и уверений⁴. Я растроган, и если б не моя подлая привычка не отвечать на письма, то я ответил бы, что недоразумение, бывшее у нас года два назад, считаю поконченным. Во всяком случае, ту либеральную повесть, которую начал при Вас, дитя мое, я посылаю в «Русскую мысль»⁵. Вот она какая история!

Снится ли Вам Левитан с черными глазами, полными африканской страсти? Продолжаете ли Вы получать письма от Вашей семидесятилетней соперницы⁶ и лицемерно отвечать ей? В Вас, Лика, сидит большой крокодил, и в сущности я хорошо делаю, что слушаюсь здравого смысла, а не сердца, которое Вы укусили. Дальше, дальше от меня! Или нет, Лика, куда ни шло: позвольте моей голове закружиться от Ваших духов и помогите мне крепче затянуть аркан, который Вы уже забросили мне на шею.

Воображаю, как злорадно торжествуете и как демонски хохочете Вы, читая эти строки... Ах, я, кажется, пишу глупости. Порвите это письмо. Извините, что письмо так неразборчиво написано, и не показывайте его никому. Ах, ах!

Мне Басов писал, что Вы опять стали курить. Это подло, Лика. Презираю Ваш характер.

Каждый день идут дожди, но земля все-таки сухая.

Ну, до свидания, кукуруза души моей. Хамски почтительно целую Вашу коробочку с пудрой и завидую Вашим старым сапогам, которые каждый день видят Вас. Пишите мне о Ваших успехах. Будьте благополучны и не забывайте побежденного Вами

Царя Мидийского.

287

Н. А. ЛЕЙКИНУ

13 июля 1892, Мелихово

13 июль. Ст. Лопасня.

Простите, добрейший Николай Александрович, что я так долго не отвечал на Ваше письмо. По случаю холеры, которая еще не дошла до нас, я приглашен в санитарные врачи от земства, дан мне участок, и я теперь разъезжаю по деревням и фабрикам и собираю материал для санитарного съезда¹. О литературной работе и подумать некогда. В 1848 г. в моем участке была холера жестокая; рассчитываем, что и теперь она будет не слабее, хотя, впрочем, божья воля. Участки велики, так что все время у врачей будет уходить только на утомительные разъезды. Бараков нет, трагедии будут разыгрываться в избах или на чистом воздухе. Помощников нет. Дезинфекции и лекарств обещают безгранично. Дороги скверные, а лошади у меня еще хуже. Что же касается моего здоровья, то я уже к полудню начинаю чувствовать утомление и желание завалиться спать. Это без холеры, а что будет при холере, посмотрим.

Кроме эпидемии, я ожидаю еще эпидемическую болезнь, которая будет у меня в усадьбе непременно. Это — безденежье. За прекращением литературной работы у меня прекратились и доходы. Если не считать трех рублей, которые я сегодня получил за триппер, то мои доходы равны нулю.

Рожь удалась вполне на всех 14 десятинах. Уже убирают. Овес благодаря последним дождям поправился. Гречиха великолепная. Вишен тьма.

Сейчас восьмой час вечера. Надо ехать к земскому начальнику, который собрал для меня сход. Сей земский начальник, мой сосед (3 версты), кн. Шаховской, молодой человек 27 лет — фигура колоссальных размеров и с зычным голосом. Он и я — оба на сходках упражняемся в красноречии, разубеждая скептиков в целительной силе перцовки, огурчиков и т. п. У ребят поголовно понос, часто кровавый.

Ну, будьте здоровы. Гонорар высылайте в г. Серпухов², ибо на Лопасне нет почтового отделения. Серпухов, село Мелихово — вот и все.

Будьте здоровы еще раз. Кланяйтесь Вашим. Д-р Сиротинин живет по соседству со мной на даче.

Ваш А. Чехов.

288

Л. С. МИЗИНОВОЙ

16 июля 1892, Мелихово

16 июль

Вы, Лика, придира. В каждой букве моего письма Вы видите иронию или ехидство. Прекрасный у Вас характер, нечего сказать. Напрасно Вы думаете, что будете старой девой¹. Держу пари, что со временем из Вас выработается злая, крикливая и визгливая баба, которая будет давать деньги под проценты и рвать уши соседским мальчишкам. Несчастный титулярный советник в рыжем халатишке, который будет иметь честь называть Вас своею супругою, то и дело будет красть у Вас настойку и запивать ею горечь семейной жизни. Я часто воображаю, как две почтенные особы — Вы и Сафо сидите за столиком и дуete настойку, вспоминая прошлое, а в соседней комнате около печки с робким и виноватым видом сидят и играют в шашки Ваш титулярный советник и еврейчик с большой лысиной, фамилии которого я не хочу называть.

Маша давно уже уехала на Луку вместе с Мамуной. Один проезжий доктор говорил мне, что сам он наблюдал под Харьковом, а именно в Мерефе, два случая холеры. Если слухи об этом дойдут до Сум, то Маша убежит оттуда. Жду ее к 20 июля. Уехать я никуда не могу, так как уже назначен холерным врачом от уездного земства (без жалованья). Работы у меня больше чем по горло. Разъезжаю по деревням и фабрикам и проповедую там холеру. Завтра санитарный съезд в Серпухове. Холеру я презираю, но почему-то обязан бояться ее вместе с другими. Конечно, о литературе и подумать некогда. Утомлен и раздражен я адски. Денег нет, и зарабатывать их нет ни времени, ни настроения. Собаки неистово воют. Это значит, что я умру от холеры или получу страховую премию. Первое вернее, так как тараканы еще не ушли. Дано мне 25 деревень, а помощника ни одного. Одного меня не хватит, и я разыграю большого дурака. Приезжайте к нам, будете бить меня вместе с мужиками.

А Вы, милая девочка, много проигрываете, что живете в Торжке, а не у нас. По случаю холеры, которая еще не пришла, я познакомился со всеми соседями. Есть интересные молодые люди. Например, мой сосед кн. Шаховской, 27 лет. Он сидит у меня по целым дням.

Когда угмонятся холерные страхи, я уеду в Крым, а Канталупа останется в Торжке и будет киснуть со своими родственниками, а потом, прокиснув, придет в Москву и отдастся невинным удовольствиям: будет ездить к Сафо, курить, ругаться с родственниками, посещать спектакли у Федотова... Весьма мило!

Готова пьеса? Нет?

У нас дожди и жара. Рожь прекрасная, но убирать некому. Вишен тоже убирать некому. Но все сии богатства не льстят мне. Меня радует только одно: мысль, что мне не придется ехать в Москву. Лика, приезжайте к нам на зиму! Ей-ей, отлично проживем. Я займусь Вашим воспитанием и выбью из Вас дурные привычки. А главное, я заслону Вас от Сафо.

Ну, будьте здоровы. Не пишу Вам на этот раз никаких нежностей, потому что Вы увидите в них толь-

ко иронию. И, конечно, не подпишу своей фамилии. Из упрямства не подпишу.

Р. С. Одна моя знакомая, некрасивая, но симпатичная барышня, бросила курить, но, по слухам, опять начала. Экая упрямая бестия! Пишите мне. Слышите? Умоляю на коленях.

289

Н. М. ЛИНТВАРЕВОЙ

22 июля 1892, Мелихово

22 июль. Мелихово.

Уважаемая Наталия Михайловна, передайте Иваненко, что за его телеграмму я заплатил 1 рубль. Трата напрасная, так как Маше было сказано, что буде Александр Игнатьевич согласится, то чтобы он ехал тотчас же, не трудясь посылать телеграммы и в нерешимости почесываться. Его давно уже ждут. Я лично жду его с нетерпением.

Прошли слухи, что Ваша сестра Елена Михайловна мимо нас проехала в Хотунь. Третьего дня я слышал, что она назначена в Белопесоцкую волость. Могли ли мы года три назад подумать, что нам вместе придется воевать с холерой в Серпуховском уезде? Хотунский медицинский участок граничит с моим мелиховским, учрежденным 17-го июля. Значит, сама судьба хочет, чтобы мы были «уважаемыми товарищами». Елене Михайловне предстоит организовать участок; испортит она крови очень много, так как земство наше отличается медлительностью и всю тяжелую организаторскую работу взвалило на врачей. Я злюсь, как цепной пес; у меня 23 деревни, а до сих пор я не получил еще ни одной койки и, вероятно, никогда не получу фельдшера, которого мне обещали на Санитарном совете. Езжу по фабрикам и выпрашиваю как милостыни помещения для своих будущих пациентов. В разъездах я от утра до вечера и уже утомился, хотя холеры еще не было. Вчера вечером мок на проливном дожде, не ночевал дома и утром шел домой пешком по грязи и все время ругался. Моя лень

оскорблена во мне глубоко. Думаю, что и Елене Михайловне будет не легче. Но это только в первое время. Через 1—2 недели все войдет в свою колею и мы усядемся. Холера, надо полагать, будет не особенно сильная. Да и сильная не страшна, так как земство снабдило врачей самыми широкими полномочиями. То есть я не получил ни копейки, но могу нанимать избы и людей сколько угодно и в тяжелых случаях могу выписать из Москвы санитарный отряд. Земцы здесь интеллигентные, товарищи дельные и знающие люди, а мужики привыкли к медицине настолько, что едва ли понадобится убеждать их, что в холере мы, врачи, неповинны. Бить, вероятно, нас не будут.

Когда вернется Маша? ¹ Без нее на огороде творятся ужасные беспорядки. Телушка и гуси съели половину огорода. Цыплята помогают им. Мне же присмотреть некогда, так как по целым дням меня не бывает дома.

Читаю, что в Харьковской губ. холера. Где? Была ли она на Сумском участке жел. дороги? Будет досадно, если проберется в западный край. Там она может свить себе крепкое гнездо и весной, пожалуй, опять вернется в Россию.

Весьма важное примечание. Если во дворе у Вас случится у кого-нибудь холера, то в самом начале дайте нафталин. Крепкому человеку можно дать его с каломелем или с касторкой. В последней он растворяется. Давать до 10 гран. Мы остановились на таком лечении: вначале нафталин, потом способ Кантани, т. е. клистиры из таннина и подкожные впрыскивания раствора поваренной соли. Я буду, кроме того, употреблять во всех видах тепло (горячий кофе с коньяком, горячие матрасики, горячие ванны и проч.) и вначале вместе с нафталином буду давать сантонин, который непосредственно действует на паразитов кишечника. До сантонина я дошел своим умом. Если же холеры не будет, то я ничего не буду употреблять.

Надеюсь, что треклятая холера минует нас и что мы в своей жизни будем видаться еще 283 раза. Понятно, что этим летом приехать к Вам я не могу. Если же Вы приедете к нам в августе или сентябре, то это

будет весьма и весьма великодушно. По историческим справкам, мною наведенным, в Мелихове в 71—72 гг. холеры вовсе не было, а в 1848 г. было только два заносных случая. Тут никогда не бывает ни дифтерита, ни тифа... Перебирайтесь к нам. Я построю Вам во втором участке дом и запрещаю входить к Вам нашей горничной Катерине, которая тоже оказалась страшной воровкой и дурой. Марьюшка свирепствует.

Ну, будьте здоровы и богом хранимы. Всем Вашим мой сердечный привет. Если Маша и Клара Ивановна еще не уехали от Вас, то и им поклон.

Ваш всей душой *А. Чехов.*

290

Л. С. МИЗИНОВОЙ

27 и 30 июля 1892, Мелихово

27 июль. Мелихово

У нас гостит Петр Васильич с сыном-артиллеристом, который стреляет преимущественно после обеда и, конечно, не из пушки. Петр Васильич до такой степени сладок и чувствителен, что я начинаю верить в истинную дружбу. После каждого выстрела он подходит к сыну и нежно целует его в голову... Желаю Вам от души и такого мужа и такого сына.

Вы отдали перевод пьесы немке? ¹ Представьте, я ожидал этого. У Вас совсем нет потребности к правильному труду. Потому-то Вы больны, киснете и ревете, и потому-то все вы, девицы, способны только на то, чтобы давать грошовые уроки и учиться у Федотова глупостям. Я написал Вам длинное, ругательное письмо, но раздумал посылать его. Зачем? Вас не примешь, а только расстроишь Вам нервы.

Маша еще не приехала. Ожидаем ее каждый день. С первого августа начну ждать Вашего приезда. Работы у меня по горло. Земство пригласило меня в участковые врачи, а мне неловко было отказаться. Вот и все.

Пишите мне, дуся, а то мне скучно. Пить и есть надоело, спать опротивело, а писать, удить рыбу и собирать грибы нет времени. А лучше, если бы Вы приехали. Это лучше письма. Я так хорошо умею лечить холеру, что в Мелихове жить совсем безопасно.

Холера уже в Москве и под Москвой.

Ну, будьте здоровы, блондиночка. В другой раз не злите меня Вашею ленью и, пожалуйста, не вздумайте оправдываться. Где речь идет о срочной работе и о данном слове, там я не принимаю никаких оправданий. Не принимаю и не понимаю их.

Жду Вас и мечтаю о Вашем приезде, как житель пустыни бедуин мечтает о воде.

Всего хорошего!

Ваш *Antoine*.

30 июль

Приехали Маша и Иваненко. Последний получит место в трех верстах от нас. Приезжайте.

291

А. С. СУВОРИНУ

1 августа 1892, Мелихово

1 авг. Мелихово.

Мои письма гоняются за Вами, но Вы неуловимы. Я писал Вам часто и, между прочим, в St. Moritz. Судя же по Вашим письмам, Вы от меня ничего не получили. Во-первых, в Москве и под Москвой холера, а в наших местах она будет на сих днях. Во-вторых, я назначен холерным доктором, и мой участок включает в себе 25 деревень, 4 фабрики и 1 монастырь. Я организую, строю бараки и проч., и я одинок, ибо все холерное чуждо душе моей, а работа, требующая постоянных разъездов, разговоров и мелочных хлопот, утомительна для меня. Писать некогда. Литература давно уже заброшена, и я нищ и убог, так как нашел удобным для себя и для своей самостоятельности отказать от вознаграждения, какое получают участко-

вые врачи. Мне скучно, но в холере, если смотреть на нее с птичьего полета, очень много интересного. Жаль, что Вас нет в России. Материал для маленьких писем пропадает даром. Хорошего больше, чем дурного, и этим холера резко отличается от голода, который мы наблюдали зимою. Теперь все работают. Люто работают. В Нижнем на ярмарке делают чудеса, которые могут заставить даже Толстого относиться уважительно к медицине и вообще к вмешательству культурных людей в жизнь. Похоже, будто на холеру накинута аркан. Понизили не только число заболеваний, но и процент смертности. В громадной Москве холера не идет дальше 50 случаев в неделю, а на Дону она хватает по тысяче в день — разница внушительная. Мы, уездные лекаря, приготовились; программа действий у нас определенная, и есть основание думать, что в своих районах мы тоже понизим процент смертности от холеры. Помощников у нас нет, придется быть и врачом и санитарным служителем в одно и то же время; мужики грубы, нечистоплотны, недоверчивы; но мысль, что наши труды не пропадут даром, делает все это почти незаметным. Из всех серпуховских докторов я самый жалкий; лошади и экипаж у меня паршивые, дорог я не знаю, по вечерам ничего не вижу, денег у меня нет, утомляюсь я очень скоро, а главное — я никак не могу забыть, что надо писать, и мне очень хочется наплевать на холеру и сесть писать. И с Вами хочется поговорить. Одиночество круглое.

Наши хозяйственные потуги увенчались полным успехом. Урожай основательный, и Мелихово, когда продадим хлеб, даст нам больше тысячи рублей. Огород блестящ. Огурцов целые горы, а капуста удивительная. Если бы не окаянная холера, то я мог бы сказать, что ни одно лето я не проводил так хорошо, как это.

Была у меня астрономка¹. Она живет в больнице у докторши и по-бабьи вмешивается в холерные дела. Все преувеличивает и всюду видит интриги. Курьезная особа. К Вам она привыкла и любит Вас, хотя и не принадлежит к людям, цензурою дозволенным, как

выражается Чертков. А Щеглов в самом деле не прав. Я не люблю такой литературы².

О холерных бунтах уже ничего не слышно. Говорят о каких-то арестах, о прокламациях и проч. Говорят, что литератор Астырев приговорен к 15-летней каторге. Если наши социалисты в самом деле будут эксплуатировать для своих целей холеру, то я стану презирать их³. Отвратительные средства ради благих целей делают и самые цели отвратительными. Пусть выезжают на спинах врачей и фельдшеров, но зачем лгать народу? Зачем уверять его, что он прав в своем невежестве и что его грубые предрассудки — святая истина? Неужели прекрасное будущее может искупить эту подлую ложь? Будь я политиком, никогда бы я не решился позорить свое настоящее ради будущего, хотя бы мне за золотник подлой лжи обещали сто пудов блаженства.

Увидимся ли осенью? Будем ли вместе жить в Феодосии? Вы — после заграничной поездки, а я — после холеры могли бы рассказать друг другу много интересного. Давайте проведем октябрь в Крыму. Право, это не скучно. Будем писать, разговаривать, есть... В Феодосии уже нет холеры.

Пишите мне возможно чаще ввиду моего исключительного положения. Настроение мое теперь не может быть хорошим, а Ваши письма отрывают меня от холерных интересов и ненадолго уносят в иной мир.

Будьте здоровы. Товарищу по гимназии Алексею Петровичу мой привет.

Ваш А. Чехов.

Буду лечить холеру по способу Кантани: большие клистиры с таннином в 40 градусов и вливание под кожу раствора поваренной соли. Первые действуют превосходно: и согревают и уменьшают понос. Вливание же иногда производит чудеса, но иногда паралич сердца.

А. С. СУВОРИНУ

16 августа 1892, Мелихово

16 авг.

Больше писать я не стану, хоть зарежьте. Я писал в Аббацию, в St. Мориц, писал раз десять по крайней мере. До сих пор Вы не присылали мне ни одного верного адреса, и потому ни одно мое письмо не дошло до Вас и мои длинные описания и лекции о холере пропали даром. Это обидно. Но обиднее всего, что после целого ряда моих писем о наших холерных передрягах Вы вдруг из веселого бирюзового Биаррица пишете мне, что завидуете моему досугу! Да простит Вам аллах!

Ну-с, я жив и здрав. Лето было прекрасное, сухое, теплое, изобильное плодами земными, но вся прелесть его, начиная с июля, вконец была испорчена известиями о холере. В то время как Вы в своих письмах приглашали меня то в Вену, то в Аббацию, я уже состоял участковым врачом Серпуховского земства, ловил за хвост холеру и на всех парах организовал новый участок. У меня в участке 25 деревень, 4 фабрики и 1 монастырь. Утром приемка больных, а после утра разъезды. Езжу, читаю лекции печенегам, лечу, сержусь и, так как земство не дало мне на организацию пунктов ни копейки, клянчу у богатых людей то того, то другого. Оказался я превосходным нищим; благодаря моему нищенскому красноречию мой участок имеет теперь 2 превосходных барака со всею обстановкой и баракон пять не превосходных, а скверных. Я избавил земство даже от расходов по дезинфекции. Известь, купорос и всякую пахучую дрянь я выпросил у фабрикантов на все свои 25 деревень. Одним словом, А. П. Коломнин должен гордиться, что учился в той же гимназии, где и я. Душа моя утомлена. Скучно. Не принадлежать себе, думать только о поносах, вздрагивать по ночам от собачьего лая и стука в ворота (не за мной ли приехали?), ездить на отвратительных лошадях по неведомым дорогам и чи-

тать только про холеру и ждать только холеры и в то же время быть совершенно равнодушным к сей болезни и к тем людям, которым служишь,— это, сударь мой, такая окрошка, от которой не поздоровится. Холера уже в Москве и в Московск. уезде. Надо ждать ее с часу на час. Судя по ходу ее в Москве, надо думать, что она уже вырождается и что запятая начинает терять свою силу. Надо также думать, что она сильно поддается мерам, которые приняты в Москве и у нас. Интеллигенция работает шибко, не щадя ни живота, ни денег; я вижу ее каждый день и умиляюсь, и когда при этом вспоминаю, как Житель и Буренин выливали свои желчные кислоты на эту интеллигенцию, мне делается немножко душно. В Нижнем врачи и вообще культурные люди делали чудеса. Я ужасался от восторга, читая про холеру. В доброе старое время, когда заболели и умирали тысячами, не могли и мечтать о тех поразительных победах, какие совершаются теперь на наших глазах. Жаль, что Вы не врач и не можете разделить со мной удовольствия, т. е. достаточно прочувствовать и сознать и оценить все, что делается. Впрочем, об этом нельзя говорить коротко.

Способ лечения холеры требует от врача прежде всего медлительности, т. е. каждому больному нужно отдавать по 5—10 часов, а то и больше. Так как я намерен употреблять способ Кантани — клистиры из таннина и вливание раствора поваренной соли под кожу,— то положение мое будет глупее дурацкого. Пока я буду возиться с одним больным, успеют заболеть и умереть десять. Ведь на 25 деревень только один я, если не считать фельдшера, который называет меня вашим высокоблагородием, стесняется курить в моем присутствии и не может сделать без меня ни единого шага. При единичных заболеваниях я буду силен, а если эпидемия разовьется хотя бы до пяти заболеваний в день, то я буду только раздражаться, утомляться и чувствовать себя виноватым.

Конечно, о литературе и подумать некогда. Не пишу ничего. От содержания я отказался, дабы сохранить себе хотя маленькую свободу действий, и потому

пребываю без гроша. Жду, когда отмолотят и продадут рожь, а до тех пор буду питаться «Медведем» и грибами, которых у нас видимо-невидимо. Кстати сказать, никогда я не жил так дешево, как теперь. У нас все свое, даже хлеб свой. Думаю, что через два года все мои расходы по дому не будут превышать тысячи рублей в год.

Когда узнаете из газет, что холера уже кончилась, то это значит, что я уже опять принялся за писанье. Пока же я служу в земстве, не считайте меня литератором. Ловить зараз двух зайцев нельзя.

Вы пишете, что я бросил Сахалин. Нет, сие мое детище я не могу бросить. Когда гнетет меня беллетристическая скука, мне приятно бывает братья не за беллетристику. Вопрос же о том, когда я кончу Сахалин и где буду печатать его, не представляется для меня важным. Пока на тюремном престоле сидит Галкин-Враский, выпускать книгу мне сильно не хочется. Вот разве нужда заставит, тогда другое дело.

Во всех своих письмах я назойливо задавал Вам один вопрос, на который, впрочем, Вы можете не отвечать мне: где Вы будете жить осенью и не хотите ли вместе со мною прожить часть сентября и октября в Феодосии и Крыму? Мне нестерпимо хочется есть, пить, спать и разговаривать о литературе, т. е. ничего не делать и в то же время чувствовать себя порядочным человеком. Впрочем, если Вам противно мое безделье, то я могу пообещать написать с Вами или около Вас пьесу, повесть... А? Не хотите? Ну бог с Вами.

Была два раза астрономка. В оба раза мне было с нею скучно. Был Свободин. Он становится все лучше и лучше. Тяжелая болезнь заставила его пережить метаморфозу душевную.

Видите, как я длинно пишу, хотя и не уверен, что это письмо дойдет до Вас. Вообразите мою холерную скуку, мое холерное одиночество и вынужденное литературное безделье и пишите мне побольше и почаще. Ваше брезгливое чувство к французам я разделяю. Немцы куда выше их, хотя их почему-то и называют тупыми. А франко-русские симпатии я так же люблю,

как Татищева. Что-то ерническое в этих симпатиях. Зато приезд к нам Вирхова мне ужасно понравился.

У нас уродился очень вкусный картофель и дивная капуста. Как Вы обходитесь без щей? Не завидую ни Вашему морю, ни свободе, ни хорошему настроению, какое испытывается за границую. Русское лето лучше всего. А, сказать кстати, за границу мне не особенно хочется. После Сингапура, Цейлона и, пожалуй, нашего Амура Италия и даже кратер Везувия не кажутся обольстительными. Побывав в Индии и Китае, я не видел большой разницы между заграницей и Россией.

В Биаррице живет теперь мой сосед, владелец знаменитой Отрады, граф Орлов-Давыдов, бежавший от холеры; он выдал своему доктору на борьбу с холерой только 500 руб. Его сестра, графиня, живущая в моем участке, когда я приехал к ней, чтобы поговорить о бараке для ее рабочих, держала себя со мной так, как будто я пришел к ней наниматься. Мне стало больно, и я солгал ей, что я богатый человек. То же самое солгал я и архимандриту, который отказался дать помещение для больных, которые, вероятно, случатся в монастыре. На мой вопрос, что он будет делать с теми, которые заболеют в его гостинице, он мне ответил: «Они люди состоятельные и сами вам заплатят...» Понимаете ли? А я вспылил и сказал, что нуждаюсь не в плате, ибо я богат, а в охране монастыря... Бывают глупейшие и обиднейшие положения... Перед отъездом графа Орлова-Давыдова я виделся с его женой. Громадные бриллианты в ушах, турниор и неуменье держать себя. Миллионерша. С такими особами испытываешь глупое семинарское чувство, когда хочется сгрубить зря.

У меня часто бывает и подолгу сидит поп¹, прекрасный парень, вдовец, имеющий незаконных детей.

Пишите же, а то беда.

Ваш А. Чехов.

А. С. СУВОРИНУ

10 октября 1892, Мелихово

10 окт.

Ваша телеграмма о смерти Свободина¹ захватила меня, когда я выезжал со двора на приемку больных. Можете представить мое настроение. Этим летом Свободин гостил у меня; был очень мил, кроток, покойно и благодушно настроен и сильно привязан ко мне. Для меня было очевидно, что он скоро умрет; было очевидно и для него самого. Он старчески жаждал обычного покоя и ненавидел уже сцену и все, что к сцене относится², и боялся возвращения в Петербург. Конечно, мне следовало бы поехать на похороны, но, во-первых, Ваша телеграмма пришла перед вечером, а похороны, вероятно, завтра, и, во-вторых, в 30 верстах от нас холера, и я не могу оставить своего пункта. Заболело 7 человек в одной деревне и уже умерло 2. Может холера забраться и в мой участок. Странно, что к зиме холера захватывает все больший район.

Я дал слово быть участковым врачом до 15 октября — в сей день официально закрывается мой участок. Я отпущу фельдшера, закрою барак и, если случится холера, буду изображать из себя нечто комическое. Прибавьте, что врач одного из соседних участков заболел плевритом, и, стало быть, если у него случится холера, то я по долгу товарищества должен буду взять себе и его участок.

До сих пор у меня не было ни одного случая холеры, но были эпидемии тифа, дифтерита, скарлатины и проч. В начале лета было много работы, потом же к осени — меньше и меньше.

Хочется мне повидаться с Вами и поговорить. Когда Вы будете в Москве? Я буду там 15, 16 и 17 октября, пишите, буде пожелаете, по адресу: Москва, Новая Басманная, Петровско-Басманное училище. 20-го же я опять буду дома, 29-го — в Серпухове на Санитарном совете, а потом не знаю, куда меня занесет фортуна. Хорошо бы в Японию!

Мои литературные итоги за минувшее лето благо-

даря холере равны почти ничему. Писал мало, а о литературе думал еще меньше. Впрочем, написал две небольшие повести — одну сносную, другую скверную, которые буду печатать, должно быть, в «Русской мысли»³. Я получил от Лаврова очень симпатичное письмо и помирился с ним вполне искренно⁴.

Летом трудненько жилось, но теперь мне кажется, что ни одно лето я не проводил так хорошо, как это. Несмотря на холерную сумятицу и безденежье, державшее меня в лапах до осени, мне нравилось и хотелось жить. Сколько я деревьев посадил! Благодаря нашему культуртрегерству Мелихово для нас стало неузнаваемо и кажется теперь необыкновенно уютным и красивым, хотя, быть может, в сущности оно ни к черту негодно. Велика сила привычки и сознания собственности. И удивительно, как приятно не платить за квартиру. Завелись новые знакомства и новые отношения. Прежние наши страхи перед мужиками кажутся теперь нелепостью. Служил я в земстве, заседал в Санитарном совете, ездил по фабрикам — и это мне нравилось. Меня уже считают своим и ночуют у меня, когда едут через Мелихово. Прибавьте к этому, что мы купили себе новый покойный экипаж с верхом, провели новую дорогу, так что уже не ездим через деревню, копаем пруд... Еще что? Одним словом, до сих пор все было ново и интересно, а что будет дальше, не знаю. Уже снег, холодно, но в Москву меня не тянет. Ощущения скуки до сих пор не было.

Мой сосед кн. Шаховской, молодой человек, бывающий у меня очень часто и говорящий очень много, ждет Вас, чтобы показать Вам доставшиеся ему по наследству письма декабристов⁵. Говорит, что писем очень много.

Интеллигенция здесь очень милая и интересная. Главное — честная. Одна только полиция несимпатична.

У нас семь лошадей. Есть телка с широкой мордой, альгаузская. Есть щенки Мюр и Мерилиз.

Жду с нетерпением письма от Вас. Пишите, пожалуйста. Я сократил Монте-Кристо⁶. Что мне с ним делать?

Ваш А. Чехов.

И. О. МЕНЬШИКОВУ

12 октября 1892, Мелихово

12 окт. Ст. Лопасня.

Уважаемый Михаил Осипович, сейчас я прочитал Вашу статью «О чтении»¹ и вспомнил, что я до сих пор не отвечал на Ваше последнее письмо. Простите за невежество. Трудно отвечать, когда не знаешь, что ответить. Вы спрашиваете меня, скоро ли я пришлю в «Неделю» рассказ или повесть подлиннее; у меня нет наготове ни повести, ни рассказа, так как я завален работой по уши, но все-таки мне не хочется отвечать Вам «нет» или «нескоро»... Позвольте мне ответить Вам уклончиво, на манер девицы, которая почему-либо не может ответить «да», хотя и жаждет этого всей душой. Если в начале ноября ничего не пришлю Вам, то постараюсь прислать в декабре.

Ваша статья интересна, умна и убедительна. Если бы я издавал журнал, то непременно пригласил бы Вас в сотрудники и был бы огорчен, если бы Вы отказали мне. В статье есть пропуск — Вы уделите очень мало места природе языка. Вашему читателю ведь важно знать, почему дикарь или сумасшедший употребляет только сотню-другую слов, в то время как в распоряжении Шекспира их были десятки тысяч. В этой области у Вас есть кое-какие неясности. Так, Вы пишете (стр. 155), что каков язык, такова и степень культурной высоты народа. Выходит так, как будто, чем богаче язык, тем выше культура. А по моему, наоборот: чем выше культура, тем богаче язык. Количество слов и их сочетаний находится в самой прямой зависимости от суммы впечатлений и представлений: без последних не может быть ни понятий, ни определений, а стало быть, и поводов к обогащению языка. Далее, на той же странице два пункта, которые благодаря неполноте истолкуются, пожалуй, не так, как Вы хотите: во-первых, неразвитые мужики и дикари могут обладать богатым и утонченным языком — значит, богатство языка и неразвитие могут уживаться в одной шкуре? и, во-вторых, не совсем

ясно, что значит «портится язык»? Понимать ли под этим его вырождение или что другое? Ведь случается, что он не только портится, но даже исчезает. Если богатый великорусский язык в борьбе за существование сотрет с лица земли бурятский или чухонский язык, то будет ли это порча последних? Сильный пожирает слабого, и если фабричный и казарменный язык начинает кое-где брать верх, то не они в этом виноваты, а естественный порядок вещей.

Не знаю, ясно ли я выражаюсь. Извините, захотелось покритиковать. На остальных страницах все обстоит благополучно, и я согласен с Вами по всем пунктам. И взгляд Ваш на школьное дело не кажется мне утопическим.

Благодарю за адрес Ивана Леонтьевича.

Желаю всего хорошего.

Искренно Вас уважающий А. Чехов.

295

И. Л. ЛЕОНТЬЕВУ - ЩЕГЛОВУ

24 октября 1892. Мелихово

24 окт. Ст. Лопасня, Моск.-Курск. д.

Если бы не штурман «Недели», приславший мне Ваш адрес и писавший о Вас, то я не знал бы, на какой Вы планете и что с Вами. Давно уже я не писал Вам, милый Жан, и давно, давно не видел трагического почерка.— Ну-с, как Вам известно, я уже выбрался из Москвы и живу в благоприобретенном имении. Я залез в долги (9 тысяч!!), погода аспидская, нет проезда ни на колесах, ни на полозьях, но в Москву не тянет, и никуда не хочется из дому. В доме тепло, а на дворе просторно; за воротами лавочка, на которой можно посидеть и, глядя на бурое поле, подумать о том о сем... Тишина. Собаки не воют, кошки не мяукают, и только слышно, как девчонка бегаёт по саду и старается водворить на место овец и телят... Я плачу проценты и повинности, но это обходится вдвое дешевле, чем квартира в Москве. В качестве холерного доктора я принимаю больных, они подчас одо-

левают меня, но это все-таки втрое легче, чем беседовать о литературе с московскими визитерами. И тепло и просторно, и соседи интересные, и дешевле, чем в Москве, но, милый капитан... старость! Старость, или лень жить, не знаю что, но жить не особенно хочется. Умирать не хочется, но и жить как будто бы надоело. Словом, душа вкушает хладный сон.

А Свободин-то каков! Этим летом он приезжал ко мне два раза и жил по нескольку дней. Он всегда был мил, но в последние полгода своей жизни он производил какое-то необыкновенное, трогательное впечатление. Или, быть может, это мне казалось только, так как я знал, что он скоро умрет. Я, да и Вы тоже потеряли в нем человека, который искренно привязывался и искренно любил, не разбирая, великие или малые дела мы совершаем. Он за глаза всегда называл Вас Жаном и любил сказать о Вас что-нибудь хорошее. Это был наш приятель и наш заступник.

Ну что Вы поделываете? Что пишете? Был бы рад прочесть или Вашу повесть, или пьесу. Мои сверстники интересуют меня гораздо больше, чем все новые. Как ни ругали за границей Вашу «Около истины», но мне эта повесть кажется на 10 голов выше, чем все лучшие вещи Потапенко. Ничего не поделаешь, старость! А старость брюзжит и упряма... Кстати о Вашей повести. То, что писали о ней за границей, конечно, сущий вздор. Это не критика, а травля писателя. Но в повести тяжело с внешней стороны — это форма, а с внутренней — тон повести. Письма и дневники — форма неудобная, да и неинтересная, так как дневники и письма легче писать, чем отсебятину. Тон же с самого начала взят неправильно. Похоже на то, как будто Вы заиграли на чужом инструменте. Нет именно того, что составляет необходимую примесь во всем, что я раньше читал: ни добродушия, ни Вашей сердечной мягкости. Может быть, так и нужно; может, и нужно казнить людей, но... наше ли это дело? Я грубый и черствый человек и не могу передать Вам свои мысли именно в той форме, в какой нужно, но Вы и без передачи поймете, что именно я хотел сказать, но не сумел¹. Досадно было мне главным образом, что Ваша по-

весть попала в «Русский вестник», который не читают даже критики, не говоря уже о публике. Этот журнал считает своих подписчиков сотнями.

Что касается меня, то я написал за лето две тугие повести², которыми я поправлю немножко свои финансы, но славы — увы — не преумножу. Не писалось, да и медицина все лето мешала. А может быть, и отвык писать. Я уже давно не писал с удовольствием, а это дурной знак. Сунулся я было в «Неделю» с рассказом («Соседи»), но вышло нечто такое, что не следовало бы печатать: ни начала, ни конца, а какая-то облезлая середка.

Нам бы потолковать, Жан! У Тестова бы посидеть! А? Что Вы на это скажете? Если Вы охладели ко мне почему-либо, то вспомните, что я по-прежнему Вас люблю и что нас не много осталось, и натяните свои нервы в мою пользу.

Жене Вашей поклонитесь. Чигала ли она про себя в «Неделе»?³

Будьте, голубчик, здоровы и благополучны.

Скажите Вашей жене, что у меня свои гуси, куры, утки, овцы, телки... Моя мать утешается.

Ваш А. Чехов.

296

А. С. СУВОРИНУ

27 октября 1892, Мелихово

27 октябрь

Покачивания, пошатывания с потемнением в глазах и даже с потерей сознания на несколько секунд, а также чувство ветра и вихря в голове — явление почти обычное у людей Ваших лет, у женщин и у дурно питающейся молодежи. С этим надо мириться и, памятуя о своих летах, быстро не ходить, когда голова работает и когда надета на Вас тяжелая шуба. Меня самого пошатывало, когда я был студентом 2-го курса, и это мучило меня, теперь же у отца бывают головокружения с потерей сознания 10—20 секунд, и это

меня нисколько не беспокоит. У крестьян-стариков это обыкновенная болезнь, и я лечу ее тем, что велю не пугаться, не менять образа жизни и, буде не лень, пить валериановые капли до десяти 4 раза в день. Последнее при слабом и среднем пульсе. Впрочем, каждый случай приходится индивидуализировать, но во всех случаях не бывает надобности лгать больному, как это случается, когда лечишь рак или чахотку. Вам теперь, пожалуй, месяц или два, пока не привыкнете, все будет казаться, что Вы сейчас упадете, и Вы нарочно будете ходить под забором, чтоб было за что ухватиться, но Вы не позволяйте себе этого, а, напротив, когда приходит охота упасть, говорите себе: «Падай, падай»... Не упадете. Народу по улице много ходит, но никто не падает. А главное, не мешайте себе ездить в театр и куда угодно. Когда бываете на выставках, то берите с собой легкий складной стул, похожий на букву X и стоящий 90 коп. Через каждые 2—3 картины садитесь и сидите. От долгого разговора, требующего усиленного прилива к легким, а стало быть, отлива от головы, бывает утомление мозга, а посему помалкивайте. Хорошо также, чтоб запоров не было. Если бы Вы не были похожи на Анну Ивановну и верили в мой медицинский гений, то я прислал бы Вам хороший рецепт — пилюли от запоров. Но Вы в этом считаете меня «мужичонкой» и даже не хитрым. Аллах Вам судья! Кстати о моем гении... За это лето я так насобачился лечить поносы, рвоты и всякие холерины, что даже сам прихожу в восторг: утром начну, а к вечеру уж готово — больной жрать просит. Толстой вот величает нас мерзавцами, а я положительно убежден, что без нашего брата пришлось бы круто. В 30 верстах от меня заболело холерой 16 человек и умерло только 4, т. е. 25%. Такой малый процент я объясняю прямо-таки тем, что дело не обошлось без вмешательства моих коллег Петра Ивановича и Ивана Корниловича, с которыми, кстати сказать, 29-го я буду обедать. Даем торжественный обед серпуховскому доктору и его жене, которые летом, во время санитарных советов, кормили нас обедами.

Прочтите, пожалуйста, в «Русской мысли», март, «Несколько лет в деревне» Гарина. Раньше ничего подобного не было в литературе в этом роде по тону и, пожалуй, искренности. Начало немножко рутинно и конец приподнят, но зато середка — сплошное наслаждение. Так верно, что хоть отбавляй¹.

Рассказ в «Новое время» непременно пришлю. Пришлю Вам также в наказание за грехи корректуру своего рассказа, отданного в «Русскую мысль». Он пойдет в мартовской книжке (печатать до подписки бояться — цензуры), а мне невтерпеж, хочется Вас угостить поскорее².

Читаю «Дневник» Башкирцевой. Чепуха, но к концу повеяло чем-то человеческим³.

Я приеду к Вам, конечно, но не раньше рождества. Что же касается моего основательного сиденья в «Новом времени» с основательным содержанием, как Вы пишете, то на первое, т. е. на сиденье, у меня не хватит пороку, ибо я плохой и ленивый журналист, а второе я уже взял.

Мишу из Алексина переводят в Серпухов. Будет жить в своем участке, т. е. у меня. Про Александра слышал, что он стал вегетарианцем и бросил пить. Иван получил повышение и похудел от избытка работы.

Погода отвратительная.

Ну, будьте здоровы и не бойтесь своей болезни. Моренгейм вельможа, имеет Почетного легиона 1-й степени, да и с тем во время пасхальной утрени произошла неприятность...

Ваш А. Чехов.

А Амфитеатров хорошо пишет⁴.

297

А. С. СУВОРИНУ

22 ноября 1892, Мелихово

22 ноябрь

Передайте Анне Ивановне, что не прислал я ей до сих пор своей новой повести, потому что не отдавал еще в набор последней главы, которую исправляю.

Повесть, или, как выражается Анна Ивановна, «труд», выйдет в свет в марте¹.

Передайте Алексею Алексеевичу, что я послал ему письмо насчет статьи д-ра Святловского и нетерпеливо жду ответа. Статья хорошая, и я боюсь, как бы Алексей Алексеевич не охладел к ней².

Днем валит снег, а ночью во всю ивановскую светит луна, роскошная, изумительная луна. Великолепно. Но тем не менее все-таки я удивляюсь выносливости помещиков, которые поневоле живут зимою в деревне. Зимою в деревне до такой степени мало дела, что если кто не причастен так или иначе к умственному труду, тот неизбежно должен сделаться обжорой и пьяницей или тургеневским Пигасовым³. Однообразие сугробов и голых деревьев, длинные ночи, лунный свет, гробовая тишина днем и ночью, бабы, старухи — все это располагает к лени, равнодушию и к большой печени. Если Вам когда-нибудь случится в своих маленьких письмах посылать интеллигенцию в деревню, то ставьте непременно условием, чтобы люди, не умеющие писать, читать, лечить, работать на фабрике, учить в школе или, как покойный Голохвастов, копаться в истории, оставались бы в городе, иначе они очутятся в дураках. Один мой сосед, молодой интеллигент, признался мне, что он очень любит читать, но не в состоянии дочитать книгу до конца. Что он делает в зимние вечера, для меня непостижимо.

Как Ваши головокружения? Если Вы уже забыли о них, то слава небесам. Пишите роман! Пишите роман! Пусть у Вас кружится голова, но пишите романы и пьесы.

Мережковский ничего не писал мне о журнале. Литературный журнал составляет теперь гвоздь его мечтаний, и, очевидно, он согласен со мной, что я не годюсь в редакторы. Сотрудником и советником я был бы охотно, и охотно отдал бы 4—5 зимних месяцев новому делу, если бы оно обещало быть серьезным.

Дон-Жуан в прозе — волшебная штука. В этой громадине все есть: и Пушкин, и Толстой, и даже Буренин, похищавший у Байрона каламбуры. Манфред

эффектен по обстановке, но в сравнении с гетевским Фаустом совсем жидок. Я видел Манфреда на сцене Большого театра, когда в Москве был Поссарт, и тогда он произвел на меня сильное впечатление⁴.

Из Петербурга в последний раз я ехал в спальном вагоне III класса. Сосед курил вонючую сигару, спать пришлось наверху, рядом с полкой, которая всю ночь резала мне бок. У меня были деньги на курьерский поезд, и почему мне пришла охота разыграть из себя скрягу, не могу понять.

В Москве такая масса охотников покупать небольшие имения, а имений продажных так мало, что я, если б захотел, мог бы устроить хороший гешефт. За второй участок мне дают уже дороже, чем он стоит, но я бегу от финансовых искушений. Со временем десятин десять я отдам под земскую больницу, а остальное разделю между членами своей фамилии. Я подохну старым холостяком.

Холеры в Московской губ. уже нет.

Напишите мне что-нибудь веселенькое. Жажду Вас видеть. Будьте здоровы.

Ваш А. Чехов.

298

А. С. СУВОРИНУ

25 ноября 1892, Мелихово

25 ноябрь

Вас нетрудно понять, и Вы напрасно браните себя за то, что неясно выражаетесь. Вы горький пьяница, а я угостил Вас сладким лимонадом, и Вы, отдавая должное лимонаду, справедливо замечаете, что в нем нет спирта. В наших произведениях нет именно алкоголя, который бы пьянил и порабощал, и это Вы хорошо даете понять. Отчего нет? Оставляя в стороне «Палату № 6» и меня самого, будем говорить вообще, ибо это интересней. Будем говорить об общих причинах, коли Вам не скучно, и давайте захватим целую эпоху. Скажите по совести, кто из моих сверстников, т. е. людей в возрасте 30—45 лет, дал миру хотя одну каплю алкоголя? Разве Короленко, Надсон и все ны-

нешние драматурги не лимонад? Разве картины Репина или Шишкина кружили Вам голову? Мило, талантливо. Вы восхищаетесь и в то же время никак не можете забыть, что Вам хочется курить. Наука и техника переживают теперь великое время, для нашего же брата это время рыхлое, кислое, скучное, сами мы кислы и скучны, умеем рожать только гуттаперчевых мальчиков¹, и не видит этого только Стасов, которому природа дала редкую способность пьянеть даже от помоев. Причины тут не в глупости нашей, не в бездарности и не в наглости, как думает Буренин, а в болезни, которая для художника хуже сифилиса и полового истощения. У нас нет «чего-то», это справедливо, и это значит, что поднимите подол нашей музе, и Вы увидите там плоское место. Вспомните, что писатели, которых мы называем вечными или просто хорошими и которые пьянят нас, имеют один общий и весьма важный признак: они куда-то идут и Вас зовут туда же, и Вы чувствуете не умом, а всем своим существом, что у них есть какая-то цель, как у тени отца Гамлета, которая недаром приходила и тревожила воображение. У одних, смотря по калибру, цели ближайшие — крепостное право, освобождение родины, политика, красота или просто водка, как у Дениса Давыдова, у других цели отдаленные — бог, загробная жизнь, счастье человечества и т. п. Лучшие из них реальны и пишут жизнь такую, какая она есть, но оттого, что каждая строчка пропитана, как соком, сознанием цели, Вы, кроме жизни, какая есть, чувствуете еще ту жизнь, какая должна быть, и это пленяет Вас. А мы? Мы! Мы пишем жизнь такую, какая она есть, а дальше — ни тпррру ни ну... Дальше хоть плетями нас стегайте. У нас нет ни ближайших, ни отдаленных целей, и в нашей душе хоть шаром покати. Политики у нас нет, в революцию мы не верим, бога нет, привидений не боимся, а я лично даже смерти и слепоты не боюсь. Кто ничего не хочет, ни на что не надеется и ничего не боится, тот не может быть художником. Болезнь это или нет — дело не в названии, но сознаться надо, что положение наше хуже губернаторского.

Не знаю, что будет с нами через 10—20 лет, тогда, быть может, изменятся обстоятельства, но пока было бы опрометчиво ожидать от нас чего-нибудь действительно путного, независимо от того, талантлив мы или нет. Пишем мы машинально, только подчиняясь тому давно заведенному порядку, по которому одни служат, другие торгуют, третьи едят... Вы и Григорович находите, что я умен. Да, я умен по крайней мере настолько, чтобы не скрывать от себя своей болезни и не лгать себе и не прикрывать своей пустоты чужими лоскутками вроде идей 60-х годов и т. п. Я не брошусь, как Гаршин, в пролет лестницы, но и не стану обольщать себя надеждами на лучшее будущее. Не я виноват в своей болезни, и не мне лечить себя, ибо болезнь сия, надо полагать, имеет свои скрытые от нас хорошие цели и послана не даром... Недаром, не даром она с гусаром!

Ну-с, теперь об уме. Григорович думает, что ум может пересилить талант. Байрон был умен, как сто чертей, однако же талант его уцелел. Если мне скажут, что Икс понес чепуху оттого, что ум у него пересилил талант, или наоборот, то я скажу: это значит, что у Икса не было ни ума, ни таланта.

Фельетоны Амфитеатрова гораздо лучше, чем его рассказы. Точно перевод со шведского.

Ежов пишет, что он собрал, или, вернее, выбрал, рассказы и хочет просить Вас издать его книжку². У него инфлуэнца, у дочери тоже инфлуэнца. Закис человек.

Я приеду и, если не прогоните, буду жить в Петербурге почти месяц. Быть может, выберусь в Финляндию. Когда приеду? Не знаю. Все зависит от того, когда напишу повесть листов в пять, чтобы весною опять не обращаться к кредиту.

Да хранит Вас небо!

Как Вы насчет Швеции и Дании?

Ваш А. Чехов.

3 декабря 1892, Мелихово

3 дек.

То, что у позднейшего поколения писателей и художников нет целей в творчестве, — явление вполне законное, последовательное и любопытное, и если Сазонова ни с того ни с сего испугалась жупела, то это не значит, что я в своем письме лукавил и кривил душой. Вы сами прочли неискренность уж после того, как она написала Вам, иначе бы Вы не послали ей моего письма. В своих письмах к Вам я часто бываю несправедлив и наивен, но никогда не пишу того, что мне не по душе.

Если Вам хочется неискренности, то в письме Сазоновой ее миллион пудов. «Величайшее чудо это сам человек, и мы никогда не устанем изучать его»... или «Цель жизни — это сама жизнь»... или «Я верю в жизнь, в ее светлые минуты, ради которых не только можно, но и должно жить, верю в человека, в хорошие стороны его души» и т. д. Неужели все это искренно и значит что-нибудь? Это не воззрение, а монпансье. Она подчеркивает «можно» и «должно», потому что боится говорить о том, что есть и с чем нужно считаться. Пусть она сначала скажет, что есть, а потом уж я послушаю, что можно и что должно. Она верит «в жизнь», а это значит, что она ни во что не верит, если она умна, или же попросту верит в мужицкого бога и крестится в потемках, если она баба.

Под влиянием ее письма Вы пишете мне о «жизни для жизни». Покорно Вас благодарю. Ведь ее жизне-радостное письмо в 1000 раз больше похоже на могоилу, чем мое. Я пишу, что нет целей, и Вы понимаете, что эти цели я считаю необходимыми и охотно бы пошел искать их, а Сазонова пишет, что не следует манить человека всякими благами, которых он никогда не получит... «цени то, что есть», и, по ее мнению, вся наша беда в том, что мы все ищем каких-то высших и отдаленных целей. Если это не бабья логика, то ведь

это философия отчаяния. Кто искренно думает, что высшие и отдаленные цели человеку нужны так же мало, как корове, что в этих целях «вся наша беда», тому остается кушать, пить, спать или, когда это надоест, разбежаться и хватить лбом об угол сундука.

Я не браню Сазонову, а только хочу сказать, что она далеко не жизнерадостная особа. По-видимому, она хороший человек, но все-таки напрасно Вы показали ей мое письмо. Она для меня чужая, и мне теперь неловко.

У нас уже ездят гусем и варят постные щи со сметками. Была два раза сильная метель, которая попортила дороги, а теперь тихо и пахнет рождеством.

Читали ли Вы в «Русской мысли» статью В. Крылова о заграничных театрах?¹ Этот человек любит театр, и я верю ему, хотя я не люблю его пьес.

Кажется, я немножко виноват перед Вами. Я искусил единого из малых сих, а именно Ежова, известного беллетриста. Как-то я говорил с ним об издании его книги и переписывался об этом предмете, но в неопределенной форме, а сегодня я вдруг получаю от него письмо, в котором он пишет, что уже послал Вам свои рассказы для набора. Название книги «Облака и другие рассказы». Облака! Это похоже на яблоки.

Говорят, что 12 московских литераторов послали Вам протест против Амфитеатрова². Правда ли это?

Будьте здоровы и никогда не пишите мне, что Вы откровеннее, чем я. Желаю всех благ.

Ваш А. Чехов.

300

А. С. СУВОРИНУ

8 декабря 1892, Мелихово

8 дек.

Возвращаю Вам рукопись П. Боткина¹. В ней следует все вычеркнуть или же ничего. Я бы не напечатал такого рассказа. Это потуга на обличительную оценку, и довольно плохая.

Теперь просьба. Будьте добры послать прилагаемую при сем накладную Д. В. Григоровичу. Напомните ему, что однажды, когда он водил меня по Музею

на Б. Морской, я обещал ему выписать для музея хохлатые гончарные изделия, которые мне когда-то нравились. В Полтавской губернии, Миргородском уезде, в селе Хомулец есть гончар, знаменитый в своем муравейнике: он делал очень красивые и характерные вещи, но скоро, понюхавши образцов, стал сбиваться на казенщину: делал двуглавых орлов, вензеля и т. п. Не знаю, что он прислал теперь, так как вещи пошли прямо в Петербург. Попросите Дмитрия Васильевича послать человека на вокзал (не знаю, какой), на товарную станцию; если придется заплатить какие-нибудь копейки, то при свидании я заплачу. Если вещи сгодятся, то очень рад, если же окажутся дрянными, то пусть Дмитрий Васильевич извинит великодушно. Я заслуживаю тем большего снисхождения, что не сам выбирал вещи.

Ах, если б Вы знали, как я утомлен! Утомлен до напряжения. Гости, гости, гости... Моя усадьба стоит как раз на Каширском тракте, и всякий проезжий интеллигент считает должным и нужным заехать ко мне и погреться, а иногда даже и ночевать остаться. Одних докторов целый легион! Приятно, конечно, быть гостеприимным, но ведь душа меру знает. Я ведь и из Москвы-то ушел от гостей. А сейчас приехала астрономка² и осталась ночевать... Вот язык!

А мне надо писать, писать и спешить на почтовых, так как для меня не писать значит жить в долг и хандрить. Пишу вещь, в которой сотня действующих лиц, лето, осень — и все это у меня обрывается, путается, забывается...³ Тьфу ты пропасть! В Питер ехать? Но в Питере я работаю вяло и мало. В Москву податься и взять там номер? Но в Москве в номере я издохну от скуки. Должно быть, кончу тем, что приеду в Петербург, не написав даже пол-листа и рассыпавши по пути все, что было в голове. Завидую Вам, имеющему квартиру в Царском Селе, но не верится, что Вы там будете одиноки. Вас и там сыщут.

У меня в голове брезжит дерзкая мысль: не начинать ли мне ежегодно по зимам комнаты две-три на даче Громова, т. е. не сделаться ли мне Ясинским

в миниатюре? Там и деревня, и от Вас близко. Как Вы думаете?

Все хочется мне устроить свою внешнюю жизнь, я и так и этак, и вся эта возня с собственной особой кончится тем, что какой-нибудь строгий Икс скажет: как Вы ни садитесь, а все в музыканты не годитесь!

Астрономка была на Кавказе и теперь едет в Петербург заниматься математикой. Хочет она заняться литературой — давать компиляции, каких еще никогда не бывало в русских журналах, но говорит, что тотчас же приступить к этому нельзя, так как на подготовительные работы нужно минимум 4 года. Эта особа, очевидно, думает, что она будет жить 386 лет.

Вы кончили свое письмо с шиком: «Morituri te salutant!»* Все мы morituri, потому что никто из нас не может сказать про себя: naturus sum**.

Одначе будьте здоровы и благополучны. Сие письмо повезет на почту астрономка. Всего хорошего.

Ваш А. Чехов.

А то еще лучше: если можно, пошлите Василия за гончарными вещами на Николаевский вокзал (в накладной назван именно этот вокзал), посмотрите их, коли охота, и отошлите Григоровичу. А то он, пожалуй, рассердится за хлопоты.

* «Идущие на смерть приветствуют тебя!» (лат.)

** мне предстоит родиться (лат.).

ПРИМЕЧАНИЯ

Из огромного эпистолярного наследства А. П. Чехова для настоящего издания отобраны письма 1877—1904 годов, представляющие наибольший историко-литературный и биографический интерес.

Письма расположены в хронологическом порядке и имеют общую нумерацию. Тексты печатаются по Полному собранию сочинений и писем А. П. Чехова в двадцати томах, тт. 13—20, Гослитиздат, М. 1948—1951 (сокращенно ПСС), «Литературному наследству», изд. АН СССР, т. 68, М. 1960 (сокращенно ЛН), и журналу «Вопросы литературы», 1960, № 8 (сокращенно ВЛ). Когда письма печатаются по ЛН и ВЛ, это оговаривается в примечаниях. В ряде случаев тексты проверены и исправлены по рукописям.

Авторские даты писем воспроизводятся в тех местах, где они проставлены в подлиннике. Полная редакторская дата (по старому стилю) печатается курсивом перед текстом письма с правой стороны. Опущенные места в письмах обозначаются тремя точками в прямых скобках — [...]. Слова, написанные сокращенно, например: «Нов. вр.», пишутся полностью: «Новое время».

Сведения об адресатах даны в примечаниях при первом письме к данному адресату, а сведения об упоминаемых лицах (а также о газетах, журналах и т. д.) только в именном указателе в 12 томе. Сведения о первых публикациях произведений Чехова, имеющиеся в предыдущих томах, не повторяются.

Ссылки на письма Чехова, не включенные в настоящее издание, даются по ПСС, другие случаи оговариваются в примечаниях.

Письма к А. П. Чехову, цитируемые в примечаниях, хранятся в Государственной библиотеке СССР имени В. И. Ленина

(сокращенно ЛБ). Место хранения писем оговаривается только в тех случаях, когда они находятся в Центральном государственном архиве литературы и искусства (сокращенно ЦГАЛИ). Письма Ал. П. Чехова к А. П. Чехову цитируются по книге «Письма А. П. Чехову его брата Александра Чехова», М. 1939, письма Д. В. Григоровича — по сборнику «Слово», кн. 2, М. 1914 (сокращенно «Слово»).

1

Чехов Михаил Михайлович (1851—1909) — двоюродный брат Чехова, сын Мих. Е. Чехова, владельца переплетной мастерской в Калуге. В период переписки с Чеховым служил приказчиком у московского купца И. Е. Гаврилова. М. М. Чехов внимательно отнесся к приехавшей в Москву разорившейся семье Чеховых: помог П. Е. Чехову определиться на службу к Гаврилову, оказывал моральную поддержку Е. Я. Чеховой. Личное знакомство братьев состоялось в апреле 1877 г., когда Чехов приезжал в Москву на пасхальные каникулы. Дружба их продолжалась еще некоторое время после переезда Чехова в Москву. В повести Чехова «Три года» в образе Початкина отражены некоторые черты и манеры М. М. Чехова.

2

¹ М. М. Чехов ездил в Калугу на свадьбу своей сестры Екатерины Михайловны.

² Семья Михаила Егоровича Чехова произносила свою фамилию через «о» — Чоховы.

³ В письме сыну от 26 июля 1877 г. П. Е. Чехов высказал свои мысли о положении богатых и бедных: «Где деньги, там почет, уважение, любовь, дружба и все блага, а где их нет, ох как приходится горько! Родные делаются совсем другими... Антоша! припомни это, ты будешь жить, будь благодетелем ко всем просящим у тебя помощи, не отвращайся никогда от бедных. Пример родители твои! Как мы теперь ценим всякое даяние и всяк дар, посылаемый от бога чрез добрых людей... Так бывает сладко, отрадно, утешительно, что на земле нет выше того удовольствия, которое получается нуждающимися от доброго и чувствительного человека... Благодетели и друзья узнаются в несчастии...»

⁴ Чехов посылал матери часть своих денег, которые зарабатывал уроками, а также деньги, выручаемые от продажи вещей, оставшихся в Таганроге.

⁵ Ал. П. Чехову.

3

Чехов Михаил Павлович (1865—1936) — младший брат А. П. Чехова, юрист и писатель. Некоторое время служил податным инспектором, затем начальником отделения ярославской казенной палаты. Позднее заведовал книжной торговлей на железных дорогах контрагентства А. С. Суворина. Одновременно печатал статьи, рассказы, повести и небольшие пьесы в журналах «Детское чтение», «Друг детей», «Свет и тени», в газете «Новости дня» и др. Отдельными изданиями вышли некоторые его повести и сборник «Очерки и рассказы» (СПб. 1905 и 1907). М. П. Чехов занимался также переводами на русский язык романов Синклера, Лондона и др. М. П. Чехову принадлежит первый биографический очерк о Чехове, напечатанный в шеститомном издании «Письма А. П. Чехова», под редакцией М. П. Чеховой (М. 1912—1916), а также ряд работ мемуарного характера: «Антон Чехов и его сюжеты», М. 1923, «Вокруг Чехова», М. 1933 и 1960, и др.

¹ Речь идет о книге Г. Бичер-Стоу «Хижина дяди Тома».

² Чехов в июне заканчивал выпускные экзамены в таганрогской гимназии, после которых должен был ехать в Москву для поступления на медицинский факультет Московского университета. В недошедшем до нас письме родителям он писал о необходимости задержаться в Таганроге в связи с хлопотами о предоставлении ему стипендии, которую учредило таганрогское городское управление для одного из местных уроженцев, поступающих в высшее учебное заведение. Стипендия Чехову была назначена.

4

Лейкин Николай Александрович (1841—1906) — писатель-юморист. В 60-х годах сотрудничал в «Искре», «Библиотеке для чтения» и «Современнике». С 1882 г. — редактор-издатель журнала «Осколки». Автор многих романов, повестей, юмористических рассказов, очерков и «сценок». С Чеховым Лейкин позна-

комился в октябре 1882 г. и пригласил его сотрудничать в «Осколках».

¹ Чехов послал Лейкину «Единственное средство (*A proros процесса Петерб. общества взаимного кредита*)», «Случай *ta-pia grandiosa* (Вниманию газеты «Врач»)» и «Темною ночью».

² Сотрудничество Чехова в «Осколках» началось в ноябре 1882 г. В письме от 31 декабря 1882 г. Лейкин просил Чехова продолжать сотрудничество и в 1883 г.: «Вы теперь успели приглядеться и видите, что нужно «Осколкам». Мне нужно именно то, что Вы теперь посылаете, т. е. коротенькие рассказы, сценки. Шлите только почаще».

³ Лейкин ответил Чехову 20 января 1883 г.: «Полагаясь на то, что Вы не станете злоупотреблять длиннотами, благословляю Вас и на 120 строк, и на 140, и даже на 150, присылайте только непременно что-нибудь к каждому номеру».

⁴ Редактор юмористического журнала «Зритель» В. В. Давыдов взял у Чехова рассказы: «Пережитое (*Психологический этюд*)», «Философские определения жизни», «Мошенники поневоле (*Новогодняя побрехушка*)» и «Гадальщики и гадальщицы (*Подновогодние картинки*)». Напечатаны в «Зрителе», 1883, № 1.

5

Чехов Александр Павлович (1855—1913) — старший брат Чехова, журналист и писатель. Окончил физико-математический факультет Московского университета. Некоторое время служил в таможнях в Таганроге, Новороссийске и Петербурге. Позднее был редактором журналов «Слепец», «Пожарный» и «Вестник русского общества покровительства животным». Литературную деятельность начал в студенческие годы в московских юмористических журналах. С 1886 г. постоянный сотрудник «Нового времени». Сотрудничал также в «Осколках», «Новостях дня» и др. изданиях под псевдонимами: А. Седой, Алоэ, Агафопод Единицын. Отдельными изданиями вышли сборники его рассказов и несколько статей по специальным вопросам: «Исторический очерк пожарного дела в России», Спб. 1892, «Алкоголизм и возможная с ним борьба», Спб. 1897, и др. Ал. П. Чехов напечатал несколько очерков-воспоминаний о детстве Чехова (см., например, в сб. «А. П. Чехов в воспоминаниях современников»,

Гослитиздат, М. 1960, а также «Первый паспорт А. П. Чехова» («Русское богатство», 1911, № 3) и «В Мелихове» («Нива», 1911, № 26). Ал. П. Чехов состоял в постоянной переписке с братом. Его письма изданы отдельной книгой: «Письма А. П. Чехову его брата Александра Чехова», М. 1939.

¹ Упомянутое письмо Ал. П. Чехова к Н. П. Чехову неизвестно.

² Над письмами Митр. Е. Чехова (см. прим. к письму 40).

³ Чехов имеет в виду сотрудников мелкой бульварной прессы, в частности, братьев И. и М. Яронов.

⁴ В письме от 23 ноября 1882 г. из Таганрога Ал. П. Чехов подробно рассказывает о «молелье по случаю окончания навигации», которое происходило «на палях» (т. е. на морских сваях у пристани) и которое живо напомнило Ал. П. Чехову «заутреню на корабле капитана Гатраса», героя романа Жюль Верна «Путешествие и приключения капитана Гатраса».

⁵ Рассказ «Сестренка» не был напечатан.

⁶ Речь идет о товарищах Ал. П. Чехова, братьях И. В. и Л. В. Третьяковых (см. об этом в книге М. П. Чехова «Вокруг Чехова», М. 1960, стр. 84).

⁷ Новорожденной дочери Ал. П. Чехова — Марии,

6

¹ 1 марта 1883 г. Лейкин писал Чехову: «Ввиду того, что Вы сулитесь замолкнуть на март и апрель месяцы,— буду печатать Ваши рассказы по штучке. Верно, у Вас экзамены? Но, на мой взгляд, Вы не утерпите и будете писать, что для меня, само собой, будет приятно. Повадился кувшин по воду ходить, тут ему и голову сломить. Наконец, Вы просто броситесь к писанию, как отдыху. Предсказываю Вам это».

² Чехов пишет о рассказах «После светлой заутрени» и «Птица», которые вошли в книгу Лейкина «Саврасы без узды», Спб. 1880.

7

Канаев Александр Николаевич (1844—1907) — драматург, педагог, основатель мастерской учебных пособий в Петербурге.

¹ В письмах от 24 февраля и 24 марта 1883 г. Канаев сообщал, что просьбу Чехова выполнил — узнал адрес Ф. Ф. Голу-

бева. Кто это лицо и кому направлен его адрес — не установлено.

² О конфликте в театре Корша Чехов пишет по просьбе Канаева,

8

¹ Вероятно, рассказы, напечатанные в № 17 «Осколков» за 1883 г.: «Слова, слова и слова», «Закуска (*Приятное воспоминание*)» и «Двадцать шесть (*Выписки из дневника*)».

² Напечатан в «Осколках», 1883, № 19.

9

¹ Письмо Ал. П. Чехова неизвестно.

² Митр. Е. Чехов получил медаль за благотворительную деятельность.

³ В журнале «Свет и тени» печатались рисунки и карикатуры Н. П. Чехова.

⁴ М. П. Чехова получила среднее образование в Филаретовском епархиальном училище.

⁵ Л. Н. Уткина и, вероятно, П. И. Кичеев.

⁶ В ресторан Тестова.

⁷ Карантин — предместье Таганрога.

⁸ Ф. Я. Долженко.

⁹ В письме к Ал. П. Чехову от 17—18 апреля 1883 г. Чехов предлагал писать вместе научную работу «История полового авторитета» (см. ПСС, т. 13, стр. 56—59). Замысел остался несуществленным.

¹⁰ Собака Ал. П. Чехова.

¹¹ «Сомнамбула» — рассказ Ал. П. Чехова, напечатанный в «Будильнике» в 1881 г.

10

¹ Были посланы рассказы «Весь в дедушку», «Из дневника помощника бухгалтера» и «Козел или негодяй» («Осколки», 1883, № 25 и 30).

² В письме от 26 мая 1883 г. Лейкин просил Чехова написать отзвыв о своем сборнике рассказов «Караси и шуки» и поместить

его в каком-либо московском журнале или же передать этот отзыв Пальмину, который пристроит его в одну из газет.

³ В том же письме Лейкин предупреждал Чехова: «Из ответа в «Почтовом ящике Стрекозы» я вижу, что Вы и в «Стрекозе» собираетесь сотрудничать. Не поладите там, помяните мое слово. Люди тяжелые, люди, не ценящие сотрудника. Я работал в «Стрекозе», так уже знаю. Посылайте-ка лучше ко мне в «Осколки» все, что напишете».

⁴ Произведения Чехова, подписанные псевдонимом «Крапива», не найдены.

⁵ См. прим. 3 к письму 11.

11

¹ В письме от 10 июня 1883 г. Лейкин предложил Чехову давать в «Осколки» два раза в месяц юмористические фельетонные заметки «Осколки московской жизни», в которых просил говорить «обо всем выдающемся в Москве по части безобразий, вышучивать, бичевать, но ничего не хвалить, ни перед чем не умиляться». Чехов вел этот фельетон с июля 1883 г. до середины октября 1885 г. Заметки печатались за подписью «Рувер», а с февраля 1884 г.— «Улисс».

² До Чехова «Осколки московской жизни» вел А. М. Герсон, который, по словам Лейкина, «сбежал в актеры», а затем А. М. Дмитриев, занявшийся «делами паровой мельницы».

³ Этот рассказ, озаглавленный в предыдущем письме «До 29-го июня», напечатан под заглавием «Он понял!» в журнале «Природа и охота», 1883, т. IV, ноябрь.

⁴ Подхалимов — герой очерка М. Е. Салтыкова-Щедрина «Тряпичники-очевидцы».

12

¹ Заметки и рассказ «Протекция» напечатаны в «Осколках», 1883, № 35.

² Экзамены в университете.

³ К Чеховым приехал из Таганрога Ал. П. Чехов с женой и дочерью.

⁴ Рассказ Н. С. Лескова.

⁵ Вероятно, имеется в виду один из рассказов Лейкина, на-

печатанных 20 августа: «Новая соперница» в «Петербургской газете» или «Неполированный и полированный» в журнале «Осколки».

13

¹ В сентябре 1883 г. в «Будильнике» были напечатаны рассказы «Из дневника человека, «подающего надежды» (№ 35) и «Осенью» (№ 37).

² Этот рассказ, имеющий, по мнению Лейкина, «чисто этнографический характер», был возвращен Чехову. Напечатан в «Будильнике».

³ Чехов дал заметку о Московском училище живописи, ваяния и зодчества в связи с 50-летием его основания («Осколки», 1883, № 39).

⁴ «Осколки петербургской жизни» вел В. В. Билибин, который действительно был юристом по образованию.

⁵ Возможно, это была карикатура на Суворина.

14

¹ Портрет и некролог Ф. Ф. Попудогло помещены в журнале «Будильник», 1883, № 42.

² Н. С. Лесков подарил Чехову «Сказ о тульском левше и о стальной блохе (*Цеховая легенда*)», Спб., 1882, с надписью: «Антону Павловичу Чехову Н. Лесков. 12 окт. 83 г.».

15

¹ Заметки помещены в № 51 «Осколков» за 1883 г.

² Рассказ под таким заглавием неизвестен.

16

¹ Рассказ «Репетитор».

² См. прим. 1 к письму 17.

³ В № 5 «Осколков» за 1884 г. напечатаны рассказы В. В. Билибина «Дневник приключений» и «У доктора», рассказ Лейкина «Затравкин (*Краткий роман в документах*)» и рассказ Чехова «Молодой человек».

⁴ Рассказ «Самоглот-Загребаевы (*Краткий современный роман в документах*)» — «Осколки», 1884, № 4.

⁵ Заметка о велосипедистах, снятая Лейкиным из фельетона, напечатанного 4 февраля, не появилась и в следующих фельетонах.

⁶ Пьеса Б. Маркевича «Чад жизни» — инсценировка его же романа «Бездна» — поставлена в театре М. В. Лентовского в январе 1884 г. «Фельетонный куплетец», присланный взамен пародии на пьесу, включен в «Осколки московской жизни» («Осколки», 1884, № 7).

⁷ В «Осколках» (1884, № 3) было напечатано стихотворение Л. И. Пальмина «Журналу «Волна», явившееся ответом на помещенную в «Волне» (1884, № 2) заметку, в которой отрицательно отзывались об «Осколках» и Лейкине.

⁸ О редакторе «Волны» Кланге есть заметки в фельетонах Чехова «Осколки московской жизни», напечатанных в журнале «Осколки», 1883, № 33 и 35.

⁹ Письмо Л. И. Пальмина за подписью «Трефовый король» (псевдоним Пальмина в «Волне») напечатано в «Московском листке», 1884, 16 января.

17

¹ «Осколки московской жизни», «Наивный леший (*Сказка*)» и «Прощение». Напечатаны в «Осколках», 1884, № 7.

² Книга А. Журавлева «Певец под застрехою, Нравственный сборник», М. 1883.

³ В ответном письме (19 февраля) Лейкин сообщил: «Ну-с, псевдоним Ваш под московским обозрением я переменяю. Буду держать в тайне, что Вы обозрение пишете, стреляйте только направо и налево и подстреливайте всех нещадно» (см. прим. 1 к письму 11).

⁴ Чехов писал о пьесе Мясницкого «Жена его степенства», которая шла в театре Корша, и об актерах-любителях. Очевидно, Лейкин все же вычеркнул строки о Мясницком, поскольку в фельетоне осталось только упоминание о нем.

⁵ «Regretium mobile».

⁶ «Кустодиевский» — рассказ Лейкина, «От мирового» — рассказ И. Ф. Горбунова и «Путешествие одного специального корреспондента в Китай» (без подписи) напечатаны в «Осколках», 1884, № 6.

⁷ В рассказе «Наивный леший».

¹ Рассказ «Экзамен на чин».

² В сборник Чехова «Сказки Мельпомены» (1884) вошли рассказы: «Он и она», «Трагик», «Барон», «Месть», «Два скандала» и «Жены артистов». В журнале «Мирской толк» среди напечатанных в 1882 и 1883 г. десяти рассказов Чехова есть два больших: «Живой товар» и «Цветы запоздалые».

³ Романы Маркевича «Перелом» и «Бездна» печатались в журнале «Русский вестник», издававшемся М. Н. Катковым.

⁴ Саввино-Сторожевский монастырь в Звенигороде.

¹ Объявление о выходе книги Чехова «Сказки Мельпомены» напечатано в «Осколках», 1884, № 27.

¹ Фельетон напечатан в «Осколках», 1884, № 45.

² Чехов послал Лейкину темы к рисункам: «Сон золотых юнцов во время ноябрьского набора» и «Почерк по чину, или Метаморфоза подписи Карамболева» («Осколки», 1884, № 47 и 51), а также рассказ «Маленький шантаж» (напечатан в «Осколках», 1884, № 50, под заглавием «Свадьба с генералом»).

³ Возможно, что в это время Чехов переделывал для сцены рассказ «Осенью» (одноактная пьеса — «На большой дороге»).

⁴ Чехов работал над диссертацией на степень доктора медицины «Врачебное дело в России».

⁵ На обложке № 44 «Осколков» за 1884 г. помещен рисунок Н. П. Чехова «Типы наших увеселительных мест».

⁶ Судебный процесс по поводу хищений в Скопинском банке, возглавлявшемся И. Рыковым.

⁷ Лейкин ответил Чехову 10 ноября 1884 г., что Худеков «фельетона иметь не желает, но желает иметь каждый день коротенькие юмористические сведения из суда».

⁸ Заметки Чехова о скопинском деле были напечатаны в № 49 «Осколков» за 1884 г.

21

¹ Чехов, согласившись на условия «Петербургской газеты», понял, однако, так, что от него ждут рассказа, и обещал прислать первый рассказ накануне процесса. Лейкин ответил 16 ноября, что «Худеков ждет не рассказа, а юмористического, краткого, каждодневного отчета прямо из залы суда».

² 16 ноября 1884 г. Лейкин сообщил Чехову, что он послал цензору рассказ «Речь и ремешок», не пропущенный цензурой в 1882 г., и получил разрешение его печатать.

³ Рассказ «Брак по расчету (*Роман в двух частях*)».

⁴ С ноября 1884 г. по январь 1885 г. Чехов поместил в «Развлечении» четыре рассказа.

⁵ См. письмо 20.

22

¹ Лейкин сообщил Чехову 24 ноября 1884 г., что присланные им рассказы Политковской он отослал обратно, написав ей «любезное письмо... и посулил ей что-то в будущем».

23

¹ «Из копилки курьезов» и «Красная горка» («Осколки», 1885, № 13), «Об апреле (*Филологическая заметка*)» («Осколки», 1885, № 14).

² Подпись к рисунку В. И. Порфирьева «Аптекарьская такса» («Осколки», 1885, № 15).

³ 6 апреля 1885 г. отмечалось 1000-летие со дня смерти Мефодия.

24

¹ Рассказ «Павлин в вороньих перьях» (позднее назван «Ворона»).

² Фельетон «Осколки московской жизни» («Осколки», 1885, № 20) и мелочишки: «О том, о сем» (там же), «Угроза» (№ 21) и «Финтифлюшки» (№ 22 и 23).

³ Лейкин 2 мая 1885 г. сообщил Чехову о цензурном запрещении рассказа «Упразднили!». Позднее разрешение было получено и рассказ напечатан.

⁴ «Последняя могиканша» и «Дипломат».

⁵ Лейкин знал художника Адольфа Ильича Левитана, сотрудничавшего в «Осколках». Чехов писал о его брате, Исааке Ильиче.

25

¹ Максимовка — деревня возле Бабкина.

² Выписки из энциклопедического словаря нужны были Чехову для очередных юмористических «филологических заметок», печатавшихся в «Осколках» («Об июне и июле» в № 30 и «Об августе» в № 34).

26

Розанов Павел Григорьевич (1853 — ?) — врач. В 80-е годы работал уездным врачом в Звенигороде, где и познакомился с Чеховым. Розановым написаны воспоминания о Чехове (рукопись в ЦГАЛИ).

27

¹ Рассказ Чехова «Сверхштатный блюститель» (впоследствии «Унтер Пришибеев») был задержан цензурой и в «Осколках» не появился. Позднее напечатан в «Петербургской газете» под заглавием «Кляузник (*Сценка*)».

² Из шести заметок, посланных Чеховым, напечатана в «Осколках» только одна (в № 41 за 1885 г.), остальные запрещены цензурой. Это был последний фельетон Чехова из цикла «Осколки московской жизни».

³ Рассказ «На чужбине». Был запрещен цензурой, но затем Лейкин отстоял его в Комитете по делам печати.

⁴ 26 сентября 1885 г. Лейкин писал Чехову, что Гиляровский «черт знает что шлет» в «Осколки» и даже прислал стихи, уже бывшие напечатанными в «Развлечении».

⁵ Процесс Мироновича — судебное дело, слушавшееся в петербургском окружном суде в 1883—1885 гг. по обвинению ро-

стовщика, бывшего полицейского пристава Мироновича, в убийстве служившей у него девушки Сарры Беккер. Этот процесс нашел отражение в рассказе Чехова «Психопаты».

28

¹ 10 октября 1885 г. Лейкин писал Чехову: «Случилась беда... Целый погром, Цензор все захерил: и Ваших «Зверей»... и «Москов. жизнь»... Сам журнал еле уцелел. Наутро я был вызван в цензурный комитет, и председатель... объявил мне, что журнал будет запрещен, если я не перемену направления...»

² См. прим. 3 к письму 27 и прим. 1 к письму 28.

³ Рассказ «Средство от запоя».

⁴ Эти заметки не были написаны.

29

¹ Лейкин обещал прислать Чехову свою книгу «Апраксинцы. Биржевые артельщики (*Сцены и очерки*)», Спб. 1886.

² Чехов работал над диссертацией «Врачебное дело в России».

³ Фельетоны «Осколки московской жизни».

⁴ Вероятно, «Руководство для желающих жениться (*Секретно*)».

30

¹ Таганрогский маклер Еракита был памятен братьям Чеховым тем, что однажды съел огромное блюдо раков.

31

Письмо печатается по ЛН.

Билибин Виктор Викторович (1859—1908) — писатель-юморист и фельетонист, автор многих одноактных пьес, комедий и фарсов. С 80-х годов до 1906 г. был секретарем редакции «Осколков» и печатался в этом журнале под псевдонимом И. Грэк. Печатался также в «Петербургской газете» и «Новостях» под псевдонимами «Жгучий глаз» и «Диоген». Отдельными издания-

ми вышли сборники его рассказов «Юмор и фантазия», Спб. 1897, и «Юмористические узоры», Спб. 1898.

¹ В письме от 22—23 января 1886 г. Билибин с большой симпатией писал Чехову о Пальмине и просил поклониться ему.

² Книга рассказов Чехова, изданная в 1886 г. журналом «Осколки», озаглавлена «Пестрые рассказы».

³ Эта шутка вызвана тем, что в том же письме Чехову Билибин несколько раз упоминал о пожаре, охватившем соседний дом.

⁴ В письме от 18 января 1886 г. Чехов писал Билибину: «Вчера, провожая домой одну барышню, сделал ей предложение... Хочу из огня да в полымя. Благословите жениться». Билибин просил Чехова написать подробнее о его невесте.

⁵ По поводу посланного в «Осколки» рассказа Чехова «К сведению мужей (*Научная статья*)» Билибин шутя писал Чехову: «Атаку-то жен» цензор не пропустил! А?.. Так Вам и надо. А еще жениться собирается». Этот рассказ, переделанный Чеховым, напечатан под заглавием «Удав и кролик» в 1887 г. в «Петербургской газете».

⁶ В статье А. Владимирова «Наши юмористические журналы» («Колосья», 1886, № 1) дана резко отрицательная оценка «Осколков»: «В каждом нумере аккуратно вы имеете до невозможности скучное и длинное стихотворение г. Пальмина, в котором нет ничего сатирического, ничего юмористического, а простой набор рифм. Донельзя исписавшийся и надоевший своим однообразием г. Лейкин преследует вас и тут. Фельетон г. Игрэ-ка безграмотен, груб и притязательно задорен. Остальной материал представляет старые варьянты на старые темы и лишен какой бы то ни было соли, хотя и видны постоянные претензии на апраксинское остроумие и гостинодворский либерализм... Внешность журнала тоже неказистая»...

⁷ Чехов имеет в виду «Рассказы о бродягах. 1. Соколинец» В. Г. Короленко в «Северном вестнике», 1885, № 4.

Письмо печатается по ЛН.

¹ Письмо от 3 февраля 1886 г.

² Сцена-монолог «О вреде табака» напечатана в «Петер-

бургской газете», 1886, № 47. В 1903 г. Чехов написал под тем же заглавием другой монолог, который включил в собрание сочинений.

³ Билибин советовал Чехову: «Не пишите на книге *А. Чехонте*, подпишитесь *Ан. П. Чехов...* Вам нечего, конечно, стыдиться подписаться двумя руками под Вашей книгой. Вас положительно все хвалят». Сборник «Пестрые рассказы» вышел в свет под псевдонимом, но с указанием в скобках настоящей фамилии.

⁴ Первый рассказ Чехова в «Новом времени» — «Панихида» — подписан Ан. Чехов.

⁵ 16 февраля 1886 г. Билибин ответил Чехову: «Прочитал с удовольствием Ваш рассказ в «Новом времени»; только не нашел там «старой девы», о которой Вы сообщали. Жду: верно будет еще». Чехов послал в «Новое время» рассказ «Панихида», а его слова о «старой деве» — вероятно, шутка, вызванная тем, что Билибин в письме к нему от 3 февраля советовал написать рассказ о старой деве.

⁶ Билибин в письме от 3 февраля извещал Чехова: «Лейкин говорит, что Григорович Вас на днях хвалил и говорил (т. е. это уж Григорович), что Вас «мало ценят».

⁷ Билибин писал, что Лейкин очень хвалил стихотворение Пальмина на смерть Аксакова, напечатанное в «Осколках», 1886, № 6.

⁸ В доме на Якиманке, в котором Чеховы жили в первом этаже, второй этаж сдавался под балы, свадьбы и поминки.

⁹ В письме к Билибину от 28 февраля Чехов сообщал: «Я еще не женат. С невестой разошелся окончательно. То есть она со мной разошлась. Но я револьвера еще не купил и дневника не пишу. Все на свете превратно, коловратно, приблизительно и относительно» (ЛН).

¹⁰ В воскресных приложениях к газете «Новости и биржевая газета» в 1886 г. печатался совместный юмористический роман М. Н. Альбова и К. С. Баранцевича «Вавилонская башня. История возникновения, существования и падения одного фантастического общества».

¹¹ Совместного водевиля Чехов и Билибин не написали. В 1886 г. в «Новом времени» были напечатаны два их совместных фельетона (см. ЛН, стр. 111).

¹ В письме от 13—14 февраля 1886 г. Лейкин сообщил Чехову, что цензурный комитет пропустил рассказ «Анюта» с пометками, которые, на его взгляд, не испортили рассказа.

² Ф. О. Шехтель рисовал виньетку для обложки книги Чехова «Пестрые рассказы». С этой виньеткой вышла в свет только небольшая часть тиража.

³ Лейкин послал Чехову с Гиляровским статуэтку собаки.

⁴ Рассказ «Персона».

⁵ В указанном номере «Русских ведомостей» напечатана сказка Салтыкова-Щедрина «Праздный разговор».

⁶ Под псевдонимом «Кобчик» печатался в «Осколках» писатель-юморист А. А. Бирштедт.

Суворин Алексей Сергеевич (1834—1912) — беллетрист, драматург, журналист и издатель. В 60-х годах сотрудничал в либеральных органах печати (псевдонимы: А. Бобровский и Незнакомец). В 1876 г. Суворин приобрел газету «Новое время», к концу 70-х годов превратившуюся в явно реакционный орган. В. И. Ленин писал о Суворине в статье «Карьера»: «Либеральный журналист Суворин во время второго демократического подъема в России (конец 70-х годов XIX века) повернул к национализму, к шовинизму, к беспардонному лакейству перед властью имущими» (Сочинения, т. 18, стр. 251).

Чехов познакомился с Сувориным в декабре 1885 г. Обладавший художественным чутьем, Суворин сумел сразу оценить талант Чехова и оказал еще неизвестному молодому писателю моральную и материальную поддержку. Чехов охотно согласился на предложение Суворина печатать свои рассказы в «Новом времени». Он считал для себя допустимым сотрудничество в этой газете, полагая, что, работая в «Новом времени», ему как писателю можно стоять особняком (см. прим. 5 к письму 66). Но постепенно эта точка зрения Чехова менялась. В письме к Ал. П. Чехову от 24 октября 1891 г. он признавался, что сотрудничество в «Новом времени» не принесло ему как литератору ничего, кроме зла. А 4 апреля 1893 г. он писал ему же: «По убеждениям своим я стою на 7375 верст от Жителя и К^о.

Как публицисты они мне просто гадки...» С 1893 г. произведения Чехова в «Новом времени» уже не появлялись. Приятельские отношения с Сувориным пока еще продолжались. Но в начале 1898 г., возмущенный поведением «Нового времени» в известном деле Дрейфуса и тем более появлением в газете фельетонов самого Суворина (см. прим. 3 к письму 454 и прим. 4 к письму 460 в 12 томе наст. изд.), Чехов порвал с ним и личные отношения. «Мы со старцем обменялись письмами... и замолкли оба. Я не хочу писать и не хочу его писем...» — писал Чехов Ал. П. Чехову 23 февраля 1898 г. После этого Чехов отвечал Суворину на его письма, но это были уже далеко не прежние дружественные письма, теперь он резко критиковал газету и самого Суворина как публициста (см. письма 610 и 646 в томе 12 наст. изд.).

¹ Речь идет о рассказе «Панихида», в котором Чехов по совету Суворина снял первоначальную концовку.

² Антошей Чехонте звал Чехова законоучитель таганрогской гимназии Ф. П. Покровский. Под этим псевдонимом еще в 1879 г. Чехов посылал в журнал «Будильник» свой рассказ «Скучающие филантропы», который не был напечатан.

³ Рассказ «Ведьма».

85

¹ Рассказ «Отрава».

² Речь идет о рассказе Лейкина «Из переписки сельского учителя», напечатанном в «Осколках», 1886, № 7.

³ Праздновалось десятилетие издания Сувориным газеты «Новое время».

⁴ Телеграмма Чехова не сохранилась.

⁵ Л. Н. Трефолев просил Чехова принять участие в сборнике автографов и рисунков писателей и художников в пользу «Общества попечения о неимущих детях». Сборник вышел в 1887 г. без участия Чехова.

86

Григорович Дмитрий Васильевич (1822—1899) — писатель. Одним из первых оценил дарование Чехова и написал ему письмо, в котором приветствовал его как «настоящий талант», вы-

двигающий его «далеко из круга литераторов нового поколения». Письмо это произвело на Чехова сильное впечатление и положило начало его переписке с Григоровичем. Ему же посвятил Чехов выпущенный в 1887 г. сборник «В сумерках». При содействии Григоровича Чехову была присуждена в 1888 г. Пушкинская премия Академии наук. Письма Григоровича Чехову напечатаны в сб. «Слово», кн. 2, М. 1914.

¹ В письме от 25 марта 1886 г. Григорович убеждал Чехова уважать свой талант, бросить срочную работу и поберечь впечатления «для труда обдуманного, отделанного, писанного не в один присест...». «Вы, я уверен,— писал Григорович,— призваны к тому, чтобы написать несколько превосходных, истинно художественных произведений. Вы совершите великий нравственный грех, если не оправдаете таких ожиданий».

² См. прим. 3 к письму 32.

87

Чехов Николай Павлович (1858—1889) — брат А. П. Чехова, художник. Учился в Училище живописи, ваяния и зодчества, которое не закончил. В 80-х годах Николай Павлович помещал рисунки в юмористических журналах, нередко на темы А. П. Чехова. Н. П. Чехов иллюстрировал рассказы и фельетоны Чехова: «Зеленая коса» («Москва», 1882, прил. к № 15), «Кривое зеркало» («Зритель», 1883, № 2), «Шведская спичка» («Альманах Стрекозы», 1884), «Сара Бернар» («Зритель», 1881, № 21—24) и др. Известно, что в 1888 г. он начинал иллюстрировать повесть «Степь». А. П. Чехов высоко ценил Николая Павловича как художника. «Хороший, сильный, русский талант»,— писал он о нем Ал. П. Чехову в феврале 1883 г.

Н. П. Чехов умер от туберкулеза в июне 1889 г. Сохранился черновой набросок воспоминаний Н. П. Чехова о раннем детстве братьев Чеховых, написанный, вероятно, незадолго до смерти (ЛН, стр. 531).

¹ Забелин — звенигородский помещик-пьяница.

² Н. П. Чехов часто уходил от семьи, жил в номерах, у товарищей, у своей гражданской жены А. А. Ипатьевой.

³ «Посмертные записки Пиквикского клуба» Ч. Диккенса.

¹ Дополнительные рассказы для включения в печатавшийся сборник «Пестрые рассказы».

² См. прим. 2 к письму 32.

³ См. прим. 2 к письму 33.

39

¹ 1 апреля 1886 г. Ал. П. Чехов писал брату: «Нравственные страдания сделали из меня тень когда-то бывшего человека. Я не узнаю себя даже в зеркало».

² Собака Ал. П. Чехова.

³ Чехов называл как таганрогского знакомого А. В. Петрова. Петров писал репортерские заметки о таганрогской жизни, которые посылал Чехову в Москву с просьбой содействовать их опубликованию. Вероятно, Чехов откровенно высказывал Петрову свое скептическое мнение о его репортерских способностях, на что Петров ответил ему 6 января 1882 г.: «Несмотря на почти полный отказ в Вашем содействии (как видно из Вашего письма) я опять лезу со своей «демяновой ухой».

40

Чехов Митрофан Егорович (1830—1894) — дядя А. П. Чехова. Жил в Таганроге, где имел бакалейную лавку. Был торговым депутатом, попечителем городских начальных школ, бесшумным старостой Архангело-Михайловской церкви и т. д. А. П. Чехов, как и вся семья Чеховых, был сильно привязан к М. Е. Чехову и относился к нему с большим уважением. Это не мешало Антону Павловичу и Александру Павловичу в их переписке подсмеиваться над слащаво-сентиментальными по тону письмами Митрофана Егоровича.

¹ Н. А. Лейкин.

² Чехов цитирует письма Григоровича от 25 марта и 2 апреля 1886 г. (см. прим. к письму 36).

³ М. П. Чехов предполагал через московского книгопродавца и издателя Ферапонтова организовать для Митрофана Егоровича печатание некоторых материалов по Афонскому братству (религиозная организация в Афоне, с агентами-монахами которой в Таганроге М. Е. Чехов был тесно связан).

¹ Ал. П. Чехов писал брату 25 апреля 1886 г.: «Пишу я *«Город будущего»* и копирую Новороссийск, излагая свои наблюдения и впечатления, почерпнутые на Кавказе».

² *«Панихида», «Ведьма», «Агафья», «Кошмар»* и *«Святою ночью»*.

¹ Рассказ *«Муж»*.

² В журнале *«Новь»* (1886, т. XI) напечатана рецензия Ф. Змиева (псевдоним Ф. И. Булгакова) на *«Пестрые рассказы»*. Рецензент назвал сборник «винегретом из залежавшихся порядком и недозрелых продуктов наблюдательности автора, сваленных в одну кучу без разбора, в расчетах на полное снисхождение читателей». В виде примеров Змиев выделяет рассказы: *«Разговор с собакой», «Егерь», «Сонная одурь», «Кухарка женится», «Репетитор», «Надлежащие меры»,* которые называет «полубредом» или «болтовней ради болтовни об ужаснейшем вздоре». «Конечно,— добавляет рецензент,— подобного сорта творчество дается легко, но и век его не простирается дальше однодневной жизни на газетных столбцах».

³ В *«Русской мысли»* (1886, кн. VII) напечатана рецензия без подписи на *«Пестрые рассказы»*. Автор статьи особо отмечает, что все рассказы сборника неизменно обладают двумя качествами, делающими Чехова «особенно симпатичным писателем,— это честность мысли» и «полная пристойность изложения,— пригойность во всех отношениях, начиная с легкого, правильного языка».

⁴ В *«Северном вестнике»* (1886, № 6) о *«Пестрых рассказах»* напечатана рецензия А. М. Скабичевского. Отметив, что во многих рассказах Чехова чувствуется «молодой, свежий талант, не лишенный юмора, чувства, наблюдательности», рецензент в то же время высказал опасение, как бы Чехов не загубил этот талант ради спешной и несерьезной работы в *«Осколках», «Стрекозе»* и т. д. Скабичевский тут же предсказал и судьбу загубленных талантов: им «приходится в полном забвении умирать где-нибудь под забором». Впоследствии Чехов неоднократно вспоминал это «предсказание» Скабичевского (см. воспоминания А. М. Горького и И. А. Бунина в сб. *«А. П. Чехов в воспомина-*

ниях современников», Гослитиздат, М. 1960, и записи В. С. Миролюбова, опубликованные в ЛН, стр. 520).

⁵ Приглашение дать рассказ в «Русскую мысль» Чехов получил через А. Д. Курепина. 9 августа им было получено письменное приглашение от члена редакции «Русской мысли» М. Н. Ремезова: «Пользуясь нашим старым знакомством, я позволю себе обратиться к Вам с предложением, через мое посредство, передать редакции «Русской мысли» один из Ваших рассказов, или не один, а несколько... Я думаю, что Вам было очень своевременно выбраться в *большую* литературу, в которой Вы, несомненно, можете занять видное место».

⁶ Дело об усыновлении Лейкиным взятого им на воспитание мальчика Феди.

⁷ Апель Апельч — собака Лейкина.

48

Киселева Мария Владимировна (ум. в 1921 г.) — владелица усадьбы Бабкино под Москвой, где семья Чеховых проводила лето в 1885—1887 гг., детская писательница, сотрудничала в журналах «Детский отдых», «Родник» и др.

¹ Мерлитон — один из персонажей шуточной сказки Чехова «Сапоги всмятку», написанной им для детей Киселевых летом 1886 г.

² Киселева прислала Чехову переписанный ею отзыв о «Пестрых рассказах» из VII книги «Русской мысли». См. прим. 3 к письму 42.

³ Письма Киселевой в архиве М. П. Чеховой отсутствуют.

⁴ Пьёсу «Лебединая песня (Калхас)».

⁵ По поводу этой повести Чехову писал Пальмин 5 ноября 1886 г.: «Лавров скорее просит Вас прислать ему написанное для него. Чем скорее — тем лучше». Но до 1892 г. произведения Чехова в «Русской мысли» не появлялись.

⁶ В январе 1886 г. умерли от тифа две пациентки Чехова — мать и сестра художника Янова. Смерть их произвела на Чехова такое тяжелое впечатление, что он решил прекратить медицинскую практику. М. П. Чехов сообщает в своих воспоминаниях: «Под сильнейшим впечатлением этого случая он снял вывеску, и больше у него ее не было никогда».

⁷ Киселева в шутку обещала завещать Чехову свой шкаф, который ему очень нравился.

⁸ О Белоусове см. прим. к письму 63.

⁹ Над Чеховым подшучивали, что вдова известного богача Хлудова — хорошая невеста для него.

¹⁰ Молочной Чехов шутя называл гимназию Ржевской, родственники которой были владельцами молочной фермы и молочных магазинов.

¹¹ Богемский — литературный псевдоним М. П. Чехова.

44

¹ Так в шутку Чехов называл журнал «Детский отдых», в котором сотрудничал М. П. Чехов под псевдонимом «Богемский».

² В кругу обитателей Бабкина виками называли неудачников.

³ См. прим. 9 к письму 43.

45

¹ Лейкин писал Чехову 27 сентября: «Пальмин витает в пространстве и пишет о богачах. И все в одну дудку, все в одну дудку!.. Появились уже недовольные им. Были два письма из провинции. Жалуются на скуку и тяжеловесность стихов. Писал ему об этом, но ведь он самообольщен и не верит, да и отрешиться от своей манеры не может и будет до скончания живота витать в пространстве между богачами и богинями».

² Лейкин советовал Чехову похлопотать, чтобы о выходе книги «Пёстрые рассказы» было объявление в «Будильнике» и «Московском листке».

46

¹ См. прим. 1 к письму 45.

² Так Чехов называл жену Пальмина Пелагею Евдокимовну.

³ Чехов не дал своих рассказов ни во «Всемирную иллюстрацию», ни в «Дешевую библиотеку», возможно потому, что Лейкин в ответном письме отозвался о «Всемирной иллюстрации» как о «сомнительном» органе. Он предостерегал также от участия в «Дешевой библиотеке»: «Дешевая библиотека» — пуф, а потому не вдайтесь в обман».

⁴ Впоследствии рассказ назван «Необыкновенный».

⁵ Рассказ Лейкина «Праздничный (*Сценка*)» напечатан в «Осколках», 1886, № 42.

⁶ В «Осколках» (1886, № 41) напечатано стихотворение «Журнальные рифмы. IV. «Будильнику», в котором «Будильник» рекомендуется как лучшее снотворное средство.

47

¹ Рассказ «На пути».

² Позднее эти рассказы вошли в сборник Маслова-Бежецкого «На пути», Спб. 1888.

³ Сборник рассказов, объединивший два цикла: «Военные на войне» и «Святочные рассказы» (Спб. 1885). В сборник вошли упоминаемые в письме рассказы «Расстрелянный» и «Рай Магомета».

48

¹ Рассказы «Произведение искусства», «Кто виноват?» и «То была она!».

² См. прим. 1 к письму 47.

³ Рассказ А. Кулакова «Газету издавать задумал (*Из провинциального быта*)» напечатан в «Осколках», 1886, № 51.

49

¹ «Шампанское (*Рассказ проходимца*)» и «Мороз».

² Имеется в виду Л. И. Пальмин. См. прим. 1 к письму 45.

³ В журнале «Наблюдатель» (1886, № 12) напечатана анонимная рецензия на книгу Чехова «Пестрые рассказы». Сравнивая «Пестрые рассказы» с вышедшим два года назад сборником «Сказки Мельпомены», рецензент нашел, что «дарование автора... разменялось... на мелочь», и поставил это в прямую вину «Осколкам», которые возложили на молодого писателя «каторжную обязанность», «поставлять... известное количество строк, преимущественно забавного содержания». «Осколки» (1886, № 52) откликнулись на эту рецензию издательской заметкой в фельетоне «Осколки петербургской жизни» И. Грэка.

50

¹ Чехов в конце декабря получил письмо от М. В. Киселевой, в котором она хвалила его рассказ «На пути» и резко критиковала рассказ «Тина»: «Мне лично досадно, что писатель

Вашего сорта, т. е. не обделенный от бога,—показывает мне только одну «навозную кучу». Грязью, негодяями и негодяйками кишит мир, и впечатление, производимое ими, не ново, но зато с какой благодарностью относишься к тому же писателю, который, проведя Вас чрез всю вонь навозной кучи, вдруг вытащит оттуда жемчужное зерно. Вы не близоруки и отлично способны найти это зерно,—зачем же тогда только одна куча? Дайте мне зерно, чтобы в моей памяти стусеивалась вся грязь обстановки; от Вас я вправе требовать этого, а других, не умеющих отстоять и найти человека между четвероногими животными,—я и читать не стану... Может быть, лучше бы было промолчать, но мне нестерпимо хотелось ругнуть и Вас и Ваших мерзких редакторов, которые так равнодушно портят Ваш талант. Будь я редактором,—я, для Вашей же пользы, вернула бы Вам этот фельетон... фельетон Ваш все-таки препротивный! Предоставьте писать подобные (по содержанию!) разным нищим духом и обездоленным судьбою писакам, как-то Окрейц, Ріпсе-пез, Алоэ и tutti quanti * бездарностям!

² Фальшивый монетчик — собака Киселевых.

³ В рассказе «Хорошие люди».

⁴ См. прим. 3 к письму 49.

⁵ Пьеса В. П. Бегичева (отца М. В. Киселевой) «Жар-птица» напечатана в «Театральной библиотеке» С. Ф. Рассохина.

⁶ «Лебединая песня (Калхас)».

51

¹ В. С. Мамышев.

52

¹ Лейкин предложил Чехову баллотироваться в члены Литературного фонда (Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым). Чехов был избран на общем собрании 2 февраля 1887 г.

² Чехова, через Лейкина, просили выступить с чтением своих рассказов на литературном вечере в Петербурге в пользу Литературного фонда. Чтение это не состоялось.

* всяким прочим (*итал.*).

³ С. Я. Надсон умер 19 января 1887 г. в Ялте. Похороны состоялись в Петербурге 4 февраля.

⁴ Лейкин увеличил Чехову построчную плату с 8 до 11 коп.

53

¹ Рассказ «Неосторожность».

² Извещение от Литературного фонда об избрании Чехова членом фонда и расписка в получении от него членского взноса.

³ Лейкин послал Чехову годовой комплект «Осколков».

⁴ В последние месяцы жизни Надсона Буренин в «Критических очерках», печатавшихся в «Новом времени», травил большого поэта (см., например, газеты от 7 и 21 ноября 1886 г. и от 16 января 1887 г.).

54

¹ Отрывок из романа Григоровича «Петербург прошлого времени» под заглавием «Сон Карелина» напечатан в «Русской мысли», 1887, кн. I.

² Чехов имеет в виду отзыв Н. Ладожского (псевдоним В. К. Петерсона) о «Сне Карелина» в «Петербургских ведомостях» от 6 февраля 1887 г.

55

Шехтель Федор (Франц) Осипович (1859—1926) — академик архитектуры. Учился в Московском училище живописи, ваяния и зодчества, где подружился с Н. П. Чеховым, а потом и со всей семьей Чеховых. В 80-х годах Шехтель как художник сотрудничал в юмористических журналах («Будильник», «Сверчок» и др.) под псевдонимами Ф. Ш. и Финь-Шампань. А. П. Чехов посвятил Шехтелю рассказ «Два скандала». Шехтель рисовал обложку для книги Чехова «Пестрые рассказы», изд. 1886 г.

¹ Чехов был вызван в Петербург телеграммой Ал. П. Чехова, у которого заболела жена.

² Вероятно, рассказ «Рано!».

¹ Эти рассказы вошли в сборник «В сумерках», Спб. 1887.

² Ответ на письмо Чехова о «Сне Карелина» (см. письмо 54).

¹ Д. В. Григоровичу посвящен сборник «В сумерках».

² М. А. Толстопятов.

³ Чехов собирался ехать в Таганрог.

¹ Чехов ездил на свадьбу сестры своего гимназического товарища В. А. Сиротина.

² Рассказ «Казак».

Чехова Мария Павловна (1863—1957) — сестра А. П. Чехова. Окончила высшие курсы Герье в 1886 г. С 1886 по 1904 гг. преподавала историю и географию в частной женской гимназии Ржевской в Москве. В 90-х годах увлекалась живописью; училась в Строгановском училище, а потом в частной студии А. А. Хотяинцевой под руководством В. А. Серова и К. А. Коровина. После смерти Чехова посвятила себя собиранию и изданию эпистолярного наследия брата. С 1922 г. была бессменным директором Ялтинского дома-музея А. П. Чехова. Письма М. П. Чеховой к А. П. Чехову изданы отдельной книгой: М. П. Чехова, Письма к брату А. П. Чехову, М. 1954.

¹ После того как М. Е. Чехов отозвался об И. П. Чехове как о человеке «положительном и с характером» — выражение это стало ходячим в семье Чеховых.

² Федор Тимофеич — кот Чеховых.

³ В Таганроге так называли молодых людей, ухаживающих за девушками.

⁴ Чехов называл так неумных женщин.

⁵ Олеографии, рассылавшиеся в качестве премий к ниткам английских фабрик.

⁶ Бывший дом П. Е. Чехова на Елисаветинской улице, который после разорения Чеховых перешел к Г. П. Селиванову.

⁷ Так называли в Таганроге неотесанных парней.

⁸ Член семьи Камбуровых.

⁹ См. прим. 3 к письму 39.

60

¹ Чехов гостил в имении Кравцовых.

61

¹ Веста — собака И. И. Левитана, Фальшивый монетчик — собака Киселевых.

² Пребывание в Святых Горах описано Чеховым в рассказе «Перекасти-поле (*Путевой набросок*)».

62

¹ Рассказ Ал. П. Чехова «На маяке» напечатан в «Новом времени» 1 августа 1887 г.

² В отделе «Из копилки курьезов» журнала «Осколки» Ал. П. Чехов печатал мелкие заметки.

³ Ожидался выход книги «В сумерках», печатавшейся в типографии А. С. Суворина.

63

Белусов Иван Алексеевич (1863—1929) — поэт, переводчик Шевченко, автор мемуаров «Литературная среда» (М. 1928), «Ушедшая Москва» (М. 1927). В молодости был портным. Белусов написал воспоминания о Чехове (см. газету «Московский понедельник», 1922, № 2, и альманах «Сегодня», М. 1926). Чехов очень ценил Белусова (см. в т. 12 письма 698, 699, 749) и даже собирался написать его биографию, о чем есть запись в дневнике Б. А. Лазаревского.

¹ Книга переводов И. А. Белусова «Из «Кобзаря» Т. Г. Шевченко и украинские мотивы», Киев, 1887.

¹ Названные Чеховым рисунки помещены в № 33 «Осколков» за 1887 г.: «Гамен в деревне» Ю — а (Юргенсона), рисунок С. И. Эрбера «Летние наброски» и на обложке журнала рисунок А. И. Лебедева «Не клюет».

² Книга Чехова «В сумерках» вышла в начале августа 1887 г.

¹ Чехов отвечает на следующие строки в письме Лейкина от 26 августа: «Лебедева рисунка Вы *совсем* не поняли. Так и должно быть, чтобы девушка ловила рыбу в тувельках, в модных перчатках и в платье декольте. Рыбная ловля тут ни при чем. Ширма. Девушка пришла на берег не для рыбной ловли, а для того молодого человека, который стоит на берегу. Слова «не клюет» не к рыбе относятся, а к молодому человеку. Не понимаю, как это Вы так недогадливы». «Про Эрбера рисунок не скажу, чтобы он был так уже очень плох, чтобы, по Вашему выражению, художника и редактора сажать на гауптвахту. Декольтированная баба — баба из низменного кафешантана, арфянка, как говорится, а потому, изображая правду, разве можно делать бабу изящною?»

² В том же письме Лейкина: «Рисунок Юргенсона. Юргенсон — начинающий человек. Сами же Вы проповедовали, что нужно давать ход молодым художникам. Вот я и дал. Это ученик из Штиглицовской рисовальной школы. Два рисунка он поместил, я увидел, что он не годится, и его уже больше не будет в «Осколках». В № 35 и № 36 Вы увидите еще дебютанта по части рисования — Брунова. Рисует несколько лучше Юргенсона, но также, кажется, будет нам не ко двору».

¹ См. прим. 2 к письму 64.

² В письме к Ал. П. Чехову, оставшемся неизвестным, Чехов писал о своем одиночестве и тяжелом настроении. Это видно из ответного письма Ал. П. Чехова от 5 сентября 1887 г.: «Ты пишешь, что ты одинок, говорить тебе не с кем, писать некому... Непонятно мне одно в твоём письме: плач о том, что ты слышишь и читаешь ложь и ложь, мелкую, но непрерывную. Непонятно именно то, что она тебя оскорбляет и доводит до

нравственной рвоты от пресыщения пошлостью... А что ты работать не в состоянии — этому я верю... Ты пишешь, что если судьба не станет милосерднее, то ты не вынесешь... Я назвал бы себя подлейшим из пессимистов, если бы согласился с твоей фразой: «Молодость пропала».

³ Ал. П. Чехов писал в том же письме: «Коломнин отнял у меня вечерние занятия, говоря, что я, занимаясь корректурой, разбаловал присяжных корректоров, и посоветовал мне «поберечь свои силы для зимы, когда я буду нужнее». Жалованье мне платится, но оскорбление нанесено громадное... Оставили мне только репортерство... Я лишен возможности участвовать в беседах всей редакции, я перестал быть ее членом... Не бываю в редакции по целым неделям, и никому до меня дела нет».

⁴ В. К. Петерсону.

⁵ В недошедшем до нас письме к брату Ал. П. Чехову были такие строки: «Служа в «Новом времени», можно не подтасовываться под нововременскую пошлость. Мне и тебе следовало бы стоять «особняком» (см. письмо Ал. П. Чехова от 5 сентября 1887 г.).

⁶ См. письмо 62.

67

¹ В «Новом времени» 25 сентября 1887 г. напечатана хвалебная рецензия Буренина на книгу Чехова «В сумерках».

² Заметка напечатана в «Новом времени» 9 октября 1887 г.

68

¹ 5 октября Чехов закончил пьесу «Иванов».

² Выражение издателя журнала «Зритель» В. В. Давыдова.

³ Рассказ «Холодная кровь».

⁴ Ал. П. Чехов ответил 13 октября: «Не след тебе спрашиваться, нужно или не нужно присылать роман в 1500 строк. Присылай хоть 6000 — будет напечатано и забраковать не посмеют». В 1887—1889 гг. Чехов работал над двумя романами, которые остались неизвестными. О втором романе (его предполагавшееся название «Рассказы из жизни моих друзей») Чехов неоднократно упоминает в письмах. Последнее упоминание — 30 сентября 1889 г. Тогда же работа была, по-видимому, оставлена в связи с поездкой на Сахалин. Затем, только в конце 90-х

годов, Чехов снова сообщал в письмах о намерении написать роман, но, вероятно, это был уже совсем новый сюжет. А. С. Суворин рассказал в воспоминаниях о Чехове: «Несколько раз он развивал предо мною широкую тему романа с полуфантастическим героем, который живет целый век и участвует во всех событиях XIX столетия...» «Одно время он все хотел взять форму «Мертвых душ», т. е. поставить своего героя в положение Чичикова, который разъезжает по России и знакомится с ее представителями» («Новое время», 1904, 4 июля). Замыслы романов остались неосуществленными. Рукописи не сохранились.

⁵ М. К. Заньковецкая выступала с огромным успехом в Петербурге (1886) и в Москве (1887).

69

Короленко Владимир Галактионович (1853—1921) — писатель. С самого начала знакомства (вероятно, февраль 1886 г.) Чехов и Короленко относились друг к другу с неизменной симпатией. В дневнике Короленко есть запись, сделанная вскоре после смерти Чехова, 6 июля 1904 г.: «Я знал Чехова с 80-х годов и чувствовал к нему искреннее расположение. Думаю, что и он тоже. Он был человек прямой и искренний, а иные его обращения ко мне дышали именно личным расположением... Чувство, которое я к нему испытывал, без преувеличения можно назвать любовью» (ЛН, стр. 523). Во многих своих письмах Чехов с большой теплотой отзывается о Короленко. Короленко написал воспоминания о Чехове (см. сб. «А. П. Чехов в воспоминаниях современников», Гослитиздат, М. 1960). Переписка Чехова и Короленко полностью опубликована (см. «А. П. Чехов и В. Г. Короленко. Переписка», М. 1923).

¹ В. Г. Короленко прислал Чехову свою книгу «Очерки и рассказы», изд. журн. «Русская мысль», М. 1887.

² Вырезка из № 4177 «Нового времени» от 15 октября 1887 г.— первая глава из книги Г. Д. Торо «В лесу».

³ Пьеса «Иванов».

70

¹ Ал. П. Чехов писал брату 18 октября 1887 г., что Я. П. Полонский сообщил Суворину о решении присудить Пушкинскую премию книге Чехова «В сумерках». В связи с этим Чехов должен был немедленно представить книгу на конкурс.

² Пушкинская премия в размере 500 р. была присуждена Чехову 7 октября 1888 г.

³ Пьеса «Иванов» была поставлена в театре Ф. А. Корша 19 ноября 1887 г.

⁴ В этих номерах «Петербургской газеты» напечатаны рассказы Чехова «Задача» и «Старый дом».

⁵ См. письмо 68 и прим. 4 к нему.

⁶ Рассказ «Холодная кровь».

71

Ежов Николай Михайлович (1862—1941) — беллетрист и журналист, начавший литературную деятельность в 80-х годах в юмористических журналах под псевдонимами Граф Ежини, Д. К. Ламанчский и др. С 1896 г. постоянный сотрудник «Нового времени» (псевдоним «Не фельетонист»). Чехов принимал близкое участие в литературных делах Ежова. При содействии Чехова был издан первый сборник его рассказов: «Облака» и др. рассказы», Спб. 1893. В письмах Ежов выражал Чехову свою преданность и любовь, но после его смерти напечатал о нем клеветническую статью («Исторический вестник», 1909, № 8), которая вызвала возмущение и резкий отпор со стороны целого ряда писателей — современников Чехова.

¹ Когда Чехов закончил пьесу «Иванов», Ежов, бывший хорошим чтецом, по просьбе Чехова, прочел ему пьесу вслух.

72

¹ Пьеса И. В. Шпажинского «Княгиня Куракина» была поставлена в Малом театре впервые 15 ноября 1887 г.

² Имеется в виду постановка «Ревизора» в петербургском Александринском театре в 1836 г.

³ В письме Чехову от 12 ноября Лейкин отозвался о Давыдове как о «самом лукавом человеке».

73

В «Иванове» Давыдов исполнял роль Иванова, Глама-Мещерская — роль Сарры.

² Киселевский играл Шабельского.

³ В «Московском листке» 22 ноября 1887 г. напечатана влюбная рецензия П. Кичеева.

⁴ Это был, вероятно, рассказ «Поцелуй», который Чехов закончил в декабре в Петербурге.

74

¹ Заметка Курепина об успехе первого спектакля «Иванова» напечатана без подписи в «Новом времени» 22 ноября 1887 г.

² См. прим. 3 к письму 73.

³ В «Московских ведомостях» 23 ноября 1887 г. напечатана рецензия С. Васильева (псевдоним С. Флерова), в которой особенно подчеркивалось, что в пьесе очень чувствуется талантливость Чехова.

⁴ Градов-Соколов исполнял роль Косых, Кошева — Бабакиной.

75

Леонтьев (псевдоним — Щеглов) Иван Леонтьевич (1855—1911) — беллетрист и драматург. Литературную деятельность начал в 80-х годах. После шумного успеха его комедии-шутки «В горах Кавказа» Щеглов стал писать преимущественно для театра. Первые вещи Щеглова положительно оценивались Чеховым. С Чеховым познакомился в декабре 1887 г. в Петербурге и долго находился с ним в дружеских отношениях. Воспоминания Леонтьева-Щеглова о Чехове напечатаны в «Ежемесячных литературных приложениях к «Ниве», 1905, кн. 6 и 7. В дневнике Щеглова есть много записей о Чехове (ЛН, стр. 479).

¹ См. прим. 3 к письму 82.

² «Дачный муж, его похождения, наблюдения и разочарования» — название юмористических очерков Щеглова.

³ «Миньона» — рассказ Щеглова («Новое время», 1887, 25 декабря).

⁴ Повесть «Степь».

76

¹ Короленко, посетивший Чехова в конце сентября или первых числах октября 1887 г., застал его за писанием «Иванова», и, видимо, тогда же Чехов дал ему обещание прислать пьесу.

² В письме из Ниццы от 30 декабря 1887 г. Григорович писал о своей болезни и о книге Чехова «В сумерках», которой дает высокую оценку и убеждает Чехова «бросить писанье наскоро и исключительно мелких рассказов, и особенно в газеты».

³ В книге «Очерки и рассказы».

77

¹ Письмо В. П. Горленко Щеглову.

² 3 января 1888 г. в «Неделе» напечатана статья Р. А. Дистерло «О безвластии молодых писателей». Об этой статье Щеглов написал Чехову: «Статья очень умная, хотя и спорная, о молодых писателях. О Вас в ней отзываются как о первом человеке».

³ «Степь».

⁴ «Атаге ет поп тогіге» — любить и не умереть. В рассказе Щеглова «Миньона» приводятся слова песни Миньоны: «Ivi атаге... тогіге» (Там любить... умереть).

⁵ «Раба» — роман К. С. Баранцевича, Спб. 1888.

78

¹ См. прим. 2 к письму 76.

² См. прим. 4 к письму 68.

³ В упомянутом письме к Чехову Григорович писал: «Будь я помоложе и сильнее дарованием, я бы непременно описал семью и в ней 17-летнего юношу, который забирается на чердак и там застреливается. Вся его обстановка, все доводы, которые могли довести его до самоубийства, на мои глаза, гораздо важнее и глубже причин, заставлявших Вертера наложить на себя руки. Такой сюжет включает в себе вопрос дня; возьмите его, не упускайте случая коснуться наболевшей общественной раны; успех громадный ждет Вас с первого же дня появления такой книги».

79

Полонский Яков Петрович (1819—1898) — поэт. С Чеховым познакомился в декабре 1887 г. в Петербурге. Еще до личного знакомства с Чеховым Полонский выдвинул его кандидатуру на

Пушкинскую премию Академии наук. Три письма Полонского Чехову опубликованы в сб. «Слово», кн. 2, М. 1914.

¹ В письме к Чехову от 8 января Полонский писал о своем впечатлении от рассказов «Каштанка» и «Пари»: «У обоих рассказов конец не только неожиданный, но и *знаменательный*, а это главное. Колорит языка вполне соответствует месту, времени и Вашим действующим лицам» («Слово»).

² В личной библиотеке Чехова находилась книга Полонского «Крутые горки». Роман, ч. 1 и 2 (Собрание сочинений, т. 8 и 9). На первой книге надпись: «Антону Павловичу Чехову поклонник таланта Я. Полонский, 8 декабря 1887 г.».

³ Посвященное Чехову стихотворение «У двери» напечатано в журнале «Север», 1888, № 13.

⁴ Чехов посвятил Полонскому рассказ «Счастье».

80

Плещеев Алексей Николаевич (1825—1893) — поэт, беллетрист, переводчик. В юные годы — петрашевец, длительное время был в ссылке. В период знакомства с Чеховым заведовал литературным отделом журнала «Северный вестник». Знакомство Чехова с Плещеевым состоялось в Петербурге в декабре 1887 г. Плещееву Чехов предполагал посвятить свой роман (см. прим. 4 к письму 68). Письма Плещеева к Чехову опубликованы в сборнике «Слово», кн. 2, М. 1914, и в ЛН.

81

¹ См. прим. 2 к письму 77.

² Рикикикать — выражение из рассказа Щеглова «Миньона», от riqi riqi — рюмка водки (*франц.*).

³ «Степь».

82

¹ 21 января Плещеев писал Чехову: «Вы написали или почти написали большую вещь. Хвала и честь Вам! Ждем ее с великим нетерпением. Она, конечно, пойдет в марте; только,

пожалуйста, вышлите к 1-му. Если Вам нужны будут деньги в виде аванса, до появления повести, то они будут Вам *высланы с удовольствием...* Это было бы в высшей степени грустно, если бы Вы отложили «Степь» и принялись за маленькие вещицы *ради гонорара*, для какой-нибудь «Петербургской газеты» («Слово»).

² Чехов написал рассказ «Спать хочется».

³ Эгмонт, Альба — исторические лица, герои трагедии Гете «Эгмонт», которая в сезон 1887—1888 гг. шла в Александринском театре. Щеглов писал Чехову 22 декабря 1887 г.: «Называю Вас Эгмонтом, потому что Леночка Плещеева находит Вас таковым на карточке, от которой в восторге» (ЦГАЛИ).

83

¹ «Степь» имела большой успех, но своего намерения продолжить ее Чехов не осуществил. О намеченном продолжении «Степи» см. также письма 87 и 88.

² Анекдот о блохе — один из номеров эстрадного рассказчика Павла Исаевича Вейнберга.

³ А. В. Сабашникова.

84

Лазарев Александр Семенович (1861—1927) — писатель. Литературную деятельность начал в середине 80-х годов, сотрудничал в «Осколках», «Будильнике», «Петербургской газете», «Новом времени», «Ниве» и др. изданиях, главным образом под псевдонимом А. Грузинский. Отдельно изданы «Нескучные рассказы» (Спб. 1891) и «Женщины. Рассказы» (М. 1911). С Чеховым познакомился 31 декабря 1886 г. Их приятельские отношения и переписка продолжались до конца жизни Чехова. Воспоминания Лазарева-Грузинского см. в сб. «А. П. Чехов в воспоминаниях современников», Гослитиздат, М. 1960.

¹ Письмо от 31 января 1888 г.

85

¹ 25 января 1888 г. Леонтьев-Щеглов писал Чехову: «Возвращаюсь к поднятому Вами вопросу о моем «малописании». Я готов писать больше, хочу и это мне нужно, но все мои доб-

рые начинания разбиваются от неумения держать себя как Щеглов и пристраивать свои вещи. Вот пример под рукой: в конце декабря я отдал Буренину «субботник», который был набран и мною прокорректирован и который вот уже четвертую неделю валяется в типографии в ожидании «места». Не обескураживаясь этим знакомым мне промедлением, я настроил второй «субботник» — небольшой очерк из военного быта, который показался Буренину страшно длинным, и он мне возвращен. Это отобьет энергию хоть у кого. Уж не давал ли Буренин его на просмотр своему благодетелю Бежецкому, который — не хочется даже верить — недоброежелательствует к моим военным очеркам... Тяжело все это очень. И, опять-таки назло Вам, утешение в скверную минуту пришло из Москвы. На днях получил совсем непредвиденное извещение от «Общества любителей российской словесности при Московском университете» об избрании меня действительным членом (?!). Не правда ли, какой иронией звучит это ввиду всего вышевыболтанного? Вообще, судьба моя какая-то странная...»

² Речь идет о книге рассказов Щеглова, в которую вошли: «Первое сражение», «Неудачный герой», «Поручик Поспелов», «Жареный гвоздь», «Идиллия» (Спб. 1887).

³ Имеется в виду повесть «Степь». Щеглов заканчивал свое письмо Чехову словами: «С живым нетерпением ожидаю Вашего мартовского плода».

⁴ См. письмо 91.

⁵ Рассказ И. И. Ясинского «Пожар» напечатан в «Новом времени», 1888, 27 и 30 января.

86

¹ См. письмо 80.

² Рассказ В. Г. Короленко «По пути», которым интересовался Чехов, печатался во второй книжке «Северного вестника».

³ Комедия Ж.-Б. Мольера.

87

¹ Несмотря на успех «Степи», Чехов не продолжил ее.

¹ А. Н. Плещеев писал Чехову 8 февраля, по прочтении повести «Степь»: «Прочитал я ее с жадностью. Не мог оторваться, начавши читать. Короленко тоже... Это такая прелесть, такая бездна поэзии... Это вещь захватывающая, и я предсказываю Вам большую, большую будущность. Что за бесподобные описания природы, что за рельефные, симпатичные фигуры... На озорнике Дымове можно, я не знаю, какую драму создать... Продолжайте, Христа ради, историю Егорушки. Я глубоко убежден, что вещь эту ожидает огромный успех... В ней.. внутреннего содержания неисчерпаемый родник. Поэты, художники с поэтическим чутьем должны просто с ума сойти. И сколько разбросано тончайших психологических штрихов. Одним словом, я давно ничего не читал с таким огромным наслаждением» («Слово»).

² В письме от 5 февраля Плещеев писал, что редакции трудно будет заплатить гонорар по 200 рублей за лист, и спрашивал, должен ли он поставить редакции эту цифру как ультиматум (ЛН).

³ Совместная поездка Чехова, Короленко и Плещеева по Волге не состоялась.

⁴ Плещеев писал Чехову, что Короленко едет в Москву и будет у Чехова (в письме от 8 февраля).

⁵ Плещеев читал первые три главы этого романа. 24 августа 1889 г. он писал В. Г. Короленко о Чехове: «Мне жаль, что он не продолжает романа, первые три главы которого я читал. Они мне очень понравились» (см. прим. 4 к письму 68).

⁶ Чехов, очевидно, ошибся: перитонитом он болел в 1875 г.

⁷ Чехов был на свадьбе у поэта И. А. Белоусова (см. прим. к письму 63).

¹ Щеглов писал Чехову, что он не может жить только литературой и ему «надо приискать какое-нибудь постороннее занятие...»

Хлопов Николай Афанасьевич (1852—1909) — беллетрист и драматург. Автор шедших в свое время на сцене пьес «Воробыи-

ная ночь», «На рельсах», «На лоне природы», «Современная героиня». Чехов познакомился с Хлоповым в середине 80-х годов.

¹ Рукопись рассказа «Одиннадцатый».

91

¹ С конца 1888 г. Чехов действительно прекратил сотрудничество в газетах. В «Новом времени» произведения Чехова стали появляться реже: в 1891 г. были напечатаны повесть «Дуэль» и три фельетона, в 1892 г.— рассказ и фельетон в рождественском номере, в январе 1893 г. несколько заметок. На этом его сотрудничество в «Новом времени» кончилось.

² На этот вопрос Ал. П. Чехов ответил: «Кто дерзнул сказать тебе, что я работаю в «Гражданине»?.. Разве ты не знаешь, что почетнее писать в кабаках кляузы, нежели работать в сем органе? Итак, извинись и впредь не подозревай неповинного в паскудствах» (письмо от 18 февраля).

³ В театре Корша шла «Лебединая песня (Калхас)».

⁴ Вероятно, Чехов имел в виду рецензии в «Новом времени» на театральные постановки.

92

¹ Имеется в виду книга «Русский мыслитель. Избранные мысли и отрывки из сочинений Гоголя, его писем и воспоминаний о нем. Собрал Иван Щеглов», Спб. 1887.

² Н. А. Путята.

93

¹ См. прим. 3 к письму 79.

² Чехов писал повесть «Огни», к работе над которой вернулся в марте и окончил ее в конце апреля.

³ И. Л. Леонтьев-Щеглов сообщает, что замысел «Медведя» возник у Чехова после того, как он посмотрел в театре Ф. А. Корша одноактную комедию Н. Самойлова «Победителей»

не судят», сюжет которой заимствован с французского (см. «Чехов в воспоминаниях современников», Гослитиздат, М. 1954, стр. 150).

⁴ Возможно, что Чехов начал писать рассказ «Неприятность».

94

¹ Рассказ Н. А. Хлопова «Одиннадцатый» (см. письмо 90). В «Северном вестнике» рассказ не появился

² В пьесе Шекспира «Отелло» в Малом театре.

95

¹ Фельетон В. Буренина «Критические очерки» напечатан в «Новом времени», 1888, 4 марта. Буренин находил, что Чехов обнаружил в повести «Степь» «непривычку к большой и целостной художественской комбинации: его повесть все-таки остается собранием маленьких очерков, соединенных между собою чисто внешним образом, и представляет не более как только отрывок, как будто пролог большого романа...», но в то же время «без всякого сомнения является вещью превосходною: по силе и живости красок, по глубине наблюдательности и мастерской рисовке типов и сцен ни один из прославленных молодых беллетристов не может стать рядом с Чеховым...

² Письмо П. Н. Островского Чехову от 4 марта 1888 г. посвящено разбору «Степи». Признавая огромные достоинства повести («все полно жизни, правды, поэзии»), Островский подробно остановился и на недостатках ее. Он нашел, что в повести мало мастерства «на такое большое количество таланта», отметил небрежность в языке, в построении как отдельных фраз, так и всего произведения в целом («Записки Отдела рукописей Государственной библиотеки СССР им В. И. Ленина», выпуск 8, Госполитиздат, 1941, стр. 50).

³ В мартовской книжке «Северного вестника» напечатано стихотворение Д. С. Мережковского «Уж дышит оттепель, и воздух полон лени...». Буренин («Новое время», 1888, 4 марта) высмеял это стихотворение, указывая, что в действительности весна в Петербурге стоит «прежестокая».

¹ «Христова невеста» — роман Н. А. Лейкина.

² Так называли «Северный вестник», издававшийся А. В. Сабашниковой.

¹ По пятницам, в течение ряда лет, у Я. П. Полонского происходили собрания литераторов.

² См прим. 2 к письму 79.

³ См прим. 4 к письму 79.

Баранцевич Казимир Станиславович (1851—1927) — беллетрист. Начал литературную деятельность в конце 70-х годов. Чехов познакомился с ним в Петербурге в декабре 1887 г. К этому же времени относится начало их переписки.

¹ Баранцевич просил Чехова зайти к братьям Вернерам и «понудить их» выслать ему гонорар за рассказ «Первый заработок», напечатанный в журнале «Друг детей».

² Вскоре после смерти В. М. Гаршина Баранцевич сообщил Чехову, что он, М. Н. Альбов и В. С. Лихачев задумали издать сборник памяти Гаршина «Надеюсь, что Вы сочувственно отнесетесь к нашей затее и украсите сборник Вашим рассказом? Этим Вы почтили бы память собрата и, уже говорить нечего, сделали бы нам *большое* одолжение. Чистая выручка пойдет на образование фонда для сооружения надгробного памятника» (письмо от 29 марта 1888 г.).

³ Баранцевич ответил Чехову 3 апреля: «Что ни дадите — напечатанное или нет — пойдет все».

¹ Все цитируемые в письме стихи принадлежат А. Н. Плещеву

² В литературных кругах так называли журнал «Северный вестник».

³ Повесть «Огни».

⁴ В «Русских ведомостях» (1888, 31 марта) напечатана статья Аристархова (псевдоним А. И. Введенского) о мартовской книжке «Северного вестника», в том числе о повести Чехова «Степь» и очерках Гл. Успенского «Живые цифры (*Из записок деревенского обывателя*)».

100

¹ В типографии А. С. Суворина печатался сборник Чехова «Рассказы».

² «Каштанку» для отдельного издания иллюстрировал художник Степанов.

³ Чехов читал присланную Сувориным книгу «Иван Николаевич Крамской. Его жизнь, переписка и художественно-критические статьи», под ред. В. В. Стасова, Спб. 1888.

⁴ В «Новом времени» (1888, 1 апреля) напечатана статья Буренина о В. М. Гаршине. Буренин отмечает высокие качества Гаршина-человека и оценивает его рассказы как «необыкновенно живые, вдумчивые и прекрасно обработанные в художественном отношении».

⁵ Чехов два раза заходил к Гаршину и оба раза не застал его. Единственная их встреча состоялась, по-видимому, 13 декабря 1887 г. у А. Н. Плещеева.

⁶ Чехов шутя стал называть тещей А. И. Суворину, после того как А. С. Суворин высказал пожелание, чтобы Чехов в будущем женился на его дочери Насте.

⁷ Произведения Чехова не появлялись в «Новом времени» с января до июня 1888 г. Говоря о доброжелателях, Чехов, вероятно, имел в виду Н. К. Михайловского, который в своих письмах к нему по поводу «Степи» резко высказывался против сотрудничества Чехова в «Новом времени» («Слово»).

⁸ Чехов писал повесть «Огни». См. письма 101 и 103.

101

¹ А. А. Плещеев 8 апреля 1888 г. писал Чехову: «Был отец у Салтыкова, который в восторге от «Степи». «Это прекрасно», — говорит он отцу, и вообще возлагает на Вас великие надежды.

Отец говорит, что он редко кого хвалит из новых писателей, но от Вас в восторге» (ЦГАЛИ).

² Чехов закончил повесть «Огни» 25 апреля.

³ А. Н. Плещеев писал Чехову 1 апреля, что Аристархов (Введенский) «выражал где-то претензию» к Чехову, который, будучи в Петербурге, не зашел к нему (ЛН).

102

Трефолов Леонид Николаевич (1839—1905) — поэт. С 1864 г. сотрудничал в «Отечественных записках», «Вестнике Европы», «Наблюдателе» и др., а также в юмористической прессе: «Искре» и «Осколках» Трефолов — автор известных песен: «Дубинушка», «Песня о камаринском мужике» и др. Отдельными изданиями вышли два сборника стихотворений — в 1877 и 1894 гг. В период переписки с Чеховым Трефолов работал в ярославском земстве, где редактировал журнал «Вестник ярославского земства».

¹ «Аржановская крепость» — ночлежный дом купцов Зиминых в Москве.

² М. М. Дюковский.

103

¹ М. П. Чехов.

² Повесть «Огни».

³ В письме от 14 апреля Плещеев писал Чехову о Короленко: «Недостаточно я к нему присмотрелся и не знаю, как он в душе ко мне относится. Мне почему-то сдается, что он вообще смотрит на меня как на инвалида, которого держат в редакции на пансионе за его долгую верность известному направлению, но которого бы, в сущности, давно можно было за борт вышвырнуть» («Слово»).

⁴ Уже после того как Чехов дал согласие Баранцевичу участвовать в задуманном сборнике памяти Гаршина (см. письмо 98), он получил письмо Плещеева, от 30 марта, в котором тот писал: «Мы хотим издать литературный сборник на могильный памятник Гаршина. В субботу вечером будет у нас совещание об этом. Пожалуйста, дайте хоть маленький рассказ. Все статьи будут бесплатные. Такой же сборник затеяли сотрудники «Новостей» с Баранцевичем и Лихачевым во главе.

Питаем надежду, что Вы не отдадите им предпочтения перед нами» (ЛН). Было намерение объединить два сборника, но редакции не пришли к соглашению. Затем Баранцевич известил Чехова, что со сборником они не торопятся и издание его отодвигается. Чехов написал для сборника, изданного редакцией «Северного вестника» («Памяти В. М. Гаршина»), рассказ «Припадок», а для второго сборника («Красный цветок») послал свой старый рассказ «Беглец», который не был напечатан, так как редакция раздумала давать вещи, уже бывшие в печати.

104

¹ 22 апреля К. С. Баранцевич писал Чехову: «Этот сборник, помимо своего прямого назначения, имеет и косвенное: быть соединительным звеном для всех нас, которых кто с уважением, кто с нескрываемым злорадством называют «молодыми писателями». Не смейтесь, пожалуйста, мне кажется, что если сборник удастся, он, впоследствии, попадет в историю литературы».

105

¹ Щеглов на дачу к Чехову не приезжал.

106

¹ Роман Лейкина «Сатир и нимфа, или Похождения Трифона Ивановича и Акулины Степановны» (Спб. 1888) был прислан Чехову Лейкиным с дарственной надписью.

² Роман Лейкина «Стукин и Хрустальников» (Спб. 1886) был 28 апреля 1888 г. послан Чехову с дарственной надписью.

107

¹ Чехов послал В. Г. Короленко свою книгу «Рассказы», Спб. 1888

¹ Либеральная семья Линтваревых была «на подозрении» у полиции.

² А. В. Линтварева.

³ З. М. Линтварева. Умерла 24 ноября 1891 г. В газете «Врач» (1891, № 50) Чехов напечатал некролог Линтваревой.

⁴ Е. М. Линтварева.

⁵ Н. М. Линтварева.

⁶ П. М. Линтварев.

⁷ Г. М. Линтварев.

⁸ Рассказ «Неприятность».

⁹ Поскольку письмо Суворина не сохранилось, трудно объяснить эти слова Чехова. Возможно, здесь проводится аналогия с каким-то произведением.

¹⁰ См. прим. 3 к письму 109.

¹¹ Речь идет о пьесе Суворина «Татьяна Репина».

¹² Об архимандрите Паисии Чехов знал от своего дяди Митр. Е. Чехова, который встречался с Паисием в Таганроге, когда тот был еще простым монахом. Впоследствии Паисий, по словам Чехова, иногда «сбивался с панталыку» и в это время уверял, что «все от беса», в том числе и его «новый сан (архимандрит)» (см. ПСС, т. 14, стр. 310, и М. П. Чехов, Вокруг Чехова, М. 1960, стр. 132).

¹ В петербургском Крестовском театре с успехом шли пьесы Щеглова «В горах Кавказа» и «Театральный воробей».

² Баронесса — бабушка Щеглова.

³ Щеглов писал Чехову 29 мая: «Вашей последней повестью «Огни» я не совсем удовлетворен. Что я ее проглотил одним глотком — об этом не может быть разговору, потому что все, что Вы пишете, так аппетитно-реально, что глотается легко и приятно, но финал «Ничего не разберешь на этом свете...» — обрывочен, дело писателя именно разобраться, в особенности в душе героя, а то его психика не выяснена».

⁴ Сборник «Рассказы», Спб. 1888.

110

¹ Прозвище одной из знакомых семьи Линтваревых.

² Е. М. Линтваревой.

111

¹ Ответ на письмо Плещеева от 23 июня 1888 г. («Слово»).

112

¹ В письме от 2 июля Плещеев сообщил Чехову, что в «Северном вестнике» будет напечатан рассказ В. А. Гиляровского (ЛН).

² Цензура запретила книгу В. А. Гиляровского «Трущобные люди». По случайно сохранившемуся экземпляру она впервые была издана Гослитиздатом в 1957 г.

113

¹ Как сообщила М. П. Чехова, эту фразу обычно произносил министр М. Н. Островский в ответ на рассказы брата-драматурга А. Н. Островского.

² «Поповки» — морские военные суда, построенные по конструкции вице-адмирала А. А. Попова.

³ Капитаном Мишелем называли в шутку М. П. Чехова, увлекавшегося постройкой маленьких моделей кораблей.

⁴ К. Ф. Виноградов.

114

¹ «Театральный воробей» — комедия-шутка в двух действиях И. Щеглова, Спб. 1887. В личной библиотеке Чехова был экземпляр этой пьесы с поправками, сделанными Щегловым.

115

¹ И. К. Айвазовский сообщил М. И. Глинке три татарских напева, из которых два композитор использовал для лезгинки,

а третий для Andante сцены Ратмира в третьем акте оперы «Руслан и Людмила».

117

¹ См. прим. 3 к письму 113.

² Об этом случае вспоминает М. П. Чехов: «По возвращении брат рассказывал мне... почему именно он считал себя причиной возможного столкновения «Дира» и «Твиди». В суматохе, во время качки, он пошатнулся, потерял равновесие и, чтобы не упасть, ухватился за что-то, что тоже подалось в сторону. Это оказался телеграф машины. Брат хотел поставить его на прежнее место, но не сумел» (см. прим. М. П. Чехова в книге «Письма А. П. Чехова», т. 2, М. 1913, стр. 129).

³ По словам М. П. Чехова, «предсказание брата относительно капитана оправдалось отчасти: в ту же осень «Дир» погиб у берегов Алупки» (см. там же).

⁴ Продолжение не последовало, так как путешествие Чехова было прервано. См. прим. 1 к письму 119.

118

¹ Т. е. детей Баранцевича.

² Чехов в августе ездил смотреть хутор в Полтавской губернии и 27 августа писал Плещееву: «В цене не сошелся, но, вероятно, сойдусь... Покупаю я для того, чтобы Вы и все мои хорошие знакомые... смотрели бы на мой паршивенький хутор, как на свой собственный, и имели бы место отдыха. Если в самом деле удастся купить, то я настрою на берегу Хорола флигелей и дам начало литературной колонии».

119

¹ Путешествие прервалось, так как спутник Чехова А. А. Суворин получил известие о смерти своего брата и должен был вернуться домой.

² В домике, где была кухня Чеховых, временно помещалась камера мирового судьи.

³ Чехов называл так мирового судью Деконора. Н. А. Манасин был в то время министром юстиции.

⁴ См. прим. 4 к письму 68.

⁵ Чехов задумал рассказ «Именины».

⁶ В письме от 2 июля 1888 г. Плещеев сообщил Чехову, что редакция «Северного вестника» возобновляет хлопоты об освобождении журнала от предварительной цензуры, и выразил надежду, что тогда роман Чехова «украсит страницы «Северного вестника» (ЛН).

⁷ Имеется в виду сборник «Памяти В. М. Гаршина» под редакцией Я. В. Абрамова, П. О. Морозова и А. Н. Плещеева (см. прим. 4 к письму 103).

⁸ Речь идет о сборнике памяти Гаршина «Красный цветок» (см. прим. 4 к письму 103).

⁹ Чехов проектировал покупку хутора, на котором могли бы отдыхать писатели.

120

¹ См. прим. 2 к письму 2.

² Чехов имел в виду таганрогского подрядчика Миронова.

³ Это выражение, употреблявшееся в семье Чеховых, взято из обихода в амбаре купца Гаврилова, где служил П. Е. Чехов. В амбаре Гаврилова показывали на вытянутой руке кулак и говорили о ком-либо: «Он у меня из-под энтакой штуки не выйдет».

⁴ Так писал к Александру и Николаю Чеховым мальчик Миша Черемис, служивший в лавке П. Е. Чехова.

121

¹ Чехов писал рассказ «Именины».

² См. прим. 7 к письму 119.

³ Плещеев писал Чехову 10 марта 1888 г., что Гаршин «без ума» от «Степи». «Два раза подряд прочел. В одном доме заставили меня вслух прочесть эпизод, где рассказывает историю своей женитьбы мужик, влюбленный в жену. Находятся, впрочем, господа, которые не одобряют... Про одного такого рассказывал Гаршин и глубоко возмущался... потому что это было явно из зависти» (ЛН). В. И. Бибииков в своих воспоминаниях о Гаршине также писал, что Гаршин восторгался «Степью», го-

ворил, что она «обновила» его, приводил на память некоторые места этой повести («Всемирная иллюстрация», 1888, № 17). О том же писал и Репин (см. в книге: И. Е. Репин, Письма к писателям и литературным деятелям, 1880—1929, изд. «Искусство», М. 1950, стр. 168).

⁴ Рассказ «Красавицы».

⁵ Чехов написал на эту тему рассказ «Припадок», который и был напечатан в сборнике «Памяти В. М. Гаршина», Спб. 1889.

⁶ Плещеев писал Чехову 8 сентября: «Если Михайловскому удастся свой журнал основать,—как он о том сильно хлопочет,—то почти наверное можно сказать, что Короленко туда совсем уйдет. Он сильно преклоняется перед авторитетом Михайловского» (ЛН).

122

¹ Рассказ Ал. П. Чехова «Письмо» напечатан в «Новом времени» 10 сентября 1888 г.

123

¹ Артист театра Корша Н. В. Светлов предполагал поставить в свой бенефис пьесу Эмиля Ожье «Медные лбы», переведенную на русский язык А. Н. Плещеевым. По просьбе Светлова Чехов обратился по этому поводу к Плещееву, который ответил (ЛН), что пьеса им переведена по заказу дирекции императорских театров, по условию с которой он не может давать пьесу «ни на какой частной и даже провинциальной сцене». Плещеев советовал Светлову поставить комедию Ю. Розена «Дурной человек», переведенную им с немецкого.

² Из письма Плещеева от 2 октября (ЛН) Чехов понял, что рукопись лучше посылать не в редакцию, а лично Плещееву. («Двумя часами позже» — описка Чехова, вместо «двумя часами раньше».)

³ Плещеев в том же письме сообщил, что Мережковский написал о Чехове статью «Старый вопрос по поводу нового таланта». «Мне кажется,—писал Плещеев,—что и Вы будете довольны этой статейкой. Это свежо, молодо и крайне симпатично».

¹ Речь идет о предполагавшейся покупке Сувориным театра Корша.

² Водевиль Щеглова «Дачный муж», поставленный в театре Корша 30 сентября, успеха не имел. В письме от 2 октября Чехов писал Суворину: «Дачный муж» провалился, и Жан Щеглов обратился в тень. Пьеса написана небрежно, турнюр и фальшивые зубы прицеплены к скучной морали; натянуто, грубовато и пахнет проституцией».

³ У Чеховых в течение учебного года жил Сережа Киселев, учившийся в московской гимназии.

⁴ В «Северном вестнике» (1888, кн. 10) напечатана отрицательная и грубая рецензия Протопопова на книгу А. Н. Бежецкого (Маслова) «На пути. Рассказы и очерки», Спб. 1888.

⁵ В журнале «Русская мысль» за 1888 г. были напечатаны резко отрицательный отзыв о книге А. Н. Бежецкого «На пути» (в № 9) и рецензия на повесть Чехова «Степь» (в № 4). Рецензент обнаружил полное непонимание повести, «Степь» была им названа «утомительной и бесплодной» вещью, в которой нет «ни мыслей, ни ярких образов, ни психологии, ни фабулы, ни даже этнографического интереса».

⁶ Рассказ Л. Н. Толстого «Смерть Ивана Ильича».

⁷ Чехов переделывал «Иванова» для постановки пьесы в Александринском театре.

⁸ Сыну Суворина — Борису.

¹ «Не по хорошу мил,— по милу хорош».

² 8 октября 1888 г. Чехов получил сообщение от Григоровича о присуждении ему Пушкинской премии.

³ См. прим. 4 к письму 68.

⁴ В том же письме Григорович писал Чехову: «Очень не нравится мне, что братья Ваши стали появляться со своими рассказами и под своим именем: это сбивает с толку читателей, и Вам приписывается то, чего не следует. Так или иначе надо уладить это дело».

¹ Письмо Плещеева от 6 октября 1888 г., содержащее отзыв о рассказе Чехова «Именины» (см. «Слово»).

² Плещеев рекомендовал Чехову выкинуть из рассказа «Именины» украинофила и человека 60-х годов: «В Вашем рассказе Вы смеетесь над украинофилом, «желающим освободить Малороссию от русского ига», и над человеком 60-х годов, застывшим в идеях этой эпохи,— за что собственно? Вы сами прибавляете, что он искренен и что дурного он ничего не говорит. Другое дело, если б он напускал на себя эти идеи, не будучи убежден в их справедливости, или если б, прикрываясь ими, он делал гадости. Таких действительно бичевать следует... Украинофила в особенности я бы выкинул». Впоследствии при подготовке рассказа «Именины» для собрания сочинений, изданного Л. Ф. Марксом, Чехов снял из рассказа «Именины» «человека 60-х годов».

³ Плещеев писал Чехову: «Разговор Ольги Мих. с бабами о родах и та подробность, что затылок мужа вдруг бросился ей в глаза, отзывается подражанием «Анне Карениной», где Долли также разговаривает в подобном положении с бабами и где Анна вдруг замечает уродливые уши у мужа».

⁴ Драма А. И. Сумбатова-Южина шла в московском Малом театре.

⁵ Ответ на строки в письме Плещеева: «Что касается до «направления», о котором Вы мне писали в одном из Ваших писем, то я не вижу в Вашем рассказе никакого направления. В принципиальном отношении тут нет ничего ни против либерализма, ни против консерватизма».

Линтварева Елена Михайловна — о ней см. в письме 108 и прим. 4 к нему.

¹ Шерстяные самотканые платки.

² Чехов писал для сборника «Памяти В. М. Гаршина» рассказ «Припадок».

³ Рассказ «Именины».

⁴ Стихи из трагедии Шекспира «Отелло», в переводе П. И. Вейнберга.

¹ М. М. Дюковский.

² «Именины».

³ И. П. Чехов.

⁴ В. Ф. Тимофеев.

⁵ Н. П. Чехов.

⁶ Фельетон «Московские лицемеры».

⁷ «Припадок».

⁸ Чехову был прислан список московских врачей, который печатался в издававшемся Сувориным «Русском календаре», с просьбой «исправить и дополнить, если последнее окажется нужным».

⁹ Рассказ Н. М. Ежова «Леля» напечатан в «Новом времени» 15 октября 1888 г.

129

¹ Чехов и Суворин задумали совместно написать пьесу «Леший». Чехов разработал план пьесы, Суворин написал начало, но вскоре отказался от этой работы.

130

¹ Строка из поэмы А. С. Пушкина «Полтава».

² Рассказ А. С. Лазарева-Грузинского «Первый урок». Напечатан в «Новом времени» 12 ноября 1888 г.

131

¹ Заметка (некролог) о Н. М. Пржевальском, умершем 20 октября 1888 г.

² Рассказ «Каштанка», иллюстрированный А. С. Степановым, вышел отдельным изданием только в 1892 г.

³ См. письмо 129 и прим. к нему.

132

¹ В письме Чехову от 22 октября 1888 г. Плещеев сообщал: «Сегодня мы Вашего «Калхаса» читали и пропустили. У меня дома даже переписали второй экземпляр, так как в комитет

(Литературно-театральный комитет.— Н. Г.) нужно было представить два» (ЛН).

² Плещеев писал Чехову, что «Северный вестник» «в настоящий момент... переживает кризис весьма и весьма тяжелый. Наде во что бы то ни стало спасти журнал, потому что эта скаредная издательница готова закрыть его (при четырех тысячах подписчиков!), лишь бы не давать больше денег» (ЛН). «Некий литератор», сообщавший о кризисе «Северного вестника», — Н. А. Лейкин.

³ Чехов имеет в виду конфликт, возникший между издателем «Эпохи» и членами редакции: еще до выхода в свет первого номера журнала в «Русских ведомостях» (1888, 17 октября) появилось письмо Н. Н. Златовратского и В. В. Воронцова, в котором они извещали, что «больше не участвуют в журнале «Эпоха». Со своей стороны, издатель А. Н. Колачевский предпослал первой книжке журнала «откровенное объяснение», где пишет о программе журнала и протестует против «непрощенных нянек-опекунш», против «литературных попечителей». Издание прекратилось на первом номере из-за внезапной смерти издателя.

133

¹ В ответ на письмо Суворина по поводу рассказа Ежова «Пощечина» последний писал ему: «Рассказ свой я читал Чехову еще до отправки к Вам. Вчера — сейчас же по получении Вашего письма — я высказал Антону Павловичу свои взгляды относительно «Пощечины», и последний согласился со мной, что не дело беллетриста решать посторонние вопросы» (ЦГАЛИ). Впечатлением от письма Ежова Суворин, вероятно, поделился с Чеховым, чем и вызван настоящий ответ.

² 28 октября 1888 г. в театре Корша состоялся первый спектакль водевиля Чехова «Медведь».

³ Водевиль «Предложение».

⁴ В. А. Гольцев был арестован 10 октября 1888 г. после его встречи с политическим ссыльным, который бежал из Сибири и обратился к Гольцеву в поисках работы. После трех недель заключения в Басманной части Гольцев был освобожден. Упоминаемый рассказ Гольцева «Девятая симфония» напечатан в «Русской мысли», 1885, № 9.

¹ См. прим. 1 к письму 131.

² Г. М. Линтварев.

¹ Письмо М. В. Киселевой к М. П. Чеховой не сохранилось. Речь идет о сыне адресатки гимназисте Сереже, который в 1888—1889 гг. жил у Чеховых.

² Водевиль «Медведь».

³ В рецензии, напечатанной в «Московских ведомостях» 31 октября 1888 г., С. Васильев (псевдоним С. В. Флерова) упрекал автора в неправдоподобности сюжета водевиля: «Чехов допускает такую вопиющую невозможность, как вызов женщины на дуэль». Одобрительные отзывы были в газете «Театр и жизнь», 1888, 30 октября, и в «Будильнике», 1888, № 43.

¹ В статье «Старый вопрос по поводу нового таланта» Д. С. Мережковский, высоко оценив творчество Чехова, в то же время приписывает ему мистицизм (даже «мистический темперамент»), объективизм, любовь к человеку «не за высшие проявления его гения, не за то, что он — сильный и разумный, а скорее за то, что он слишком уж слабый, жалкий и смешной». В конце статьи, защищая «нетенденциозность» Чехова и свободу творчества, Мережковский делает попытку биологически обосновать творческий процесс.

² Имеется в виду Иероним в рассказе Чехова «Святою ночью».

³ Общество взаимного кредита, где Лейкин был членом правления.

⁴ См. письмо 137.

⁵ Пьесе Маслова-Бежецкого «Севильский обольститель» выбрал для своего бенефиса М. М. Петипа.

¹ В юности Чехов с успехом исполнял комические роли в любительских спектаклях, например, городничего в «Ревизоре» и др.

² Драма в четырех действиях «Медея» написана А. С. Сувориным совместно с В. П. Бурениным.

138

¹ Рассказ «Припадок» для сборника «Памяти В. М. Гаршина».

² Упомянутая статья Е. Гаршина напечатана в газете «Биржевые ведомости» (1888, 6 ноября), которую в литературных кругах, очевидно, называли «Дном». Е. Гаршин в крайне развязном тоне критиковал «Северный вестник», противопоставляя Чехова всем сотрудникам журнала.

³ Чехов, очевидно, имел в виду отзыв Е. Гаршина о повести «Степь» в той же газете (1888, 11 марта). «Она скучна,— писал Е. Гаршин о «Степи»,— и требует от читателя чрезмерного напряжения, чтобы стало охоты воспринимать все прелести художественного изложения автора этого произведения...»

⁴ Водевиль Чехова «Медведь» шел в театре Корша. Роли «медведя и медведицы», т. е. Смирнова и Поповой, исполняли Соловцов и Рыбчинская.

139

¹ «Припадок».

² Пьеса Маслова «Севильский обольститель» в театре Корша поставлена не была.

140

¹ «Припадок».

² А. В. Сабашникова.

³ См. также письмо 136 и прим. 1 к нему.

⁴ Статья Мережковского напечатана со следующим примечанием редакции: «Статья г. Мережковского, расходясь с мнениями некоторых из наших сограждан лишь в подробностях эстетических воззрений на искусство, в основных своих принципах настолько приближается к этим мнениям, что мы сочли возможным дать ей место на страницах «Северного вестника».

⁵ Номер «Нового времени» от 30 августа 1888 г., в котором напечатан «Медведь».

¹ Об издании «Каштанки» см. прим. 2 к письму 131.

² Героиня пьесы А. С. Суворина «Татьяна Репина».

³ См. письмо 129 и прим. к нему.

⁴ «Юдифь» — опера композитора А. Н. Серова.

⁵ Чехов начинал писать драму «Соломон». Сохранился отрывок ее — монолог Соломона (см. т. 10 наст. изд., стр. 534).

⁶ Чехов писал рассказ «Княгиня».

¹ Возможно, что этот рассказ был первой фиксацией замысла повести «Дуэль». См. также письмо 143.

² Водевиль «Кум-пожарный», Спб. 1888.

³ См. прим. 2 к письму 139.

⁴ Пьеса испанского драматурга Хосе Эчегерая «Великий Галеотто».

¹ Заглавие рассказа А. С. Суворина.

² Чехов имел в виду рассказы английского писателя-юмориста Ф.-К. Бернанда.

³ Рассказ был закончен и отослан в «Новое время». Чехов читал корректуру, но оставил ее у себя, намереваясь продолжать рассказ, однако в печати он не появился.

⁴ Речь идет о В. П. Бегичеве.

⁵ См. прим. 2 к письму 139 и прим. 4 к письму 142.

Ленский (настоящая фамилия — Вервициотти) Александр Павлович (1847—1908) — артист московского Малого театра, с 1906 г. — главный режиссер театра. Познакомился с Чеховым в 1888 г., и вскоре между ними установились приятельские отношения, которые прервались в начале 1892 г. Причиной оказался

появившийся в журнале «Север» рассказ Чехова «Попрыгунья», в котором Ленский, в числе еще некоторых знакомых Чехова, увидел «пасквиль» на отношения С. П. Кувшинниковой и И. И. Левитана (см. письмо 282). По словам М. П. Чеховой, Ленский в этом рассказе нашел и себя в лице «толстого актера».

¹ Жена Ленского, по просьбе Чехова, записала слышанную ею на Бермамуте от татар-проводников «Кавказскую легенду о происхождении кавказских вершин». 15 февраля 1889 г. Чехов писал Л. Н. Ленской, что он «втиснул» легенду «в повестушку, которая будет печататься летом». Повесть в печати не появилась (см. письма 142 и 143).

² Речь идет о книге Петра Исаевича Вейнберга «Практика сценического искусства», Спб. 1888.

³ 12 декабря 1888 г. в Русском литературном обществе состоялось чтение рассказа Чехова «Припадок» (начал Чехов и передал вскоре В. Н. Давыдову). После чтения был оживленный обмен мнениями.

145

¹ Пьеса Суворина «Татьяна Репина» готовилась к постановке в московском Малом театре. По просьбе Суворина Чехов принимал участие в организации спектакля.

² Григорович писал Чехову 27 декабря 1888 г. о своем впечатлении от рассказа «Припадок» после чтения его в Русском литературном обществе (см. прим. 3 к письму 144). Высоко оценив рассказ, Григорович особо отметил описание первого снега: «Страница 296 — строки от 6-й до 11-й — просто прелесть! Я бесился, что никто не оценил строчку 6-ю на 308 странице; и были, говорили мне, еще поэты при чтении в Литературном обществе».

³ Изменение в пьесе «Иванов».

⁴ Имеется в виду литографированное издание водевиля в «Театральной библиотеке» Рассохина.

⁵ Водевиль не был написан.

⁶ Рассказ «Сапожник и нечистая сила».

⁷ Рассказ «Пари».

⁸ В сборник «Детвора» Чехов включил шесть рассказов о детях: «Детвора», «Ванька», «Событие», «Кухарка женится», «Беглец», «Дома».

¹ Речь идет о намечавшейся постановке «Иванова» в Александринском театре.

² О постановке пьесы Суворина «Татьяна Репина» в Малом театре.

³ См. письмо 137.

⁴ Сцена из драмы «Мать Ивана Грозного», под заглавием «Божий человек», напечатана в «Новом времени» 25 декабря 1888 г.

⁵ Рассказ Суворина «История одной ночи» напечатан в «Новом времени» 20 декабря 1888 г. за подписью Н. Лаврецкий.

⁶ «Татьяна Репина» шла в Александринском театре.

⁷ Общество русских драматических писателей и оперных композиторов,

¹ Поправки в пьесе «Татьяна Репина».

² Суворин, очевидно, писал Чехову о трактовке образа Иванова режиссером Александринского театра.

³ Л. А. Тихомиров — бывший член Исполнительного комитета революционной организации «Народная воля», редактор ее журнала, организатор ряда покушений на Александра II, эмигрировавший за границу; выпустил в 1888 г. брошюру «Почему я перестал быть революционером», являющуюся верноподданническим обращением к царю.

⁴ Имеются в виду осложнившиеся отношения России с Болгарией, правительство которой действовало в интересах Германии и Австро-Венгрии.

⁵ Итальянская балерина Вирджиния Цукки с 1885 г. в течение трех лет была в труппе Мариинского театра; с 1888 г., во главе собственной труппы, она выступала в Москве и других городах России.

⁶ Персонажи пьес Сумбатова-Южина: «Цепи» (Пропорьев), «Арказановы» (Наварыгин). Из какой пьесы Охлябьев — не выяснено.

⁷ Персонажи пьесы Суворина «Татьяна Репина».

⁸ В романе А. Додэ «Джек».

¹ Чехов был в Петербурге с 3 по 15 декабря 1888 г.

¹ Членом Общества русских драматических писателей и оперных композиторов.

Федоров (настоящая фамилия — Юрковский) Федор Александрович (1842—1915) — режиссер Александринского театра. Познакомился с Чеховым в январе 1889 г., когда в Александринском театре началась подготовка к постановке пьесы «Иванов».

¹ О переделках в IV акте см. письмо 151.

¹ Кин — герой драмы Дюма-отца «Кин, или Гений и беспутство», которая шла в театре Корша.

² Т. е. «Ивановым».

³ Чехов дал согласие печатать «Иванова» в «Северном вестнике» только после большого успеха пьесы в Александринском театре.

⁴ В серии «Дешевая библиотека» вышел сборник рассказов Чехова «Детвора». См. прим. 8 к письму 145.

⁵ Пьесу «Татьяна Репина» — в Малом театре (преьера 16 января 1889 г.).

⁶ См. прим. 4 к письму 68.

⁷ В письме от 31 декабря 1888 г. Плещеев сообщил об аресте своего младшего сына, который в числе других офицеров учинил в пьяном виде скандал в «Аркадии» (ЛН).

Тихонов Владимир Алексеевич (1857—1914) — беллетрист и драматург. С Чеховым познакомился в конце 1888 г. В 1891—1893 гг. был редактором еженедельного журнала «Север», в ко-

тором напечатан рассказ Чехова «Попрыгунья». Написал воспоминания о Чехове (см. «Чеховский юбилейный сборник», М. 1910; сб. «О Чехове», М. 1910). В дневнике Тихонова имеются записи о Чехове (см. ЛН, стр. 493).

¹ 6 февраля 1889 г. Тихонов написал Чехову, что в № 6 «Недели» напечатана его рецензия на постановку «Иванова».

² Эту фразу объясняют воспоминания В. А. Тихонова о его разговоре с Чеховым в конце 1888 г.: «Что если б Вы не были женаты, на ком бы Вы женились?»

— На рябой бабе,— ответил я ему.

Антон Павлович сделал большие глаза. На этот раз, видимо, я его огорошил.

А я стал дальше развивать мою мечту.

— Видите ли,— говорю,— высшее счастье можно постигнуть, только женившись на толстой рябой бабе и поселившись с ней в маленькой избушке на берегу Волги, при чем получать пенсию — 7 руб. 50 коп. в месяц. И жить на эту пенсию. И чтоб у этой бабы характер был самый гнусный, и чтоб она вас походя колотила: то вальком, то скалкой, а то прямо кулаком по затылку. Мало того, чтоб она завела себе любовника, какого-нибудь сельского писаря, и вот, когда этот писарь будет приезжать к ней в гости, чтобы вместе с ней пьянствовать, то на это время она совсем вас будет выгонять из дому и вы будете с удочкой уходить вниз, на самую Волгу, садиться где-нибудь в кустах ивняка и удить рыбу. А рыба совсем не будет попадаться вам на удочку. И вам будет ужасно грустно, и вы начнете плакать горькими-горькими слезами. И вот в это-то самое время рябая баба, т. е. супруга ваша, вдруг вспомнит об вас, сжалятся, кликнет вас наверх и из своих рук поднесет вам стаканчик водки. И это будет самая счастливая минута вашей жизни, и вы тогда увидите, что на небе горит солнце, Волга величественна, а в кустах орешника поют птицы. И из ваших глаз брызнут слезы, но на этот раз уже слезы радости.

Чехов, выслушав эту картинку, задумчиво сказал:

— Да, в этом есть что-то такое» (см. сб. «О Чехове», М. 1910, стр. 242).

³ На Гороховой улице в Петербурге помещалось Русское литературное общество.

⁴ Брат В. А. Тихонова — А. А. Тихонов (Луговой).

¹ «Господа театралы» — пьеса Щеглова, изданная «Театральной библиотекой» С. Ф. Рассохина.

² 16 февраля Щеглов писал Чехову, что «над «Ивановым» каждый раз красуется анонс — «Билеты все проданы».

³ В том же письме Щеглов писал: «Тон Буренина мне мерзок. И все-то он прохаживается насчет нашего брата в том смысле, что «дескать кушать надо — оттого и пишут всякую дрянь!» Это говорится в редакции публично, и нашептывается в уши Маслову, и отвратительно угнетающе на меня действует».

¹ См. письмо 156.

² Чехов послал Суворину написанную им пьесу «Татьяна Репина» (продолжение суворинской «Татьяны Репиной»). «За словарями я буду скучать,— писал Чехов Суворину 6 марта 1889 г.,— поскучайте и Вы за моим подарком. Сочинил я его в один присест, спешил, а потому вышел он у меня дешевле дешевого. За то, что я воспользовался Вашим заглавием, подавайте в суд. Не показывайте его *никому*, а, прочитавши, бросьте в камин. Можете бросить и не читая. Вам я все позволяю. Можете даже по прочтении сказать: черт знает что!» Суворин напечатал эту пьесу в типографии в двух экземплярах, из которых один прислал Чехову.

³ В газете «Гражданин» (1889, 1 и 23 февраля) напечатаны отрицательные рецензии на постановку «Иванова».

⁴ «Гроза» А. Н. Островского в переводе О. Метенье и И. Павловского шла в Париже, в театре Бомарше. Как видно из заметок в «Новом времени» (1889, 27 февраля и 2 марта), социальный смысл пьесы французами не был понят,

¹ См. прим. 1 к письму 152.

² 6 марта 1889 г. В. А. Тихонов писал Чехову, что профессор-зоолог Н. П. Вагнер считает талант Чехова «выше *всех* русских писателей как настоящих, так и прошедших»... «Он к Вам

применил слова Тургенева о Л. Толстом: помните — «Л. Толстой слон между нами».

³ А. А. Тихонову (Луговому).

156

Евреинова Анна Михайловна (1844—1919) — доктор прав. С 1885 г.— редактор журнала «Северный вестник», а в 1889—1890 гг.— редактор-издатель.

¹ См. прим. 4 к письму 68.

² Речь идет о предварительной цензуре, от которой были освобождены многие журналы.

³ Шутка. См. письмо 154.

⁴ Фраза из романа Тургенева «Новь».

⁵ Рассказ Гиляровского в «Северном вестнике» не был напечатан.

157

¹ См. прим. 4 к письму 68.

² Вырезка из № 68 «Русских ведомостей» от 10 марта 1889 г.

³ Заметка «Среди газет и журналов» в номере от 3 марта 1889 г.

158

¹ Н. П. Чехов заболел в конце марта брюшным тифом, который затем осложнился легочным процессом.

159

¹ См. прим. 4 к письму 68.

² Чехов был избран членом комитета Общества русских драматических писателей и оперных композиторов на общем собрании членов общества 10 апреля 1889 г.

³ С. А. Юрьев умер 26 декабря 1888 г.

⁴ Речь идет о статье «Критические очерки» («Новое время» от 7 апреля 1889 г.), в которой Буренин нападает на журнал «Северный вестник», задевает Стасова, Репина, Надсона.

¹ Н. П. Чехов.

² Ал. П. Чехов сообщил Чехову 9 апреля 1889 г., что он написал пьесу «Копилка».

³ Сыновьям Ал. П. Чехова.

¹ Комедия Щеглова «Дачный муж» и водевиль Чехова «Предложение» готовились к постановке в Петербургском артистическом кружке.

² Имеется в виду водевиль Билибина «Цитварный ребенок», Спб. 1889.

¹ См. письмо 160.

² Фельетон «Вынужденное заявление... Скоропостижная конская смерть, или Великодушные русского народа!» («Новое время», 1889, 22 апреля).

³ Письмо А. А. Суворина с пути в Феодосию от 14 апреля 1889 г.

⁴ «Натан Мудрый» — философская драма в стихах Лессинга.

⁵ В пьесе Суворина «Татьяна Репина» Н. М. Медведева исполняла роль Раисы.

⁶ На пароходах Добровольного флота перевозились партии арестантов.

⁷ В петербургских газетах в течение нескольких месяцев появлялись заметки о деле уфимского помещика Бунакова, убившего свидетельницу совершенного им преступления Шаршавину.

⁸ Вероятно, Чехов кому-то в шутку сказал, что Щеглов написал новую пьесу «Журавль в небе», которую поставит Петербургский артистический кружок, а главную роль исполнит сам автор. Шутку приняли всерьез, и все эти сведения были напечатаны в газете «Новоси дня» 8 апреля 1889 г.

¹ Чехов шутя называет так Н. Н. Оболонского (Стива Облонский — персонаж в романе Л. Н. Толстого «Анна Каренина»). Суворин, живший в имени Оболонского летом 1888 г., оставил там свои лодки и просил выслать их Чехову.

² Н. П. Чехов.

³ Этим именем подписана сценка Чехова «Вынужденное заявление... Скоропостижная конская смерть, или Великодушные русского народа!». См. письмо 162.

164

¹ См. прим. 4 к письму 68.

² Водевиль «Трагик поневоле» Чехов написал по своему рассказу «Один из многих».

³ См. письмо 141 и прим. 5 к этому письму.

⁴ Чехов говорит о «Письме в редакцию» А. С. Суворина («Новое время», 1889, 30 апреля). Газеты «Гражданин» и «Новости и биржевая газета» укоряли Суворина в неблагодарности по отношению к петербургскому городскому голове В. И. Лихачеву, которому «Новое время» «обязано своим существованием». Суворин ответил в «Письме», что благодарность Лихачеву не лишает «Новое время» возможности писать о замечаемых недостатках в городском самоуправлении и критиковать деятельность Лихачева.

⁵ «Вторая молодость» — пьеса П. М. Невежина.

⁶ См. прим. 2 к письму 154.

⁷ 26 апреля Ал. П. Чехов писал брату: «Что мне делать с моей пьесой?.. Никак не могу отделать так, чтобы почувствовать, что выполнил то, что задумал. Иногда даже прихожу в уныние и хочу бросить, но через несколько времени снова берусь за пьесу...»

⁸ За несколько дней до смерти М. Е. Салтыкова-Щедрина умер один из наиболее реакционных государственных деятелей царской России Д. А. Толстой.

165

¹ В «Новом времени» 2, 7, 8 и 9 мая 1889 г. печаталась статья А. С. Суворина «Новый роман», излагавшая содержание романа П. Бурже «Ученик». В «Северном вестнике» в № 4, 6, 7 и 8 печатался перевод романа Бурже.

¹ Чехов, вероятно, интересовался репертуаром киевских театров, где ставились его пьесы: «Иванов» и «Предложение».

² См. прим. 7 к письму 164.

¹ М. Р. Семашко.

² И. А. Гончаров напечатал в «Вестнике Европы» (1889, № 3) статью «Нарушение воли», которую заключил обращением к своим наследникам и корреспондентам: «Пусть письма мои остаются собственностью тех, кому они писаны, и не переходят в другие руки, а потом предадутся уничтожению».

³ Щеглов написал драму «Настя» по своему роману «Гордиев узел», а Чехов — комедию «Леший». Первая редакция комедии была им впоследствии почти целиком переделана.

⁴ Литературно-театральный комитет давал разрешение на постановку пьес на казенных сценах.

⁵ См. прим. 4 к письму 68.

⁶ Речь идет о заседании Комитета Общества русских драматических писателей и оперных композиторов.

¹ См. прим. 2 к письму 154.

² «Леший» в первой редакции.

³ Буренин, по-видимому, был обижен тем, что не получил от Чехова билета на первое представление «Иванова» в Александринском театре.

⁴ См. прим. 1 к письму 165.

⁵ Е. М. Линтварева, познакомившаяся с А. С. Сувориным, когда он приезжал на Луку к Чехову, не скрывала своего враждебного отношения к нему как издателю реакционной газеты.

⁶ Ожидалось рождение ребенка,

¹ Чехов в это время занимался изучением французского и немецкого языков.

¹ Вероятно, Чехов считал окончательно отделанными только два акта пьесы «Леший».

¹ См. прим. 4 к письму 68.

² Помещик Соковнин, будучи большим поклонником Чехова, устроил во время приезда Чехова в Петербург в честь его банкет.

³ См. прим. 1 к письму 170.

⁴ Чехов шутя называл так пьесу Тихонова «Без кормила и весла».

⁵ См. прим. 2 к письму 152.

¹ Н. П. Чехов умер 17 июня.

² Пьеса «Леший».

³ См. прим. 4 к письму 68.

⁴ Плещеев писал Чехову 21 июня: «В редакции нового только то, что Анна Михайловна опять возвратила Протопопова «для оживления журнала», и с будущей книжки он опять начинает ругаться в библиографии. Короленко писал ей недавно, что готовит кое-что для «Северного вестника», но что именно, я в точности не знаю» (ЛН).

¹ Чехов писал повесть «Скучная история».

² «Леший».

¹ Ахтырка — городок в Харьковской губернии.

¹ Телеграмма А. М. Евреиновой не сохранилась. Очевидно, она просила ускорить высылку рассказа (см. прим. 1 к письму 173) для октябрьской книжки «Северного вестника».

² См. прим. 4 к письму 172.

¹ См. письмо 175.

² Плещеев в письме Чехову от 12 сентября (ЛН) резко отозвался о рассказе Короленко «С двух сторон (*Рассказ о двух настроениях*)», напечатанном в «Русской мысли» за 1888 г., кн. 11 и 12.

³ В том же письме Плещеев сообщал свое впечатление от последних произведений Короленко: «Знаете ли, мне кажется, что он дальше не пойдет. Сколько уж времени он все на одном месте топчется».

⁴ П. Д. Боборыкин в течение нескольких месяцев был заведующим репертуарной частью в театре Е. Н. Горевой, просуществовавшем только один сезон (см. также письмо 177).

⁵ Речь идет о драматическом театре артистки М. М. Абрамовой, существовавшем в Москве один сезон и затем перешедшем к Товариществу артистов.

177

¹ Пьесы Ф. Шиллера («Дон-Карлос») и Ж.-Б. Мольера («Мизантроп»).

² П. Н. Островский.

³ Заседание Комитета Общества драматических писателей и оперных композиторов.

178

¹ По прочтении «Скучной истории» А. Н. Плещеев писал 27 сентября Чехову («Слово»): «У Вас еще не было ничего *столь сильного и глубокого*, как эта вещь». Плещеев обратил также внимание на две вкравшиеся небрежности (в рукописи было: «Он ходил редко и не каждый день» и «он пошел в кухмистерскую пить пиво»), которые Чехов в корректуре снял.

² Предполагалась постановка комедии «Леший» в Александринском театре в бенефис П. М. Свободина.

³ См. прим. 4 к письму 68.

179

Чайковский Петр Ильич (1840—1893) — композитор. Познакомился с Чеховым осенью 1888 г. в Петербурге у своего брата, М. И. Чайковского.

¹ Сборник рассказов Чехова «Хмурые люди» вышел в 1890 с посвящением П. И. Чайковскому.

² Чайковский прислал Чехову фотографию с надписью: «А. П. Чехову от пламенного почитателя. П. Чайковский. 14 окт. 89».

180

¹ «Скучная история».

² В конце сентября 1889 г. Чехов писал П. М. Свободину, что старая редакция первых двух актов «Лешего» по сравнению с новой — «невинный лепет младенца», а третий акт поражает «своей бурностью и неожиданностью» (письмо это не известно, содержание его передает письмо Свободина к Чехову).

³ 9 октября «Леший» был прочитан на «неофициальном театральном комитете» в составе Д. В. Григоровича, И. А. Всеволожского, А. А. Потехина и Н. Ф. Сазонова. Комитет нашел пьесу неподходящей для постановки на сцене. П. М. Свободин, читавший пьесу Комитету, писал на другой день Чехову: «Замечания относительно живых лиц, характеров, талантливости автора перемешивались с суждениями об отсутствии действия, длиннотах и проч.»

⁴ Для книги «Хмурые люди» Чехов заново отредактировал рассказы: «Володя» (прежнее название — «Его первая любовь»), «Почта», «Неприятность», «Княгиня», «Беда» (прежнее название — «Баран»), «Спать хочется», «Холодная кровь», «Скучная история», «Припадок», «Шампанское».

⁵ См. прим. 1 к письму 163.

181

¹ За присланную фотографию. См. прим. 2 к письму 179.

² Чехов послал П. И. Чайковскому свою фотографию с надписью: «Петру Ильичу Чайковскому на память о сердечно преданном и благодарном почитателе. Чехов» и книгу «В сумерках» (изд. 3, Спб. 1889) с надписью: «Петру Ильичу Чайковскому от глубоко уважающего автора. А. Чехов».

³ М. Р. Семашко, А. И. Иваненко и И. П. Чехов.

¹ «Русский календарь» — издание А. С. Суворина.

² Роман В. А. Райского «По краю пропасти (*Семейство Снежных*)» издан отдельной книгой в 1875 г.

³ П. И. Чайковский и А. П. Чехов собирались работать над оперой на сюжет «Бэлы» Лермонтова,

¹ См. письмо 182.

² Речь идет о «Скучной истории».

³ В календаре «Стоглав» перепечатаны рассказы Чехова: «Беглец» — в 1889 г., «Шампанское (*Рассказ проходимца*)» — в 1890 г.

¹ В водевиле Чехова «Трагик поневоле» было сюжетное сходство с комедией Щеглова «Дачный муж». По этому поводу Щеглов писал Чехову 19 октября 1889 г.: «Как Вы знаете, привилегия на изображение «Дачного мужа» утверждена за мной Городской думой, и фальсификация его, произведенная... Антоном Чеховым, доставила несколько беспокойных часов моей щеголивой мнительности...»

² См. прим. 3 к письму 180.

³ Рассказ Щеглова «Кожаный актер» напечатан в «Новом времени» 10 октября 1889 г.

⁴ Щеглов писал Чехову 19 октября 1889 г., что его драма «Настя» (инсценировка романа «Гордиев узел») забракowana цензурой, которая «в любви дворянина к красивой горничной... — кто бы мог подумать! — увидела целое революционное начало и подрыв дворянского престижа в России».

¹ Речь идет о стихотворении Н. Н. Оболенского.

² В письме Чехову от 18 октября (ЛН) Плещеев высказал мнение, что Свободин, несмотря на заключение Театрального комитета, должен был настаивать на постановке «Лешего».

³ В том же письме Плещеев сообщал, что «двоедушный Григорович» с похвалой отзывался о «Лешем» Суворину. См. прим. 3 к письму 180.

⁴ «Петербургская газета» 19 октября 1889 г. писала, что при обсуждении «Лешего» Театральным комитетом пьеса «встретила некоторое колебание в ее постановке. Говорят, будто бы нашли, что это прекрасная драматизированная повесть, а не драматическое произведение».

⁵ Чехов говорит о статье В. В. Стасова «По поводу всемирной выставки», напечатанной в «Северном вестнике», 1889, № 9 и 10.

⁶ Плещеев писал Чехову 18 октября: «Некоторые из читавших Вашу «Скучную историю», как, например... Суворины, утверждают, что Катя *любит* самого старика, ведущего записки? Я положительно этого не заметил в повести» (ЛН).

⁷ См. прим. 4 к письму 180.

186

¹ «Макбет» Шекспира был поставлен в Малом театре в бенефис А. И. Сумбатова-Южина 20 января 1890 г. Письмо Сумбатова-Южина не сохранилось.

² См. письмо 182.

³ Лекок — сыщик, герой романа Э. Габорио «Господин Лекок».

187

¹ Водевиль «Старый друг».

² Лазарев-Грузинский в шутку писал Чехову о пропаже своих денег в обанкротившейся конторе Зингера.

188

¹ Речь идет о пьесе «Леший», которую Евреиннова хотела напечатать в «Северном вестнике».

² М. П. Чехов.

³ Книга И. А. Стебута «Основы полевой культуры и меры к ее улучшению в России», в двух томах, вышла 2-м изданием в 1882—1884 гг.

⁴ Чехов имеет в виду В. В. Лесевича, Н. К. Михайловского и С. Н. Южакова, прекративших сотрудничество в «Северном вестнике».

189

¹ На обложке журнала «Осколки», 1889, № 45, помещен рисунок М. М. Далькевича, изображавший Чехова, едущего на тройке из «Иванова», «Медведя» и «Лешего». Телега остановилась на распутье: «Повествовательная дорога» — «Драматическая дорога».

² В Обществе русских драматических писателей и оперных композиторов в то время было зарегистрировано 536 драматических писателей.

³ В письме Чехову от 26 августа Лейкин сообщал условия, на которых он соглашался посылать Городецкому книги на комиссию. См. письмо 174.

190

¹ Первая глава рассказа «Учитель словесности», которая под заглавием «Обыватели» была напечатана в «Новом времени» 28 ноября 1889 г.

² «Леший».

³ Театр Товарищества драматических артистов (бывший — М. М. Абрамовой) просил Чехова дать для постановки «Лешего».

191

Начало письма не сохранилось.

¹ Рассказ Бежецкого «Семейная трагедия» напечатан в «Новом времени» 12 и 13 декабря 1889 г.

² 20 декабря Чехов подписал условие на постановку «Лешего» в театре Товарищества драматических артистов.

192

¹ Рассказ в «Новом времени» не появился.

² Возможно, что о Бурже и Толстом Чехов писал в несохранившемся начале письма № 191.

³ В романе «Ученик».

⁴ С. П. Боткин умер 12 декабря 1889 г.

198

Галкин-Враской Михаил Николаевич (1834—1916) — юрист, в 1879—1896 гг. начальник Главного тюремного управления. Никакой помощи Чехову в поездке на Сахалин он не оказал; в дальнейшем пытался помешать и опубликованию книги Чехова «Остров Сахалин»: по его жалобе была временно задержана ноябрьская книжка «Русской мысли» за 1893 г. из-за печатавшейся в ней 4-й главы «Острова Сахалина». После выхода книги Чехова царское правительство направило на о. Сахалин Галкина-Враского, который вынужден был подтвердить многие факты, приведенные в книге Чехова (см. книгу Галкина-Враского «Остров Сахалин. Необходимые и желательные мероприятия», Спб. 1899).

Публикуемое письмо Галкину-Враскому было передано Чеховым лично в канцелярию Главного тюремного управления.

194

¹ Рассказ Н. М. Ежова «Русалка» напечатан 2 февраля 1890 г. в «Новом времени».

195

¹ Плещеев писал Чехову о «Крейцеровой сонате» 13 февраля: «Читал я «Крейцерову сонату» и не скажу, чтоб она сделала на меня сильное впечатление... В публике мнения очень разделены. Я даже больше встречал людей, которым она не нравится, чем наоборот. В первой половине, в особенности, ужасно много парадоксального, одностороннего, исключительного, даже, может быть, и фальшивого. Конечно, при его почитателях цельзя об этом рта разевать» (ЛН).

² В том же письме Плещеев писал: «Жорж Линтварев мне рассказывал, что брат Ваш Михаил писал его семейству, что Вы уехали из Петербурга в Москву с Щегловым не по железной дороге, а на лошадях, и что Вы в Сахалин отправляетесь от

министерства внутренних дел для осмотра чего-то. Для чего это он их мистифицирует?»

³ Пьеса М. И. Чайковского «Симфония» напечатана в журнале «Артист», 1890, № 9.

196

Чайковский Модест Ильич (1850—1916) — брат композитора, драматург, переводчик, автор либретто опер П. И. Чайковского, Аренского, Направника и др., а также трехтомной монографии о П. И. Чайковском «Жизнь Петра Ильича Чайковского».

¹ Адашев — персонаж из пьесы «Татьяна Репина».

197

¹ В письме от 10 февраля Чехов писал Плещееву: «Помышляю о грехах, мною содеянных, о тысяче бочек вина, мною выпитых, о визитах своих к Галкину и проч. и проч. В один месяц, прожитый мною в Питере, я совершил столько великих и малых дел, что меня в одно и то же время нужно произвести в генералы и повесить».

² См. письмо 195.

³ Чехов просил Суворина присылать ему произведения молодых авторов для редактуры.

⁴ Очевидно, шутка по адресу А. А. Суворина. На берегу реки Мургаб в Мервском округе находилось «государево имение», которое складывалось из земель, отбираемых у мирного населения.

⁵ Королева Елизавета, печатавшаяся под псевдонимом «Кармен Сильва».

⁶ См. прим. 1 к письму 199.

⁷ Банкирский дом в Москве (шутливая подпись).

198

¹ Сыновьям Ал. П. Чехова Николаю и Антону.

¹ Пьеса Маслова «Севильский обольститель» была поставлена в московском Малом театре. Премьера состоялась 9 апреля 1890 г.

¹ Немецкий ученый А. Гумбольдт приезжал в 1829 г. в Азиатскую Россию с научной целью. Американский журналист Ж. Кеннан в 1886 г. посетил сибирские тюрьмы. Положение политических ссыльных он описал в очерках, напечатанных в Америке. В России очерки были запрещены, но в 1889 и 1890 гг. они появились за границей в русских переводах, которые проникли в Россию нелегальным путем.

² В конце XVIII века Австралия была сделана англичанами местом ссылки и каторги наиболее тяжких уголовных преступников. Район Кайенны в Южной Америке, отличающийся губительным климатом, был местом ссылки политических преступников; получил прозвище «сухой гильотины».

³ Чехов имел в виду экспедиции Г. И. Невельского, Н. В. Буссе, Н. К. Бошняка и др., описанные в книге Невельского «Подвиги русских морских офицеров на крайнем Востоке России. 1849—1855 гг.», Спб. 1878.

⁴ См. письма 195 и 197.

⁵ Позднее отношение Чехова к студенческому движению изменилось (см. письмо 536 в томе 12 наст. изд., а также статью А. Н. Дубовикова «Письма к Чехову о студенческом движении 1899—1902 гг.» в ЛН, стр. 449).

⁶ См. письмо 199.

⁷ См. письмо 197.

¹ Лазарев-Грузинский послал Чехову свой счет за напечатанный в «Новом времени» рассказ «Побег», который просил переслать Суворину с ходатайством о выплате гонорара из расчета 7—8 коп. за строку.

² Рассказ Лазарева-Грузинского «Побег» напечатан в «Новом времени», 1890, 3 марта.

³ Вероятно, о сотрудничестве Лазарева-Грузинского в «Петербургской газете».

202

¹ «Воры».

² Какой рассказ Филиппова был послан Суворину, неизвестно; рассказ Ежова «Звезды» напечатан в «Новом времени» 21 марта 1890 г.

³ См. прим. 3 к письму 197.

⁴ Рассказ не был напечатан в «Новом времени».

203

¹ На вильетке почтовой бумаги.

² Ф. А. Куманин.

³ См. прим. 1 к письму 202.

⁴ Сборник «Хмурые люди», Спб. 1890.

204

¹ Фельетон И. Ф. Горбунова «Белая зала» (по поводу происходившего в Москве заключения артистических ангажементов) напечатан в «Новом времени» 14 марта 1890 г.

² Письмо И. И. Левитана от 10 марта 1890 г.

205

¹ В письме от 20 марта Щеглов сообщал Чехову, что он «недавно кончил маленький военный рассказик». В «Новом времени» рассказ не появился.

² В том же письме Щеглов писал: «Фофанов сидит в сумасшедшем доме, Глеб Успенский страдает галлюцинациями... Баранцевич жаждет вызвать на дуэль какого-нибудь прохвоста и умереть, как Лермонтов».

206

¹ Инфант — наследный принц. Так Чехов в шутку называл А. А. Суворина, старшего сына А. С. Суворина.

¹ Корреспондентский билет газеты «Новое время» был единственным документом, который давал Чехову возможность собирать на Сахалине нужные ему сведения.

² Речь идет о рассказе Ежова «Звезды». См. прим. 2 к письму 202.

³ Речь идет о рассказе Чехова «Воры».

Лавров Вукол Михайлович (1852—1912) — редактор-издатель журнала «Русская мысль», переводчик произведений Г. Сенкевича. Чехов познакомился с ним в середине 80-х годов. В 1890 г. бестактная заметка в «Русской мысли» оскорбила Чехова и вызвала негодующее письмо Лаврову. Отношения возобновились в середине 1892 г. (см. письмо 286 и прим. 4 к нему). Воспоминания В. М. Лаврова о Чехове напечатаны в «Русских ведомостях» 22 июля 1904 г.

¹ Фраза из заметки без подписи в библиографическом отделе «Русской мысли», 1890, кн. III.

¹ Письмо с пути на Сахалин. Чехов выехал из Москвы в Ярославль 21 апреля по железной дороге. 22 апреля выехал из Ярославля на пароходе по Волге и Каме до Перми.

² Так Чехов в шутку называл коров. См. прим. 10 к письму 43.

³ Дришка — прозвище знакомой Чеховых Д. М. Мусиной-Пушкиной.

⁴ В Таганроге так называли молодых людей, ухаживающих за девушками.

⁵ Детское выражение М. П. Чеховой, сохранившееся в семейном обиходе Чеховых.

⁶ Подписная квитанция на собрание сочинений Гоголя.

¹ В Екатеринбурге жила семья двоюродной сестры Е. Я. Чеховой — П. М. Симоновой.

² Чехов называл так шутя Л. С. Мизинову, жившую в доме, принадлежавшем армянину Джанумову.

211

¹ Украинцы, знакомые Чеховых по Луке.

² Баромли и Мерчки — станции южных железных дорог.

³ Решетку на могилу Н. П. Чехова,

212

Фоти Константин Георгиевич — таганрогский городской голова.

¹ С этого времени до конца жизни Чехов непрерывно заботился о пополнении Таганрогской библиотеки (см. в томе 12 наст. изд. письма к П. Ф. Иорданову).

213

¹ После подавления польского восстания в 1863—1864 гг.

² Ф. Я. Долженко.

³ Е. М. Линтваревой.

⁴ Г. М. Линтвареву.

⁵ О. П. Кундасовой.

⁶ Жамэ — прозвище Л. С. Мизиновой (от франц. *jamais* — никогда).

⁷ П. Сафонов.

⁸ Театральные афиши о водевиле Чехова «Предложение».

214

¹ Очерки «Из Сибири».

² Книга немецкого географа О. Пешеля «Народоведение», переведенная на русский язык, выходила в 1890 г. отдельными выпусками в издании Суворина.

³ Помощник полицмейстера П. П. Аршаулов приносил Чехову, вероятно, свою пьесу «Фатима».

215

¹ См. прим. 1 к письму 214.

² Было условлено, что М. П. Чехов поедет морем в Японию, где братья встретятся и вернутся вместе.

216

¹ Слобода Крепкая находилась в 75 километрах от Таганрога.

218

¹ Как сообщила М. П. Чехова, письмо было адресовано казначею Общества драматических писателей и оперных композиторов И. М. Кондратьеву.

² 17 июня — годовщина смерти Н. П. Чехова, 29 июня — именины П. Е. Чехова.

219

¹ Чеховы, уезжая в 1890 г. на лето в Сумы, предполагали по возвращении в Москву переменить квартиру.

220

Чехова Евгения Яковлевна (1835—1919) — мать А. П. Чехова.

221

¹ Фраза, которую сказал Потемкин Д. И. Фонвизину, прослушав его комедию «Бригадир».

222

¹ Записи об Енисее и тайге — последняя глава очерков «По Сибири» (см. прим. 1 к письму 214).

223

¹ См. прим. к письму 193.

² Шутливое прозвище, данное Чеховым баронессе В. И. Иксуль,

³ 30 июля 1890 г. Чехов получил от начальника о. Сахалина удостоверение в том, что ему разрешается собирание статистических сведений и материалов, необходимых для литературной работы о каторге и поселениях на о. Сахалине. Начальникам округов предлагалось «оказывать г. Чехову для означенной цели при посещении им тюрем и поселений законное содействие, а в случае надобности предоставить г. Чехову возможность делать разные извлечения из официальных документов (ЦГАЛИ), но одновременно было дано предписание начальникам округов не допускать Чехова к общению с политическими ссыльными. Разговаривать с политическими Чехову удавалось только в присутствии чиновников, состоявших при нем в «роли шпионов» (см. письмо 364 в томе 12 наст. изд. и прим. 2 к нему).

⁴ Привезенные Чеховым переписные карточки хранятся в Отделе рукописей ЛБ и небольшая часть в ЦГАЛИ.

224

¹ Чехов выехал из Корсаковского поста 13 октября.

225

¹ В «Новом времени» 3 декабря 1890 г.

² Г. Глинка.

226

¹ Ф. Я. Долженко.

227

¹ Афиша об исполнявшейся на Сахалине пьесе Лейкина.

² В письме от 5 августа 1890 г. Лейкин сообщал Чехову о рецензентах, обвинявшихся во взяточничестве.

228

¹ Рассказ «Гусев».

² Перевод с английского фантастического романа Эдуарда Беллами «Looking backward» под заглавием «Будущий век»

вышел в 1891 г. в издании А. С. Суворина (перевод Л. Гея) и под заглавием «Через сто лет» в издании Ф. Павленкова (перевод Ф. Зинина).

229

¹ Чехов собирался в Бабкино к Киселевым. Кокленом Младшим Чехов называл Сережу Киселева (Коклен — Старший и Младший — братья, знаменитые французские актеры).

230

¹ Недалеко от Судогды на стеклянном заводе служил учителем И. П. Чехов.

² В «Новом времени» (1891, 11 января) Буренин писал, что «гг. Успенские, Короленки, Чеховы» — «средние писатели», которые «не доходят ни до чего, кроме среднего сочинительства». В статье содержался также прямой намек на Чехова, когда Буренин издевательски помянул писателей, которые разучились «прямо смотреть на жизнь» и «бегут куда глаза глядят, в Сибирь, за Сибирь — во Владивосток, на Сахалин...»

³ Прозвище знакомой Чеховых Д. М. Мусиной-Пушкиной.

⁴ Сборник рассказов «Детвора» в издании «Дешевая библиотека» Суворина.

⁵ Чехов просил Л. С. Мизинову прислать программы для сахалинских школ.

231

Кони Анатолий Федорович (1844—1927) — юрист, судебный и общественный деятель либерально-демократического направления. В 1885—1891 гг. Кони был обер-прокурором кассационного департамента Сената, затем сенатором. Автор многих научных работ, полемических статей. Наиболее известны его «Судебные речи» и мемуары «На жизненном пути». Знакомство Чехова с Кони произошло в 1891 г. В 1924 г. Кони написал воспоминания о Чехове, в которых подробно остановился на значении поездки Чехова на Сахалин (сб. «А. П. Чехов», «Аттеней», 1925).

¹ Этому вопросу посвящена часть главы XVII «Острова Сахалина».

¹ Книга «Разговоры Гете, собранные Эккерманом» в переводе Д. В. Аверкиева тогда только что вышла в издании Суворина.

² Чехов писал повесть «Дуэль». Упоминание о разговорах Гете с Эккерманом не сохранилось в окончательной редакции повести.

³ См. прим. 2 к письму 230.

⁴ В «Новом времени» 2 февраля 1891 г. напечатана рецензия Суворина на постановку в Александринском театре пьесы Е. П. Карпова «Жрица искусства» с резко отрицательным отзывом о пьесе и ее авторе.

⁵ В «Новом времени» 5 февраля 1891 г. напечатана очередная статья из серии «Маленькие письма» Суворина по поводу послесловия Л. Н. Толстого к «Крейцеровой сонате». Суворин писал, что Л. Н. Толстой, «став на место» героя повести Позднышева, «ослабил значение и силу «Крейцеровой сонаты».

⁶ В том же номере «Нового времени» напечатан рассказ Ги де Мопассана «Франсуаза» в обработке Л. Н. Толстого.

⁷ Насте Сувориной.

¹ Пьеса Сарду «Термидор» исполнялась приехавшей на гастроли французской труппой в петербургском Михайловском театре.

² Повесть «Дуэль».

³ О. П. Кундасова давала Чехову уроки французского языка.

⁴ 22 февраля состоялся второй спектакль «Рюи-Блаза» (драма В. Гюго) в Малом театре. Исполнявший главную роль А. И. Южин успеха не имел.

⁵ Не выяснено.

⁶ Чехов хотел снять дачу в усадьбе Рошфор.

¹ На XIX передвижной выставке были экспонированы картины И. И. Левитана: «Тихая обитель», «Ветхий дворик», «Баргетто (в Италии)».

235

Чехов Иван Павлович (1861—1922) — брат А. П. Чехова, педагог.

¹ См. прим. 1 к письму 230.

236

¹ М. П. Чехову, служившему податным инспектором.

² Т. е. с виолончелью.

237

¹ А. С. Киселеву.

238

Измененная цитата из стихотворения А. С. Пушкина «Воспоминание».

² Рассказ Уйда «Дождливый июнь», в переводе М. П. Чехова, напечатан в «Вестнике иностранной литературы», 1891, кн. V.

³ См. прим. 4 к письму 68.

⁴ Вероятно, шутка.

239

¹ Усадьба Рошфор находилась недалеко от Богимова, где поселился Чехов.

² «Климат Александровского округа» — в VII главе «Острова Сахалина».

³ «Мамаево шествие» — комедия в трех действиях И. Л. Щеглова.

⁴ Имеется в виду водевиль Щеглова «Дачный муж».

⁵ Филоксера — прозвище А. Л. Флексера (Волынского).

⁶ Была издана переписка Спинозы, которую перевела с латинского Л. Я. Гуревич под редакцией и с примечаниями А. Л. Волынского.

¹ Речь идет о корректуре второго издания сборника «Пестрые рассказы».

Шаврова Елена Михайловна (1874—1937) — писательница. Печаталась под псевдонимами Е. Шастунов, Е. Шавров, Е. Ш. и Е. М. Ш. Познакомилась с Чеховым в 1889 г. в Крыму. Чехов редактировал рассказы Шавровой, давал ей литературные советы, содействовал помещению ее рассказов в «Новом времени», «Русской мысли», «Артисте» и др. изданиях. Шаврова оставила воспоминания о Чехове (хранятся в Отделе рукописей ЛБ).

¹ Рассказ Шавровой «У гадалки» напечатан в «Новом времени» 24 мая 1891 г.

² Шаврова писала Чехову 5 апреля 1891 г. о своем намерении писать роман по материалам варшавского судебного процесса об убийстве артистки Висновской ее любовником Бартевым.

Мизинова Лидия Стахиевна (1870—1937) — близкая приятельница сначала М. П. Чеховой, а затем и всей семьи Чеховых. По окончании гимназии была учительницей в гимназии Ржевской, где и познакомилась с М. П. Чеховой. Воспоминания современников, а также переписка Чехова с Мизиновой помогают понять их отношения. М. П. Чехова сообщает в своих воспоминаниях: «Между Ликой и Антоном Павловичем в конце концов возникли довольно сложные отношения. Они очень подружились и похоже было, что увлеклись друг другом...» (см. М. П. Чехова, Из далекого прошлого, М. 1960, стр. 143).

Червинский Федор Алексеевич (1864—1917) — петербургский адвокат и писатель С Чеховым познакомился в 1889 г. Оставил воспоминания о Чехове (см. «Понедельник народного слова», 1918, 13 мая).

¹ Сведения о том, что Чехов выехал в Таганрог, получены Червинским в адресном столе.

² Червинский написал Чехову 11 июня о своем удрученном состоянии в связи с появившейся в газете «Новости и биржевая газета» (1891, 30 мая) рецензией А. Скабичевского на пьесу в стихах Червинского «В глуши» («Северный вестник», 1891, № 5): «Старичок обиделся на меня за пьесу и сыплет разными нехорошими словами. Говорит, что буде я научусь со временем писать «сносно и удобочитаемо», то устыжусь столь гнусного дебюта... Говорит, что все скопировано с «Горя от ума» чуть не дословно. Обидно впрочем не это, а то, что какое-то личное раздражение чувствуется, заставляющее уклоняться от истины и бросать на ветер фразы, принимаемые, надо думать, добродетельными читателями «Новостей» за чистую монету...»

244

¹ Повесть «Дуэль»

² Роман «Les trois coeurs» («Три сердца»), Париж, 1890.

³ Лессингом Чехов шутя называл П. М. Свободина за его пристрастие к книге Лессинга «Гамбургская драматургия». 18 июля Свободин писал Чехову, что он дописывает для журнала «Артист» театральные очерки «Лищедеи» («Артист», 1891, № 12, 13, 15 и 18).

⁴ Имеется в виду Горный департамент, которым управлял К. А. Скальковский.

245

¹ Повесть «Дуэль».

² Имеются свидетельства современников, что Чехов предлагал повесть «Дуэль» журналу «Вестник Европы», который отказался ее печатать.

246

¹ И. П. Чехов из Судогды был переведен в Москву, в Петровско-Басманное училище.

² «Дуэль».

³ Рассказ Ежова «Пытка (Впечатления подсудимого)» напечатан 13 августа 1891 г. в «Новом времени».

⁴ О поездке В. О. Кононовича в Петербург Чехов сообщил А. В. Щербак (в письме от 1 августа 1891 г.).

247

¹ Статья Н. К. Михайловского «Письма о разных разностях» («Русские ведомости», 1891, 23 августа).

² В брошюре «Пародия науки» (М. 1891) К. А. Тимирязев выступил против профанирования науки, имея в виду организованную московским зоологическим садом под руководством проф. А. П. Богданова ботаническую опытную станцию.

³ Фельетон «Фокусники».

⁴ Чехов ездил в Москву, посетил зоологический сад и лично убедился в антинаучной постановке дела.

⁵ См. прим. 2 к письму 245.

⁶ У Ал. П. Чехова родился сын Михаил (будущий артист).

248

¹ Повесть «Дуэль».

² В окончательной редакции — Лаевский.

³ За постановку водевиля «Медведь» из Общества русских драматических писателей и оперных композиторов.

⁴ Упомянутая глава до опубликования «Острова Сахалина» напечатана в сборнике «Помощь голодающим», изд. «Русских ведомостей», М. 1892.

⁵ Книга Щербака не была издана.

⁶ Фельетон «Фокусники».

249

¹ Для повести «Дуэль».

² Речь идет о послесловии к «Крейцеровой сонате».

³ Чехов имеет в виду письма к А. О. Смирновой-Россет (жене калужского губернатора) в «Выбранных местах из переписки с друзьями» Н. В. Гоголя.

⁴ «Холстомер» — рассказ Л. Н. Толстого.

¹ Рассказ для журнала «Север», редактором которого с 1891 г. был В. А. Тихонов.

² Позднышев — главное лицо в повести Л. Н. Толстого «Крейцера соната».

¹ Чехов пишет о рассказе Шавровой, присланном ему в рукописи.

Альбов Михаил Нилович (1851—1911) — писатель. С 1891 г. редактор «Северного вестника».

¹ Эту повесть, позднее озаглавленную «Рассказ неизвестного человека», Чехов писал еще в 1887—1888 гг., но оставил ее, а в 1891 г. вернулся к работе над ней.

¹ Очередной фельетон Суворина из серии «Маленькие письма» — по поводу обвинения губернатором Н. М. Барановым крестьян в «лености» («Новое время», 1891, 19 октября).

² Чехов писал рассказ «Жена» для сборника «Помощь голодающим».

³ В Нижегородскую губернию для организации помощи голодающим.

⁴ Чехов говорит о полемике между профессором П. А. Висковатовым, опубликовавшим найденный им список якобы последней редакции поэмы Лермонтова «Демон», и А. С. Сувориным, напечатавшим по этому поводу фельетон «Подделка поэмы «Демон»» («Новое время», 24 сентября 1891 г.). Висковатов ответил Суворину в «Новостях и биржевой газете» (11 октября 1891 г.), что вызвало второй фельетон Суворина «Еще о подделке «Демона»» («Новое время», 16 октября 1891 г.).

⁵ Вероятно, Ф. К. Бернанда.

⁶ Рассказ Ежова «Мелкие натуры» напечатан в «Новом времени», 1891, 24 декабря.

¹ См. письмо 252 и прим. 1 к нему.

² Чехов писал рассказ «Жена», который предполагал дать в сборник «Помощь голодающим», но отдал его в «Северный вестник», а в сборник — главу о беглых и бродягах из «Острова Сахалина» (гл. XXII).

¹ 23 октября Ал. П. Чехов писал брату: «Никогда на твою главу не падало столько ругани (со стороны сотрудников «Нового времени». — *Н. Г.*), сколько теперь — после того, как твоя «Дуэль» заняла фельетоны вторников и сред». В номере от 22 октября, где напечатано начало «Дуэли», редакция поместила следующее примечание: «Повесть А. П. Чехова займет ряд фельетонов. Мы постараемся печатать ее непременно в назначенные дни, именно во вторник и среду каждой недели» (см. письмо 257).

Линтварева Наталья Михайловна (1863—1943) — о ней см. письмо 108 и прим. 5 к нему.

¹ См. прим. 3 к письму 253.

² Ф. Я. Долженко.

³ У Чеховых гостили Н. М. Линтварева и А. И. Смагин, которого Чехов называл шахом персидским.

¹ См. письмо 255 и прим. к нему.

¹ Был послан рассказ «Великий человек», который в печати появился под заглавием «Попрыгунья» (см. письмо 264).

² Чехов просил высылать журнал «Север» в Таганрог дяде Митр. Е. Чехову.

¹ Суворин, по просьбе Чехова, посылал ему рукописи рассказов, нуждающихся в редактировании. Один из присланных рассказов — «Индийская легенда» Лебедева — напечатан в приложениях к «Новому времени», 1891, 30 ноября.

² Чехов написал фельетон «В Москве».

Корректурa отдельного издания «Каштанки». Включена новая глава «Беспокойная ночь» и сняты два персонажа, которые были первоначально введены для отдельного издания.

² Рукописи, отредактированные Чеховым. См. прим. 1 к письму 259.

³ В Архиве А. П. Чехова (ЛБ) хранятся полученные Чеховым в эти дни письмо-рецензия о «Дуэли» П. А. Воеводского, письмо из Петербурга от литератора В. Г. Сысоева. Последний писал, что ни в русской, ни в иностранной литературе он не встречал таких рассказов, как «Дуэль» Чехова: «Ваш рассказ было радостно, свободно и больно читать. Вы являетесь в нем таким изящным художником, таким верным изобразителем теперешней жизни и теперешних людей, таким смелым проповедником оригинальных и гуманных идей, что первая мысль — мысль о Вас, благодарность Вам и гордость тем, что у нас есть такие люди, как Вы».

⁴ Рассказ «Жена».

⁵ В связи с болезнью постоянного московского фельетониста «Нового времени» А. Д. Курелина в номерах от 23 и 30 ноября 1891 г. напечатаны фельетоны «Московские присловья» за подписью «Акакий Московский», принадлежавшие, вероятно, самому Суворину.

Егоров Евграф Петрович — земский начальник в Нижегородской губернии, бывший артиллерийский офицер. Познакомился Егоров с семьей Чеховых в начале 80-х годов в Воскресенске, где тогда стояла бригада, в которой он служил.

¹ Поездка к Егорову в Нижегородскую губернию для организации помощи голодающим состоялась в январе 1892 г.

² Л. Н. Толстой организовал столовые в голодающих губерниях.

³ См. письмо 262.

⁴ Из письма Чехову Мережковского от 16 декабря 1891 г. видно, что Чехов пытался получить для этой цели ссуду в Литературном фонде.

262

Смагин Александр Иванович — помещик Полтавской губ., владевший совместно с братом и сестрой усадьбой Бакумовка, близ Сорочинец, земский начальник. Знакомство с Чеховым состоялось летом 1888 г., когда Чеховы жили на Луке у Линтваревых, родственников Смагиных.

¹ М. П. Чехова должна была уехать в усадьбу к Смагиным для осмотра продававшегося близ г. Сорочинцы хутора.

263

¹ Суворин прислал Чехову свой рассказ «В конце века», который затем был напечатан в «Новом времени» (1891, 25 декабря).

² Чеховский вариант окончания рассказа неизвестен.

³ См. прим. 1 к письму 262.

265

Андреевский Сергей Аркадьевич (1847—1919) — адвокат, поэт, переводчик и литературный критик.

¹ «Защитительные речи», Спб. 1891, и сборник «Стихотворения», Спб. 1886.

² «Дело Цедербаума с Лютостанским» — см. в книге «Защитительные речи».

³ «Дело Меньщикова. Покушение на убийство товарища и на самоубийство» и «Дело Назарова. Защита в Кассационном сенате» — см. в книге «Защитительные речи».

Авилова Лидия Алексеевна (1864—1943) — писательница. С Чеховым познакомилась в 1889 г. в Петербурге. Воспоминания Авиловой «А. П. Чехов в моей жизни» см. в сб. «А. П. Чехов в воспоминаниях современников», Гослитиздат, М. 1960.

¹ Рукопись рассказа «Вернулся».

¹ Чехов ездил в Воронежскую губернию для организации помощи голодающим.

² Чехов покупал имение Мелихово в Серпуховском уезде, близ ст. Лопасня Московско-Курской ж. д.

³ Тихонов собирался напечатать биографические данные о Чехове при его портрете в журнале «Север».

¹ См. прим. 2 к письму 267.

² Художник Н. П. Сорохтин.

³ Чехов говорит об одном из фельетонов Суворина «Маленькие письма» в «Новом времени» (1892, 26 февраля).

⁴ Статья А. И. Урусова о повести Чехова «Дуэль» под названием «Notules sur l'actualité Russe» во французском журнале «La Plume», 1892, № 67.

Урусов Александр Иванович (1843—1900) — адвокат, театровед и литературный критик. Председатель Общества любителей драматического искусства.

¹ Л. С. Мизинова.

² Урусов прислал Чехову отпечаток статьи о нем (см. прим. 4 к письму 268) с надписью: «Антону Павловичу Чехову от искреннего почитателя А. Урусова, 1892, февр. 27».

³ Шаврова писала Чехову 24 февраля 1892 г.: «Я вовсе не прочь поступить в Общество искусства и литературы,— но с тем только, конечно, чтобы быть там деятельным членом».

В следующем письме Шаврова писала, что познакомилась с Урусовым и зачислена в члены Общества: «Князь очень симпатичный, и цели, которые он хочет поставить Обществу, мне очень нравятся». «Будем играть «Лешего».

270

¹ Отзыв о рассказе «Вернулся» см. в письме 266.

271

¹ 3 февр.— описка Чехова. Следует: 3 марта.

² «Пучина» — пьеса А. Н. Островского.

³ Вероятно, у Чехова был замысел написать пьесу из венецианской жизни. Мережковский, встречавшийся с Чеховым в Венеции, спрашивал его в письме от 14 сентября 1891 г.: «Написали драму из венецианской жизни «Мария Фальери?»»

272

¹ Редактору «Недели» М. О. Меньшикову.

² Повесть Щеглова «Около истины» напечатана в «Русском вестнике», 1892, № 2.

273

¹ «Легендарные характеры» напечатаны в февральской книжке «Русского обозрения» за 1892 г.

² Статью Д. И. Писарева «Пушкин и Белинский».

274

¹ По поводу этой сплетни о Чехове и своего письма к нему Авилова писала в воспоминаниях (см. «А. П. Чехов в воспоминаниях современников», Гослитиздат, М. 1960, стр. 212).

¹ Ал. П. Чехов редактировал журнал «Пожарный».

² Вместо — фальсификацией молока.

³ Граф А. Д. Шереметьев, основатель журнала «Пожарный».

Гославский Евгений Петрович (1861—1917) — беллетрист и драматург. В 80-х годах работал в юмористических журналах одновременно с Чеховым.

¹ Пьеса «Солдатка» (под заглавием «В разлуке») была напечатана в журнале «Артист», 1894, № 41.

² Пьеса «Богатей» напечатана в «Артисте», 1891, № 18.

¹ Дом, в котором жила С. П. Кувшинникова.

¹ Мелита и Сафо — персонажи трагедии Грильпарцера «Сафо», которая шла в сезон 1892 г. в московском Малом театре. Чехов шутя называл этими именами Л. С. Мизинову и С. П. Кувшинникову.

² Л. С. Мизинова должна была, по просьбе Чехова, перевести на русский язык немецкую пьесу.

¹ Повесть «Палата № 6».

² Вероятно, пьесу «Портсигар». См. письмо 284.

³ Повесть А. Додэ в русском переводе, под заглавием «После развода (Rose et Ninette). Современные нравы» напечатана в журнале «Труд», 1892, № 3 (перевод И. И. Ясинского) и под заглавием «Развод (Современные нравы)» в «Русском обозрении», 1892, № 1 и 2 (перевод П. Гальперина-Каминского).

¹ Ге-ге — прозвище Е. Д. Былим-Келосовского.

² Анемаиса — А. Э. Чалева.

¹ Чехов писал повесть «Палата № 6».

¹ Чехов написал басню в альбом Саши Киселевой в июне 1887 г.

² С. П. Кувшинникова.

³ «Палата № 6».

Быков Петр Васильевич (1843—1930) — критик и библиограф, редактор журналов «Всемирная иллюстрация», «Русское богатство» и «Современник». Под его редакцией выходили собрания сочинений многих писателей. В собрании сочинений Чехова (издание А. Ф. Маркса) под редакцией Быкова вышли дополнительные тома XVI—XXII.

¹ В журнале «Всемирная иллюстрация» в номере от 25 апреля 1892 г. на первой странице напечатана кричащая реклама о рассказе «В ссылке».

¹ В письме Суворину от 28 мая Чехов писал, что к ним в Мелихово приехали «сразу три барышни».

² Повесть «Соседи».

³ А. Н. Плещеев, дочь которого была невестой Сталь фон Гольштейна.

⁴ Обитатели села Коршева, где жили родственники Суворина. Чехов познакомился с ними во время пребывания в Воронежской губернии.

¹ О. П. Кундасова.

¹ Письмо к Чехову от 26 июня Мизинова закончила словами: «Пишите, голубчик, побольше, право, это ни к чему не обяжет Вас, а мне так приятно получать письма от Вас».

² Знакомые Мизиновой, которых она упоминает в том же письме.

³ К. И. Мамуна.

⁴ В. М. Лавров писал Чехову 23 июня: «Наш общий друг Павел Матвеевич Свободин говорил мне о Вашем намерении дать в «Русскую мысль» свой рассказ. Конечно, Ваше произведение найдет самый радушный прием на страницах «Русской мысли» и, кроме того, раз навсегда покончит печальное недоразумение, возникшее между нами года два тому назад (см. письмо 208 и прим. к нему.—*Н. Г.*). Тогда, по горячим следам, я собирался отвечать на Ваше письмо, хотел было уверить Вас, что у меня, да и вообще у всех нас не было ни малейшего чамерения проявить свое недоброжелательство к Вам, как к писателю и человеку, что редактируемый мною журнал всегда с величайшим сочувствием следил за Вашей литературною деятельностью...»

⁵ «Рассказ неизвестного человека».

⁶ С. П. Кувшинниковой.

¹ Д-р П. И. Куркин вспоминает об участии Чехова в борьбе с холерной эпидемией: «Обязанности земского врача были приняты в полном объеме. Антон Павлович делается обязательным членом уездного санитарного совета и посещает с полной аккуратностью все его заседания в г. Серпухове и в земских лечебницах уезда. Он включается в состав всех комиссий по вопросам школьной и фабричной санитарии его района, осматривает школьные здания, фабричные помещения и т. д. В с. Мелихове он ведет у себя регулярный прием проходящих больных» («Общественный врач», 1911, № 4).

² В апреле 1892 г. Чехов послал в «Осколки» три юмористических рассказа: «История одного торгового предприятия», «Отрывок» и «Из записной книжки старого педагога», а в мае послал еще один рассказ — «Рыбья любовь». За эти рассказы он и должен был получить гонорар.

288

¹ В письме от 2 июля Мизинова писала: «Даже если бы я захотела показать письмо Ваше какой-нибудь тетушке, то, вероятно, она пожалела бы меня за то, что кроме иронии я ничего не заслуживаю... Для чего это Вы так усиленно желаете напомнить мне о Левитане и о моих якобы «мечтах». Я ни о ком не думаю, никого не хочу и не надо мне. Я, должно быть, буду типичной старой девой, потому что чувствую в себе задатки этой нетерпимости и власти».

289

¹ М. П. Чехова гостила у Линтваревых на Луке.

290

¹ См. прим. 2 к письму 278.

291

¹ О. П. Кундасова.

² Поскольку письмо Суворина неизвестно, нельзя установить, о чем идет речь.

³ Эти слухи не соответствовали действительности. Рабочие забастовки, происходившие на экономической и политической почве, административным и полицейским властям было выгоднее выставлять как «холерные бунты». Происходившие в некоторых районах в самом деле холерные бунты были спровоцированы кулацкими элементами.

292

¹ Священник Н. Ф. Некрасов.

684

¹ П. М. Свободин умер 9 октября во время спектакля в Михайловском театре.

² В одном из неопубликованных писем Свободин писал Чехову 21 августа 1891 г.: «Год от году сильнее сказывается у меня желание уйти из театра и год от году сильнее я убеждаюсь в невозможности уйти из него. Что-то невыносимо болезненное гнездится и в душе и в уме, и жизнь становится просто невыносимо. Мне кажется, взглянуть со стороны на такое пакостное существо, как Ваш покорнейший Paul Mathias, ужасно противно. Ну и ладно. А мне противно в театре. Я люблю небо, деревья, воду, воздух, птиц, карданах, хороших людей, и ненавижу все то, что мне заслоняет их. О свободе я уж и не говорю. А одиночество? вечное одиночество посреди толпы людей...»

³ «Палата № 6» и «Рассказ неизвестного человека».

⁴ См. прим. 4 к письму 286.

⁵ С. И. Шаховской был внуком декабриста Ф. П. Шаховского, умершего в 1829 г.

⁶ По просьбе Суворина, Чехов сократил книгу А. Дюма «Граф Монте-Кристо» и еще 28 мая писал Суворину: «Что мне делать с Монте-Кристо? Я сократил его так, что он стал похожим на человека, перенесшего тиф. Из толстяка получился худосочный субъект. Первая часть, пока граф не богат, очень интересна и сделана хорошо, вторая же, за малыми исключениями, невыносима, ибо в ней Монте-Кристо делает и говорит одни только высокопарные глупости. Но роман в общем эффектен».

Меньшиков Михаил Осипович (1859—1918) — публицист. В 30-х гг. редактор и сотрудник либерально-народнической газеты «Неделя». С 1901 г. постоянный сотрудник «Нового времени», крайний реакционер. Переписка с Чеховым началась в 1892 г., прервалась в 1901 г. В последние годы жизни Чехов резко отзывался о статьях Меньшикова (см. воспоминания С. Я. Елпатьевского в сб. «А. П. Чехов в воспоминаниях современников», М. 1960, стр. 580). Меньшиков написал воспоминания о Чехове, опубликованные в «Новом времени», 1904, 11 июля.

¹ Статья Меньшикова «О чтении» напечатана в «Книжках Недели», 1892, октябрь.

¹ Критику повести Щеглова «Около истины» см. также в письме № 279. В письме к И. И. Ясинскому от 16 апреля 1892 г. Чехов назвал повесть Щеглова «мракобесием 84-й пробы».

² «Соседи» и «Рассказ неизвестного человека».

³ В газете «Неделя» 18 октября 1892 г. напечатана заметка о переезде Щеглова во Владимир. В ней упоминалась и жена Щеглова.

¹ Повесть Н. М. Гарина-Михайловского печаталась в «Русской мысли», 1892, кн. 3—6.

² «Рассказ неизвестного человека».

³ «Дневник Марии Башкирцевой» напечатан в «Северном вестнике», 1892, кн. 1—12.

⁴ Чехов имел в виду, вероятно, фельетоны А. В. Амфитеатрова в «Новом времени».

¹ «Рассказ неизвестного человека».

² В Архиве А. П. Чехова (ЛБ) имеется два письма А. А. Суворина по поводу статьи доктора Святловского, которую он хотел с помощью Чехова сократить или разделить «на несколько писем строк по 220». Видимо, в не дошедшем до нас письме к А. А. Суворину Чехов высказался против ее сокращения и деления. Статья В. Святловского «Как живут и умирают врачи» напечатана в «Новом времени», 1892, 15 декабря.

³ Пигасов — персонаж из романа Тургенева «Рудин».

⁴ Чехов смотрел трагедию Байрона «Манфред» с участием немецкого трагика Поссарта 4 февраля 1887 г.

¹ Имеется в виду рассказ Григоровича «Гуттаперчевый мальчик».

² В письме от 22 ноября Ежов писал Чехову: «Будьте доб-

ры, отвезите А. С. мои рассказы, сами выберите шрифт, цвет обложки и т. п. Будьте, одним словом, христиански милостивым восприимником печатаемого в будущем сборника».

299

¹ Статья В. Крылова «Очерки театрального дела в Европе» напечатана в «Русской мысли», 1892, кн. XI и XII.

² Протест был вызван появлением в «Новом времени» (17 октября 1892 г.) фельетона Амфитеатрова, посвященного судебному делу, которое возникло из-за попытки убийства на личной почве журналистом Коганом журналиста Ракшанина. Их отношения были высмеяны Амфитеатровым и названы в фельетоне «мещанской трагедией». Чехову писал Н. М. Ежов 29 ноября 1892 г.: «12 московских литераторов (Вл. Данченко, Гурлянд и другие) подавали Суворину какое-то прошение на Амфитеатрова за его фельетон о Ракшанине».

300

¹ Рассказ П. Боткина был прислан Сувориным Чехову на редактирование.

² О. П. Кундасова.

³ Судя по заметкам в записной книжке, это может быть повесть «Три года» или [Начатая, но оставленная повесть] (см. письмо 240).

СОДЕРЖАНИЕ

1877

- 1 М. М. Чехову. *10 мая* 5
- 2 М. М. Чехову. *29 июля* 6

1879

- 3 М. П. Чехову. *Между 6 и 8 апреля* 8

1883

- 4 Н. А. Лейкину. *12 января* 9
- 5 Ал. П. Чехову. *20-е числа февраля* 11
- 6 Н. А. Лейкину. *Март, после 2-го* 18
- 7 А. Н. Канаеву. *26 марта* 19
- 8 Н. А. Лейкину. *Апрель, после 17-го* 21
- 9 Ал. П. Чехову. *13 мая* 23
- 10 Н. А. Лейкину. *Начало июня* 27
- 11 Н. А. Лейкину. *25 или 26 июня* 29
- 12 Н. А. Лейкину. *Между 21 и 24 августа* . . . 30
- 13 Н. А. Лейкину. *19 сентября* 31
- 14 Ал. П. Чехову. *Между 15 и 20 октября* . . . 33
- 15 Н. А. Лейкину. *10 декабря* 36

1884

- 16 Н. А. Лейкину. *5 или 6 февраля* 37
- 17 Н. А. Лейкину. *12 или 13 февраля* 39
- 18 Н. А. Лейкину. *25 июня* 40

19. Н. А. Лейкину. 27 июня	43
20. Н. А. Лейкину. 4 ноября	46
21. Н. А. Лейкину. 16 ноября	48
22. Н. А. Лейкину. 26 ноября	50

1885

23. Н. А. Лейкину. 22 марта	51
24. Н. А. Лейкину. 9 мая	54
25. М. П. Чехову. 10 мая	55
26. П. Г. Розанову. Июнь	58
27. Н. А. Лейкину. 30 сентября	59
28. Н. А. Лейкину. 12 октября	61
29. Н. А. Лейкину. 20 октября	63

1886

30. Ал. П. Чехову. 4 января	64
31. В. В. Билибину. 1 февраля	66
32. В. В. Билибину. 14 февраля	69
33. Н. А. Лейкину. 16 февраля	71
34. А. С. Суворину. 21 февраля	73
35. Н. А. Лейкину. 4 марта	74
36. Д. В. Григоровичу. 28 марта	76
37. Н. П. Чехову. Март	79
38. Н. А. Лейкину. 6 апреля	83
39. Ал. П. Чехову. 6 апреля	85
40. М. Е. Чехову. 11 апреля	88
41. Ал. П. Чехову. 10 мая	92
42. Н. А. Лейкину. 30 июля	94
43. М. В. Киссевой. 21 сентября	96
44. М. В. Киссевой. 29 сентября	98
45. Н. А. Лейкину. 30 сентября	100
46. Н. А. Лейкину. 23 октября	102
47. А. С. Суворину. 21 декабря	103
48. Н. А. Лейкину. 24 декабря	104

1887

49. Н. А. Лейкину. 12 января	105
50. М. В. Киссевой. 14 января	107
51. Ал. П. Чехову. 17 января	112

52.	Н. А. Лейкину. 26 января	114
53.	Н. А. Лейкину. 8 февраля	115
54.	Д. В. Григоровичу. 12 февраля	116
55.	Ф. О. Шехтелю. Между 11 и 14 марта	119
56.	М. В. Киселевой. 17 марта	120
57.	А. С. Суворину. 18 марта	121
58.	Н. А. Лейкину. 7 апреля	123
59.	М. П. Чеховой. 7—19 апреля	124
60.	Н. А. Лейкину. 5 мая	136
61.	М. П. Чеховой. 11 мая	138
62.	Ал. П. Чехову. Между 2 и 5 августа	142
63.	И. А. Белоусову. 3 августа	144
64.	Н. А. Лейкину. 21 августа	145
65.	Н. А. Лейкину. 2 сентября	147
66.	Ал. П. Чехову. 7 или 8 сентября	148
67.	Ал. П. Чехову. Между 6 и 8 октября	150
68.	Ал. П. Чехову. Между 10 и 12 октября	151
69.	В. Г. Короленко. 17 октября	153
70.	Ал. П. Чехову. 24 октября	154
71.	Н. М. Ежову. 27 октября	157
72.	Н. А. Лейкину. 15 ноября	158
73.	Ал. П. Чехову. 20 ноября	159
74.	Ал. П. Чехову. 24 ноября	161

1888

75.	И. Л. Леонтьеву-Щеглову. 1 января	163
76.	В. Г. Короленко. 9 января	164
77.	И. Л. Леонтьеву-Щеглову. 10 января	166
78.	Д. В. Григоровичу. 12 января	167
79.	Я. П. Полонскому. 18 января	170
80.	А. Н. Плещееву. 19 января	173
81.	И. Л. Леонтьеву-Щеглову. 22 января	175
82.	А. Н. Плещееву. 23 января	176
83.	А. Н. Плещееву. 3 февраля	178
84.	А. С. Лазареву-Грузинскому. 4 февраля	179
85.	И. Л. Леонтьеву-Щеглову. 4 февраля	180
86.	А. Н. Плещееву. 5 февраля	182
87.	Д. В. Григоровичу. 5 февраля	183
88.	А. Н. Плещееву. 9 февраля	185
89.	И. Л. Леонтьеву-Щеглову. 10 февраля	187

90.	Н. А. Хлопову. 13 февраля	188
91.	Ал. П. Чехову. Между 15 и 17 февраля	190
92.	И. Л. Леонтьеву-Щеглову. 22 февраля	192
93.	Я. П. Полонскому. 22 февраля	194
94.	А. Н. Плещееву. 23 февраля	195
95.	А. Н. Плещееву. 6 марта	197
96.	М. П. Чехову. 15 марта	198
97.	Я. П. Полонскому. 25 марта	200
98.	К. С. Баранцевичу. 30 марта	202
99.	А. Н. Плещееву. 31 марта	203
100.	А. С. Суворину. 3 апреля	205
101.	А. Н. Плещееву. 9 апреля	207
102.	Л. Н. Трефолеву. 14 апреля	208
103.	А. Н. Плещееву. 17 апреля	210
104.	К. С. Баранцевичу. 25 апреля	212
105.	И. Л. Леонтьеву-Щеглову. 10 мая	213
106.	Н. А. Лейкину. 11 мая	214
107.	В. Г. Короленко. 20-е числа мая	216
108.	А. С. Суворину 30 мая	217
109.	И. Л. Леонтьеву-Щеглову. 9 июня	222
110.	А. Н. Плещееву. 12 июня	224
111.	А. Н. Плещееву. 28 июня	225
112.	А. Н. Плещееву. 5—6 июля	227
113.	М. П. Чеховой. 14 июля	229
114.	И. Л. Леонтьеву-Щеглову. 18 июля	232
115.	М. П. Чеховой. 22 июля	233
116.	А. С. Суворину. 25 июля	235
117.	М. П. Чехову. 28 июля	236
118.	К. С. Баранцевичу. 12 августа	239
119.	А. Н. Плещееву. 13 августа	242
120.	Ал. П. Чехову. 28 августа	243
121.	А. Н. Плещееву. 15 сентября	246
122.	Ал. П. Чехову. 24 сентября	249
123.	А. Н. Плещееву. 4 октября	251
124.	А. С. Суворину. Между 4 и 6 октября	252
125.	Д. В. Григоровичу. 9 октября	254
126.	А. Н. Плещееву. 9 октября	256
127.	Е. М. Линтваревой. 9 октября	259
128.	А. С. Суворину. 10 октября	261
129.	А. С. Суворину. 18 октября	264
130.	А. С. Лазареву-Грузинскому. 20 октября	269

131.	А. С. Суворину. 24 октября	271
132.	А. Н. Плещееву. 25 октября	272
133.	А. С. Суворину. 27 октября	274
134.	Е. М. Линтваревой. 27 октября	278
135.	М. В. Киселевой. 2 ноября	279
136.	А. С. Суворину. 3 ноября	280
137.	А. С. Суворину. 7 ноября	284
138.	А. Н. Плещееву. 10 ноября	287
139.	А. С. Суворину. 11 ноября	288
140.	А. Н. Плещееву. 13 ноября	290
141.	А. С. Суворину. 15 ноября	292
142.	А. С. Суворину. Между 20 и 25 ноября . . .	293
143.	А. С. Суворину. 28 ноября	295
144.	А. П. Ленскому. 8 декабря	296
145.	А. С. Суворину. 23 декабря	297
146.	А. С. Суворину. 26 декабря	302
147.	А. С. Суворину. 30 декабря	305

1889

148.	Ал. П. Чехову. 2 января	313
149.	А. С. Суворину. 7 января	316
150.	Ф. А. Федорову-Юрковскому. 8 января	318
151.	А. Н. Плещееву. 15 января	319
152.	В. А. Тихонову. 10 февраля	321
153.	И. Л. Леонтьеву-Щеглову 18 февраля	322
154.	А. С. Суворину. 5 марта	324
155.	В. А. Тихонову. 7 марта	325
156.	А. М. Евреиновой. 10 марта	326
157.	А. С. Суворину. 11 марта	328
158.	А. С. Суворину. 8 апреля	330
159.	А. Н. Плещееву. 9 апреля	331
160.	Ал. П. Чехову. 11 апреля	333
161.	И. Л. Леонтьеву-Щеглову. 12 апреля	334
162.	А. С. Суворину. 17 апреля	335
163.	А. С. Суворину. Начало мая	336
164.	А. С. Суворину. 4 мая	338
165.	А. С. Суворину. 7 мая	341
166.	Ал. П. Чехову. 8 мая	344
167.	А. Н. Плещееву. 14 мая	346
168.	А. С. Суворину. 14 мая	348

169.	А. С. Суворину. 15 мая	350
170.	Н. А. Лейкину. 22 мая	353
171.	В. А. Тихонову. 31 мая	354
172.	А. Н. Плещееву. 26 июня	356
173.	А. Н. Плещееву. 3 августа	358
174.	Н. А. Лейкину. 13 августа	360
175.	А. М. Евреиновой. 7 сентября	362
176.	А. Н. Плещееву. 14 сентября	363
177.	А. Н. Плещееву. 24 сентября	365
178.	А. Н. Плещееву. 30 сентября	366
179.	П. И. Чайковскому. 12 октября	368
180.	А. С. Суворину. 13 октября	369
181.	П. И. Чайковскому. 14 октября	371
182.	А. С. Суворину. 15 октября	371
183.	А. С. Суворину. 17 октября	373
184.	И. Л. Леонтьеву-Щеглову. 21 октября	375
185.	А. Н. Плещееву. 21 октября	376
186.	А. С. Суворину. 28 октября	378
187.	А. С. Лазареву-Грузинскому. 1 ноября	380
188.	А. М. Евреиновой. 7 ноября	382
189.	Н. А. Лейкину. 7 ноября	383
190.	А. С. Суворину. 12 ноября	385
191.	А. С. Суворину. 18—23 декабря	386
192.	А. С. Суворину. 27 декабря	387

1890

193.	М. Н. Галкину-Враскому. 20 января	389
194.	Н. М. Ежову. 28 января	390
195.	А. Н. Плещееву. 15 февраля	390
196.	М. И. Чайковскому. 16 февраля	392
197.	А. С. Суворину. Между 19 и 21 февраля	394
198.	Ал. П. Чехову. 25 февраля	396
199.	А. С. Суворину. 28 февраля	397
200.	А. С. Суворину. 9 марта	398
201.	А. С. Лазареву-Грузинскому. 13 марта	401
202.	А. С. Суворину. 15 марта	403
203.	М. И. Чайковскому. 16 марта	404
204.	А. П. Ленскому. 16 марта	405
205.	И. Л. Леонтьеву-Щеглову. 22 марта	406
206.	А. С. Суворину. 29 марта	408

207.	А. С. Суворину. 1 апреля	410
208.	В. М. Лаврову. 10 апреля	412
209.	М. П. Чеховой. 23 апреля	414
210.	М. П. Чеховой. 24 апреля	416
211.	М. П. Чеховой. 29 апреля	418
212.	К. Г. Фоти. 3 мая	422
213.	М. П. Чеховой. 14—17 мая	422
214.	А. С. Суворину. 20 мая	437
215.	М. П. Чеховой. 28 мая	441
216.	Ал. П. Чехову. 5 июня	443
217.	Н. А. Лейкину. 5 июня	445
218.	М. П. Чеховой. 6 июня	446
219.	М. П. Чеховой. 13 июня	449
220.	Е. Я. Чеховой. 20 июня	452
221.	М. П. Чеховой. 23—26 июня	456
222.	А. С. Суворину. 27 июня	460
223.	А. С. Суворину. 11 сентября	462
224.	Е. Я. Чеховой. 6 октября	464
225.	А. С. Суворину. 9 декабря	466
226.	И. Л. Леонтьеву-Щеглову. 10 декабря	469
227.	Н. А. Лейкину. 10 декабря	471
228.	А. С. Суворину. 17 декабря	472
229.	И. Л. Леонтьеву-Щеглову. 26 декабря	474

1891

230.	М. П. Чеховой. 14 января	475
231.	А. Ф. Конн. 26 января	476
232.	А. С. Суворину. 6 февраля	478
233.	А. С. Суворину. 23 февраля	480
234.	М. П. Чеховой. 16 марта	481
235.	И. П. Чехову. 24 марта	482
236.	М. П. Чеховой. 25 марта	483
237.	М. В. Киселевой. 1 апреля	485
238.	А. С. Суворину. 10 мая	486
239.	А. С. Суворину. 18 мая	488
240.	А. С. Суворину. 27 мая	489
241.	Е. М. Шавровой. 28 мая	491
242.	Л. С. Мизиновой. 12 июня	492
243.	Ф. А. Червинскому. 2 июля	494
244.	А. С. Суворину. 24 июля	495

245.	А. С. Суворину.	18 августа	496
246.	А. С. Суворину.	18 августа	497
247.	А. С. Суворину.	28 августа	499
248.	А. С. Суворину.	30 августа	501
249.	А. С. Суворину.	8 сентября	503
250.	В. А. Тихонову.	14 сентября	504
251.	Е. М. Шавровой.	16 сентября	505
252.	М. Н. Альбову.	30 сентября	507
253.	А. С. Суворину.	19 октября	508
254.	М. Н. Альбову.	22 октября	510
255.	Ал. П. Чехову.	24 октября	510
256.	Н. М. Линтваревой.	25 октября	511
257.	А. С. Суворину.	25 октября	512
258.	В. А. Тихонову.	30 ноября	514
259.	А. С. Суворину.	30 ноября	515
260.	А. С. Суворину.	3 декабря	517
261.	Е. П. Егорову.	11 декабря	518
262.	А. И. Смагину.	11 декабря	522
263.	А. С. Суворину.	13 декабря	524
264.	В. А. Тихонову.	14 декабря	525
265.	С. А. Андреевскому.	25 декабря	526

1892

266.	Л. А. Авиловой.	21 февраля	527
267.	В. А. Тихонову.	22 февраля	528
268.	А. С. Суворину.	28 февраля	530
269.	А. И. Урусову.	1 марта	532
270.	Л. А. Авиловой.	3 марта	532
271.	А. С. Суворину.	3 марта	534
272.	И. Л. Леонтьеву-Щеглову.	9 марта	535
273.	А. С. Суворину.	11 марта	536
274.	Л. А. Авиловой.	19 марта	538
275.	Ал. П. Чехову.	21 марта	540
276.	Е. П. Гославскому.	23 марта	542
277.	Л. С. Мизиновой.	27 марта	544
278.	Л. С. Мизиновой.	29 марта	544
279.	А. С. Суворину.	31 марта	546
280.	Н. М. Линтваревой.	6 апреля	548
281.	А. С. Суворину.	8 апреля	550
282.	Л. А. Авиловой.	29 апреля	551

283. П. В. Быкову. 4 мая	553
284. А. С. Суворину. 4 июня	553
285. А. С. Суворину. 16 июня	555
286. Л. С. Мизиновой. 28 июня	557
287. Н. А. Лейкину. 13 июля	559
288. Л. С. Мизиновой. 16 июля	560
289. Н. М. Линтваревой. 22 июля	562
290. Л. С. Мизиновой. 27 и 30 июля	564
291. А. С. Суворину. 1 августа	565
292. А. С. Суворину. 16 августа	568
293. А. С. Суворину. 10 октября	572
294. М. О. Меньшикову. 12 октября	574
295. И. Л. Леонтьеву-Щеглову. 24 октября	575
296. А. С. Суворину. 27 октября	577
297. А. С. Суворину. 22 ноября	579
298. А. С. Суворину. 25 ноября	581
299. А. С. Суворину. 3 декабря	584
300. А. С. Суворину. 8 декабря	585
Примечания	591

Антон Павлович

ЧЕХОВ

Собрание сочинений, т. 11

Редактор В Пересыпкина. Художественный редактор И. Жихарев.
Технический редактор Ф. Артемьева, Корректор Е. Патина.

Сдано в набор 8/IX 1962 г. Подписано к печати 4/II 1963 г.
Бумага 84×108¹/₃₂—21,75 печ. л. 35,67 усл. печ. л. Уч.-изд.
л. 32,76+1 вкл.=32,81 л. Тираж 588 000 (100 001—300 000) экз.
Заказ № 3347. Цена 1 р. 28 к.

Гослитиздат. Москва, Б-66, Ново-Басманная, 19

Первая Образцовая типография имени А. А. Жданова
Главполиграфпрома

Государственного комитета Совета Министров СССР
по печати

Москва, Ж-54, Валовая, 28.

